

СОРОКЪ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 3.

МАРТЪ, 1909.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас.-Остр., 5 л., 28.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный **М. М. Стасюлевичемъ** въ 1866 году.

ДВѢСТИ-ПЯТЬДЕСЯТЪ-ШЕСТОЙ ТОМЪ

СОРОКЪ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ II.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ЗНАМЕНСКАЯ, 34.

Главная Контора журнала:
Васильевскій-Островъ, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
Петербургская-Сторона,
Кронверкская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1909

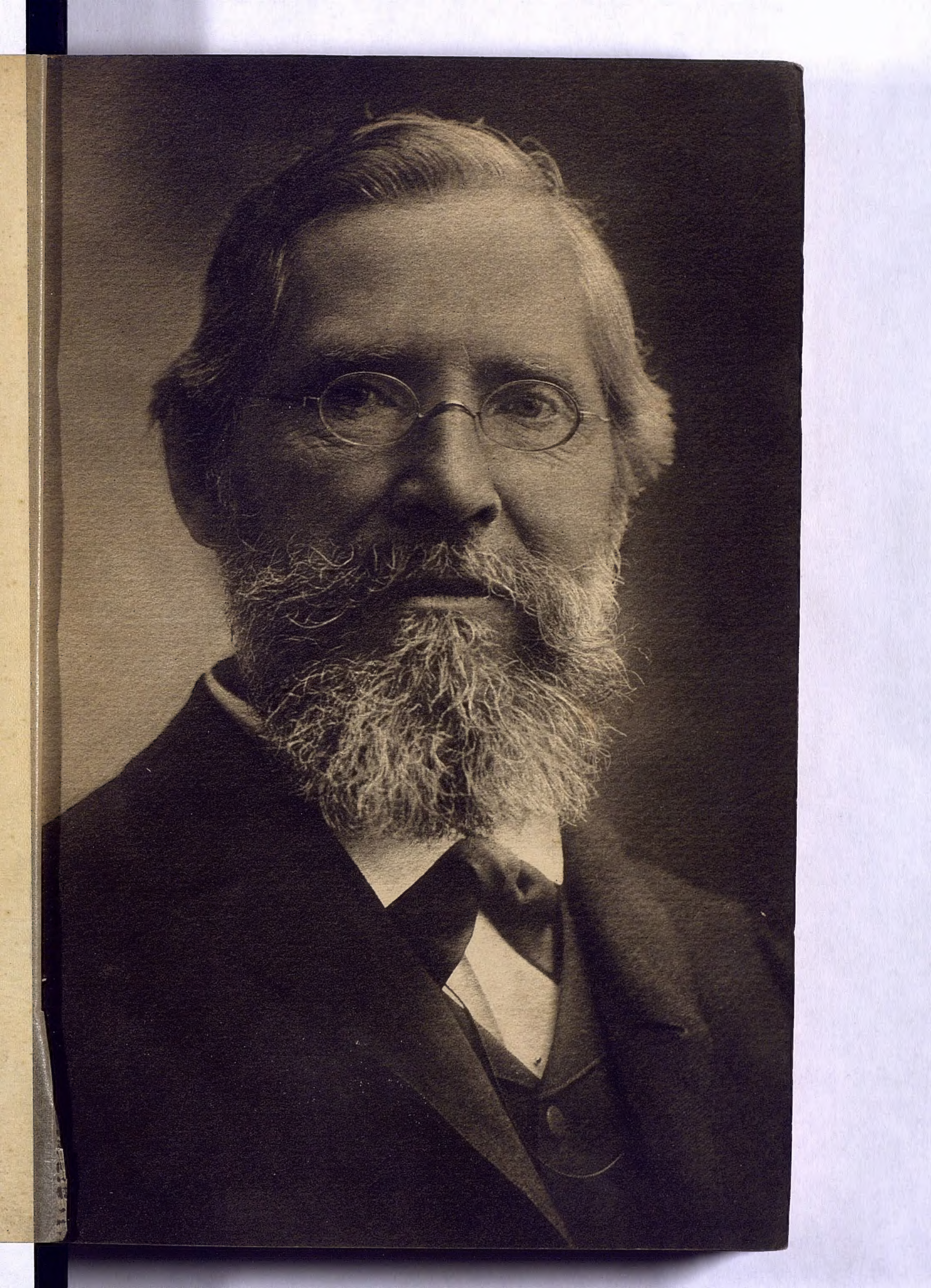
3849

Александръ Ивановичъ Чупровъ.

(6 февр. 1842 г. — 24 февр. 1908 г.)

Съ фотографіи.

«Вѣстникъ Европы», 1909 г.

МУЗЫКА
И
ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЯ ИДЕИ

I.

Существуетъ общераспространенное мнѣніе, что музыка — искусство реакціонное. Въ радикальныхъ и либеральныхъ кругахъ общества къ условіямъ хорошаго тона, такъ сказать, принадлежитъ пренебрежительное отношеніе къ музыкѣ, какъ искусству сладкихъ звуковъ, служащему лишь для самоуслажденія праздныхъ тунеядцевъ, усыпляющему энергію и волю и потому противообщественному. Господствуетъ убѣжденіе, что она процвѣтаетъ во времена упадка общественныхъ идеаловъ и реакціи, распускаясь пышнымъ цвѣтомъ на почвѣ, отравленной этими общественными недугами. Въ доказательство ссылаются обыкновенно на Бетховена или Шуберта, жившихъ и творившихъ въ Австріи въ мрачную эпоху меттерниховщины, или на другія подобныя историческія совпаденія, забывая, что въ ту же эпоху жили и великіе нѣмецкіе философы Фихте, Шеллингъ, Гегель, ученые — братья Гриммы и Гумбольдты, и другіе дѣятели въ области мысли, несомнѣнно къ единомышленникамъ и пособникамъ Меттерниха не принадлежавшіе. Мы постараемся показать, что ходячее представленіе о музыкѣ, какъ искусствѣ по преимуществу реакціонномъ или по крайней мѣрѣ анти-общественномъ, находится въ несомнѣнномъ противорѣчіи съ дѣйствительными фактами и объясняется просто незнакомствомъ какъ съ самымъ искусствомъ, такъ и съ его исторіей.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что всякое искусство, какъ свободное проявленіе человѣческаго духа, способно стать проводникомъ и орудіемъ освободительной идеи, тѣмъ болѣе такое, какъ музыка—наиболѣе свободное и гибкое отраженіе всѣхъ самыхъ глубокихъ и интимныхъ движеній человѣческой души. Уже одно безгранично-свободное, не знающее никакихъ условныхъ путъ и узъ, исчерпывающее и полное выявленіе жизни человѣческаго чувства, какое мы находимъ въ произведеніяхъ музыкальныхъ геніевъ, имѣетъ возвышающее и освобождающее значеніе. И уже съ этой точки зрѣнія правъ былъ одинъ нѣмецкій историкъ искусства, замѣтившій, что своими симфоніями, расширившими узкія формальныя рамки Моцарто-Гайдновской симфоніи и наполнившими ихъ новымъ, могучимъ содержаніемъ, Бетховенъ провозгласилъ своего рода dies irae Меттерниховской реакціи и является, такимъ образомъ, однимъ изъ дѣятелей нѣмецкаго освобожденія.

Но не только съ этой общей точки зрѣнія музыка, какъ свободная, ничѣмъ не стѣсняемая творческая дѣятельность человѣческаго духа, можетъ стать средствомъ или орудіемъ освободительныхъ идей. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, выясняя взаимныя связи музыки и поэзіи (въ своемъ этюдѣ: „Пушкинъ и русская музыка“), я писалъ: „оба искусства взаимно дополняютъ другъ друга: что̀ не въ силахъ выразить наше блѣдное, сухое, черезчуръ ограниченное въ своей выразительности слово, дающее намъ только какъ бы алгебраическіе символы или голыя схемы извѣстныхъ идей, наполняющіеся живымъ содержаніемъ лишь въ воспринимающей ихъ душѣ (если такое содержаніе живетъ въ ней), то̀ выражаетъ музыка, непосредственно отражающая въ своихъ вибраціяхъ, въ своихъ потокахъ звуковъ и разнообразныхъ звучностей самую пульсацію нашей душевной жизни, всю гамму нашихъ чувствъ, этотъ вѣчный приливъ и отливъ душевныхъ волненій, стремленій, ожиданій и надеждъ, то обманутыхъ, то удовлетворенныхъ. Музыку нерѣдко называютъ языкомъ чувства—и въ самомъ дѣлѣ, между языкомъ словеснымъ, членораздѣльнымъ, и „языкомъ“ музыкальнымъ есть немало аналогій, опредѣленіе которыхъ завело бы насъ теперь слишкомъ далеко. Аналогіи эти позволяютъ называть музыку особымъ всеобщимъ языкомъ, понятнымъ въ большей или меньшей степени всему музыкальному человѣчеству, каковы бы ни были вторичныя, мѣстныя, національныя черты этого языка, постоянно совершенствующагося въ своей гибкости и стремящагося все къ большей и большей выразительности. „Языкъ“ музыки пользуется для своихъ цѣлей музыкаль-

ными звуками, прекрасными уже сами по себѣ, совершенно такъ же, какъ нашъ членораздѣльный, словесный языкъ пользуется менѣе музыкальными и часто совсѣмъ не прекрасными звуками, издаваемыми нашими органами рѣчи. Оба языка эти, такимъ образомъ, имѣютъ свои особыя средства выраженія, свое особое содержаніе и свои опредѣленныя области примѣненія. Одинъ является по преимуществу органомъ мысли, другой также по преимуществу органомъ чувства"...

Искусство человѣческаго слова даетъ намъ внѣшне-опредѣленныя, довольно сухія формулы и схемы, которыя только указываютъ на извѣстное содержаніе, подводятъ насъ, такъ сказать, къ нему, но въ которыхъ не бьется жизненный нервъ человѣческаго существованія, не слышатся слезы радости или горя, не вздымается волна возмущеннаго, негодующаго или восторженнаго, ликующаго порыва человѣческой души. Обо всей этой жизни чувства, вызвавшей рядъ словъ и предложеній, мы лишь догадываемся по аналогіи, но непосредственно не ощущаемъ ее въ самомъ словѣ, не переживаемъ ее сами... Человѣческое слово въ его современномъ развитіи является, такимъ образомъ, чисто внѣшнимъ, абстрактнымъ и условнымъ символомъ нашихъ идей, символомъ, наполняющимся извѣстнымъ содержаніемъ только въ нашей душѣ. Связь его съ эмоціей, если когда-либо и существовала, въ настоящее время такъ стерта, такъ выдохлась, что мы не можемъ открыть ее путемъ самаго тщательнаго анализа. Напротивъ, въ музыкѣ эта связь звука съ вызвавшей его эмоціей жива до сихъ поръ такъ же, какъ и въ первобытную эпоху возникновенія музыки. Благодаря этой связи, музыкальные звуки, порожденные эмоціей композитора, вызываютъ къ жизни тѣ же эмоціи и въ душѣ слушателя; настроеніе композитора передается и слушателю или исполнителю, зажигая въ его душѣ тотъ же священный огонь, ту же смѣну душевныхъ волненій, то же настроеніе. А разъ это такъ, то очевидно музыка можетъ отражать и тѣ эмоціи, тѣ настроенія и душевныя переживанія, тотъ энтузіазмъ и ту скорбь, которыя зажигаетъ въ человѣческой душѣ одна изъ могущественнѣйшихъ двигательныхъ идей человѣчества—идея свободы. Не удивительно, поэтому, если въ исторіи музыкальнаго искусства мы найдемъ немало указаній на близкую, непосредственную связь музыкальнаго творчества съ идеей свободы и освободительнымъ движеніемъ въ разныхъ странахъ и у разныхъ народовъ.

Наивный геній, дитя-художникъ, чистая и безхитростная душа, безгранично далекая отъ какой бы то ни было рефлексіи и

разъѣдающаго анализа, творившая безсознательно, какъ поетъ птица,—божественный Моцартъ, Рафаэль музыки, какъ его называли, подобно многимъ своимъ современникамъ, тоже заплатилъ дань возвышающей мечтѣ своего времени—франк-масонству, и увѣковѣчилъ это увлеченіе въ извѣстныхъ мѣстахъ своей „Волшебной Флейты". Не всѣ слышавшіе увертюру къ этой оперѣ знаютъ, что троекратные удары всего оркестра въ началѣ ея и рединѣ, передъ такъ называемымъ „проведеніемъ", знаменуютъ тотъ троекратный стукъ, по которому посвящаемый въ масоны допускался въ тайное собраніе вольныхъ каменщиковъ. Аккорды эти, какъ трубные звуки жрецовъ храма Изиды, повторяются и дальше въ маршѣ съ хоромъ, открывающемъ второе дѣйствіе оперы. Спеціально для масонскаго ритуала Моцартомъ были написаны двѣ кантаты: „Радость каменщика" („Maurerfreude") и „Малая франкмасонская кантата" („Kleine Freimaurer Kantate") и, кромѣ того, нерѣдко исполняемая въ концертныхъ залахъ Германіи превосходная похоронная музыка: „Maurerische Trauermusik", для оркестра. Согласно дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, къ масонамъ принадлежалъ и другой великій нѣмецкій композиторъ XVIII в., предшественникъ Моцарта на поприщѣ симфоніи и камерной музыки, Іосифъ Гайднъ, сынъ деревенскаго кузнеца, дѣтски-вѣрующій католикъ, помѣчавшій свои партитуры разными благочестивыми надписями и посвященіями и такой же наивный и простодушный геній, только съ бòльшею наклонностью къ чисто народному, непосредственному, добродушному юмору. Правда, мы не можемъ указать опредѣленныхъ мѣстъ въ музыкальныхъ произведеніяхъ Гайдна, въ которыхъ отразилось бы его масонство, но, несомнѣнно, его простота и скромность, отсутствіе какой-либо претенціозности, прямодушіе и строгое отношеніе къ самому себѣ—словомъ, всѣ истыя масонскія добродѣтели наложили свой отпечатокъ и на общій характеръ его музыкальнаго творчества, дѣтски незлобиваго, ясно открытаго и наивно-простодушнаго.

О республиканскихъ и свободолюбивыхъ убѣжденіяхъ Бетховена мы читаемъ въ его біографіи и письмахъ. Намъ извѣстны его презрительныя и негодующія замѣчанія, полныя ироніи и сарказма, по поводу господствовавшей въ его время реакціи, лицемѣрія высшихъ сферъ, прикрывавшихъ свой эгоизмъ и своекорыстіе личиной христіанства, по поводу Меттерниховскаго шпіонства и мракобѣсія,—такъ же, какъ и его восторженные отзывы объ англійской свободѣ и конституціи. Современники великаго композитора засвидѣтельствовали намъ, что въ интимномъ кругу онъ любилъ вести бесѣды на политическія темы „съ такимъ свѣтлымъ

пониманіемъ, правильной оцѣнкой и ясными взглядами“, какихъ никто не могъ бы предположить въ художникѣ, живущемъ только для своего искусства (свидѣтельство капельмейстера I. фонъ-Зейфрида).

Въ этомъ отношеніи любопытенъ отвѣтъ, данный Бетховеномъ въ 1802 году одному издателю, который предложилъ ему написать „революціонную сонату“ въ pendant къ его извѣстной „патетической“ сонатѣ, изданной въ 1799 году. Выражая свое удивленіе по поводу этого несвоевременнаго предложенія, великій композиторъ писалъ: „во времена революціонной горячки нѣчто въ этомъ родѣ было бы еще возможно, но теперь, когда все стремится войти въ старую колею, и Бонапарте заключаетъ конкордатъ съ папой — такую сонату?! Если бы еще это была обѣдня въ честь Пресвятой Дѣвы Маріи, missa pro sancta Maria, ну, тогда бы я сейчасъ взялъ кисть въ руки и принялся бы писать большими фунтовыми нотами Credo in unum (Вѣрую). Но, Богъ мой, подобную сонату въ эти вновь расцвѣтающія христіанскія времена—ха, ха! Оставьте меня въ покоѣ, изъ этого ничего не выйдетъ!“

Въ разговорѣ съ однимъ посѣтителемъ въ 1820 г., Бетховенъ, показывая рояль, присланный ему въ подарокъ изъ Англіи, восхвалялъ англичанъ, какъ народъ, достойный уваженія, умѣющій не только цѣнить искусство, но и награждать художниковъ, оберегающій свободу своего устнаго и письменнаго слова даже отъ королей и могущественнѣйшихъ министровъ и обходящійся безъ цензуры. При этомъ композиторъ замѣтилъ: „и у меня иногда вырывается задушевное свободное слово, за что меня считаютъ сумасшедшимъ“. Собесѣдникъ Бетховена, разсказывая впослѣдствіи объ этомъ посѣщеніи, прибавляетъ, что композиторъ не стѣснялся въ выраженіи своихъ взглядовъ и высказывался откровенно даже въ публичныхъ мѣстахъ критически и съ сарказмомъ о правительствѣ, полиціи и нравахъ высокопоставленныхъ особъ. Англійская конституція въ его глазахъ была идеаломъ, и ея мѣрку онъ прилагалъ къ каждому политическому явленію. Къ чести австрійской полиціи нужно сказать, что она, изъ уваженія къ великому генію, оставляла композитора въ покоѣ, хотя и знала его убѣжденія, которыхъ онъ не думалъ скрывать. Другой собесѣдникъ Бетховена сообщаетъ съ его словъ такую характеристику современнаго ему положенія вещей. „Счастливы многіе, не ушедшіе дальше Австріи, что они ничего не знаютъ о процвѣтаніи другихъ странъ. Шнеллеръ (историкъ)—превосходный человѣкъ; но онъ получилъ отставку, потому что очень защищалъ

императора Іосифа (либеральнаго Іосифа II). Въ наши времена больше всего цѣнится глупецъ. Обскурантизмъ — вотъ великая система союзнаго совѣта. Тутъ-то и погребена собака, здѣсь-то и подавляютъ просвѣщеніе; ученые могутъ существовать, но они не должны дерзать. Администрація — мѣсто, гдѣ правитъ одна рутина и халатность. Слишкомъ много чиновниковъ, слишкомъ много военныхъ, слишкомъ много золота, слишкомъ много поповъ и слишкомъ мало разума. Дороже всего здѣсь (т.-е. въ Австріи) стоитъ полиція; нѣтъ стола въ самой плохой пивной, за которымъ не сидѣла бы переряженная ищейка".

Если мы вспомнимъ, что музыка для Бетховена была не искусствомъ ушеугодія, а средствомъ высѣкать огонь изъ человѣческаго духа („Die Musik soll dem Menschen das Feuer aus dem Geiste ausschlagen"), высшимъ откровеніемъ человѣческаго духа („Musik ist höhere Offenbarung als alle Weisheit und Philosophie"), то не будемъ удивляться, если его свободныя убѣжденія отразились и въ его музыкальномъ творчествѣ. Уже общее содержаніе Бетховенской музыки, которую можно вкратцѣ охарактеризовать гордымъ девизомъ: per aspera ad astra, даетъ намъ ясное представленіе о его непреклонномъ, титаническомъ духѣ, не отступающемъ передъ трудностями борьбы съ самою судьбою (5-я симфонія) и сохраняющемъ свой высокій строй въ самыхъ тяжкихъ испытаніяхъ. Одна эта доминирующая идея многихъ Бетховенскихъ сонатъ, симфоній, увертюръ и квартетовъ имѣла общее освобождающее значеніе, поддерживая въ слушателяхъ его произведеній такое же возвышенное, героическое настроеніе. Герои же гибнутъ, но не дѣлаются рабами... И кто знаетъ, сколько было поклонниковъ Бетховенскаго генія среди той самоотверженной вѣнской университетской молодежи и тѣхъ представителей населенія Вѣны, которые водрузили въ 1848 г. знамя свободы на обломкахъ Меттерниховской реакціи и австрійскаго самовластія и, защищая свой палладіумъ, пали подъ ударами когортъ Виндишгреца!

Но, кромѣ этого общаго духа и содержанія Бетховенскаго музыкальнаго творчества, мы можемъ указать и рядъ его произведеній совершенно опредѣленнаго содержанія, имѣющихъ связь съ его свободными убѣжденіями и идеалами. Грандіозная 3-я симфонія, съ ея титанической борьбой, изображенной въ первой части, захватывающей глубокой скорбью похороннаго марша второй части и блестящей свободой и жизнью послѣднихъ двухъ частей (скерцо и финала), носящая названіе „героической", была написана Бетховеномъ въ честь перваго консула француз-

ской республики, Наполеона Бонапарте, которому и была первоначально посвящена. Извѣстіе о томъ, что Наполеонъ провозгласилъ себя императоромъ и превратился такимъ образомъ изъ героя-республиканца, окруженнаго ореоломъ свободы и генія, въ обыкновеннаго узурпатора и деспота, заставило Бетховена разорвать заглавный листъ партитуры, носившій имя Наполеона, и посвятить ее просто „памяти одного великаго человѣка", болѣе уже не существующаго,—„il sovvenire d'un gran uomo".

Мы не знаемъ, правда, программы родственной по духу пятой симфоніи, если не считать комментарія самого автора къ первой ея части, по словамъ котораго въ ней изображено, какъ судьба стучится въ двери; но и къ ней примѣнимъ тотъ же девизъ: per aspera ad astra, которымъ мы выше характеризовали преобладающую основную идею Бетховенскаго творчества. Неутомимая, настойчивая борьба великаго духа съ ударами судьбы (первая часть), прерывающаяся на время свѣтлымъ эпизодомъ счастія и спокойнаго самоудовлетворенія въ творческомъ трудѣ, (Andante), снова уступающимъ мѣсто борьбѣ съ окружающими темными силами (Scherzo), въ которой духъ борца какъ бы изнемогаетъ на время (знаменитый переходъ къ финалу), чтобы, почерпнувъ новыя силы въ самомъ себѣ, опять воспрянуть въ грандіозномъ, побѣдоносномъ, ниспровергающемъ все враждебное и ликующемъ финалѣ симфоніи—вотъ главныя музыкально-поэтическія идеи этой геніальной симфоніи, развивающей несомнѣнно освободительное содержаніе въ широкомъ смыслѣ слова. Вѣдь и здѣсь дѣло идетъ, выражаясь нашимъ современнымъ политическимъ жаргономъ, объ „утвержденіи свободной личности", насколько это возможно въ музыкальныхъ звукахъ...

Единственная опера Бетховена „Леонора-Фиделіо"; съ ея великолѣпными увертюрами (особенно 2-й и 3-ей къ „Леонорѣ"), резюмирующими вкратцѣ основную идею оперы, также не лишена извѣстнаго отношенія къ освободительной идеѣ. Герой ея, правдивый и благородный Флорестанъ, заточенный въ мрачномъ тюремномъ подземельѣ за то, что защищалъ правду, является жертвой ненависти мелкаго тирана—начальника тюрьмы, коварнаго Пизарро, который, замышляя отдѣлаться отъ него, убѣждаетъ тюремщика Рокко умертвить заключеннаго, приводя при этомъ совсѣмъ Меттерниховскіе аргументы:

Dem Staate liegt daran
Den bösen Unterthan
Schnell aus dem Weg zu räumen.

Самоотверженная любовь жены Флорестана, Леоноры, которая, переодѣтая юношей, подъ именемъ Фиделіо вступаетъ въ число тюремныхъ сторожей и бросается въ рѣшительную минуту между своимъ мужемъ и намѣревающимся его умертвить Пизарро, вмѣстѣ съ счастливой случайностью, приведшей въ тюрьму друга Флорестана, королевскаго министра дона Фернандо, разрушаютъ коварный замыселъ злодѣя Пизарро и возвращаютъ свободу благородному страдальцу [1]). Въ выборѣ сюжета и явной любви, съ которой онъ былъ трактованъ композиторомъ, очевидно сказались его задушевныя убѣжденія и идеалы.

Какъ ни скроменъ былъ выраженный здѣсь протестъ противъ деспотизма и тиранніи, какъ ни подслащенъ онъ счастливой развязкой, въ которой провозвѣстникомъ справедливости и свободы является добродѣтельный министръ мудраго и добраго короля, мы не должны забывать, что, по условіямъ времени и австрійской цензуры, и этотъ протестъ имѣлъ уже свое опредѣленное значеніе. Борьба Леоноры и Флорестана съ чудовищемъ тиранніи Пизарро и ихъ побѣда надъ нею были для многихъ слушателей только скромнымъ символомъ болѣе глубокой и многозначительной идеи, истинное содержаніе которой глубже, полнѣе и сильнѣе выражено въ звукахъ Бетховенской музыки, чѣмъ въ вяломъ и приторномъ либретто оперы. Всѣмъ извѣстны превосходныя, довольно близкія другъ къ другу 2-я и 3-я увертюры къ „Леонорѣ“, въ сжатой формѣ резюмирующія главное содержаніе оперы. Обѣ открываются гаммообразными ходами духовыхъ и струнныхъ, спускающимися внизъ, какъ спускался заключенный узникъ по ступенямъ своей тюрьмы. Во тьмѣ подземелья слышны его тяжелые вздохи, прерывающіеся на время свѣтлымъ воспоминаніемъ о безвозвратно миновавшихъ дняхъ счастія (отрывокъ аріи Флорестана въ тюрьмѣ, въ началѣ II акта оперы); тоскливо тянутся безконечные долгіе часы въ душномъ, мрачномъ, какъ полночь, подземельѣ; но вотъ музыка оживляется, порывистые, быстрые пассажи скрипокъ, живописующіе самоотверженное рѣшеніе, принятое Леонорой, приводятъ къ новому страстно-торопливому, разростающемуся въ ширь и въ высь мотиву, рисующему ея горячую, энергичную дѣятельность, предпринятую для освобожденія мужа. Мотивъ этотъ звучитъ сначала робко, несмѣло, піаниссимо: Леонора еще не

---

[1]) Этотъ же сюжетъ былъ раньше обработанъ итальянскимъ композиторомъ Паэромъ въ его оперѣ „Eleonora, ossia l'amore conjugale“, поставленной въ Вѣнѣ въ томъ же 1805 году.

увѣрена въ успѣхѣ своего предпріятія. Вотъ онъ ростетъ, усиливается, раздается все смѣлѣе и настойчивѣе и вдругъ превращается въ мощный, увлекающій въ своемъ теченіи потокъ звуковъ: цѣль достигнута, Леонора нашла своего мужа, освобожденіе близко. Но коварный Пизарро тутъ, онъ готовъ умертвить своего плѣнника, его кинжалъ уже занесенъ надъ беззащитнымъ, закованнымъ въ цѣпи врагомъ. Бурные пассажи струнныхъ— Леонора бросается между мужемъ и его врагомъ, направляя противъ послѣдняго пистолетъ, который она долго скрывала на груди, въ ожиданіи рѣшительнаго часа, когда онъ сослужитъ ей службу. Злодѣй ошеломленъ. Вдругъ раздается сигналъ трубы, возвѣщающій появленіе королевскаго посланца; онъ повторяется. Свобода! Свобода не только Флорестану, но и другимъ невинно заключеннымъ въ тюрьмѣ! Снова быстрые пассажи первыхъ скрипокъ, раздающіеся сначала pp, къ нимъ присоединяются вторыя, альты, віолончели и бассы, все crescendo и crescendo, сливаясь, наконецъ, въ бурномъ, ликующемъ потокѣ звуковъ, торжествующихъ побѣду любви надъ ненавистью, свободы надъ тиранніей. Бо̀льшимъ или мѐньшимъ развитіемъ тѣхъ или другихъ деталей, кое-какими побочными эпизодами эти обѣ увертюры разнятся другъ отъ друга, но общая идея, схема ихъ построенія одинаковы и отвѣчаютъ данному только-что комментарію.

Къ „Леонорѣ-Фиделіо“ достойно примыкаетъ музыка Бетховена къ трагедіи Гёте „Эгмонтъ“. Увертюра къ „Эгмонту“ рисуетъ борьбу угнетеннаго народа со своими поработителями и апоѳеозъ освобожденія. Въ могучихъ аккордахъ сначала струнныхъ, а потомъ всего оркестра въ началѣ увертюры слушателю чудится желѣзная, неумолимая поступь холодныхъ и бездушныхъ иноземцевъ - поработителей; имъ отвѣчаютъ стоны и жалобы угнетенныхъ (мягкія фразы деревянныхъ духовыхъ); вы слышите далѣе, какъ разгорается негодованіе, закипающее въ груди порабощеннаго народа, переживаете его горячую, неустанную борьбу съ чужеземцами-завоевателями, въ которой приносятся великія и благородныя жертвы (Эгмонтъ и Клерхенъ), становитесь соучастниками скорбнаго оцѣпенѣнія, охватившаго ихъ близкихъ и соотчичей (аккорды деревянныхъ духовыхъ *ppp* передъ заключительнымъ Allegro con brio). Кажется, все погибло, завѣтныя надежды разбиты, борцы за свободу поруганы и уничтожены... Но вотъ откуда-то, словно изъ-подъ земли, слышится какое-то, сначала едва замѣтное движеніе; оно ростетъ, усиливается, превращается въ мощный, увлекающій по-

токъ; несокрушимыя, казалось, оковы рабства и тираннiи распадаются, и яркое солнце свободы заливаетъ ихъ обломки своимъ блескомъ. Тираннiя пала, и освобожденный народъ торжественно идетъ праздновать свое освобожденiе...

Изъ вокальныхъ нумеровъ музыки къ „Эгмонту“ отмѣтимъ воинственную пѣсню Клерхенъ, въ оркестровомъ сопровожденiи которой играютъ выдающуюся роль деревянные духовые, рога, флейта-пикколо и литавры (подобiе военнаго оркестра). Героиня трагедiи выражаетъ здѣсь желанiе сопровождать своего милаго въ его походѣ для освобожденiя родины. Захватывающее впечатлѣнiе производитъ музыка, изображающая смерть отравившейся Клерхенъ. Прерывистыя октавы валторнъ синкопами въ концѣ этой музыки, изображающiя послѣднiе удары сердца умирающей, произвели нѣкогда на впечатлительнаго Глинку такое дѣйствiе, что ему показалось, что и у него остановилось бiенiе пульса (Записки Глинки, стр. 106).

Среди пѣсенъ Бетховена съ сопровожденiемъ фортепiано укажемъ довольно ѣдкую музыкальную сатиру на текстъ Гётевской „Пѣсни о блохѣ“ изъ „Фауста“, весьма остроумно переложенную впослѣдствiи Листомъ для фортепiано.

Но вѣнцомъ свободолюбиваго творчества Бетховена является его IX-я симфонiя, гдѣ онъ снова приводитъ слушателя per aspera ad astra—къ восторженному диѳирамбу свободѣ-радости и радости-свободѣ, какъ толковалъ, по преданiю, самъ композиторъ Шиллеровскую оду „An die Freude—An die Freiheit“. Великолѣпный маршъ финала (Allegro assai vivace, alla Marcia $^{6}/_{8}$, B-dur) изображаетъ освобожденные народы, идущiе на праздникъ всеобщаго братства, на которомъ свободные отнынѣ люди-братья, обнимаясь, шлютъ поцѣлуи всему мiру, склоняясь передъ всеблагимъ Творцомъ, воплощенiемъ братства, равенства, любви и свободы. Вдохновенiе композитора достигаетъ здѣсь недосягаемой высоты мистическаго экстаза, подобной которой немного найдется примѣровъ и въ настоящей церковной музыкѣ, вышедшей изъ глубины искренняго религiознаго чувства. Вдохновенный композиторъ силой генiя заставляетъ насъ здѣсь присутствовать какъ бы на элевзинскомъ таинствѣ возвышенной религiи разума и свободы, оканчивающемся всеобщимъ ликованiемъ и призывами къ радости-свободѣ, дочери Элизiума, искрѣ божественнаго огня...

Не ушелъ отъ свободолюбивыхъ вѣянiй своего времени и современникъ Бетховена, генiальный лирикъ-романтикъ Францъ Шубертъ, жившiй подъ тѣмъ же гнетомъ меттерниховщины и

въ той же Вѣнѣ. Въ его драматически-мрачномъ, глубоко безотрадномъ по настроенію романсѣ „Der Zwerg“ (карликъ), на слова Коллина, изображается придворная трагедія, въ которой дѣйствующимъ лицомъ является карликъ, душащій шолковымъ шнуркомъ молодую королеву, когда-то любившую его, но измѣнившую ему для блеска двора и королевской короны. Гордый Прометеевскій вызовъ свободнаго человѣка всему міру и его верховному владыкѣ звучитъ въ великолѣпномъ романсѣ на слова Гёте: „Bedecke deinen Himmel, Zeus, mit Wolkendunst“ и далѣе: „Ich, dich ehren? Wofür?“ Шиллеровская пламенная любовь къ свободѣ и ненависть къ тиранніи вдохновила и музыку Шуберта къ извѣстной балладѣ Шиллера: „Die Bürgschaft“, прежде никогда не исполнявшуюся и лишь недавно включенную въ концертный репертуаръ геніальнымъ Вюльнеромъ. Не устоялъ Шубертъ и противъ искушенія написать музыку на слова Шиллеровской оды „An die Freude“, впрочемъ блѣдную и недостойную его таланта.

Молодой 26—29-ти-лѣтній Вагнеръ, еще въ періодъ своихъ артистическихъ блужданій, задолго до революціонныхъ увлеченій, заставившихъ его бѣжать изъ отечества, гдѣ голова его была оцѣнена, во времена самой глухой реакціи, непробудно царившей надъ разрозненной Германіей, останавливается, послѣ ряда неудачныхъ оперныхъ попытокъ, на трагической судьбѣ „послѣдняго римскаго трибуна“ Кола ди Ріенци, котораго дѣлаетъ героемъ своей оперы того же имени. Одна изъ самыхъ эффектныхъ сценъ этой оперы, доставившей ея молодому автору первый значительный успѣхъ (3-я сцена 3-го дѣйствія), изображаетъ призывъ къ народному возстанію и боевой гимнъ римскаго народа, поднявшагося противъ нобилей подъ гордымъ девизомъ „Santo Spirito Cavaliere“. Ріенци говоритъ здѣсь народу:—День наступилъ, приближается часъ отмщенія за тысячелѣтній позоръ; онъ увидитъ паденіе варваровъ и высокую побѣду свободныхъ римлянъ. Пойте же боевой гимнъ, который долженъ стать ужасомъ враговъ! „Santo Spirito Cavaliere!“—Въ отвѣтъ раздается боевая пѣснь: „Возстаньте, римляне, возстаньте за ваши очаги и алтари! Проклятіе тому, кто измѣнитъ римской доблести. Да не будетъ никогда прощенъ ему этотъ позоръ! Смерть его душѣ, нѣтъ для него Бога. Трубы, трубите; барабаны, бейте. Побѣда да будетъ удѣломъ римлянъ! Вы, кони, бейте копытами землю; мечи, гремите звонко! Сегодня насталъ день, который будетъ свидѣтелемъ нашей побѣды. Знамена, развѣвайтесь; ярко сіяйте, копья! Santo Spirito Cavaliere!“—Гимнъ въ теченіе этой сцены

повторяется еще разъ: „Возстаньте, римляне, *за свободу и законность, за наши высшія блага!* А ты, міръ, будь свидѣтелемъ этого. Вы, всѣ святые и полчища божьихъ ангеловъ, помогите намъ въ бою и опасности! Трубите, трубы; бейте, барабаны! Побѣда да будетъ удѣломъ римлянъ" и т. д., какъ выше. „Santo Spirito Cavaliere!"

Музыка этой сцены [1]), какъ и всего „Ріенци", еще носитъ отпечатокъ Мейерберовскаго и итальянскаго вліянія, но въ эффектномъ боевомъ сигналѣ трубъ, энергичномъ и возбуждающемъ ритмѣ мелодіи, безпокойныхъ гармоническихъ модуляціяхъ аккомпанимента чувствуется сильный драматическій темпераментъ, есть какое-то бодрое, вызывающее, если хотите революціонное начало, вѣетъ какимъ-то предчувствіемъ будущей бури 1848-9 г., ставшей поворотнымъ пунктомъ въ судьбѣ безпокойнаго новатора въ искусствѣ, друга Бакунина, дрезденскаго революціонера, затѣмъ швейцарскаго изгнанника и, наконецъ, геніальнаго реформатора музыкальной драмы, оставившаго политическую революцію для революціи въ искусствѣ. Памятникомъ послѣдней являются грандіозная трилогія „Кольцо Нибелунга", трагедія чувства „Тристанъ и Изольда", апоѳеозъ свободнаго искусства „Нюрнбергскіе пѣвцы" и лебединая пѣсня безпокойнаго творческаго духа—мистическій „Парсифаль", поэма искупленія.

Заплативъ въ „Ріенци" дань чисто революціоннымъ стремленіямъ своей эпохи, Вагнеръ не возвращался болѣе къ нимъ, но сохранилъ свободную и гордую, протестующую душу, отразившуюся въ его позднѣйшихъ произведеніяхъ. Несомнѣнно, широкое освободительное начало живетъ въ мятежномъ протестѣ Тангейзера противъ условной морали и христіанскаго аскетизма, въ отважномъ вызовѣ горделиваго Моряка-Скитальца, брошенномъ стихіямъ и природѣ, въ смѣлой борьбѣ свободнаго вдохновенія, воплощеннаго въ лицѣ Вальтера Штольцинга въ „Мейстерзингерахъ", съ ремесленной рутиной и тупостью; то же начало находимъ въ образѣ смѣлаго и чисто человѣчнаго борца за угнетенныхъ Зигмунда (въ „Валькиріи"), не поколебавшагося поднять свой мечъ противъ самого владыки боговъ, Вотана, когда тотъ сталъ на его пути, и въ образѣ достойнаго сына Зигмунда, простодушнаго ребенка-героя Зигфрида, трагическую гибель котораго композиторъ оплакалъ въ своемъ потрясающемъ похоронномъ маршѣ изъ „Гибели боговъ". Широкое освободительное значеніе

---

[1]) Главные музыкальные мотивы ея дали содержаніе блестящей парафразѣ Листа: „Fantasiestück über Motive aus Rienzi von R. Wagner".

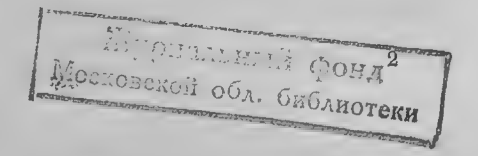
имѣетъ и основная мысль всей трилогіи: боги безсильны измѣнить судьбы человѣчества; они гибнутъ, чтобы уступить мѣсто свободному человѣку, грядущему царю міра.

Революціонныя треволненія 1849 года, помогшія Вагнеру отыскать свой настоящій путь въ искусствѣ, но не оставившія прямого слѣда въ его музыкѣ, получили непосредственное отраженіе въ творчествѣ геніальнаго нѣмецкаго романтика, сверстника Вагнера, Роберта Шумана. Вотъ что говоритъ онъ въ письмѣ къ извѣстному историку музыки Бренделю отъ 17-го іюня 1849 г., по поводу своихъ четырехъ маршей для фортепіано (ор. 76), въ заголовкѣ которыхъ стоитъ дата 1849: „Я чувствую, что мнѣ болѣе, чѣмъ многимъ другимъ, дано повѣдать въ музыкѣ о радостяхъ и горестяхъ, волнующихъ нашу эпоху. Меня радуетъ и поощряетъ въ моихъ стремленіяхъ къ высокой цѣли, что вы иногда стараетесь показать людямъ, какъ глубоко коренится въ современности моя музыка, стремящаяся не къ благозвучію и пріятному развлеченію, а совсѣмъ къ иной цѣли... Все это время я очень много работалъ; никогда еще меня такъ не тянуло къ работѣ и не было такъ легко писать. Но величайшую радость доставили мнѣ послѣдніе марши“. Въ другомъ письмѣ къ издателю своихъ произведеній Шуманъ пишетъ: „Вы получите при семъ нѣсколько маршей, но только не дессаускихъ [1]), а скорѣе республиканскихъ“. Этихъ указаній достаточно, чтобы опредѣлить то настроеніе, которое отразилось въ бодромъ, возбужденномъ и блестящемъ, точно побѣдномъ, первомъ маршѣ (Es dur), или сосредоточенномъ и серьезномъ второмъ (G-moll), подъ который могли бы идти защитники свободы въ послѣдній рѣшительный, роковой для той или другой стороны бой.

Изъ вокальныхъ произведеній Шумана имѣютъ связь съ освободительными стремленіями баллады: „Die rothe Hanne“ (на слова Беранже, сюжетомъ которой служитъ печальная судьба жены браконьера, засаженнаго въ тюрьму, и ея дѣтей), „Бельзацаръ“ (на слова Гейне, трактующія извѣстное преданіе о пирѣ Валтасара), „Солдатъ“ (на слова Андерсена, изображающія трагическое положеніе солдата, наряженнаго разстрѣливать своего лучшаго друга, которому онъ и посылаетъ пулю въ самое сердце, чтобы спасти его отъ излишнихъ страданій), гимнъ павшему за свободу „Герою“ (на слова Байрона). Изъ хоровыхъ произведеній Шумана можно указать на „Пѣснь о свободѣ“ Рюкерта

---

1) Оффиціальный прусскій маршъ.

(Freiheitslied), написанную для мужского хора [1]). Задушевныя симпатіи композитора несомнѣнно сказались и въ сильныхъ и трогательныхъ страницахъ ораторіи „Рай и Пери“, гдѣ изображается смерть юноши-индуса, павшаго въ борьбѣ съ тираномъ Газневидомъ, скорбь надъ тѣломъ сраженнаго борца за свободу (Weh, weh, er fehlte das Ziel, es lebt der Tyrann, der Edle fiel) и прославленіе его подвига (Heilig, heilig ist das Blut, für die Freiheit verspritzt vom Heldenmuth). Укажемъ еще большую балладу для хора, соло и оркестра на извѣстное стихотвореніе Уланда: „Проклятіе пѣвца“, гдѣ изображено убійство молодого пѣвца деспотомъ-царемъ и проклятіе, постигшее послѣдняго и его обагренный невинной кровью замокъ.

Въ исторіи французской музыки, если не считать произведеній оффиціальныхъ пѣвцовъ французской революціи и республики, къ которымъ принадлежали Госсекъ (1733—1829), Катель (1733—1830), Далейракъ (1753—1809), Игн. Плейель (1757—1831), Керубини (1760—1842), Мегюль (1763—1817), Лесюёръ (1763 — 1837), даже Гретри (1741 — 1813), оставившіе послѣ себя длинный рядъ музыкальныхъ произведеній оффиціальнаго характера, по поводу разныхъ торжествъ и событій въ жизни французской республики, а также и нѣсколько такого же характера оперъ [2]), мы встрѣтимъ немного произведеній занимающаго насъ содержанія. Примѣромъ можетъ служить знаменитая опера Обера „Нѣмая изъ Портичи“ (1828 г.), доставившая своему автору міровую славу. Сюжетъ ея (возстаніе неаполитанскаго населенія противъ испанскаго владычества, подъ предводительствомъ рыбака Мазаніелло) несомнѣнно находился въ связи съ броженіемъ умовъ во Франціи передъ революціей 1830 г. Особенно эффектна въ ней (хотя и чисто внѣшнимъ образомъ) самая сцена возстанія, разыгрывающаяся на одной изъ площадей Неаполя; народъ на колѣняхъ поетъ торжественную молитву a capella, заканчивающуюся нѣсколькими тихими, спокойными аккордами, и внезапно, съ чисто южною импульсивностью, бросается къ оружію. Названная опера Обера, какъ извѣстно, сыграла историческую роль во время бельгійской рево-

[1]) Zittr', o Erde, dunkle Macht, bis zum Abgrund nieder; der Gedank' ist aufgewacht, schüttelt sein Gefieder, и т. д.

[2]) Въ родѣ оперы Госсека „Лагерь въ Гранпрэ“ (Camp de Granpré), въ которую была введена „Марсельеза“ съ хоромъ и большимъ оркестромъ. Нужно замѣтить, что сама „Марсельеза“ первоначально не имѣла революціоннаго характера; она была сочинена роялистомъ (Руже де-Лиль) и только впослѣдствіи получила значеніе оффиціальнаго гимна республики.

люціи 1830 г. Зрители, присутствовавшіе на представленіи, наэлектризованные до экстаза эффектомъ музыки и исполненіемъ артистовъ въ помянутой сценѣ, прервали спектакль, высыпали на площадь и устроили уже не театральное, а дѣйствительное возстаніе, кончившееся отдѣленіемъ Бельгіи отъ Нидерландовъ.

Подобное небывалое дѣйствіе оперной музыки, разумѣется, не могло остаться незамѣченнымъ со стороны правительствъ, оберегающихъ спокойствіе умовъ своихъ подданныхъ, и въ результатѣ „Нѣмая изъ Портичи“ Обера, не смотря на всемірную славу своего автора и блестящіе сборы на всѣхъ театрахъ Европы (мотивъ очень вѣскій для составителей репертуара), была поставлена въ Россіи впервые лишь при Александрѣ II, въ 1857 г., и то подъ другимъ, не столь оминознымъ заглавіемъ „Фенеллы“.

Другой французскій, или, скорѣе, космополитическій, композиторъ, Анри Литольфъ (1818—1891, родомъ эльзасецъ, родившійся въ Англіи, но жившій во Франціи, Голландіи, Австріи и Германіи), о которомъ мы знаемъ, что симпатіи къ мартовской революціи 1848 г. заставили его, послѣ ея неудачи, оставить Вѣну, гдѣ онъ было остановился, является авторомъ двухъ увертюръ, содержаніе которыхъ составляетъ попытка иллюстрировать въ звукахъ два выдающихся эпизода изъ исторіи великой французской революціи: дѣятельность Робеспьера („Robespierre“) и жирондистовъ („Les Girondins“). Музыка ихъ, шумная и внѣшне-эффектная, отражающая болѣе всего вліяніе Мейербера, пользуется, между прочимъ, и современными революціонными напѣвами, въ родѣ „Ça ira“, „Марсельезы“ и т. д. Въ числѣ инструментовъ оркестра въ „Робеспьерѣ“ фигурируетъ даже пистолетъ, выстрѣломъ изъ котораго увертюра заканчивается.

Изъ произведеній итальянской музыки несомнѣнную связь съ освободительными стремленіями своего времени имѣлъ „Вильгельмъ Телль“ Россини, поставленный въ Парижѣ въ 1829 г., чуть не наканунѣ іюльской революціи 1830 г. Борьба Швейцаріи съ ненавистнымъ австрійскимъ игомъ находила живой отголосокъ и во французскомъ обществѣ, изнывавшемъ подъ гнетомъ реакціи Карла X, и въ раздробленной Италіи, имѣвшей свои причины ненавидѣть австрійцевъ-тедесковъ, и въ немногочисленныхъ живыхъ элементахъ нашего русскаго общества, которое познакомилось съ этой оперой лишь подъ заглавіемъ „Карла Смѣлаго“. Старики, помнившіе еще Николаевскія времена, оживлялись, когда рѣчь заходила объ этой оперѣ Россини, и цитировали оттуда извѣстное „cercar la libertà“, глубоко запавшее въ ихъ сердца...

У Верди, знаменитаго итальянскаго опернаго композитора, раздѣлявшаго прогрессивныя убѣжденія своего времени, имя котораго было вдвойнѣ мило представителямъ молодой Италіи временъ Гарибальди, какъ символъ національнаго объединенія подъ правленіемъ пьемонтскаго короля Виктора Эммануила (Vittorio Emmanuele re d'Italia), также пробивалась освободительная жилка въ рядѣ его произведеній, въ родѣ „Ernani" (сюжетъ В. Гюго), „I Masnadieri" и „Luisa Miller" (сюжеты Шиллеровскихъ драмъ „Разбойники" и „Коварство и любовь"), „Rigoletto" („Le roi s'amuse" Виктора Гюго), „Ballo in Maschera" (послѣдняя опера, основанная на исторіи заговора противъ шведскаго короля Густава III, была запрещена неаполитанской цензурой), „Донъ Карлосъ" (на Шиллеровскій сюжетъ) и др.

II.

Болѣе мелкія или болѣе молодыя національности Европы, позже пріобщившіяся къ ея цивилизаціи и къ исторіи ея музыкальнаго искусства, также представляютъ немало примѣровъ отраженія освободительныхъ идей въ творчествѣ своихъ музыкальныхъ художниковъ.

Въ произведеніяхъ Шопена, геніальнаго пѣвца Польши, ея былой свободы и глубокихъ ранъ, истерзавшихъ ея сердце, почти на каждомъ шагу найдемъ отголоски скорбныхъ судебъ его отчизны и ея стремленій къ освобожденію. Одни произведенія его (въ родѣ полонезовъ A-dur и As-dur) рисуютъ былое величіе Польши и блескъ ея рыцарства, въ контрастъ съ безотраднымъ настоящимъ; другія (напр. полонезы Es-moll, Fis moll и C-moll) служатъ выраженіемъ глубокой патріотической скорби и негодованія, подчасъ даже ненависти къ виновникамъ ея паденія и униженія (грозный полонезъ Es-moll). Второе изъ геніальныхъ скерцо Шопена (B-moll) носитъ, по преданію, названіе „революціоннаго", хотя на это нѣтъ прямыхъ указаній въ данныхъ для біографіи композитора. Эпитетъ этотъ, однако, очень идетъ къ музыкальному содержанію, которымъ, вѣроятно, онъ и навѣянъ. Въ самомъ дѣлѣ здѣсь, словно раскаты надвигающейся грозы, слышатся полу-подавленные пароксизмы гнѣва и скорби, того чувства, которое поляки называютъ непереводимымъ словомъ żal (въ самомъ началѣ скерцо), страстные призывы къ свободѣ и счастію, изліянія пламенной любви къ родинѣ (пѣвучая тема послѣ интродукціи), горькія проклятія ея неволѣ и порабощенію, трога-

тельныя молитвы, возносимыя въ тиши ночей о ея спасеніи, и то стихающая, то снова возгорающаяся, пылкая, упорная борьба, заключающаяся увѣренностью въ полномъ торжествѣ свободы и справедливости.

Всѣмъ знакома также геніальная B-moll'ная соната Шопена, съ ея великолѣпнымъ похороннымъ маршемъ, какъ бы оплакивающимъ тяжкія національныя утраты, и поразительнымъ финаломъ, изображающимъ буйные вѣтры, проносящіеся въ пустынныхъ степяхъ надъ безвѣстными могилами бойцовъ за родину. Едва ли можно сомнѣваться, что въ ея вдохновенныхъ красотахъ выливались не личныя, интимныя горести и надежды геніальнаго композитора, а болѣе общее, болѣе благородное и возвышенное настроеніе. Родственна ей по настроенію и послѣдняя, H-moll'ная соната. Ограничимся пока этими почти наудачу выбранными примѣрами изъ произведеній Шопена, исторія происхожденія которыхъ намъ точно неизвѣстна и о внутреннемъ содержаніи которыхъ мы можемъ лишь догадываться. Намъ это тѣмъ легче сдѣлать, что среди его сочиненій есть два, о которыхъ мы съ полной достовѣрностью знаемъ, какія чувства композитора нашли себѣ исходъ въ ихъ потрясающихъ звукахъ. Таковъ C-moll'ный этюдъ (изъ перваго цикла этюдовъ, op. 10), написанный Шопеномъ, по вполнѣ точнымъ свѣдѣніямъ, въ Штутгардтѣ подъ вліяніемъ извѣстія о взятіи Варшавы. Какъ грозный, неотвратимый и тяжкій ударъ, раздается первый диссонирующій аккордъ, и словно вихрь скорбныхъ чувствъ и думъ, пронзившихъ умъ и сердце художника-патріота, обрушиваются за нимъ бурные пассажи лѣвой руки. Гнѣвныя восклицанія и угрозы, скорбныя рыданія, клятвы и возгласы отчаянія слышатся въ порывистыхъ, прерывающихся фразахъ правой руки на фонѣ бурнаго, взволнованнаго аккомпанимента лѣвой. Эта необыкновенно выразительная музыкальная рѣчь, великолѣпное воплощеніе негодованія и скорби въ музыкальныхъ звукахъ, звучитъ все страстнѣе и страстнѣе и вдругъ возвращается опять къ страшной вѣсти, къ первому, открывающему пьесу, аккорду. Да, Варшава взята! Снова слышится тотъ же потокъ угрозъ и проклятій, только въ еще болѣе патетическомъ изложеніи, съ новыми, еще болѣе выразительными акцентами. Но скорбь слишкомъ велика, ея тяжесть подавляетъ слабыя силы человѣческой души. Душевная буря, кажется, затихаетъ; сердце готово смириться и покориться неизбѣжному... Нѣтъ, вотъ новый взрывъ страстнаго негодованія. Примиренія не будетъ! Позоръ долженъ быть отмщенъ! Вы чувствуете это въ заключительныхъ лапидарныхъ аккордахъ этюда,

заканчивающихъ это чудо музыкальной экспрессіи и тонкой психологической правды.

То же душевное настроеніе выражаетъ и D-moll'ная прелюдія, послѣдняя изъ 24-хъ прелюдій Шопена, написанная также въ Штутгардтѣ и въ то же время.

Совершенно опредѣленное програмное содержаніе имѣла и очень модная въ свое время блестящая салонная пьеса польскаго піаниста Антона Контскаго, озаглавленная: „Le réveil du lion“, которая не сходила съ нотныхъ пюпитровъ нашихъ любительницъ музыки 50-хъ и 60-хъ годовъ, хотя, разумѣется, не могла выдержать даже отдаленнаго сравненія съ геніальными произведеніями Шопена. Левъ здѣсь былъ символомъ имѣющей нѣкогда проснуться Польши... Среди польскихъ музыкальныхъ дилеттантовъ обращались и другія салонныя произведенія этого рода. Такъ, еще въ 70-хъ годахъ мнѣ приводилось видать рукописное изображеніе въ музыкальныхъ звукахъ процесса и казни Конарскаго (одинъ изъ многочисленныхъ политическихъ польскихъ процессовъ эпохи, предшествовавшей послѣднему польскому возстанію). Навѣрное у поляковъ существовали и другія музыкальныя произведенія въ этомъ родѣ.

Современникъ и другъ Шопена, его горячій поклонникъ и послѣдователь въ извѣстныхъ сторонахъ своихъ фортепіанныхъ произведеній, геніальный венгерецъ Францъ Листъ даетъ намъ также образцы музыки, вдохновленной идеями свободы и общественными движеніями. Отъ него самого мы узнаемъ, что его симфоническая поэма „Héroïde funèbre“ восходитъ къ „Революціонной симфоніи“, написанной подъ впечатлѣніемъ французской революціи 1830 года. Первая часть этой симфоніи впослѣдствіи была имъ передѣлана въ только-что названную симфоническую поэму, оплакивающую героевъ свободы, погибшихъ въ борьбѣ за свои общественные идеалы. Музыкальное воплощеніе Прометеевскаго титаническаго протеста представляетъ симфоническая поэма Листа „Прометей“. По словамъ поэтической программы поэмы, основная идея ея—торжество возвышенной и упорной энергіи надъ непреодолимымъ, казалось бы, несчастіемъ, молчаливая вѣра въ грядущаго освободителя, имѣющаго вознести терзаемаго плѣнника въ надзвѣздныя пространства, лучезарный осколокъ которыхъ онъ похитилъ. Тотъ же общій возвышающій и освободительный мотивъ Бетховенскаго творчества—per aspera ad astra—находимъ въ симфонической поэмѣ „Tasso. Lamento e trionfo“, изображающей торжество генія послѣ безотрадныхъ страданій. Симфоническая поэма „Мазепа“, на стихотвореніе В. Гюго, даетъ опять

музыкальное изображеніе подъема сильнаго духомъ героя съ края могилы на высоту: il tombe, et se relève roi. Общій возвышающій и освободительный характеръ имѣетъ и поэма „Идеалы", на извѣстное стихотвореніе Шиллера, а также поэма „Орфей", рисующая облагораживающее вліяніе музыки.

Превосходнымъ образчикомъ фортепіанной музыки Листа, вдохновленной освободительной идеей, является его фортепіанная пьеса „Il penseroso"—изображеніе въ звукахъ скорби и жгучаго позора угнетенной и разрозненной Италіи, олицетворенныхъ въ носящей то же названіе знаменитой статуѣ Микель-Анджело, которой великій скульпторъ (какъ извѣстно, республиканецъ въ душѣ) самъ далъ поэтическій комментарій въ своихъ знаменитыхъ стихахъ:

Grato m'è il sonno, e più l'esser di sasso.
Mentre che il danno e la vergogna dura,
Non veder, non sentir m'è gran ventura
Però non mi destar, deh'—parla basso! [1])

Въ нашей русской музыкѣ гражданскіе мотивы зазвучали впервые въ произведеніяхъ, возникшихъ въ памятную эпоху общественнаго оживленія 60-хъ годовъ. Смѣлый разрывъ съ музыкальной рутиной, стремленіе къ „новымъ берегамъ" молодой русской музыкальной школы, такъ называемой „могучей кучки" нашихъ композиторовъ, отразились и въ выборѣ неслыханныхъ дотолѣ сюжетовъ для музыкальнаго вдохновенія. Въ „Старомъ Капралѣ" Даргомыжскаго (на текстъ Беранже-Курочкина) звучитъ родственный Шумановскому „Солдату" протестъ противъ милитаризма и бездушной военной дисциплины, попирающей человѣческое достоинство. Въ его „Червякѣ" (также на текстъ Беранже) находимъ тонкую музыкальную сатиру на низкопоклонничество и карьеризмъ бюрократіи, приносящей въ жертву своекорыстнымъ цѣлямъ и честь, и совѣсть, не говоря уже о личномъ достоинствѣ. Его же „Титулярный Совѣтникъ" (на слова покойнаго П. И. Вейнберга) осмѣиваетъ жалкую пошлость и мелкость чиновничьяго мірка, изображая несчастную любовь титулярнаго совѣтника къ генеральской дочери и ея пошлую развязку.

---

[1]) Въ русскомъ переводѣ Д. В. Айналова:

Сладокъ сонъ для меня, и покуда продолжатся
Бѣды, позоръ, пріятнѣе быть мнѣ изъ камня;
Не видѣть и не слышать, и чувствъ не имѣть—
Такое большое счастье, что лучше меня не буди.
Тс!.. Разговаривай тише!

Въ „Сироткѣ“ Мусоргскаго (на собственный текстъ) намѣчена одна изъ соціальныхъ язвъ нашего общества—пауперизмъ—и въ художественной формѣ внушается состраданіе къ униженнымъ и оскорбленнымъ (любимая тема нашей литературы и поэзіи, особенно начиная съ 60-хъ гг.). Въ его же „Забытомъ“ (на извѣстную картину Верещагина, текстъ гр. Голенищева-Кутузова) и „Полководцѣ“ (также на тему Голенищева-Кутузова) находимъ родственный Верещагинскому протестъ противъ войны и милитаризма. Отмѣтимъ въ послѣдней грандіозной музыкальной картинѣ едва ли не преднамѣренное сходство мелодіи съ извѣстнымъ польскимъ революціоннымъ напѣвомъ „Z dymem pożarów“. Музыка Мусоргскаго къ „Пѣснѣ о блохѣ“ Гёте представляетъ образчикъ политической сатиры въ звукахъ, какъ и упомянутая выше музыка Бетховена на тотъ же текстъ.

„Спящая княжна“ Бородина (1867 г., на собственный текстъ)—музыкально-поэтическій символъ Россіи, спящей непробуднымъ сномъ общественной апатіи и реакціи. Его же „Море“ (1870 г., также на собственный текстъ) по первоначальному замыслу автора, измѣненному въ силу цензурныхъ условій, рисуетъ трагическую судьбу политическаго изгнанника, возвращающагося на милую родину и гибнущаго въ виду ея береговъ, а „Пѣсня темнаго лѣса“ (1868 г., слова тоже самого композитора)—протестующую стихійную „силу пододонную“, выражавшуюся въ политическихъ движеніяхъ понизовой вольницы, разиновщины и пугачевщины.

У Балакирева находимъ „Запѣвку“ на слова Мея: „Ой, пора тебѣ на волю, пѣсня русская“, въ которой отлично схваченъ стиль народной русской пѣсни, получившей здѣсь художественную форму, и передано привычное заунывно-тоскливое настроеніе русской души — плодъ тяжкаго гнета историческихъ условій, унылой, однообразной природы и всей вообще неприглядной внѣшней обстановки русской жизни.

„Эоловы арфы“ Кюи (1867 г., на слова Майкова) по основной идеѣ представляютъ параллель къ „Спящей княжнѣ“ Бородина. Въ яркихъ звукахъ композиторъ рисуетъ засуху и недвижный рядъ эоловыхъ арфъ, молчащихъ при безвѣтріи, какъ замолкли родные поэты, которые пробудятся для новыхъ вдохновеній, когда въ странѣ повѣетъ духомъ жизни... Гражданскіе мотивы поэзіи Некрасова нашли себѣ удачное музыкальное воплощеніе въ романсахъ Кюи на всѣмъ извѣстные тексты названнаго поэта, въ родѣ „Молебна“, „Сѣятеля“, остроумной пѣсни изъ „Героевъ времени“: „Я проектъ мой излагалъ ясно, непреложно“..., „Внимая ужасамъ войны“, „Голодной“ („Стоитъ мужикъ, колышется“)

и т. д. Наконецъ, событія послѣднихъ лѣтъ, мучительно пережитыя и переживаемыя до сихъ поръ русскимъ обществомъ, отразились въ балладахъ нашего молодого композитора В. А. Сенилова на слова А. Рославлева: „Красный всадникъ“ и „Три ворона“. Въ первой изображается фантастическій красный всадникъ, скачущій къ заколдованной далекой башнѣ, гдѣ сидитъ взаперти дѣва-свобода, а во второй—вороны, чующіе себѣ обильную поживу въ трупахъ разстрѣлянныхъ крестьянъ.

Въ связи съ общественнымъ настроеніемъ предреволюціонной мрачной эпохи 80-хъ и 90-хъ годовъ XIX в. находится романсъ Рахманинова: „Пора; явись, пророкъ“, на текстъ Надсона.

Не чужда освободительныхъ вѣяній и настроеній и наша опера. Сцены псковскаго вѣча и самое противоположеніе республиканской свободы Пскова московскому деспотизму Ивана Грознаго въ „Псковитянкѣ“ Римскаго-Корсакова (особенно пластично изображенное въ увертюрѣ), картина народнаго возстанія въ „Борисѣ Годуновѣ“ Мусоргскаго, заговоръ и возмущеніе противъ тирана Анжело въ оперѣ того же имени Кюи (на текстъ В. Гюго), которыя въ свое время пользовались извѣстной популярностью въ средѣ молодежи 70-хъ годовъ, несомнѣнно находились въ большей или меньшей связи съ общественнымъ движеніемъ 60-хъ и 70-хъ годовъ.

Изъ новыхъ нашихъ оперъ отраженіемъ общественныхъ настроеній послѣднихъ лѣтъ являются „Кащей“ и „Золотой пѣтушокъ“ Римскаго-Корсакова. Первая, написанная на текстъ самого композитора еще въ 1902 г., т.-е. до революціонной эпохи, пережитой нами, изображаетъ красавицу-царевну, томящуюся въ неволѣ у Кащея — воплощенія слѣпой злобы и деспотизма, совсѣмъ уже изжившаго всѣ свои жизненныя силы, полуживого мертвеца, котораго и смерть не беретъ. Ея возлюбленный Иванъ-царевичъ проникаетъ въ тоскливое и унылое царство Кащея, въ которомъ все чахнетъ и никнетъ, но онъ не въ силахъ освободить свою милую. Только счастливое вмѣшательство Бури-богатыря приноситъ имъ свободу. Кащей умираетъ. Буря распахиваетъ ворота. Вѣчныя тучи, мрачившія небо надъ царствомъ мертваго Кащея, разступаются, и все озаряется сіяніемъ весенняго солнца, на встрѣчу которому идетъ освобожденная пара любящихся, призываемая Бурей-богатыремъ: „На волю, на волю! Вамъ буря ворота раскрыла“. Освобожденные привѣтствуютъ „красное солнце, свободу, весну и любовь“, и опера кончается повтореннымъ призывомъ Бури-богатыря: „На

волю!". Символъ слишкомъ ясенъ, чтобы слѣдовало на немъ останавливаться и подчеркивать отдѣльные образы...

„Золотой пѣтушокъ"—лебединая пѣсня покойнаго композитора—написанъ уже въ самые послѣдніе годы на сюжетъ Пушкина, разработанный г. Бѣльскимъ. Согласно съ легкимъ тономъ Пушкинской сказки, и въ оперѣ миѳическій царь Додонъ и его совѣтники трактованы въ довольно неуважительномъ и ироническомъ духѣ, чѣмъ и объясняется, очевидно, запрещеніе названной оперы къ представленію не только на казенной, но и на частныхъ сценахъ... Нѣтъ сомнѣнія, что при иныхъ условіяхъ нашей общественной жизни подобныхъ произведеній явилось бы, навѣрное, еще больше, но и указаннаго достаточно, чтобы убѣдиться, что и у насъ музыка, какъ могущественный органъ для выраженія душевныхъ движеній человѣка, несмотря на самыя неблагопріятныя общественныя условія, все же отразила цѣлый рядъ чувствъ и настроеній, такъ или иначе связанныхъ съ идеей освобожденія. Изъ этого бѣглаго очерка, такимъ образомъ, нетрудно убѣдиться, что музыка, какъ и поэзія, способна вдохновляться идеей свободы и подвигами ея борцовъ, и что величайшіе музыкальные художники, будучи дѣтьми своего времени, живя его радостями и скорбя его горестями, какъ чуткія эоловы арфы, отражали въ своихъ произведеніяхъ и тѣ душевныя переживанія, личныя и коллективныя, которыя связаны съ помянутой идеей и борьбой за ея осуществленіе. Правда, музыка безсильна изобразить въ звукахъ конкретныя положенія какой-нибудь эрфуртской программы или догматическія контраверзы большевизма и меньшевизма; но тѣмъ могущественнѣе, тѣмъ вдохновеннѣе она вливаетъ въ свои звуки тотъ возвышенный энтузіазмъ, то потрясающее негодованіе, ту пронзающую скорбь, которыя въ сердцахъ, способныхъ сильно чувствовать, зажигаются идеей свободы, ея побѣдами и пораженіями.

С. Буличъ.

1908 г., ноябрь.

АННЕКСІЯ БОСНІИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ

И

ОТНОШЕНІЕ КЪ НЕЙ СЛАВЯНСТВА

Когда газеты принесли вѣсть о произведенной Австріею аннексіи Босніи и Герцеговины, единодушное негодованіе овладѣло русскимъ общественнымъ мнѣніемъ. Оно нашло выраженіе въ русской печати безъ различія направленій. Голоса, не раздѣлявшіе этого настроенія, были одиноки.

Моментъ былъ весьма знаменательный. Интересъ къ славянству незадолго передъ тѣмъ, весной 1908 года, оживился благодаря пріѣзду политическихъ дѣятелей изъ австрійскихъ славянъ. Въ это время у насъ былъ поставленъ вопросъ о примиреніи съ поляками, необходимость котораго чувствовалась и сознавалась и съ точки зрѣнія идейной, въ видахъ торжества славянской взаимности, и съ точки зрѣнія практической потребности уладить пришедшія въ крайнее разстройство отношенія между двумя крупными славянскими народностями. Лѣтомъ состоялся славянскій съѣздъ въ Прагѣ, на которомъ обсуждались все тѣ же жгучіе вопросы славянской жизни. Славянскіе интересы овладѣли широкимъ кругомъ общественныхъ дѣятелей. Въ Прагѣ побывали многіе изъ русскихъ, мало знакомые съ славянствомъ, и это краткое пребываніе въ чешской столицѣ поселило въ нихъ энтузіазмъ къ славянству. Въ Петербургѣ и Москвѣ возникли два новыхъ славянскихъ общества славянской взаимности и славянской культуры, въ составъ которыхъ вошли люди изъ такой среды, которая была чужда старымъ славянскимъ обществамъ. Это было торжествомъ славянской

идеи. Увеличивалось число и становился разнообразнѣе характеръ ея сторонниковъ.

И вотъ, послѣ всего этого, въ славянскомъ мірѣ стряслась большая бѣда. Престарѣлый австрійскій императоръ на склонѣ дней присоединяетъ къ своимъ владѣніямъ двѣ чисто-сербскія провинціи, отданныя Австріи, на берлинскомъ конгрессѣ 1878 г., во временное управленіе, съ сохраненіемъ суверенитета султана. И это дѣлается съ нарушеніемъ международнаго договора, не справляясь съ волей населенія Босніи и Герцеговины. Тронута незажившая рана, которую болѣзненно чувствуетъ весь сербскій народъ. Въ 1878 году по отношенію къ этому народу совершена была вопіющая несправедливость: Боснія и Герцеговина, поднявшія въ 1875 г. возстаніе противъ турокъ, не получили автономіи, подобно Восточной Румеліи; не осуществилось ихъ желаніе присоединиться къ Сербіи и Черногоріи. Сербія и Черногорія пришли на помощь боснякамъ и герцеговинцамъ, дважды вели войну съ турками,—и тѣмъ не менѣе, послѣ побѣдоносной русско-турецкой войны, Боснія и Герцеговина изъ одного ига перешли въ другое, попали, какъ говоритъ наша пословица, изъ огня да въ полымя. Этого мало: разъ совершённое насиліе повторено, отнята надежда на достиженіе лучшаго будущаго, усугублена нанесенная безъ вины виноватому страшная обида.

Легко понять, какъ должны были отнестись къ аннексіи сербы королевства и Черногорскаго княжества. Всего только четыре года прошло послѣ того, какъ сербы праздновали столѣтіе своего освобожденія отъ турецкаго владычества. Вождемъ ихъ въ 1804 году былъ дѣдъ нынѣ царствующаго короля Петра, воспѣтый Пушкинымъ Георгій Черный. — Начало борьбы съ турками совпало съ оживленіемъ національной сербской литературы. Знаменитый Вукъ Стефановичъ Караджичъ собиралъ народныя пѣсни, сказки, пословицы, составилъ грамматику сербскаго языка, напечаталъ прекрасный сербскій словарь, возвелъ на степень литературнаго языка южное сербское нарѣчіе— какъ разъ то нарѣчіе, которымъ говоритъ населеніе Герцеговины и Босніи. Живое сочувствіе Европы сопровождало сербовъ на зарѣ освобожденія. У насъ Пушкинъ, у поляковъ Мицкевичъ, у нѣмцевъ самъ Гёте перевели нѣсколько народныхъ пѣсенъ. Гриммъ перевелъ на нѣмецкій языкъ грамматику Караджича. Знаменитый нѣмецкій историкъ Ранке написалъ исторію сербской революціи, т.-е. освобожденія Сербіи отъ ига турокъ. Бодро смотрѣли сербы на будущее родины. Было отомщено Косово поле, воскресла независимость государства, около пяти вѣковъ

бывшаго подъ владычествомъ турокъ, державы Нѣманичей, славу которыхъ напомнили превосходныя косовскія пѣсни, записанныя Вукомъ Караджичемъ. Въ перспективѣ открывалась надежда на объединеніе съ остававшимися подъ властью турокъ босняками и герцеговинцами, жителями старой Сербіи. Кажется, сербы довольно таки принесли пользы Европѣ героической борьбой съ турками. Они были оплотомъ Австріи на границѣ ея съ Турціей. Намъ, русскимъ, они были надежными союзниками, начиная съ Петра Великаго.

Народъ, проникнутый живымъ національнымъ чувствомъ, обнаружившій блестящія культурныя способности (Законникъ Душана, превосходныя задужбины царей, изящныя, со вкусомъ построенныя церкви, великолѣпная народная поэзія, устойчивый бытовой строй, выразившійся въ задругѣ, своеобразная красота обрядовъ, освященная вѣрностью вѣковымъ обычаямъ) заслуживалъ любви и довѣрія. Но Европа все это забыла, обрекши Боснію съ Герцеговиной на жертву Австріи, отдѣливъ Новобазарскимъ санджакомъ Сербію отъ Черногоріи. И теперь, послѣ аннексіи, это положеніе дѣлъ грозитъ остаться надолго, если не навсегда. Было бы лишнимъ подробно останавливаться на томъ, какъ важно различіе между оккупаціею, которую нельзя было и считать иначе какъ временною, и аннексіею, т.-е. полнымъ присоединеніемъ. При встрѣчѣ съ сербомъ русскому всегда приходилось выслушивать горькія жалобы на то, что Россія допустила занятіе Босніи—и всегда оставалось одно утѣшеніе, что положеніе Босніи подъ австрійскимъ управленіемъ есть положеніе временное.

Когда на берлинскомъ конгрессѣ представитель Сербіи Ристичъ жаловался на уступчивость Россіи барону Жомини, баронъ утѣшалъ его несбывшеюся надеждою: вамъ остается утѣшеніе, что лѣтъ черезъ пятнадцать, самое большее, мы должны сосчитаться съ Австріей.

Оканчивая изложеніе дипломатическихъ переговоровъ на берлинскомъ конгрессѣ, Ристичъ говоритъ: „оккупація даетъ возможность питать надежду на освобожденіе. При аннексіи, которую предлагалъ Наполеонъ III и къ которой могло привести неблагопріятное стеченіе обстоятельствъ, такая надежда слабѣе. Сербская пословица говоритъ: „Од роба икад, од гроба никад“, т.-е. отъ рабства (можно освободиться) когда-нибудь, отъ гроба—никогда.

Такой же взглядъ на оккупацію высказывается и въ запискѣ сербскаго университета по вопросу объ аннексіи Босніи и Гер-

цеговины, присланной въ наши университеты. „Въ сербскомъ народѣ всегда было твердое убѣжденіе, что австрійская оккупація Босніи и Герцеговины только временна и что никто, а Россія въ особенности, не позволитъ сдѣлаться ей постоянною... Именно потому, что австрійская оккупація такъ очевидно была направлена противъ интересовъ славянства, мы, сербы, были увѣрены, что Россія соглашалась на нее только временно, подъ давленіемъ неблагопріятнаго политическаго положенія, въ которомъ находилась въ 1878 г. Мы всегда надѣялись, что Россія, когда положеніе это перемѣнится въ ея пользу, попытается вернуть славянству потерянную позицію на Балканскомъ полуостровѣ... Полнымъ присоединеніемъ Босніи и Герцеговины Австрія совершила великую неправду надъ народомъ этихъ двухъ областей и нанесла смертельный ударъ двумъ свободнымъ сербскимъ государствамъ... Въ національномъ отчаяніи мы спрашиваемъ себя, могутъ ли Сербія и Черногорія жить отдѣльно отъ Босніи и Герцеговины, какъ свободныя національныя государства?“ У насъ полное основаніе опасаться, что послѣ аннексіи Босніи и Герцеговины Австріи захочется, по праву болѣе сильнаго, попытаться сдѣлать то же и съ Сербіей. Съ аннексіей начинается австрійская завоевательная политика, которой невозможно предвидѣть предѣловъ. Какъ свидѣтельство о противномъ должно было бы служить заявленіе австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, что Австрія не желаетъ никакихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній на Балканскомъ полуостровѣ; но значеніе этого заявленія ослаблено въ значительной степени тѣмъ обстоятельствомъ, что оно дается какъ разъ въ то время, когда совершается полное территоріальное завоеваніе двухъ сербскихъ областей. Не заслуживаетъ довѣрія заявленіе государства, которое такъ легко попираетъ свои обязательства, гарантированныя международнымъ договоромъ“.

Намъ вполнѣ понятны эти чувства сербовъ и ихъ опасенія. Въ 1878 г. въ нашей печати былъ высказанъ сильный протестъ противъ того положенія, въ какое берлинскій договоръ поставилъ Сербію, Боснію и Герцеговину. Мы разумѣемъ статьи извѣстнаго историка А. Майкова и знаменитую рѣчь И. С. Аксакова. Послѣдняя нашла сейчасъ же откликъ не только въ ежедневной печати, но и въ поэзіи. Извѣстный сербскій поэтъ Змай Іовановичъ посвятилъ нашей дипломатіи прекрасное стихотвореніе, въ которомъ изливалъ горькія жалобы на отношеніе ея къ сербамъ, какъ мачихи. „Берлинскій договоръ осудилъ сербовъ на гибель, сербскія оковы стали немного просторнѣе, но гораздо крѣпче. Бѣлый день

занялся только для того, чтобы видѣть сербство, разорванное на части, чтобы видны были его раны, гдѣ онѣ есть—а гдѣ ихъ нѣтъ, чтобы тамъ были нанесены новыя раны. Разогнана ночь, чтобы сербы не могли и мечтать о своемъ единствѣ, ради котораго они принесли столько жертвъ". Каждый куплетъ этого стихотворенія оканчивается словами: „Блаженъ, кто возлагаетъ на тебя надежды, но дальше пусть разскажетъ тебѣ Аксаковъ".

Что эти обвиненія нашей дипломатіи были справедливы, мы теперь знаемъ хорошо, послѣ того какъ стали извѣстны бывшія въ свое время дипломатической тайной условія рейхштадтскаго соглашенія передъ русско-турецкой войной.

Изъ прекрасной книги Горяинова: „Босфоръ и Дарданеллы", написанной на основаніи документальныхъ матеріаловъ, мы узнаемъ, какъ австрійской дипломатіи, руководимой и поддерживаемой Бисмаркомъ, удалось склонить нашу дипломатію къ невыгодному и для насъ, и для южныхъ славянъ соглашенію.

Въ виду вызваннаго возстаніемъ Босніи и Герцеговины возбужденія въ Сербіи и Черногоріи, въ Австріи опасались, какъ бы возставшія провинціи не присоединились къ сербскимъ княжествамъ. Австрія не допускала образованія на своихъ границахъ самостоятельнаго славянскаго государства. Лично графъ Андраши, австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, высказывался противъ присоединенія Босніи и Герцеговины къ Австріи, находя такое присоединеніе невыгоднымъ, въ виду крайней ихъ бѣдности и низкой степени развитія. Онъ предпочиталъ, чтобы Боснія и Герцеговина оставались подъ властью султана и, самое большее, получили бы самоуправленіе. Такова была точка зрѣнія графа Андраши, когда, въ качествѣ посредника между Россіей и Австріей, на сцену выступилъ князь Бисмаркъ, желавшій направить Австрію на востокъ.

Князь Бисмаркъ сталъ внушать русской дипломатіи мысль округлить Австрію со стороны Босніи. Онъ зналъ, что императоръ Александръ II прежде положительно не допускалъ возможности для Австріи расшириться въ этомъ направленіи. И нашъ посолъ въ Вѣнѣ Новиковъ въ 1875 г. возставалъ противъ возможности одного только вступленія австрійскихъ войскъ въ Боснію, опасаясь увеличенія обаянія Австріи среди славянъ.

Идея Бисмарка сейчасъ же была воспринята австрійской дипломатіей. Въ отличіе отъ Россіи, которая стремилась къ прочному улучшенію положенія христіанъ въ турецкихъ областяхъ, путемъ предоставленія Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи широкаго самоуправленія по программѣ англійской либеральной

партіи, Австрія противилась такой автономіи названныхъ областей, выжидая съ нетерпѣніемъ того момента, когда распаденіе Турціи дастъ ей возможность округлить свои границы въ Босніи.

Интересна та постепенность, съ какой шла рѣчь о такомъ округленіи. По условіямъ рейхштадтскаго соглашенія въ первоначальной редакціи, „въ случаѣ торжества ислама обѣ державы согласились принять мѣры къ прекращенію неистовствъ мусульманъ противъ христіанскаго населенія и настоять на введеніи преобразованій въ Босніи и Герцеговинѣ. Въ случаѣ побѣды христіанъ, державы не допустятъ образованія крупнаго славянскаго государства; къ Сербіи и къ Черногоріи могутъ быть присоединены: къ первой — нѣкоторые округа у рѣки Дрины въ Босніи, ко второй — часть Герцеговины, но за то и Австрія должна получить турецкую Хорватію и нѣкоторые округа Босніи, смежные съ границей. Россія будетъ имѣть право возвратить себѣ часть Бессарабіи, уступленную по парижскому договору, а если бы пожелала, то присоединить Батумъ къ своимъ владѣніямъ. Въ случаѣ же распаденія всей Оттоманской имперіи, въ Европѣ изъ Болгаріи и Румеліи должны образоваться независимыя княжества, Эпиръ и Ѳессалія присоединятся къ Греціи, а Константинополь сдѣлается вольнымъ городомъ“ [1]).

По этому условію Австрія получала только турецкую Хорватію и смежные съ границей округа, иначе говоря—даже не всю Боснію, а Герцеговина предназначалась для Черногоріи. Новиковъ, въ виду того, что Россіи возвращалась утраченная ею часть Бессарабіи, сочувствовалъ присоединенію части Босніи къ Австро-Венгерской монархіи. Съ политической точки зрѣнія, по его мнѣнію, для насъ довольно безразлично, что нѣсколько сотъ тысячъ босняковъ, большею частью католиковъ и мусульманъ, чувствуютъ естественное влеченіе къ сосѣдней монархіи. Съ человѣческой точки зрѣнія, мы можемъ только радоваться тому, что наши боснійскіе единовѣрцы, освобожденные изъ-подъ унизительнаго гнета пашей, получатъ облегченія въ своихъ бѣдствіяхъ, вступивъ въ составъ христіанскаго образованнаго государства“ [2]).

Но Австрія на этомъ не остановилась. Опираясь на сочувствіе Пруссіи, военная партія въ Вѣнѣ убѣдила императора Франца-Іосифа въ необходимости присоединить къ имперіи всю Боснію, а не одну только турецкую Хорватію.

---

[1]) Горяиновъ, „Босфоръ и Дарданеллы“, Спб. 1907, стр. 291.

[2]) Горяиновъ, „Босфоръ и Дарданеллы“, стр. 296.

А еще позднѣе, какъ видно изъ письма Горчакова Новикову отъ 21-го октября, Андраши заявилъ домогательство не только на всю Боснію, но и на Герцеговину. 3 — 15 ноября Францъ-Іосифъ включалъ въ сферу вліянія монархіи Герцеговину, а графъ Андраши объяснялъ *простой опиской*(!!)... неупоминаніе Герцеговины въ памятной запискѣ, составленной въ Рейхштадтѣ [1]). Мало того: австрійскій министръ не допускалъ, чтобы наши военныя дѣйствія могли распространяться на Сербію и Черногорію и чтобы войска этихъ княжествъ оказали намъ содѣйствіе. Онъ требовалъ, чтобы могущее произойти, въ случаѣ русскихъ побѣдъ, расширеніе владѣній Сербіи и Черногоріи было произведено изъ территоріи Босніи и Герцеговины исключительно по усмотрѣнію Австріи, а изъ земель со стороны Албаніи и Старой Сербіи—по соглашенію ея съ Россіей [2]). Наконецъ, Андраши настаивалъ еще на томъ, что Сербія и Черногорія и полоса земли, ихъ отдѣляющая, составили нейтральное пространство, непроходимое для войскъ какъ русскихъ, такъ и австрійскихъ. Противъ этого императоръ Александръ отмѣтилъ: „это не можетъ быть принято", и выразилъ удивленіе, какъ Новиковъ могъ принять такія условія [3]).

Въ окончательной редакціи соглашенія Австрія согласилась на участіе сербскихъ и черногорскихъ войскъ въ совмѣстныхъ дѣйствіяхъ съ нашими внѣ предѣловъ ихъ княжествъ, но занятіе Сербіи было положительно запрещено нашимъ войскамъ. Какъ видно, нейтралитетъ Австріи въ предстоявшей русско-турецкой войнѣ былъ купленъ страшно дорогой цѣной. Поощряя русскихъ добровольцевъ въ борьбѣ за независимость сербовъ,—справедливо замѣчаетъ Горяиновъ—наше правительство подписывало тайный договоръ съ Австріей, которымъ признавало за нею право на присоединеніе Босніи и Герцеговины. При такихъ условіяхъ дѣло освобожденія босняковъ и герцеговинцевъ, которые первые подняли возстаніе за свободу, напередъ должно было считаться проиграннымъ. Дипломатическія сношенія съ Австріей, приведшія къ рейхштадтскому соглашенію, объясняютъ намъ—иначе мало понятное—отношеніе нашего правительства къ Сербіи передъ началомъ русско-турецкой войны. Силы Турціи не были нами точно взвѣшены. Война, послѣ неудачъ подъ Плевной, затянулась; военныхъ силъ, двинутыхъ въ Турцію, оказалось недостаточно. При-

[1]) Во всѣхъ этихъ переговорахъ изумителенъ полный контрастъ между натискомъ австрійской дипломатіи и уступчивостью—русской.

[2]) Горяиновъ, „Босфоръ и Дарданеллы", стр. 303.

[3]) Ib., стр. 304.

шлось посылать подкрѣпленія. Спрашивается, отчего же хотя часть нашего войска не была направлена въ Сербію? Конечно, сербы были ослаблены только-что кончившейся войной, но вѣдь уже по одному тому, что они хорошо понимали значеніе русско-турецкой войны, они готовы были принять въ ней участіе и принести дальнѣйшія жертвы. И однако, когда съ ихъ стороны такое предложеніе послѣдовало, отвѣтъ нашего правительства былъ уклончивый. Выражалось желаніе, чтобы Сербія выступила противъ Турціи, но съ оговоркой, чтобы иниціатива этого выступленія принадлежала самой Сербіи. Сербію предупреждали, что она не должна вести военныя операціи со стороны Босніи. Теперь все ясно: мы были заранѣе связаны заключенными съ Австріей условіями.

Однако дипломатическія соглашенія всегда имѣютъ относительную цѣнность. Когда при Плевнѣ наша армія терпѣла большой уронъ, изъ главной русской квартиры обращены были къ сербамъ призывы скорѣе начать военныя дѣйствія. И здѣсь уже сами сербы, по разнымъ причинамъ отлагавшіе ихъ начало, себѣ повредили.

Заключенный послѣ окончанія военныхъ дѣйствій договоръ въ Санъ-Стефано также проливаетъ свѣтъ на отношенія наши къ сербамъ. У нашего посла въ Константинополѣ, графа Игнатьева, былъ опредѣленный планъ: онъ ставилъ задачей создать политическое могущество болгаръ. Болгарія должна была стать самымъ сильнымъ славянскимъ государствомъ на Балканскомъ полуостровѣ; владѣя балканскими проходами, она обезпечивала бы успѣхъ дальнѣйшей борьбы Россіи съ Турціей. Этимъ можетъ быть объяснено явно неодинаковое отношеніе наше къ болгарамъ и сербамъ. Санъ-стефанская Болгарія включала въ своихъ границахъ всю болгарскую народность, въ самомъ широкомъ объемѣ. Въ нее входили не только мѣстности, внѣ сомнѣнія принадлежащія болгарамъ, но и такія, о которыхъ можетъ быть споръ. Эта цѣлокупная Болгарія стала съ тѣхъ поръ лозунгомъ болгаръ. Сами не имѣя русскихъ земель въ полной цѣлости, мы старались дать такую цѣлость болгарамъ. Можно было бы и не возражать противъ этого, если бы мы имѣли возможность отстоять и западную часть Балканскаго полуострова, сербскія земли Босніи и Герцеговины. Уступки на западѣ были опаснѣе; разъ допущенныя, онѣ открывали Австріи дальнѣйшій путь къ Солуню, облегчали въ будущемъ новые захваты. Справедливость требуетъ сказать, что графъ Игнатьевъ хотѣлъ обезпечить и сербовъ: Боснія и Герцеговина по санъ-стефанскому договору получали широкую

автономію, какую предлагала константинопольская конференція. Сербы хорошо оцѣнили этотъ пунктъ. Съ общесербской точки зрѣнія, говоритъ Ристичъ, должно сожалѣть о санъ-стефанскомъ договорѣ ради рѣшенія, которое дано въ Берлинѣ вопросу о судьбѣ Босніи и Герцеговины. И нынѣшнимъ лѣтомъ, по случаю кончины графа Игнатьева, босняки и герцеговинцы поминали его за это добромъ. При всемъ томъ, изъ того, какъ мы отстаивали сербскіе интересы, было очевидно, что сербы стояли для насъ на второмъ планѣ. Русскіе дипломаты и не скрывали этого. Гирсъ говорилъ Ристичу: сперва русскіе интересы, потомъ болгарскіе и уже затѣмъ сербскіе,—а въ нѣкоторыхъ случаяхъ болгарскіе интересы стоятъ наравнѣ съ русскими.

Наша дипломатія забывала, что, слишкомъ выдвигая Болгарію на первый планъ, она давала поводъ подозрѣвать истинную, не безкорыстную причину такого предпочитанія болгаръ сербамъ. Она не предвидѣла тѣхъ опасностей, которыя въ будущемъ могутъ возникнуть и для восточной половины Балканскаго полуострова послѣ полнаго захвата западной: вѣдь пропадутъ сербы, пропадутъ и болгары. А это равносильно крушенію всей нашей вѣковой миссіи среди южныхъ славянъ Балканскаго полуострова, со временъ Петра Великаго нашихъ постоянныхъ союзниковъ въ борьбѣ съ турками. Послѣ войны съ Японіей особенно ясно значеніе среды, въ которой ведется борьба. Во всѣхъ турецкихъ походахъ мы всегда вступали въ области съ единоплеменнымъ и единороднымъ намъ населеніемъ, содѣйствіе котораго обезпечивало намъ успѣхъ. На берлинскомъ конгрессѣ санъ-стефанскій договоръ подвергся существеннымъ измѣненіямъ. Болгарія была раздѣлена на княжество, находящееся лишь въ вассальной зависимости отъ Турціи, и автономную провинцію Румелію; Македонія осталась въ рукахъ турокъ. И не смотря на это, положеніе болгаръ оказалось гораздо болѣе благопріятнымъ, чѣмъ положеніе сербовъ. Сербія и Черногорія получили незначительное расширеніе границъ. Правда, на берлинскомъ конгрессѣ территорія Сербіи была нѣсколько болѣе увеличена, чѣмъ по санъ-стефанскому договору, но, что было самое важное, Боснія и Герцеговина были отданы въ оккупацію Австріи. Берлинскимъ конгрессомъ создана на Балканскомъ полуостровѣ двоякая сфера вліянія: Россіи и Австріи. И въ этомъ отношеніи болгаре, благодаря своему географическому положенію, оказывались счастливѣе сербовъ: они отходили въ сферу русскаго вліянія, сербы—въ сферу астрійскаго. При всѣхъ ошибкахъ, какія были допущены въ нашихъ отношеніяхъ къ Болгаріи, Россія сдѣлала для болгаръ чрезычайно

много. Русскіе блестяще организовали болгарскую армію, оказали Болгаріи матеріальную поддержку и, что всего важнѣе, ограничились временной оккупаціей, не помѣшали политической независимости болгаръ. Разрывъ Россіи съ Болгаріей въ 1885 г. въ значительной степени объясняется враждебной Россіи политикой князя Александра. И если Россія долго не признавала совершившейся въ 1885 г. перемѣны соединенія княжества съ Румеліей, то и отъ этого Болгарія не осталась въ проигрышѣ. Европейскія державы, убѣдившись, что состоявшееся соединеніе произошло безъ участія Россіи, не поколебались поддержать Болгарію.

Иное было положеніе сербовъ. Зависимость отъ Австріи подчинила Милана австрійской политикѣ, довела Сербію до войны съ Болгаріей въ 1885 г., создала цѣлый рядъ несчастій сербскому народу, настрадавшемуся отъ деспотизма Милана. Обреновичамъ она принесла гибель династіи.

Что касается насъ самихъ, то соглашеніе съ Австріей привело насъ къ политикѣ на Балканахъ, несогласной ни съ нашими, ни съ славянскими интересами. Наши интересы на ближнемъ Востокѣ требуютъ одинаково справедливыхъ отношеній и къ болгарамъ, и къ сербамъ; мы должны даже гораздо болѣе заботиться объ оказаніи поддержки тѣмъ, кто слабѣе, чье положеніе послѣ захватной политики Австріи стало опаснѣе. Провозглашенный Гладстономъ девизъ: „Балканы для балканскихъ народовъ", мы должны всячески поддерживать, не опуская случая освободиться отъ ложной политики соглашеній съ Австріей. Провозглашенная въ Берлинѣ оккупація Босніи и Герцеговины обошлась Австріи дорогой цѣной, какъ и можно было этого ожидать, разъ что она вступала въ эти провинціи вопреки волѣ населенія. Это населеніе, при единствѣ народности, раздѣлялось по вѣроисповѣданію на три группы: 496.485 православныхъ, 448.613 мусульманъ и 209.391 католиковъ (по даннымъ 1879 г.). По переписи 1895 г. — 673.246 православныхъ, 548.632 мусульманъ и 334.142 католиковъ. И вотъ, при такомъ отношеніи этихъ группъ только меньшею изъ нихъ по численности было выражено желаніе присоединенія къ Австріи. Да и это было дѣломъ францисканцевъ. Въ началѣ боснійскаго движенія, послѣ объявленія Сербіей войны Турціи, при явныхъ симпатіяхъ къ сербамъ Россіи, францисканцы просили австрійскаго императора о томъ, чтобы, въ случаѣ уступки или утраты Босніи султаномъ, ею завладѣлъ славный Габсбургскій домъ. Подобная же просьба была обращена и къ берлинскому конгрессу. Инымъ было отношеніе

православныхъ сербовъ и мусульманъ: упорное активное сопротивленіе оккупаціи оказали главнымъ образомъ мусульмане, терявшіе господствующее положеніе. Немалыхъ усилій стоило австрійцамъ его подавить, не скоро оно прекратилось. Да и послѣ побѣды австрійскихъ войскъ долго еще тянулась скрытая борьба противъ Австріи и велико было число австрійскихъ офицеровъ, убитыхъ въ разное время противниками оккупаціи. Нѣсколько позднѣе, когда оккупаціонное правительство въ 1882 г. издало указъ объ отбываніи воинской повинности, вспыхнуло героическое возстаніе въ Кривошіи и Герцеговинѣ, служившее яснымъ указаніемъ, что австрійцы не снискали расположенія населенія. Теперь сторонники австрійской политики на этихъ обстоятельствахъ основываютъ дальнѣйшія права Австріи на аннексію.

Принявшись хозяйничать въ Босніи и Герцеговинѣ, австрійцы съ успѣхомъ трудились въ области матеріальной культуры этихъ провинцій, которыя при турецкомъ владычествѣ были въ этомъ отношеніи совсѣмъ запущены. Проводились желѣзныя дороги, улучшались пути сообщенія, устраивались почтовыя и телеграфныя станціи, въ главныхъ городахъ строились величественныя зданія. Правительство заботилось объ улучшеніи земледѣлія и сельскаго хозяйства, покровительствовало заводской и промышленной дѣятельности. Эту сторону дѣла обычно и прославляютъ посѣщавшіе Боснію и Герцеговину иностранцы. Никто не отрицаетъ заботъ правительства о матеріальной культурѣ страны, но вѣдь все это было бы сдѣлано и всякимъ другимъ разумнымъ управленіемъ; только народное правительство не было бы поставлено въ необходимость тратить средства на охрану своей власти, какъ это были вынуждены сдѣлать насильственно захватившіе Боснію и Герцеговину австрійцы. И помимо этого, бросается въ глаза показный характеръ культурныхъ заботъ. Даже расположенные къ Австріи путешественники не могли не обратить на это вниманіе. „Новыя казенныя зданія, построенныя въ послѣдніе годы, какъ-то дворецъ народной влады (правительства), зданіе суда, ратуша — пишетъ М. Черминьскій—импонируютъ своей величиной и прекраснымъ устройствомъ. Гранитныя колонны, мраморныя лѣстницы, фрески, позолота, гипсовая или мраморная отдѣлка — поглотили милліоны. Подобныя зданія были бы умѣстны въ Вѣнѣ или какой-нибудь столицѣ, но для главнаго провинціальнаго города, кажется, излишни, особенно если принять во вниманіе, что промышленность еще въ зародышѣ, земледѣліе и торговля не развиты. Турки (т.-е. сербы-мусульмане), да и не только турки, упрекаютъ правительство за то,

что казенныя деньги въ Сараевѣ тратятся расточительно въ ущербъ провинціи. Быть можетъ, оккупаціонное правительство имѣло въ виду не нынѣшнія потребности, а нужды того отдаленнаго будущаго, когда признаваемое теперь излишествомъ станетъ необходимостью" [1]).

Такъ и во всемъ остальномъ. Желѣзныя дороги построены главнымъ образомъ въ интересахъ стратегическихъ и политическихъ. Боснія обращена къ Адріатическому морю, куда выходятъ ея природные пути. Поэтому и слѣдовало бы прежде всего соединить ее съ главными торговыми пристанями Далмаціи. Что же сдѣлано вмѣсто этого? Правда, есть желѣзная дорога, которая отъ Сараева спускается въ приморье; но эта линія — замѣчательная по техническому исполненію — частью узкоколейная, и сверхъ того зубчатая; она кончается у небольшой пристани Метковичъ въ узкомъ заливѣ Неретвы, которая совершенно недоступна для судовъ съ нѣсколько большимъ грузомъ. Давно говорится о необходимости желѣзнодорожной линіи на Сплѣтъ, подымался вопросъ о ней и въ делегаціяхъ, но всѣ знаютъ, что этой дороги проведено не будетъ, потому что, увеличивая благосостояніе Сплѣта, она повредитъ Рѣкѣ (Фіуме), а на это не согласится Венгрія. Встрѣчаетъ препятствіе соединеніе Дубровника съ линіей, которая идетъ изъ Сараева въ Метковичи. И вообще Боснія имѣетъ быстрое и удобное сообщеніе съ Венгріей, но не имѣетъ съ Австріей. Экономически Боснія въ полной зависимости отъ Венгріи [2]).

Еще меньше связь оккупированныхъ провинцій съ сосѣдними сербскими государствами — Сербіей и Черногоріей. На границѣ съ Сербіей на рѣкѣ Link Дринѣ есть только одна плохая переправа, съ помощью которой поддерживается сообщеніе между боснійскимъ и сербскимъ берегами, и переходъ изъ Босніи въ Сербію и обратно соединенъ съ большими затрудненіями. Между Босніей и Сербіей австрійцы сдѣлали изъ Дрины китайскую стѣну. Бывшія когда-то между турецкой Босніей и Сербіей частыя сношенія нынѣ почти совсѣмъ прекратились. То же и на границѣ съ Новобазарскимъ санджакомъ.

Еще хуже положеніе дѣлъ на границѣ съ Черногоріей. Въ книгѣ Голечка: „Босна и Герцеговина во время оккупаціи", цѣлая глава посвящена черногорской границѣ и политикѣ Австріи по отношенію къ Черногоріи. Не говоримъ уже о затрудненіи

[1]) Z podróży po Bośni i Hercegowinie. Краковъ, 1899, стр. 188.
[2]) „Дѣло" 24 іюня 1902 г., стр. 48—49.

обычныхъ сношеній, о преслѣдованіи путниковъ, идущихъ въ монастыри, находящіеся на черногорской территоріи (Косюрево, Острогъ), о преслѣдованіи пастуховъ, пасущихъ на границѣ мелкій скотъ. Лишь только овца или коза перейдетъ австрійскую границу, ее задерживаютъ, а пастуха, отыскивающаго животное, арестуютъ. Всякія сношенія между герцеговинцами и черногорцами, при турецкомъ владычествѣ бывшими въ тѣсномъ общеніи, теперь прерваны. Австрія ведетъ съ Черногоріей непрерывную торговую войну, отъ которой страдаетъ не только Черногорія, но и сосѣдняя австрійская Бока Которская. Когда Черногорія выразила желаніе заключить торговый договоръ, Австрія не соглашалась, чтобы этотъ договоръ распространялся и на Боку Которскую, и на Герцеговину. Въ свою очередь Черногорія на эти условія не согласилась. Австрія стала облагать черногорскій вывозъ боевыми пошлинами. Черногорія была вынуждена искать себѣ для вывоза сырья новые рынки въ Италіи, Мальтѣ, Марсели, и такимъ образомъ начала освобождаться отъ зависимости Австріи.

Не лучше обстоитъ дѣло и въ предѣлахъ оккупированныхъ провинцій. Различныя сельско-хозяйственныя станціи, мастерскія, заводы, добыча руды, угля, эксплуатація лѣса—все ведется такъ, что или не достигаетъ цѣли, по нежеланію сообразоваться съ природными условіями и взглядами населенія, или не даетъ дохода. Пріобрѣтался, напр., крупный скотъ и продавался крестьянамъ по высокой цѣнѣ 200 флориновъ за корову, съ уплатой по 10 флориновъ въ мѣсяцъ. Но такой скотъ нуждается въ очень хорошемъ кормѣ и уходѣ, крестьянинъ не имѣлъ средствъ запасти въ достаточномъ количествѣ корма, коровы погибали, а крестьянинъ должалъ. Такой скотъ не пригоденъ также и благодаря неровности почвы въ Босніи. Неудачны были и опыты скрещиванья крупной расы съ мелкой мѣстной. Лѣсъ продается крупнымъ торговымъ фирмамъ по низкой цѣнѣ, съ явнымъ убыткомъ для казны. Нѣкоторыя предпріятія, напр. устройство курорта Илидже и конскихъ бѣговъ, могутъ оправдываться только желаніемъ пустить пыль въ глаза пріѣзжимъ иностранцамъ и совершенно не нужны населенію. Наплывъ иностранцевъ и особенно евреевъ послѣ оккупаціи привелъ къ тому, что они захватили въ свои руки торговлю, которая при туркахъ была въ рукахъ сербовъ.

Въ то время какъ оккупаціонное правительство выставляло на показъ свою дѣятельность въ извѣстномъ районѣ оккупированныхъ провинцій, окружало предупредительнымъ вниманіемъ

иностранныхъ путешественниковъ и путемъ рекламы распространяло въ Европѣ наилучшее мнѣніе о благополучіи и процвѣтаніи страны, люди, имѣвшіе возможность ближе знать страну, приходили къ инымъ выводамъ. Прежде всего это были сами сербы. Въ 1892 г. въ Загребѣ вышли отдѣльной брошюрой раньше помѣщенныя въ одной изъ загребскихъ газетъ статьи Игн. Димича [1]) о боснійскихъ финансахъ: „Босанске финансије". Эта брошюра представляла въ истинномъ свѣтѣ финансовую политику Калая и позволила критически отнестись къ вышедшему въ 1896 г. оффиціальному изданію оккупаціоннаго правительства: „Главни результати пописа жительства (т.-е. переписи населенія) у Босни и Херцеговини од 22 апр. 1895".

Цѣлый рядъ меморандумовъ былъ поданъ сербами австрійскому императору. Изъ нихъ три касались положенія православной церкви и организаціи вѣроисповѣдно-просвѣтительнаго самоуправленія въ Босніи и Герцеговинѣ; они напечатаны въ книгѣ: „Босанско-Херцеговачки Зборникъ I, Нови Сад, 1902". Четвертый меморандумъ посвященъ аграрному вопросу. Эти памятныя записки, въ которыхъ сербское населеніе жаловалось на притѣсненія со стороны оккупаціоннаго правительства въ дѣлахъ вѣроисповѣдныхъ и на тяжелое экономическое положеніе, производятъ сильное впечатлѣніе. Ими пользовались всѣ тѣ писатели, которые заботились не о похвалахъ Австріи и ея управленію, а о представленіи истиннаго положенія дѣла въ Босніи и Герцеговинѣ. Помимо общаго очерка: „Босна и Херцеговина" Симе Трояновича (Бѣлградъ, 1898) въ частности оккупаціонному періоду посвящены труды Никашиновича, бывшаго долгое время учителемъ въ Босніи и издателемъ журнала „Боснійская Вила". Имъ написана на нѣмецкомъ языкѣ книга: „Боснія и Герцеговина подъ управленіемъ Австро-Венгріи и австро-венгерская балканская политика", переведенная сейчасъ же на сербскій языкъ. Книга имѣла цѣлью познакомить съ дѣятельностью Калая широкую европейскую публику. Сербскій переводчикъ жалуется, что на книгу эту не было обращено должнаго вниманія. Онъ объясняетъ это обстоятельство организаціей крупной печати въ Германіи и Австріи, предлагающей публикѣ только то, чтò угодно классу крупныхъ капиталистовъ, и въ томъ свѣтѣ, въ какомъ ему

---

[1]) Это былъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ положенія дѣлъ въ Босніи и Герцеговинѣ. Ему принадлежатъ статьи о желѣзныхъ дорогахъ и пароходныхъ обществахъ, объ аграрномъ вопросѣ въ оккупированныхъ провинціяхъ, о католической пропагандѣ, о борьбѣ сербовъ и мусульманъ за церковное самоуправленіе и пр. Онъ скончался въ 1902 г.

угодно. Достаточно было пренебрежительнаго отзыва газеты „Pester Lloyd“, чтобы книгу обошли молчаніемъ. Переводчикъ жалуется и на молчаніе русской печати, объясняя его незнакомствомъ съ балканскими дѣлами и непониманіемъ сербскихъ стремленій. Русскіе не отдаютъ себѣ отчета, какое бы значеніе имѣло для нихъ обращеніе Балканскаго полуострова въ смѣсь народовъ, какая имѣется въ нѣкоторыхъ частяхъ Австріи и Венгріи. Намъ кажется, что была еще одна причина, почему книга Никашиновича не обратила на себя вниманія. У насъ какъ разъ въ это самое время явилось очень интересное и обстоятельное сочиненіе Ал. Харузина: „Боснія-Герцеговина. Очерки оккупаціонной провинціи Австро-Венгріи“. Спб., 1901). Въ то же время вышла чешская книга Jos. Holeček: „Bosna a Hercegovina za okkupace“ (Прага, 1901). Оба автора были на мѣстахъ и получили прекрасное понятіе какъ о хорошихъ, такъ и о дурныхъ сторонахъ австрійскаго управленія. Послѣднія имъ помогало понять знакомство съ названными выше меморандумами. Въ 1906 г. вышла еще болѣе рѣзкая, прекрасно написанная, книга французскаго писателя André Barre: „La Bosnie-Hercégovine. Administration autrichienne de 1878 à 1903“. Книга эта сейчасъ же была переведена на сербскій языкъ.

Названныя сочиненія, между которыми три принадлежатъ не сербамъ, а русскому, чеху и французу, въ значительной степени сходятся въ оцѣнкѣ оккупаціонной дѣятельности Австріи въ Босніи и Герцеговинѣ. И еслибы въ политикѣ даже и въ слабой степени принимаемы были во вниманіе начала справедливости, достаточно было бы приведенныхъ въ нихъ фактовъ, чтобы потребовать отъ Австріи немедленнаго прекращенія оккупаціи.

Мы коснемся важнѣйшихъ сторонъ жизни оккупированныхъ провинцій, которыя получили надлежащее освѣщеніе въ указанной нами литературѣ. Начнемъ съ аграрнаго вопроса.

На берлинскомъ конгрессѣ графъ Андраши заявлялъ, что Порта, еслибы за ней осталось управленіе Босніей и Герцеговиной, должна была бы упорядочить аграрный вопросъ, который былъ главной причиной періодическихъ волненій населенія; но такая задача, при раздѣленіи населенія и по вѣрѣ, и по соціальнымъ условіямъ, на враждебные лагери, очень трудна, и рѣшить ее въ странѣ, въ которой вся недвижимая собственность находится въ рукахъ магометанъ, между тѣмъ какъ христіане-кметы и рабочіе составляютъ большинство населенія, можетъ только сильное и безпристрастное правительство.

Какъ же отнеслось къ этой задачѣ австрійское правительство?

Австрійское правительство не только не внесло никакихъ улучшеній, оставивъ въ силѣ турецкій законъ 31 авг. 1859 г., но, напротивъ, съ теченіемъ времени и въ этомъ законѣ произвело измѣненія ко вреду сельскаго населенія—измѣненія, ухудшившія добрыя отношенія между бегами и ихъ христіанскими и магометанскими кметами.

По закону 31 авг. 1859 г., кметы должны были давать въ пользу казны десятую часть всѣхъ произведеній земли, а бегамъ и агамъ—третью часть урожая съ того участка, который имъ данъ для пользованія. Эти подати уплачивались натурой. Для ихъ уплаты назначены были четыре срока въ году. Обязательная уплата должна была наступать только по истеченіи трехмѣсячнаго срока. Взысканіе могло быть только личное.

Послѣ оккупаціи десятина и третина удержаны. Но дѣло измѣнилось къ худшему, потому что десятина взимается не натурой, а деньгами, третину беги берутъ безъ вычета сѣмянъ, который производился прежде, и многіе изъ нихъ берутъ ее не натурой, а наличными деньгами. Для уплаты десятины и третины установленъ только одинъ срокъ въ году—съ сентября до ноября включительно.

На дѣлѣ берется не десятина, а $^2/_5$. Это зависитъ отъ того, что десятина распредѣляется не соразмѣрно съ ежегоднымъ доходомъ, а устанавливается напередъ въ канцеляріяхъ. Хорошій или дурной урожай, идетъ ли впередъ обработка земли или ухудшается—это не принимается во вниманіе: цифра налога должна достигнуть опредѣленной суммы, которая съ каждымъ годомъ повышается. При такихъ условіяхъ государственные доходы въ Босніи и Герцеговинѣ изъ года въ годъ увеличиваются, а страна все больше и больше бѣднѣетъ.

Десятиной обложено все, чѣмъ народъ питается, или, точнѣе, все, что растетъ на землѣ. До чего иногда доходитъ издѣвательство властей, можно судить по слѣдующему примѣру. Съ 1897 до 1899 года Боснія и Герцеговина страдали отъ голода. Весной появлялись болѣзни, люди умирали отъ истощенія. Чтобы избѣгнуть смерти, стали извлекать изъ земли корни, которыми питаются свиньи. Узнавъ, что крестьяне питаются этими корнями, власти обложили ихъ по 3 кроны на сто килъ. Этотъ возмутительный случай былъ раскрытъ на Далматинскомъ соборѣ 1899 г.

При оцѣнкѣ десятины часто возникаютъ большія затрудненія. Оцѣночная коммиссія начинаетъ свою дѣятельность до жатвы, но она не можетъ быть вездѣ въ одно время. У однихъ она оцѣ-

ниваетъ урожай еще на корню, пока хлѣбъ зеленъ. Если крестьянинъ замѣтитъ, что оцѣнка слишкомъ высока, сборщикъ десятины ему отвѣчаетъ: „если ты недоволенъ, то слѣдуетъ оцѣнить твою жатву". Законъ предписываетъ въ случаѣ спора измѣрить собранный хлѣбъ. Но хлѣбъ еще не созрѣлъ. Согласившись на требованіе чиновника, придется его жать и мѣрять: въ убранномъ зеленомъ хлѣбѣ не будетъ зерна, а платить налогъ придется. Въ другія мѣста оцѣнщики приходятъ послѣ жатвы. По закону сжатый хлѣбъ нельзя молотить, прежде чѣмъ не опредѣлится величина десятины. Если крестьянинъ это сдѣлаетъ, его обвинятъ въ желаніи скрыть дѣйствительное количество урожая, и тогда его ожидаетъ штрафъ. Земледѣлецъ ходитъ за сборщикомъ десятины и умоляетъ его сдѣлать оцѣнку. Но всѣ просьбы удовлетворить невозможно. Поэтому сжатый хлѣбъ, сложенный въ снопы, остается въ полѣ. Пройдетъ дождь, и хлѣбъ сгніетъ; тогда жатва пропала. Это заставляетъ крестьянина соглашаться на какую угодно оцѣнку десятины. Оцѣнка производится такъ: берутъ три снопа пшеницы разной величины и измѣряютъ вмѣстѣ съ соломой. Затѣмъ опредѣляютъ количество зерна, которое можетъ дать снопъ. Если при этомъ ошибка будетъ въ окѣ на снопъ, крестьянину наносится огромный убытокъ (на 2.000 сноповъ 666 окъ).

Такъ же производится оцѣнка плодовъ. Заботятся о томъ, чтобы произвести ее пока плоды еще зелены, потому что ихъ тогда больше. Въ случаѣ дурной погоды число сливъ уменьшается. Если сливы зрѣлы, тогда соберутъ ихъ съ двухъ-трехъ деревьевъ, смѣряютъ собранное количество и соразмѣрно ему опредѣлятъ общую сумму, а слѣдовательно и величину десятины. Ошибки могутъ быть значительны, потому что рѣдко два дерева даютъ одно и то же количество плодовъ.

Съ огородныхъ растеній оцѣнка дѣлается на оки сообразно съ числомъ зеленыхъ стеблей, выростающихъ изъ земли. Если настанетъ засуха, тогда, напр., рѣпчатый лукъ будетъ очень мелкій, и гдѣ ожидалось 100 окъ, едва соберутъ 25. Вотъ отчего въ Босніи и Герцеговинѣ, исключая Посавье, не найдешь ни одного огорода. Крестьянинъ его не обрабатываетъ. Разборъ жалобъ на оцѣнку обставленъ тяжелыми условіями. Жалующійся долженъ внести 30 флориновъ на дневные и путевые расходы чиновниковъ. Чиновникъ всегда стоитъ на сторонѣ сборщика десятины.

Налогъ съ десятины вычисляется не по той цѣнѣ, по которой крестьянинъ продаетъ урожай осенью, когда цѣна самая

низкая, а по средней цѣнѣ, которая всегда выше настоящей. При уплатѣ его въ одинъ срокъ, всякій спѣшитъ продать какъ можно большее количество хлѣба и др. продуктовъ, и цѣны падаютъ; производителю приходится платить десятину въ большемъ размѣрѣ.

Другія подати, которыми облагается населеніе, слѣдующія. 1) накидка въ 2% на сумму десятины; 2) налогъ на недвижимость въ 4%; со стоимости земли, жилья, построекъ; 3) церковный налогъ; 4) школьный налогъ; 5) налогъ на скотъ: на воловъ и коровъ по 1 флор. съ головы, на козъ по 50 крейцеровъ, на свинью по 30 кр., на овцу по 10 кр., на улей по 80 кр.; раскладчики налога считаютъ и телятъ, и ягнятъ и пр., не принимая во вниманіе, что нерѣдко болѣзни молодыхъ животныхъ понижаютъ численность скота; жалобы безполезны; 6) налогъ взамѣнъ обязательной работы. Сначала мужчины въ возрастѣ отъ 16 до 60 л. вмѣстѣ съ волами и конями должны были работать шесть дней на путяхъ сообщенія. На самомъ дѣлѣ эта работа отнимала гораздо больше времени. Дорожные надсмотрщики каждому отмѣривала участокъ въ 12 метровъ длины и три ширины, не считая рва. Если въ такомъ мѣстѣ попадались твердая земля, или болото, или камень, или скалы, тогда крестьянинъ съ голыми руками не могъ окончить эту работу въ шесть дней. Ему случалось тратить по 20-ти дней и по мѣсяцу. Съ 1893 года вмѣсто работы натурой былъ введенъ налогъ по три кроны съ человѣка, подъ условіемъ уплатить его до 31 декабря текущаго года. Въ случаѣ неуплаты въ этотъ срокъ налогъ взыскивается на слѣдующій годъ вдвойнѣ. Для пріема этой платы назначены опредѣленные дни и часы до полудня. Одинъ военный чиновникъ для цѣлаго округа съ 40.000 жит. не можетъ принять взносы отъ всѣхъ желающихъ, и неуплатившіе принуждены бываютъ терять рабочіе дни въ самую горячую пору. Казалось бы, на это время не трудно было бы назначить для пріема большее число чиновниковъ.

Налоги взимаются съ населенія съ суровой безпощадностью. Турки находили возможнымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ освобождать крестьянъ отъ налоговъ; оккупаціонное правительство не даетъ пропасть ни одному крейцеру. Въ сентябрѣ 1891 г. крестьяне изъ Баналуки просили по случаю градобитія уменьшить имъ десятину. На эту просьбу они получили отказъ, мотивированный съ грубымъ цинизмомъ: десятина не можетъ быть понижена просителямъ, потому что въ такомъ случаѣ вся Боснія обратится съ подобной просьбой.

Помощь, которой можетъ ожидать крестьянинъ отъ прави-

тельства, ограничивается только тѣмъ, что оно даетъ сѣмена на посѣвъ. При этомъ объявляется, что хлѣбъ будетъ купленъ по извѣстной цѣнѣ, сѣмена же даются по этой цѣнѣ съ надбавкой въ 4%. И въ случаѣ другихъ бѣдствій правительство почти никогда не помогаетъ безвозмездно, а предпочитаетъ давать заимообразно.

Обѣдненіе народа увеличилось послѣ запрещенія рубить лѣсъ. При туркахъ лѣса были свободны. Крестьянинъ имѣлъ право рубить лѣсъ на постройку дома, па орудія, на изгородь, окружающую его земельный участокъ. Оккупаціонное правительство положило всему этому конецъ. Дозволяется брать лѣсъ только на постройку дома и хлѣва. Но и это обставлено такими формальностями, что крестьянинъ предпочитаетъ купить лѣсъ на свои трудовые гроши, чѣмъ обращаться съ просьбой.

Всѣ налоги крестьянинъ долженъ уплачивать съ крайней точностью. Если онъ этого не сдѣлаетъ, власти не задумаются отнять у него имѣнье и довести до крайней нищеты его семью. Личное взысканіе замѣняется вещнымъ. Должникъ не подвергается заключенію; налагается запрещеніе на все его имущество, безъ малѣйшаго снисхожденія. За долгъ въ нѣсколько флориновъ продается все имущество. Съ молотка продается даже хлѣбъ, вынутый изъ печи, продаются иконы и лампады, снимаютъ кожухъ съ плечъ должника; продаются собаки и кошки. Берутъ скотъ, хотя бы и зная, что онъ ему не принадлежитъ.

Въ довершеніе зла правительство провело кадастръ, отъ котораго очень пострадало сельское населеніе. Кадастровая опись была начата въ 1880 г. и окончена въ 1886 г.; она стоила 2.854.063 гульденовъ. Было насчитано 5.460.200 гектаровъ почвы, въ томъ числѣ 1.811.380 г. обрабатываемой, 1.667.500 г. лиственнаго лѣса и 1.059.700 г. хвойнаго лѣса. Были заведены поземельныя книги. Эта работа была необходимая и важная. Но исполнявшая ее коммиссія, составленная изъ иноземцевъ, которые не знали ни языка народа, ни правъ помѣщиковъ и крестьянъ, допустила, намѣренно или по недоразумѣнію, цѣлый рядъ ошибокъ. Коммиссія не считалась съ правомъ пользованія землей и лишила крестьянъ этого права. Крестьяне имѣли право пасти скотъ на землѣ, которая была записана какъ собственность беговъ, т.-е. помѣщиковъ. Они лишились этого права и принуждены были уменьшить свои стада на три четверти.

Послѣдствіемъ аграрной политики явились частыя выселенія крестьянъ. Стали выселяться въ Сербію, Черногорію, Ма-

кедонію и даже въ Турцію. Высказывается подозрѣніе, что правительство намѣренно поддерживало выселеніе. Что это похоже на правду, можно заключать изъ того, что приняты всѣ мѣры для воспрепятствованія выселившимся вернуться на родину. Сознавая гибельность выселеній, боснійскіе патріоты употребляютъ всѣ усилія, чтобы удержать отъ нихъ коренныхъ жителей. Одинъ изъ лучшихъ поэтовъ, сараевецъ родомъ, Алексѣй Шантичъ написалъ прекрасное стихотвореніе: „Оставайтесь здѣсь! Солнце чужого неба не будетъ вамъ свѣтить, какъ свѣтитъ солнце родины; горьки куски хлѣба тамъ, гдѣ нѣтъ своего и гдѣ нѣтъ брата. Кто найдетъ мать лучше своей родной? А ваша мать — эта земля; бросьте взоръ на скалы и поле, всюду находятся гробницы вашихъ прадѣдовъ. Они были достойные удивленія и подражанія люди, умѣвшіе защищать родину; останьтесь и вы въ этой землѣ и за нее пролейте потоки вашей крови. Какъ вѣтка съ опавшими отъ осенняго холода листьями была бы безъ васъ мать земля родная, и мать оплакиваетъ свое чадо. Не дайте слезѣ скатиться съ ея ока, вернитесь къ ней въ святыя объятія, живите для того, чтобы могли умереть на родномъ полѣ, гдѣ васъ встрѣчаетъ слава. Здѣсь всякій васъ знаетъ и любитъ, а тамъ никто васъ не узнаетъ; лучше свои голыя скалы, чѣмъ цвѣтущія поля, гдѣ ходитъ чужеземецъ. Здѣсь всякій по-братски пожметъ вамъ руку, а на чужбинѣ для васъ растетъ полынь; васъ все привязываетъ къ этимъ скаламъ — имя и языкъ, братство и святая кровь". И теперь, послѣ аннексіи, безъ сомнѣнія предвидя ужасы, которые придется пережить населенію во время осаднаго положенія, вожаки боснійскаго движенія умоляютъ народъ терпѣливо ждать исхода кризиса и не покидать родины.

Послѣ выселенія оккупаціонное правительство свободно располагаетъ собственностью переселенца, если земля принадлежала бегу; если же землей пользовался крестьянинъ, то онъ теряетъ право пользованія. На такихъ земляхъ поселяются колонисты. Возникаютъ нѣмецкія, мадьярскія, польскія колоніи. Иногда земля раздается безплатно и колонистамъ даются привилегіи. между прочимъ — освобожденіе отъ уплаты податей на 10 лѣтъ.

Газета „Sarajevski Tjednik" старается ослабить проникающія въ печать жалобы на выселеніе и приводитъ цифры, указывающія незначительный размѣръ эмиграціи. По оффиціальнымъ даннымъ отчета за 1907 г. общее число выселившихся въ 1906 г. достигло 829, изъ которыхъ 565 мусульманъ и 264 православныхъ. Въ Турцію выселилось 510, въ Америку 158, въ Сербію 155, въ Черногорію 3. Выселившіеся въ Аме-

рику были исключительно изъ южной Герцеговины, при чемъ на выселеніе будто бы имѣла вліяніе лихорадочная эмиграція изъ Далмаціи. Въ числѣ легально выселившихся было всего лишь 100 самостоятельныхъ лицъ: 57 свободныхъ землепашцевъ, 25 кметовъ, 5 обѣднѣвшихъ землевладѣльцевъ, два ремесленника, 6 слугъ и 5 челов. неизвѣстнаго занятія.

Что же касается колонизаціи, то „Sar. Tjedn.“ выступаетъ ея защитникомъ. Колонисты, ведущіе хозяйство усовершенствованными пріемами, могутъ служить живымъ примѣромъ для мѣстнаго населенія. Жалобы, что они отнимаютъ землю этого населенія, неосновательны: правительство отдаетъ имъ казенныя еще не воздѣланныя земли, съ обязательствомъ распахать ихъ. Разрѣшеніе переселиться получали только безпорочныя лица, знакомыя съ хозяйствомъ и располагавшія наличными деньгами въ суммѣ не менѣе 1.200 кр. На семью отводилось до 12 гектаровъ нови. Первые три года колонисты освобождались отъ податей, на четвертый годъ начинали платить одну крону арендной платы въ годъ съ гектара. Черезъ 10-ть лѣтъ эта земля переходила въ собственность колонистовъ, подъ условіемъ полученія права боснійскаго гражданства, безупречнаго поведенія и усерднаго, раціональнаго труда. На постройку дома и хозяйственныхъ строеній колонисты получали лѣсъ, и ничего болѣе. Всего отошло колонистамъ 21.892 гектара земли, за которую они заплатили 2.403.616 кронъ. За то же время коренному населенію было отпущено до конца 1905 г. безвозмездно 8.571 гект. Оно должно было только платить по одной кронѣ арендной платы. Послѣ непрерывной обработки въ теченіе 10-ти лѣтъ земля переходитъ въ собственность обработывающаго. Въ 1906 г. отведено еще 1.000 гектаровъ. Изъ этихъ данныхъ все же обнаруживается, что нужды коренного населенія удовлетворены въ значительно меньшей степени, чѣмъ это могло бы быть, еслибы земли, доставшіяся колонистамъ, перешли къ сербскому населенію. Не говоримъ уже о томъ, что приведенныя цифры не даютъ указаній, какъ земля распредѣлена между тремя группами населенія, что̀ при неодинаковомъ отношеніи къ нимъ властей далеко не маловажно. Къ счастію, въ 1905 г. колонизація пріостановлена; но такая пріостановка еще не можетъ служить ручательствомъ охраны коренного населенія. Такая газета, какъ „Saraj. Tjedn.“, сожалѣетъ о ней и находитъ, что правительство не должно обращать вниманія на недовольство босняковъ и должно продолжать колонизацію. Если такъ говорила газета при оккупаціи, можно предста-

вить себѣ, что ожидаетъ босняковъ и герцеговинцевъ въ ближайшемъ будущемъ, когда аннексія станетъ окончательною. Что Босніи можетъ въ ближайшемъ будущемъ грозить выселеніе нежелательнаго для Австріи элемента въ мусульманскомъ ея населеніи, это можно считать вѣроятнымъ, судя по газетнымъ извѣстіямъ, въ которыхъ сообщается, какъ будетъ поставлено выселеніе мусульманъ въ Турцію послѣ аннексіи.

Не въ лучшихъ условіяхъ находится огромное большинство населенія оккупированныхъ провинцій относительно удовлетворенія духовныхъ потребностей. При вѣроисповѣдной разнородности населенія можно было бы ожидать, что оккупаціонное правительство станетъ въ одинаково доброжелательныя отношенія къ православнымъ сербамъ и къ католикамъ. Только такимъ путемъ оно могло бы до нѣкоторой степени отвлечь естественное тяготѣніе босняковъ къ Сербіи и герцеговинцевъ къ Черногоріи. Но оккупаціонное правительство этого не сдѣлало: оно стало въ боевое положеніе по отношенію къ православію. Результаты получились самые плачевные.

Главнымъ орудіемъ въ борьбѣ съ сербами сдѣлались ихъ ближайшіе соплеменники—хорваты; въ меньшей степени правительство пользовалось поляками и чехами. Въ началѣ прошлаго вѣка литературнымъ языкомъ хорватовъ было нарѣчіе такъ называемой провинціальной Хорватіи, близкое къ словинскому языку. Но со времени Людевита Гая, знаменитаго дѣятеля хорватскаго возрожденія, хорваты приняли какъ литературный языкъ то южное нарѣчіе сербскаго языка, которымъ говоритъ населеніе Босніи и Герцеговины. Избирая это нарѣчіе, они сближались съ сербами. Въ этомъ была хорошая сторона дѣла, но это же обстоятельство привело хорватовъ къ соперничеству съ сербами. Чрезъ посредство литературнаго единства они стремились расширить свое политическое и культурное вліяніе. Основанная въ Загребѣ югославянская академія ставила задачей объединить всѣхъ южныхъ славянъ, съ хорватами во главѣ. Возникло соревнованіе между Бѣлградомъ и Загребомъ. Политически оно выразилось у хорватовъ въ идеѣ Великой Хорватіи, въ противоположность стремленіямъ сербовъ къ объединенію сербскихъ земель. Со времени оккупаціи Боснія и Герцеговина стали ареной этой борьбы. Для оккупаціоннаго правительства, имѣвшаго основаніе опасаться сербовъ, на руку былъ этотъ антагонизмъ. Проповѣдуя въ поэзіи и литературѣ „слогу“, т.-е. согласіе, независимо отъ вѣроисповѣданія, на дѣлѣ хорваты и сербы чаще доходили до полнаго разлада. Въ Босніи и Герцеговинѣ для этой борьбы изда-

вались особыя условія. Большинство христіанскаго населенія—сербы—являлось пасынками правительства; меньшинство—католическое населеніе, пріобрѣтая въ хорватахъ рьяныхъ руководителей, пользовалось, наоборотъ, покровительствомъ властей. Это привело къ тому, что, мирныя до оккупаціи отношенія между католиками и православными стали обостряться при явномъ поощреніи лицъ, стоявшихъ во главѣ управленія.

У сербовъ защитой и оплотомъ народности всегда была церковь, а въ церковной организаціи очень важную роль играла церковная община. Въ ней самое живое участіе принимали, вмѣстѣ съ духовенствомъ, и міряне. Особенно это было важно въ турецкихъ областяхъ. Такая община вѣдала дѣлами школы, она имѣла право выбирать священниковъ, учителей, чиновниковъ, управляла своимъ недвижимымъ имѣніемъ, принимала завѣщаемыя ей имущества, организовала касавшіяся церкви или школы учрежденія, собирала нужныя на содержаніе тѣхъ и другихъ средства. Сербская церковь Босніи и Герцеговины находилась въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха.

Австрія приняла мѣры, чтобы сдѣлать православную церковь для себя безопасною. Она заключила съ константинопольскимъ патріархомъ соглашеніе, которымъ признается автономія сербской православной церкви въ Босніи и Герцеговинѣ, подъ верховной канонической властью константинопольскаго патріарха. Патріархъ получаетъ отъ австрійскаго правительства 58.000 грошей (3.480 р.) въ годъ. Въ случаѣ освобожденія какой-либо митрополичьей каѳедры, австрійскій императоръ имѣетъ право назначить на свободное мѣсто своего кандидата и сообщаетъ патріарху его имя для благословенія и рукоположенія. Такое назначеніе несогласно съ канонами православной церкви, по которымъ епископа выбираетъ архіерейскій соборъ или синодъ, а митрополита изъ числа епископовъ—смѣшанный соборъ духовенства и мірянъ. Этой мѣрой нанесенъ былъ ударъ церковной независимости, и высшіе представители церкви сдѣлались орудіями австрійскаго правительства. До заключенія договора съ патріархомъ митрополитъ получалъ содержаніе отъ народа. Населеніе собирало особый сборъ, извѣстный подъ именемъ „владичарина", размѣръ котораго могъ зависѣть отъ расположенія къ тому или другому лицу. Австрійское правительство отмѣнило этотъ сборъ и замѣнило его особымъ налогомъ, за счетъ котораго уплачивается митрополиту жалованье, производятся расходы на помѣщеніе и представительство. Обязанный правительству епископъ становится вѣрнымъ исполнителемъ его предначертаній. И

выборъ священниковъ былъ отнятъ правительствомъ у общинъ; ихъ назначеніе на приходы было предоставлено митрополиту. Правительство озаботилось приготовленіемъ священниковъ еще со школьной скамьи: съ 1892 г. назначаются особыя стипендіи тѣмъ ученикамъ Сараевской гимназіи изъ православныхъ сербовъ, которые дадутъ обязательство по окончаніи гимназіи посвятить себя православнымъ богословскимъ наукамъ. За шесть лѣтъ на эту цѣль израсходовано 42.060 кр. [1]). Въ отчетѣ по случаю двадцатипятилѣтняго юбилея сараевской гимназіи это отмѣчается какъ особая ея заслуга: „наша гимназія дала православной семинаріи въ Релевѣ столько питомцевъ, что, можно сказать, едва ли не все православное священство въ Босніи получило общее образованіе въ нашей школѣ“ [2]). Но эти заботы правительства о будущихъ членахъ духовенства ясно выдаютъ, къ чему клонятся его цѣли. Православные не скрываютъ недовольства этой семинаріей. До оккупаціи православная семинарія находилась въ Банялукѣ [3]). Она была хорошо поставлена, съ хорошимъ подборомъ преподавателей; изъ нея выходили хорошо подготовленные священники. Австрійское правительство ее закрыло и открыло новую, не въ Банялукѣ и не въ Сараевѣ, а въ глухомъ Релевѣ, чтобы воспитанники семинаріи, удаленные отъ центральнаго пункта Босніи, могли оставаться въ сторонѣ отъ всякаго народнаго вліянія. Преподаватели въ ней должны непремѣнно имѣть аттестатъ зрѣлости изъ австрійской гимназіи и окончить какую-нибудь австрійскую семинарію: отдавалось преимущество семинаріи въ Карловцахъ. Кромѣ того, отъ учителей требовались политическія рекомендаціи и австрофильскія наклонности.

При такой политикѣ независимые люди приходили въ столкновеніе съ правительствомъ и вынуждены были оставлять свое служеніе церкви, какъ это случилось съ первымъ сараевскимъ митрополитомъ, Саввою Косановичемъ. Еще менѣе церемонились власти съ низшимъ духовенствомъ, лишая мѣста неугодныхъ имъ священниковъ, или перемѣщая ихъ съ одного мѣста на другое [4]). Въ управленіе дѣлами церковныхъ общинъ вмѣшивались чинов-

---

[1]) Тринаести извѣштај Велике гимназије у Сарајеву, 1898, стр. 13—14.

[2]) Деветнаести и т. д., 1905, стр. 12.

[3]) Съ 1866 г. Банялука—одинъ изъ большихъ городовъ Босніи: въ немъ 13.566 жителей (по переписи 1895 г.).

[4]) Это повело къ тому, что народъ мѣстами пересталъ посѣщать храмы, гдѣ были назначенные правительствомъ священники; покойниковъ хоронили безъ священниковъ; бывали случаи, что дѣти оставались некрещенными.

ники; общины были устраняемы отъ участія въ завѣдываніи соборными церквами, которыя передавались въ неограниченное вѣдѣніе митрополита. Затрудняема и стѣсняема была самая постройка церквей. Вмѣсто видныхъ мѣстъ въ городѣ для нихъ отводились болѣе отдаленныя мѣста, иногда даже за городомъ (напр. въ Боснійскомъ Новомъ). Сборы на постройку церквей за границей—въ Сербіи или въ Россіи—запрещались. Стѣсненія проникали и въ бытовую жизнь. Нерѣдко возникали затрудненія изъ-за программъ празднованія св. Саввы; чинились препятствія къ открытію пѣвческихъ обществъ.

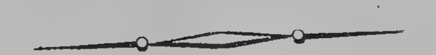
Въ иныхъ условіяхъ находится католическая церковь. Имущество ея оцѣнивается въ 6.000.000 кронъ. Католическое духовенство состоитъ исключительно изъ іезуитовъ и францисканцевъ, пользующихся особымъ довѣріемъ вѣнскаго двора. Боснійское правительство даетъ католикамъ ежегодную субсидію въ 275.400 кронъ. Огромныя суммы имъ шлютъ изъ Рима, Вѣны и даже Ліона. Одни іезуиты имѣютъ болѣе 4.000.000 кронъ для покупки земли и разныхъ имуществъ. Поддерживаемые правительствомъ, іезуиты ходятъ свободно изъ села въ село, останавливаются на рынкахъ, втыкаютъ въ землю деревянный или желѣзный позлащенный крестъ, собираютъ присутствующихъ и начинаютъ проповѣдь, предаютъ православіе, мусульманство и еврейство самымъ гнуснымъ оскорбленіямъ; за переходъ къ католицизму они на глазахъ властей обѣщаютъ не только денежныя награды, но и благосклонность правительства.

Какіе виды имѣетъ католицизмъ въ Босніи и Герцеговинѣ, объ этомъ можно судить по признаніямъ М. Черминьскаго. Онъ разсказываетъ, что сараевскій митрополитъ Савва Косановичъ (это ошибка: митрополитомъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ Георгій Николаевичъ) не разъ плакалъ по ночамъ, что не можетъ изъ-за политическихъ соображеній перейти вмѣстѣ съ своей паствой въ лоно католической церкви. По словамъ того же автора, архимандритъ Магарашевичъ признавался, что каждую минуту готовъ принять унію съ Римомъ, и опасается только затрудненій со стороны правительства. Мы сомнѣваемся въ осуществимости такихъ разсчетовъ. Южные славяне отличаются трогательною привязанностью къ православной церкви, съ которою они тѣсно сроднились въ тяжелые годы турецкаго ига. Иновѣрческая пропаганда не имѣетъ большихъ успѣховъ на Балканскомъ полуостровѣ, и православіе въ Босніи и Герцеговинѣ можетъ пострадать только въ зависимости отъ преслѣдованія сербской народности. Если вѣрны цифры, приводимыя въ газетѣ

„Sarajevski Tjednik“, то за 29 лѣтъ оккупаціи было всего лишь 205 случаевъ перехода изъ одного вѣроисповѣданія въ другое. Мусульманство оставили 47, приняли 37; православіе оставили 38, приняли 82; католичество оставили 108, приняли 72.

П. Лавровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ВЕЩИ

(Записки мужа.)

„Frailty—thy name is woman“.
Shakespeare („Hamlet“).

I.

Мы вернулись вчера очень поздно. Послѣ спектакля, вчетверомъ, обѣ пары, сидѣвшія въ ложѣ, отправились ужинать.

Дали намъ одинъ изъ кабинетовъ, окнами въ громадный „hall“, гдѣ играли цыгане и за многими столами сидѣла нарядная публика—также все изъ театровъ.

Маня какъ-то особенно оживилась. Ея чудесные глаза отливали разнымъ блескомъ, что случалось съ ней только въ минуты сильнаго захвата всего ея *женскаго* существа.

Давно не было такого веселаго ужина.

Пили шампанское, чокались, болтали всякій вздоръ, дамы разсказывали разные пикантные случаи изъ любовной хроники Петербурга.

Но еслибъ кто-нибудь заглянулъ въ нашъ кабинетъ (или просто тотъ лакей-татаринъ, который служилъ намъ), за *кого* онъ принялъ бы насъ?

Навѣрно, за двѣ пары изъ кутящаго Петербурга и, можетъ быть, дамъ нашихъ—вовсе не за женъ, а за такихъ же кутящихъ дамочекъ.

И вотъ это самое кольнуло меня, когда я, дома, вошелъ къ себѣ въ уборную и сталъ раздѣваться.

Жена—въ это время—тоже раздѣвалась въ своей уборной, передъ переходомъ въ нашу общую спальню.

Хоть и послѣ ужина съ шампанскимъ, меня не тянуло обнять жену и „приласкать“ ее, въ томъ смыслѣ, который употребляютъ нынче сексуалисты.

Что это такое? Притупленіе чувственности? Или что̀ другое?

Я уже не въ первый разъ замѣчаю, что въ самыя какъ бы неподходящія минуты мнѣ приходятъ вотъ такіе жуткіе вопросы: когда одѣваюсь, раздѣваюсь или продѣваю въ маншеты запонки.

Такъ было и тутъ.

Что̀ другое?

Не то ли, что я—уже не въ первый разъ—почувствовалъ, что жена моя уходитъ въ міръ „вещей“?

Подъ вещами я разумѣю не одни только матеріальные предметы: туалетъ, украшенія всякаго рода, мебель, лошади, коллекціи,—но и все, что̀ происходитъ съ человѣческой душой подъ явнымъ или тайнымъ воздѣйствіемъ вещей.—То *внушеніе* (suggestion), которому подпадаютъ три четверти всего *культурнаго* человѣчества, и у насъ, въ Россіи, и на всемъ свѣтѣ.

И вотъ эту „суггѐстію“ я замѣчаю въ моей женѣ уже не со вчерашняго дня.

Мы женаты около пяти лѣтъ.

Когда она шла за меня, она только-что кончила на высшихъ курсахъ—„съ отличіемъ“.

Какая она была тогда „прелесть“, во всѣхъ смыслахъ и подъ какимъ угодно угломъ зрѣнія!

Прекрасной—на рѣдкость—внѣшности, съ тонкой физіономіей, чудесными, веселыми глазами. А потомъ этотъ ростъ, формы, точно точеныя руки и пальцы, и шея—„античнымъ стволомъ“, какъ любитъ повторять одинъ нашъ пріятель, профессоръ археологіи.

Вкусъ, изящество, ласкающій голосъ и изъ ряду вонъ живость ума, отзывчивость, чуткость.

Тогда, въ полномъ смыслѣ, ей были доступны „всѣ откровенья бытія“.

И она кинулась не въ легкую жизнь красивой, блестящей, образованной молодой дамы, а въ самое пекло чисто духовныхъ интересовъ.

Я думалъ—и немножко побаивался,—что она ударится въ воинствующую политику и попадетъ въ какую-нибудь „фракцію“.

Но этого не случилось. Она была „въ движеніи“, поступила въ цѣлыхъ два общества, но партійной дамой не сдѣлалась и даже къ вопросу о политическихъ правахъ женщины

относилась—да и теперь еще это такъ—не то что равнодушно, а безъ энтузіазма и съ нѣкоторыми разумными оговорками.

И вотъ, въ послѣдніе два года—не больше—*сугестія* вещей стала давать себя знать.

Началось это съ туалета.

Барышней она одѣвалась въ строгомъ стилѣ, почти исключительно въ костюмы „tailleur" и въ темные цвѣта.

А тутъ, съ расширеніемъ круга ея знакомствъ, надо было вести гораздо болѣе пеструю жизнь. „Genre tailleur" полегоньку переходилъ въ туалеты „fantaisie", въ шитье по моделямъ, присланнымъ изъ Парижа, а главное—въ увлеченіе тѣмъ, что француженки давно прозвали „les dessous".

Жена моя сначала употребляла шутливое слово „дессу́шки"; а потомъ стала заниматься ими едва ли еще не серьезнѣе, чѣмъ платьями, манто и шляпками.

Въ первый день — это было на дачѣ — когда я увидалъ ее въ шляпѣ съ перьями, діаметромъ чуть не въ полтора аршина, я не на шутку огорчился.

Но она—по обыкновенію—обратила все въ шутку.

— Что же дѣлать, милый! Съ волками жить — по волчьи выть!

И осенью шляпки оставались такихъ же размѣровъ.

Но не одни туалеты... а то, когда и какъ ихъ носить.

Она не затруднялась ѣхать на званый обѣдъ—и потомъ въ ложу съ пріятельницей—декольтэ и въ такихъ же ужасающихъ размѣровъ шляпкѣ.

И, точь въ точь, такъ же была одѣта (только со скандальной выставкой брилльянтовъ и жемчуговъ) извѣстная француженка, выписная кокотка.

Сидѣли онѣ—какъ будто нарочно—рядомъ. Ихъ раздѣлялъ только барьеръ ложи.

Я тогда—дома—сдѣлалъ ей маленькое замѣчаніе.

Она впервые обидѣлась. Но въ нее это все-таки запало. Не могла она не почувствовать, что такое внѣшнее „обличье" для женщины, находящейся „въ движеніи" — по малой мѣрѣ непослѣдовательно.

Но не одни туалеты.

И отдѣлка квартиры, всякіе „bibelots" — подъ предлогомъ высшаго эстетизма, и старыя матеріи, брошенныя на диванъ или піанино, и всякія утонченности комфорта, особенно по части отдѣлки обѣденнаго стола: вазочки съ цвѣтами, хрусталь, форма электрическихъ лампъ, салфетки, тысячи маленькихъ деталей.

И конца этому нѣтъ!

А могучей тяги въ сторону материнства—судьбѣ не угодно было дать ей.

Нашъ бракъ—до сихъ поръ—бездѣтный.

II.

Спальня у насъ — общая. Но — въ послѣднее время—мнѣ, каждую недѣлю, приходится ночевать въ кабинетѣ, на турецкомъ диванѣ.

Когда я вошелъ, жена уже лежала и прикрылась, до подмышекъ, шолковымъ римскимъ одѣяломъ.

Кровати наши — совсѣмъ одинаковыя — бѣлыя, въ „modern style".

Эту стилизацію завела также она.

Тогда мы отдѣлывали новую нашу квартиру. Я получилъ порядочную сумму отъ моего издателя.

Изъ всякихъ видовъ модернизма — *декоративный* мнѣ еще всего болѣе по вкусу и „по душѣ".

Отдѣлка нашей спальни—вся бѣлая—проста и стильна, безъ всякихъ вычуръ и выкрутасъ.

Но тутъ меня (быть-можетъ впервые) кольнуло то, что жена моя—въ этой стильной спальнѣ—лежитъ въ рубашкѣ изъ тончайшаго батиста, съ роскошными кружевами.

Только съ нашествіемъ „вещей" она стала такъ заниматься своимъ бѣльемъ.

Мнѣ это и тогда не нравилось. Она красива и прекрасно сложена. И пріятно видѣть такую женщину въ изящномъ туалетѣ.

Но эта преувеличенная забота о томъ, что̀ она, на своемъ интимномъ жаргонѣ, все еще называетъ „дессу́шки"—не можетъ мнѣ быть по душѣ.

— Тебѣ хочется спать?—спросила она меня, когда я присѣлъ на край моей кровати.

— Да, я усталъ.

— Отъ чего усталъ? Вѣдь мы все сидѣли за столомъ, цѣлыхъ три часа?

— Отъ ѣды, шампанскаго, разговоровъ, смѣха и шумнаго возбужденія.

Она чуточку помолчала и повернулась ко мнѣ лицомъ.

— Ты это говоришь, мой другъ... точно тебѣ было непріятно ужинать съ нами?..

И я не сразу отвѣчалъ. Малодушное чувство зашевелилось во мнѣ.

Если быть вполнѣ искреннимъ, то надо идти на объясненіе, которое—да еще въ такой часъ—не могло быть ей особенно пріятно.

Но мгновенное малодушіе уже отлетѣло, и я началъ мягкимъ тономъ, но съ необычной внутренней твердостью:

— Объ этомъ надо долго говорить... а намъ обоимъ хочется спать.

— Однако!.. Скажи!

Она приподнялась бюстомъ и облокотилась о локоть, поддерживая голову ладонью правой руки.

Женское всесильное любопытство превозмогло.

— Право, Маня... лучше оставить это до другого раза.

— Нѣтъ... пожалуйста... Если тебя что-нибудь огорчило или задѣло... зачѣмъ же это скрывать отъ меня?

И она немножко надула свои красивыя губки, которыя она—къ моему великому удовольствію—еще не подводитъ карминомъ.

Но, вѣроятно, и это скоро явится.

Я сначала легъ, покрылся одѣяломъ и сложилъ руки на груди.

На столикѣ жены горѣла электрическая лампочка подъ розовымъ абажуромъ.

Она ее не гасила. Этотъ полусвѣтъ сдѣлалъ меня смѣлѣе.

— Если ты такъ настаиваешь—заговорилъ я тихо и все-таки мягко—я тебѣ скажу, съ какимъ чувствомъ я вернулся домой и что̀ меня стало... какъ бы выразиться... мозжить что-ли тамъ, у меня, въ кабинетѣ.

— Что же такое? Это странно! Ничего не было такого, что̀ могло бы тебя огорчить или... даже хоть немножко смутить.

Въ ея тонѣ заслышалась искренняя тревога. Она добрая и чувствительная. И ее могло огорчить то, что я испыталъ что-нибудь досадное или печальное.

— Вотъ видишь, Маня... Я уже давно собираюсь поставить на видъ...

Вышла остановка.

— Поставить на видъ!—веселѣе воскликнула она.—Что это за выраженіе, Митя! Какое-то чиновничье... Стиль докладной записки.

Это меня не задѣло.

— Прости за неудачное выраженіе. Это оттого, что мнѣ трудно сразу высказаться.

— Кажется... у насъ съ тобой никогда не было никакихъ секретовъ?.. И мы привыкли все говорить другъ другу?

— Да... но то, чего я сталъ бояться за тебя, Маня — все сильнѣе и сильнѣе проникаетъ въ тебя.

— Что такое? Что такое? Ты это такъ сказалъ, милый, точно будто я начинаю испивать? Ха, ха!

Смѣхъ былъ не напускной. И я въ этомъ обвинилъ самого себя. Мои фразы „вокругъ да около“ — вызвали отвѣтъ жены.

— Прости еще разъ... Но ты видишь—я волнуюсь.

— Почему? Что ты какой сегодня... Тогда ужъ лучше будемъ спать.

Но я уже рѣшился твердо если не исчерпать тему, то хоть „поставить ребромъ“ этотъ вопросъ.

И я еще настолько не овладѣлъ собою, что способенъ былъ бы употребить именно это чинушечье клишé.

Я сдѣлалъ надъ собою усиліе и заговорилъ другимъ, гораздо болѣе задушевнымъ тономъ.

Кажется, въ голосѣ у меня заслышалась даже легкая вибрація.

— Такую ли жизнь мы ведемъ, Маня, о какой мы съ тобой мечтали, когда сошлись навѣки?

Этотъ вопросъ звучалъ, точно разговоръ съ самимъ собою.

— А то какую же? — совершенно наивно замѣтила она, тоже какъ бы про себя.

— Нѣтъ, не такую! Вотъ хоть бы этотъ ужинъ... И та чета твоихъ пріятелей. Развѣ это подходящій для насъ народъ? Скажи по совѣсти.

Жена перемѣнила позу, легла на спину и обдернула кружева своей рубашки.

Лица ея я не видалъ; но по одному этому движенію я зачуялъ, что она задѣта.

— Мои пріятели! Но развѣ я тебѣ ихъ навязывала? Мы сошлись не сразу... Чтожъ! Они хорошіе люди... щедрые... веселые... меня очень любятъ.

— Да... но они—виверы, и только. Пропиваютъ и проѣдаютъ то богатство, которое свалилось къ нимъ съ неба.

— Они дѣлаютъ много добра... Извини... ты придираешься.

— Положимъ. Но водить съ ними пріятельство намъ, какъ въ старину говорили, *невмѣстно!* И еслибъ это было три года назадъ—ты бы это сама превосходно понимала! Такъ ли, Маня?

III.

— Но что же ты находишь такого въ нашей... въ моей собственно жизни?

— Что? — остановилъ я ее и, придвинувшись къ борту ея постели, я протянулъ къ ней руку.—Что?—повторилъ я. Вещи стали владѣть тобою, Маня! Вотъ это новое. И оно можетъ совершенно передѣлать тебя.

— Какія вещи? Я тебя не понимаю...

— Вещи! Вотъ все то, безъ чего ты теперь не можешь обходиться... Туалеты, les dessous, обстановка, modern style, всякія ненужности... спектакли, вотъ такіе ужины. А главное, вещи! И согласись, Маня... три года назадъ этого не было...

— Развѣ я не та же? У меня есть и серьезные интересы.

— Хочешь знать правду, Маня?

— Говори! Сдѣлай одолженіе!

— Ты только ликвидируешь то, что̀ ты раньше дѣлала съ нѣкоторымъ интересомъ.

— Я не надѣваю на себя никакой личины—возразила она уже нервнѣе.

— Я этого и не говорю. Но теперь въ тебѣ идетъ внутренняя борьба... между прежнимъ твоимъ „я"... и тѣмъ, которымъ овладѣваютъ... вещи...

— Вещи! Далось тебѣ это слово! Это, право, смѣшно... Что же ты желаешь, чтобы я — опростилась? Я не толстовка. У меня нѣтъ никакой склонности къ сектантству. Я люблю жизнь... Да! Ты вѣдь тоже не аскетъ! Да и какой ты былъ бы писатель, еслибъ ты сторонился жизни.

— Есть жизнь... и жизнь, Маня! Я былъ когда-то такъ счастливъ, видя, какъ ты стала жить крупными общественными интересами, входить во всякую нужду... видѣть подлинную подкладку казовой дѣйствительности.

— Ахъ, Митя!—перебила она. — На все это я смотрю по другому.

И не дожидаясь моего вопроса, она заговорила быстрѣе:

— Вся эта возня... съ устройствомъ общежитій, столовыхъ, пріютовъ... все это — барскія затѣи... или буржуазная игра въ благотворительность. И эти дѣвицы, изъ-за которыхъ я убивалась—онѣ на васъ смотрятъ съ полнѣйшимъ презрѣніемъ.

— Никто не мѣшаетъ тебѣ отдаться тому, что̀, въ твоихъ глазахъ, достойнѣе живого участія.

— Ахъ полно, Митя! Оставь эти фразы! Не употребляй, прошу тебя, такихъ готовыхъ клише...

Этотъ „выпадъ“ не обидѣлъ меня... но онъ мнѣ показалъ яснѣе, чѣмъ было прежде, что вещи захватили душу моей жены гораздо сильнѣе, чѣмъ я предполагалъ.

У меня подступили слезы и я, взволнованный, плохо владѣя собою, прильнулъ къ рукѣ Мани и пододвинулся всѣмъ корпусомъ къ ея подушкѣ.

— Зачѣмъ! Зачѣмъ такъ говорить!—сталъ я шептать.—Мнѣ слишкомъ горько... Я не придираюсь къ тебѣ, Маня, но я не могу молчать. Мнѣ страшно за нашу жизнь, за нашу дружбу и единеніе. Пойми меня, пойми!

Кажется, слеза слетѣла съ моихъ рѣсницъ на ея руку.

Она ее не отдернула. Мой порывъ тронулъ ее.

Она вѣдь добрая... и даже очень чувствительная.

— Полно, Митя, — заговорила она тихо и ласково.—Быть можетъ... ты и правъ. Всѣ мы — женщины... ловимся на внѣшность... рано или поздно... Только напрасно ты такъ пугаешься вещей! Ничего безумнаго твоя Маня себѣ не позволитъ... А насчетъ моихъ пріятелей... съ какой же стати разрывать съ ними? Вѣдь мы на ихъ счетъ не живемъ... Вотъ такой ужинъ... мы не позволимъ заплатить за насъ... Они добрые и веселые. Право, и тебѣ надо хоть изрѣдка кутнуть... А то знаешь что, Митя?

— Что?—спросилъ я, съ горечью чувствуя, что наше объясненіе попало совсѣмъ не въ ту колею, какую я хотѣлъ взять.

— Настанетъ слишкомъ скоро... *супружеское окисленіе.* Эти слова я гдѣ-то недавно вычитала... и нахожу ихъ очень мѣткими. Полно, милый!

Ея руки обвили мою шею.

Мнѣ сдѣлалось какъ-то по дѣтски совѣстно, что глаза у меня влажны, и я—точно маленькій, котораго ласковая няня успокоиваетъ.

Но оттолкнуть ее было невозможно. Я слишкомъ любилъ ее для этого, какъ женщину...

Когда я, проснувшись — довольно поздно—раскрылъ глаза и въ полутьмѣ спальни, съ опущенными гардинами, все вспомнилъ, я сознался, что моя попытка показать женѣ всю опасность надвигающагося царства „вещей“ потерпѣла полное фіаско.

Она взяла самый небрежный тонъ шутки и самую вѣрную тактику—ласку красивой женщины, къ которой мужъ еще далеко не сдѣлался равнодушенъ.

Это чувство своего безсилія въ первый разъ такъ ярко выяснилось передо мною.

Новая попытка будетъ имѣть такой же успѣхъ.

Можетъ выйти и нѣчто гораздо худшее.

Она можетъ задорно взволноваться, перевести это на почву претензій мужа и его неделикатности.

Я всего больше этого боялся и во вчерашнемъ объясненіи.

Она могла сразу осадить меня такими словами:

— Ты хочешь дать мнѣ понять, что я живу на твой счетъ и злоупотребляю этимъ; а я ничего не заработываю и трачу на себя слишкомъ много?

И кончилось бы это слезами, форменной ссорой и тѣмъ „супружескимъ окисленіемъ“, о которомъ она упомянула.

IV.

„Окисленіе“, кажется, начинается.

Маня ничѣмъ особеннымъ не выказываетъ того, что она смущена или недовольна моими увѣщаніями.

Но я чувствую—что-то есть.

И чтобы не быть чаще вмѣстѣ, она еще усиленнѣе *рыщетъ* по городу.

У меня соскочило слово „рыщетъ“ вовсе не потому, что я раздраженъ на свою жену.

Но мнѣ давно уже сдается, что Маня такъ усиленно разъѣзжаетъ по городу потому, главнымъ образомъ, что она не хочетъ оставаться одна *сама съ собою.*

Гдѣ-то нашъ сатирикъ замѣчаетъ, что служба даетъ человѣку возможность уходить отъ самого себя и какъ будто дѣлать дѣло, а въ сущности только набивать чемоданъ своей жизни, какъ прибавлю я отъ себя.

Такъ и жена моя!

Вѣдь эта постоянная возня съ разными порученіями, и осмотрами, и засѣданіями, вѣдь это тоже—своего рода:

Вещи!

Онѣ обставляютъ вашу жизнь, вы къ нимъ привыкаете и дѣлаетесь подъ конецъ ихъ рабами!

Но развѣ онѣ входятъ въ ваше внутреннее „я“? Развѣ онѣ помогаютъ вамъ быть наединѣ съ самими собою? Развѣ онѣ даютъ вамъ поводъ и, въ особенности, время надъ чѣмъ-нибудь задуматься, подвести итоги своему внутреннему міру, подтянуть

себя, обличить себя, придти къ искреннему и сильному рѣшенію воздержаться отъ того-то, засѣсть за такую-то болѣе серьезную работу, того-то не дѣлать, а вотъ это—начать дѣлать?

Студентомъ я видѣлъ знаменитую когда-то комедію В. Сарду: „La famille Benoiton".

Самый ѣдкій сатирическій штрихъ этой комедіи былъ тотъ, что на вопросы: гдѣ мадамъ Бенуатонъ, и мужъ, и дѣти неизмѣнно отвѣчаютъ:

— Maman est sortie.

И прислуга точно также:

— Madame est sortie.

Такъ ее публика и не видала до послѣдняго паденія занавѣса, а въ это время произошли цѣлыхъ двѣ исторіи: одна — простая, насчетъ марьяжа, а другая—почти что драматическая, на тему адюльтера между ея старшей дочерью и зятемъ.

Вѣдь то же могло бы случиться и съ Маней, будь она постарше и имѣй дѣтей.

И про нее прислуга повторяла бы:

— Барыня уѣхали!

А дѣти и мужъ:

— Мамы (или жены) дома нѣтъ!

И точно также бы могла произойти цѣлая драма—и съ дочерью, и съ сыномъ, и съ ея „благовѣрнымъ", т.-е. со мною.

Хорошо еще, что у меня натура не импульсивная и что въ моемъ нервномъ аппаратѣ довольно развиты такъ называемые „задерживающіе центры".

Но вѣдь это только до извѣстнаго предѣла. И недавняя ночь показала, что и я могу поддаться эмоціи.

И будь у меня психика, наклонная къ томительному и опасному „ковырянію души"—я бы переживалъ настоящую душевную трагедію про себя. И жена моя ничего бы не замѣтила, окруженная своими *вещами*, въ видѣ неодушевленныхъ предметовъ всякаго рода и въ видѣ людей обоего пола—во время своихъ рысканій по городу!

То же могло бы случиться и съ сыномъ или дочерью. Нынче внутреннія тайныя бури такъ стремительны и всевластны!

Не взвидятся родители—и сына найдутъ съ прострѣленной головой, бездыханнымъ трупомъ, а дочь очутится съ бомбой въ ридикюлѣ, которою сама себя разорветъ, а удастся покушеніе—будетъ вздернута на висѣлицу.

Я не хочу и не умѣю придираться. Но я думаю, что это

именно *такъ*, а не иначе, т.-е. что жена моя уже не живетъ всей этой сутолокой!

Она уже много разъ проговаривалась. Всѣ эти дѣвицы, съ которыми она должна возиться—ей вовсе не симпатичны. Ея заботъ онѣ не цѣнятъ... И даже еле-еле выносятъ ее.

Въ ней нѣтъ искреннихъ демократическихъ чувствъ. Она—тогда, когда хотѣла пріобрѣсти какую-нибудь „contenance"—играла въ нѣкоторый демократизмъ, любила оппозиціонные разговоры и водилась съ здѣшними „сюффражистками".

Но теперь она надъ ними подтруниваетъ.

Она познала практикой жизни, что ей нечего биться изъ-за „правъ женщины". Она ихъ имѣетъ вполнѣ въ томъ, что составляетъ ея царство.

А политическихъ правъ ей не нужно. Она, было, передъ первой думой хотѣла играть роль въ бюро одной изъ лѣвыхъ партій. Но тамъ она наткнулась на соперничество одной очень энергичной особы, вдовы, съ своимъ капиталомъ, честолюбивой по темпераменту, желающей играть фактическую роль въ своей партіи.

Маня—„сыграла назадъ" и больше уже не водится съ заядлыми феминистками.

Еще недавно, читая о лондонскихъ сюффражисткахъ, она сильно насчетъ ихъ прохаживалась.

Когда я замѣтилъ:

— Какъ къ нимъ ни придирайся, онѣ все-таки дѣйствуютъ во всю и хотятъ взять не мытьемъ, такъ катаньемъ...

Маня состроила презрительную гримасу и сказала:

— Это просто истерички! Женщины изъ общества, и прямо въ кружевахъ, въ дорогихъ пальто кидаться въ грязь!

Я разсмѣялся и тогда еще сказалъ ей, съ нѣкоторымъ подчеркиваньемъ:

— Конечно! Такая профанація цѣнныхъ вещей!

Во мнѣ уже и тогда назрѣвалъ мой итогъ насчетъ захвата вещей, но она моего намека не поняла.

Для нея—въ теперешней фазѣ ея эволюціи—это дѣйствительно чудовищная профанація вещей!

V.

Не знаю—былъ ли бы я хорошимъ министромъ финансовъ? Но мой личный бюджетъ я всегда старался вести такъ, чтобы хватало до конца года.

Такъ было и до женитьбы, такъ остается и до сего дня.

Но будетъ ли такъ дальше—не знаю...

Мое положеніе было независимое и почетное. Я зарабатывалъ много своимъ перомъ. И писалъ я только то, что̀ хотѣлось писать, и тогда, когда чувствовалъ въ себѣ „охоту къ перу“.

Я не жадничалъ. Но когда вы попадете въ „ноту“ и успѣхъ сказывается въ томъ, какъ вамъ платятъ въ журналахъ и какъ публика раскупаетъ ваши книги—плодовитость прибываетъ.

Это—прямое воздѣйствіе того *пріема*, какой вамъ оказываютъ и редакціи, и книгопродавцы, и публика, раскупающая ваши вещи.

Вотъ и тутъ я проставилъ слово „вещи“. Но вѣдь это самый употребительный терминъ писательскаго жаргона.

Вмѣсто: пьеса, романъ, повѣсть, разсказъ, даже картина— и сами авторы, и рецензенты любятъ слово: „вещь“.

Да, и это—„вещи“. Онѣ питаютъ васъ, даютъ доходъ и— въ то же время—въ нихъ ваша душа, ваше „я“, въ его духовныхъ, нетлѣнныхъ проявленіяхъ.

Я не безсребренникъ; но мнѣ всегда хотѣлось быть совершенно свободнымъ отъ всякаго денежнаго разсчета въ томъ, что̀ я „творю“—выражаясь высокимъ слогомъ.

Но какъ это можно было осуществить? Даже и до женитьбы?

Опроститься—по-толстовски?

Во имя чего? Во имя аскетическаго идеала?

У меня его не было никогда.

Или какъ божескій законъ?

Я никакой *абсолютной* истиной не обладаю и никогда не буду обладать.

Но холостымъ я не считалъ своихъ трудовыхъ доходовъ. Мнѣ хватало—и даже очень. Я—не будучи скопидомомъ—могъ откладывать.

Женитьба по любви, на дѣвушкѣ не изъ бѣднаго семейства, но изъ такого, гдѣ всегда жили выше своихъ средствъ—сейчасъ же отразилась на бюджетѣ.

Я былъ счастливъ тѣмъ, что въ нашемъ бракѣ денежные разсчеты безусловно отсутствовали.

Маню какъ будто стѣсняло то, что она „бесприданница“, хотя и не въ прямомъ смыслѣ. Приданое ей сдѣлали—какъ я узналъ потомъ, въ долгъ; что-то такое моя belle-mère говорила о ежегодной рентѣ; но я самъ замялъ разговоръ.

Никакой ренты, конечно, не являлось.

Да мнѣ и не надо было.

Бюджетъ сейчасъ же поднялся на двойную цифру. На отдѣлку новой квартиры пошла добрая половина экономій.

Но я продолжалъ много получать. Мой заработокъ еще увеличился. Да и Маня, въ первые три-четыре года, тратила вдвое, если не втрое меньше. И даже влагала нѣкоторую аффектацію въ простоту своихъ туалетовъ, желала быть или выдавать себя за скромную курсистку, жаждущую трудовой жизни.

Такъ, однако, не пошло дальше.

И вотъ явились разныя предпринимательскія соображенія.

Меня подбили внести пай въ издательское дѣло. Оно пошло бойко. Но „смута“ вызвала кризисъ. И мы кончили прошлый годъ съ порядочнымъ дефицитомъ.

Итогъ этого года не будетъ лучше; стало быть, дефицитъ удвоится.

Одно изъ двухъ: или надо сдѣлать заемъ, или ликвидировать. На заемъ—очень плохая надежда. Ликвидація потребуетъ раскладки. Можетъ-быть мнѣ лично, на мой пай, придется заплатить очень порядочную сумму.

Откуда я возьму? Экономіи давно прожиты. Придется усиленно работать.

И, первымъ дѣломъ, сократить нашъ бюджетъ, по меньшей мѣрѣ, на одну треть.

Маню я—безъ нужды—не пугалъ. Къ новому году долженъ былъ, однако, сказать ей, что у насъ—дефицитъ.

Она приняла это „съ легкимъ сердцемъ“ и сказала:

— У всѣхъ дѣла плохи. Виновата смута. Все успокоится, и подписка разомъ пойдетъ въ гору.

И съ тѣхъ поръ она ни разу серьезно не спрашивала меня о томъ—какія надежды на конецъ текущаго года.

Когда я объ этомъ, какъ слѣдуетъ, раздумаюсь—я сурово обличаю самого себя.

„Зачѣмъ ты ходилъ *на эту галеру?*“—восклицаю я, повторяя знаменитую Мольеровскую прибаутку.

Промѣнять свободу и беззаботность работника, который и въ тяжелые годы, переживаемые всѣми нами, все-таки могъ бы имѣть хорошій заработокъ, на положеніе даже не полнаго хозяина, а пайщика, котораго затянули въ дѣло, грозящее или полнымъ крахомъ, или постоянными субсидіями изъ собственнаго кармана!

И вѣдь жена моя, еслибы я сталъ при ней жаловаться, имѣла бы полнѣйшее право говорить:

— Развѣ я тебя тянула въ эту петлю, мой другъ? Мнѣ совсѣмъ не нужно было ничего такого.

Да; но что меня подтолкнуло?

То, что я женатъ, что моя холостая экономія растаяла отъ расходовъ женскаго происхожденія.

Это несомнѣнно!

Разумѣется... я не позволю себѣ дѣлать ей упреки въ этомъ смыслѣ.

Если я не выдержалъ тогда, въ то ночное изліяніе, то я стоялъ совсѣмъ на иной почвѣ. И я думаю, что она такъ это и поняла.

Но могу ли я ручаться, что именно такъ она это поняла?

Не знаю!

Чуть что, при малѣйшемъ замѣчаніи, всякая женщина способна крикнуть:

— Ты меня же обвиняешь въ томъ, что нажилъ долгъ на неудачномъ предпріятіи? Этого еще недоставало!

И вотъ вамъ пошлая сцена—съ истерикой или безъ оной.

VI.

Крахъ! Предстоитъ ликвидація—и очень скорая!

Подписка не оправдала разсчетовъ конторы.

Надо возвращать деньги подписчикамъ.

А дефицитъ—отъ десяти до пятнадцати тысячъ — на каждаго изъ насъ.

Гдѣ ихъ взять?

Экономій у насъ нѣтъ. Надо усиленно работать, и—что еще важнѣе и первѣе—сѣсть теперь же на другой бюджетъ.

Моя жена, какъ разъ въ эту послѣднюю недѣлю, усиленно летала по городу. Раза два не обѣдала дома. Возвращалась поздно.

Мнѣ было жутко „огорошить“ ее тѣмъ, какое испытаніе предстоитъ намъ.

Она ничего не замѣчала и врядъ-ли могла слышать что-нибудь въ обществѣ.

Подпиской она интересовалась только въ началѣ года, да и то не особенно живо.

Я ей говорилъ, еще мѣсяца два назадъ, что шансы на блестящую подписку—не особенно большіе.

Она—сколько помнится—ничего на это не отвѣтила и какъ будто забыла объ этомъ.

Молчать дольше было невозможно, прямо постыдно — по крайнему малодушію.

Кромѣ усиленной работы — какой же другой источникъ? Заемъ? Но это гораздо хуже. Да и кто дастъ — хотя бы и „продуктивному“ писателю — крупную сумму на простой вексель? А закладывать мнѣ нечего.

Кромѣ квартирной обстановки, да „Juwelen“ моей жены — у насъ ничего нѣтъ.

Я сирота. У меня нѣтъ никакихъ родственниковъ съ хорошимъ достаткомъ. У жены — мать, живущая на пенсію. Но она частенько прибѣгала къ щедротамъ своей дочери.

И я никогда не отказывалъ.

Эта „бельмерочка“ — какъ мы съ Маней иногда зовемъ ее заочно — до сихъ поръ не выступала въ амплуа классической „тещи“ (belle-mère) русскихъ и французскихъ фарсовъ.

Мнѣ удалось — съ первыхъ же дней — взять съ нею подходящій тонъ. Да и Маня ее не баловала, пріучила ее даже къ тому, чтобы она, безъ предупрежденія, не „плюхалась“ къ намъ.

Слово „плюхалась“ — не мое.

Но теперь не обойдется и безъ ея „участія“ въ ударѣ, который долженъ, на неопредѣленное время — измѣнить весь нашъ *statu quo*.

Вчера я — по обыкновенію — проснулся въ семь часовъ. Я встаю и одѣваюсь такъ тихо, что Маня никогда не просыпается.

Она раньше десяти не встаетъ.

Въ концѣ десятаго я осторожно вошелъ въ спальню.

Маня уже проснулась; но еще нѣжилась въ своихъ кружевахъ, подъ шолковымъ одѣяломъ.

Я присѣлъ у ночного столика, на табуретъ, и прямо приступилъ къ тяжкому объясненію.

— Маня! — началъ я спокойно и твердо, и голосъ у меня не вздрагивалъ — я обязанъ сообщить тебѣ нѣчто очень рѣшительное.

Она широко раскрыла свои каріе кругловатые глаза и неопредѣленно усмѣхнулась.

Этой усмѣшки, которая коситъ ея ротъ, въ лѣвой спайкѣ губъ — я особенно не люблю.

— Въ двухъ словахъ — дѣло наше дало дефицитъ слишкомъ въ двадцать тысячъ рублей.

Тутъ она сразу поднялась всѣмъ бюстомъ и сѣла въ постели, упершись спиной въ подушки.

— Такъ много! — вылетѣло у нея восклицаніе.

— Да.

— Ну и что-жъ?

Это „ну и чтожъ?“ звучало какъ-то слишкомъ наивно — почти по-дѣтски.

— Надо ликвидировать.

— То-есть, какъ же это?

— Довести изданіе до послѣдней книжки и...

— И что же?

— Покрыть долгъ.

— Значитъ, и съ тебя также?—проговорила она и стала не краснѣть, а блѣднѣть.

— Конечно... Половина падетъ на меня.

— Да гдѣ же *мы* возьмемъ?

Это „мы“ было то, что̀ французы называютъ „le cri du coeur“.

Всякая женщина сейчасъ же почувствуетъ свою солидарность съ мужчиной, отъ котораго идутъ ея матеріальные рессурсы. Во всемъ другомъ она „я“, а въ этомъ—непремѣнно „мы“. А въ „вещахъ“, которыя ей лично принадлежатъ—въ имѣніяхъ, домахъ, движимости, бумагахъ, деньгахъ—она—абсолютное „я“. Мужъ не можетъ ни въ чемъ посягать на ея личный достатокъ.

Это меня никогда не возмущало. Напротивъ! Я вѣдь считался всегда сторонникомъ всяческихъ женскихъ правъ; но тутъ только я почувствовалъ всю глубину женской психики въ денежныхъ дѣлахъ.

— Дѣло ясное, Маня,—продолжалъ я такъ же твердо:—придется мнѣ покрывать этотъ долгъ.

— Но чѣмъ же?—почти крикнула она.

— Моимъ трудомъ.

— Какія глупости, Дмитрій! Того, что̀ ты зарабатываешь, намъ еле-еле хватаетъ. И ты уже не такой молоденькій... Зарабатывать вдвое для тебя было бы слишкомъ трудно.

У меня мелькнулъ въ головѣ вопросъ:

„Почему она не попрекаетъ меня тѣмъ, что я самъ ввязался въ такое дѣло?“

И точно въ отвѣтъ Маня заговорила съ горечью:

— И зачѣмъ ты затѣялъ это издательство?

Я могъ бы заставить ее замолчать... но чѣмъ? Тѣмъ, что не для себя я затѣялъ его... а гораздо больше для того, чтобы она могла разсчитывать на еще болѣе привольное житье, если дѣло пойдетъ хорошо.

Но я промолчалъ.

Маня сдѣлала широкій жестъ обѣими полуобнаженными руками и уже съ розовѣющими щеками заговорила своимъ *дѣловымъ* тономъ:

— Если нельзя сдѣлать заемъ... и вы видите, что это только затянетъ васъ въ еще большій дефицитъ... надо найти покупщика.

— Кто же купитъ дѣло съ такимъ дефицитомъ?.. Это, какъ видишь, порочный кругъ. Для меня все ясно: долгъ надо взять на себя.... мнѣ и моему компаньону — и радикально измѣнить нашъ бюджетъ.

Она уперла въ меня свои большіе глаза, гдѣ я быстро схватилъ выраженіе испуга.

— Вотъ что!.. Но все это такъ неожиданно, Дмитрій... И ты говоришь чисто по-мужски... припираешь самого себя къ стѣнѣ. Можно обдумать... найти выходъ.

— Попробуй! Посовѣтуй!

— Дай мнѣ сначала умыться и одѣться.

Это значило: „выйди пожалуйста", что я и сдѣлалъ.

VII.

Въ квартирѣ стояла тишина. Только мой кабинетъ былъ освѣщенъ.

Я работалъ цѣлый день—и до обѣда, и послѣ обѣда:

Надо было написать и нѣсколько дѣловыхъ писемъ.

Послѣ завтра у насъ будетъ окончательное совѣщаніе... Но ликвидація, въ принципѣ, уже рѣшена.

Мнѣ совсѣмъ разломило спину отъ сидѣнья за письменнымъ столомъ. Надо было хоть немножко размять ноги.

Я освѣтилъ всѣ три комнаты: гостиную, кабинетъ Мани и столовую—и сталъ по нимъ прохаживаться.

Сколько *вещей* въ этихъ трехъ комнатахъ!

Биткомъ набито—мебель, картинки, тарелки по стѣнамъ, серебро и хрусталь въ шкапахъ, растенія, матеріи, набросанныя на піанино и на диваны... чего-чего тутъ нѣтъ.

Сотни всякихъ ненужностей!

Можетъ быть, во мнѣ всегда сидѣлъ студентъ-простецъ, работникъ. Но я оставался всегда равнодушнымъ къ убранству комнатъ.

Въ моемъ кабинетѣ книги, до сихъ поръ, въ самыхъ про-

стыхъ шкапахъ. Только чтобы былъ воздухъ и свѣтъ—насколько можно его добыть въ нашей болотной столицѣ.

Вглядываясь во всѣ „ненужности" трехъ пріемныхъ комнатъ, я чувствовалъ особенную какую-то отрѣшенность отъ всего этого добра.

Для меня лично ничего бы не стоило лишиться всего этого.

Но для Мани?

Когда, третьяго дня, я повторилъ, хотя и въ болѣе мягкомъ тонѣ, что намъ нельзя уже будетъ, послѣ новаго года, жить такъ, какъ мы теперь живемъ—она вдругъ тихо заплакала, потомъ стала ходить по гостиной и растерянно глядѣть по сторонамъ.

— Значитъ,—прерывисто начала она говорить—все это вотъ, что здѣсь... пойдетъ съ молотка?

— Зачѣмъ? Но такая квартира будетъ для насъ слишкомъ дорога!

Она смолкла, поспѣшно отерла лицо, но продолжала озираться, вглядываясь во всѣ тѣ вещи, которыми полна комната.

Потомъ опустилась на диванъ, помолчала и, вставая, откинула голову назадъ энергическимъ жестомъ.

— Такъ нельзя, Дмитрій! Надо искать, надо бороться съ неудачей!

— У меня одинъ способъ борьбы, Маня,—отвѣтилъ я ей—мой трудъ. Спекулянтомъ я никогда не бывалъ.

— Все это слишкомъ отзывается прописью! Жизнь есть жизнь! И будь я на твоемъ мѣстѣ, я, быть можетъ, нашла бы выходъ.

— Попробуй!—отвѣтилъ я ей шутливо.

— И попробую! Только я должна имѣть полную свободу...

Она не договорила и тотчасъ же ушла въ спальню.

Я подумалъ:

„Женщина можетъ оказаться находчивѣе нашего брата"...

Я чувствовалъ себя нѣсколько облегченнымъ.

По крайней мѣрѣ, она теперь и все знаетъ, и предупреждена.

Но какая между нами пропасть! Для меня уйти изъ-подъ обаянія вещей — ровно ничего; а для нея это будетъ настоящій—не одинъ матеріальный, а и душевный—крахъ!

Продавать *всю* обстановку не будетъ надобности, но надо помириться съ маленькой квартирой, надо вести совсѣмъ иную жизнь, такую, гдѣ вещи должны подчиниться чему-нибудь другому.

И ея слезы, ея внутренній спазмъ горя и испуга показалъ мнѣ, что она не можетъ уже быть подругой трудового чело-

вѣка, что вещи сдѣлали уже свое дѣло, больше, чѣмъ я предполагалъ.

И на другой день она встала раньше обыкновеннаго, передъ завтракомъ уѣхала и была цѣлый день внѣ дома, а передъ обѣдомъ телефонировала мнѣ отъ знакомыхъ, что она у нихъ останется обѣдать.

Эти знакомые—та чета, съ которой мы ужинали тогда, въ кабинетѣ ресторана, передъ нашимъ первымъ объясненіемъ.

Усиленная работа захватила меня такъ, что я не имѣлъ ни минуты времени — предаваться какимъ-нибудь тревожнымъ мыслямъ.

Для меня все уже просто и ясно. Надо добиться разсрочки платежа по той долѣ дефицита, какая падетъ на меня. Этого, какъ я думаю, добиться будетъ можно. Совершенно точной цифры я еще не имѣю, но меньше двѣнадцати тысячъ это врядъ-ли будетъ. Вѣрнѣе—пятнадцать.

Если распредѣлить на четыре, на пять лѣтъ—придется выплачивать непремѣнно по три тысячи въ годъ.

Дѣлай я этотъ разсчетъ при Манѣ, она бы сказала:

— Это—пустякъ! Ты напишешь на какихъ-нибудь лишнихъ десять-пятнадцать листовъ — и только... Нашъ бюджетъ, нашъ train de maison можетъ остаться тотъ же.

Въ томъ-то и дѣло, что я не хочу „строчить“ для того, чтобы *вещи* властвовали надъ нами!

Долгъ надо уплатить; но еслибъ даже и не подкралась эта ликвидація—я сталъ бы энергичнѣе протестовать противъ этого царства вещей.

Моя творческая способность—по естественному ходу—должна слабѣть. Я это уже и теперь чувствую.

Слѣдовательно—надо будетъ выжимать изъ себя сотни страницъ потому только, что супругѣ моей *нельзя* разстаться съ привычками суетной, нарядной жизни, которыя она слишкомъ скоро пріобрѣла!

Это меня начинало гнести. Я не выдержалъ — высказался достаточно ясно.

Теперь неудача нашего изданія додѣлаетъ остальное.

Строчить я не хочу и не буду.

Я не имѣлъ бы и того оправданія, какое многіе мои собраты приводятъ въ свою защиту, когда дѣлаются *строчилами*, насилуютъ талантъ, валяютъ по печатному листу въ день, чувствуя сами, что это все дребедень, труха, макулатура, недостойная честнаго писателя.

Но они повторяютъ:

— Чтò же дѣлать? Семья, дѣти, должишки, скудный гонораръ! Мы не находимся въ такомъ положеніи, и не будемъ въ немъ, даже если сократимъ свой бюджетъ на одну треть!..

VIII.

Поздно—я еще работалъ—раздался сильный звонокъ жены.

Влетаетъ ко мнѣ въ шубкѣ, подбѣгаетъ къ столу, у котораго я сидѣлъ, и цѣлуетъ меня въ голову.

— Дмитрій! Я все уладила!

Это меня такъ удивило, что я вскочилъ съ кресла.

Какъ и съ *кѣмъ* могла она все „уладить"? Еще вчера у насъ было дѣловое совѣщаніе въ конторѣ.

— Устроила? Чтò же именно?

Она присѣла на кушетку и заговорила, въ полголоса, но возбужденно:

— Деньги будутъ! Я такъ рада!

И она порывисто встала и опять поцѣловала меня.

— Откуда? — спросилъ я, не чувствуя никакой особенной радости.

— Вотъ сейчасъ разскажу все... Дай мнѣ раздѣться. Приходи въ спальню. Я устала. Сейчасъ лягу... Приходи... минутъ черезъ десять!

И убѣжала.

Уладить что-нибудь съ нашими кредиторами она—очевидно—не могла. Во-первыхъ, она ихъ не знаетъ. И ихъ нѣсколько: типографія, бумага и разные другіе народы.

Значитъ—устроила заемъ?

У кого? Въ какую сумму?

Это меня не обрадовало. Все равно, заемъ нуженъ, и надо будетъ платить не одинъ годъ.

Можетъ быть, на болѣе льготныхъ условіяхъ? Но мнѣ тутъ же не пришло на умъ никакого имени, никакого лица, съ которымъ Маня могла уладить такой крупный заемъ.

Я пошелъ въ спальню ровно черезъ десять минутъ, какъ она мнѣ сказала.

Она не лежала еще въ постели, а въ пеньюарѣ сидѣла у туалетнаго столика и что-то такое производила съ своимъ лицомъ. Но какъ я вошелъ, она это оставила и стала ходить по комнатѣ, все съ такимъ же возбужденнымъ, радостнымъ лицомъ.

Глаза ея блестѣли. Она была очень красива въ эти минуты.

— Ну, что же такое?—довольно хмуро спросилъ я.

— Какъ что! Говорю тебѣ... я устроила большой заемъ.

Тутъ только я спросилъ:

— У кого же?

— Герасимовы даютъ мнѣ.

— Тебѣ?—остановилъ я, и мнѣ сейчасъ же сдѣлалось непріятно то, что она замѣшала этихъ Герасимовыхъ.

Это та чета ея пріятелей, съ которыми мы тогда ужинали.

Онъ—изъ техниковъ, подрядчикъ и разжился очень быстро. Такую сумму, какая мнѣ, на мой пай, была нужна—онъ всегда можетъ выложить.

Но, все-таки, мнѣ это совсѣмъ не пришлось по вкусу.

— Разскажи... по порядку. Я слушаю.

— Они такіе милые... такъ меня любятъ. Ты вотъ ихъ не цѣнишь, а они оказались самыми вѣрными друзьями.

— Прекрасно... Не спорю. Но скажи мнѣ толкомъ, въ чемъ дѣло.

— Очень просто! Они даютъ мнѣ пятнадцать тысячъ съ разсрочкой на нѣсколько лѣтъ. Даже не хотѣли и никакихъ процентовъ... да я настояла...

— Погоди!—остановилъ я ее.—Почему же ты мнѣ ничего не сказала... предварительно? Вѣдь это касается меня гораздо больше, чѣмъ тебя.

— Ахъ, Боже мой! Развѣ я могла все предвидѣть? Я хотѣла только поговорить съ ними. И вдругъ, послѣ обѣда, когда мы перешли въ его кабинетъ, это какъ-то само собой вышло.

— Хорошо. Но ты говоришь, что они *тебѣ* даютъ эту сумму?

— Да, мнѣ.

— Чѣмъ же ты будешь расплачиваться?

— Ахъ, Боже мой! Это—безсрочная ссуда...

— Тебѣ?—повторилъ я съ упоромъ на это слово.

— Ну, да! И они дѣлаютъ это съ условіемъ, чтобы ни одна копѣйка изъ этихъ денегъ не пошла на журналъ!

Я поднялся со стула, гдѣ сидѣлъ до того.

— Что же это такое?—вырвалось у меня.

— Очень просто! Это будетъ нашъ запасный фондъ. Какъ же ты этого не понимаешь!.. Тебѣ вѣдь придется, на твой пай, около этой суммы?.. Ты мнѣ это говорилъ или нѣтъ?

— Ну, да!

— Стало, ты изъ твоего гонорара, долженъ каждый годъ выплачивать, вѣдь такъ?

Она стала со мной ходить по комнатѣ.

— Вѣдь такъ? — потрила она все такъ же возбужденно и весело.

— Такъ.

— Какъ же ты не понимаешь, Дмитрій? Имѣя такой запасный капиталъ, мы можемъ брать изъ него, каждый годъ, то, что̀ намъ нужно... И мы будемъ проживать то же, что̀ проживаемъ и теперь.

Тутъ только я все понялъ.

— Этого не будетъ! — очень твердо выговорилъ я.

— Какъ не будетъ? Ты съ ума сошелъ!

— Что̀ же это такое? Ты дѣлаешь заемъ, не имѣя никакой собственности и ничего не зарабатывая... затѣмъ только, чтобы жить съ теперешней обстановкой. Согласись, что вотъ твоя единственная цѣль.

Она слегка поблѣднѣла и глаза стали темнѣть, взглядъ — недобрый.

— Вотъ это прекрасно! Я все уладила... а онъ вдругъ... Это Богъ знаетъ что̀!

Она опустилась на край кровати. Я подошелъ къ ней, взялъ ее за обѣ руки и сталъ говорить сильно, но сдерживая себя:

— Пойми, что̀ ты такое предлагаешь мнѣ! Твои пріятели даютъ тебѣ пособіе... или безсрочную ссуду — это все равно. Но на что̀?

— Конечно, не на твое издательское дѣло! Это было ихъ условіе.

— Видишь? Значитъ, суть какая же? Дать тебѣ на твою обстановку то, что̀ изъ нашего теперешняго бюджета пойдетъ на уплату моего долга!

Я нервно засмѣялся. Маня вся выпрямилась и почти крикнула:

— Это гадость!

— Да, порядочная гадость, — повторилъ я, — но въ чемъ? Въ этомъ пособіи, которое я не приму до тѣхъ поръ, пока я — твой мужъ и мы живемъ въ одной квартирѣ. Ты хлопотала только о твоихъ *вещахъ*!

Она что-то хотѣла отвѣтить — вѣроятно очень рѣзкое, но поблѣднѣла, схватилась за горло, упала навзничь, поперекъ кровати, и съ ней сдѣлался сильнѣйшій истерическій припадокъ.

Мы съ горничной долго оттирали ее.

IX.

Раздоръ начался. И куда онъ придетъ—я еще не знаю. Но мое сердце чувствуетъ, что наша совмѣстная жизнь уже разбита.

Послѣ приступа истерики, Маня маялась всю ночь. Я не спалъ, а лежалъ одѣтый, у себя на кушеткѣ. Моихъ услугъ она не пожелала. Утромъ рано я послалъ за докторомъ.

Онъ пріѣхалъ, но не мой, а женинъ.

Этого гладкаго, скользкаго, высокоприличнаго эскулапа, съ прибауточнымъ жаргономъ, я—признаюсь—не долюбливаю. Но онъ—„дамскій докторъ“ и Маня никого другого не допускаетъ.

Этотъ скользящій и идеально-выбритый эскулапъ сдѣлалъ мнѣ тонкое *внушеніе*, послѣ того какъ, у меня, въ кабинетѣ, прописалъ рецептъ.

— Вы, добрѣйшій, щадили бы больше нервы вашей супруги. Да не одни нервы. Сердце у нея давно пошаливаетъ, и если ея малокровіе разовьется, будетъ нехорошо-съ!

И это „нехорошо-съ“ выговорилъ онъ такъ, что я долженъ былъ принять этотъ „репримандъ“, какъ вполнѣ заслуженный.

Значитъ, больная говорила ему обо мнѣ въ соотвѣтственномъ тонѣ. А „профессіональныя“ тайны наши доктора не очень-то хранятъ — особенно насчетъ того, какъ такіе-то супруги живутъ другъ съ другомъ.

Не стану я оправдываться. Для меня въ этой супружеской схваткѣ было нѣчто покрупнѣе обыкновенныхъ женскихъ нервовъ.

И остаться на такомъ „malentendu“ я не могу. Но не за что мнѣ было и просить прощенія у хорошенькой женщины, которой я далъ отпоръ потому, что не могъ его не дать.

Во мнѣ все-таки теплилась надежда, что она меня пойметъ.

Да, пойметъ, если любитъ.

„А любитъ ли она тебя?“—спросилъ я самого себя... бытьможетъ въ первый разъ такъ отчетливо и... безстрашно.

Такъ, какъ пять лѣтъ назадъ—конечно нѣтъ.

Да и тогда была ли въ ней такая же влюбленность, какъ во мнѣ?

Будь я потщеславнѣе, я бы, конечно, вѣрилъ въ это. Но у меня никогда не было никакой „инфатуаціи“.

Я некрасивъ и не особенно молодъ. А душевныя качества у меня—не героическія, не интересныя. Полюбить за нихъ можно

дѣвушкѣ съ особой сердечной чуткостью, съ потребностью въ беззавѣтномъ чувствѣ.

А такая ли была Маня?

Вотъ и пришелъ часъ, когда и мнѣ надо уйти поглубже въ самого себя и спросить, *какое* чувство связываетъ меня съ женой моей.

Это никогда не поздно; а въ настоящій критическій моментъ—и подавно!

Влюбленности сразу было все-таки больше, чѣмъ *любви*. Красивая женщина привлекала меня, и я солгалъ бы самому себѣ, еслибъ заявилъ, вотъ сейчасъ, что ея красота не подкупала меня, когда я сталъ догадываться, что Маня отходитъ отъ меня душою.

Была жалость. Она и теперь есть. Мнѣ ее жалко... Я готовъ многое простить ей, сейчасъ забыть многое, что̀ меня огорчало въ ея суетности послѣдняго времени.

Но если такъ идти дальше, то это *подкупъ*, это — измѣна всему, что̀ я считаю—не для себя одного, а для насъ обоихъ—разумной и серьезной жизнью.

Знаю, сотни женщинъ, и даже мужчинъ, крикнутъ мнѣ:

— „Чего вамъ еще нужно? Вѣдь жена вамъ вѣрна, она вамъ нравится—до сихъ поръ; нрава веселаго, блестящая, всѣми любимая! Экая важность, что любитъ рядиться, любитъ окружать себя красивыми *вещами!* Вѣдь она васъ не разорила?.. Вы нажили долгъ на неудачной спекуляціи... Если вы ее любите—работайте теперь больше—вотъ вамъ и все!“

И о нашемъ конфликтѣ они же будутъ говорить:

— „Вы педантъ! Вы формалистъ и доктринеръ! Женѣ вашей друзья хотятъ помочь! Они даютъ ей безсрочную ссуду. И это облегчитъ вамъ уплату вашего долга! Другой бы ножки у нея цѣловалъ, а вы дѣлаете ей сцену и замыкаетесь въ смѣшной ригоризмъ! Вы не заслуживаете того, чтобы она жила съ вами... вотъ что-съ!“

Развѣ это не такъ? Но я не могу, не могу!

Ночь безъ сна, проведенная мною на кушеткѣ, въ моемъ кабинетѣ, дала моему возбужденному чувству и моимъ думамъ такой ходъ, что къ разсвѣту я совсѣмъ похолодѣлъ отъ того, что̀ мнѣ „представлялось“.

А представлялось мнѣ вотъ что̀:

Ну, я соглашусь на то, съ чѣмъ жена прилетѣла отъ своихъ пріятелей. Я буду работать столько же, сколько и теперь, и вы-

плачивать свой долгъ. А она будетъ тратить сумму, которую ей дали въ видѣ безсрочнаго пособія.

Что̀ это значитъ? Это значитъ, что я дѣлаюсь участникомъ ея сдѣлки съ жизнью. Она не можетъ отдать этихъ денегъ. И проживетъ ихъ еще раньше. А еслибъ онѣ пошли и на покрытіе моего долга... я—ея должникъ, зная и предвидя, что это еще глубже будетъ затягивать ее въ болото суетности и жизнь на чужой счетъ!

На чей? Вотъ такого подрядчика... А потомъ и другихъ кавалеровъ.

Не змѣя преждевременной ревности вползала въ мое сердце, а до ужаса ясная картина всего того, что̀ *непремѣнно*, фатально будетъ въ нашей совмѣстной жизни.

И теперь Маня—въ когтяхъ вещей. Что̀ вызвало ея истерику? Страхъ, что она должна будетъ жить въ маленькой квартирѣ, что она—блестящая женщина—должна будетъ во всемъ урѣзывать себя.

Этотъ страхъ владѣетъ ею всецѣло. И на мои увѣщанія она не пойдетъ. Я буду ее умолять, я положу всю свою душу и все-таки не вызову въ ней реакціи.

Чудесъ не бываетъ!

Она—не злая, не испорченная, у нея нѣтъ тайнаго любовника, она, по своему, любитъ меня; но та пружина, которая поднимаетъ женщину надъ ея прирожденной суетностью—у нея или сломана, или заржавѣла.

Я, съ холодомъ въ груди, почувствовалъ, что я уже глубоко и безвозвратно одинокъ... и останусь одинокъ.

И если отъ этого уйти нельзя, то лучше испить чашу сейчасъ; а бѣды „медленьемъ не избыть".

Чуть-чуть забылся я—на полчаса.

И когда всталъ и началъ умываться, то у меня было такое чувство, что *вещи* окончательно побѣдили. Онѣ отняли у меня то добродушное и чуткое существо, которое—пять лѣтъ назадъ—*могло бы* выйти другимъ.

„А кто же виноватъ въ томъ, что оно такимъ не вышло?"—крикнутъ мнѣ умники обоего пола.

Должно быть—я, никто больше!

И только-что я вошелъ въ столовую, какъ наткнулся на мою „бель-ме́рочку".

Обыкновенно она къ намъ рѣдко жалуетъ, изъ-за своихъ „vapeurs'овъ".

Я сейчасъ же догадался, по „ущемленному" выраженію ея морщинистаго, напудреннаго лица, что она уже „все знаетъ".

Это было еще до визита вылощеннаго эскулапа.

— Маня... совсѣмъ больна. Надо послать за докторомъ.

— Слушаю-съ.

Она присѣла на стулъ и меня пригласила жестомъ—сдѣлать то же.

Прежде жена моя *никогда* не выносила сора изъ избы; а тутъ она поторопилась разсказать своей маменькѣ—изъ-за чего у насъ вышло вчера объясненіе.

— Какъ вы могли такъ разстроить Маню?

Я молчалъ.

— Она мнѣ все разсказала. Это просто безуміе—съ вашей стороны, Дмитрій Сергѣевичъ; позвольте мнѣ вамъ это сказать —съ глазу на глазъ.

Я и на это ничего не отвѣтилъ.

— Маня такъ вамъ предана. Она хотѣла спасти васъ.

— Спасти! — остановилъ я тещу. — Я не просилъ ни о какомъ спасеніи, добрѣйшая Анна Петровна.

— Это явная неблагодарность! Вы сами же — не имѣя солидныхъ средствъ—пустились въ спекуляцію, а теперь такъ себя ведете.

И она даже выпятила свою и безъ того всегда оттопыренную нижнюю губу.

Я самъ прекратилъ разговоръ. Хуже этого я не могъ ничего ждать: Маня сейчасъ же *нажаловалась* на меня своей мамашѣ!

„Генеральша“ прослѣдовала въ переднюю; но на порогѣ гостиной обернулась ко мнѣ и пустила съ какимъ-то шипѣньемъ:

— Пожалуйста! Оставьте ее въ покоѣ... Мы уже послали за *ея* докторомъ.

Мнѣ оставалось отвѣсить молчаливый поклонъ, что̀ я и сдѣлалъ.

Но передъ дверью въ спальню я опустился на стулъ. Въ ногахъ ощутилъ я внезапную, нервную слабость.

Кажется, глаза мои стали влажны.

Но исходъ всего того, что̀ *должно* произойти—все такъ же неизбытно стоялъ предо мною.

X.

„А если ты самъ—не что̀ иное, какъ самодуръ?“

Съ этимъ вопросомъ я проснулся вчера. И у меня даже лобъ сдѣлался тотчасъ влажнымъ.

Почему я упираюсь? Изъ какихъ такихъ „высшихъ“ принциповъ морали не могу я допустить, *главнымъ образомъ*, того, что моя жена будетъ принимать отъ своихъ друзей пособіе, которое позволитъ ей не мѣнять своихъ привычекъ, жить такъ, какъ она теперь живетъ?

Вѣдь вотъ главный пунктъ моего протеста.

Да или *нѣтъ?*

Формально—да.

Но только—формально; а не „по существу“.

Мое горе — въ настоящую минуту — то, что у меня нѣтъ друга: ни одного.

Есть добрые знакомые. Есть „собраты“. Но ни къ кому изъ нихъ я не пойду изливаться и просить быть суперарбитромъ въ моей супружеской коллизіи.

Я никогда этого не дѣлалъ. Это для меня—великій запретъ. Не могу я впускать кого бы то ни было въ мою интимную жизнь. Довольно и того, что какая-нибудь „belle-mère“ — на правахъ матери—вторгается въ нее. Но я съ нею не желалъ разговаривать. Да и теперь не желаю. И это — совсѣмъ не самодурство!

Обращаюсь, въ эту минуту, къ воображаемому другу, къ брату—не къ духовнику, потому что я невѣрующій,—и говорю ему:

— „Пойми меня! Согласиться на это, значитъ: признать, что мы съ женой моей прекрасно сдѣлаемъ, что будемъ жить какъ теперь живемъ—да или нѣтъ?“

— „Да“—отвѣтилъ бы мнѣ мой другъ или братъ.

— „А это равносильно тому, что и я самъ покорился вещамъ, что я—изъ слабости къ хорошенькой женщинѣ — сознательно иду на рядъ компромиссовъ, которые не то что только *могутъ*, но непремѣнно *должны* привести и ее, и меня къ постыднымъ сдѣлкамъ съ совѣстью“.

— „Ну, хорошо. Я уплачу, своимъ трудомъ, мой долгъ. И жена моя, въ эти пять-шесть лѣтъ, проживетъ безсрочное пособіе, какое получитъ отъ той богатой четы—другими словами, отъ *господина* Герасимова, потому что у госпожи Герасимовой своего состоянія нѣтъ. Значитъ и я—въ эти пять лѣтъ—пользовался его подаяніемъ! Но это еще не все... Отъ усиленнаго труда я заболѣю, ослабну... что же тогда? Я попадаю на содержаніе того же самаго благодѣтеля, черезъ жену мою. Она—захваченная окончательно вещами—будетъ искать рессурсовъ всякаго рода. Это—неизбѣжно. Разъ женщина въ когтяхъ тщесла-

вія и самовлюбленности—она не въ силахъ удержаться на этой покатой плоскости. Я лично знавалъ нѣсколько такихъ примѣровъ".

— „А ты умрешь—возразитъ мнѣ мой воображаемый другъ или братъ,—развѣ тебѣ не все равно?"

— „Нѣтъ, не все равно! — отвѣчу я. — Мнѣ и безъ того будетъ горько, умирая, оставить ей только долгъ, если я не успѣю съ нимъ расплатиться при жизни; но тутъ я буду умирать съ двойной душевной тяжестью: я, своимъ потакательствомъ, толкнулъ жену на скользкій путь. И послѣ моей смерти она будетъ уже, безъ удержу, искать только одного — ты самъ понимаешь: чего".

— „Преспокойно найдетъ себѣ богатаго мужа!"

— „Это ея дѣло; но я не хочу и не могу *такъ* ни жить, ни умирать!"

Кто знаетъ! Быть можетъ, и самый нѣжный другъ и братъ не призналъ бы моихъ доводовъ, можетъ и ему я показался бы слишкомъ придирчивымъ „принципистомъ"!

Но этотъ діалогъ съ воображаемымъ лицомъ утвердилъ меня еще сильнѣе въ безповоротномъ рѣшеніи на „комбинацію" жены не соглашаться.

. . . .

И въ тотъ же день, поздно вечеромъ, въ спальнѣ, я, у ея постели, стоя на колѣняхъ, умолялъ ее понять меня, почувствовать всю правду моихъ душевныхъ мотивовъ, сознать тотъ скользкій путь, на какой она вступила и меня влечетъ за собою.

Отъ роду я не былъ слезливъ... Но тутъ я зарыдалъ, и звукъ моихъ рыданій меня самого испугалъ.

Она тоже расплакалась.

Сначала она говорила со мною недобрымъ, обиженнымъ, чисто дамскимъ тономъ. Но мое мужское горе заставило ее одуматься и размягчило ея сердце.

Но что же я слышалъ, оставаясь все въ томъ же положеніи на полу, съ головой, опущенной на край постели?..

— Митя! Ты, по своему, правъ. Я не хочу спорить... Ты себя не можешь передѣлать. Вы—мужчины—слишкомъ горды и упорны. Вашъ гоноръ стоитъ выше всего.

И тутъ только слезы заслышались въ ея голосѣ.

— Я не стану,—продолжала она, сидя надо мною, въ кровати,—я не стану упрекать тебя... Другая бы, на моемъ мѣстѣ, крикнула тебѣ, что ты ее ни крошки не любишь и никогда не любилъ. Разскажи все это любой женщинѣ, самой порядочной—

она мнѣ отвѣтитъ: „какъ вы можете жить съ такимъ господиномъ? онъ — неблагодарный эгоистъ“! Но, милый, я этого не говорю! Ты не виноватъ... ты—такой...

И тутъ она отерла слезы, глубоко вздохнула и опустилась на подушку.

Въ эту минуту я поднялъ голову и ея лицо, со слѣдами слезъ, было прекрасно. Во мнѣ что-то вдругъ ёкнуло въ сердцѣ и мнѣ стало ее такъ нестерпимо жаль, что еще двѣ-три секунды—и я бросился бы цѣловать ея ноги и просить прощенія.

Но это было мгновенное облачко.

— Митя! И я не могу.

Это вырвалось у нея глухимъ крикомъ.

— Не могу!—еще сильнѣе повторила она.

— Не можешь чего?—шопотомъ спросилъ я.

— Не могу жить такъ, какъ ты хочешь! Ты вотъ возненавидѣлъ *вещи*, какъ ты выражаешься,—другими словами, то, безъ чего будетъ что же? Мизерабельное существованіе, какая - то мастеровщина! Я молода, я хочу брать отъ жизни все, что могу, оставаясь честной женщиной. Но у тебя своя честь, свой кодексъ морали! Ты можешь мнѣ сказать: „А какъ же мнѣ-то быть, Маня? Работать на тебя, а ты вся—въ вещахъ!“ Это логично. Я это признаю... А то, какъ я хочу облегчить тебѣ твой непосильный трудъ—ты не принимаешь!.. Каждый правъ по-своему.

— Стало?—чуть слышно выговорилъ я.

— Стало... стало...—повторила она. — Безъ насилія другъ надъ другомъ намъ нельзя идти рука въ руку.

Это былъ приговоръ, и произнесла его она — первая.

Какъ всегда женщина сильнѣе насъ! У нея нѣтъ нашихъ задержекъ.

Я весь захолодѣлъ. Въ горлѣ у меня всталъ клубокъ.

Не женщина съ нервами, а мужчина „съ характеромъ“ былъ близокъ къ припадку. Но я пересилилъ себя.

— И это твое послѣднее слово, Маня?—спросилъ я, вставая.

Я долженъ былъ тотчасъ же присѣсть тутъ, на табуретъ.

— Зачѣмъ такъ торжественно, Дмитрій? Послѣднее слово не за мной, а за тобой. Ты знаешь и видишь...

Оставаться тутъ, въ спальнѣ, сидя рядомъ съ нею... я не былъ въ силахъ.

Да и чѣмъ это могло кончиться?

Поцѣлуями, объятіями... примиреніемъ... а затѣмъ и принятіемъ той программы жизни, какой требовала жена моя?

. . . .

И вотъ я—наканунѣ „разъѣзда“.

Ничего еще не было между нами установлено, никакихъ дальнѣйшихъ переговоровъ еще не было.

Но логика женщины оказалась сильнѣе. По молчаливому соглашенію выходитъ такъ, что къ новому году „произойдетъ разъѣздъ“.

Это несовсѣмъ вѣрно. Произойдетъ *мой* выѣздъ изъ квартиры... съ моимъ мужскимъ добромъ.

Зачѣмъ же ей мѣнять квартиру съ обстановкой, къ которой она такъ *привыкла?*

Вѣдь привычка—выше всего. Развѣ жизнь—не привычка... и такая цѣпкая—въ родѣ запоя?

Каждому—свое! Моя жена будетъ плавать въ царствѣ *вещей*; а я буду работать—на кредиторовъ... и—вѣроятно—на нее же.

Но она ни разу не спросила вслухъ:

— А на что *я* буду жить?

И за то—спасибо!

П. Боборыкинъ.

Ноябрь, 1908.
Римъ.

ЗАЩИТА СВОБОДЫ СОВѢСТИ

Къ числу немногихъ побѣдъ, достигнутыхъ освободительнымъ движеніемъ, слѣдуетъ отнести начертаніе „незыблемыхъ“ основъ свободы совѣсти на знамени отечественнаго законодательства.

Въ сущности уступки, сдѣланныя старымъ порядкомъ въ области вѣроисповѣдныхъ отношеній, носятъ самый безобидный характеръ. Свобода совѣсти не затрагиваетъ чьихъ-либо прерогативъ; по основному своему свойству она далека отъ тѣхъ соціальныхъ отношеній, неприкосновенность которыхъ защищаютъ такъ страстно люди, все еще стоящіе на томъ берегу. Тѣ средневѣковыя формы, въ которыя выливалась религіозная нетерпимость, присущая до послѣдняго времени нашему законодательству и нашей административной практикѣ, отзываются нынѣ уже такимъ архаизмомъ, что ихъ не возьметъ подъ свою защиту пожалуй любой даже изъ самыхъ отсталыхъ руководителей современной правительственной политики.

Монастырскій казематъ, какъ средство борьбы съ проявленіемъ религіознаго разномыслія, переноситъ насъ въ Николаевскую эпоху, съ ея девизомъ оффиціальной народности. Эта старая теорія сдана въ архивъ собственными ея защитниками. Неразрывныя узы, связывавшія православіе и самодержавіе, разрублены уже давно, и въ тотъ моментъ, когда на вѣсы положены силы старой и молодой Россіи, когда по всѣмъ швамъ трещатъ соціальныя основы стараго режима и высится надъ ними политическая надстройка, уже не приходится прибѣгать къ младенческой аргументаціи государственныхъ идеологовъ стараго пошиба.

Послѣ всего пережитого за послѣдніе годы въ Россіи религія уже не можетъ служить орудіемъ властвованія; чтобы поддержать подгнившія стропила стараго зданія, нужны орудія бо-

лѣе сильно дѣйствующія, тѣ самыя орудія, которыя въ такомъ изобиліи находятся въ наши дни въ богатомъ арсеналѣ исключительныхъ мѣръ и экстраординарныхъ охранъ. Если съ идеями нельзя бороться пушками, то еще въ большей степени является покушеніемъ съ негодными средствами попытка превратить церковь вновь въ слѣпую и безгласную угодницу правящихъ классовъ. Правда, нѣкоторымъ доморощеннымъ утопистамъ все еще мерещится возможность возродить во всемъ прежнемъ объемѣ и великолѣпіи до-реформенный строй: они мечтаютъ о превращеніи церковнаго амвона, въ цѣляхъ политической агитаціи, въ каѳедру реакціонной демагогіи; они желали бы замкнуть уста всѣмъ инакомыслящимъ и, твердо опираясь по традиціямъ на полицейскую руку, провозгласить тричастную формулу русской государственной идеи, въ свое время вдохновлявшей ихъ предковъ. Но эра казеннаго православія, „расцвѣта“ такъ-называемой оффиціальной вѣры отжила и канула въ безвозвратное прошлое. „Истинно-русскіе“ реформаторы, воспроизводящіе какъ бы по заученной указкѣ „незабвенныя мысли незабвенныхъ людей“, живутъ прошлымъ, а не настоящимъ. Если ослабленіе импульса общественной жизни даетъ этимъ теоретикамъ прошлаго возможность рисовать себѣ безплодныя, но заманчивыя перспективы будущаго, то трезвая оцѣнка соотношенія реальныхъ силъ въ странѣ разбиваетъ въ прахъ мишурныя иллюзіи „самобытныхъ“ политиковъ.

И почти внѣ сомнѣнія, что тѣмъ, кому суждено въ наши дни стоять у кормила правительственнаго корабля, отнюдь не представляется желательной полная ликвидація незначительныхъ уступокъ, сдѣланныхъ за послѣдніе годы въ сферѣ вѣроисповѣдныхъ отношеній. Самый яркій противникъ освободительныхъ вѣяній, знаменующихъ собой пробужденіе спящаго богатыря-народа и начало коренной ломки соціально-экономической структуры современнаго общества, неизбѣжно долженъ былъ бы признать — и это дѣйствительно признавалось въ оффиціальныхъ работахъ правительственныхъ коммиссій послѣдняго времени,—что близорукая вѣроисповѣдная политика прежнихъ лѣтъ создавала огромные кадры недовольныхъ, ненавидящихъ установившійся общественный режимъ, въ той даже средѣ, которая и по своей идеологіи, и по своему соціальному положенію всецѣло должна была стоять на сторонѣ правительства, защищающаго ея монополіи, ея привилегіи и различныя имущественныя права.

Не такъ еще давно все старообрядчество, почти безъ исключенія, было солидарно въ признаніи вреда, приносимаго полицейско-бюрократическимъ строемъ. Вся крупная старообрядческая

буржуазія находилась въ рядахъ протестующихъ, и это было болѣе чѣмъ понятно при господствовавшей системѣ самаго грубаго подавленія элементарныхъ основъ права, когда людямъ не позволяли даже молиться по велѣніямъ своей совѣсти. Утѣсненія, затрагивавшія самыя болѣзненныя и сокровенныя чувства людей сильныхъ и богатыхъ, влекли ихъ иногда противъ воли въ ряды той умѣренно-либеральной оппозиціи, конституціоннымъ требованіямъ которой она въ общемъ даже не сочувствовала; ихъ влекло туда сознаніе, что безъ помощи этой оппозиціи они никогда не достигнутъ тѣхъ правъ, которыхъ тщетно въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ пытались добиться яркимъ подчеркиваніемъ своей благонамѣренности, щедрыми подачками и т. д.

Надо было пошатнуть „мощный колоссъ" стараго режима, который въ упоеніи своимъ величіемъ и властью не желалъ никакихъ уступокъ, никакихъ компромиссовъ. Колоссъ пошатнулся, желанныя права были достигнуты; они были даны якобы за вѣрность истинно-русскимъ началамъ. Прежнихъ оппозиціонеровъ оказалось нетруднымъ въ значительной степени привлечь на свою сторону. Обычное пугало въ видѣ анархіи оказалось и въ данномъ случаѣ наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ. Старообрядческая буржуазія много лестнаго для себя услышала въ правительственныхъ коммиссіяхъ, разрабатывавшихъ оригинальную, нынѣ осуществленную систему внѣдренія новыхъ началъ въ старую бюрократическую машину; ей откровенно дѣлались посулы на будущее, и въ этихъ посулахъ слышалась нескрытая нотка косвенныхъ угрозъ возможности лишенія дарованныхъ льготъ, если она не съумѣетъ умѣрить освободительный порывъ, уносившій и старообрядческую массу въ общій могучій народный потокъ. На этой почвѣ въ настоящее время, въ прежде солидарномъ старообрядчествѣ, объединенномъ на почвѣ общихъ интересовъ въ борьбѣ за религіозную свободу, мы видимъ полное разслоеніе: демократическіе элементы расторгли противоестественный союзъ и вступили въ ряды русской демократіи для объединенной борьбы противъ возрастающей реакціи и ея близорукихъ приспѣшниковъ.

Такое разслоеніе отчетливо сказывается даже въ старообрядческой прессѣ, на съѣздахъ и т. д. Въ жизни, конечно, оно еще сильнѣе. Въ недавнее еще прошлое руководителями старообрядческаго общества являлась почти исключительно крупная буржуазія. Явленіе это легко объяснимо: милліонщики старообрядческіе неизбѣжно пользовались извѣстнымъ авторитетомъ и вліяніемъ въ правительственныхъ кругахъ. Съ ихъ мнѣніемъ такъ или иначе приходилось считаться. Отсюда вытекало и до-

вѣріе къ руководителямъ со стороны массы: чего нельзя было достигнуть по закону, то можно было получить путемъ негласнаго ходатайства, черезъ лицо, пользующееся вліяніемъ. Такихъ фактовъ можно было бы привести безчисленное количество, и едва-ли не самымъ яркимъ за послѣднее время являются перипетіи, связанныя съ вопросомъ о распечатаніи алтарей Рогожскаго кладбища. Исторія эта еще недавно комментировалась въ газетахъ.

Съ провозглашеніемъ свободы совѣсти вліяніе старообрядческихъ капиталистовъ утрачивается въ общинахъ: руководство духовной жизнью старообрядческаго міра ускользаетъ изъ ихъ рукъ. Мы видимъ попытку прежнихъ руководителей старообрядчества добиться закрѣпленія, такъ сказать, законодательнымъ путемъ утерпваемаго ими вліянія: созданія центральной организаціи, которая вершила бы дѣлами старообрядческой церкви. Оппозиція въ старообрядческой средѣ называетъ эту организацію старообрядческимъ синодомъ. И въ дѣйствительности это такъ. Министерство охотно идетъ на соглашеніе съ старообрядческой буржуазіей. Она приглашается въ правительственныя совѣщанія по старообрядческимъ дѣламъ; здѣсь она отъ имени старообрядчества вноситъ поправки къ министерскимъ законопроектамъ о старообрядческихъ общинахъ въ духѣ, далеко не отвѣчающемъ стремленіямъ большинства старообрядческаго міра. Тѣ раздоры и тренія, которыя возникли въ старообрядчествѣ за послѣднее время при обсужденіи министерскихъ законопроектовъ объ общинахъ, служатъ наилучшимъ показателемъ отмѣченнаго разслоенія. Вся демократическая оппозиція въ старообрядчествѣ—противъ министерскихъ законопроектовъ и тѣхъ поправокъ, которыя вводятся доброжелательными руководителями прежнихъ лѣтъ.

На это разслоеніе повліяло то обстоятельство, что интересы и нужды крупной старообрядческой буржуазіи въ значительной степени удовлетворены.

Врядъ ли правящіе круги пожелаютъ разстаться нынѣ съ добрымъ союзникомъ и вновь производить испытанные эксперименты, уже приводившіе къ тому, что друзья оказывались въ лагерѣ враговъ. Въ этомъ лагерѣ оказывались представители всѣхъ нашихъ религіозныхъ теченій, ибо всѣхъ угнеталъ старый полицейскій режимъ, пытавшійся охватить безчисленными щупальцами спрута свободную мысль, подвести ее подъ общій ранжиръ и закабалить въ томъ вѣроисповѣданіи, которое авторизировано было государственной властью. Люди, презиравшіе суетныя блага міра и думавшіе лишь о небесномъ блаженствѣ, попадали

въ число политически неблагонадежныхъ элементовъ; непротивленцы злу роковымъ образомъ влеклись на путь активной политической дѣятельности.

Не смотря на пресловутое „успокоеніе", сдѣлавшееся излюбленной темой нашихъ оффиціозовъ и правительственныхъ органовъ, Россія и понынѣ представляетъ изъ себя взбаломученное море; иначе и не можетъ быть при тѣхъ мизерныхъ результатахъ, которые достигнуты за время героической народной борьбы послѣднихъ лѣтъ. То, что временно успокоилось, устало и притаилось въ грозномъ молчаніи, отнюдь не исчезло. Идиллія успокоенія и блаженства народнаго наступила только на устахъ оффиціозныхъ бардовъ и не въ мѣру льстивыхъ составителей хвалебныхъ гимновъ.

Перспектива грозныхъ стихійныхъ движеній остановитъ, вѣроятно, господствующую бюрократію отъ слишкомъ поспѣшной и рѣзкой ликвидаціи прежнихъ уступокъ, которыя, по мнѣнію нѣкоторыхъ ея представителей — и въ томъ числѣ, какъ говорятъ, Побѣдоносцева—явились результатомъ несоразмѣрнаго капитуляціоннаго разбѣга правительства. Въ области вѣроисповѣдныхъ отношеній такая ликвидація была бы и совсѣмъ неумѣстна. Она попросту была бы вредна по соображеніямъ, какъ мы видѣли, исключительно даже тактическаго свойства.

Та группа политическихъ маньяковъ, которая въ осуществленіи своихъ реакціонныхъ вожделѣній отнюдь не желаетъ считаться съ реальными условіями жизни страны и грозитъ даже всенароднымъ гнѣвомъ, подъ коимъ по всей видимости подразумѣваются „истинно русскія" дубины и резины, требуетъ немедленнаго пересмотра, урѣзки и даже полной отмѣны вѣроисповѣдныхъ льготъ, предоставленныхъ манифестами 17-го апрѣля и 17-го октября. Эта группа съумѣла организовать довольно импозантное по внѣшности и во всякомъ случаѣ чрезвычайно характерное выступленіе реакціи противъ свободы совѣсти на засѣдавшемъ въ Кіевѣ четвертомъ всероссійскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ.

Вожди нашего воинствующаго клира, идеологически и персонально близкіе закулиснымъ дирижерамъ, еще задолго инсценировавшимъ обстановку кіевскаго съѣзда, требовали, чтобы вѣроисповѣдные вопросы изъяты были изъ вѣдѣнія Государственной Думы. Но то полное—мало сказать несочувствіе—осужденіе, съ которымъ были встрѣчены постановленія съѣзда даже въ большинствѣ органовъ охранительной печати, показываетъ довольно отчетливо, что въ правящихъ сферахъ отнюдь не склонны осуществлять, по крайней мѣрѣ въ наши дни, инквизиціонную

политику средневѣковья, которая такъ люба союзническимъ организаціямъ. Поэтому въ ближайшее время можно и не ждать какого-либо реакціонно-революціоннаго выступленія противъ государственныхъ актовъ, обезпечившихъ, правда, пока еще только самую элементарную вѣротерпимость и по существу далеко не являющихся слишкомъ щедрою данью.

Отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что проведеніе реформъ, долженствующихъ гарантировать всѣмъ русскимъ гражданамъ хоть элементарную свободу совѣсти, обезпечено у насъ при создавшейся политической коньюнктурѣ. Руководящія сферы оказываются чрезвычайно податливыми подъ натискомъ слѣпой реакціи. Уступка за уступкой сдѣлали уже въ значительной степени мертворожденнымъ то, что̀ въ области свободы совѣсти явилось завоеваніемъ освободительной борьбы. Рядъ временныхъ законоположеній—какъ, напримѣръ, правила, чрезвычайно затруднившія фактическій выходъ изъ насильственнаго полицейскаго прикрѣпленія къ православію, или законъ 14-го марта 1906 года о совращеніи, вернувшійся, можно сказать, къ дореформеннымъ порядкамъ,—существенно урѣзали объемъ отечественной свободы совѣсти. Послѣдняя сдѣлалась фикціей, и можно лишь говорить о вѣротерпимости, т.-е. объ отсутствіи прежнихъ религіозныхъ гоненій въ точномъ смыслѣ слова, о признаніи нѣкоторыхъ правъ за существующими религіозными организаціями и т. п.

Эти ограниченія на практикѣ нашли себѣ и теоретическое обоснованіе въ министерскихъ законопроектахъ, внесенныхъ еще во вторую Государственную Думу.

Печать уже обстоятельно разбирала плоды министерскаго творчества по вѣроисповѣднымъ вопросамъ. Было вскрыто то внутреннее противорѣчіе, которое легло въ основу министерской работы—та своеобразная, но не всегда удачная комбинація теоретическаго признанія свободы совѣсти съ самыми грубыми ея нарушеніями. Министерскіе законопроекты, не затрагивая самыхъ основъ нашего архаическаго законодательства, попытались хитроумно сочетать несоединимое: конституціонныя требованія, требованія правового государства — съ руководящими идеями полицейскаго строя. Получилось нѣчто несообразное: отстаивая точку зрѣнія полицейской охраны религіи, съ мало умѣстными ссылками на современное западно-европейское законодательство, министерство вводило несущественные коррективы, притомъ часто противорѣчащіе одинъ другому. Сами составители законопроектовъ не съумѣли, что̀ и вполнѣ естественно, выйти изъ создавшагося такимъ образомъ заколдованнаго круга противо-

рѣчій съ подобающимъ достоинствомъ. Противорѣчія министерскихъ законопроектовъ, можно сказать, сшиты бѣлыми нитками.

Разсматривая религію какъ основу государственнаго общежитія, какъ опору и гарантію государственнаго порядка, другими словами — какъ орудіе для властвованія, а не какъ нѣчто цѣнное само по себѣ; считая, поэтому, необходимымъ охранять съ прежнимъ рвеніемъ неприкосновенность пріоритета господствующей церкви, какъ цѣнный залогъ государственнаго объединенія, министерство въ той или иной мѣрѣ сохраняло почти всѣ драконовскія карательныя мѣры, которыми въ дореформенное время считали возможнымъ обезпечить процвѣтаніе казеннаго православія. По старой традиціи министерскіе законопроекты разбили вѣроисповѣданія по рангамъ, и каждому рангу удѣлили соотвѣтствующую дозу льготъ.

Теоретически министерскіе законопроекты признавали, что всякія ограниченія, связанныя съ запрещеніемъ проповѣди и т. п., „чрезвычайно трудно укладываются въ рамки логической аргументаціи“. Признаніе свободы совѣсти требуетъ и безусловнаго признанія свободы проповѣди, полной свободы религіознаго самоопредѣленія. Не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо ограниченіяхъ. Но какъ быть тогда съ пріоритетомъ господствующей церкви и съ ея привилегіей, въ видѣ монополіи религіозной проповѣди? Государство не можетъ допустить дѣйствій, направленныхъ къ отвлеченію отъ православія, и тѣмъ самымъ подрывать „основы государственной жизни“. Въ концѣ концовъ, вкладывая конкретное содержаніе въ теоретическія предпосылки, министерскіе законопроекты устанавливали полное запрещеніе иновѣрной проповѣди.

Эти непримиримыя противорѣчія, конечно, не могли укрыться за словами о сохраненіи „незыблемыхъ“ основъ свободы совѣсти. Теоретики изъ канцелярій прибѣгали подчасъ къ изумительнымъ казуистическимъ пріемамъ, мало примѣнимымъ даже къ тѣмъ „конституціоннымъ“ порядкамъ, которые усиленно внѣдряются у насъ и являются своего рода самобытными. Не допуская возможности оффиціальнаго признанія юридической силы за отпаденіемъ въ нехристіанство (это колеблетъ „уваженіе“ къ религіи, это — недопустимое посягательство на религіозныя начала, на догматы, на которыхъ покоится государственная и общественная жизнь), но въ то же время стремясь все же сохранить какую-то фикцію свободы совѣсти, министерство предлагаетъ согласиться на признаніе „молчаливаго ухода изъ христіанства“. Осуществленіе такого „умолчанія“, при эластичной современной практикѣ, бу-

детъ лишь приводить къ тому, что положеніе „изгоевъ" окажется весьма тяжелымъ и возродитъ въ полномъ объемѣ еще недавнее прошлое.

Составители министерскихъ законопроектовъ исходили въ своей работѣ далеко не изъ признанія принциповъ религіозной свободы. Эти проекты представляютъ собою старыя теоріи, переработанныя на новый ладъ. Это—неудачная попытка найти компромиссъ. Тѣмъ не менѣе компромиссъ, вводимый министерскими законопроектами, встрѣтилъ самое строгое осужденіе тѣхъ реакціонеровъ, которые не допускаютъ никакихъ компромиссовъ и вообще полагаютъ, что пришло время взять всѣ уступки назадъ.

Первымъ выступилъ противъ министерскихъ законопроектовъ синодъ, который въ своемъ обновленномъ составѣ получилъ крайне реакціонное направленіе. Въ своемъ извѣстномъ „опредѣленіи" синодъ усмотрѣлъ въ министерскихъ законопроектахъ „несоотвѣтствіе не только съ дѣйствующими нынѣ законоположеніями, но и съ предначертаніями и упованіями, выраженными въ манифестѣ 17-го апрѣля 1905 г.". Какъ ни старалось министерство въ своихъ законопроектахъ самымъ тщательнымъ образомъ обезпечить „особую защиту", „особое покровительство", предоставляемыя государствомъ первенствующей церкви, не забывая и прежней полицейской опеки, тѣмъ не менѣе синодальное опредѣленіе поставило министерству въ упрекъ недостаточную заботливость о привилегіяхъ и преимуществахъ господствующаго вѣроисповѣданія. Возвратъ къ старому — вотъ лозунгъ синодальнаго опредѣленія. Отмѣнить вѣроисповѣдныя льготы—вотъ лозунгъ послѣдняго миссіонерскаго съѣзда, дополнившаго уже конкретными требованіями опредѣленіе синода.

Защитники министерскихъ законопроектовъ оказались чрезвычайно уступчивыми. Они шагъ за шагомъ отступали въ коммиссіяхъ третьей Государственной Думы даже отъ своихъ собственныхъ положеній; они протягивали руку воинствующему клиру и поддерживающимъ его реакціоннымъ кругамъ. Уступка шла за уступкой, и послѣ кіевскаго съѣзда слышались уже такія рѣчи, что, быть можетъ, положеніе еще болѣе обострится и придется сдѣлать еще большія уступки.

Характернѣйшимъ показателемъ министерской политики служитъ саратовскій Гермогено-Илліодоровскій инцидентъ. Возникшій между духовной и свѣтской властью конфликтъ въ сущности разрѣшился полнымъ торжествомъ первой. Между тѣмъ, саратовскій инцидентъ выросъ на той же почвѣ, что и кіевскій миссіонерскій съѣздъ.

Итакъ, всѣ правительственныя мѣропріятія послѣдняго времени были послѣдовательнымъ отступленіемъ назадъ въ области вѣроисповѣдной политики. Кажется, дальше некуда идти. Всѣ урѣзки сдѣланы. Къ какимъ же результатамъ могутъ привести еще дальнѣйшія урѣзки?

Отвѣтъ дать нетрудно. Свобода совѣсти, въ томъ видѣ, какъ она существуетъ въ наши дни и какъ ее понимаютъ въ правительственныхъ кругахъ, отмѣнена, конечно, не будетъ. Такой шагъ былъ бы слишкомъ чреватъ послѣдствіями; на столь рискованное предпріятіе врядъ-ли рѣшатся даже наши недальновидные политики. Но они будутъ стремиться къ тому, чтобы свобода совѣсти была сведена къ минимальнымъ размѣрамъ.

Это обстоятельство и должно быть съ особымъ вниманіемъ учтено въ наши дни.

Кто дѣйствительно защищаетъ идею свободы совѣсти, кто является ея адептомъ не по соображеніямъ тактическаго характера, кто не видитъ въ вѣроисповѣдныхъ льготахъ лишь уступки требованіямъ времени и напору общественныхъ силъ, тотъ, казалось бы, всецѣло долженъ протестовать противъ новаго направленія, постепенно одерживающаго верхъ въ правительственныхъ сферахъ. Въ области вѣроисповѣдныхъ отношеній реакція проявляется особенно ярко. Въ пользу вводимыхъ ею ограниченій нельзя привести никакихъ „политическихъ“ соображеній, кромѣ одного: что свобода совѣсти недопустима въ полицейскомъ государствѣ, гдѣ граждане должны мыслить и вѣрить по указкѣ. Здѣсь ни при чемъ та „анархія“, подъ видомъ борьбы съ которой вводятся современные намъ „конституціонные“ порядки. Реакціонная политика въ вопросахъ вѣроисповѣданія наилучшимъ образомъ разбиваетъ тѣ иллюзіи и тотъ миражъ, который пытается создать въ глазахъ умѣренно-либеральной оппозиціи наше первое „конституціонное“ министерство.

Та политическая партія, которая выставляетъ на своемъ знамени свободу совѣсти не только какъ заманчивую афишу для привлеченія бо̀льшаго числа голосовъ къ своей избирательной урнѣ, должна опредѣленно, безъ экивоковъ въ сторону реакціи, осудить новый министерскій курсъ. Такой опредѣленности нѣтъ у партіи, которой суждено господствовать въ третьей Государственной Думѣ. Въ партіи послѣдняго министерскаго циркуляра политическое „credo“ всегда расходится съ дѣломъ. Мы это видѣли наглядно при обсужденіи въ прошлогодней думской сессіи смѣты святѣйшаго синода.

Дума, отвергнувъ предложеніе бюджетной коммиссіи распро-

странить государственный контроль на церковное имущество, ограничилась пожеланіемъ, чтобы представлялась обстоятельная отчетность о средствахъ и имуществахъ духовнаго вѣдомства. Эта уступка, не смотря на ярко очерченную въ докладѣ бюджетной коммиссіи ненормальность расходовъ синодальной смѣты, чрезвычайно характерна: она показываетъ степень стойкости октябристовъ въ проведеніи конституціонныхъ началъ въ жизнь. Октябристское большинство легко поддается увѣщаніямъ со стороны своихъ оффиціозныхъ нянекъ и министерскихъ лидеровъ; полагаться на него отнюдь не приходится.

Новое подтвержденіе даетъ судьба запроса въ Государственной Думѣ по поводу вышеупомянутаго саратовскаго инцидента.

Оцѣнка образа дѣйствій господствующей въ Думѣ партіи при обсужденіи вопросовъ, хотя бы и косвенно затрагивающихъ свободу совѣсти, пріобрѣтаетъ особую важность въ виду того, что по всей видимости въ недалекомъ будущемъ Государственной Думѣ придется приступить къ разсмотрѣнію министерскихъ законопроектовъ о свободѣ совѣсти. Разсмотрѣніе этихъ законопроектовъ въ коммиссіяхъ заканчивается. Законопроектъ о старообрядческихъ общинахъ уже вносится въ Думу и, слѣдовательно, въ весеннюю сессію, вѣроятно, будетъ разсмотрѣнъ.

И не грозитъ ли опасность, что то, что̀ происходитъ въ наши дни въ жизни, что̀ является до нѣкоторой степени результатомъ административныхъ эксцессовъ (напр., гоненія на сектантовъ, о которыхъ мы вновь такъ часто слышимъ за послѣднее время), найдетъ санкцію въ законодательствѣ? Объ эксцессахъ нечего говорить—ими слишкомъ богата русская жизнь во всѣхъ своихъ областяхъ. Но если эта практика найдетъ себѣ освященіе въ законѣ, то мы съ полнымъ правомъ можемъ ожидать лишь учащенія эксцессовъ и постепеннаго расширенія ихъ предѣловъ. Вотъ этого и надо бояться. А между тѣмъ это можетъ случиться. Законодательство само дастъ поводъ къ безчисленнымъ ограниченіямъ въ практическомъ примѣненіи принциповъ свободы совѣсти.

Что̀ дѣлалось въ коммиссіяхъ Государственной Думы, которыя занимались разсмотрѣніемъ министерскихъ законопроектовъ по вѣроисповѣднымъ вопросамъ?

Уже на первыхъ порахъ работы этихъ коммиссій вызывали рядъ недоумѣній. Работа получила какой-то калейдоскопическій характеръ. Въ коммиссіяхъ первоначально намѣтилось два противоположныхъ теченія: одно почти безъ измѣненій принимало основныя положенія министерскихъ законопроектовъ (о коренной

реформѣ нашего законодательства почти и не говорилось; руководящія идеи не затрагивались); другое, стоя на точкѣ зрѣнія синодальнаго опредѣленія, взывало къ реставраціи прошлаго. Ни одно изъ этихъ направленій не имѣло абсолютнаго большинства. Въ результатѣ явились въ корень противорѣчивыя рѣшенія: коммиссія, въ одномъ засѣданіи устраняя нѣкоторыя статьи законодательства, нарушавшія теоретически признанную свободу совѣсти — принципъ невмѣшательства государственной власти въ религіозныя дѣла, — въ другомъ засѣданіи принимала статьи, уничтожавшія первыя рѣшенія. Признавая, напр., свободу проповѣди, вѣроисповѣдная коммиссія, переходя отъ теоретическаго разсмотрѣнія принциповъ къ разработкѣ отдѣльныхъ статей закона, неожиданно находила, что среди православныхъ право пропаганды должно остаться лишь за православнымъ духовенствомъ.

Въ концѣ концовъ, однако, въ вѣроисповѣдной по крайней мѣрѣ коммиссіи образовалась компактная группа, внесшая существенные коррективы въ законопроекты министерства внутреннихъ дѣлъ — законопроекты, отличавшіеся неясностью, туманностью, замалчиваніемъ и противорѣчивостью. Это повлекло за собой даже отказъ отъ предсѣдательства со стороны епископа Евлогія.

Такимъ образомъ, министерскіе законопроекты, пройдя черезъ фильтръ вѣроисповѣдной коммиссіи, являются передъ нами въ нѣсколько лучшемъ видѣ: въ нихъ внесена бо̀льшая послѣдовательность, устранены до нѣкоторой степени слишкомъ рѣзко бившія прежде въ глаза противорѣчія. Все это лишь смягчало, но не измѣняло сущности дѣла. Министерскіе законопроекты были далеки отъ признанія дѣйствительной свободы совѣсти; такими же они и остались.

Какъ нельзя болѣе характерно, что когда вѣроисповѣдная коммиссія, боязливо позволявшая себѣ иногда отступать отъ принциповъ министерскихъ законопроектовъ, т.-е., отъ позиціи безконечныхъ компромиссовъ, столкнулась съ вопросомъ о допущеніи въ Россіи, такъ сказать, внѣ-вѣроисповѣднаго состоянія, ея компактное большинство моментально распалось.

Коммиссія не признала возможнымъ допустить, чтобы въ Россіи могли существовать люди, не принадлежащіе ни къ какой изъ признаваемыхъ государствомъ религій. Такимъ образомъ коммиссія всецѣло высказалась за сохраненіе принципа полицейскаго закрѣпощенія въ сферѣ религіозныхъ отношеній. „Радикальныя" требованія, неизбѣжно вытекающія изъ признанія дѣйствительной свободы совѣсти, потерпѣли полное фіаско.

Въ сущности, конечно, возлагать на третью Думу надежду, что она проведетъ коренную реформу взаимныхъ отношенiй церкви и государства, и нельзя было.

Есть ли, однако, какая-нибудь увѣренность, что даже министерскiе законопроекты будутъ приняты съ тѣми коррективами, которые внесены въ нихъ вѣроисповѣдной коммиссiей? Судьба предложенiй бюджетной коммиссiи по разсмотрѣнiю смѣты синода, какъ memento mori, стоитъ передъ нами. Еще меньше надеждъ теперь, когда противъ свободы совѣсти, даже въ томъ примитивномъ видѣ, въ какомъ готовится она у насъ къ осуществленiю, открытъ походъ со стороны реакцiонеровъ. Приходится ждать еще бо̀льшихъ уступокъ. Октябристы — вѣрные ученики своихъ учителей.

Характерной чертой публицистики октябристскихъ о̀ргановъ еще за лѣтнее каникулярное время было запугиванiе возможностью торжества реакцiи. Органы „руководящей" думской партiи, партiи „правительственной", не видѣли тогда реакцiи, но они узрѣвали призракъ ея въ ближайшемъ будущемъ.

Оффицiозъ октябристовъ, „Голосъ Москвы", начиналъ уже говорить о томъ, что „даже законосовѣщательная прогрессивная Дума лучше, чѣмъ законодательная реакцiонная"; онъ призывалъ, въ виду опасности злой реакцiи, къ единенiю оппозицiи: „о разногласiяхъ можно говорить потомъ—сперва врагъ общiй".

Врядъ-ли проповѣдь объединенiя оппозицiи на почвѣ безконечныхъ компромиссовъ и уступокъ можетъ встрѣтить въ настоящее время сочувствiе въ широкихъ дѣйствительно оппозицiонныхъ кругахъ. Результаты этихъ ненужныхъ уступокъ, этой политики щедринскаго либерала, политики эгоистическаго мѣщанства и испуга—имѣются на лицо. Призывъ къ объединенiю „оппозицiи", раздавшiйся изъ октябристскихъ рядовъ, можно разсматривать исключительно какъ своего рода тактическiй шагъ. Не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ; не такъ страшна та черная реакцiя, которою насъ устрашаютъ. Для насъ и существующая реакцiя болѣе чѣмъ достаточна. Немного меньше, немного больше—не все ли равно? Лишь октябристы, вѣроятно, считаютъ эту „временную" реакцiю, это пресловутое „успокоенiе" необходимыми съ точки зрѣнiя цѣлесообразности и упроченiя конституцiонныхъ порядковъ въ Россiи. Такихъ оптимистовъ и въ либеральной оппозицiи числится теперь немного. Конечно, „руководящей" въ Думѣ партiи для сохраненiя конституцiоннаго миража необходимо подчеркивать, что ея чрезмѣрно уступчивая политика диктуется соображенiями высшаго порядка: вѣдь лучше

законосовѣщательная, но прогрессивная Дума, чѣмъ законодательная, но реакціонная... Во имя сохраненія крупицъ „конституціонализма“ надо быть уступчивыми. Здѣсь черпается оправданіе для всей предшествовавшей дѣятельности; въ той же аргументаціи какъ бы заранѣе черпаются основы и для всей будущей законодательной работы.

Нетрудно предугадать, поэтому, по какому пути пойдетъ руководящее большинство третьей Думы, столкнувшись при обсужденіи вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ съ нынѣ опредѣленно уже фиксированными требованіями реакціи въ этой области. Здѣсь, впрочемъ, и предугадывать нечего: факты уже говорятъ сами за себя.

Между тѣмъ, приходится еще разъ повторить, что по своему существу свобода совѣсти не допускаетъ компромиссовъ; свобода совѣсти и вытекающія изъ нея требованія могутъ и должны быть осуществлены во всей своей чистотѣ. Въ дѣйствительности въ этомъ заинтересованы безъ исключенія всѣ вѣроисповѣдныя группы, и несомнѣнно, въ такой же мѣрѣ—и само православіе. Для лицъ, мечтающихъ о возрожденіи нравственнаго авторитета господствующаго вѣроисповѣданія, необходима церковная автономія. Но эта автономія не будетъ достигнута до тѣхъ поръ, пока церковь не освободится отъ нависшей надъ ней полицейской опеки, пока церковь и государство не будутъ раздѣлены. Это такъ ясно вытекаетъ изъ всѣхъ послѣднихъ попытокъ церковнаго реформаторства.

Столь же тяжело отзывается на представителяхъ нашего многообразнаго религіознаго разномыслія тотъ теократическій характеръ, который пытаются придать государственной власти. Полное обособленіе государства отъ религіозныхъ интересовъ, когда религія перестанетъ играть роль орудія политики, можетъ обезпечить лишь полную свободу вѣроисповѣданія для всѣхъ инако мыслящихъ. Самая радикальная реформа взаимныхъ отношеній церкви и государства должна встрѣтить горячую поддержку и сочувствіе со стороны представителей всѣхъ сектантскихъ группъ. Такое сочувствіе мы видимъ до нѣкоторой степени въ дѣйствительности. Наши диссиденты, безъ различія политическихъ направленій, готовы подписаться подъ реформой, долженствующей привести къ полному разграниченію сферъ вѣдѣнія церкви и государства.

Примѣромъ можетъ служить старообрядчество, представляющее на первый взглядъ наиболѣе консервативный элементъ среди различныхъ теченій нашего религіознаго разномыслія. Идеи отдѣ-

ленія церкви отъ государства всегда были популярны у старообрядцевъ; проповѣдь этихъ идей мы встрѣчаемъ даже въ полемическихъ работахъ первыхъ вождей старообрядчества въ XVII столѣтіи. Она красной нитью проходитъ и черезъ послѣдующіе вѣка. И уже въ наши дни въ старообрядческой литературѣ и въ докладной запискѣ, представленной группой старообрядцевъ въ третью Государственную Думу (группой, выражающей теченія, враждебныя современной идеологіи представителей крупной старообрядческой буржуазіи, о которой говорилось выше), сочувствіе коренной реформѣ взаимныхъ отношеній церкви и государства выражено чрезвычайно ярко. „Кесарево—кесарю, а Божіе—Богови“: вотъ тотъ евангельскій фундаментъ, на которомъ построены отношенія старообрядчества къ государственной власти. Отношенія старообрядчества, какъ союза вѣрующихъ, къ государству могутъ быть, по словамъ записки, только чисто внѣшними, юридическими.

Въ Государственной Думѣ можно было наблюдать, какъ старообрядцы, числящіеся въ рядахъ союза русскаго народа, въ вопросахъ вѣроисповѣдныхъ становились въ ряды протестующихъ: они являлись въ данномъ случаѣ солидарными не со своими политическими единомышленниками, а въ значительной степени съ представителями демократической оппозиціи. Это болѣе чѣмъ понятно. Прошлое еще такъ живо, еще такъ недавно оно давало себя чувствовать довольно болѣзненно.

Непримиримость въ области вѣроисповѣдной политики должна быть девизомъ всѣхъ представителей религіознаго разномыслія; только коренная реформа можетъ обезпечить ихъ правовое положеніе, компромиссы же неизбѣжно будутъ влечь за собой въ жизни подчасъ весьма серьезныя осложненія.

Непримиримость, въ этой области, должна быть написана и на знамени демократической оппозиціи.

Говорятъ иногда, что коренная реформа взаимныхъ отношеній церкви и государства преждевременна еще въ Россіи, что ее трудно осуществить въ силу историческихъ условій, и что она вызоветъ протестъ со стороны народныхъ массъ. Это — глубочайшее заблужденіе, равно какъ и попытка приписать русскому народу религіозный фанатизмъ и нетерпимость. Эта аргументація принадлежитъ къ числу тѣхъ мотивовъ, которые еще такъ недавно любили приводить „либеральные“ противники всеобщаго избирательнаго права и которые текущая дѣйствительность столь блистательно разбила. Клерикальныя идеи, къ счастью, популярны у насъ только у воинствующаго клира, въ свою очередь зани-

мающаго нѣсколько исключительное положеніе даже среди духовенства.

Непримиримая борьба за свободу совѣсти тѣсными и неразрывными узами соединена съ борьбой за коренную реформу существующихъ взаимныхъ отношеній церкви и государства, двухъ самодовлѣющихъ, исключающихъ другъ друга факторовъ. Реформа, направленная къ этой цѣли, встрѣтитъ глубокую симпатію и найдетъ горячую поддержку въ самыхъ широкихъ слояхъ населенія. Она принадлежитъ къ числу наиболѣе осуществимыхъ. Компромиссы, ограничивающіе сферу примѣненія и объемъ свободы совѣсти, не могутъ найти у насъ въ настоящее время никакого раціональнаго обоснованія.

Самымъ труднымъ и сложнымъ, быть можетъ, является разрѣшеніе вопроса объ имущественномъ положеніи господствующей церкви. Внѣ всякаго сомнѣнія, что при самой даже радикальной реформѣ взаимныхъ отношеній церкви и государства, т.-е. при полномъ отдѣленіи церкви отъ государства и при практическомъ осуществленіи всѣхъ послѣдствій, связанныхъ съ этимъ отдѣленіемъ, церковь, опирающаяся на свою внутреннюю силу, можетъ процвѣтать и увеличивать число своихъ адептовъ. Объявленіе религіи частнымъ дѣломъ гражданъ, прекращеніе матеріальной поддержки со стороны государства какому-либо общественному культу, отнюдь не грозитъ упадкомъ этому культу.

Что же касается нынѣ первенствующей церкви, то ея колоссальныя богатства и при теперешнихъ условіяхъ, помимо какихъ-либо ассигнованій изъ государственнаго казначейства, обезпечиваютъ ей матеріальное процвѣтаніе. Господствующая церковь, можно сказать, страдаетъ отъ чрезмѣрной матеріальной обезпеченности. Правда, ея богатства распредѣляются неравномѣрно: „доходы нѣкоторыхъ князей церкви“ исчисляются десятками и чуть ли не сотнями тысячъ рублей, а сельскіе священники подчасъ бѣдствуютъ. Но стоитъ произвести нѣкоторое перераспредѣленіе суммъ—и эта неравномѣрность исчезнетъ. По существу, такимъ образомъ, ежегодная государственная субсидія является лишнею.

Однако эта привилегія господствующей церкви затрагиваетъ въ дѣйствительности скорѣе экономическіе, чѣмъ религіозные интересы. Поэтому съ точки зрѣнія свободы совѣсти она не можетъ вызывать такихъ протестовъ, какъ другія монополіи и привилегіи господствующей церкви. Принимая во вниманіе историческое прошлое (въ данномъ случаѣ оно можетъ быть учитываемо), государственная субсидія при условіи распространенія на нее

общественнаго контроля, можетъ быть сохранена на нѣкоторое время. Но это единственное преимущество, допустимое въ правовомъ государствѣ, какъ переходная мѣра къ осуществленію идеала. Паритетность религій во всѣхъ другихъ отношеніяхъ должна быть осуществлена немедленно. Сохраненіе какихъ-либо пережитковъ прошлаго равносильно признанію необходимости полицейской охраны и раздѣленію вѣроисповѣданій по рангамъ. Здѣсь же различныхъ мнѣній для людей, признающихъ свободу совѣсти, не можетъ быть.

Правительственная политика нашихъ дней должна найти, слѣдовательно, единодушный отпоръ со стороны всей оппозиціи, со стороны всѣхъ элементовъ, заинтересованныхъ въ осуществленіи свободы совѣсти. Каждая уступка, каждый компромиссъ могутъ лишь затемнить разрѣшеніе вопроса. Гордіевъ узелъ долженъ быть разрубленъ — иначе отечественному законодателю долго придется еще вращаться въ томъ заколдованномъ кругѣ противорѣчій, выходъ изъ котораго не съумѣли найти и испытанные въ канцелярскомъ крючкотворствѣ бюрократы.

На почвѣ непримиримой борьбы за свободу совѣсти безъ труда можетъ объединиться вся наша оппозиція. Различіе партійныхъ знаменъ не играетъ тутъ никакой роли. На знамени каждой прогрессивной партіи должно быть написано отдѣленіе церкви отъ государства. Къ этому идеалу идетъ все человѣчество. Его осуществляетъ новѣйшее западно-европейское законодательство, откидывая, какъ лишній балластъ, средневѣковые пережитки, давно уже, впрочемъ, лишенные конкретнаго, реальнаго содержанія. Эти пережитки должны быть безповоротно отброшены и нами.

Въ солидарныхъ дѣйствіяхъ—залогъ успѣха. Общественное же сочувствіе—болѣе чѣмъ обезпечено.

С. Мельгуновъ.

ПИСЬМА
ИЗЪ
ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРѢПОСТИ

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ.

9 февраля 1900 года.

Мои дорогіе!..

...Я живу по прежнему, гуляю каждый день, укутанный какъ кукла, среди сугробовъ снѣга, которыми засыпано мое жилище. Все кругомъ замерзло и умолкло, только воробьи еще по временамъ чирикаютъ кругомъ, да и то какъ-то неохотно. За то по ночамъ, закутавшись въ одѣяло, люблю прислушиваться порой, какъ за окномъ воетъ буря и мятель съ шорохомъ обсыпаетъ стекла снѣговой пылью.

Изъ всѣхъ фотографій, что мнѣ прислала Вѣрочка, я особенно доволенъ той, гдѣ вы сидите на какомъ-то полуразрушенномъ крыльцѣ. Только — что это за крыльцо? Оно такъ успѣло расшататься, что я его совсѣмъ не узнаю. А какъ хорошо сохранился снаружи нашъ старый флигель! Одинъ входъ передѣланъ на новый ладъ, а все остальное рѣшительно то же самое, какъ было въ моемъ дѣтствѣ. То же полукруглое окошко на чердакѣ, за которымъ каждое лѣто набивалось множество бабочекъ-крапивницъ, постоянно бившихся о его стекла и часто умиравшихъ, не успѣвъ выбраться наружу, если я или сестры не находили ихъ тамъ случайно и не выпускали. И окна, и карнизы, и трубы — рѣшительно тѣ же самые. На меня снова такъ и повѣяло отъ нихъ воспоминаніями дѣтства, когда мы съ вами жили счастливо вмѣстѣ и не предчувствовали будущей разлуки.

Взглянувъ на этотъ флигель, весь обросшій высокими деревьями, какъ-то даже не вѣрится, что въ раннемъ дѣтствѣ я могъ еще видѣть съ его крыльца, черезъ верхушки мелкаго березняка, какъ весной вода въ рѣчкѣ просачивалась сначала синими пятнами изъ-подъ бѣлаго снѣжнаго покрова, а потомъ и рѣчка широко разливалась по полю, между каменными воротами и деревней, а въ тихіе лѣтніе вечера было видно, какъ надъ этимъ полемъ постепенно разстилалась по низинамъ пелена тумана.

Помню, что не разъ, когда мы жили въ западныхъ комнатахъ этого флигеля, я очень любилъ подолгу смотрѣть изъ его оконъ на алую полосу вечерней зари, на которой рѣзко, какъ черная пила, повернутая вверхъ зубцами, вырисовывалась на самомъ горизонтѣ полоса еловаго лѣса, а въ концѣ этой полосы замѣчательно рельефно выдѣлялись три отдѣльныхъ дерева, у которыхъ каждая вѣтка была видна особо на огненномъ фонѣ. А теперь ничего этого не увидишь даже и съ крыши флигеля!..

А помните ли вы, какъ старая Татьяна разсказывала здѣсь въ долгіе зимніе вечера страшныя сказки о волкахъ, медвѣдяхъ, привидѣніяхъ и утопленникахъ? И какъ мы, дѣти, жались къ вамъ отъ страха и оглядывались на темныя окна комнаты, не смотритъ ли въ нихъ какая-нибудь страшная рожа, но все-таки просили ее разсказывать намъ еще что-нибудь „пострашнѣе“? И долго потомъ, когда гасили свѣчку и все погружалось въ глубокую темноту, я, бывало, дрожалъ въ своей постелькѣ, закутавъ голову въ одѣяло!

Замѣчательно, подумаешь, какіе сильные слѣды оставляютъ на всю жизнь въ нашихъ головахъ первые образы дѣтства! Даже самый характеръ мышленія получаетъ своеобразный отпечатокъ. Вотъ, напримѣръ, со мной. Вы вѣрно ужъ и сами забыли, моя дорогая мамаша, что не разъ указывали мнѣ въ очертаніяхъ облаковъ разныя фигуры: лошадиныхъ головъ, всадниковъ, городовъ и другихъ удивительныхъ вещей, которыя я тогда принималъ за настоящія. Но даже и потомъ, когда я узналъ и сущность, и причины этихъ явленій природы, я все-таки при видѣ каждаго кучевого облака старался отыскать въ немъ сходство съ какимъ-нибудь живымъ существомъ или воздушнымъ замкомъ. Разъ даже видѣлъ здѣсь сонъ, будто мы съ вами и сестрами идемъ мимо нашей каменной конюшни, а надъ нами по небу плывутъ всевозможныя необыкновенныя облака, одни—какъ звѣри и птицы, другія—какъ ряды всевозможныхъ зданій, такъ что было даже страшно, и казалось, что они обрушатся на насъ... А потомъ два

облака, выглядывавшія изъ-за крыши нашего главнаго дома и похожія на бѣлыхъ медвѣдей, обратились въ настоящихъ, выбѣжали изъ-за угла и стали къ намъ ломиться въ двери флигеля, куда мы успѣли спрятаться отъ нихъ...

Мое здоровье за эту зиму нисколько не ухудшилось, и вамъ нѣтъ причинъ за меня опасаться. Вѣроятно благодаря прошлогодней инфлюенцѣ, которая, говорятъ, предохраняетъ отъ новыхъ заболѣваній, а можетъ быть и по причинѣ мягкости зимы, у меня еще не было обязательныхъ здѣсь зимнихъ подарковъ: насморка и кашля. Авось не будетъ и до лѣта. Берегите себя и вы, дорогая, а то я всегда очень безпокоюсь, когда ваше здоровье не въ порядкѣ.

Совсѣмъ не понимаю, милая Катя, твоего нетерпѣнія поскорѣе „поставить на ноги" всѣхъ твоихъ дѣтей! Я увѣренъ, что и тебѣ самой будетъ скучно, когда они мало-по-малу разлетятся изъ твоего гнѣзда. Ну, развѣ не удовольствіе всегда имѣть въ своей семьѣ такую милую дѣвочку, какъ Маня, и мальчика, какъ Коля, съ которыми ты только что познакомила меня по карточкѣ? Право, еслибъ такіе были у меня, мнѣ было бы больно подумать, что рано или поздно они выростутъ и потомъ умчатся куда-то далеко.

Ты пишешь, что у Тони явилась дочка Леля. Вотъ какъ! Значитъ, мы всѣ стали дѣдушками и бабушками? А Андрюша, который лишь недавно вышелъ изъ колыбели и не могъ видѣть безъ рева никого посторонняго въ домѣ, сдѣлался вдругъ дядей и можетъ требовать къ себѣ почтенія?—Да, сразу видно, что время и человѣческія поколѣнія не останавливаются на одномъ мѣстѣ...

Цѣлую тебя множество разъ, дорогая Ниночка, за твое доброе письмо и собственноручный рисунокъ.

Въ немъ я сейчасъ же узналъ очень удачный снимокъ съ одной гравюры, которую я видалъ года два тому назадъ въ иллюстрированныхъ журналахъ. По моему, у тебя несомнѣнныя художественныя способности. Въ былое время я самъ рисовалъ недурно (да и теперь иногда приходится кое-что чертить). Когда я учился въ гимназіи, оттуда еще не было изгнано рисованіе, учитель былъ настоящій художникъ, и мои рисунки выставлялись имъ вмѣстѣ съ немногими другими въ пріемной залѣ на показъ публикѣ. Потомъ я копировалъ и рисовалъ довольно много перомъ по естественнымъ наукамъ (животныхъ, растенія и въ особенности по анатоміи), и съ теченіемъ времени у меня накопилась цѣлая горка такихъ рисунковъ. Но я смо-

трѣлъ на этотъ предметъ лишь какъ на средство, важное при естественно-научныхъ работахъ, а ты любишь его ради него самого, и это—очень важное различіе въ твою пользу!

Самое первое, на что я обратилъ вниманіе въ твоемъ рисункѣ, это смѣлость и вѣрность руки, которыя сказываются въ каждой чертѣ; если у тебя есть серьезная любовь къ живописи, отдайся ей со всѣмъ увлеченіемъ, на какое ты способна. Пусть будущее не зависитъ вполнѣ отъ насъ самихъ и молодая дѣвушка, менѣе чѣмъ кто-нибудь другой, можетъ опредѣлить, какъ направится ея остальная жизнь. Все равно! Если судьба дастъ тебѣ возможность вполнѣ развить твой талантъ, то и нѣтъ ничего лучше! Если случится иначе — все-таки не бѣда. Время, отданное наукѣ или искусству, никогда не пропадаетъ даромъ. Оно навсегда оставляетъ свой слѣдъ на личности, дѣлаетъ ея міросозерцаніе глубже и разностороннѣе и самую личность лучше, чѣмъ она сложилась бы безъ такого увлеченія. Совѣтую тебѣ попытаться (если ты уже сама не дѣлала такой попытки) рисовать съ натуры и изъ собственнаго воображенія, и непремѣнно попробуй и масляными красками или акварелью.

Не знаю, Варя, насколько исполнимо ваше желаніе получить мою фотографическую карточку. Я уже попросилъ объ этомъ письменно директора департамента полиціи. Если онъ сочтетъ возможнымъ, то нѣтъ ничего невѣроятнаго, что въ этомъ письмѣ вы и получите такой подарокъ. Но не могу сказать ничего навѣрное, такъ какъ спѣшу отправить это письмо, не ожидая отвѣта, чтобы вы не безпокоились за меня. Ну, а о фотографическомъ снимкѣ моей комнаты, о которомъ ты тоже просишь, то нечего и думать. Я не имѣю права даже и описать вамъ свое жилище.

Какъ успѣхи Вали съ новой учительницей? Если онъ ее любитъ, какъ ты пишешь, то я увѣренъ, что и учится теперь несравненно лучше, чѣмъ съ прежней. Нѣтъ ничего хуже преподавателя, который не умѣетъ внушить своему ученику никакого другого чувства, кромѣ страха. Ребенокъ еще не можетъ отличить учителя отъ его науки, и если первый не внушилъ ему къ себѣ симпатіи, то онъ будетъ относиться съ недоброжелательствомъ и ко всему, о чемъ онъ говоритъ.

Крѣпко обнимаю тебя, дорогая моя Вѣрочка, за твои постоянныя заботы и хлопоты обо мнѣ. Присылаемыя тобою фотографіи доставляютъ мнѣ не меньше радости, чѣмъ и сами ваши письма. Всѣ новые снимки выдѣляются изяществомъ своей внѣ-

шней отдѣлки. Даже просто удивительно, до какой степени красивая рамка увеличиваетъ эффектъ вставленной въ нее картинки!

Ты спрашиваешь о моемъ настроенiи? Долженъ тебѣ отвѣтить чистосердечно, что никогда еще не чувствовалъ себя такъ опечаленнымъ, какъ въ эту зиму. Ужъ, видно, такъ я устроенъ, что далекiя событiя, не имѣющiя, повидимому, никакого отношенiя ко мнѣ лично, приносятъ мнѣ иногда больше горя, чѣмъ моя собственная судьба. Такъ вотъ случилось и теперь, когда я узналъ изъ прошлогоднихъ иллюстрированныхъ изданiй о войнѣ, разразившейся въ Южной Африкѣ между бурами и англичанами. Неизбѣжность этой войны была для меня очевидна уже много лѣтъ назадъ, и притомъ изъ чисто этнографическихъ сочиненiй и путешествiй, не имѣющихъ ничего общаго съ политикой и ея страстями. Уже много лѣтъ какъ въ Южной Африкѣ стоитъ ребромъ вопросъ: какая раса должна въ будущемъ господствовать въ этой области свѣта—новая ли англiйская, прогрессивная и предпрiимчивая, переселенцы которой тысячами стекаются въ Южную Африку благодаря ея малой заселенности и естественнымъ богатствамъ, или прежняя патрiархальная и довольно-таки невѣжественная раса старинныхъ голландскихъ переселенцевъ, которая должна была рано или поздно очутиться въ ничтожномъ меньшинствѣ, вслѣдствiе возрастающаго наплыва англiйскаго элемента.

Если исключить обычную, житейскую конкурренцiю отдѣльныхъ лицъ—буровъ и англичанъ—въ поклоненiи золотому тельцу, то весь этотъ вопросъ сводится, по моему, лишь къ тому, какой языкъ будетъ господствовать въ будущемъ въ Южной Африкѣ: англiйскiй, съ его огромной литературой, или бурскiй, еще совсѣмъ не культурный и представляющiй смѣсь голландскаго съ нѣмецкимъ.

Конечно, уже самый фактъ войны между двумя расами—вещь достаточно ужасная, чтобъ навести унынiе на человѣка, желающаго добра и той, и другой. Но главное мое горе въ томъ, что въ этомъ вопросѣ я, повидимому, во всемъ разошелся съ моими соотечественниками. Униженiе и расчлененiе англосаксонской расы было бы, по моему, величайшимъ несчастiемъ для всего цивилизованнаго мiра, а потому я не только не ликую, какъ мои сторожа, по поводу большого числа убитыхъ и раненыхъ англичанъ, а просто чуть не плачу отъ огорченiя. Еслибъ я былъ свободенъ въ своихъ поступкахъ, то, право, не утерпѣлъ бы и уѣхалъ въ Южную Африку, ухаживать за ранеными, чтобъ хоть этимъ

выразить англійскому народу свою признательность за его великія заслуги въ области человѣческой мысли.

Но довольно объ этомъ печальномъ предметѣ. Я не хочу превращать мое письмо къ вамъ въ трактатъ о международныхъ отношеніяхъ, да и не могъ бы этого сдѣлать, еслибъ и хотѣлъ. Я занимаюсь здѣсь серьезно только естественными науками, и запоздалые отголоски міровой жизни доходятъ до меня лишь какъ слабое эхо отдаленныхъ звуковъ. Все это я пишу только для того, чтобы сообщить вамъ, что, не смотря на отсутствіе бронхитовъ, кашлей и инфлюэнцы, я чувствую себя въ послѣдніе мѣсяцы такъ скверно, какъ еще никогда въ жизни.

Въ моихъ прежнихъ письмахъ я почти ничего не сообщалъ вамъ о своей жизни за границей, гдѣ я провелъ около двухъ лѣтъ. Какъ-нибудь, при случаѣ, я разскажу вамъ о своихъ путешествіяхъ по Альпамъ, а теперь упомяну только, что изъ всѣхъ народовъ, съ которыми мнѣ приходилось сталкиваться, мнѣ особенно понравились англичане. Говорятъ, что литература есть душа націи, и это—несомнѣнная правда. Поэтому и англійскій народъ я очень полюбилъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ познакомился, сначала въ переводахъ, а потомъ и въ подлинникахъ, съ его замѣчательной научной и художественной литературой, которой равной нѣтъ въ мірѣ. Но пока я не побывалъ въ Англіи, у меня все-таки оставалось какое-то двойственное представленіе о ея обитателяхъ, такъ какъ по англійскимъ бытоописательнымъ романамъ и серьезнымъ сочиненіямъ они выходили очень симпатичными, а по каррикатурамъ англофобовъ и по передовымъ статьямъ многихъ русскихъ газетъ—совсѣмъ иными: алчными, грубоватыми и высокомѣрными по отношенію къ иностранцамъ. Съ первыхъ же шаговъ на англійской территоріи я неожиданно для себя убѣдился, что нѣтъ на свѣтѣ народа болѣе внимательнаго къ безпомощному состоянію иностранца, еще едва владѣющаго англійскимъ языкомъ и въ совершенно незнакомой ему странѣ. Совсѣмъ посторонніе люди раздобыли мнѣ въ Дуврѣ билетъ, усадили въ купэ вагона, показывали мнѣ достопримѣчательности по дорогѣ и выражали свое сочувствіе улыбками, когда не хватало словъ. Потомъ поручили меня въ Лондонѣ спеціальному попеченію извозчика, а въ слѣдующіе дни, когда я останавливался въ недоумѣніи на лондонскихъ улицахъ, всѣ, къ кому я ни обращался, съ большимъ терпѣніемъ втолковывали мнѣ, куда идти, такъ какъ въ первые дни я почти совсѣмъ не понималъ ихъ отвѣтовъ, хотя меня и понимали. Впослѣдствіи я убѣдился изъ разговоровъ со знакомыми, которые хоть немного владѣли

англійскимъ языкомъ, что и всѣ они пришли къ тѣмъ же заключеніямъ. Только очень немногіе, не говорившіе ни слова по-англійски и не хотѣвшіе учиться этому языку, оставались закоренѣлыми въ своихъ предразсудкахъ. Но до какой степени были они пристрастны, ты, Вѣрочка, можешь видѣть изъ слѣдующаго смѣшного случая, за достовѣрность котораго я ручаюсь, хотя онъ и можетъ показаться мало вѣроятнымъ. Иду я разъ по Лондону съ однимъ знакомымъ и говорю ему случайно: „Удивляюсь я вашей англофобіи! По всѣмъ моимъ наблюденіямъ англичане даже очень добродушный и внимательный народъ!“ Мой спутникъ—натурализованный французъ и, въ общемъ, совсѣмъ не глупый человѣкъ—сразу пришелъ въ страшное негодованіе отъ одной возможности такого удивленія и тотчасъ же окинулъ взглядомъ улицу, чтобъ на первомъ попавшемся предметѣ излить свой гнѣвъ. А нужно тебѣ замѣтить, что нигдѣ въ Европѣ (ни въ Парижѣ, ни въ Берлинѣ, ни въ Петербургѣ) не бѣгаетъ по улицамъ столько хорошенькихъ дѣвушекъ, какъ въ Лондонѣ (почти всѣ молодыя англичанки очень красивы). На бѣду моего пріятеля, двѣ такія особы какъ разъ пробѣжали мимо насъ. Въ ту же минуту гнѣвъ моего спутника обрушился на нихъ: „Видите вы ихнихъ миссъ?—воскликнулъ онъ.—Вонъ онѣ! Бѣгаютъ безъ проводниковъ по всѣмъ улицамъ и днемъ, и ночью! А попробуйте-ка пальцемъ тронуть хоть одну изъ нихъ! Вся улица бросится на васъ и—окончилъ онъ съ содроганіемъ—разорвутъ васъ въ клочки! Вотъ вы и увидите тогда, какой это *добродушный и внимательный народъ!*“

Послѣднее умозаключеніе было сдѣлано съ такимъ неожиданнымъ и наивнымъ негодованіемъ, что я невольно внимательно взглянулъ на него и подумалъ про себя: ужъ не испыталъ ли онъ чего-нибудь подобнаго на своихъ собственныхъ бокахъ и не въ этомъ ли кроется истинная причина его англоненавистничества! Но курьезнѣе всего было то, что мой спутникъ—человѣкъ, повторяю, совсѣмъ не глупый, но лишь ослѣпленный ненавистью къ англичанамъ,—такъ и не замѣтилъ, что вмѣсто порицанія онъ высказалъ величайшую похвалу, которую только можно было придумать для любого народа!

Сюда, въ Россію, я вернулся почти прямо изъ Англіи, и послѣднимъ моимъ впечатлѣніемъ, унесеннымъ съ этого острова, когда я уже стоялъ на палубѣ парохода, былъ высокій утесистый берегъ близъ Дувра, гдѣ пароходъ прицѣпляется въ открытомъ морѣ прямо къ скаламъ. Въ одной изъ такихъ скалъ была высѣчена узкая дорожка для спуска пассажировъ, а наверху скалы, прямо

надъ обрывомъ въ море, стояла одиноко англійская дѣвушка. Она стояла на высотѣ такая стройная и смотрѣла такъ гордо вокругъ, какъ будто и это сѣрое, тяжело волнующееся море, и весь этотъ дикій берегъ, и пароходъ внизу, были ея неотъемлемой собственностью. Я невольно заглядѣлся на нее, стоя у самой кормы, облокотившись на бортъ далеко отъ остальныхъ пассажировъ, большинство которыхъ, впрочемъ, уже попряталось по каютамъ. А когда пароходъ сталъ отчаливать и медленно поворачиваться въ море, и я замѣтилъ, что она на меня смотритъ, я улыбнулся ей и сдѣлалъ прощальный жестъ головой. Она сразу поняла, что при такихъ условіяхъ въ моемъ поступкѣ нѣтъ ничего назойливаго, что въ лицѣ ея я прощаюсь со всей Англіей, и отвѣтила мнѣ тѣмъ же самымъ... Такъ мы и разстались навсегда, дружески улыбаясь другъ другу, пока совсѣмъ не скрылись изъ вида. А затѣмъ я почти прямымъ путемъ, черезъ Парижъ, Женеву, Цюрихъ и Берлинъ, пріѣхалъ въ свое современное жилище...

Ты спрашиваешь, Вѣрочка, нельзя ли прислать мнѣ какихъ-нибудь научныхъ книгъ или инструментовъ для моей работы о строеніи вещества? Потребность въ нихъ у меня, конечно, страшно велика и часто приходится биться какъ рыба объ ледъ отъ невозможности сдѣлать нужный опытъ или навести справку. Но уже самый размѣръ этой потребности не допускаетъ возможности ея удовлетворенія частными средствами. Я уже не новичекъ въ своей области, и то, что есть въ учебникахъ и курсахъ, для меня давно стало почти безполезно. Здѣсь могла бы помочь только спеціальная библіотека и спеціальная лабораторія при какомъ-нибудь большомъ научномъ учрежденіи. Такимъ образомъ, мнѣ поневолѣ приходится довольствоваться тѣмъ, что дано въ мое распоряженіе, и не мечтать о новыхъ расширеніяхъ...

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ.

20—27 августа 1900 г.

...Въ февралѣ опять случилось что-то въ родѣ инфлюенцы съ сильнымъ жаромъ, ознобомъ и остальными прелестями. Но въ этотъ разъ я пролежалъ не болѣе недѣли, и весной снова возвратился къ обычнымъ занятіямъ. Теперь, когда я вамъ пишу, у меня очень разстроена нервная система, и пульсъ иногда бьется по сту разъ въ минуту. Однако это разстройство выражается лишь плохимъ сномъ и преувеличенной чувствительностью

ко всякимъ ночнымъ шумамъ, а не раздражительностью въ сношеніяхъ съ окружающими совсѣмъ неповинными людьми, какъ это часто бываетъ при сердечныхъ болѣзняхъ. До самаго послѣдняго времени никто изъ товарищей по заключенію даже и не подозрѣвалъ, что мнѣ было не особенно хорошо, и всѣ очень удивились, когда неожиданно узнали, что я уже нѣсколько недѣль безъ сна валяюсь съ боку на бокъ, начиная съ трехъ или четырехъ часовъ утра. Однако вы, дорогая мама, не безпокойтесь. Думаю, что до слѣдующаго письма съумѣю справиться и со своимъ неврозомъ, тѣмъ болѣе, что считаю его за самую непріятную изъ всѣхъ болѣзней: если не съумѣешь спрятать ее въ самомъ себѣ, то она неизбѣжно сдѣлаетъ человѣка стѣснительнымъ для окружающихъ, а я этого боюсь пуще огня. Какъ было бы хорошо, если бы всѣ мы (т.-е. вообще люди) старались сообщать другимъ только одно ободряющее и хорошее, а все раздражающее или печальное старались переносить въ одиночку! Но конечно это не всегда возможно, а иногда даже и нехорошо съ очень близкими сердцу, въ активномъ сочувствіи которыхъ можешь быть заранѣе увѣренъ.

Въ только что полученныхъ письмахъ отъ сестеръ особенно растрогало меня то мѣсто, гдѣ онѣ разсказываютъ, какъ вы, дорогая, сейчасъ же велѣли переснять въ увеличенномъ видѣ присланную вамъ изъ департамента мою фотографическую карточку, которой я самъ никогда не видалъ. Не знаю, есть ли въ ней какое-либо сходство, но во всякомъ случаѣ она уже не новая и снята еще въ первые годы заключенія. Опасаюсь также, что въ увеличенномъ видѣ я вышелъ совсѣмъ непохожъ на человѣка. Я видалъ такіе переснимки, и они большею частью сильно напоминали физіономіи различныхъ видовъ обезьянъ. Жалко подумать, сколько хлопотъ вы устроили себѣ изъ-за потускнѣвшаго и растрескавшагося отъ времени снимка. Очень желалъ бы я посмотрѣть, что̀ это у васъ за сокровище такое получилось? Не похоже ли оно на того неудачно снятаго у васъ жеребенка, надъ которымъ, по словамъ Нади, до слезъ хохотали сестры?

Благодаря начавшемуся неврозу, я съ начала августа долженъ былъ бросить на время всякія научныя занятія, и за неимѣніемъ непрочитанныхъ уже англійскихъ романовъ, надъ которыми я обыкновенно отдыхаю въ случаяхъ переутомленія, взялъ перечитывать еще разъ „Войну и Миръ“ Толстого. Толстой— такой великій художникъ, что его каждый разъ читаешь съ но-

вымъ удовольствіемъ, хотя и пишетъ онъ очень неровно—рядомъ съ чудными мѣстами вдругъ, хотя и рѣдко, попадается совсѣмъ не яркая страничка.

Хотѣлось бы знать, что̀ теперь творится на бѣломъ свѣтѣ? Но, къ сожалѣнію, намъ не разрѣшено политическихъ газетъ. Одно, чего я никогда не могъ терпѣть въ современныхъ мнѣ газетахъ, это ихъ передовыхъ статей, гдѣ обыкновенно или пережевываются вчерашнія телеграммы, или съ самодовольнымъ видомъ толкуется о такихъ предметахъ, съ которыми авторъ лишь нѣсколько минутъ тому назадъ спѣшно ознакомился по энциклопедическому словарю Брокгауза. Но вѣдь такихъ статей никто и не принуждаетъ читать, а дѣйствительно стоющую чтенія вещь—телеграммы—всегда было бы очень интересно просмотрѣть.

Въ условіяхъ моей жизни не произошло ничего, ни къ лучшему, ни къ худшему, послѣ моего зимняго письма. Мою жизнь въ заключеніи вы знаете даже много лучше, чѣмъ то̀, что̀ было передъ нею. Только подумать, что за все то время мы не могли обмѣняться хотя бы однимъ письмомъ! Я это очень сильно чувствовалъ, когда жилъ на свободѣ и за границей. Я видѣлъ, какъ другіе сохраняли постоянныя сношенія съ родными, а для меня это было невозможно... Вотъ почему я по временамъ и разсказываю вамъ въ своихъ письмахъ о томъ или иномъ событіи изъ заграничной жизни, хотя все это и давно прошло...

Въ качествѣ усердныхъ огородниковъ товарищи получили въ этомъ году отъ коменданта сенсаціонную новинку: предсказательный календарь Демчинскаго, выпущенный этой весною. Это въ сущности простой чертежъ, гдѣ черными линіями указаны „вѣроятныя“ стоянія термометра и барометра на лѣто, опредѣленныя въ высшей степени легкомысленно по состоянію погоды за прошлыя зимы. А красными точками, разставленными въ разныхъ мѣстахъ, обозначены на нихъ нѣсколько дней, за погоду которыхъ авторъ вполнѣ ручается, такъ какъ, по его словамъ, въ эти дни, считая отъ весенняго полнолунія, погода была одна и та же за много лѣтъ, почему онъ и назвалъ ихъ „узлами погоды“. Самъ я не огородникъ, но очень интересуюсь успѣхами метеорологіи, и признаюсь, табличка эта заинтересовала и меня, хотя я и зналъ, что еще шестьдесятъ лѣтъ назадъ знаменитый французскій астрономъ Араго пробовалъ найти зависимость между погодой и фазами луны, т.-е. руководился тѣмъ же самымъ принципомъ, но убѣдился, что ничего не выходитъ. Началъ и я сравнивать погоду съ предсказаніями, но увы и ахъ! Въ нашихъ мѣстахъ—что ни узелъ, то навыворотъ! А въ началѣ мая, когда

былъ показанъ самый жаркій день, у насъ вдругъ пошелъ ледъ! Полное разочарованіе! Даже стихи написалъ для развлеченія своего товарища по прогулкѣ, начинающіеся куплетомъ:

Ледъ идетъ, и холодъ свинскій,
Тучи мрачны, вѣтры злы,
И сбѣжалъ домой Демчинскій,
Растерявъ свои узлы [1])!

Впрочемъ я теперь все пишу по естественно-научнымъ вопросамъ, и стихи не идутъ на умъ.

Довольна ли ты, Ниночка, своими купаньями въ Эдинбургѣ? Мнѣ очень хочется прочесть о твоихъ заграничныхъ впечатлѣніяхъ, особенно потому что самъ я никогда не бывалъ въ Шотландіи и даже не зналъ, что около Эдинбурга есть курортъ. Перешла ли ты уже въ своей художественной школѣ въ послѣднее отдѣленіе „геометрическихъ тѣлъ"? Ты покинула Борокъ еще совсѣмъ ребенкомъ и, вѣрно, помнишь его довольно плохо. Тамъ у отца было нѣсколько картинъ знаменитыхъ художниковъ. Особенно мнѣ нравилась висѣвшая на площадкѣ лѣстницы, ведущей на верхъ, картина Айвазовскаго, представлявшая море съ утесистымъ берегомъ вдали, а около берега—корабль, убравшій всѣ свои паруса, готовясь къ бурѣ. Изъ другихъ картинъ мнѣ очень нравилась та, которая изображала пасху въ деревнѣ. Она была очень смѣшная. На первомъ планѣ стояла у крыльца избы телѣга, наполненная всякими съѣстными припасами, а около нея причетникъ перекладывалъ заботливо яйца изъ одной корзинки въ другую. На крыльцѣ стоялъ дьячекъ, котораго очевидно сильно тошнило, а на землѣ, подъ крыльцомъ, широкобородый мужикъ благодушно подставлялъ ему подъ ротъ деревянную чашку. Изъ дверей избы выходилъ, пошатываясь, батюшка и умильно смотрѣлъ на эту сцену.

Все это было написано мастерски; жаль, что не помню имени художника—ужъ не Рѣпина ли? Я думаю, ты навѣрное забыла все это; вѣдь ты была тогда совсѣмъ маленькая. А я вотъ помню даже, какъ однажды подшутилъ съ этой картиной надъ тогдашнимъ священникомъ. Я его не любилъ за мелочное самолюбіе и за то, что онъ имѣлъ обыкновеніе каждый разъ насмѣхаться въ моемъ присутствіи надъ Дарвиномъ. Однажды, пріѣхавъ къ намъ, онъ попросилъ меня провести его по верхнимъ

---

[1]) Это четверостишіе было вымарано въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ изъ моего письма! *(Позднѣйшее примѣчаніе.)*

комнатамъ, чтобъ осмотрѣть картины, которыхъ онъ еще не видалъ. Вспомнивъ объ этой картинѣ, я очень обрадовался случаю понаблюдать его физіономію. И дѣйствительно было очень забавно! Передъ серьезными картинами онъ подолгу останавливался съ видомъ знатока; передъ нимфами и картинами фривольнаго содержанія конфузливо отворачивался, прикрываясь даже рукавомъ рясы; а когда въ концѣ обхода я сдѣлалъ такъ, чтобъ онъ неожиданно очутился лицомъ къ лицу съ „Пасхой въ деревнѣ“, онъ уже совсѣмъ смутился и покраснѣлъ, хотя и сдѣлалъ видъ, что ему самому смѣшно. Я же былъ чрезвычайно доволенъ и все твердилъ про себя: „Это вамъ за насмѣшки надъ Дарвиномъ!“

Лишь послѣ твоего объясненія, Надя, я сообразилъ, что фотографія, о которой ты пишешь, снята на крыльцѣ борковскаго балкона. А то я все время думалъ, что это Александръ Игнатьевичъ нарочно разыскалъ для бóльшей живописности какія-то позабытыя Богомъ и людьми ступени, гдѣ-нибудь на задней сторонѣ флигеля или хлѣбнаго амбара. Узнавъ, наконецъ, это крыльцо, я сначала наивно удивился тому, какъ быстро разрушаются деревянныя постройки, но вдругъ сообразилъ, что 28 января минетъ ровно двадцать лѣтъ моего заключенія, и все мнѣ сразу стало понятно. Можетъ быть, и я въ нѣкоторомъ смыслѣ уже похожъ на это крыльцо, хотя не замѣчаю этого, и даже кажется, будто я совсѣмъ и не постарѣлъ за эти двадцать лѣтъ, а только сталъ слабѣе здоровьемъ. Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ дерево разрушается скорѣе, чѣмъ человѣкъ... Ты и представить себѣ не можешь, какъ быстро мелькаютъ годы въ заключеніи! Невольно вспоминаешь сказку о заколдованномъ пирѣ, гдѣ по мановенію волшебной палочки всѣ пирующіе заснули въ одно мгновеніе въ тѣхъ самыхъ позахъ, въ которыхъ они находились во время пира! И когда, черезъ триста лѣтъ послѣ этого, очарованіе было снято, никто изъ проснувшихся гостей даже и не замѣтилъ, что они спали... Только когда окончили свой пиръ и захотѣли разойтись по домамъ, всѣ вдругъ увидѣли, что очутились въ совершенно новомъ мірѣ, среди незнакомаго имъ поколѣнія...

Это очень хорошо, Катя, что вы всѣ теперь стали чаще съѣзжаться другъ къ другу. Весело ли живетъ младшая дѣтвора? Любятъ ли они читать какія-нибудь книги, кромѣ учебниковъ, и есть ли у нихъ въ распоряженіи какія-нибудь дѣтскія книжки или журналы?

Въ наше время, особенно въ городахъ, уже не найти такихъ нянекъ, которыя могли бы занимать пробуждающееся воображеніе дѣтей сотнями всевозможныхъ сказокъ—а воображеніе между тѣмъ требуетъ себѣ пищи. Надо чѣмъ-нибудь наполнять ихъ головешки, чтобъ не все лишь проказили. Мнѣ кажется, что въ этомъ отношеніи нѣтъ ничего лучше романовъ и охотничьихъ разсказовъ Майнъ-Рида. Всѣ мальчики читаютъ ихъ съ трепетомъ и замираніемъ сердца, какъ это я знаю по собственному опыту. Разъ даже я захотѣлъ перечитать ихъ и взрослымъ, но увидѣлъ, что тѣ самыя мѣста, которыя особенно волновали меня въ дѣтствѣ, оказались для взрослаго совсѣмъ неуклюжими и шитыми бѣлыми нитками. Впрочемъ, что же и толковать о такихъ обычныхъ вещахъ, какъ перемѣна вкусовъ вмѣстѣ съ возрастомъ! Въ дѣтствѣ мнѣ, напримѣръ, чрезвычайно нравилась „печеная глина“ (т.-е. печная), и я разыскивалъ ее по усадьбѣ, между кирпичами трубъ и печекъ, и ѣлъ, потихоньку, съ большимъ наслажденіемъ, а теперь не вижу въ этомъ кушаньѣ ничего привлекательнаго. Такъ и съ романами Майнъ-Рида, которые я готовъ рекомендовать всѣмъ дѣтямъ средняго возраста, но только не взрослымъ. Рекомендую ихъ и твоимъ дѣтямъ самымъ усерднымъ образомъ. Есть ли у васъ въ Ярославлѣ хорошая библіотека? Совѣтую тебѣ или кому-нибудь изъ домашнихъ читать по временамъ дѣтямъ какіе-нибудь занимательные разсказы и повѣсти. Въ одномъ замѣчательно хорошемъ семействѣ [1]), гдѣ я любилъ проводить свободные вечера, мнѣ чрезвычайно нравилось видѣть, какъ мать почти каждый вечеръ читала дѣтямъ—четыремъ дѣвочкамъ—какой-нибудь занимательный разсказъ изъ дѣтскихъ журналовъ; просто трогательно было смотрѣть, какъ всѣ эти маленькія дѣвчонки взбирались къ намъ на колѣни и, не шелохнувшись, съ широко открытыми и смотрящими куда-то внутрь себя глазами, слушали какую-нибудь, большею частью интересную даже и для насъ, повѣсть или путешествіе. И всѣ онѣ были замѣчательно умныя и милыя дѣти, и, должно быть, теперь выросли изъ нихъ славныя дѣвушки...

Я очень радъ, дорогая моя Вѣрочка, что мой разсказъ о пребываніи въ Англіи хоть немного смягчилъ тебя въ отношеніи этого народа. Нельзя вѣрить всему, что плетутъ реакціонныя газеты о народѣ, которому во многомъ всѣ завидуютъ, а нѣкоторые отъ всей души желали бы подставить ногу изъ того же

---

[1]) Въ семействѣ писателя Станюковича. *(Позднѣйшее примѣчаніе.)*

самаго чувства. Притомъ же у сотрудниковъ реакціонныхъ [1]) газетъ, за немногими исключеніями, надъ всѣмъ преобладаетъ стремленіе поддѣлываться подъ грубые вкусы толпы, невѣрно освѣщая или просто скрывая фактъ, по вѣчно юному выраженію Пушкина:

Тьмы низкихъ истинъ намъ дороже
Насъ возвышающій обманъ.

Благодаря этому и въ лучшей части публики возникаетъ масса превратныхъ представленій.

Недавно я просматривалъ русскій переводъ сочиненія Вильяма Бутса: „Въ трущобахъ Англіи", который уже лѣтъ восемь лежитъ въ нашей библіотекѣ, но я все не могъ его прочесть, потому что мои естественно-научныя занятія почти совсѣмъ не оставляютъ мнѣ времени для посторонняго чтенія. Этотъ Бутсъ— глава одного изъ филантропическихъ обществъ въ Англіи, основаннаго на религіозной подкладкѣ, и, должно быть, это замѣчательно добродушный и простосердечный человѣкъ: съ такой искренностью написана его книжка. Перелистывая ее, я случайно наткнулся на разсказъ о томъ, какъ его общество устроило въ самыхъ глухихъ трущобахъ Лондона три ночлежныхъ пріюта для лицъ, оставшихся безъ крова, и при каждомъ по складу съѣстныхъ припасовъ, чтобы снабжать, какъ онъ выражается, „здоровой и дешевой пищей всѣхъ обездоленныхъ, по доступнымъ имъ цѣнамъ". Тутъ же приложены и цѣны для главныхъ продуктовъ, которыя дѣйствительно баснословно дешевы. Заинтересовавшись, чѣмъ же дѣйствительно питаются лондонскіе обездоленные, я нарочно просмотрѣлъ весь прейскурантикъ, и что же я нашелъ? Среди обыкновенныхъ продуктовъ: супа, бѣлаго хлѣба, говядины, рису, картофеля, чаю, кофе, молока и т. д., которые были отпущены изъ склада въ огромныхъ количествахъ, еще оказалось: фруктоваго варенья 558 пудовъ, мармеладу 372 пуда, какао тоже 372 пуда и сахару 1.550½ пудовъ за одинъ тотъ годъ, въ которомъ издана книжка (см. страницы 117 и 118 русскаго перевода).

Гдѣ же тутъ жестокость, милая Вѣрочка? Укажи мнѣ хоть одинъ народъ, въ которомъ филантропическія общества, кромѣ обыкновенной пищи, еще заботились бы о доставленіи своимъ бѣднымъ по доступнымъ для нихъ цѣнамъ фруктоваго варенья,

---

[1]) Слово: *реакціонныхъ* было велѣно вычеркнуть.

(Позднѣйшее примѣчаніе.)

мармеладу, какао и другихъ вкусныхъ предметовъ, на томъ основаніи, что, какъ говоритъ Бутсъ, вѣдь и обездоленному хочется сладкаго?

Но довольно объ этомъ предметѣ. Я знаю, что ты такъ говоришь только потому, что твои свѣдѣнія были почерпнуты изъ очень мутнаго источника. Никогда не нужно изучать народовъ и ихъ жизни по публицистикѣ, а только по серьезнымъ этнографическимъ сочиненіямъ, какъ напримѣръ „Земля и Люди" Элизэ Реклю. Только по такимъ чисто научнымъ книгамъ, гдѣ человѣкъ ищетъ одной истины и справедливости, не заботясь ни о какихъ политическихъ цѣляхъ и выгодахъ, возможно составить себѣ правильное понятіе о чуждыхъ намъ народахъ, о ихъ частной и общественной жизни и о расовомъ характерѣ. И всякій разъ, когда читаешь такія сочиненія, убѣждаешься, что во всѣхъ народахъ—несравненно болѣе хорошаго и заслуживающаго уваженія, чѣмъ это думаетъ современная публика.

Ты спрашиваешь, хороша ли у насъ библіотека?—Да, мало-по-малу, благодаря ежегоднымъ пополненіямъ, она составилась очень порядочная, хотя для человѣка, работающаго, какъ я, надъ однимъ спеціальнымъ отдѣломъ науки, всякая библіотека общаго характера оказалась бы недостаточной. Моя книга о „Строеніи Вещества" уже закончена начерно, и теперь работаю надъ такими ея деталями, безъ которыхъ въ сущности было бы можно и обойтись, но которые все-таки не мѣшаетъ туда ввести. Все это лѣто, напримѣръ, занимался разработкой формулъ тяготѣнія по особому методу, называемому закономъ однородности физическихъ уравненій. Важное значеніе этого метода, какъ орудія новыхъ открытій въ физическихъ наукахъ, еще мало сознается, и онъ привелъ меня чисто математическимъ путемъ къ выводу, что сила притяженія небесныхъ тѣлъ зависитъ въ извѣстной степени отъ ихъ температуры (тепловой энергіи), и что причина тяготѣнія заключается въ окружающей тѣла свѣтоносной средѣ, какъ это и ранѣе предполагали нѣкоторые. Впрочемъ всѣ такіе вопросы могутъ интересовать только спеціалиста, да и то лишь въ томъ случаѣ, если они изложены обстоятельно, а не такъ, какъ я пишу въ этихъ строкахъ [1]).

Вообще надъ моими естественно-научными сочиненіями тя-

[1]) Книга объ этомъ была потомъ издана въ 1908 году, подъ названіемъ: „Основы качественнаго физико-математическаго анализа и новые физическіе факторы, обнаруживаемые имъ въ различныхъ явленіяхъ природы", а докладъ объ этомъ сдѣланъ въ Русскомъ Физико-Химическомъ Обществѣ въ 1907 г. и напечатанъ въ журналѣ общества въ 1908 году. — *(Позднѣйшее примѣчаніе.)*

готѣетъ какой-то рокъ. Все, что я писалъ по научнымъ вопросамъ, пропадало при томъ или другомъ передвиженіи съ мѣста на мѣсто, или безжалостно истреблялось въ минуту опасности тѣми, кому я отдавалъ свои статьи на сохраненіе. Такъ и теперь: въ эту зиму я переплету уже пятнадцатый томъ своихъ естественно-научныхъ записокъ, но кому отъ этого польза? Работаю, пока позволяетъ здоровье, какъ пчела собираетъ въ улей медъ и воскъ, даже въ томъ случаѣ, когда сама видитъ, что улей разоренъ...

27 августа 1900 г.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ.

2 февраля 1901 года.

Дорогіе мои! Вотъ, наконецъ, прошли самые короткіе изъ зимнихъ дней, и наше солнце, послѣ своей долгой отлучки въ южныя страны, снова поворотилось къ намъ на сѣверъ, чтобъ немного насъ оттаять и согрѣть. Сегодня, когда я вамъ пишу, полуденные лучи настолько поднялись уже надъ стѣнами и крышами окружающихъ зданій, что могли заглянуть и въ мое окошко, и озаряютъ теперь свѣтлой полосой большую карту Африки, висящую около моего столика. Съ приходомъ вашихъ писемъ прекратилась и большая часть обычныхъ безпокойствъ, которыя накопляются въ душѣ послѣ полугодичной неизвѣстности. Особенно радъ я тому, что вы, моя милая мама, остались такая же бодрая и дѣятельная, какъ и прежде. Кстати, дорогая, сколько вамъ теперь лѣтъ? Вѣрно не меньше шестидесяти-шести? А на вашихъ фотографіяхъ вамъ едва ли можно дать и пятьдесятъ. Дай Богъ, чтобы вы еще много и много лѣтъ оставались такой же крѣпкой и неутомимой, какъ теперь.

Мое собственное здоровье остается, какъ и было въ прежніе годы. Осенній неврозъ теперь прекратился. Однако свои обычныя занятія по физико-математическимъ наукамъ я все еще не былъ въ состояніи возобновить систематически. Чтобъ не прожить все это время совершенно даромъ, я согласился на желаніе товарищей принять на себя заботы о здѣшней библіотекѣ, т.-е. хлопотать о пріобрѣтеніи для нея новыхъ книгъ, наблюдать за ихъ своевременнымъ переплетомъ въ нашихъ мастерскихъ и за справедливымъ распредѣленіемъ между читающими. Это занятіе мнѣ и раньше предлагали, но я все отказывался, опасаясь, что оно нарушитъ правильный ходъ моихъ научныхъ работъ, которыя я

считаю несравненно болѣе важнымъ дѣломъ. И дѣйствительно, за три послѣдніе мѣсяца я убѣдился, что мои опасенія были совершенно основательны. Или моя голова ужъ такая односторонняя, что не можетъ сразу совмѣстить нѣсколько занятій, или это дѣйствительно невозможно при разработкѣ открытыхъ вопросовъ науки, гдѣ можно надѣяться на успѣшный результатъ только посвятивъ одному предмету все свое вниманіе безраздѣльно. Всякій разъ, какъ что-нибудь постороннее заставитъ меня прервать хотя бы на день нить умозаключеній, связывающихъ между собою различные разрозненные факты, такъ эта нить и затеряется совсѣмъ, и не находишь ее снова, какъ бы ни старался. Приходится вторично изучать весь вопросъ сначала. Вотъ какъ-то я вамъ говорилъ, что пишу однимъ почеркомъ пера и безъ всякихъ размышленій самыя сложныя формулы органической химіи — до такой степени привыкъ къ этому предмету, работая постоянно надъ строеніемъ вещества. А когда пришлось оставить эти формулы на полгода при математической разработкѣ законовъ тяготѣнія, то, возвратившись къ нимъ, я сейчасъ же замѣтилъ, что уже не пишу ихъ такъ свободно, а долженъ каждый разъ напрягать вниманіе.

О своемъ здоровьѣ я вамъ сообщаю всегда добросовѣстно, и ты, Вѣрочка, не должна болѣе думать, будто я что-нибудь скрываю отъ васъ относительно этого предмета. Еслибъ у меня были какія-либо серьезныя опасенія за свою жизнь, я постарался бы постепенно подготовлять васъ къ этому, чтобъ неожиданность не подѣйствовала на мать слишкомъ сильно. Подробностей о своей внѣшней обстановкѣ и о нѣкоторыхъ другихъ предметахъ я по прежнему не имѣю права вамъ писать—иначе мое письмо будетъ мнѣ возвращено обратно. Однако смутное представленіе о моемъ современномъ положеніи и объ общемъ фонѣ моей жизни вы, конечно, уже успѣли себѣ составить, хотя имѣть ясное понятіе о чувствахъ человѣка въ долгомъ изолированномъ заключеніи такъ же невозможно, не испытавъ этого лично, какъ представить себѣ по одному лишь описанію вкусъ плода, котораго самъ никогда не пробовалъ. Притомъ же и наша жизнь не вполнѣ ужъ оцѣпенѣла. И на ней по временамъ отзываются событія окружающаго міра. А потому, если въ рядѣ моихъ писемъ вамъ и приходилось гдѣ-нибудь встрѣтить случайную замѣтку, которая не вполнѣ сходится съ одной изъ предыдущихъ, то такъ вы и должны знать, что въ это время произошла соотвѣтствующая перемѣна [1]).

[1]) Здѣсь намекъ на ухудшеніе условій заключенія, начавшееся въ этомъ году. *(Позднѣйшее примѣчаніе.)*

Я же, при долгихъ промежуткахъ между моими письмами, не въ состояніи помнить обо всемъ, что̀ говорилъ вамъ раньше, и излагать послѣдующія письма въ связи съ предыдущими.

Вотъ уже третій разъ ты меня просишь, Вѣрочка, разсказать вамъ о какомъ-нибудь изъ моихъ прошлыхъ странствованій по швейцарскимъ горамъ. Только до сихъ поръ у меня все не хватало мѣста, да не знаю, достанетъ ли и теперь. Какъ жаль, что никто изъ васъ никогда не поднимался на настоящія большія горы, вершины которыхъ въ ненастную погоду далеко уходятъ за облака: тогда вы лучше поняли бы и мои разсказы. Тотъ, кто видѣлъ швейцарскія горы только на картинахъ или черезъ окна вагоновъ и гостинницъ, и представить себѣ не можетъ, какъ онѣ въ дѣйствительности страшно громадны, и какія чудныя картины, полныя дикой красоты и безконечнаго разнообразія, открываются съ ихъ вершинъ. Когда въ ненастный, тусклый день поднимаешься по ихъ склонамъ и пройдешь по незнакомой тропинкѣ черезъ густой туманъ облачнаго слоя, то сразу попадешь подъ ясное голубое небо и видишь подъ ногами только безконечный океанъ волнующихся и бѣгущихъ облаковъ, и надъ этимъ бѣлымъ океаномъ то здѣсь, то тамъ поднимаются, какъ островки, бѣлыя, сѣрыя и зеленыя горныя вершины, облитыя солнечнымъ свѣтомъ и бросающія темныя длинныя тѣни на поверхность облачнаго моря; и не вѣрится тогда, что внизу, на земной поверхности, такъ тускло, сумрачно въ это же самое время...

Обыкновенно путешественники странствуютъ по Альпамъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ проводниковъ, но мы, т.-е. я съ однимъ товарищемъ-студентомъ [1]), лазили всегда одни, руководясь лишь хорошей картой и компасомъ, да по временамъ разспрашивая горныхъ пастуховъ. Но за то и было же съ нами приключеній!

Разъ, напримѣръ, въ Савойскихъ Альпахъ забрались мы въ горы въ такое время, когда дулъ очень сильный вѣтеръ и гналъ по небу, то здѣсь, то тамъ, кучевыя облака. Пока мы были ниже облаковъ, мѣстность направо и налѣво не представляла для насъ ничего особенно замѣчательнаго. Потомъ облака одно за другимъ начали налетать на насъ, окутывая на минуту или на двѣ все кругомъ бѣлымъ густымъ туманомъ, и затѣмъ быстро улетали далѣе, снова оставляя насъ на солнечномъ свѣтѣ. Когда же мы взобрались на вершину ближайшаго хребта, то увидали съ нея картину такой дикой прелести, что я не забуду ее во всю свою жизнь. Второй склонъ этого хребта падалъ прямо

---

[1]) Черепахинымъ.

передъ нами почти отвѣснымъ обрывомъ въ огромную, почти круглую котловину, версты въ двѣ поперечникомъ, лишенную по бокамъ всякой растительности и такой глубины, что нѣсколько елей, росшихъ на ея днѣ, казались едва замѣтными. Но поразительнѣе всего было то, что̀ происходило въ этой котловинѣ. Сильный вѣтеръ влеталъ въ нее черезъ окружающія горы и весь воздухъ кружился въ ней, какъ въ водоворотѣ, увлекая за собой и облака, которыя носились тамъ, какъ сумасшедшія. Они гонялись другъ за другомъ, опускались на дно, поднимались вверхъ, перепрыгивали одно черезъ другое, вытягивались и съёживались, принимая всевозможныя фантастическія формы, какъ будто это были живыя существа, одаренныя собственной волей и движеніемъ. А внизу, на днѣ котловины, кружились и скакали другъ черезъ друга ихъ тѣни. Порой какое-нибудь изъ облаковъ вдругъ выскакивало изъ котловины и мчалось по склонамъ одной изъ окружающихъ горъ, какъ клочекъ бѣлаго тумана, пока не поднималось совсѣмъ надъ постепенно понижающейся поверхностью земли и не исчезало въ небесной дали, сливаясь съ другими облаками. Порою, наоборотъ, новое облако съ быстротой локомотива взбиралось по противоположному склону горы, прыгало въ котловину и начинало тамъ гоняться за остальными, описывая огромные круги. По временамъ одно изъ нихъ, какъ и прежнія, прямо набѣгало на насъ, снова окружало обоихъ густымъ туманомъ, гдѣ мы едва могли разобрать очертанія другъ друга; но не проходило и минуты, какъ мы уже видѣли это самое облако убѣгающимъ отъ насъ по склону. Это была такая фантастическая пляска духовъ, какой нельзя себѣ представить, пока ея не видѣлъ!...

Долго не могли мы оторваться отъ этой дикой сцены. Только когда облака вокругъ насъ стали появляться слишкомъ часто и долины начали постоянно заслоняться, мы собрались въ дальнѣйшій путь на Данъ-д'Ошъ—одну изъ высокихъ вершинъ, куда и предполагали идти сначала. Но только добраться до нея мы такъ и не могли. По мѣрѣ того какъ мы подвигались впередъ, погода портилась, облака вокругъ насъ сгущались все болѣе и болѣе и, наконецъ, не стали оставлять вокругъ насъ никакихъ просвѣтовъ.

Думая, что этотъ сплошной слой облаковъ не долженъ быть слишкомъ толстъ и что, поднявшись выше на сотню-другую саженъ, мы будемъ совсѣмъ надъ облаками, подъ яснымъ голубымъ небомъ и сіяющимъ солнцемъ, мы все еще продолжали карабкаться вверхъ по какому-то сухому руслу, прорытому въ

горѣ весенними потоками, и шли, не видя ничего ни вверхъ, ни внизъ, даже на разстояніи какихъ-нибудь двухъ-трехъ саженъ. Потомъ мы выбрались на довольно ровную мѣстность и въ концѣ концовъ очутились на какомъ-то каменномъ гребнѣ, который скоро принялъ форму крыши, поднимающейся переднимъ концомъ вверхъ. По этому гребню мы и стали двигаться, сначала ползкомъ, а затѣмъ, когда его бока стали слишкомъ круто опускаться внизъ, сидя и верхомъ, работая руками и ногами и не зная, что находится подъ правой и что подъ лѣвой ногой. Видно было только, что бока хребта опускались внизъ сажени на двѣ очень круто, а затѣмъ все сливалось въ одной бѣлой, быстро несущейся мимо насъ дымкѣ облаковъ, и что было подъ ней—отлогіе ли склоны, на которые можно соскочить, или верстовые обрывы—такъ мы и не узнали до сихъ поръ. Рѣшивъ, что путешествовать подобнымъ образомъ далѣе невозможно, мы стали пятиться назадъ, пока не удалось повернуться, и добрались по прежнему, то верхомъ, то ползкомъ, до исходнаго пункта этого гребня, а затѣмъ, съ помощью компаса, снова попали въ прежнее сухое русло и спустились ниже облачнаго слоя въ сѣрый, тусклый день, который успѣлъ смѣнить недавнее солнечное утро.

Однако вы, конечно, не должны думать, что каждое наше путешествіе сопровождалось какими-нибудь приключеніями въ облакахъ. Совсѣмъ наоборотъ. Я сдѣлалъ въ суммѣ не менѣе тридцати или сорока экскурсій, и большинство ихъ не ознаменовалось ничѣмъ другимъ, кромѣ усталости и высочайшаго удовольствія видѣть съ высоты дивныя картины горной природы. Ничто въ мірѣ не можетъ доставить бо̀льшаго наслажденія, какъ видъ, открывающійся съ высокой горы вечеромъ, когда заходящее солнце окрашиваетъ въ розовый цвѣтъ вершины отдаленныхъ горъ, между тѣмъ какъ въ долинахъ, подъ ногами, уже давно все покрыто вечерней мглой, а въ городахъ, внизу (напримѣръ въ Женевѣ, когда смотришь на нее съ вершины Салэва) одинъ за другимъ зажигаются фонари, и черезъ нѣсколько минутъ каждая улица вырисовывается, какъ на планѣ, прямыми линіями изъ огненныхъ точекъ, какъ будто тамъ раскинулась огненная паутина. А какая прелесть бываетъ тамъ въ ясную лунную ночь, когда видишь съ вершины горы, какъ полная луна отражается въ темной глубинѣ Женевскаго озера, лежащаго далеко внизу, и освѣщаетъ волшебнымъ голубоватымъ свѣтомъ всѣ обращенные къ ней склоны окружающихъ горъ и ледниковъ, бѣлѣющихъ вдали, между тѣмъ какъ другіе, противоположные склоны остаются совсѣмъ невиди-

мыми для глаза, какъ будто это сама безконечная тьма и пустота ночи, а поперекъ озера и долинъ, отъ одного края до другого, тянутся безконечныя черныя тѣни горъ...

Отъ души радовался я, Ниночка, читая о твоихъ эдинбургскихъ похожденіяхъ: о всѣхъ этихъ купаньяхъ, балѣ и фейерверкахъ. Какъ-разъ на такомъ же балѣ былъ и я, въ Кларанѣ, на берегу Женевскаго озера. Тоже были и лодки, иллюминованныя разноцвѣтными огнями, и фейерверки, и ракеты на берегу и съ окружающихъ горъ, такъ что я вполнѣ понимаю твое описаніе. Рисуй, танцуй, занимайся и читай романы и въ слѣдующее лѣто. Одно другому не вредитъ, совершенно напротивъ—приноситъ пользу. А я-то думалъ, что ты, my darling, была въ настоящемъ шотландскомъ Эдинбургѣ.

Николай Морозовъ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРІИ

Историческій очеркъ.

Ко дню десятилѣтія со дня смерти Бисмарка въ Германіи появилась цѣлая библіотека сочиненій по исторіи Германіи временъ объединенія, характеристикъ той или другой стороны дѣятельности перваго канцлера имперіи, критическихъ разборовъ его мемуаровъ (Gedanken und Erinnerungen). Семитомная Бисмаркіада покойнаго Зибеля и ея противовѣсъ, книга Оттокара Лоренца, выдвигающая роль самого Вильгельма, уже устарѣли во многихъ отношеніяхъ. Безчисленное количество воспоминаній участниковъ объединенія, въ томъ числѣ такія важныя, какъ мемуары Роона, Митнахта, Гогенлоэ, бросаютъ на многіе факты новый свѣтъ. Выясняется полнѣе роль общественныхъ силъ въ движеніи.

Быть можетъ, еще характернѣе, чѣмъ обогащеніе нѣмецкой литературы объ эпохѣ объединенія, внезапный интересъ къ ней за границею, особенно во Франціи. За послѣдніе нѣсколько мѣсяцевъ можно отмѣтить цѣлыхъ три капитальныхъ труда: Эрнеста Дени, „La fondation de l'Empire Allemand", А. Лихтенберже, „L'Allemagne nouvelle et son évolution" и третій томъ обстоятельной исторіи Бисмарка, Поля Маттера. Въ Англіи только-что вышла книга Уильяма Даусона, извѣстнаго своими прежними трудами о Германіи: „The evolution of modern Germany".

Тонъ всѣхъ почти указанныхъ сочиненій—спокойный. Французы стараются забыть свои rancunes и сохранить безпристра-

стіе въ сужденіяхъ о человѣкѣ, уготовившемъ великой націи самое большое въ ея исторіи униженіе.

Интересъ къ исторіи нѣмецкаго объединенія вызванъ, конечно, не случайными причинами. Только теперь открывается возможность дать сколько-нибудь полную характеристику всего процесса, изобразить его въ подробностяхъ, раньше скрытыхъ или невыясненныхъ, отъ начала до конца. Нужно ли объяснять, что такой интересъ вполнѣ законенъ?

Настоящій очеркъ представляетъ собою попытку ознакомить русскаго читателя съ главными выводами литературы, по исторіи объединенія Германіи, вышедшей въ послѣднее время за границею.

I.

Пока Австрія и Пруссія вели борьбу изъ-за гегемоніи въ Германіи, пока незримая рука судьбы вела ихъ медленно и неуклонно отъ Ольмюца къ Садовой, въ странѣ продолжали свою работу общественныя силы.

Мощный экономическій подъемъ сороковыхъ и первой половины пятидесятыхъ годовъ еще больше усилилъ вліяніе буржуазіи. Въ 1857 году разразился кризисъ, но онъ былъ недологъ и не причинилъ глубокихъ ранъ нѣмецкому хозяйству. Буржуазія лишь съ большей энергіей отдалась послѣ него хозяйственной дѣятельности и устраненію препятствій, стоявшихъ у нея на пути. Государственная разобщенность Германіи продолжала и теперь оставаться главнымъ препятствіемъ. Правда, Таможенный Союзъ существовалъ и наиболѣе чувствительныя препоны для торговли и промышленности были разбиты. Но Таможенный Союзъ далеко не былъ универсальнымъ средствомъ. Онъ былъ безсиленъ уничтожить многообразіе обычаевъ и законовъ, регулирующихъ въ разныхъ государствахъ хозяйственную жизнь. Онъ не могъ установить единства монетной системы, мѣръ и вѣсовъ, ввести однообразіе въ желѣзнодорожные тарифы [1]), не могъ окончательно искоренить всюду одинаково мелочную, но изо-

[1]) Фабрикантовъ, работавшихъ на міровой рынокъ или желавшихъ конкуррировать съ заграничнымъ ввозомъ, это ставило въ невозможное положеніе, ибо путаница отечественныхъ мѣръ и вѣсовъ осложнялась еще привнесеніемъ иностранныхъ. Бумажную пряжу приходилось взвѣшивать на англійскіе фунты, шелковыя матеріи мѣрить по метрической системѣ, а счеты съ иностранными государствами вести то на фунты стерлинговъ, то на франки, то на доллары, то на гульдены разныхъ системъ. Какая бухгалтерія не пришла бы въ отчаяніе!

брѣтательную по разному придирчивость чиновниковъ, поставленныхъ блюсти за хозяйственной дѣятельностью. У нѣмецкой буржуазіи все еще не было въ Германіи единаго рынка. За границею ея положеніе было еще хуже. Въ то время, какъ французъ, англичанинъ, американецъ всюду находили въ своемъ посольствѣ энергичную защиту, нѣмцы были почти совершенно лишены ея. Только одна Австрія могла установить сколько-нибудь дѣйствительное покровительство для своихъ подданныхъ за границею. Прусская дипломатія считала заграничныя торговыя операціи своихъ подданныхъ простой блажью и пальцемъ о палецъ не ударяла, чтобы поддержать ихъ жалобы. О подданныхъ маленькихъ государствъ и говорить нечего. Тѣмъ прямо приходилось отдаваться подъ покровительство чужихъ посольствъ или натурализоваться за границею. Конечно, условія конкурренціи для нѣмцевъ оказывались крайне неблагопріятны.

Было очень нетрудно сообразить, ибо это подсказывалъ коммерческій разсчетъ, что идеальное торгово-таможенное единство внутри установится только тогда, когда воля нѣмецкой буржуазіи, разбитая государственными барьерами, будетъ объединена въ общенѣмецкомъ парламентѣ, а правильная защита за границею явится лишь съ созданіемъ обще-нѣмецкаго дипломатическаго представительства, подкрѣпленнаго могущественной общенѣмецкой арміей.

Таковы были экономическія предпосылки единства. Слѣдующимъ въ логическомъ порядкѣ выдвигался колючій пунктъ объ Австріи. Но жизнь ликвидировала его скорѣе и проще, чѣмъ можно было ожидать.

Вопросъ о томъ, подъ чьимъ верховенствомъ должно совершиться объединеніе, для огромнаго большинства рѣшался уже однимъ фактомъ верховенства Пруссія въ Таможенномъ Союзѣ. Къ этому присоединились постепенно и другія причины. Настойчиво заявленное Шварценбергомъ желаніе ввести въ союзъ всѣ австрійскія земли пугало нѣмцевъ. Конкордатъ, отдавшій всю культуру габсбургской имперіи въ руки черной ультрамонтанской рати, поколебалъ популярность Австріи даже въ общественныхъ кругахъ южныхъ католическихъ государствъ; на протестантскомъ сѣверѣ онъ вызвалъ бурное негодованіе. Гегемонія Австріи въ странѣ, гдѣ двѣ трети населенія исповѣдывали протестантизмъ и ненавидѣли католичество, послѣ конкордата сдѣлалась совершенно немыслимой. Пораженіе Австріи въ войнѣ 1859-го года разбило и обаяніе силы, державшееся послѣ Ольмюца. Далеко не случайно поэтому, что наиболѣе энергичная

организація нѣмецкаго общественнаго мнѣнія началась послѣ виллафранкскаго мира. Во главѣ этого дѣла стали лидеры центра Франкфуртскаго національнаго собранія, вдохновители и иниціаторы Готскаго конгресса 1849 года. Въ концѣ августа 1859 года собрались они въ Ганноверѣ, чтобы обсудить способы пропаганды „идеи единой Германіи, съ учрежденіями, обезпечивающими ей могущество вовнѣ, свободу внутри". Для осуществленія этой цѣли 16 сентября былъ основанъ „Національный Союзъ" (Nationalverein). Первымъ его предсѣдателемъ сдѣлался Беннигсенъ, ганноверскій либералъ, прославившійся своей смѣлой борьбой съ правительствомъ. Изъ другихъ членовъ наиболѣе выдающимися были Миккель, бывшій ярый сторонникъ Маркса, теперь ужъ успокоившійся, Шульце-Деличъ, фонъ-Унру и цѣлый рядъ другихъ дѣятелей, выдвинувшихся въ сорокъ-восьмомъ году. Теперь они стали старше и степеннѣе, но отдались работѣ съ юношескимъ пыломъ, и „Національный Союзъ" сразу получилъ большое распространеніе. У него были партизаны въ прессѣ, гдѣ его поддерживали „Grenzboten" Фрейтага и Юліана Шмидта, „Preussische Jahrbücher" Руд. Гайма, цѣлый рядъ газетъ; были защитники и при многихъ дворахъ, особенно на сѣверѣ, а также въ министерствахъ, гдѣ еще сидѣли старые товарищи основателей союза. Общее количество членовъ Союза въ лучшую его пору не превышало 25.000 человѣкъ, но эта скромная цифра объясняется высотою членскаго взноса. Союзъ былъ организаціей буржуазной. Его организаторы не хотѣли пускать въ него демократическій элементъ, такъ сильно напугавшій ихъ въ 1848 г. Своихъ партизановъ онъ вербовалъ преимущественно на сѣверѣ. Въ Баваріи и Вюртембергѣ онъ былъ мало популяренъ. Въ Баденѣ, гдѣ ему покровительствовали министры Мати и Роггенбахъ, онъ тоже не могъ пустить корней. Центромъ его дѣятельности были Пруссія, Ганноверъ, Кургессенъ и Нассау. Онъ очень часто подвергался преслѣдованіямъ—больше всего въ Саксоніи, въ Мекленбургѣ, въ Ганноверѣ,—но отъ этого число его членовъ только увеличивалось. Въ Пруссіи Вильгельмъ относился къ нему подозрительно, но подъ вліяніемъ своей супруги и кронпринца, дружившаго съ дѣятельнымъ членомъ Союза, Максомъ Дункеромъ, не преслѣдовалъ его.

Резиденціей Союза былъ избранъ Кобургъ, гдѣ герцогъ относился къ нему съ большимъ сочувствіемъ. Тамъ и состоялось первое его собраніе, на которомъ была выработана программа Союза. Она заключала въ себѣ въ болѣе пространныхъ выра-

женіяхъ то же, что было вкратцѣ формулировано въ ганноверскихъ резолюціяхъ. Наиболѣе важной частью программы были пункты, касающіеся Пруссіи и Австріи. Въ нихъ было сказано, что нѣмецкій народъ, когда объединеніе сдѣлается фактомъ, отдастъ центральную власть главѣ самаго большого *чисто-нѣмецкаго* государства. Правда, былъ пунктъ, гласившій, что Союзъ не имѣетъ ничего противъ включенія въ германскую территорію нѣмецкихъ частей Австріи; но тутъ же было прибавлено, что если даже это будетъ представляться неосуществимымъ, Союзъ все-таки будетъ стремиться къ объединенію Германіи.

Свои взгляды на конституцію будущей объединенной Германіи Союзъ не могъ высказать сразу по чисто-внѣшнимъ условіямъ. Позднѣе, въ 1862-мъ году, когда въ Пруссіи и въ другихъ государствахъ сталъ улучшаться общій режимъ, Союзъ объявилъ, что онъ будетъ стремиться къ возстановленію имперской конституціи 1849-го года.

Причина такой привязанности къ произведенію франкфуртскаго парламента ясна. Конституція 1849 года давала наилучшую при существующихъ условіяхъ защиту интересамъ буржуазіи. А насколько эти интересы заслоняли въ глазахъ дѣятелей Національнаго Союза всѣ остальные—видно изъ образа дѣйствій его во время конституціоннаго конфликта въ Пруссіи. Союзъ остался почти совершенно равнодушенъ къ борьбѣ во имя конституціи, которую вели въ палатѣ прогрессисты. Для него какъ разъ нужна была та реформа арміи, о которой прогрессисты, поглощенные заботами о правахъ парламента въ Пруссіи, не хотѣли и слышать. Національный Союзъ требовалъ энергичнаго выступленія въ шлезвигъ-гольштейнскомъ вопросѣ, считая это первымъ шагомъ къ возстановленію международнаго престижа Пруссіи. А для этого армія была необходима. Національный Союзъ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы Германія была объединена либеральной Пруссіей, но онъ въ концѣ концовъ согласился бы и на гегемонію Пруссіи, какъ она есть, лишь бы за границею у нѣмцевъ оказалась защита.

Наступленіе „новой эры“ въ Пруссіи, сопровождавшееся ослабленіемъ репрессій и въ другихъ сѣверныхъ государствахъ, много способствовало оживленію националистическихъ чувствъ и стремленій къ единству. Нѣмецкая буржуазія умѣло пользовалась всякимъ поводомъ для устройства националистическихъ демонстрацій. Особенно внушительной вышла демонстрація на праздновании столѣтія со дня рожденія Шиллера въ (Дрезденѣ, въ ноябрѣ 1859 года). Она положила начало цѣлому ряду другихъ

манифестацій различныхъ обществъ, союзовъ, кружковъ—гимнастическихъ, стрѣлковыхъ, музыкальныхъ и др. Мало-германская идея единства пускала все болѣе и болѣе глубокіе корни.

Но у нея были и противники. Какъ уже было замѣчено, Національный Союзъ почти не нашелъ распространенія въ Баваріи и Вюртембергѣ, конечно, не потому, что этому противились правительства,—въ моменты общественнаго подъема противодѣйствіе правительства никогда ничему не мѣшало,—а потому что Пруссіи не довѣряло населеніе. Въ Баваріи, въ Вюртембергѣ и въ Австріи въ противовѣсъ Національному Союзу возникло нѣсколько другихъ организацій, положившихъ въ основу своей программы велико-германскую идею. Ихъ всѣхъ усиленно поддерживали агенты австрійскаго правительства. Особенно оживилась идея великогерманскаго единства, когда въ Австріи начались конституціонные эксперименты, а въ Пруссіи почти одновременно пошли недоразумѣнія между правительствомъ и парламентомъ. Въ 1862 году всѣ великогерманскіе по тенденціямъ союзы объединились въ одинъ большой „Союзъ Реформы". Распространеніе онъ получилъ, однако, далеко не такое широкое, какъ Національный Союзъ. Главной его ареною былъ югъ и по преимуществу баварскія земли. Оба большихъ Союза смотрѣли по разному на способъ осуществленія единства даже въ тѣхъ вопросахъ, которые не касались гегемоніи Пруссіи или Австріи. Національный Союзъ, вѣрный традиціямъ франкфуртскаго Національнаго Собранія, требовалъ выборнаго народнаго парламента [1]) при центральномъ правительствѣ. Союзъ реформы считалъ возможнымъ ограничиться делегаціями отъ мѣстныхъ ландтаговъ.

Такимъ образомъ, нѣмецкая буржуазія, совершенно единодушная въ вопросѣ о настоятельной необходимости объединенія, расходилась во взглядахъ на способы его осуществленія. Большинство стояло за прусскую гегемонію и настоящій, общенародный, спеціально избранный парламентъ.

II.

Одновременно съ буржуазіей сталъ мало-по-малу приходить къ сознанію необходимости единства и нѣмецкій пролетаріатъ.

---

[1]) Подчеркнуть необходимость всеобщаго избирательнаго права онъ отказался, ссылаясь на то, что это—лишнее, разъ признана необходимость возстановленія конституціи 1849 года. Настоящей причиной было, конечно, нежеланіе выдвигать демократическій лозунгъ.

Но въ то время какъ буржуазію, окрыленную хозяйственнымъ подъемомъ, не приходилось вовсе толкать къ такому сознанію, пролетаріатъ, все еще слабый, нуждался въ энергической пропагандѣ, чтобы придти къ пониманію своихъ интересовъ.

Пятидесятые годы, бывшіе временемъ могучаго подъема для буржуазіи, для рабочаго класса, наоборотъ, были порою самаго жалкаго прозябанія. Полицейскій гнетъ, особенно суровый, разъ дѣло шло о крамольникахъ и революціонерахъ, донималъ рабочихъ повсюду. Шпіонство достигало невѣроятныхъ размѣровъ и въ корнѣ пресѣкало возможность протестовъ. Не поощряло протестовъ и экономическое положеніе рабочихъ. Какъ всегда въ періоды первоначальнаго накопленія, капиталъ особенно безжалостно эксплоатировалъ рабочій трудъ. Погоня за наживою принимала гомерическіе размѣры; гуманность, состраданіе, соображенія разумной гигіены—все отступало на задній планъ передъ жаждою быстраго обогащенія. Пролетаризація совершалась при самыхъ суровыхъ условіяхъ. Но она шла все-таки не настолько быстро, чтобы сразу создать сильный, способный постоять за себя, пролетаріатъ. На пространствѣ всей союзной территоріи было только два пункта, гдѣ промышленность создала компактное рабочее населеніе: прусскій округъ Дюссельдорфъ и вся Саксонія. Въ общемъ всюду, за исключеніемъ Саксоніи, сельскохозяйственное производство еще преобладало надъ промышленностью, а ремесленное — надъ фабричнымъ [1]). Правда, ремесло пришло въ большой упадокъ. Ручныхъ прядильщиковъ, которыхъ въ 1849 году насчитывали въ Пруссіи 84.286, въ 1861 году едва оставалось 14.557. Число ручныхъ ткацкихъ станковъ въ Пруссіи въ промежутокъ между 1846 и 1861 годами упало съ 75.666 до 4.777, а число ткачей—съ 82.193 до 12.541. Прусская реакція, вдохновляемая юнкерами, дѣлала все, чтобы поддерживать падающееe ремесло. Юнкеры прекрасно понимали связь между средневѣковыми формами промышленности и средневѣковыми формами землевладѣнія, а тѣхъ и другихъ—со средневѣковыми формами государства. Ихъ усилія, однако, не приводили ни къ чему. Фабричная промышленность безжалостно уничтожала на своемъ пути всѣ тормазы, и ремесленники тысячами становились жертвою крупнаго промышленнаго капитала. Но хозяйственная эволюція совершается медленно, и ростъ промышленности, какъ

[1]) Въ Пруссіи въ началѣ 60-хъ годовъ, на 3,5 милл. людей, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, приходилось 1 милл. занятыхъ въ ремесленномъ производствѣ и едва 0,75 м.—въ фабричномъ.

указано, еще не былъ достаточенъ для созданія самостоятельнаго рабочаго класса.

Такъ какъ оживленіе рабочаго движенія совпало съ борьбою въ прусской палатѣ, то за рабочими одновременно стали ухаживать обѣ боровшіяся стороны: либеральная буржуазія и феодалы, примыкавшіе къ правительству. Тѣ и другіе понимали значеніе пролетаріата, правильно оцѣнивали роль его въ событіяхъ ближайшаго будущаго и по возможности старались привлечь его на свою сторону.

Буржуазія въ собственныхъ интересахъ должна была взять на себя первыя попытки организаціи рабочихъ. Ей это было необходимо, чтобы создать себѣ опору въ народныхъ низахъ. Если бы буржуазія сидѣла сложа руки, вліяніе на рабочихъ могло быть всецѣло узурпировано консерваторами. Реакція, которая въ свою очередь не теряла времени и старалась пустить корни среди пролетаріата, основала большое количество кружковъ подъ названіемъ „Союзовъ молодежи“ и „Союзовъ подмастерьевъ“. Тамъ рабочихъ пичкали „духовно-нравственной“ пищей и доказательствами пользы цеховъ. Въ 1862 г. реакціонерамъ удалось даже устроить въ Веймарѣ рабочій съѣздъ, потребовавшій возстановленія цеховъ. Вотъ почему буржуазія не могла пройти мимо рабочаго вопроса. Національный союзъ и выступилъ на помощь рабочимъ. Его дѣятельность шла въ двухъ направленіяхъ. На первомъ планѣ стояла пропаганда Шульце-Делича. Несчастье этого некрупнаго, но гуманнаго и образованнаго человѣка заключается въ томъ, что съ его дѣятельностью знакомятся обыкновенно по рѣчамъ и памфлетамъ его заклятаго врага, Лассаля, умѣвшаго смѣшивать съ грязью какъ никто. На дѣлѣ Шульце принесъ много пользы рабочимъ. По его иниціативѣ и при его содѣйствіи въ рабочихъ кругахъ было основано нѣсколько сотъ кооперативныхъ товариществъ различнаго типа. Самая крупная роль среди нихъ принадлежала потребительнымъ обществамъ, которыхъ было въ 1863 году около ста. Больше распространены были товарищества кредитныя и сырьевыя. Первыхъ было до 500, вторыхъ—до 200. Для такого безвременья, какъ пятидесятые годы, дѣятельность Шульце должна представляться въ высокой степени почтенною. Но она количественно была невелика. Шульце агитировалъ главнымъ образомъ въ Пруссіи и имѣлъ успѣхъ по преимуществу среди мелкихъ ремесленниковъ тѣхъ округовъ, гдѣ крупная промышленность не пустила прочныхъ корней. Фабричныхъ округовъ его пропаганда почти не коснулась.

Глубже проникли въ пролетарскую среду просвѣтительные кружки (Arbeiterbildungsvereine), которые Національный Союзъ усердно насаждалъ по образцу тѣхъ, которые существовали въ концѣ сороковыхъ годовъ. Въ этихъ кружкахъ рабочимъ сообщали много свѣдѣній по естествовѣдѣнію, литературѣ, исторіи; при нихъ часто устраивались школы профессіональныя и для пополненія образованія. Въ учрежденіяхъ для рабочихъ, основанныхъ буржуазіей, работали многія выдающіяся лица: извѣстный натуралистъ Людвигъ Бюхнеръ, одинъ изъ основателей новаго матеріализма; другой выдающійся натуралистъ, старый Росмеслеръ, бывшій членъ лѣвой франкфуртскаго парламента; историкъ матеріализма Фр. Альб. Ланге и многіе другіе.

Буржуазныя начинанія имѣли то значеніе для рабочихъ, что въ нихъ они впервые могли сойтись внѣ мастерской, чтобы обмѣняться взглядами, чтобы сообща обсудить свои нужды. То была подготовительная школа, которая несомнѣнно принесла свою пользу, и когда рабочимъ пришлось эмансипироваться отъ буржуазіи, у нихъ оказались извѣстные организаціонные навыки.

Въ серединѣ 1862 года Національный Союзъ отправилъ на свой счетъ двѣнадцать рабочихъ на Лондонскую всемірную выставку. По возвращеніи на родину, делегаты устроили въ Берлинѣ рядъ рабочихъ собраній, на которыхъ дѣлились съ товарищами впечатлѣніями о выставкѣ. На этихъ собраніяхъ впервые родилась мысль объ обще-германскомъ рабочемъ съѣздѣ. Мысль была немедленно подхвачена, и ее сейчасъ же принялись осуществлять. Былъ избранъ комитетъ, мѣстомъ съѣзда назначенъ Лейпцигъ, послана саксонскому правительству просьба о разрѣшеніи. Въ дѣло съумѣлъ втереться агентъ Бисмарка, рабочій Эйхлеръ. Онъ старался повернуть движеніе противъ буржуазіи, утверждая, что правительство готово оказывать пролетаріату всякую помощь въ его борьбѣ противъ предпринимателей. Бисмарку это было необходимо, ибо какъ разъ въ это время (октябрь 1862 г.) обострялся его конфликтъ съ буржуазнымъ большинствомъ прусской палаты; но едва ли это отвѣчало интересамъ рабочихъ. Органъ прогрессистовъ „Volkszeitung“ рѣзко осудилъ новыя тенденціи рабочихъ на томъ основаніи, что онѣ оказываютъ услугу врагамъ рабочихъ. Изъ Лейпцига пріѣхали тогда въ Берлинъ настоящіе вожаки рабочихъ. Махинаціи Эйхлера обнаружились, самъ онъ исчезъ съ горизонта, а съ буржуазіей было установлено соглашеніе, въ силу котораго рабочіе обѣщали поддерживать буржуазную оппозицію въ ея борьбѣ съ феодально-абсолютистской реакціей.

Буржуазія этимъ не удовлетворилась. Ей хотѣлось держать въ своихъ рукахъ руководство движеніемъ. Когда образовавшійся въ концѣ 1862 года въ Лейпцигѣ новый Центральный Комитетъ еще разъ разослалъ во всѣ города директивы съ предложеніемъ готовиться къ съѣзду, прогрессисты и члены Національнаго Союза стали пытаться вырвать руководство движеніемъ изъ рукъ рабочаго Центральнаго Комитета. Въ рабочихъ кругахъ попытки буржуазіи вызывали большіе споры. Были голоса, которые требовали признанія гегемоніи прогрессистовъ; были и такіе, которые находили всякое участіе въ политикѣ излишнимъ для рабочихъ. Чтобы выйти изъ затрудненія, Центральный Комитетъ предложилъ высказать свое мнѣніе по этому вопросу многимъ выдающимся общественнымъ дѣятелямъ, въ томъ числѣ Фердинанду Лассалю. Это сдѣлалось началомъ новой эры въ исторіи нѣмецкаго рабочаго движенія.

Лассаль былъ рожденъ агитаторомъ. У него были всѣ данныя для того, чтобы приводить въ движеніе массы и указывать имъ путь къ завоеванію правъ. Мощная воля и желѣзная энергія, пламенное краснорѣчіе, остроуміе, порою легкое и изящное, порою разящее, какъ разрывная пуля, громадный умъ, изумительная эрудиція, наконецъ самая наружность, покорявшая ему не одни женскія сердца—все это вмѣстѣ дѣлало его способнымъ поднять и направить къ опредѣленной цѣли инертныя, забитыя, едва пробуждавшіяся отъ невѣжества нѣмецкія рабочія массы. На трибунѣ то былъ титанъ. Онъ умѣлъ затасканную чужую идею развивать такъ оригинально, обливать такимъ потокомъ яркаго свѣта, что она навсегда запечатлѣвалась въ самыхъ неповоротливыхъ умахъ, органически сливалась съ самымъ индифферентнымъ міросозерцаніемъ. Все это согрѣвалось живымъ участіемъ къ невзгодамъ рабочаго, шедшимъ изъ глубины убѣжденія и проникавшимъ суровыя сердца, не привыкшія къ выраженіямъ симпатій. Нѣтъ ничего удивительнаго, что рабочіе отдавались ему, забывая все, вѣрили ему одному, въ немъ видѣли свою единственную надежду.

Когда, въ отвѣтъ на приглашеніе Центральнаго Комитета, Лассаль началъ свою агитацію, за нимъ было уже славное прошлое, протекшее на служеніи народу. Организація возстанія въ 1848 году, тюрьма, изгнаніе, недавнее блистательное выступленіе на собраніяхъ съ двумя рѣчами-шедеврами [1]), проникнутыми ярко-демократическимъ настроеніемъ, новый громкій процессъ — все это достаточно прославило его имя. Онъ уже

[1]) „Программа рабочихъ“ и „Что такое конституція“.

давно обдумалъ принципы, которые должны были лечь въ основу его агитаціи, и теперь сразу изложилъ свою программу. Вотъ ея главные пункты.

Рабочее движеніе должно быть національнымъ. Это положеніе не было высказано у Лассаля въ достаточной степени опредѣленно, что дало поводъ позднѣйшимъ теоретикамъ соціал-демократіи, стоящимъ на международной точкѣ зрѣнія, просто отрицать его въ ученіи и дѣятельности Лассаля. Объясняется это желаніемъ сгладить разногласіе по этому политическому вопросу между Лассалемъ и Марксомъ. Между тѣмъ подчеркиваніе національнаго характера рабочаго движенія было едва ли не самымъ важнымъ изъ принциповъ Лассалевой агитаціи. Онъ выдвигалъ національность не столько въ противоположность интернаціональности, сколько въ противоположность партикуляризму и разрозненности. Рабочее движеніе должно было быть національнымъ нѣмецкимъ, чтобы увѣнчаться успѣхомъ. Иначе оно не могло существовать. Какъ практикъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, Лассаль не задавался отдаленными планами организаціи международнаго пролетаріата. Наоборотъ, организацію общенѣмецкаго движенія онъ считалъ насущной задачею.

Другой принципъ, выдвинутый Лассалемъ, заключался въ томъ, что только рѣшеніе политическаго вопроса откроетъ для рабочихъ путь къ рѣшенію вопроса соціальнаго. Эта идея, заимствованная у чартистовъ и Луи Блана, высказывавшаяся въ свое время Марксомъ и Энгельсомъ, своей популярностью въ Германіи обязана цѣликомъ Лассалю. Онъ съ первыхъ же словъ объявилъ, что мысль о полномъ устраненіи отъ политики—вздорная, также какъ и мысль о томъ, чтобы идти въ хвостѣ у прогрессистовъ. У прогрессистовъ свои цѣли, и пролетаріату нѣтъ никакой необходимости таскать каштаны изъ огня для буржуазіи. Рабочіе должны проводить свою собственную политику: ихъ цѣль заключается въ завоеваніи всеобщаго, равнаго, прямого избирательнаго права. Только при всеобщемъ, равномъ и прямомъ избирательномъ правѣ рабочіе получатъ вліяніе въ парламентѣ. Только получивъ вліяніе въ парламентѣ, они добьются, чтобы государство своими средствами помогло имъ улучшить ихъ положеніе.

Соціальная программа Лассаля — производительныя товарищества съ государственнымъ кредитомъ — оказалась неудачной и была потомъ отброшена, но оба основные принципа его агитаціи сдѣлались исходными пунктами всего рабочаго движенія въ Германіи.

Въ теченіе своей агитаціи Лассалю пришлось главнымъ образомъ вести борьбу съ прогрессистами. Перепуганные перспективою утратить вліяніе на рабочихъ, они двинули въ бой лучшія свои силы: Шульце, Макса Вирта и другихъ. Лассалю неоднократно приходилось доказывать передъ рабочими ложность научныхъ принциповъ своихъ противниковъ, и такъ какъ никто изъ нихъ не осмѣлился помѣряться съ Лассалемъ передъ рабочей аудиторіей, онъ поневолѣ долженъ былъ довольствоваться разборомъ ихъ произведеній. Но прогрессисты не ограничивались лойальной борьбою. Они пробовали срывать собранія, распускали инсинуаціи насчетъ связей Лассаля съ Бисмаркомъ [1]). Эти отчаянныя усилія увѣнчались успѣхомъ только въ цитадели прогрессистовъ, въ Берлинѣ. Въ другихъ мѣстахъ контръ-агитація оставалась совершенно безрезультатною.

Много мѣшали Лассалю и власти. Когда онъ умеръ, за нимъ числилось множество дѣлъ въ разныхъ инстанціяхъ. Какъ ни умѣлъ онъ выворачиваться изъ судебныхъ сѣтей, ему въ общей сложности пришлось бы отсидѣть въ тюрьмѣ изрядное количество мѣсяцевъ, если не лѣтъ.

Лассаля все это мало смущало. Его энергія, казалось, превосходила всѣ человѣческіе масштабы. Онъ поставилъ себѣ цѣль— вывести рабочихъ изъ мрака безсознательности, дать имъ въ руки настоящее оружіе. И онъ добился своей цѣли.

Въ борьбѣ съ представителями господствовавшаго соціальнаго и политическаго строя—правительствомъ съ одной стороны, буржуазіей съ другой,—отбиваясь отъ прокуроровъ, поражая прогрессистовъ, Лассаль смѣло и неуклонно двигался впередъ съ высоко поднятымъ знаменемъ соціалдемократіи въ рукахъ, съ горячимъ призывомъ къ пролетаріату на устахъ.

И пролетаріатъ откликнулся на его призывъ.

Ближайшимъ результатомъ агитаціи Лассаля было образованіе обще-германскаго рабочаго союза (Allgemeiner Deutscher Arbeiterverein), 23 мая 1863 года. Лассаль, разумѣется, былъ избранъ его президентомъ. Члены его вербовались главнымъ образомъ на Рейнѣ, въ Саксоніи и въ нѣкоторыхъ крупныхъ городскихъ центрахъ, Гамбургѣ и др. Атака Лассаля на Берлинъ кончилась неудачно. Тамъ были еще сильны прогрессисты. Членовъ

[1]) Лассаль дѣйствительно имѣлъ сношенія съ Бисмаркомъ, который, въ разгаръ конфликта съ палатою, гдѣ большинство принадлежало прогрессистамъ, не могъ не интересоваться врагомъ своихъ враговъ. Но эти сношенія не заключали въ себѣ рѣшительно ничего одіознаго. Ниже мы увидимъ, что цѣлью ихъ было убѣдить министра въ цѣлесообразности всеобщаго избирательнаго права.

было не очень много, но то была отборная дружина, крѣпкая дисциплиной и сознательностью, способная вынести упорную борьбу. Когда, въ августѣ 1864 года, Лассаль, все время продолжавшій работать для упроченія Союза, былъ убитъ на дуэли вслѣдствіе безтолковѣйшей любовной исторіи, Союзъ насчитывалъ всего 4.600 членовъ, но въ немъ уже были задатки могучаго развитія. Въ ближайшіе годы послѣ смерти Лассаля, не смотря на цѣлый рядъ крайне неблагопріятныхъ обстоятельствъ внѣшняго и внутренняго характера, Союзъ продолжалъ дѣлать успѣхи. Главнымъ дѣятелемъ за это время былъ журналистъ Швейцеръ, человѣкъ съ огромной энергіей, большимъ талантомъ писателя и оратора, очень преданный дѣлу. Редактируя газету „Der Sozialdemokrat", онъ необыкновенно искусно освѣщалъ для рабочихъ всѣ факты внѣшней и внутренней политики, спорилъ въ собраніяхъ съ прогрессистами, улаживалъ разногласія руководителей Союза. Онъ положилъ начало завоеванію Берлина и Пруссіи. Второй президентъ Союза, Беккеръ, привлекъ Силезію.

Дѣла Союза и вообще рабочаго движенія въ Германіи шли отлично, когда начались шероховатости между Австріей и Пруссіей. Союзъ стоялъ за Пруссію. Это былъ одинъ изъ главныхъ пунктовъ практической программы Швейцера, и когда Пруссія побѣдила въ войнѣ, Союзъ смѣло могъ расправить свои крылья, опираясь на всеобщее избирательное право.

III.

Разъ объединеніе сдѣлалось необходимымъ съ точки зрѣнія буржуазіи—того класса, которому исторія готовилась отдать господство въ ближайшемъ будущемъ,—разъ оно казалось необходимымъ и съ точки зрѣнія пролетаріата, разъ, наконецъ, надъ нимъ работало по династическимъ соображеніямъ прусское правительство, было ясно, что дни стараго Германскаго Союза были сочтены. Вопросъ былъ въ томъ, какъ совершится объединеніе.

Вожди рабочихъ и идеологи пролетаріата—Марксъ, Энгельсъ, Лассаль, Швейцеръ—уже давно предвидѣли два возможныхъ пути объединенія. Одинъ путь, о которомъ они мечтали, была новая революція, которая додѣлаетъ дѣло революціи 1848 года и дастъ объединенной Германіи демократическое устройство. Другимъ путемъ, котораго они боялись, должно было пойти объединеніе, если бы Пруссія взяла на себя иниціативу и ору-

жіемъ заставила Австрію отказаться отъ своихъ притязаній. Въ этомъ случаѣ объединенная Германія должна была стать Великопруссіей.

Для того, чтобы объединеніе могло пойти первымъ путемъ, нужно было одно условіе: могущественный организованный пролетаріатъ. Этого условія въ наличности не было. Объединеніе, тѣмъ не менѣе, сдѣлалось настоятельно необходимымъ. Слѣдовательно оно должно было пойти вторымъ путемъ.

Такъ и случилось. Намъ теперь предстоитъ изучить стадіи этого процесса.

Хотя всѣ данныя объективнаго хода вещей и высказывались за Пруссію, но для того, чтобы прусская гегемонія сдѣлалась фактомъ, нужно было еще побить Австрію. Къ этому и стала стремиться прусская политика съ того момента, когда Бисмаркъ получилъ вліяніе въ правительствѣ. И Австрія своими ошибками въ международной политикѣ сама облегчила Пруссіи эту задачу.

Нелѣпое поведеніе въ крымскую кампанію, лишившее ее поддержки Россіи, сразу подняло престижъ Пруссіи, и когда, въ 1859 году, разразилась война съ Франціей и Италіей, Пруссія воспользовалась этимъ, чтобы сдѣлать первый шахъ Австріи. Она потребовала для себя права командованія союзной арміей и выдвинула корпусъ на Рейнъ, яко бы для защиты его отъ Франціи. Эта демонстрація подѣйствовала на Австрію сильнѣе, чѣмъ Маджента и Сольферино. Она поспѣшила заключить миръ съ Франціей, чтобы не дать Пруссіи усилить свое вліяніе въ Союзѣ.

Но Пруссія уже окопалась въ занятыхъ позиціяхъ. Она выяснила въ общемъ планъ дѣйствій и смѣло шла къ своей цѣли.

Нужно отдать справедливость Австріи: она какъ будто нарочно дѣлала все, чтобы дать поводъ Пруссіи нанести ей тотъ или иной ударъ. Таковъ былъ, напр., ея образъ дѣйствій въ вопросѣ о Таможенномъ Союзѣ. Вскорѣ послѣ заключенія торговаго договора съ Англіей (1860), открывшаго эру фритредерской политики въ западной Европѣ, Франція предложила Пруссіи, какъ представительницѣ Таможеннаго Союза, перейти къ болѣе низкимъ таможеннымъ ставкамъ. Состояніе нѣмецкой промышленности настоятельно требовало этого пониженія; какъ фабриканты, такъ и купцы говорили объ этомъ уже давно. Пруссія, послѣ долгихъ переговоровъ съ Франціей, согласилась на предложеніе своей западной сосѣдки въ принципѣ и потребовала отъ государствъ Таможеннаго Союза полномочій для дальнѣйшаго веденія переговоровъ. Австрія обезпокоилась. При невысокомъ уровнѣ австрійской промышленности пониженіе

ставокъ надолго исключало возможность вступленія въ Таможенный Союзъ Габсбургской монархіи. Чтобы парализовать замыслы Пруссіи, она неожиданно выступила (іюнь 1862 г.) съ проектомъ распространенія Таможеннаго Союза на всю территорію Германскаго Союза. Въ отвѣтъ на это Пруссія очень быстро провела договоръ съ Франціей черезъ обѣ палаты. Онъ былъ подписанъ 2 августа 1862 года. Прусское правительство объявило, что оно не возобновитъ договора о Таможенномъ Союзѣ съ государствами, которыя не признаютъ договора съ Франціей. Назначеніе Бисмарка (23 сентября) состоялось въ самый разгаръ страшнаго возбужденія, вызваннаго смѣлымъ шагомъ прусскаго правительства. Бисмаркъ былъ не такимъ человѣкомъ, чтобы ударить отбой въ такомъ вопросѣ. Онъ, наоборотъ, настаивалъ на точкѣ зрѣнія, выдвинутой до него, хотя согласилась возобновить договоръ на новыхъ условіяхъ къ Пруссіи только промышленная Саксонія, а Баварія, Вюртемберъ, Ганноверъ, Нассау и Гессенъ-Дармштадтъ отказывались, тянули и старались выиграть время. Но такъ какъ срокъ для возобновленія Таможеннаго Союза еще не насталъ, и на очереди были другіе вопросы, то о торговомъ договорѣ съ Франціей стали забывать.

Положеніе однако, продолжало быть очень серьезнымъ, и Бисмарку скоро понадобились вся его энергія и вся сила воли чтобы не испортить дѣла уступкою. Отбросивъ всякую сентиментальность, онъ началъ дѣйствовать быстро и рѣшительно. Свою точку зрѣнія онъ откровенно изложилъ въ знаменитой рѣчи, произнесенной 30 сентября 1862 года въ бюджетной коммиссіи ландтага. Тамъ говорилось: „Германія считается не съ либерализмомъ Пруссіи, а съ ея силою. Баварія, Вюртембергъ, Баденъ могутъ сколько угодно свидѣтельствовать о своемъ благоволеніи къ либерализму. Никто не станетъ вслѣдствіе этого ждать, что они сыграютъ роль Пруссіи. Пруссія должна собрать свои силы и держать ихъ наготовѣ на случай благопріятнаго момента. Такіе моменты уже не разъ были упущены. Границы Пруссіи, установленныя на Вѣнскомъ конгрессѣ, не соотвѣтствуютъ запросамъ здоровой государственной жизни. Не рѣчами и постановленіями большинства будутъ рѣшаться великіе вопросы современности,— такое мнѣніе было огромной ошибою 1848 и 1849 годовъ,—а желѣзомъ и кровью".

И Бисмаркъ готовъ былъ пожертвовать всѣмъ, чтобы только въ „благопріятный моментъ" прусское желѣзо оказалось острѣе австрійскаго. „Моментъ" сразу сдѣлался очень близокъ, какъ только въ порядокъ дня сталъ вопросъ о реформѣ Союза.

Необходимость реформированія союзнаго устройства сознавалась всѣми; планы Пруссіи, которая упорно держалась собственной политики и не шла ни на какія соглашенія, очень тревожили государей среднихъ державъ. И начиная съ 1861 года со всѣхъ сторонъ посыпались проекты реформъ. Въ первую очередь выдвинула въ 1861 году свой проектъ Саксонія. Она предлагала поставить во главѣ Союза директорію изъ трехъ членовъ, союзный судъ и палату, составленную изъ делегатовъ сословій. Переговоры объ этомъ проектѣ начались, но были прерваны вѣстью, что Пруссія его отклонила. Въ 1862 г. въ Вюрцбургѣ собралась конференція представителей восьми мелкихъ и среднихъ государствъ и, слегка переработавъ саксонскій проектъ, внесла его въ союзный сеймъ. Пруссія снова отклонила его. Наконецъ, лѣтомъ 1863 года, съ подобнымъ же проектомъ выступила Австрія, на спеціально созванномъ для этой цѣли конгрессѣ государей во Франкфуртѣ. Ея проектъ заключалъ въ себѣ директорію изъ Австріи, Пруссіи, Баваріи и еще двухъ государствъ, постоянно переизбираемыхъ, союзнаго совѣта и собранія трехъсотъ представителей, избираемыхъ ландтагами отдѣльныхъ государствъ изъ своей среды и раздѣленныхъ на двѣ палаты. Многія государства склонялись въ пользу этого проекта, но Пруссія, отклонила и его [1]). Бисмаркъ представилъ королю соображенія, не позволявшія принять австрійскій проектъ. Въ этомъ докладѣ впервые возрождается въ оффиціальномъ документѣ пока еще не очень отчетливая идея всеобщаго избирательнаго права. О ней не было разговоровъ съ самаго 1849 года.

Необходимость отклоненія австрійскаго проекта Бисмаркъ мотивируетъ тѣмъ, что онъ не заключаетъ въ себѣ „истиннаго, основаннаго на прямомъ участіи всей націи, народнаго представительства, которое одно можетъ быть посредникомъ между частными интересами отдѣльныхъ государствъ и общимъ стремленіемъ Германіи къ единству“. „Только такое представительство“, говорится дальше въ докладѣ, „дастъ Пруссіи увѣренность, что она не жертвуетъ ничѣмъ, что не шло бы на пользу всей Германіи. Никакая другая организація союзныхъ учрежденій, какъ бы

[1]) Бисмаркъ разсказываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, какъ трудно было ему уговорить Вильгельма не ѣхать во Франкфуртъ на конгрессъ нѣмецкихъ государей. Особенно трудно оказалось это тогда, когда въ Баденъ-Баденъ, гдѣ былъ въ то время Вильгельмъ, пріѣхалъ съ конгресса его личный другъ, король саксонскій, чтобы передать отъ имени собравшихся приглашеніе на конгрессъ. „Тридцать государей! Король—курьеромъ!“—восклицалъ Вильгельмъ въ бурномъ объясненіи съ министромъ. Но Бисмаркъ настоялъ на своемъ.

искусно она ни была задумана, не будетъ свободна отъ династическихъ и партикуляристскихъ интригъ, которыя какъ разъ и должны находить сдержку въ національномъ представительствѣ".

Франкфуртскому конгрессу Бисмаркъ отвѣтилъ гораздо лаконичнѣе. Онъ просто заявилъ, что собраніе делегатовъ отъ ландтаговъ не годится, что парламентомъ объединенной Германіи можетъ быть только собраніе спеціально избранныхъ народныхъ представителей, „единственный законный органъ германской націи".

Такъ какъ Австрія такого принципа признать не могла, то было ясно, что объединеніе Германіи откладывается еще разъ на неопредѣленное время.

Откуда же у Бисмарка взялись эти идеи? Въ настоящее время вопросъ этотъ не составляетъ тайны для науки. Мы знаемъ, что мысль о цѣлесообразности всеобщаго избирательнаго права для Германіи была внушена Бисмарку Лассалемъ. Бисмаркъ объяснилъ намъ свои мотивы въ своихъ „Воспоминаніяхъ". Тамъ онъ говоритъ: „Предусматривая необходимость въ борьбѣ съ болѣе могущественной иностранной державой воспользоваться, въ крайнемъ случаѣ, и революціонными средствами, я не задумался бросить на сковороду самое сильное изъ существовавшихъ въ то время орудій свободы—всеобщее избирательное право; это должно было отвадить иностранныя монархіи отъ протягиванія пальцевъ къ нашей національной яичницѣ. Я никогда не сомнѣвался, что нѣмецкій народъ явитъ достаточно силы и ловкости, чтобы самому отдѣлаться отъ всеобщаго избирательнаго права, какъ только обнаружилось бы, что это—вредное учрежденіе. Въ противномъ случаѣ, мое выраженіе: посадите Германію на сѣдло, поѣхать она сама съумѣетъ—оказалось бы невѣрно. Принятіе всеобщаго избирательнаго права было оружіемъ въ войнѣ съ Австріей и другими странами, въ войнѣ за единство Германіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ угрозой прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ въ борьбѣ съ коалиціями. Въ такого рода войнѣ—на жизнь и смерть—некогда разглядывать оружіе, за которое хватаешься, и справляться съ цѣнностью того, что оно разрушаетъ. Думаешь объ одномъ—объ успѣхѣ войны и объ охранѣ независимости извнѣ. Устройство дѣлъ и возмѣщеніе убытковъ откладывается до заключенія мира".

Эти строки доказываютъ, что Лассаль съумѣлъ очень основательно убѣдить Бисмарка въ справедливости своей точки зрѣнія. Мы знаемъ, какимъ страстнымъ сторонникомъ всеобщаго избирательнаго права былъ самъ Лассаль, считавшій его совершенно

необходимымъ исходнымъ пунктомъ для образованія сколько-нибудь вліятельной рабочей партіи. Вступая въ переговоры съ Бисмаркомъ, Лассаль рисковалъ многимъ, ибо приходилось компрометтировать демократическое знамя спошеніемъ съ властью. Притомъ идея всеобщаго права была крайне подозрительна зарубежнымъ вождямъ нѣмецкихъ рабочихъ, Марксу и Энгельсу, которые боялись такихъ же результатовъ, къ какимъ оно приводило въ наполеоновской Франціи. Лассаль не раздѣлялъ этихъ страховъ, но примѣромъ Франціи пользовался весьма широко для того, чтобы разсѣять страхи Бисмарка. Бисмаркъ опасался черезчуръ быстраго роста демократическихъ элементовъ при господствѣ всеобщаго избирательнаго права. Лассаль на исторіи второй республики и второй имперіи доказалъ ему, что при консервативномъ настроеніи страны,—а Бисмаркъ зналъ, что населеніе Германіи и въ частности Пруссіи въ общемъ настроено консервативно,—всеобщее избирательное право дастъ такой парламентъ, въ которомъ не будетъ ничего революціоннаго. Съ другой стороны Бисмаркъ хорошо понималъ, что если онъ заявитъ себя сторонникомъ идеи всеобщаго избирательнаго права, столь популярной въ демократическихъ кругахъ еще съ 1848 года, то создастъ еще больше сторонниковъ Пруссіи и враговъ Австріи, которая до конца находила всеобщее избирательное право вредной затѣею. А такъ какъ Бисмаркъ уже въ 1863 году зналъ, что съ Австріей придется помѣряться оружіемъ, то настроеніе страны ему было далеко не безразлично. И наконецъ, онъ былъ убѣжденъ, что всеобщее избирательное право—лучшее средство для того, чтобы сгладить національныя различія и засыпать пограничныя межи въ предѣлахъ объединенной Германіи, раздѣлавшейся съ Габсбургами. Всеобщее избирательное право, такимъ образомъ, прежде всего послужило ему миною противъ Австріи.

Заложивъ ее, онъ сталъ искать поводовъ для ссоры. Недостатка въ нихъ никогда не было, но Бисмаркъ былъ слишкомъ разсчетливымъ практикомъ, чтобы броситься въ опасную войну, не заручившись либо поддержкою, либо нейтралитетомъ европейскихъ державъ. Въ самой Германіи на сторонѣ Пруссіи были только немногія сѣверныя государства и Баденъ на югѣ. Остальныя стояли за Австрію, ибо правительства опасались династическихъ аппетитовъ Пруссіи. Но Германіи Бисмаркъ не боялся. Его гораздо больше тревожили крупныя сосѣднія державы: Россія, Франція, Италія.

Россію, которая еще не забыла дружественнаго нейтралитета Пруссіи въ 1854—1855 годахъ, Бисмаркъ окончательно при-

влекъ на свою сторону поддержкою во время польскаго возстанія 1863-го года. Русская дипломатія обѣщала ему полный нейтралитетъ. Труднѣе было уладить дѣло съ Наполеономъ. Въ это время онъ находился въ ореолѣ славы и могущества, и Бисмаркъ серьезно боялся его. Поэтому онъ взялъ его хитростью. Наполеонъ только-что исправилъ французскую границу на юго-востокѣ и очень хотѣлъ произвести ту же операцію на Рейнѣ. Его мечта заключалась въ возстановленіи границъ 1795 года, и Бисмаркъ уже теперь сталъ ловить его на эту удочку. Средство помогло. Аггрессивныхъ дѣйствій Франціи на ближайшее время можно было не опасаться. Вопросъ о соглашеніи съ Италіей пока не ставился сколько-нибудь серьезно.

Таково было международное положеніе, когда вновь обострился шлезвигъ-гольштейнскій вопросъ.

Лондонскій протоколъ 1852 года отдалъ, вопреки нѣмецкому общественному мнѣнію, Шлезвигъ-Гольштейнъ Даніи. Теперь, въ 1863 году, движеніе возобновилось. Поводомъ послужила смерть короля датскаго Фридриха VII. Дѣло въ томъ, что лондонскій протоколъ призналъ наслѣдникомъ датской монархіи, въ томъ числѣ и обоихъ герцогствъ, принца Христіана Глюксбургскаго; но это рѣшеніе было принято только Австріей и Пруссіей, какъ державами, подписавшими протоколъ. Земскіе чины герцогствъ, общественное мнѣніе Германіи и даже германскій Союзный сеймъ не приняли его. Энергично возсталъ противъ него претендентъ на герцогства, принцъ Фридрихъ Аугустенбургскій. Когда умеръ Фридрихъ VII и Христіанъ сдѣлался королемъ, герцогства отложились отъ Даніи, признавъ принца Аугустенбургскаго. Принцъ имѣлъ на своей сторонѣ и Союзный сеймъ, и нѣмецкія правительства, кромѣ прусскаго и австрійскаго, и общественное мнѣніе въ лицѣ Національнаго Союза, Союза Реформъ и всѣхъ безъ исключенія парламентовъ.

Бисмаркъ понялъ, что пришелъ желаемый „моментъ", когда нужно начинать дѣло объединенія. Онъ легко привлекъ на свою сторону Австрію, сообщивъ ей, что Наполеонъ вновь собирается натравить на нее Италію, и обѣщавъ ей на этотъ случай помощь Пруссіи. Такъ какъ Россія заранѣе была на его сторонѣ, а Англія—не въ ладахъ съ Франціей, то свобода дѣйствія относительно Даніи была обезпечена.

Оставался Союзный сеймъ, который въ своемъ большинствѣ хотѣлъ совсѣмъ не такой войны. Уступая давленію общественнаго мнѣнія, онъ требовалъ національнаго отпора Даніи, съ цѣлью включенія въ союзъ „моремъ объятыхъ" провинцій (Schles-

wig-Holstein meerumschlungen). Пруссія этой точки зрѣнія не признавала и объявила, что будетъ вести войну на свой страхъ. Австрія, боясь, что Пруссія одна воспользуется плодами побѣды, дала увлечь и себя. Воля Сейма была такимъ образомъ нарушена. Это имѣло огромное значеніе. И до этого момента съ Сеймомъ считались мало, а теперь, когда онъ не могъ ничего подѣлать съ Австріей и Пруссіей и даже не попытался сколько-нибудь серьезно протестовать противъ совершеннаго надъ нимъ насилія, сдѣлалось ясно, что власть его и всегда была призрачною. Сеймъ, созданный въ 1815-мъ и возстановленный въ 1850 г., фактически былъ разрушенъ. То было начало настоящей революціи, путемъ которой Бисмаркъ преобразовалъ непрочный Германскій Союзъ въ могущественную Германскую Имперію, выбросивъ изъ него Австрію. Въ этомъ — великая заслуга Бисмарка. Правда, онъ былъ не болѣе, какъ повивальной бабкой исторіи, но нужно признать, что въ томъ трудномъ положеніи, въ которомъ онъ находился, едва ли можно было дѣйствовать искуснѣе. Съ моральной точки зрѣнія, средства, имъ выбираемыя, часто были отвратительны, но съ точки зрѣнія цѣлесообразности они были почти всегда безукоризненны. Каждый его шагъ былъ запечатлѣнъ печатью суровой послѣдовательности. Чтобы достигнуть цѣли, онъ не щадилъ ничего и никого, и безпощадно провелъ Пруссію и Германію черезъ три войны, черезъ тройное крещеніе желѣзомъ и кровью.

Первою была война съ Даніей.

Австрія и Пруссія начали самостоятельныя дѣйствія наперекоръ всему нѣмецкому движенію. Бисмаркъ потребовалъ отъ Христіана, чтобы связь Шлезвига съ Даніей осуществлялась лишь въ формѣ личной уніи и чтобы король далъ герцогству самостоятельное управленіе. Данія отказала (январь 1864). Тогда союзный прусско-австрійскій корпусъ выступилъ на датскую территорію, удалилъ оттуда союзный нѣмецкій отрядъ, оперировавшій по приказу Сейма, и сталъ тѣснить датчанъ. Датскія войска, уступавшія по численности союзнымъ, придерживались оборонительной тактики, и война затянулась на нѣсколько мѣсяцевъ. Но долго сопротивляться превосходнымъ силамъ Данія не могла. 18 апрѣля пруссаки штурмомъ взяли укрѣпленный Дюппель. Продолженіе войны, послѣ взятія острова Альзена, сдѣлалось невозможнымъ. Миръ, заключенный въ августѣ 1864 года, отдалъ оба герцогства въ совмѣстное временное управленіе Австріи и Пруссіи. Въ началѣ войны союзники, правда, громко говорили о томъ, что они уступятъ оба герцогства принцу Аугустенбург-

скому; но потомъ рѣшеніе ихъ перемѣнилось. При заключеніи мира ни одна изъ державъ не думала серьезно о правахъ принца Аугустенбургскаго. Если его притязанія и выдвигались, то это было не болѣе какъ маневромъ либо со стороны Австріи, либо со стороны Пруссіи.

Бисмаркъ умышленно устроилъ совмѣстное управленіе герцогствами, надѣясь, что оно дастъ поводъ для войны. Онъ съ самаго же начала предложилъ присоединеніе герцогствъ къ Таможенному Союзу и уступку Пруссіи Киля и нѣкоторыхъ укрѣпленныхъ пунктовъ. Когда эти предложенія были отклонены, онъ предложилъ прямо присоединить герцогства къ Пруссіи, предоставивъ Австріи нѣкоторыя компенсаціи. Австрія не согласилась. Бисмаркъ склонялся къ объявленію войны, зная, что Австрія не готова. Прусскій генеральный штабъ, за нѣсколько мѣсяцевъ совмѣстныхъ военныхъ дѣйствій, прекрасно изучилъ австрійскую армію и зналъ, что у нея множество слабыхъ сторонъ. Война не была объявлена только благодаря личному вмѣшательству Вильгельма. Несогласія до поры до времени были улажены конвенціей, заключенной въ Гаштейнѣ (авг. 1865). Пруссія получила въ управленіе Шлезвигъ, Австрія—Гольштейнъ.

Этимъ столкновеніе было только отсрочено. Какъ человѣкъ, желающій бить навѣрняка, Бисмаркъ, прежде чѣмъ объявить войну, заручился союзомъ съ Италіей. Чтобы добиться у Наполеона разрѣшенія на это, пришлось опять показать ему перспективу исправленія границъ на Рейнѣ. Договоръ съ Италіей былъ подписанъ въ апрѣлѣ 1866 года, и Бисмаркъ могъ дѣйствовать, ибо Вильгельмъ болѣе не противился.

Австрія установила въ Гольштейнѣ довольно либеральный режимъ. Бисмаркъ ввелъ въ Шлезвигѣ совершенно деспотическіе порядки. Отсюда постоянныя столкновенія между обоими коммиссарами, причемъ прусскій упрекалъ австрійскаго въ потаканіи революціи. Столкновенія нерѣдко бывали предметомъ дипломатическихъ переговоровъ, и отношенія становились все болѣе и болѣе натянутыми.

Въ апрѣлѣ Австрія предложила отдать несогласія на судъ Сейма. Бисмаркъ заявилъ, что онъ не признаетъ Сеймъ судьею въ этомъ дѣлѣ, и внесъ предложеніе о созывѣ народныхъ представителей, выбранныхъ по всеобщему, прямому и равному избирательному праву, для обсужденія предложеннаго имъ проекта реформъ. Это была уже прямая угроза по адресу Австріи, и она должна была принять вызовъ.

8-го іюня прусскій отрядъ вступилъ изъ Шлезвига въ Голь-

штейнъ, гоня передъ собою австрійцевъ; 10-го Бисмаркъ сообщилъ Сейму свой планъ реформы союза, объявивъ, что требуетъ исключенія изъ него Австріи. 14-го Австрія въ свою очередь потребовала, чтобы Сеймъ объявилъ войну Пруссіи, нарушившей гаштейнскій договоръ. Сеймъ согласился. Пруссія объявила, что послѣ этого она считаетъ союзъ уничтоженнымъ и позаботится сама объ установленіи единства. 15-го Бисмаркъ предложилъ Ганноверу, Саксоніи, Кургессену и Нассау взять назадъ рѣшеніе о мобилизаціи и принять прусское предложеніе. Вслѣдъ за отказомъ прусскій корпусъ легко занялъ Ганноверъ, Кургессенъ и Нассау. Капитуляція ганноверской арміи состоялась 25-го іюня. Саксонія безъ боя была занята главной прусской арміей, которая двигалась въ Богемію навстрѣчу австрійцамъ.

Австрія объявила войну 17-го, Пруссія — 18-го, и вскорѣ затѣмъ Италія. Война началась.

Силы обѣихъ сторонъ были приблизительно равны. Пруссія могла выставить армію почти въ 350.000 человѣкъ, изъ которыхъ седьмая часть, подъ названіемъ майнской арміи (ген. ф. Фалькенштейна) должна была оперировать на западѣ противъ Баваріи, Бадена и Вюртемберга, а остальныя 300.000 — бороться съ Австріей. Высшее начальство надъ прусскими силами принялъ самъ Вильгельмъ; во главѣ генеральнаго штаба сталъ ген. Мольтке, по плану и подъ руководствомъ котораго шли военныя дѣйствія. Эта часть войска была раздѣлена на три арміи: первую, подъ начальствомъ принца Фридриха-Карла, вторую, съ кронпринцемъ во главѣ, и эльбскую (ген. ф. Биттенфельдъ).

Австрійцы раздѣлили свое войско на двѣ неровныя части: корпусъ въ 85.000 чел. былъ отряженъ противъ Италіи, а 250.000—должны были дѣйствовать противъ Пруссіи. Австрійскій главнокомандующій Бенедекъ расположился въ Моравіи, чтобы прикрыть дорогу въ Вѣну. Мольтке, занявъ Саксонію, въ послѣднихъ числахъ іюня перешелъ границы Богеміи. Бенедеку пришлось дѣлать трудное фланговое движеніе; ему не удалось помѣшать соединенію трехъ прусскихъ армій. 3-го іюля онъ былъ разбитъ въ генеральномъ сраженіи при Садовой (Кениггрецъ) и отступилъ въ Моравію къ Ольмюцу. Прусская армія безостановочно преслѣдовала разбитаго врага. 16-го іюля она была въ Никольсбургѣ, въ виду Вѣны. 19-го Мольтке отдалъ приказъ наводить мостъ черезъ Дунай.

Майнская армія, между тѣмъ, разбила баварскія, баденскія и вюртембергскія войска, и 15 іюля заняла Франкфуртъ-на-Майнѣ. Италія, разбитая на сушѣ при Кустоццѣ, 24-го іюня, и на морѣ,

у Лиссы, 20-го іюля, обнаруживала намѣреніе продолжать борьбу. Ея войска заняли Венецію, Фріуль и часть Тироля.

Францъ-Іосифъ пришелъ въ ужасъ. Еще до прусскихъ побѣдъ онъ предлагалъ черезъ Наполеона Венецію Виктору-Эммануилу, съ тѣмъ, чтобы тотъ отказался отъ союза съ Пруссіей. Послѣ Садовой онъ прямо обратился къ Наполеону съ просьбою о посредничествѣ, отрекаясь отъ правъ на Венецію. Наполеонъ, ласкавшій себя надеждою выступить въ роли суперарбитра, когда Австрія и Пруссія окончательно истощатъ другъ друга, былъ захваченъ въ расплохъ головокружительными успѣхами Пруссіи. Подъ первымъ впечатлѣніемъ онъ отправилъ Вильгельму довольно суровую телеграмму, смутившую короля и взбѣсившую Бисмарка. Бисмаркъ скоро оправился, сталъ тянуть, чтобы выиграть время, очень ловко обошелъ императора и въ концѣ концовъ добился того, что Наполеонъ не возражалъ даже противъ такихъ условій мира, которыя Бисмаркъ выставилъ лишь на случай торга, чтобы было съ чего сбавить.

Но Бисмарку пришлось торговаться не только съ Наполеономъ, вмѣшательства котораго онъ такъ боялся, а съ самимъ королемъ Вильгельмомъ. Для Бисмарка цѣль войны съ Австріей была одна: выбросить ее изъ Германіи. Разъ Германія раздѣлалась съ Австріей, для Пруссіи исчезали поводы къ ссорѣ съ Габсбургской монархіей. Наоборотъ, для Пруссіи и Германіи было какъ нельзя болѣе выгодно имѣть родственную Австрію на своей сторонѣ въ случаѣ не только возможныхъ, но прямо неизбѣжныхъ въ будущемъ новыхъ конфликтовъ изъ-за объединенія. И Бисмаркъ хотѣлъ заключить миръ такъ, чтобы не нанести несмываемаго оскорбленія національной чести Австріи — такого оскорбленія, которое дѣлало бы невозможнымъ всякое сближеніе въ будущемъ. Когда генералы стали говорить о тріумфальномъ вступленіи прусскаго войска въ Вѣну, а Вильгельмъ приказалъ Бисмарку потребовать отъ Австріи територіальныхъ уступокъ, Бисмаркъ горячо возсталъ и противъ того, и противъ другого. Ему пришлось выдержать упорную борьбу съ высшимъ генералитетомъ и главнымъ штабомъ, надолго, если не навсегда испортившую отношенія между нимъ и военными. Но въ концѣ концовъ онъ побѣдилъ. Насчетъ тріумфа король далъ уговорить себя безъ большого труда, но по вопросу о територіальномъ вознагражденіи отъ Австріи онъ долго былъ неумолимъ. Только послѣ огромныхъ усилій и благодаря поддержкѣ кронпринца Вильгельмъ согласился уступить.

Легче всего было сладить съ Австріей. Австрійскіе уполно-

моченные не могли долго сопротивляться, когда къ Дунаю уже подвозились прусскія понтонныя команды, и одного слова Бисмарка было достаточно, чтобы черезъ нѣсколько дней на колокольнѣ св. Стефана водрузилось прусское знамя. Они едва съумѣли спасти Саксонію отъ присоединенія къ Пруссіи.

26-го іюля были подписаны Никольсбургскія прелиминаріи. Австрія теряла только Венецію, признавала Германскій Союзъ упраздненнымъ, соглашалась на образованіе новаго союза безъ ея участія. Король Пруссіи получалъ право объединить нѣмецкія государства къ сѣверу отъ Майна въ особый союзъ, а южныя государства могли объединиться между собою съ тѣмъ, чтобы въ будущемъ заключить союзный договоръ съ Сѣверо-Германскимъ Союзомъ. Австрія отказывалась отъ притязаній на Шлезвигъ [1]) и Гольштейнъ, которые присоединялись къ Пруссіи. Устроивъ дѣла съ Австріей, Пруссія заключила перемиріе съ южными государствами. Миръ съ Австріей былъ подписанъ въ Прагѣ 24-го августа, миръ Австріи съ Италіей — въ Вѣнѣ, 3-го октября.

Покончивъ съ Австріей, Бисмаркъ обратился къ сѣверной Германіи. Онъ уже заранѣе заручился обѣщаніемъ Наполеона не противиться присоединеніямъ. Саксонія была спасена Австріей, но территоріи Ганновера, Кургессена, Нассау, Гессенъ-Гомбурга и Франкфурта-на-Майнѣ присоединены къ прусской территоріи. Король Ганноверскій, курфюрстъ Гессенскій, герцогъ Нассаускій, ландграфъ Гессенъ-Гомбургскій были лишены своихъ владѣній. Территорія Пруссіи наконецъ раздѣлалась съ черезполосицей и округлилась. Ея населеніе доходило теперь до 25 милл. человѣкъ. Присоединеніе совершилось безъ большихъ трудностей. Населеніе Нассау и Кургессена привѣтствовало Пруссію; во Франкфуртѣ было замѣтно недовольство, но оно не принимало активныхъ формъ. Датскіе націоналисты сѣвернаго Шлезвига терпѣливо дожидались обѣщаннаго плебисцита, чтобы высказаться за Данію, и только въ Ганноверѣ приверженцы упраздненной династіи (вельфы) бурно выражали свои протесты. Руководящій классъ, бюргерство, былъ доволенъ. Пролетаріатъ молчалъ.

---

[1]) Въ условія была включена оговорка, воспроизведенная и въ текстѣ пражскаго мира, что сѣверная часть Шлезвига будетъ присоединена только въ томъ случаѣ, если предварительно будетъ устроенъ плебисцитъ и населеніе выскажется за Пруссію. Если плебисцитъ дастъ другіе результаты, сѣверный Шлезвигъ долженъ отойти къ Даніи. Пруссія не произвела плебисцита, зная, что симпатіи населенія на сторонѣ Даніи, а позднѣе, въ 1878 г., оговорка была признана недѣйствительной по соглашенію съ Австріей.

Бисмаркъ могъ приступить къ реформѣ Союза, но предварительно ему нужно было покончить еще съ однимъ деликатнымъ дѣломъ: примириться съ прусской палатою. Деликатность задачи вытекала не только изъ того, что правительству было необходимо первому протянуть зеленую вѣтвь примиренія строптивой палатѣ, а изъ того еще, что нужно было убѣдить Вильгельма въ необходимости этого шага. Это было нелегко. Выборы, происходившіе 3-го іюля, когда еще не былъ извѣстенъ результатъ битвы подъ Садовой, были еще невполнѣ удачны для правительства. Консерваторы усилились, но оппозиція располагала приблизительно двумя третями голосовъ. Послѣ побѣды король едва не поддался вліянію реакціонеровъ, убѣждавшихъ его, что настал благопріятный моментъ для государственнаго переворота. Бисмаркъ разбилъ интригу, но ему было очень трудно втолковать опьяненному успѣхомъ королю, зачѣмъ необходимо просить индемнитета у парламентскихъ „говоруновъ“. Самому Бисмарку было совершенно ясно, что дальнѣйшіе этапы въ дѣлѣ объединенія могутъ быть успѣшно пройдены только тогда, когда внутри Пруссіи будетъ царить согласіе между правительствомъ и парламентомъ, импонирующее иностраннымъ державамъ, и во главѣ Германіи будетъ стоять либеральная Пруссія. Поворотъ прусскаго правительства направо очень легко могъ бы поколебать неоспоримость прусской гегемоніи и заставить даже прусскихъ либераловъ, не говоря о другихъ, искать лидера среди прочихъ германскихъ правительствъ. Снова понадобилась помощь кронпринца, чтобы убѣдить Вильгельма. Сессія ландтага открылась 5-го августа. Король, давно не появлявшійся въ парламентѣ, произнесъ рѣчь, въ которой указалъ на то, что „государственные расходы, за послѣдніе годы, не имѣютъ того законнаго основанія, котораго требуетъ ст. 99 конституціи“. Онъ оправдывалъ этотъ фактъ тѣмъ, что обстоятельства, которыми вызывалось безбюджетное расходованіе суммъ, были для государства „вопросами существованія“. Перечисливъ эти вопросы, король прибавилъ: „Я вѣрю, что послѣднія событія будутъ содѣйствовать необходимому соглашенію и что моему правительству будетъ съ готовностью вотированъ индемнитетъ за безбюджетное управленіе—проектъ его вносится въ ландтагъ,—чѣмъ будетъ навсегда прекращенъ конфликтъ, продолжавшійся до сихъ поръ“.

Въ этихъ словахъ было и признаніе факта нарушенія правительствомъ конституціи, и косвенное обѣщаніе, что правительство не будетъ давать поводовъ къ конфликтамъ, подобнымъ только-что закончившемуся. Юнкерская партія была возмущена

„униженіемъ короля“, но палата, большинствомъ 230 голосовъ противъ 75, приняла билль объ индемнитетѣ, внесенный правительствомъ и передѣланный бюджетной коммиссіей (1 сент.).

Такъ же гладко прошелъ въ палатѣ и вопросъ о присоединеніяхъ. Когда палата, смущенная ссылкою на право войны, которая фигурировала въ королевскомъ посланіи отъ 17-го августа, поставила это на видъ правительству, Бисмаркъ съумѣлъ успокоить ее одною изъ тѣхъ громкихъ патріотическихъ фразъ, на которыя онъ былъ такой мастеръ, а палата, послѣ побѣдъ тоже пропитавшаяся патріотическими чувствами, глотала такія фразы безъ всякаго затрудненія.

Примиреніе съ палатою снимало большую заботу съ Бисмарка. Теперь онъ могъ приступить къ главной своей цѣли: къ созданію новаго Союза. Бисмаркъ блистательно исполнилъ эту задачу.

IV.

Въ новый Союзъ вошло, кромѣ Пруссіи, двадцать-одно сѣверное государство.

Условія съ Франціей требовали, чтобы четыре южныя государства: Баварія, Баденъ, Вюртембергъ и Гессенъ-Дармштадтъ, не входили въ Союзъ. Онъ долженъ былъ ограничиться государствами къ сѣверу отъ Майна. Франція надѣялась этимъ путемъ воспрепятствовать созданію единой могучей Германіи. Она очень старалась о томъ, чтобы союзъ изъ четырехъ южныхъ государствъ проникся тенденціями враждебными Пруссіи и Сѣверному Союзу. Но эти ожиданія разбились объ искусство и предусмотрительность Бисмарка, который, при заключеніи мира съ южными государствами, позаботился также и о заключеніи съ каждымъ изъ нихъ секретнаго оборонительно-наступательнаго союза—въ явное, между прочимъ, нарушеніе договоровъ съ Австріей и Франціей. Согласно условіямъ этихъ союзовъ, Пруссія получала право командованія южными контингентами не только въ случаѣ войны, но и съ момента подписанія союзнаго договора.

Южно-Германскій Союзъ такъ и не осуществился. Съ тѣмъ большимъ блескомъ возникъ Союзъ Сѣверо-Германскій.

Бисмаркъ очень хорошо зналъ, что теперь, когда онъ былъ увѣнчанъ ореоломъ побѣды, общественное мнѣніе Германіи будетъ на его сторонѣ. Послѣ предварительныхъ совѣщаній съ правительствами проектъ конституціи Союза былъ предложенъ

на обсужденіе специально для этой цѣли созваннаго „Учредительнаго Рейхстага“ Сѣверо-Германскаго Союза. То былъ парламентъ, избранный на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого избирательнаго права. На необходимости его Бисмаркъ съумѣлъ настоять.

На всякій случай, чтобы заранѣе успокоить строптивость рейхстага при обсужденіи конституціоннаго проекта и сократить парламентарные аппетиты депутатовъ, Бисмаркъ поднялъ шумъ вокругъ люксембургскаго дѣла (см. ниже). Призракъ внѣшней опасности сдѣлалъ то, чего хотѣлъ Бисмаркъ: конституція прошла въ правительственной редакціи.

„Учредительный Рейхстагъ“ собрался 24 февраля 1867 года и засѣдалъ до 17 апрѣля. Разсмотрѣвъ правительственный проектъ, онъ выработалъ окончательно ту конституцію, которая держалась до основанія имперіи и главныя черты которой вошли и въ имперскую конституцію. Наиболѣе основные моменты ея были заимствованы изъ конституціи франкфуртскаго „Національнаго Собранія“ 1849 года.

Бисмаркъ не хотѣлъ, чтобы Союзъ сразу принялъ имя „имперіи“. Онъ боялся, что этимъ сѣверо-германская организація получитъ какъ бы совершенно законченный видъ и что это помѣшаетъ южнымъ государствамъ примкнуть къ ней. А присоединеніе южныхъ государствъ Бисмаркъ считалъ необходимымъ для завершенія дѣла объединенія. Поэтому и на конституцію Сѣверо-Германскаго Союза онъ смотрѣлъ какъ на временную. Она была составлена такъ, что всегда готова была принять четыре южныхъ государства.

Во главѣ Сѣверо-Германскаго Союза были поставлены три инстанціи: прусскій президіумъ, Союзный Совѣтъ, въ которомъ засѣдали делегаты правительствъ, и однопалатный Рейхстагъ изъ 297 представителей народа, избираемый на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, по разсчету: одинъ депутатъ на 100.000 человѣкъ.

Власть была распредѣлена между этими инстанціями неравномѣрно. Въ объединенной Германіи не могло создаться ничего подобнаго англійскому парламентарному строю, въ которомъ управленіе идетъ по пути, намѣчаемому большинствомъ парламента, черезъ посредство отвѣтственнаго передъ парламентомъ министерства. Объединеніе, хотя и частичное, было осуществлено силою прусской монархіи, и она не могла и не желала поступиться своими правами. Львиная доля власти досталась именно ей. Президіумъ былъ врученъ прусскому королю и обставленъ

такими полномочіями, что предсказаніе Швейцера о превращеніи объединенной Германіи въ Великопруссію оправдалось вполнѣ.

Президентъ Союза получилъ право объявленія войны и заключенія мира, заключенія договоровъ и назначенія пословъ. Ему было поручено главное командованіе союзной арміей, со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями. Ему же досталось право назначенія должностныхъ лицъ союзнаго правительства, созыва и распущенія рейхстага, изданія декретовъ.

Власть короля осуществлялась черезъ посредство должностныхъ лицъ, которыя были отвѣтственны только передъ нимъ. Во главѣ ихъ стоялъ союзный канцлеръ, которому конституція давала огромныя полномочія. Онъ предсѣдательствовалъ въ Союзномъ совѣтѣ, одинъ представлялъ правительство въ рейхстагѣ, одинъ скрѣплялъ декреты президіума. Бисмаркъ, зная, что первымъ канцлеромъ будетъ онъ, и никто другой, щедро отмѣривалъ полномочія новой должности.

Интересы государствъ, вошедшихъ въ союзъ, представлялись Союзнымъ совѣтомъ. То было учрежденіе, очень похожее на старый Сеймъ. Въ немъ участвовали делегаты государствъ, съ правомъ рѣшающаго голоса. И тоже, какъ въ старомъ сеймѣ, голоса вычислялись по размѣрамъ государства, хотя и не съ очень большой точностью, чтобы не обидѣть Пруссіи. Взявъ себѣ голоса всѣхъ присоединенныхъ государствъ, Пруссія получила въ общемъ 17 голосовъ, Саксонія — 4; 22 голоса было распредѣлено между мелкими государствами. Всѣхъ голосовъ было 43. Единственной функціей Союзнаго совѣта было вотированіе законовъ, причемъ для законовъ учредительнаго характера, т.-е. для измѣненія конституціи, требовалось большинство двухъ третей.

Права рейхстага были шире. Онъ утверждалъ не только законы, но, въ качествѣ представителя массы плательщиковъ податей, также и бюджетъ. Создавая его, Бисмаркъ очень много думалъ надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать изъ него учрежденіе не опасное для той власти, которую конституція вручала президіуму. Ему, во-первыхъ, нужно было, чтобы онъ былъ въ силахъ дать отпоръ партикуляристскимъ стремленіямъ, которыя, какъ онъ зналъ очень хорошо, совьютъ гнѣздо въ Союзномъ совѣтѣ. Для этого онъ не побоялся выдвинуть принципъ всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права. Онъ зналъ уже со временъ бесѣдъ съ Лассалемъ, что всеобщее избирательное право не опасно съ его точки зрѣнія, и примѣръ Франціи убѣждалъ его въ этомъ съ каждымъ годомъ все болѣе. Поэтому онъ искренно и съ большимъ жаромъ защищалъ принципъ всеобщаго избирательнаго

права въ учредительномъ рейхстагѣ противъ нападокъ не только консерваторовъ, но и либераловъ [1]). Рѣчь его настолько замѣчательна, что заслуживаетъ быть приведенной въ выдержкахъ. Вотъ что говорилъ между прочимъ будущій канцлеръ:

„Всеобщее избирательное право досталось намъ до извѣстной степени въ качествѣ наслѣдія отъ эпохи нѣмецкихъ объединительныхъ стремленій. Оно было включено въ проектъ имперской конституціи, выработанный во Франкфуртѣ въ 1848 г.; въ 1863 г. мы протовопоставили его поползновеніямъ Австріи, и я, по крайней мѣрѣ, не знаю лучшаго избирательнаго закона. Конечно, и оно имѣетъ значительное количество недостатковъ, приводящихъ къ тому, что имъ не вполнѣ точно фотографируется и представляется въ миніатюрѣ мнѣніе народа. Союзныя правительства вовсе не стоятъ за него во что бы то ни стало и готовы принять всякій другой проектъ, если имъ будутъ доказаны его преимущества передъ предлагаемымъ. Но до сихъ поръ намъ не указали ни одного... Союзныя правительства вовсе не замышляютъ какого-нибудь заговора противъ буржуазіи и не мечтаютъ о цезаризмѣ, внося проектъ всеобщаго избирательнаго права. Мы просто взяли то, что было подъ рукой и что мы думали осуществить на практикѣ съ наибольшей легкостью. Никакихъ заднихъ мыслей у насъ не было.

„Что могутъ предложить на мѣсто нашего проекта тѣ, которые на него нападаютъ, не забывая къ тому же, что намъ нужно провести его возможно скорѣе? Ужъ не прусскую ли трехклассную систему? Ну, господа, тотъ, кто болѣе или менѣе близко слѣдилъ за ея дѣйствіемъ и за тѣми сочетаніями (Konstellationen), которыя она создаетъ въ странѣ, долженъ сказать, что болѣе нелѣпаго, болѣе жалкаго избирательнаго закона не было измышлено ни въ одномъ государствѣ. Онъ разбиваетъ то, что естественно соединено, онъ сбиваетъ въ одну кучу людей, у которыхъ нѣтъ ничего общаго, въ каждой общинѣ мѣритъ разными мѣрками... Если бы изобрѣтатель этого закона могъ предвидѣть его практическое дѣйствіе, онъ бы никогда не пустилъ его въ ходъ. Подобный же произволъ и подобная же жестокая несправедливость лежатъ въ основѣ и всякой цензовой избирательной системы; эта несправедливость всего чувствительнѣе тамъ, гдѣ начинается исключеніе изъ числа избирателей. Едва ли мы можемъ сколько-нибудь удовлетворительно объяснить исключае-

---

[1]) Самую яркую рѣчь противъ всеобщаго избирательнаго права произнесъ знаменитый историкъ Зибель, либералъ.

мому, что потому только, что онъ платитъ меньше налоговъ, чѣмъ его сосѣдъ,—а онъ бы съ удовольствіемъ заплатилъ больше, если бы могъ, но онъ не можетъ,—онъ долженъ считаться илотомъ и политически мертвымъ человѣкомъ въ государствѣ. Возвратиться къ сословнымъ выборамъ не предлагалъ никто. Нашему проекту былъ сдѣланъ еще одинъ упрекъ: нѣкоторымъ не нравится, что онъ принимаетъ прямые, а не косвенные выборы. По моему мнѣнію, господа, косвенные выборы являются фальсификаціей выборовъ, фальсификаціей мнѣнія народа. Это видно уже изъ простого числового примѣра. Если предположить, что большинство на каждой ступени выборовъ будетъ равняться одному голосу, то выборщикъ будетъ представлять половину избирателей плюсъ единица, а депутатъ — половину выборщиковъ плюсъ единица, причемъ все большинство выборщиковъ будетъ представлять половину избирателей плюсъ очень небольшое количество. И если повсюду цифры большинства были не очень большія, депутатъ съ математической точностью будетъ представлять, при косвенныхъ выборахъ, количество немного большее, чѣмъ четверть избирателей, а большинство депутатовъ въ этомъ случаѣ—количество немного большее, чѣмъ восьмая часть всего. Изъ этихъ промежуточныхъ ступеней при прямыхъ выборахъ мы совершенно выбрасываемъ одну".

Бисмаркъ, конечно, только успокаивалъ парламентъ, когда увѣрялъ его, что онъ не видитъ во всеобщемъ избирательномъ правѣ орудія противъ буржуазіи. Онъ именно такъ и смотрѣлъ на дѣло, боясь повторенія конфликтовъ, подобныхъ прусскому. Но онъ боялся также и того, что, пользуясь всеобщимъ избирательнымъ правомъ, со временемъ поднимутъ голову демократія и пролетаріатъ. Противъ этого онъ выставилъ въ своемъ проектѣ конституціи три средства: верхнюю палату, открытое голосованіе и безвозмездность депутатской должности.

Верхняя палата вообще была любезна его сердцу, какъ оплотъ консервативнаго настроенія, а два другихъ средства были выставлены спеціально, чтобы застраховать Германію отъ демократической опасности. Ясно, что при открытомъ голосованіи зависимые элементы общества—а таковы весь пролетаріатъ и значительная часть крестьянства — будутъ стѣсняться прямо называть своего избранника, неугоднаго владѣющимъ классамъ. Открывается возможность самаго грубаго давленія. Что же касается до отсутствія вознагражденія депутатамъ, то это должно было помѣшать вступленію въ рейхстагъ людей, живущихъ своимъ трудомъ, т.-е. интеллигенціи и рабочихъ, ибо парламентская работа

отнимаетъ много времени. Бисмаркъ этого и хотѣлъ. Но его цѣль была достигнута лишь отчасти. Послѣ великолѣпной рѣчи вождя клерикаловъ, Виндгорста, въ пользу тайнаго голосованія, послѣ цѣлаго ряда рѣчей противъ верхней палаты, учредительный рейхстагъ отклонилъ и верхнюю палату, и открытое голосованіе. Бисмаркъ имѣлъ благоразуміе не настаивать ни на томъ, ни на другомъ. Но безвозмездность депутатской должности такъ и осталась, и дѣйствительно немало мѣшала, особенно въ первое время, демократіи и пролетаріату.

Бисмаркъ не упустилъ изъ виду также и компетенціи рейхстага. Парламенту нельзя было не предоставить права запросовъ, но фактически контролирующая власть рейхстага сводилась къ громкому заявленію о неправомѣрныхъ дѣйствіяхъ правительства: фактически канцлеръ не былъ поставленъ въ зависимость отъ вотумовъ парламента. Единственной реальной силой въ рукахъ парламента оставалось его право отклонять законы и бюджетъ; но Бисмаркъ зналъ, что послѣ четырехлѣтняго конфликта парламентъ не станетъ злоупотреблять этимъ правомъ.

Насчетъ министерской отвѣтственности Бисмаркъ держался особаго мнѣнія. Въ своихъ мемуарахъ онъ часто говоритъ о томъ, что чувство отвѣтственности не позволяло ему дѣлать того-то и того-то. Онъ увѣряетъ даже, что два раза онъ готовъ былъ лишить себя жизни подъ давленіемъ того же чувства отвѣтственности. Въ первый разъ это было подъ Садовой, когда армія кронпринца запоздала и австрійцы какъ будто начали брать перевѣсъ. Еслибы пруссаки были разбиты, Бисмаркъ, по его словамъ, рѣшилъ присоединиться къ первой же конной атакѣ и погибнуть смертью храбрыхъ. Другой разъ это было вскорѣ послѣ Садовой, въ Никольсбургѣ. Король упорно настаивалъ на требованіи отъ Австріи территоріальнаго вознагражденія. Бисмаркъ противился и вначалѣ не встрѣчалъ поддержки ни въ комъ. Тогда онъ рѣшилъ, если ему не удастся убѣдить короля, броситься изъ окна на мостовую. Оба разсказа съ фактической стороны сомнительны, особенно послѣдній; но важно то, что Бисмаркъ, хотя и въ старости, считалъ возможнымъ приписывать такую силу чувству отвѣтственности. Къ Садовой привелъ Пруссію онъ, убѣжденный въ побѣдѣ. Пораженіе было бы крушеніемъ всѣхъ его плановъ, и въ дальнѣйшей исторіи Пруссіи ему дѣлать было бы нечего. Никольсбургское перемиріе должно было состояться при тѣхъ, а не иныхъ условіяхъ, иначе онъ не ручался за будущее и не могъ уже руководить судьбами Пруссіи. Такова теоретическая идея.

Но нетрудно видѣть, что отвѣтственность здѣсь особаго сорта.

Это отвѣтственность моральная передъ королемъ, передъ общественнымъ мнѣніемъ, передъ исторіей, передъ кѣмъ угодно, только не передъ парламентомъ. Отвѣтственности передъ парламентомъ Бисмаркъ не признавалъ ни въ какой формѣ. Проектъ конституціи Сѣверо-Германскаго Союза тщательно избѣгалъ всякаго намека на нее. И не вина Бисмарка, если все-таки въ конституціи оказалась смутная фраза, гласящая, что „на указахъ и распоряженіяхъ президента должна быть скрѣпа канцлера, который одинъ принимаетъ на себя отвѣтственность за нихъ“.

Исторія этой вставки довольно любопытна. Она принята по предложенію Беннигсена и въ первоначальномъ видѣ имѣла продолженіе: „отвѣтственность и способъ ея осуществленія регулируются особымъ закономъ“. При такомъ дополненіи, еслибы даже закона не воспослѣдовало, было ясно, что рѣчь идетъ о юридической отвѣтственности, такъ какъ только она можетъ регулироваться закономъ. Безъ долнененія вся статья теряетъ практическое значеніе. Отвѣтственность превращается въ „моральную“. Бисмаркъ настаивалъ на полномъ отклоненіи поправки Беннигсена. Но рейхстагъ ограничился только тѣмъ, что отклонилъ ея вторую половину. Такъ какъ практически это было совершенно равносильно полному отклоненію, то Бисмаркъ протестовалъ не очень рѣшительно.

Такимъ образомъ, конституція новой Германіи оказалась типичнымъ образцомъ дуалистическаго государства, т.-е. такого, въ которомъ нѣтъ министерства политически отвѣтственнаго, слѣдовательно нѣтъ единства между законодательствомъ и управленіемъ, власть исполнительная и верховное управленіе очень мало связаны парламентскимъ контролемъ.

Что же представляетъ собою Сѣверо-Германскій Союзъ, какъ единое государство? Каковы его отличія отъ прежняго Германскаго Союза? Отличія огромныя. Если пользоваться терминологіей, установленной нѣмецкими юристами, то въ старомъ Германскомъ Союзѣ мы имѣли союзъ государствъ (Staatenbund), а въ Сѣверо-Германскомъ Союзѣ — союзное государство (Bundesstaat). Тамъ было соединеніе нѣсколькихъ государствъ на международно-правовой основѣ, скрѣпленное договорами; здѣсь мы имѣемъ нѣсколько государствъ, соединенныхъ въ одно, обладающее государственно-правовымъ характеромъ, скрѣпленное конституціей. Тамъ центральная организація не пользовалась суверенитетомъ, организованной принудительной властью надъ своими членами; здѣсь—пользуется. Тамъ отдѣльныя государства, входившія въ Союзъ, пользовались суверенитетомъ вполнѣ; здѣсь—

лишь отчасти. Въ тѣхъ областяхъ, на которыя распространяется компетенція центральной власти, отдѣльные члены союзнаго государства совершенно теряютъ свой государственный характеръ. Или ихъ власть въ этихъ областяхъ совсѣмъ бездѣйствуетъ, или они получаютъ характеръ автономныхъ, самоуправляющихся единицъ, дѣйствующихъ по законамъ и подъ контролемъ цѣлаго.

Бисмаркъ, впрочемъ, отлично понималъ, что проводить въ очень широкихъ предѣлахъ власть Союза въ ущербъ власти отдѣльныхъ государствъ не цѣлесообразно; онъ старался установить минимумъ уступокъ частей цѣлому, ибо зналъ, что цѣлое будетъ жизнеспособно только въ томъ случаѣ, если жертвы, принесенныя ему частями, будутъ абсолютно необходимы.

Цѣлое взяло у частей слѣдующія области управленія и законодательства: военныя силы (армію и флотъ); международныя отношенія (дипломатію, посольскую часть, консульства, международные договоры); всю область торговли и промышленности (таможни, почта и телеграфъ, монетная система, мѣры и вѣса, желѣзныя дороги, банковое дѣло); санитарную организацію; часть законодательства, относящуюся ко всѣмъ этимъ областямъ. Доходы и расходы въ этихъ рамкахъ составляли предметъ союзнаго бюджета, который, кромѣ того, пополнялся взносами государствъ на армію, исчисленными по особому матрикулу.

Отдѣльнымъ государствамъ осталась область суда, гражданскаго права, народнаго просвѣщенія, культовъ, общественныхъ работъ. У нихъ сохранились для вѣдѣнія этими сферами собственныя правительства, ландтаги, законодательство, бюджеты, финансовая организація.

Жизнеспособность всей системы покоилась на многихъ основаніяхъ. Во-первыхъ, Австрія, хотя и обиженная, могла совершенно лойально примириться со своимъ положеніемъ. Она освобождалась отъ обузы союзныхъ интригъ и расходовъ, пріобрѣтала въ новой Германіи естественнаго союзника при всякихъ международныхъ осложненіяхъ и могла теперь свободно отдаться дѣлу внутренней реорганизаціи своего заплесневѣлаго политическаго строя. Этимъ она и занялась. Тотъ же 1867 годъ, который былъ годомъ основанія Сѣверо-Германскаго Союза, сталъ годомъ установленія австро-венгерскаго дуализма и окончательнаго перехода Габсбургской монархіи въ категорію конституціонныхъ государствъ.

Во-вторыхъ, четыре южныхъ государства не имѣли никакихъ основаній быть недовольными. Война стоила имъ ничтожныхъ клочковъ территоріи, захваченныхъ Пруссіей для уничтоженія

чрезполосицы своихъ владѣній, но принесла огромную выгоду, въ видѣ оборонительно-наступательнаго союза съ Сѣверо-Германскимъ Союзомъ. На досугѣ они могли присматриваться къ дѣйствію Союза на практикѣ, зная, что могутъ стать въ немъ желанными членами во всякое время.

Союзныя государства, которыя, кромѣ Саксоніи, принадлежали къ разряду мелкихъ, могли только благодарить судьбу за то, что Пруссія, реорганизовавшая ихъ армію, взяла на себя заботы о ихъ защитѣ и отвѣтственность за ихъ цѣлость. Пожертвовавъ нѣкоторыми правами суверенитета, они получили увѣренность въ томъ, что будутъ существовать, не боясь никакихъ враговъ и сохраняя очень большую свободу во внутреннихъ дѣлахъ.

Наконецъ, и населеніе Германіи могло вздохнуть съ облегченіемъ. Кромѣ незначительнаго класса землевладѣльцевъ, объединеніе было выгодно всѣмъ. Особенно должна была радоваться буржуазія, которая получила теперь и единую торгово-таможенную область, и единое торговое законодательство, и однообразныя мѣры, вѣса, монеты, тарифы, и международную защиту. Все, чего ей недоставало, теперь явилось. Пролетаріатъ, заручившись всеобщимъ избирательнымъ правомъ, полной свободою передвиженія и паденіемъ мелкихъ стѣсненій, различныхъ въ разныхъ государствахъ, могъ съ надеждою глядѣть на будущее и подготовлять силы для борьбы и на политической, и на соціальной аренѣ.

Вообще Союзъ обнаруживалъ всѣ признаки прочности. Для Германіи открывалась новая жизнь, и нѣмецкій народъ, отдѣлавшись отъ сковывавшихъ его цѣпей, съ присущей ему энергіей и вѣрою въ себя вступилъ въ эту новую жизнь.

А. Дживелеговъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

КАКЪ РОСЛА МОЯ ВѢРА

Отрывки изъ автобіографіи.

I.

Помню домъ—большой, деревянный, съ покоробившейся отъ времени обшивкой, съ четырьмя толстыми колоннами, подпирающими высокій фронтонъ мезонина... Помню за этими колоннами маленькій балкончикъ съ полуразрушившейся баллюстрадой и провалившимся поломъ... помню давно некрашенную, потемнѣвшую, замшившуюся крышу. Помню деревянный тротуаръ и невылазную грязь на улицѣ передъ этимъ хмурымъ фасадомъ.

Помню садъ, старыя дуплистыя липы—съ шишками и наростами на стволахъ и на вѣтвяхъ, точно больныя и изуродованныя, и все же вѣчно кудрявыя и прекрасныя въ своихъ зеленыхъ вершинахъ. Помню нѣсколько бѣлыхъ березовыхъ стволовъ, ярко выдѣлявшихся на общемъ темномъ фонѣ сада; а за ними—опять липы... еще и еще липы... а тамъ покосившійся заборъ, за нимъ—пустынная улица.

Помню дворъ: большой, зеленый какъ лугъ и, какъ лугъ, пестрѣющій цвѣтами; кусты крапивы вдоль заборовъ; какіе-то безконечные сараи... конюшни... винные подвалы, пустыя водочныя бочки у ихъ дверей, и тутъ же груды мокраго угля, отдающаго немного ѣдкимъ, но въ то же время ароматнымъ запахомъ виннаго спирта.

Вѣчно стоитъ у меня передъ глазами эта декорація, среди которой разыгрывались первыя явленія перваго дѣйствія моей личной житейской драмы-комедіи,—декорація смутная, неуловимая въ своихъ подробностяхъ и, все-таки, много говорящая моему воображенію.

Помню ночь... Низкій потолокъ просторной комнаты въ мезонинѣ—это моя дѣтская—точно давитъ на мерцающій огонекъ свѣчи. Свѣча тутъ, близко, на ночномъ столикѣ около меня, но она мнѣ кажется гдѣ-то далеко-далеко, потому что я вижу ее сквозь застилающія мой взглядъ слезы: я заливаюсь-плачу и надсаживаюсь-кричу.

У моей дѣтской кроватки суетятся нянька, высокая, сѣдая старуха, и такая же высокая, какъ она, блѣдная, красивая, темноволосая женщина—моя мать.

Я только-что сейчасъ крѣпко и сладко спалъ... меня въ глухую ночь зачѣмъ-то разбудили, растолкали, подняли на ноги, довели до испуга съ его траги-комическими послѣдствіями.

Я хорошо помню всю эту сцену: ею какъ бы закончился тотъ миѳическій періодъ моей жизни, о которомъ я знаю лишь по разсказамъ родныхъ; съ нея, съ этой ночи, не изглаженной изъ моей памяти никакими послѣдующими событіями, начинаются для меня историческія воспоминанія—дѣтскія, наивныя, но глубоко врѣзавшіяся, достовѣрныя. Въ теченіе долгаго времени эта ночь оставалась для меня эрой моего дѣтскаго лѣтосчисленія.

Это меня разбудили въ ночь на вербное воскресенье, чтобы снести въ церковь къ заутрени. А было мнѣ тогда едва ли три года.

Чѣмъ уняли мой плачъ, какъ меня утѣшили и чѣмъ разогнали одолѣвшій меня сонъ, не знаю; помню, что я постепенно успокоился; и когда мать, предоставивъ меня нянькѣ, ушла внизъ, я безпрекословно далъ себя одѣть, былъ смиренъ и молчаливъ и уже съ нѣкоторымъ любопытствомъ ждалъ, что̀ будетъ дальше.

Нянька нѣсколько разъ повторила:—„Вотъ, мы сейчасъ пойдемъ къ Боженькѣ, молиться".—И каждый разъ я хотѣлъ спросить ее:—„Зачѣмъ же ночью, няня?"—но такъ и промолчалъ.

Я зналъ, что „идти къ Боженькѣ, молиться"—это значило, что мнѣ дадутъ „тамъ" изъ большой золотой чаши на золотой ложечкѣ немного краснаго вина съ небольшимъ кусочкомъ просвирки. Я помнилъ, что многія изъ дѣтей, которыхъ угощали такимъ образомъ одновременно со мной, отчаянно плакали; но мнѣ это угощеніе всегда нравилось, и если я тоже иногда плакалъ при этомъ, такъ, кажется, потому только, что давали слишкомъ мало: просвирками вѣдь нянька баловала меня иногда и дома, и я очень любилъ дѣлать изъ нихъ тюрю съ чаемъ, а тепловатое вино въ золотой чашѣ казалось мнѣ еще вкуснѣе и чая съ молокомъ.

Но все-таки мнѣ казалось теперь страннымъ подниматься для этого почью съ постели, одѣваться и идти къ Боженькѣ молиться.

Когда наконецъ нянька, одѣвъ меня и взявъ на руки, снесла меня внизъ, въ переднюю, отецъ и мать, оба въ шубахъ, уже ждали насъ тамъ. Отецъ молча перекрестилъ меня и поцѣловалъ, а мать только поторопила: — „ну, скорѣй, скорѣй!“ —пока нянька одѣвала меня въ заячью шубку.

Мы сѣли на стоявшую у подъзда линейку и поѣхали въ свою приходскую церковь. Это было всего въ нѣсколькихъ шагахъ, наискось отъ нашего дома; но по той грязи, которая уже разлилась въ эту раннюю весну по улицамъ нашего захолустнаго городка, нечего было и думать пробраться тутъ пѣшкомъ хотя бы и съ фонаремъ.

Уличнаго освѣщенія уѣздные города тогда еще не знали; и я помню, какое жуткое чувство охватило меня, когда линейка выѣхала изъ воротъ на темную улицу. Мнѣ было и холодно. Я прислонился къ нянькѣ и зажмурился. Мнѣ стало такъ страшно, что въ эту минуту я не посмѣлъ бы даже заплакать.

Я открылъ глаза только когда линейка уже остановилась у церковной паперти.

Я любилъ нашу приходскую церковь, высокую, бѣлокаменную, съ большимъ зеленымъ, почернѣвшимъ отъ времени куполомъ, съ наружной галереей и наружной лѣстницей во второй этажъ. Мнѣ всегда было пріятно, когда нянька вносила меня подъ эти своды, гдѣ было столько красивыхъ образовъ, гдѣ было столько позолоты, и гдѣ даже днемъ, лаская глазъ, горѣли большія и маленькія свѣчи въ большихъ подсвѣчникахъ; мнѣ нравилось и пѣніе мальчиковъ на клиросѣ, и я даже какъ-то разъ попробовалъ подтянуть имъ: нянька въ испугѣ зажала мнѣ ротъ, а я разсмѣялся, замѣтивъ и самъ, что у меня вышло не пѣніе, а какое-то у-гу!

Наша семья всегда становилась впереди, близъ амвона, у лѣваго клироса, но я постоянно оглядывался назадъ любоваться пестрой толпой молящихся. Но если это продолжалось слишкомъ долго, если дымъ ладана казался мнѣ удушливымъ, я начиналъ капризничать и просился домой, просился на улицу.

Зимой служили въ нижнемъ этажѣ, въ „зимней“, теплой, но низенькой церкви, и переходъ въ лѣтнюю, въ верхнюю, совершавшійся на Пасху, былъ для меня настоящимъ праздникомъ. Вверху было гораздо просторнѣе и свѣтлѣе, золото образовъ горѣло какъ-то ярче, и мнѣ, маленькому, высокій куполъ казался

такимъ высокимъ и недосягаемымъ, далекимъ, какъ само небо. Нарисованный тамъ Господь Саваоѳъ и былъ для меня тѣмъ самымъ настоящимъ Богомъ, отъ котораго, какъ мнѣ говорили, все на свѣтѣ зависѣло. Даже, когда я, становясь на колѣни въ своей дѣтской кроваткѣ молиться на ночь Богу, повторялъ за нянькой „Богородицу“, передо мной въ воображеніи стоялъ все-таки только образъ этого дѣдушки-Боженьки, котораго я и побаивался, и любилъ. А въ нижней церкви на темныхъ сводахъ было только изображеніе Святого Духа, въ видѣ голубя, къ которому я тогда еще никакъ не могъ проникнуться должнымъ уваженіемъ, быть можетъ именно потому, что всегда чувствовалъ нѣжную дружбу къ „гулинькамъ“. Сама церковь, снаружи вся бѣлая, съ боковыми пристройками, съ вѣнчавшимъ ее золотымъ крестомъ, когда меня въ солнечный день водили мимо нея на прогулку, всегда представлялась мнѣ какъ будто какой-то невѣдомой птицей, готовой вотъ-вотъ оторваться отъ земли и подняться въ голубую высь неба. Когда начинали весело звонить колокола, я чувствовалъ, что меня самого что-то точно поднимало съ земли, и я ждалъ, что чудо сейчасъ совершится—церковь-птица полетитъ.

Въ темную ночь я увидалъ ее теперь впервые. Это былъ какой-то мрачный гигантъ, который, казалось, проглатывалъ одного за другимъ людей, подходившихъ къ его отворенными дверямъ. Мѣрные удары колокола вызывали у меня такое чувство, какъ будто я слышалъ стоны. И когда предо мной растворились двери въ освѣщенную свѣчами церковь, и нянька внесла меня туда, я опять зажмурился: мнѣ было страшно, точно огонь свѣчей жегъ меня.

Во время заутрени нянька, какъ и всегда, то опускала меня на полъ, и сама становилась молиться на колѣни, то опять брала меня на руки, боясь, чтобы я не простудился на холодныхъ чугунныхъ плитахъ пола. Она учила меня креститься, когда крестились она сама и стоявшіе тутъ же мои родители; она заставляла меня наклонять голову, когда отвѣшивали поклоны всѣ другіе. Я довольно равнодушно исполнялъ это, все поджидая, когда же начнутъ давать просвирку съ виномъ.

Но причастія не было. Зато началось освѣщеніе вербъ. Я сначала не могъ понять, къ чему это тутъ столько прутьевъ съ сѣренькими цвѣточками на нихъ. Потомъ вспомнилъ, что такіе прутья торчали у насъ за всѣми образами во всѣхъ комнатахъ, и нянька, поднося меня къ нимъ, часто напѣвала: „верба хлестъ, бей до слезъ!“ И я вспомнилъ, что Боженьку между прочимъ

надо и бояться. И когда я увидѣлъ что всѣ взяли въ руки по пучку вербы и по зажженной свѣчкѣ и стали особенно усердно молиться, этотъ новый для меня таинственный обрядъ въ глухую ночь, должно быть, показался мнѣ приготовленіемъ къ какому-то общему наказанію. Я заревѣлъ на всю церковь и, схвативъ няньку за платье, сталъ проситься на руки. Она, осторожно отстраняя отъ моего платья свою зажженую восковую свѣчку съ вербой, подняла меня. Я поспѣшилъ спрятать свое лицо у нея на груди и продолжалъ всхлипывать. Еслибы не грозный шопотъ матери, которой я боялся несомнѣнно больше Боженьки, я едва ли бы унялся такъ скоро. Но, услыхавъ ея знакомое мнѣ, повелительное: „замолчи!“ — и видя, что моленіе и пѣніе попрежнему чинно продолжаются, я стихъ и ужъ не помню, какъ уснулъ у няньки на рукахъ крѣпкимъ сномъ.

Я проснулся только уже поздно утромъ, у себя въ кроваткѣ, раздѣтый и укутанный одѣяломъ. Нянька сидѣла возлѣ и что-то читала. Замѣтивъ, что я пошевелился, она подняла глаза. Я улыбнулся ей. Она встала, перекрестила меня и поцѣловала.

— Ну, капризникъ! Развѣ можно такъ плакать въ церкви! — ласково упрекнула она меня.

И я сразу вспомнилъ все вчерашнее, и мнѣ опять стало страшно. Я робко спросилъ:

— Няня, а верба?

— Верба вонъ тамъ, у Боженьки, — сказала она, кивнувъ головой на икону.

Я взглянулъ въ уголъ: къ старому пучку прибавился теперь новый, перевязанный такой же голубой ленточкой. Мнѣ хотѣлось спросить: „а что же, меня не будутъ бить до слезъ за вчерашнее?“ — но я рѣшился лучше не поднимать этого страшнаго вопроса.

Когда меня снесли потомъ внизъ къ отцу и матери, я былъ скучнѣе обыкновеннаго: мнѣ все казалось, что со мной должно произойти что-то непріятное. Но и отецъ, и мать были со мной ласковы не болѣе и не менѣе, чѣмъ всегда; отвлеченные какими-то заботившими ихъ дѣлами, они и не вспомнили о ночномъ хожденіи въ церковь. Такъ я и остался съ своимъ недоумѣніемъ по поводу всего происшедшаго, не рѣшившись обратиться съ мучившимъ меня вопросомъ, почему именно ночью мы всѣ ходили за вербой. Только, посматривая теперь на новыя вербы у образовъ, я понялъ, что онѣ-то именно и изображаютъ тотъ страхъ Божій, о которомъ нерѣдко упоминалъ отецъ въ своихъ разговорахъ съ разными людьми. И я тоже начиналъ проникаться этимъ страхомъ Божіимъ.

Спустя нѣсколько дней, я все-таки спросилъ свою старуху:

— Няня, почему же ночью?

— Что̀, душенька?

— Верба.

— Что̀ верба?

— Въ церковь ходили.

Она сообразила и отвѣтила:

— А въ большой праздникъ всѣ большіе ходятъ къ заутрени ночью. Вотъ и ты становишься большой, вотъ и тебя будутъ брать къ заутрени.

Объясненіе не удовлетворило меня. Но сознаніе, что я сталъ „большой“, нѣсколько успокоило: я не видалъ, чтобъ большихъ сѣкли вербой. И я рѣшилъ вести себя съ достоинствомъ.

Безъ сомнѣнія, чрезъ недѣлю я былъ и у пасхальной заутрени. Но эта первая Пасха не сохранилась у меня въ памяти, заслоненная болѣе яркими впечатлѣніями многихъ другихъ пасхальныхъ богослуженій изъ послѣдующихъ лѣтъ моей жизни. Я знаю только одно, что съ пятилѣтняго возраста я уже принималъ участіе во всѣхъ молитвенныхъ стояніяхъ, въ церкви и на дому, наравнѣ съ моими глубоко-религіозными родителями.

Когда мнѣ пошелъ седьмой годъ, я узналъ, что быть большимъ совсѣмъ не такъ выгодно. Верба, правда, уже не казалась мнѣ грозной эмблемой Божьей власти, но за то меня къ тому времени познакомили со многими другими предметами, внушавшими „страхъ Божій“. Ко мнѣ уже ходилъ два раза въ недѣлю нашъ приходскій священникъ и преподавалъ мнѣ священную исторію. Онъ умѣлъ разсказывать довольно образно, и я всегда слушалъ его съ интересомъ, хотя не всѣ его уроки доставляли мнѣ одинаковое удовольствіе. Хорошо помню то огорченіе, которое я испыталъ, узнавъ, что неумолимый Господь Богъ прогналъ несчастныхъ Адама и Еву изъ прекраснаго рая всего только за то, что они сорвали и съѣли одно яблоко съ запрещеннаго дерева. Даже всегда строгая ко мнѣ мать моя, казалось мнѣ, не сдѣлала бы этого: она меня не наказала бы такъ жестоко. А вѣдь Адамъ и Ева были дѣти Божіи. Понятіе о важности нарушенія заповѣди Божіей вообще я тогда еще не могъ себѣ усвоить, да и священникъ не нашелъ нужнымъ добавлять какія бы то ни было объясненія отвлеченнаго характера къ простому изложенію событій.

Изъ этихъ уроковъ Закона Божія я впервые узналъ, какая злая тварь человѣкъ. Злой Каинъ убилъ своего добраго младшаго брата Авеля. Насъ, у родителей, было тоже только два

брата; я—старшій, слѣдовательно—Каинъ. Но я мысленно провѣрялъ свои чувства къ брату и не могъ себѣ представить, какъ бы это я рѣшился не только убить его, но даже какъ-нибудь обидѣть: моему брату было въ то время только два года. Неужели это могло бы случиться, когда мы оба будемъ такіе же большіе, какъ Каинъ и Авель? Не хорошо быть большимъ. Но неужели всѣ старшіе всегда убиваютъ младшихъ? Я не рѣшался спросить объ этомъ, но твердо былъ увѣренъ, что я этого никогда не сдѣлаю.

Потомъ я узналъ отъ нашего священника, что всѣ первые созданные Богомъ люди оказались дрянными, и Богъ не нашелъ другого средства для исправленія ихъ, какъ всѣхъ ихъ утопить. Мнѣ вспомнилось при этомъ, какъ нашъ кучеръ Илья уносилъ топить щенятъ Діанки, и какъ я плакалъ, жалѣя ихъ, смотря на Діанку, вилявшую хвостомъ и бросавшуюся къ своимъ щенятамъ. Но мой законоучитель съумѣлъ такъ ярко и внушительно показать мнѣ всю неисправимую мерзость допотопныхъ людей, прогнѣвавшихъ Отца своего Небеснаго, что и мое дѣтское сердце ожесточилось противъ нихъ, и мнѣ было ни чуточки не жаль ихъ. Напротивъ, грандіозная картина всемірнаго потопа увлекла меня. Играя потомъ съ братомъ въ саду, на горкѣ песку, я, подобно Господу Богу, создавшему изъ земли Адама, лѣпилъ изъ мокраго песку подобіе человѣчковъ; мы строили изъ песку цѣлыя улицы домиковъ, цѣлые города; потомъ я приносилъ садовую лейку и устраивалъ сорокадневный дождь. Братъ хлопалъ въ ладоши, смѣялся и прыгалъ отъ радости, глядя, какъ расползались отъ этой поливки всѣ наши скульптурныя произведенія, и какъ ручьи и рѣки заливали улицы нашихъ городковъ; я, съ сдвинутыми грозно бровями, совершалъ свое разрушительное дѣло, а недосмотрѣвшая за нами нянька приходила потомъ въ отчаяніе отъ нашихъ забрызганныхъ грязью штанишекъ и промокшихъ козловыхъ сапожковъ.

Страхъ Божій въ это время крѣпко укоренялся во мнѣ. Я понималъ, что за грѣхомъ неизбѣжно послѣдуетъ наказаніе. И я сталъ остерегаться прогнѣвать уже не только строгую мать мою и отца моего земного, но и Отца моего Небеснаго. Я становился вообще послушнѣе, но только не могъ хорошенько разобраться въ томъ, что было настоящимъ грѣхомъ, а что—простой шалостью. Я не могъ понять, почему бѣгать по комнатамъ и кричать — шалость, а смотрѣть по сторонамъ въ церкви—грѣхъ; почему пить въ постные дни молоко за обѣдомъ—грѣхъ, а шипучій клюквенный квасъ, отъ котораго у меня всегда бур-

лило въ животѣ—не грѣхъ. И почему это грѣхъ именно сегодня, когда это не было грѣхомъ вчера и перестанетъ быть грѣхомъ завтра? Я впрочемъ охотно принималъ всѣ эти грѣхи на вѣру и старался не грѣшить; но я замѣчалъ, что по мѣрѣ того, какъ я знакомлюсь все съ новыми и новыми грѣхами, жизнь становится для меня все менѣе пріятной. Та наивная дѣтская любовь, которую я питалъ къ доброму Боженькѣ за вкусныя просвирки съ краснымъ виномъ, мало-по-малу дѣлалась уже воспоминаніемъ прошлаго, а смѣнившій ее страхъ Божій съ каждымъ днемъ выросталъ во что-то таинственно-угрожающее, во что-то подстерегающее не только каждое мое дѣйствіе, но и каждую мою мысль, и я, хотя еще только инстинктивно, но уже становился во враждебное отношеніе къ этому неумолимому владыкѣ.

Мое умственное развитіе было вообще очень раннимъ, а религіозное въ особенности.

Къ шести годамъ я научился молиться сознательно, и слова: „отпусти намъ долги наши" я уже произносилъ съ чувствомъ благоговѣйнаго страха. Когда я ходилъ теперь вмѣстѣ съ родителями въ церковь, это уже не было для меня простымъ развлеченіемъ, какъ прежде,—я уже смотрѣлъ на это какъ на извѣстную обязанность. И какъ всякая обязанность, это хожденіе становилось для меня тягостнымъ; но я не только боялся обнаруживать это, — я старался скрыть это настроеніе отъ самого себя, потому что не ходить въ церковь считалось самымъ большимъ грѣхомъ, а Богъ вѣдь видѣлъ и всѣ тайныя мысли наши.

Въ одну изъ хорошихъ минутъ, въ дружеской бесѣдѣ съ отцомъ, я таки-рѣшился спросить его, зачѣмъ меня носили ночью въ церковь, когда раздавали вербы; и отецъ, не хуже священника, объяснилъ мнѣ, что это праздникъ Входа Господня въ Іерусалимъ, что ночное бдѣніе совершается въ память Христа, молившагося ночью въ саду Геѳсиманскомъ, и въ память первыхъ христіанъ, которые были преслѣдуемы язычниками и не могли собираться на молитву иначе, какъ ночью и въ подземельяхъ при свѣтѣ факеловъ. Онъ разсказывалъ мнѣ это съ такимъ вдохновеніемъ, въ такихъ красивыхъ выраженіяхъ говорилъ мнѣ о Христѣ и христіанскихъ мученикахъ, что нервная дрожь пробѣгала у меня по тѣлу, и я выражалъ восторгъ, что мы можемъ не бояться гоненія отъ язычниковъ и молимся, когда и какъ хотимъ. Удовлетворяя моей пытливости, онъ объяснилъ мнѣ, что вербы замѣняютъ у насъ тѣ пальмовыя вѣтви, съ которыми народъ встрѣчалъ Христа при входѣ его въ Іерусалимъ,

и что при этомъ даже грудные младенцы на рукахъ у матерей кричали ему привѣтствіе: „Осанна!“

Послѣ такого объясненія я понялъ, что мое присутствіе на заутрени въ Вербное Воскресенье было прямо необходимо, и рѣшилъ на будущее время не плакать, когда меня разбудятъ ночью. Увидѣвъ потомъ въ дѣтской вербу у иконы и сообразивъ, что она предназначается совсѣмъ не для того, чтобъ ею хлестать до слезъ, я радостно закричалъ: „Осанна! Осанна!“, заразилъ своей радостью младшаго братишку, который тоже съ крикомъ бѣгалъ за мной, и мы подняли такой шумъ, что наша дѣтская напоминала собой въ эту минуту одну изъ улицъ Іерусалима, и нянька наконецъ прикрикнула на насъ:

— Да замолчите вы, озорники этакіе!

Вообще мои родители могли быть довольны той отзывчивостью, съ которой я воспринималъ даваемое мнѣ религіозно-нравственное воспитаніе.

II.

Всю важность всѣхъ семи смертныхъ грѣховъ я узналъ тоже на седьмомъ году, когда меня стали готовить къ первой исповѣди. Мнѣ объяснили, что я уже настолько большой, что теперь для полученія причастія долженъ подготовляться къ этому говѣньемъ и покаяньемъ, объяснили, въ чемъ и какъ я могу быть грѣшенъ, и какъ я долженъ каяться. Весь Великій постъ я ѣлъ постное наравнѣ съ моими родителями, а на Страстной, кромѣ усиленнаго поста, началось и наше семейное хожденіе ко всѣмъ церковнымъ службамъ. Мы приходили въ церковь одними изъ первыхъ и уходили едва ли не послѣдними, еще молясь и по окончаніи богослуженія понемногу передъ всѣми главнѣйшими иконами.

Вѣроятно, продолжительный постъ ослабилъ меня, потому что я всегда очень утомлялся отъ продолжительнаго стоянія въ церкви. Но я былъ уже „большой“, я не рѣшался плакать и не смѣлъ даже пожаловаться на усталость, послѣ того какъ мать раза два прикрикнула на меня:

— Глупости! Помни, что лѣность смертный грѣхъ, и тебѣ и такъ придется каяться въ немъ на исповѣди.

Что касается до отца, то онъ во все время говѣнья почти ни съ кѣмъ и не разговаривалъ, чтобъ не согрѣшить празднымъ словомъ. Если я порывался зачѣмъ-нибудь къ отцу, хотѣлъ спросить его о чемъ-нибудь, нянька останавливала меня:

— Не безпокой папочку, онъ говѣетъ. Надо и тебѣ думать о Богѣ, а не о пустякахъ.

И я съ особеннымъ любопытствомъ и уваженіемъ смотрѣлъ въ эти дни на любимаго мною отца. Я вглядывался въ его сосредоточенное, задумчивое лицо, слѣдилъ за его спокойной походкой, при встрѣчахъ съ нимъ ласково бралъ его руку, цѣловалъ ее и, не давъ ему сказать ни слова, сейчасъ же убѣгалъ.

Говѣнье продолжалось недолго, потому что уже въ среду на Страстной надо было идти къ исповѣди, въ четвергъ—къ причастію.

Мать не считала нужнымъ подготовлять меня къ исповѣди, но за то нянька наговорила мнѣ всякихъ ужасовъ. Въ эти дни она останавливала меня отъ малѣйшей шалости, отъ малѣйшаго проявленія рѣзвости, и я велъ себя смирнехонько. Нянька сказала мнѣ, что если батюшка найдетъ, что я слишкомъ много нагрѣшилъ, то мнѣ нельзя будетъ дать причастія безъ наказанія, а наказаніе будетъ состоять въ томъ, что послѣ исповѣди сядетъ батюшка въ тяжелое желѣзное кресло на колесикахъ и заставитъ меня катать его въ этомъ креслѣ по всей церкви при всемъ честномъ народѣ. Она говорила это такъ серьезно, такъ убѣдительно, что я живо представлялъ себѣ, какъ мнѣ придется исполнять эту тяжелую обязанность. Я не любилъ чугунный полъ нашей церкви и всегда какъ-то запинался о слишкомъ выпуклыя арабески его красивыхъ чугунныхъ плитъ, мои подошвы не скользили по нимъ; и мнѣ все представлялось, что и колесики кресла не покатятся по этому полу, и мнѣ уже въ воображеніи было больно отъ непосильнаго напряженія, которое я долженъ былъ сдѣлать, чтобы сдвинуть тяжелое чугунное кресло. Иногда украдкой я подходилъ къ большому отцовскому креслу въ кабинетѣ и пробовалъ его двинуть: я краснѣлъ отъ натуги, едва сворачивая его съ мѣста. „Что же это будетъ съ чугуннымъ“ — думалъ я: — „да еще когда батюшка будетъ на немъ сидѣть?“ А нашъ попъ былъ мужчина высокаго роста и хотя не толстъ, но крѣпко сложенъ.

Съ большимъ страхомъ вошелъ я въ церковь въ день исповѣди. Никогда наша церковь не казалась мнѣ такой печальной, такой мрачной. Всевидящее „око Божіе“ въ треугольникѣ, окруженное сіяніемъ, глядѣло на меня со сводовъ какъ будто особенно укоризненно. Сегодня и отецъ, и мать, съ утра оба молчаливые, точно чѣмъ-то озабоченные, казались мнѣ не тѣми строгими, но любимыми мною родителями, какими я привыкъ ихъ видѣть,—нѣтъ, сегодня мы всѣ трое, стоя передъ алтаремъ,

казались мнѣ какими то униженными. За нихъ, какъ и за себя, я испытывалъ то чувство, какое бывало у меня, когда я зналъ, что мать на меня сердится, а нянька по ея приказанію вела меня къ ней. Какъ бывало и въ тѣ минуты, когда я шелъ „на расправу“, не понимая, въ чемъ это я провинился,—такъ было и теперь передъ исповѣдью: я только чувствовалъ, что шалостей, должно быть, накопилось за мной много.

Когда мы пробирались по направленію къ амвону, тамъ, впереди клироса, стояли ширмочки и аналой для исповѣди, и кто-то уже исповѣдывался. Дожидались очереди двое другихъ горожанъ и одинъ нашъ приказчикъ. Когда изъ-за ширмочекъ, набожно крестясь, вышла отпущенная священникомъ старушка, пришедшіе раньше насъ на исповѣдь почтительно посмотрѣли на моего отца, какъ бы желая уступить ему первую очередь; но онъ только отвѣсилъ имъ покорный поклонъ и, ставъ на колѣни, сталъ молиться. Тогда пошелъ первый очередной. Когда наконецъ отъисповѣдался и нашъ приказчикъ, то вслѣдъ за нимъ пошелъ и отецъ. Несмотря на глубоко сосредоточенное выраженіе лица его, мнѣ какъ-то не было за него страшно. „Не можетъ быть,—думалось мнѣ,—чтобы папу заставили катать попа на желѣзномъ стулѣ, нѣтъ, нѣтъ!.. Я ни за что не хотѣлъ бы этого, пусть лучше заставятъ меня... я много шалилъ, да... но если бы мнѣ пришлось увидать, какъ папа при всѣхъ наказанъ, мнѣ кажется, я разрыдался бы, уцѣпился бы за этотъ страшный желѣзный стулъ и не пустилъ бы его двинуться съ мѣста. Нѣтъ, этого не можетъ быть!“ Моя вѣра въ то, что мой отецъ не можетъ заслужить такого наказанія, была такъ сильна, что я спокойно слѣдилъ, какъ онъ пошелъ, крестясь, за ширмочку.

Но мой взглядъ блуждалъ между тѣмъ по всѣмъ угламъ церкви и искалъ этого страшнаго орудія наказанія — чугуннаго кресла: и я нигдѣ не видалъ его. Мнѣ случалось раньше входить съ отцомъ и въ алтарь, я зналъ все, что тамъ есть: я зналъ, что тамъ стоятъ два кресла, но то были обыкновенныя, деревянныя. Нѣтъ, — то орудіе пытки, которымъ меня застращали, должно-быть находится за ширмочкой...

Когда отецъ, послѣ продолжительной исповѣди, подошелъ опять къ намъ, молча, лицо его было по прежнему серьезно-сосредоточенное, но какое-то просвѣтленное.

Какъ-то отраднѣе стало на душѣ и у меня, и съ меньшимъ страхомъ сталъ я ждать своей очереди. Я гораздо больше боялся за грѣшность моей матери, когда пошла къ исповѣди она.

Вспыльчивая, раздражительная, колотившая не разъ меня, а иногда и дѣвченку прислугу, она, казалось мнѣ, легко могла подпасть наказанію, но мнѣ какъ-то было меньше больно за нее, чѣмъ за отца. А она и съ болѣе спокойнымъ, равнодушнымъ лицомъ вошла за эту ширмочку, и такая же спокойная и равнодушная вышла оттуда черезъ гораздо менѣе продолжительный промежутокъ времени, чѣмъ тотъ, который понадобился для исповѣди отца.

„Неужели мама не все сказала батюшкѣ?“—подумалъ я, и, какъ-то забывъ даже о собственныхъ грѣхахъ и страхахъ, пошелъ теперь въ свою очередь за ширмочку. Добродушное, ласковое лицо, съ которымъ встрѣтилъ меня священникъ, еще болѣе ободрило меня. Я осмотрѣлся вокругъ, все еще ища чугунное кресло, — его нигдѣ не было. „Какъ же такъ?“ — эта мысль настолько овладѣла мною, что я ничего не отвѣтилъ на первый вопросъ батюшки. Онъ ласково погладилъ меня по головѣ. Я не помню, что̀, собственно, спрашивалъ онъ меня и что̀ отвѣчалъ я ему: та первая исповѣдь сливается въ моей памяти съ множествомъ другихъ подобныхъ. Также не въ состояніи я уже отличить, гдѣ кончается одна и гдѣ начинаются другія. Только то, что̀ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ выступало очень ярко, какъ настроеніе въ то именно время пережитое, то и выдѣляется ярко еще и теперь въ моей памяти. Я только помню, что вернулся тогда съ исповѣди домой радостный и веселый и, обнимая и цѣлуя няньку, разсказывалъ ей, что никакого желѣзнаго стула не было. Нянька, дѣлая видъ, что радуется вмѣстѣ со мною, что я былъ такимъ умнымъ, что мнѣ всѣ грѣхи отпущены, все-таки увѣрила меня, что стулъ тотъ запертъ за тремя замками въ подвалѣ подъ церковью и что его выкатываютъ, когда нужно. Не помню, каково было мое отношеніе къ первому причастію послѣ этой первой исповѣди, но помню, что на другой день я уже готовъ былъ ходить колесомъ.

Пасха въ тотъ годъ была, должно быть, поздняя, а весна, должно быть, наступила рано, но только въ пятницу на Страстной былъ настоящій майскій день. У насъ на дворѣ снѣгъ былъ счищенъ раньше, расчищены были и нѣкоторыя дорожки въ саду. Весенніе ручейки, бурно отшумѣвъ нѣсколько дней тому назадъ, теперь бѣжали тихо, и струйки, какъ ниточки, ярко сверкали подъ лучами яркаго солнца. Кое-гдѣ зеленѣла травка, еще голыя вѣтви липъ и березъ становились пышнѣе и темнѣе отъ наливавшихся почекъ. А въ домѣ шла уборка и всякія

приготовленія къ Пасхѣ. О насъ, дѣтяхъ, какъ-то позабыли, и мы съ братомъ весь этотъ день бѣгали по двору и по саду. Къ Пасхѣ намъ обоимъ сшили новыя драповыя пальто, и хотя предполагалось обновить ихъ именно на Пасху, но намъ дали надѣть ихъ уже въ пятницу, потому что день былъ слишкомъ жаркій, чтобы одѣвать насъ въ шубенки, а изъ прошлогоднихъ пальто мы уже выросли. Мать разрѣшила дать новыя пальто, но съ строгимъ наказомъ:

— Смотрите, не пачкать! Иначе на Пасхѣ будете сидѣть дома.

И не столько изъ страха передъ матерью и ея строгостью, которая намъ была хорошо извѣстна, сколько изъ уваженія къ красотѣ новенькихъ пальто, мы оба, если и позапачкали ихъ немного, то сдѣлали это лишь въ минуты самой отчаянной бѣготни,—ужъ никакъ не позволили бы мы себѣ валяться въ нихъ по землѣ или копаться въ ручейкахъ.

Не помню, какъ и почему забѣжалъ я въ тотъ день въ кухню, — обстоятельство, имѣвшее грѣховныя послѣдствія. Моя мать была всегда хорошей хозяйкой, любила слѣдить за всѣмъ, что̀ дѣлается въ кухнѣ, и не очень строго относилась къ тому, если мы приходили къ ней съ какими-нибудь просьбами или вопросами въ то время, какъ она священнодѣйствовала съ поваромъ или кухаркой у кухоннаго стола. Я же ужасно любилъ сдобныя булки, которыя у насъ пеклись чуть не каждый день. А ужъ что̀ готовилось къ Пасхѣ—какіе куличи, какія бабы и всякая прочая снѣдь,—это въ калейдоскопѣ моихъ воспоминаній такія яркія пятна, которыя не блѣднѣютъ ни передъ чѣмъ другимъ! Мнѣ и самому иногда позволяли принимать участіе въ кухонномъ производствѣ, позволяли украшать куличи и бабы разными узорами, выводимыми глазурью изъ яичнаго бѣлка и сахара. Я помню, въ какомъ художественномъ экстазѣ я выжималъ изъ бумажныхъ трубочекъ эту глазурь — бѣлую, красную, желтую, и съ восторгомъ писалъ ею на поверхности куличей: „Христосъ воскресе“. Случалось, не досмотрятъ за мною, и сладкій червячекъ изъ бумажки начинаетъ извиваться, вмѣсто своего прямого назначенія, прямо ко мнѣ въ ротъ. Разумѣется, туда же попадали изюменки, миндаль, цукаты — всѣ тѣ драгоцѣнности, которыя служатъ для украшенія пасхальныхъ сооруженій. Но тутъ я долженъ сознаться, что любилъ не только эти украшенія, но и самый матеріалъ, изъ котораго пеклись куличи и бабы, и именно въ сыромъ его видѣ: крутое сдобное тѣсто казалось мнѣ удивительно вкуснымъ. А такъ какъ мать его-то

именно мнѣ и не давала, увѣряя, что это очень вредно, то я всегда находилъ какой-нибудь способъ получить его потихоньку отъ нея. Въ субботу,—уже забывъ и о желѣзномъ стулѣ, и объ исповѣди съ причастіемъ, и совершенно не думая, грѣхъ это или нѣтъ, — я, уже не знаю какъ, добылъ въ кухнѣ кусокъ сдобнаго тѣста величиною въ порядочную булочку. Вѣроятно, это былъ какой-нибудь отрѣзокъ отъ бабы, не умѣстившійся въ жестяную форму и отложенный кухаркой въ сторону. За то онъ очень удачно умѣстился въ карманѣ моего новаго пальто и прикрылся сверху вывороченнымъ клапаномъ. Потомъ, играя на дворѣ, я нѣсколько разъ запускалъ въ карманъ руку, осторожно отщипывалъ маленькіе кусочки сладкаго тѣста и съ наслажденіемъ жевалъ и глоталъ ихъ. Подѣлился и съ братомъ.

Но полилъ дождь, и мы очень скоро должны были вернуться въ комнаты. Къ вечеру дождь перешелъ въ снѣгъ, стало такъ холодно, что къ заутрени меня водили уже въ шубкѣ.

Я не могу сказать, помню ли я именно эту пасхальную заутреню, потому что и она заслонена теперь впечатлѣніями многихъ другихъ послѣдующихъ. Я только помню, что эта Пасха вся была холодной. Точно зима, уже ушедшая было на Страстной недѣлѣ, вернулась снова. Не сохранилось бы, вѣроятно, у меня и этого впечатлѣнія, еслибы не побочное обстоятельство: когда вновь наступило тепло, тогда опять наши дѣтскія шубки должны были уступить мѣсто тѣмъ новенькимъ пальто, въ которыхъ мы щеголяли на Страстной и которыя висѣли теперь забытыя въ шкафу. И вотъ, когда прислуга вынула ихъ и начала чистить, оказалось, что у меня въ карманѣ лежитъ камень,— при ближайшемъ изслѣдованіи онъ оказался засохшимъ тѣстомъ. Прислуга показала это матери. Меня позвали на расправу. Мать въ такихъ случаяхъ не церемонилась съ нами: она не руководствовалась правилами Домостроя, а просто отдавалась своему личному темпераменту—и пострадали мои уши, пострадали щеки, обѣщаны были страданія и другимъ, низшимъ частямъ тѣла, изъ коихъ прежде всего пострадали колѣни. Меня на цѣлый часъ поставили на колѣни, въ уголъ лицомъ, и мать, неоднократно проходя мимо, всякій разъ очень энергично объясняла мнѣ всю мерзость моего поступка.

Когда кончилась моя аудіенція у матери, дальнѣйшія внушенія продолжала нянька, и мнѣ всесторонне было доказано, что я совершилъ величайшій грѣхъ, что, не дождавшись розговѣнья, въ такіе дни,—шутка ли: въ Страстную субботу, когда намъ давался только чай съ постной булкой, безъ молока, да

постная картофельная похлебка съ перловой крупой, я ѣлъ тѣсто, въ которомъ были молоко, скоромное масло и яйца! По увѣренію няньки, не миновать мнѣ было на будущій годъ возить попа на желѣзномъ стулѣ.

Но мнѣ помнится, что меня всего больше огорчало то, что наша горничная, служившая и за швею, должна была выпороть карманъ изъ моего новенькаго пальто, отмачивать его въ теплой водѣ, потомъ пришивать его снова, и послѣ этого правая сторона моего пальто пріобрѣла уже далеко не тотъ красивый видъ, какой былъ у лѣвой. Что касается до поповскаго желѣзнаго стула, то я, слушая няньку, хотя и смотрѣлъ на нее, вѣроятно, озабоченными глазами, но, кажется, уже и въ то время начиналъ относиться скептически къ его существованію—а вѣдь до будущей исповѣди былъ во всякомъ случаѣ впереди еще цѣлый годъ: не только няня, не только я, а и сама мама могла позабыть о моемъ нынѣшнемъ прегрѣшеніи.

III.

Году не прошло, свершилось событіе такой важности, которое заставило забыть не только многія мелочи прошлаго, но измѣнило и самый характеръ моей дальнѣйшей жизни. Въ слѣдующую же зиму, въ февралѣ, умерла моя мама.

Какого рода была у нея болѣзнь, не знаю, но помню, что мать за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти увезли лечиться въ нашъ губернскій городъ. Какъ ни страшна была мнѣ иногда ея карающая десница, я помню, что первое время послѣ ея отъѣзда я скучалъ о ней; и я былъ чрезвычайно радъ, когда въ одинъ ясный февральскій день насъ съ братомъ закутали въ шубенки, посадили съ нянькой въ возокъ и сказали, что везутъ насъ къ мамѣ.

Послѣднее свиданье съ матерью осталось мнѣ памятно. Эта властная, гордая женщина, которой я привыкъ такъ бояться, лежала теперь въ постели слабая, исхудавшая, съ печальными глазами. Ея тёмные волосы казались мнѣ еще темнѣе теперь, почти черными, на фонѣ ея матово-желтаго лба. Красивыя черты ея лица сильно обострились. „Мама ли это?!“ Но когда я узналъ не столько знакомыя черты, сколько знакомое выраженіе ея глазъ, выраженіе одной изъ тѣхъ минутъ, когда она, бывало, ласкала меня, я заплакалъ одновременно отъ радости и отъ горя. Я бросился цѣловать руки матери. Я цѣловалъ ея лицо. Я ви-

дѣлъ, какъ заплакала она. Меня сейчасъ же отняли отъ нея. Мнѣ говорили, что мамѣ вредно волноваться. И я потомъ уже плакалъ въ углу, одинъ. О чемъ?.. я, конечно, не отдавалъ себѣ отчета въ ту минуту.

Потомъ, дальше, я помню, что меня и брата разбудили ночью, одѣли и привели насъ къ постели уже умирающей матери.

Помню, что мать давала мнѣ какія-то наставленія. Помню, что она обращалась поочередно съ какими-то словами ко всѣмъ присутствующимъ, а около ея постели въ это время собралось столько нашей родни, сколько я прежде и не видывалъ.

Потомъ смутно проходитъ въ моей памяти картина похоронъ: впервые услышанное мною надгробное пѣніе, попы въ черныхъ ризахъ, громко рыдающій отецъ, сугробы снѣга въ оградѣ монастыря, глубокая яма между этими сугробами...

Я не помню, какъ велъ я себя на похоронахъ. Я, кажется, не плакалъ. Я, кажется, былъ слишкомъ заинтересованъ всѣмъ совершавшимся вокругъ меня и, вѣроятно, уже и тогда склонный къ анализированію явленій нашей жизни, должно-быть силился дать себѣ отчетъ—что-жъ это такое?

Потомъ опять рядъ панихидъ... продолжительныя, одинокія молитвы отца... и наши дѣтскія молитвы рядомъ съ нимъ, на колѣняхъ.

Когда я спрашивалъ: „почему же мама умерла?"—мнѣ говорили:

— Божья воля! Богъ взялъ!

И невольно мнѣ вспоминалась картина моей первой, еще недавней исповѣди вмѣстѣ съ родителями. Вспоминалось умиротворенное, „божественное" лицо отца, когда онъ выходилъ изъза исповѣдальной ширмочки, вспоминалось и по-мірскому спокойное, почти равнодушное лицо матери, исповѣдывавшейся вслѣдъ за нимъ. И мнѣ думалось теперь: „Хорошо ли покаялась тогда мама? Быть можетъ, Богъ остался недоволенъ ею и покаралъ ее смертью". Мнѣ приходилось столько разъ слышать выраженіе: „Гордымъ Богъ противится". А она была горда—моя мама!

Но я слышалъ также, что у нея передъ смертью разлилась желчь. Я не понималъ тогда хорошенько, что это значитъ, и только изъ обрывковъ другихъ разговоровъ я ставилъ это въ связь съ тѣмъ, что мама часто сердилась на папу, да и на меня. Но по тому горю, которое переживалъ мой отецъ, и по той жалости, которую испытывалъ теперь я, я понималъ, что ни онъ, ни я—мы ни чуточки не сердились на маму. „Неужели же Богъ былъ такъ безпощаденъ, что наказалъ ее за насъ?"

И мнѣ вдругъ дѣлалось страшно даже подумать объ этомъ: я какъ-то безотчетно боялся, что Богъ накажетъ и меня за эти самыя мысли, какъ за попытку осудить Его правосудіе. Вообще же, послѣ смерти матери, я сталъ относиться къ Богу съ большой осторожностью. Мама-то вѣдь всегда казалась мнѣ отвѣтственной предстательницей за меня, грѣшнаго шалуна, передъ Богомъ. А теперь... хорошо еще, если она на небесахъ, моя заступница и руководительница! Строгая, увѣренная въ себѣ! А на отца, мнѣ казалось, надежды мало. Онъ былъ и слишкомъ добръ и снисходителенъ, да и вспоминалъ онъ о Богѣ такъ часто по поводу разныхъ своихъ дѣлъ, что хотя онъ и молился ему теперь съ удвоеннымъ рвеніемъ, гдѣ ужъ ему было замаливать еще и мои грѣхи! Приходилось вести свои счеты съ Богомъ непосредственно.

Вскорѣ послѣ похоронъ отецъ опять уѣхалъ къ своимъ дѣламъ въ нашъ уѣздный городъ. Туда увезли съ нянькой и моего младшаго брата,—ему шелъ въ то время всего четвертый годъ,—а меня поселили у бабушки, въ Казани, гдѣ я долженъ былъ, оставаясь подъ „нѣжнымъ“ женскимъ вліяніемъ, начать учиться.

Мои религіозныя воспоминанія, относящіяся къ послѣдовавшему затѣмъ ближайшему періоду времени, очень смутны. Въ домѣ моей бабушки, вдовы богатаго купца, религіозные обряды исполнялись, конечно, такъ же аккуратно, какъ во всякой патріархальной купеческой семьѣ, но они уже не могли обратить на себя моего особеннаго вниманія, послѣ всего того, къ чему пріучилъ меня дома отецъ. Да и пребываніе мое у бабушки было непродолжительно. Меня вскорѣ отдали жить и учиться въ частный пансіонъ, гдѣ я прожилъ четыре зимы, уѣзжая каждое лѣто на каникулы домой къ отцу.

Годы пансіонскаго ученья представляютъ одну изъ интереснѣйшихъ страницъ моей жизни, поучительную въ воспитательномъ отношеніи вообще и въ особенности въ отношеніи совмѣстнаго обученія дѣтей обоего пола, какъ это было въ этомъ пансіонѣ; но въ смыслѣ роста моего религіознаго сознанія они незначительны. Слишкомъ много было тамъ другихъ, земныхъ впечатлѣній, не дававшихъ времени задумываться надъ вопросами религіи. Въ пансіонѣ, какъ раньше дома, меня учили по книжкамъ Закону Божію, то-есть заставляли заучивать наизусть молитвы, большинство которыхъ я зналъ и раньше, заставляли заучивать и передавать своими словами все тѣ же знакомые мнѣ разсказы о сотвореніи Господомъ Богомъ міра, о невинномъ, съ моей дѣтской точки зрѣнія, грѣхѣ нашихъ прародителей, кото-

рые вдвоемъ съѣли всего только одно яблоко съ запрещеннаго дерева, заставляли учить и разсказывать все о грѣхахъ да о грѣхахъ людей, и о Божескихъ карахъ. Не мудрено, что, повторяя зады, я въ первое время пребыванія въ пансіонѣ учился по Закону Божію превосходно, всегда на полный баллъ.

Дѣло шло не хуже, когда пришлось изучать исторію царей израильскихъ и когда, наконецъ, отъ Ветхаго Завѣта перешли и къ Новому.

Но по мѣрѣ того какъ подвигались мои знанія въ Законѣ Божьемъ, мои отношенія къ Богу утрачивали мало-по-малу характеръ прежней любви и довѣрчивости, и даже страхъ передъ Его гнѣвомъ за мои прегрѣшенія становился все слабѣе и слабѣе.

Слушая уроки Закона Божья, я столько разъ былъ на сторонѣ прегрѣшившихъ, я столько разъ былъ несогласенъ съ мѣрой наказанія, налагаемой Богомъ! Терпимость, свойственная мнѣ по природѣ и давшая уже хорошіе, прочные ростки на той почвѣ снисходительности къ чужимъ слабостямъ, которую я всегда видѣлъ у отца, не мирилась съ суровымъ духомъ, вѣявшимъ на меня со страницъ Ветхаго Завѣта даже въ школьномъ его изложеніи. И этотъ зарождавшійся протестъ противъ всемогущаго источника страданій ветхозавѣтнаго Іова переносился постепенно и незамѣтно и на все, что стѣсняло такъ или иначе мою тогдашнюю личную жизнь изъ-за исполненія вообще всего угоднаго Богу, а въ частности изъ-за церковныхъ обрядовъ. И если дома примѣръ отца заставлялъ меня еще придавать большую важность всей обрядовой сторонѣ религіи, то въ пансіонѣ, наоборотъ, коллективная молитва передъ началомъ ученья, передъ обѣдомъ, на сонъ грядущій, и хожденіе по воскресеньямъ въ церковь по-парно и гуськомъ, перемигиванье другъ съ другомъ во время богослуженья, отсутствіе религіознаго настроенія у большинства товарищей—все постепенно пріучало смотрѣть на исполненіе религіозныхъ обрядовъ съ чисто формальной стороны, какъ на прохожденіе всякаго другого урока.

Помню, какое впечатлѣніе произвело на всѣхъ въ классѣ, и на меня въ особенности, когда кто-то изъ моихъ соученицъ, что постарше, хорошо отвѣтивъ батюшкѣ урокъ изъ Закона Божія, въ заключеніе задала ему вопросъ:

— Батюшка, какъ же это такъ: вотъ въ Библіи сказано, что Богъ сотворилъ солнце, луну и звѣзды на четвертый день, а какъ же были безъ солнца и утро и вечеръ въ первые три дня?

Священникъ сначала немного растерялся, но сейчасъ же увѣренно сказалъ:

— А это были дни такіе безъ солнца... Божьи дни... большіе, долгіе дни.

Отвѣтъ не удовлетворилъ вопрошавшую.

— Такъ какъ же, батюшка, утро и вечеръ безъ солнца? Стало-быть было какое-нибудь другое солнце, которое всходило и заходило?

— Нѣтъ, другого солнца не было,—отвѣтилъ, хмурясь, священникъ.—А вотъ будете постарше, все узнаете и поймете,—круто оборвалъ онъ и вызвалъ отвѣчать заданный урокъ меня.

Я отвѣтилъ, какъ всегда, на пятерку. Но съ этого дня запало въ мою душу сѣмя уже настоящаго скептицизма. Я еще не зналъ тогда, что поднятый въ тотъ день на пашемъ урокѣ вопросъ о первыхъ дняхъ творенія міра поднимался наивными дѣтскими умами еще задолго до появленія на свѣтъ и самаго пансіона нашего, со всѣми его учащимися и учащими. Позднѣе и я уже только улыбался, когда слышалъ про многіе подобные наивные вопросы, и смѣялся надъ обидой наивныхъ дѣвочекъ, серьезно удивлявшихся, почему на небѣ все „мальчики": Богъ Отецъ, Богъ Сынъ, Богъ Святой Духъ, и при нихъ ангелы, архангелы, херувимы, серафимы, а изъ женщинъ только одна Матерь Божія и совсѣмъ нѣтъ при ней „дѣвочекъ". Но въ то время услышанный впервые въ классѣ вопросъ о появленіи солнца и всѣхъ свѣтилъ небесныхъ только въ четвертый день сотворенія міра показался мнѣ чрезвычайно важнымъ. Я не хотѣлъ быть глупѣе другихъ, глупѣе моихъ сверстниковъ и сверстницъ, не хотѣлъ принимать на вѣру то, что могло показаться сомнительнымъ, и сталъ ко всему, что мнѣ выдавали за непреложную истину, подходить уже съ преднамѣреннымъ противорѣчіемъ.

Въ домѣ бабушки была Библія, всегда лежавшая на столѣ подъ иконами. Когда я по воскресеньямъ попадалъ къ бабушкѣ, я, случалось, перелистывалъ эту книгу, и она, еще не возбуждая у меня любопытства, не вызывала и благоговѣнія. Но прежде чѣмъ подорванная въ моихъ глазахъ авторитетность „каждаго" слова и „каждой" буквы „Святой Библіи" послужила къ развитію у меня скептицизма вообще, мой дѣтскій умъ, руководимый моимъ дѣтскимъ сердцемъ, все болѣе и болѣе смѣло судилъ по-своему о томъ Богѣ, вѣчный страхъ передъ которымъ долженъ былъ, по внушенію моихъ законоучителей, служить основаніемъ моего хорошаго поведенія. И я былъ уже и тогда

во многомъ несогласенъ съ Его собственными дѣйствіями и съ проявленіями Его святой воли не только на землѣ, но и на небѣ. Такъ, когда на урокахъ Закона Божія мы добрались до Новаго Завѣта, до Страстей Господнихъ, помню, я ни за что не хотѣлъ примириться съ тѣмъ, зачѣмъ Богъ-Отецъ дозволилъ распять Своего Сына—Христа. Онъ, всемогущій, Онъ, который за одно яблоко лишилъ Адама и Еву рая, Онъ, который сжегъ Содомъ и Гоморру и превратилъ жену Лота въ соляной столбъ только за то, что она, какъ любопытная женщина, оглянулась на пожаръ, — Онъ позволилъ безнаказанно совершиться такому злому дѣлу, какъ распятіе Его добраго Сына. Напрасно было увѣрять меня, что все это Богъ сдѣлалъ для блага человѣчества, во искупленіе людскихъ грѣховъ; я продолжалъ думать, что распинать невиннаго и святого за грѣхи грѣшныхъ было несправедливо. Тѣмъ болѣе, что Богъ-Отецъ, какъ я вычиталъ въ Библіи, уже однажды, въ допотопное время, „раскаявшись въ сердцѣ своемъ“, что создалъ скверныхъ людей, всѣхъ ихъ потопилъ. Зачѣмъ же было допускать теперь, чтобъ они, опять испортившись, убивали Того, Кто пришелъ сдѣлать ихъ хорошими? И мнѣ думалось, что всѣ страданія Христа были такой же ошибкой Бога-Саваоѳа, какъ и созданіе дурныхъ людей до потопа.

И я искренно, всей душой полюбилъ тогда Христа, и какъ своего брата, человѣка, и какъ Бога-Сына, отъ котораго одного и ждалъ въ будущемъ всего хорошаго. И то, что̀ въ религіозныхъ обрядахъ мнѣ казалось свѣтлымъ, пріятнымъ, я сталъ безотчетно относить ко Христу, а все, что̀ было тягостнымъ или страшнымъ, ставилъ на счетъ Бога-Саваоѳа.

Посты въ пансіонѣ соблюдались съ гораздо меньшей строгостью, чѣмъ у насъ дома, а хожденіе въ церковь всѣмъ пансіономъ казалось иногда занимательной общей прогулкой. И я не могъ не почувствовать разницы между тѣмъ отношеніемъ къ религіи и ея обрядамъ, какое было у моего отца, и тѣмъ, какое было у всѣхъ, кто являлся нашими религіозными руководителями въ школѣ.

Какъ только я пріѣзжалъ лѣтомъ домой къ отцу,—опять по средамъ и пятницамъ постъ, даже безъ молока. Потомъ Петровскій постъ. Однажды кто-то сказалъ при мнѣ отцу, что мнѣ, ребенку, нужно въ теченіе лѣта укрѣплять организмъ хорошимъ питаніемъ, чтобы запастись силами для зимняго ученія, а постъ ослабляетъ меня.

Отецъ отвѣтилъ:

— Нужно, чтобъ духъ былъ крѣпокъ. Твердость въ религіи важнѣе всякаго другого ученья. Я въ его годы постился.

Отецъ былъ богатырскаго сложенія и богатырской силы, — собственнымъ примѣромъ могъ онъ подкрѣплять правильность своей теоріи воспитанія. Но я, когда-то благоговѣйно относившійся ко всему, въ чемъ онъ могъ служить для меня примѣромъ, теперь уже позволялъ себѣ думать по-своему и въ особенности во всемъ, что касалось вопроса о религіозныхъ обрядахъ: недаромъ же я теперь тяготѣлъ всей душой къ всепрощающему Богу-Сыну и чувствовалъ уже не столько прежній страхъ, сколько еще несмѣлую, но и не ослабѣвающую непріязнь къ Богу-Отцу. Вѣдь если и Христосъ постился, такъ это чтобъ угодить Отцу, — толковалъ я по-своему пребываніе Христа въ пустынѣ, — а Отецъ не избавилъ его отъ распятія, не услышалъ его молитвы.

Мое вольнодумство кончилось тѣмъ, что подъ конецъ Петрова поста я сталъ ходить пить потихоньку молоко во время самаго доенія. Въ первый разъ коровница дала мнѣ стаканчикъ, не устоявъ передъ тѣмъ, какъ я просилъ ее объ этомъ чуть не со слезами на глазахъ. Но потомъ, точно испугавшись, что она приняла па душу большой грѣхъ, въ слѣдующій разъ уже хотѣла мнѣ отказать. Тогда я сказалъ, что я все равно пойду и скажу отцу, что я уже оскоромился, и буду просить отца, пока онъ не разрѣшитъ ей давать; только тогда ей же достанется, зачѣмъ она меня оскоромила, а вѣдь и до Петрова дня-то осталось всего нѣсколько дней! И коровница, внявъ моимъ мольбамъ, стала поить меня молокомъ уже ежедневно и только все повторяла при этомъ:

— Господи, прости мои прегрѣшенія!

А я самъ-то и грѣха въ этомъ не признавалъ. Иногда, молясь передъ сномъ, я между заученными молитвами мысленно обращался къ Христу: „Вѣдь Ты, Господи, позволилъ бы?“ И я чувствовалъ, что за этой мыслью пряталась другая: „Вѣдь Ты не Богъ-Саваоѳъ!“ —и я пугливо старался не замѣтить ея.

Не смущало меня и то, что съ питьемъ молока я обманывалъ отца. По моимъ соображеніямъ выходило какъ-то такъ, что еслибъ отецъ разрѣшилъ, то не было бы и грѣха обмана, и что грѣхъ за мой обманъ—на немъ. А такъ какъ онъ не зналъ этого, то и онъ не виноватъ, и, во всякомъ случаѣ, ему, при его хорошихъ отношеніяхъ къ Богу, все простится.

А какъ только была поколеблена моя вѣра въ необходимость строгаго соблюденія постовъ, очень быстро поколебалась вѣра и

въ необходимость хожденія въ церковь, не пропуская ни одной службы. Тутъ даже не было разсужденій о Богѣ Саваоѳѣ и о Христѣ, а просто—не хотѣлось. Просто думалось: „Не въ попы же мнѣ готовиться".

И чѣмъ строже и настойчивѣе былъ въ этомъ отношеніи отецъ, тѣмъ непріязненнѣе становился къ церковнымъ службамъ я. Только еще богослуженіе на Пасхѣ и на Страстной своей торжественностью и таинственностью вызывало у меня и религіозное настроеніе, и еще болѣе то чувство чисто дѣтскаго восторга, какое является у ребенка, когда передъ нимъ въявь, какъ во снѣ, развертываются красивыя, сказочныя грезы. Помню, я любилъ больше всего запахъ елки и пихты отъ вѣтвей, набросанныхъ на полу церкви и вокругъ нея. Въ этомъ запахѣ вѣдь тонетъ почти безъ слѣда и запахъ ладана, и запахъ множества горящихъ восковыхъ свѣчей. Въ немъ есть что-то могучее, стихійное, нѣчто отъ природы—а къ ней, къ матери-природѣ, я и ребенкомъ всегда чувствовалъ безсознательное, но неодолимое влеченіе. Любилъ я еще и ночной пасхальный крестный ходъ вокругъ церкви. Тутъ я уже не боялся быть разбуженнымъ къ заутрени,—я дремалъ, не раздѣваясь, въ креслѣ и охотно поднимался, чтобъ идти одѣваться въ нарядную бархатную рубашечку, когда и старшіе начинали собираться къ заутрени. Я весь трепеталъ отъ восторга, когда торжественная процессія, сдѣлавъ обходъ, возвращалась въ церковь, и ея стѣны оглашались ликующимъ „Христосъ воскресе!.." Я любилъ вслушиваться въ пасхальные напѣвы, любилъ смѣну черныхъ ризъ на бѣлыя, любилъ нарядную толпу въ церкви въ этотъ „праздниковъ праздникъ и торжество изъ торжествъ", любилъ смотрѣть на разставленные въ церкви и на паперти куличи, пасхи и яйца, принесенные для освященія, любилъ пасхальный звонъ, любилъ, когда въ воздухѣ пахло весной, и за все это я тогда всѣмъ сердцемъ любилъ Христа. Я вѣрилъ въ Его воскресеніе такъ, какъ будто оно совершалось именно тогда, въ каждую Пасху снова. Да развѣ это и не было такъ? Христосъ, истинный Христосъ, лежавшій въ летаргіи въ душахъ всѣхъ окружавшихъ меня людей и въ моей собственной, развѣ Онъ не воскресалъ въ эти дни, когда, подъ лаской весенняго солнца, люди обнимались и цѣловались, когда вся жизнь вокругъ каждой пробивающейся травкой, каждой струйкой весеннихъ ручейковъ точно говорила и пѣла стихъ, который изъ всѣхъ пасхальныхъ мнѣ почему-то былъ особенно дорогъ: „и ненавидящимъ насъ простимъ вся"...

Но за годы пребыванія въ пансіонѣ я встрѣчалъ Пасху у

бабушки, которая всегда брала меня изъ пансіона на праздники къ себѣ, и вся прелесть пасхальной весны открывалась мнѣ только въ предѣлахъ огромнаго, мѣстами поросшаго травой двора при бабушкиномъ домѣ. Но, бѣгая по двору и прутиками расчищая русло дворовыхъ весеннихъ ручейковъ, я отсюда мысленно переносился въ домъ отца, тамъ, въ нашемъ уѣздномъ городѣ. Туда я могъ попасть только на лѣтнія каникулы. Тамъ дворъ былъ грязный, рабочій и играть мнѣ на немъ не приходилось; но тамъ былъ огромный садъ съ березовыми аллеями. Это былъ уже не тотъ домъ, гдѣ мы жили, когда еще жива была мать, и откуда начались мои первыя сознательныя воспоминанія. Новый домъ былъ на другомъ концѣ города, на самой окраинѣ, и былъ больше и лучше; и если въ прежнемъ саду были столѣтнія липы, то здѣсь были столѣтнія березы, была огромная лиственница, а одинъ изъ угловъ сада казался точно выхваченнымъ прямо изъ лѣсной чащи: тутъ и елки, и сосенки, и мелкій кустарникъ, и даже болотце. А за заборомъ сада начинались пахотныя поля, вдали виднѣлись безконечные сосновые лѣса. Но самое главное, самое дорогое—весь огромный дворъ нашего дома выходилъ на рѣку.

И эта рѣка и въ годы моего дѣтства, и въ первые годы моего отрочества, когда я еще былъ подъ вліяніемъ отца, косвенно сыграла немалую роль въ развитіи у меня отрицательнаго отношенія къ религіознымъ вѣрованіямъ.

Я помню, какъ я, пріѣхавъ на каникулы изъ пансіона впервые въ этотъ новый домъ, убѣжалъ сейчасъ же одинъ на берегъ, сѣлъ на травкѣ и уставился восхищеннымъ взглядомъ въ разстилавшуюся за рѣкой даль луговъ и лѣсовъ. Я зналъ нашу рѣку и раньше, но не здѣсь, не на этомъ мѣстѣ, а тамъ, гдѣ чрезъ нее былъ большой мостъ, соединявшій городокъ съ зарѣчной слободкой. Я зналъ ее малосознательнымъ ребенкомъ,—теперь я возвращался къ ней послѣ зимы, проведенной въ губернскомъ городѣ, послѣ жизни въ чужихъ людяхъ, и она-то теперь была уже не чужая, а своя: она протекала у насъ на дворѣ. Это было именно на дворѣ, а не то, чтобы нашъ домъ стоялъ у рѣки,—потому что и другой берегъ принадлежалъ намъ же: тамъ былъ нашъ огородъ и нѣкоторыя хозяйственныя постройки. И я просидѣлъ на берегу до тѣхъ поръ, пока за мной не пришли и не увели меня.

Съ этого момента я полюбилъ нашу рѣчку, полюбилъ такъ, какъ только могъ бы мальчикъ полюбить чистой любовью подругу игръ—дѣвочку. Весной, въ половодье, рѣчка разливалась на двѣ

версты, и по ней сплавляли плоты въ Волгу; лѣтомъ она мелѣла настолько, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ее можно было переходить вбродъ. Тогда она была у насъ уже совсѣмъ дома, была наша крѣпостная, дворовая, и въ первыя же два лѣта я какъ-то точно сроднился съ нею. Цѣлые дни я проводилъ на рѣкѣ, какая бы ни была погода, катался въ ботникѣ, удилъ рыбу, ставилъ рачни, а въ жары разъ по пятнадцати на дню купался, купался до лихорадки. Въ рѣчкѣ было безконечно много мелкой рыбешки, плотвы и пискарей или „шемурановъ", какъ ихъ у насъ называли; было немало и язей, окуней, ершей; они плавали цѣлыми стаями, и даже не боялись купающихся. И я любилъ играть съ мелкими пискарями, которые, бывало, какъ только влѣзешь въ воду, сейчасъ же подплывутъ со всѣхъ сторонъ и начнутъ толкаться мордочками въ голое тѣло. Тогда я и самъ чувствовалъ себя чѣмъ-то въ родѣ рыбки; я любилъ нырять и подолгу оставаться подъ водой, любилъ отыскивать на днѣ брошенныя туда серебряныя деньги, смотрѣлъ подъ водой такъ же свободно, какъ на воздухѣ. Отецъ, сначала очень возстававшій противъ моего постояннаго пребыванія на рѣкѣ, изъ боязни, какъ бы я не утонулъ, потомъ совсѣмъ примирился съ этимъ, убѣдившись на купаньи вмѣстѣ съ нимъ, какъ я хорошо плаваю.

Уженіе рыбы было возведено мною въ своего рода культъ. Какъ художникъ восторгается картиной или статуей, такъ я восторгался какой-нибудь хорошо свитой лесой, какимъ-нибудь изящно гнущимся можжевеловымъ удилищемъ, какой-нибудь тонкой, хорошо закаленной удочкой. У меня были и блесны, а съ нашими рабочими я не разъ присутствовалъ и на ловлѣ рыбы неводомъ, наметкой и острогой. Но къ этому я какъ-то безсознательно относился такъ, какъ художникъ можетъ относиться къ ремеслу: „настоящимъ" дѣломъ, настоящимъ искусствомъ было въ моихъ глазахъ только уженье. Уженье—это казалось мнѣ тогда—сама поэзія. И оно надолго оставалось моимъ любимѣйшимъ спортомъ. Какъ завзятый рыболовъ, я уже и въ дѣтствѣ терпѣть не могъ поплавковъ. Нѣтъ, когда у меня лежало по берегу рядышкомъ нѣсколько удилищъ большихъ и малыхъ, мнѣ было любо наблюдать нервное подергиванье лесы за кончикъ удилища, мнѣ было любо умѣть во-время подсѣчь неосторожную рыбку, тянувшую съ крючка наживку. Мальчуганомъ лѣтъ девяти я уже лавливалъ и щукъ на живца, таскалъ и окуней фунтовъ по пяти.

Моимъ всегдашнимъ спутникомъ былъ дѣдушка Андрей, отецъ нашего кучера и нашей прачки. Восьмидесятилѣтній старикъ,

онъ жилъ при дѣтяхъ безъ дѣла, и мы съ нимъ бывало—старый да малый — сядемъ въ завѣтномъ мѣстечкѣ подъ кустами, гдѣ съ одной стороны былъ глубокій яръ и водилась крупная рыба, съ другой—песчаная коса, видимая на аршинъ подъ водой, гдѣ великолѣпно брала на червяка и мухъ глупая мелкая рыбешка. Бывало, за вечеръ мы съ дѣдомъ наловимъ цѣлый берестяный кузовъ. Я свой уловъ несу домой, какъ трофеи,—дѣдъ продавалъ или намъ же на кухню, или на базарѣ, все, что было лишнимъ для его пропитанія.

Часа по три, по четыре мы высиживали съ Андреемъ въ глубокомъ молчаніи, сосредоточенно слѣдя за нашими удочками. Какое это бывало нервное настроеніе, какой смутный восторгъ испытываешь, когда начинается настоящій удачный клевъ! Мнѣ всегда дѣлалось при этомъ жарко,—горѣли уши, пылали щеки. И вотъ тутъ-то случалось мнѣ переживать трагическія минуты: это всегда бывало по субботамъ или наканунѣ какого-нибудь праздника. Погода стоитъ чудная, небо безоблачно, рѣка течетъ такъ тихо-тихо, что кажется неподвижной. Истомленныя дневной жарой, рыбки какъ будто спятъ, остановившись на одномъ мѣстѣ... Но, вотъ, жара начинаетъ спадать! Солнце склонилось къ горизонту... отъ берега, отъ кустовъ легла на рѣчку тѣнь... И рыбки зашевелились, зашевелились!.. Мы съ дѣдомъ набросали имъ крошекъ, закинули наши удочки, — рыбки лѣниво подергали ихъ, отошли въ сторону... потомъ опять дернули... Вотъ,—попалась одна... блеснула надъ моей головой, вытянутая на воздухъ, другая... потомъ еще... Клевъ начался!

— Сегодня уловъ, мотри, будетъ лучше вечорышняго, — шепчетъ мнѣ дѣдъ Андрей.

И я съ замираніемъ сердца слѣжу за моими удочками.

И вдругъ: Бомммъ!

Внутри у меня точно что-то обрывается; я чувствую, что мои руки начинаютъ холодѣть и что я невольно нервно стиснулъ зубы.

— Бо-о-мъ!—доносится до насъ опять протяжно-гулкій, однотонный ударъ колокола нашей приходской церкви.

Отъ досады я сжимаю пальцы такъ, что они хрустнули, и отчаяннымъ взглядомъ гляжу на кончики моихъ удилищъ... Я даже не сразу замѣчаю, какъ одно изъ нихъ пригибается уже къ самой водѣ, и, только спохватившись, машинально тащу на берегъ бойкаго ерша. А въ это время опять:

— Бо-о-мъ!.. Бо-о-мъ!..

Ударъ за ударомъ льются звуки вечерняго благовѣста.

Въ тихомъ вечернемъ воздухѣ они для кого-нибудь могутъ

быть полны поэзіи, полны молитвеннаго настроенія. Но не для меня. Мнѣ они казались тогда самыми жестокими, какіе когда-либо поражали мой слухъ. Я готовъ былъ заплакать, услыхавъ ихъ: надо идти ко всенощной! Надо идти, и не можетъ быть отговорокъ, не можетъ быть оправданій,—спасенья нѣтъ! Если я сейчасъ не приду самъ, за мной пришлютъ, меня найдутъ, меня будутъ бранить за опозданіе. Если я спрячусь—меня накажутъ, меня лишатъ свободы, меня завтра не пустятъ съ дѣдомъ Андреемъ на уженье.

О, какъ ненавидѣлъ я въ эти минуты это отвратительное „Бо-о-мъ"!..

Дѣдъ Андрей набожно крестился при этихъ звукахъ, а я сжималъ свои кулаченки и готовъ былъ побить—кого, не знаю. Дѣду-то Андрею хорошо—онъ ко всенощной не пойдетъ; онъ будетъ сидѣть тутъ и ловить рыбу, и будетъ креститься при каждомъ новомъ ударѣ колокола, а ко всенощной все-таки не пойдетъ. Его старыя ноги не выносятъ больше никакого стоянія, а сидѣть въ церкви онъ считаетъ грѣхомъ; онъ ходитъ къ обѣднѣ только по двунадесятымъ праздникамъ, да и то: постоитъ-постоитъ да и выйдетъ на паперть посидѣть. А вѣдь мнѣ надо сейчасъ же бѣжать бѣгомъ домой, чтобы успѣть вмѣстѣ съ отцомъ придти къ началу вечерни; мнѣ надо выстоять всю службу—вечерни ли, всенощной ли, какая бы она ни была,—мнѣ надо стоять чинно и смирно, слѣдить за тѣмъ, когда крестится мой отецъ, и креститься вмѣстѣ съ нимъ, вмѣстѣ съ нимъ становиться на колѣни, вмѣстѣ съ нимъ класть земные поклоны!.. Моя дѣтская душа страшно бунтуетъ противъ этого насилія надъ ней. Но я еще ничѣмъ не смѣю выразить своего протеста, я еще не смѣю сказать что-либо непріятное моему отцу, я не смѣю даже и думать слишкомъ дерзко о томъ, какъ все это мнѣ непріятно. Не смѣю. Потому что я еще боюсь грозы Божіей, я все еще думаю, не наказалъ ли Богъ мою маму за то, что она недостаточно молилась.

И я дрожащими руками свертываю мои любимыя удочки, чтобы унести ихъ домой, но парочку все-таки оставляю дѣду Андрею—пусть хоть онъ на нихъ, на моихъ, половитъ! А дѣдъ Андрей суетъ мнѣ въ руку копѣйку, прося поставить свѣчку Чудотворцу Николаю. Мнѣ не хочется дѣлать этого, въ эту минуту мнѣ противно это, но я не хочу огорчать стараго и берусь исполнить его порученіе.

И вотъ я у церкви. Тремя, четырьмя болѣе рѣзкими, болѣе отрывистыми ударами колокола закончился благовѣстъ въ то время, когда мы съ отцомъ уже подходимъ къ паперти.

Я не люблю эту нашу приходскую церковь. Она бѣднѣе и мрачнѣе той, что была у нашего прежняго дома. Но и эта тоже близко отъ насъ—всего черезъ кварталъ.

Мы входимъ. Нашъ попъ, о. Алексѣй, оправляетъ только-что надѣтую эпитрахиль, выходитъ къ Царскимъ Вратамъ и провозглашаетъ:

— Благословенъ Богъ нашъ, всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ!

И своимъ гнусавымъ голосомъ, давно охрипшимъ отъ неумѣреннаго употребленія вина, нашъ старый дьячекъ читаетъ:

— Аминь! Слава Тебѣ Боже нашъ, слава Тебѣ! Царю Небесный, Утѣшителю, Душе истины...

Все это такъ давно, такъ хорошо знакомо мнѣ, все это такъ безнадежно надоѣло!.. Я уже не замѣчаю, какъ я крещусь, какъ отвѣшиваю поклоны, — я все это дѣлаю такъ же машинально, такъ же привычно, какъ и священникъ и дьячекъ. Именно то, что ни въ ихъ тонѣ, ни въ ихъ молитвенныхъ движеніяхъ я никогда не видѣлъ ни вдохновенія, ни настроенія, именно это-то и пріучило меня относиться машинально и къ крестному знаменію, и къ молитвѣ.

А въ то время, какъ я исполняю свою обязанность молящагося, моя душа—далеко, далеко: я все еще вижу гладкую поверхность рѣки, вижу снующихъ подъ водой рыбокъ, и чудится мнѣ, какъ дѣдъ Андрей таскаетъ ихъ одну за другой,—пока возгласъ діакона не вырываетъ меня изъ этой грёзы. Какъ давеча протяжное, гулкое „Бумъ“, такъ теперь заставляетъ меня вздрогнуть басистое:

— Миромъ Господу помолимся!

И я машинально крещусь.

Уже и короткая будняя вечерня всегда казалась мнѣ длинной. А вѣдь передъ праздникомъ—всенощной и конца нѣтъ! Я все время только и думаю, нельзя ли мнѣ еще успѣть добѣжать на рѣку и застать Андрея за уженіемъ. Я съ ненавистью смотрю на виновника этой задержки — на о. Алексѣя, который служитъ, какъ мнѣ кажется, такъ неторопливо, такъ лѣниво, я мысленно осыпаю его ругательствами, о которыхъ не хочется и вспоминать... И я тихо-беззвучно, но злобно шепчу ему издали:

— Да кончай же ты поскорѣе!

Чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ больше я нервничаю; начинаю креститься торопливѣе и торопливѣе, какъ будто этимъ можно помочь дѣлу и что-нибудь ускорить.

Какъ только кончается служба и мы доходимъ до воротъ,

является возможность незамѣтно улизнуть отъ отца, и я стрѣлой несусь на рѣку къ дѣду Андрею. Но увы!—солнце уже сѣло, наша холодная, сѣверная роса пала на землю, старческія кости Андрея требуютъ тепла и покоя, и я вижу: онъ уже идетъ мнѣ навстрѣчу со свернутыми удочками и тяжелымъ кузовомъ, изъ котораго торчатъ рыбьи хвосты. Вонъ сколько онъ наловилъ! И меня не было при этомъ!..

А на другой день, въ воскресенье, погода мѣняется, съ утра накрапываетъ дождь, дуетъ вѣтеръ, и даже короткая попытка поудить хоть немного—не удается: точно вся рыба ушла куда-то въ другое мѣсто.

IV.

Въ домѣ отца, вскорѣ послѣ смерти моей матери, поселились двѣ его сестры, двѣ старыя дѣвы. Когда мнѣ было десять лѣтъ, старшая изъ нихъ была уже старухой подъ шестьдесятъ. Обѣ некрасивыя, обѣ религіозныя, онѣ съ дѣтства обрекли себя на дѣвство; обѣ съ пятилѣтняго возраста не ѣли мяса. По характеру онѣ отчасти напоминали евангельскихъ Марѳу и Марію. Младшая, Елена, была Марѳой и пеклась о всемъ нашемъ домашнемъ хозяйствѣ, отдавая религіознымъ обрядамъ лишь положенное для того время и, конечно, соблюдая всякіе посты еще болѣе строго, чѣмъ мой отецъ и мы — дѣти. Старшая была евангельской Маріей. Ее всѣ и звали Маріей, хотя по метрикѣ она числилась Агриппиной. Эта, напротивъ, не занималась ничѣмъ мірскимъ, отрѣшилась отъ всякихъ заботъ по хозяйству и посвятила всю свою жизнь исключительно молитвѣ и молитвамъ.

„Новый“ купленный отцомъ домъ, въ которомъ мы тогда жили, былъ, въ сущности, огромный старый-старый барскій домъ, со множествомъ всякихъ комнатъ и сѣней въ двухъ этажахъ. Торговыя дѣла отца шли въ то время блестяще, и онъ считалъ своимъ родственнымъ и религіознымъ долгомъ всячески помогать роднѣ. Ближе всѣхъ были, разумѣется, сестры, и имъ были предоставлены всѣ условія жизни по ихъ вкусу и желанію. Изъ многочисленныхъ комнатъ верхняго этажа три были отданы имъ, и тамъ у насъ былъ какъ бы свой домашній женскій монастырь. Тамъ былъ свой особый міръ, рѣзко отличавшійся отъ жизни всѣхъ остальныхъ комнатъ. Отецъ вѣдь, при всей своей религіозности, любилъ жить широко, открыто; исполнивъ свои обязанности христіанина, онъ любилъ созвать и гостей, въ скором-

ные дни любилъ и поѣсть, и поговорить скоромно, любилъ и здорово выпить съ компаніей добрыхъ друзей, и изъ своихъ большихъ доходовъ не жалѣлъ денегъ и на новую отдѣлку и хорошую обстановку старыхъ барскихъ хоромъ. Въ комнатахъ тетокъ, напротивъ, все пахло стариной, отъ всего вѣяло духомъ монастыря, гдѣ тетка Марія, по отчеству Марья Яковлевна,— или по нашему, по сокращенному: Марьякольна,—была какъ бы настоятельницей. Тетка Елена, лѣтъ на десять моложе своей старшей сестры, могла бы называться матерью-казначеей, а роли послушницъ выпадали на долю находившихся подъ ея началомъ старыхъ и молодыхъ горничныхъ. Была въ нашемъ монастырѣ и своя „схимница“—приживалка, какая-то очень дальняя родственница, Ирина Дмитріевна, въ просторѣчіи—Митревна. Старая, какъ и тетки, она жила „при нихъ“ за занавѣской въ темномъ тупикѣ узенькаго корридорчика, раздѣлявшаго комнаты тетокъ и выходившаго своимъ открытымъ концомъ въ переднюю. Здѣсь Митревна, собственно, только спала — на полу, на войлокѣ,—здѣсь же висѣли на стѣнѣ, на гвоздикахъ, ея немногочисленныя „схимническія“ одежды; а день она проводила почти неотлучно въ комнатѣ тетки Маріи или, вмѣстѣ съ ней же, въ церкви. Впрочемъ, и самая комната тетушки Марьякольны была похожа если не на маленькую походную церковь, то, по крайней мѣрѣ, на часовню, на молельню, куда только случайно попали посторонніе ей предметы домашняго обихода. Большой кіотъ въ углу, наполненный образами въ дорогихъ ризахъ; иконы на стѣнахъ, чуть-что не цѣлый иконостасъ; двѣ неугасимыхъ лампады передъ особо чтимыми иконами; подъ праздники восковыя свѣчи въ особыхъ подсвѣчникахъ, паникадилахъ; полки со священными книгами въ старинныхъ кожаныхъ переплетахъ; огромная Библія, тоже въ кожаномъ переплетѣ,—и чуть ли не въ доскахъ вмѣсто картона, — съ золотымъ тисненіемъ, съ мѣдными застежками; старинное изданіе Четьихъ-Миней; столы, покрытые холщевыми узорчатыми скатертями крестьянскаго тканья; бѣлые холщевые половики, всегда какъ снѣгъ чистые, вездѣ, и вдоль, и поперекъ комнаты, отъ дверей къ столамъ, отъ столовъ къ божницамъ; простая деревянная старинная кровать, покрытая ватнымъ стеганымъ одѣяломъ изъ крашенины съ желтымъ горошкомъ по синему полю. И среди этой обстановки—сама хозяйка, толстая, расплывшаяся отъ полной неподвижности и вегетаріанской пищи. На ней дѣвичья бѣлая кисейная рубаха съ большимъ вырѣзомъ, обнажающимъ сморщенную старческую шею; поверхъ рубахи— сарафанъ изъ такой же крашенины, какъ и одѣяло, тоже съ

желтымъ, но болѣе мелкимъ горошкомъ по синему полю. Въ гладко причесанныхъ русыхъ волосахъ, несмотря на прожитыя шестьдесятъ лѣтъ, не видно ни одного сѣдого; покрыты они по дѣвичьи, попросту, желтымъ ситцевымъ платочкомъ, изъ-подъ котораго свѣсилась на спину жидкая косичка съ вплетенной въ нее бумажной бѣлой ленточкой.

Когда, бывало, ни войдешь къ тетушкѣ Марьякольнѣ, она — если только не молится — сидитъ себѣ посиживаетъ у окна въ мягкомъ, обитомъ зеленымъ люстриномъ, креслѣ и читаетъ одну изъ своихъ священныхъ книгъ. На ея маленькомъ курносомъ носу торчатъ большіе очки, концы ихъ не загнуты за уши, а завязаны на затылкѣ, поверхъ платка, тесемочкой. Очки, круглые, въ мѣдной оправѣ, придаютъ круглому толстому лицу старухи видъ желтоглазой совы.

А у ея ногъ, на свернутомъ вдвое суконномъ коврикѣ, сидитъ, поджавъ ноги калачикомъ и подперши подбородокъ рукой, Митревна.

Теперь худая, какъ мощи, желтая, съ крупными морщинами вдоль щекъ, Митревна все же сохранила еще слѣды былой красоты, и красоты повидимому большой. Росту средняго, сложена какъ-то особенно пропорціонально, гармонично, она и сейчасъ еще, несмотря на слегка сгорбленную спину и дрожь въ походкѣ, кажется почему-то стройной. Точно ждешь, что она, какъ сказочная принцесса, вотъ-вотъ выпрямится, развернется, и изъ больной старухи превратится въ цвѣтущую красавицу. Должно быть въ глазахъ Митревны было что-то таинственное, что вызывало эту мысль. Темные, они сидѣли въ темныхъ, глубокихъ впадинахъ; покорные, смиренные, они все же казались какими-то значительными и чрезъ большія рѣсницы, точно чрезъ тюремную рѣшетку, все какъ будто просились на волю. Вся, и лицомъ и фигурой, она мнѣ иногда казалась словно сошедшей съ одной изъ тѣхъ большихъ иконъ, которыя привлекали мое вниманіе на стѣнахъ нашихъ церквей—и въ то же время ничуть не святой. Митревна всегда носила темно-синій кубовый сарафанъ, а на плечи спускался черный шерстяной платокъ, которымъ была покрыта голова. Но въ рѣдкихъ случаяхъ, когда Митревну приводилось увидѣть безъ платка, я какъ-то терялся, я точно не узнавалъ ее: волосы у нея были черные-черные, и ни сѣдинки въ нихъ, — и весь обликъ точно другой: нѣтъ старухи!

Я и не любилъ Митревну, и любилъ ее; я чего-то безсознательно боялся въ ней, и въ то же время что-то манило меня по-

глядѣть на нее поближе. Но именно близко-то къ ней я и не подходилъ: она была для меня какъ бы существомъ изъ другого міра,—гораздо больше нездѣшней, чѣмъ святая тетушка Марьякольна. Митревна никогда ни съ кѣмъ, даже съ тетками, ничего не говорила, кромѣ крайне необходимыхъ словъ домашняго обихода. Въ туфляхъ, сплетенныхъ изъ разноцвѣтныхъ суконныхъ полосокъ, она беззвучно, медленно, иногда придерживаясь рукой за стѣнку, передвигалась обыкновенно только въ предѣлахъ нашего домашняго монастыря. Хронически больная, она старалась никого не безпокоить собою, и никто не безпокоился о ней. Какъ-то никѣмъ не упоминалось ни о ея родствѣ съ нами, ни объ ея происхожденіи, ни о томъ, какую драму пережила она въ прошломъ, прежде чѣмъ попала въ темный тупикъ корридора. Вѣроятно, занятый многими другими, болѣе интересными для меня въ то время предметами, я никогда не пытался проникнуть въ тайну таинственной Митревны. Но я, какъ и всѣ въ домѣ, зналъ, что у Митревны большая паховая грыжа, замѣтная даже подъ сарафаномъ, и что Митревна кликуша. И я живо помню, какъ съ нею дѣлались иногда припадки. Это случалось обыкновенно въ церкви. Она вдругъ начинала выкликать, кататься по каменному полу, рыдать и биться о полъ головой, пока ее полумертвую не уносили домой. На другой день она отходила, и опять начинала потихоньку, молча бродить по комнатамъ и сѣнямъ своей трясущейся походкой и придерживаясь одной рукой за стѣну. Говорили, что она одержима бѣсомъ, что бѣсъ вселился въ нее давно, въ молодости, и что онъ не можетъ выносить слова Божія: когда какія-то особыя сочетанія словъ черезъ уши Митревны достигнутъ и до „него“, тогда „онъ“ начинаетъ биться, хочетъ вырваться наружу, а вмѣстѣ съ „нимъ“ съ пѣной у рта бьется въ истерикѣ и Митревна.

Но потомъ въ свои смирные часы и дни Митревна, какъ недостойная ничего иного, сидитъ, бывало, у ногъ тетки Маріи и съ благоговѣніемъ слушаетъ слово Божіе, которое Марьякольна вычитываетъ ей, Богъ знаетъ въ который разъ, все изъ тѣхъ же ежедневно читаемыхъ ими священныхъ книгъ. И всякій разъ, когда я видѣлъ Митревну такой смиренно-смирившейся послѣ своего припадка, мнѣ было какъ-то особенно жаль ее. Быть-можетъ я и не отдавалъ себѣ тогда въ этомъ вполнѣ яснаго отчета, но хотя бы и смутно, инстинктивно, я чувствовалъ въ этой жалости къ Митревнѣ жалость къ сокрушенному въ ней бѣсу. Сидѣть у ногъ тетушки Марьякольны! Печальная судьба! Я вѣдь уже прочелъ въ тѣ годы Лермонтовскаго „Де-

мона"; я любилъ его, я мысленно былъ съ нимъ у Тамары, я былъ противъ Ангела, я былъ за Демона. Казался ли мнѣ тогда бѣсъ, сидѣвшій въ Митревнѣ, сродни могучему, красивому Демону, но онъ былъ мнѣ скорѣе симпатиченъ, чѣмъ страшенъ. И мнѣ казалось такимъ естественнымъ, что онъ могъ вселиться въ Митревну въ дни ея молодости. Вѣдь вотъ никакой бѣсъ не вселился же въ толстую, некрасивую тетушку Марьякольну. Бѣсъ долженъ быть разборчивъ, и мнѣ это въ немъ нравилось. Я понималъ его, несмотря на мой дѣтскій возрастъ. Мое пребываніе въ пансіонѣ, въ постоянномъ общеніи съ барышнями и моего возраста, и старше меня, рано развило во мнѣ понятіе о женской красотѣ и обо всемъ, что съ нею связано. И не одно только раннее подготовленіе меня въ свое время къ исповѣди познакомило меня со смысломъ всѣхъ семи смертныхъ грѣховъ: постепенно, шагъ за шагомъ, меня знакомила съ ними жизнь, общеніе съ людьми,—и въ десять лѣтъ меня уже нельзя было запугать ни чертями, ни грѣхами. Поэтому и Митревна съ ея „бѣсомъ" была мнѣ какъ-то симпатичнѣе, чѣмъ тетушка Марьякольна съ ея святостью. И когда тетушку, все еще кичившуюся своимъ дѣвичествомъ и одѣвавшуюся по-русски по-дѣвичьи, называли при мнѣ „Христовой невѣстой", мое эстетическое чувство возмущалось за Христа, и у меня на языкѣ вертѣлось рѣзкое возраженіе: „Врете вы!" Но я не произносилъ его, зная, что и сами произносившіе эти слова не придавали имъ серьезнаго значенія.

По мѣрѣ того, какъ я росъ и развивался, росло и развивалось и мое отрицательное отношеніе къ тетушкѣ Марьякольнѣ, ко всему складу ея жизни, къ ея міровоззрѣнію, а отсюда и къ религіи. Вся ея личность, все въ ней противорѣчило и моему темпераменту, и моему духовному росту. Я хотѣлъ полноты жизни, какая только была доступна моему возрасту, я хотѣлъ веселья, хотѣлъ и учиться, хотѣлъ знаній, хотѣлъ безстрашія, хотѣлъ геройства. А въ чемъ проходила жизнь настоятельницы нашего домашняго монастыря? Въ полномъ „ничегонедѣланіи". Даже ея младшая сестра, тетка Елена, такая же вѣдь старая дѣва и богомолка, но за то и энергичная хозяйка и работница на пользу ближняго, возмущалась „святостью" Марьякольны.

— Хоть бы пальцемъ о палецъ ударила!—ворчала иногда наша евангельская Мароа на нашу евангельскую Марію.—Сидитъ себѣ сиднемъ, а ты для нея все сдѣлай, все ей приготовь!

Марья Яковлевна иногда и услышитъ это ворчанье, а иногда и прямо получитъ отъ сестры выговоръ въ глаза, но это ее не

трогаетъ. Она промолчитъ и невозмутимо продолжаетъ сидѣть въ своемъ креслѣ и читать свое Священное Писаніе. Въ этомъ вся ея жизнь, если не считать, что она не пропускаетъ ни одной церковной службы. Обѣдня ранняя, обѣдня поздняя, заутреня, вечерня, всенощная, часы, молебенъ, панихида, водосвятіе, крестный ходъ—Марья Яковлевна въ числѣ первыхъ идетъ въ церковь, въ числѣ послѣднихъ уйдетъ оттуда. Она ничего не пропуститъ, да ее и изъ церкви предупредятъ о всякихъ перемѣнахъ въ часѣ начала тѣхъ или другихъ службъ. Если болѣзнь не позволитъ ей пойти, она зажжетъ мѣдную столовую кадильницу, положитъ въ нее росного ладану, и у себя, для себя, въ своей комнатѣ-молельнѣ, прочтетъ полную всенощную, полную литургію. Когда мнѣ, въ такихъ случаяхъ, приходилось иногда, проходя мимо ея комнаты, услыхать, какъ она своимъ жиденькимъ, старческимъ голоскомъ выпѣвала какія-нибудь стихиры, прокимны или ирмосы вслѣдъ за произнесеннымъ ею же возгласомъ и прочитанной страницей евангелія, мнѣ дѣлалось и жутко, и какъ-то противно-смѣшно.

Но за то уже, кромѣ Священнаго Писанія, она рѣшительно ничего не читала. Свѣтское чтеніе она считала грѣхомъ. Ей даже и газетъ никакихъ не приносили—она боялась натолкнуться въ нихъ на соблазнъ. Не отказывалась она только отъ „Губернскихъ Вѣдомостей", и разъ въ недѣлю прочитывала въ нихъ политическія извѣстія. Къ политикѣ она чувствовала еще нѣкоторый интересъ: съ политической борьбой она мирилась, какъ съ нѣкоторой необходимостью, пока еще существуютъ „басурманы". Но вся борьба народовъ между собой представлялась ей ничѣмъ инымъ, какъ борьбой за торжество православія, которое рано или поздно должно восторжествовать въ цѣломъ мірѣ. Съ этой идеей была для нея связана и вся ея личная жизнь. Она была ребенкомъ, когда совершилось „нашествіе двунадесяти языкъ" на Россію. Только очень смутно помнила она событія и волненія того времени, но помнила, что именно тогда, упавъ въ молитвѣ на колѣни, дала обѣтъ посвятить всю свою жизнь Богу, если Богъ избавитъ родину отъ нашествія иноплеменныхъ.

Но можетъ-быть она и не соблюла бы этотъ обѣтъ такъ строго, если бы онъ не пришелся какъ разъ ей по плечу и по натурѣ. Неподвижная, косная, лимфатическаго темперамента, она, вѣроятно, и ребенкомъ-то была все той же старухой, какой она помнится мнѣ въ ея шестьдесятъ лѣтъ, когда отупѣвшіе въ однообразіи „святости" мозги ея работали очень плохо, какъ только дѣло касалось вопросовъ современной жизни.

Помню, она не разъ задавала то отцу, то мнѣ, то кому-нибудь другому одинъ и тотъ же вопросъ:

— Да что — нонѣшній-то Наполеонъ родня тому, что въ 12-мъ году-то приходилъ, или нѣтъ?

И никто не могъ помочь ей усвоить разницу между Наполеономъ I-мъ и Наполеономъ III-мъ, потому что никто не рѣшалъ главнѣйшаго для нея вопроса: былъ ли и Наполеонъ III тѣмъ же „апокалиптическимъ звѣремъ", какимъ въ 12-мъ году считали Наполеона I — тѣмъ звѣремъ о которомъ она до сихъ поръ все еще читала въ Апокалипсисѣ.

Но, тупая и безпамятная среди живой жизни, она поражала всѣхъ своей начитанностью и памятью въ той области, которую она считала „единой на потребу человѣка", какъ она сама всѣмъ говорила. Она знала наизусть не только всякія молитвы и всякое богослуженіе: она была „живые святцы". Она знала на каждый день, какихъ святыхъ надо сегодня праздновать, знала подробно и житія этихъ святыхъ. Она могла быстро найти любой текстъ въ любой изъ ея книгъ. Кажется, никакой священникъ не въ состояніи былъ бы сравниться съ ней по степени начитанности въ Священномъ Писаніи. Конечно, это были только книги, писанныя по-славянски и считавшія за собой многовѣковую давность.

Я не знаю, гдѣ жили тетки Марья и Елена, пока жива была моя мать; я ихъ не помню въ то время. Мое знакомство съ ними началось только съ каникулъ послѣ года пребыванія въ пансіонѣ, когда я, вернувшись на лѣто въ нашъ уѣздный городъ, нашелъ и новый домъ, и тетокъ въ немъ. И помню, на первыхъ порахъ я входилъ въ келью тети Марьи Яковлевны даже съ чувствомъ нѣкотораго благоговѣнія и страха. Таково же было отношеніе къ ней и всѣхъ домашнихъ, начиная съ отца, — но, кажется, тоже только на первыхъ порахъ. Кто-то изъ домашнихъ — должно-быть новая братнина нянька — желая, вѣроятно, поддержать въ насъ страхъ Божій, разсказывала намъ, какъ папаша, когда ему дѣлалось грустно или было трудно въ дѣлахъ, придетъ къ тетенькѣ Марьѣ Яковлевнѣ и говоритъ ей: „Сестра! Помолимся". И тетенька ни словечушка не скажетъ, а встанетъ предъ иконами, зажжетъ восковую свѣчку и зачнетъ читать Псалтирь. Оба помолятся, папаша тетеньку молча поцѣлуетъ, перекрестится и уйдетъ.

Братъ безучастно слушалъ эти разсказы, а я жалѣлъ, что мнѣ ни разу не пришлось видѣть самому этого моленья, и думалъ: „а можетъ-быть и я бы помолился". Я понималъ настрое-

ніе отца; я какъ будто чувствовалъ, что у тетушки должны быть и особая близость къ Богу, и лучшее умѣнье умилостивить Его.

Но скоро это же самое моленье тетушки за другихъ оказало большое влiянье на мое охлажденіе къ ней.

Мой младшій братъ былъ съ самаго дѣтства болѣе избалованъ, чѣмъ я. Онъ остался совсѣмъ маленькимъ послѣ смерти нашей строгой матери, не успѣвъ еще вкусить отъ горькихъ лозъ ея воспитанія; да и съ тѣхъ поръ, какъ малый сирота, онъ былъ болѣе, чѣмъ я, балуемъ и ласкаемъ и нянькой, и всей родней. Поэтому же онъ менѣе, чѣмъ я, пострадалъ и отъ строгихъ правилъ религiознаго воспитанія, которыя такъ заботливо примѣнялъ ко мнѣ отецъ. И братъ, очень дружившій съ теткой Еленой, отъ которой, какъ отъ хозяйки, можно было получить то одно, то другое лакомство, совершенно забывалъ о существованіи тетушки Марьякольны. Она, въ свою очередь, не умѣла сказать двухъ словъ съ дѣтьми по-дѣтски, не умѣла ничѣмъ заинтересовать насъ. Но бывали дни, когда братъ прибѣгалъ въ тетушкину комнату-молельню и ни за что не хотѣлъ уйти изъ нея. Это случалось всегда, когда небо покрывалось тучами, когда сверкали молніи и гремѣлъ громъ.

Новая нянька, нанятая къ брату послѣ того, какъ моя уѣхала къ себѣ на родину, была большая трусиха и крестилась и шептала молитвы при каждомъ ударѣ грома. Пріучила она къ этому и брата, и ребенокъ начиналъ креститься, плакать и молиться при первомъ же блескѣ молніи. А разъ дѣло шло о заступничествѣ Бога и Святыхъ Его—прямое дѣло было идти къ теткѣ Маріи.

Я, напротивъ, никогда не боялся грозы. Я всегда по-дѣтски любилъ ее. Мнѣ было недостаточно любоваться въ окно, или сидя на крыльцѣ, какъ огненные зигзаги разрывали свинцовую тучу, какъ полымемъ вспыхивала темная даль неба; мнѣ было мало дрожать пріятной нервной дрожью, когда дрожали стекла въ окнахъ отъ раскатовъ гдѣ-нибудь близко грянувшаго удара. Нѣтъ, я еще любилъ подставлять свою обнаженную голову подъ капли внезапно хлынувшаго крупнаго дождя; я любилъ подставлять пригоршни, чтобъ собрать ледяной горохъ, падавшій изъ градовой тучи; я чувствовалъ себя счастливымъ, когда, бывало, меня промочитъ подъ грозой до нитки, — поэтому мнѣ было и смѣшно, и досадно видѣть, какъ братъ, сверстникъ всѣхъ моихъ игръ, убѣгалъ съ своей нянькой въ такія минуты къ тетушкѣ Марьѣ Яковлевнѣ и, вмѣстѣ съ ней, становился предъ иконами на молитву.

Но проходила гроза, прояснивалось небо, и мой братъ выбѣгалъ опять вмѣстѣ со мною въ садъ. Опять мы бѣгали, играли, какъ ни въ чемъ не бывало. Онъ уже и не вспоминалъ о грозѣ, о страхѣ, о молитвѣ. А я, точно наэлектризованный пережитой бурей, чувствовалъ себя побѣдителемъ, чувствовалъ подъемъ духа, желаніе куда-то идти, съ кѣмъ-то драться, кому-то показать, что я ничего, ничего не боюсь! И, конечно, эти минуты пережитой борьбы моего духа съ Божьей грозою съ каждымъ разомъ все болѣе подтачивали у меня „страхъ Божій". Чувство отвращенія къ страху вообще я переносилъ уже съ маленькаго брата и на любимаго мною отца. Я уже не сочувствовалъ его хожденію къ Марьѣ Яковлевнѣ для совмѣстной молитвы. Мнѣ казалось уже, что отцу нечего было дѣлать тамъ. „Нѣтъ, я бы теперь уже не пошелъ!" И я начиналъ чувствовать гордость предъ отцомъ.

Я очень любилъ всякое чтеніе, читалъ, что попадало въ руки; я попробовалъ послушать и чтеніе библейскихъ разсказовъ тетушкой Марьей Яковлевной—и оно показалось мнѣ такимъ безнадежно старымъ-старымъ, что я не могъ высидѣть и четверти часа; ни Эсѳирь, ни Товій, ни Іовъ не заинтересовали меня. Библія пріобрѣла въ моихъ глазахъ репутацію книги, которую не надо читать не только потому, что отъ нея, какъ увѣряла тетя, можно съ ума сойти, „ежели безъ вѣры и благоговѣнія", но и потому, что она просто скучна.

Я сначала никакъ не хотѣлъ примириться съ тѣмъ, что тетушка Марья Яковлевна, избѣгая мірского соблазна, почти никуда не выходила изъ своей кельи. Никто не видалъ ее въ другихъ комнатахъ дома, ни въ кабинетѣ отца, ни даже въ комнатѣ тетки Елены. Единственный путь Марьякольны изъ ея молельни былъ черезъ сѣни и лѣстницы до крыльца, до церкви, и потомъ обратно. Иногда лишь она спускалась въ садъ, чтобъ гдѣ-нибудь въ одиночествѣ посидѣть на скамеечкѣ, помечтать о Царствѣ Небесномъ или пощипать съ кустовъ черной смородины, малины, вишни. Такъ какъ изъ уроковъ Закона Божія мнѣ было извѣстно, что рай — былъ чудный садъ, а тетушка Марія, по общимъ соображеніямъ, должна была послѣ смерти перейти изъ своей молельни прямехонько-таки въ рай, то и теперь нашъ садъ съ ея появленіемъ въ немъ заставлялъ меня думать о будущемъ раѣ. Но самое представленіе объ этомъ будущемъ я могъ имѣть только по тому, какимъ зналъ рай прежній—и когда я заставалъ теперь тетю Марію въ саду и видѣлъ, какъ она протягивала руку къ высоко висящей на вѣточкѣ вишнѣ, мнѣ всегда непре-

мѣнно вспоминалась Ева, тянущаяся за яблокомъ. Но, Боже мой, неужели Ева могла быть такой! Я видалъ Еву на картинкахъ: голая, красивая, съ распущенными волосами, она всегда мнѣ нравилась. А тетя Марья — въ своемъ темномъ сарафанѣ, въ желтомъ головномъ платочкѣ, неуклюжая, толстая, ползающая, какъ черепаха, — что̀ ей дѣлать тамъ, въ свѣтломъ раю! Щеки—какъ пузыри, носъ — пуговкой, глаза—выцвѣтшіе, безжизненные, губы—тонкія, плотно сжатыя! Мнѣ почему-то всегда казалось, что будь она Евой, грозный, но красивый Богъ-Саваоѳъ удалилъ бы ее изъ рая, даже если бы она и не украла запрещенное яблоко. Удалилъ бы не совсѣмъ, а такъ—куда-нибудь подальше, по крайней мѣрѣ за кусты. И тогда я уже думалъ: вотъ и хорошо, что она и въ нашей домашней жизни сама себя удаляла въ свою одинокую келью, наверху.

Но въ то же время я какъ-то инстинктивно чувствовалъ, что хотя она и называетъ себя недостойной рабой Божіей и хотя и говоритъ, что постится и молится только чтобы не попасть въ адъ, въ душѣ-то она все-таки увѣрена, что попадетъ именно въ рай. И не только въ этомъ увѣрена она,—нѣтъ, и всѣ окружающіе ее, всѣ, кого только зналъ въ эти года я, всѣ какъ будто увѣрены, что именно такія, какъ тетушка Марьякольна, и попадаютъ въ рай, что именно для такихъ онъ и созданъ Господомъ Богомъ, и что именно такая жизнь, какую ведетъ тетка Марья, непремѣнно открываетъ двери въ рай. Когда тетушка какъ-то разсказывала мнѣ притчу о дѣвахъ мудрыхъ и о дѣвахъ глупыхъ, и о томъ, какъ пришелъ въ полуночи женихъ и увелъ за собой въ рай тѣхъ, у кого было въ свѣтильникахъ масло, безъ всякой пощады, безжалостно оставивъ у порога во мракѣ тѣхъ, у кого масла въ свѣтильникахъ не было, я понималъ изъ всего ея разсказа, что она, тетушка Марьякольна—одна изъ этихъ дѣвъ съ зажженнымъ свѣтильникомъ и что ея неугасимыя лампадки съ деревяннымъ масломъ и ея кадильница съ роснымъ ладаномъ—именно тотъ свѣтильникъ, съ которымъ она войдетъ въ рай. И если она, въ то время, какъ всѣ заглазно называли ее „Христовой невѣстой", никогда не произносила этихъ словъ сама, то все-же съ смиренной гордостью принимала ихъ, если кто-нибудь случайно обмолвится въ ея присутствіи.

Несмотря на все мое дѣтское вольнодумство относительно Бога-Саваоѳа, я не сомнѣвался ни въ существованіи рая, ни въ томъ, что тетушка Марьякольна будетъ тамъ, а можетъ быть и за меня тамъ попроситъ, чтобъ, за ея заслуги, и меня потомъ пустили. Только случалось вотъ что̀: вдругъ придетъ мнѣ иногда

въ голову кощунственная мысль: „да хочу ли я съ Марьякольной и Митревной въ ихъ рай?“ —и мой пытливый дѣтскій умъ начиналъ усиленно работать надъ этимъ вопросомъ. Я сначала еще не смѣлъ самъ себѣ признаться, какъ хотѣлъ бы я рѣшить его, и иногда, встрѣтивъ тетку въ саду, совершенно серьезно спрашивалъ ее:

— А что, тетушка, рай лучше нашего сада?

Она увѣренно, но совершенно безстрастно, невозмутимо отвѣчала:

— Ну, еще бы! Много лучше.

Я весь настораживался, я охотно вѣрилъ ей. Да, еще бы! Я вѣдь уже насмотрѣлся тогда книжекъ съ картинками тропическихъ лѣсовъ и чудныхъ садовъ, и вотъ именно такими, пока еще невиданными мною въ дѣйствительности садами представлялся мнѣ и будущій нашъ рай.

Но когда я—весь любопытство—просилъ тетку описать мнѣ, какимъ будетъ этотъ рай, въ ея описаніяхъ все выходило чрезвычайно блѣдно. Эти описанія не шли дальше липъ, березъ, муравы и травы шелковой. Упоминалось и о пальмахъ, потому что съ „пальмовыми“ вѣтвями встрѣчалъ народъ Христа; упоминалось и о „смоковницѣ“, и о „дубѣ мамврійскомъ“, но главную роль играли все-таки груши и яблони, — яблони и груши!.. Самъ-то я тоже не въ состояніи былъ бы описать, какимъ представлялся рай мнѣ, не въ состояніи былъ бы даже просто перечислить названія тѣхъ деревьевъ, растеній и цвѣтовъ, съ которыми я уже познакомился по своимъ дѣтскимъ книжкамъ,— но только я чувствовалъ, что все, что̀ говоритъ тетушка Марьякольна, все это не то, не то! Рай моего воображенія былъ куда лучше ея рая!

И зачѣмъ же мнѣ съ ней и Митревной въ ихъ рай, когда уже здѣсь, на землѣ, гдѣ-то въ далекихъ, въ еще невѣдомыхъ мнѣ странахъ есть сады гораздо болѣе привлекательные? И тогда я начиналъ сомнѣваться—да, полно, знаетъ ли тетушка настоящій-то рай, и спрашивалъ ее:

— А вы откуда знаете, какой онъ будетъ, рай-то?

Она такъ же невозмутимо и безстрастно, какъ всегда, отвѣчала мнѣ:

— Изъ Священнаго Писанія.

— А тамъ откуда?

— А тамъ Святые Отцы писали.

— Они приходили изъ рая?—опять допытывался я.

— Нѣтъ,— отвѣчала тетка: — они въ раю уже послѣ того,

какъ преставились; а имъ при жизни ихъ было откровеніе о Царствѣ Божіемъ.

Я готовъ былъ съ этимъ согласиться: сомнѣнія не было — Святые Отцы должны знать. Но ихъ рай отъ этого ничуть не становился привлекательнѣй въ моихъ глазахъ, и я какъ-то разъ сталъ опять спрашивать тетку:

— А что мы будемъ въ раю дѣлать?

Съ той же увѣренностью, съ какой она во всякое время готова была излагать житія Святыхъ, тетушка, не задумываясь, отвѣчала:

— Будемъ, какъ ангелы, предстоять предъ лицомъ Всевышняго.

На моемъ лицѣ, вѣроятно, выразилось молчаливое недоумѣніе, и тетушка пояснила мнѣ:

— Будемъ вѣчно гулять въ прекрасномъ саду, будутъ всякіе вкусные плоды, будутъ яблочки, груши... виноградъ будетъ. И будемъ пѣть и славословить Имя Господне.

И я не могъ сейчасъ же не вспомнить старческій, жиденькій, дребезжащій голосокъ, какимъ выпѣвала тетушка въ своей комнатѣ молитвы и стихиры, не могъ не вспомнить, какъ, если случайно приходилось подслушать это пѣніе, я всегда убѣгалъ отъ него, точно стыдясь, что засталъ кого-то въ неприличномъ видѣ.

Но теперь я спрашивалъ:

— А что пѣть будемъ?

И тетка пояснила:

— Будемъ славить Имя Господне. „Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ... Слава въ вышнихъ Богу... Слава въ вышнихъ Богу... Лики ангельскіе съ херувимы и серафимы“...

Но я уже прерывалъ ее:

— А ангелы будутъ съ нами, тетушка?

Она, уже тронутая моимъ вниманіемъ, ласково отвѣчала:

— Будутъ, душенька, будутъ, милый! И мы сами будемъ какъ ангелы... будемъ съ крыльями... будемъ летать по саду...

Я посмотрѣлъ тогда на тетушку и смѣрилъ ее взглядомъ съ головы до ногъ. Вся ея грузная, неуклюжая фигура показалась мнѣ такой несоотвѣтственной съ представленіемъ о крылатыхъ ангелахъ, что мнѣ сдѣлалось смѣшно. И я, уже можетъ-быть даже и въ шаловливомъ тонѣ, спросилъ ее:

— И вы, тетушка, полетите?

Не знаю, въ голосѣ ли моемъ звучала иронія, въ глазахъ ли моихъ свѣтилась насмѣшка, но тетка, какъ-то ни съ того ни съ сего, вдругъ на меня разсердилась и круто оборвала разговоръ.

— Охальникъ ты, вотъ что!—сказала она, вставая со скамейки, чтобъ уйти изъ сада.—Развѣ можно такія глупости спрашивать?.. Грѣшно это!..

И она своимъ медленнымъ шагомъ, переваливаясь, какъ куль съ мукой, пошла отъ меня прочь. А я спокойно смотрѣлъ ей вслѣдъ и только никакъ не могъ понять, почему то, что я спросилъ — глупости, и почему именно *грѣшно* задавать такіе вопросы.

Грѣхъ этотъ какъ-то ничуть не испугалъ меня въ ту минуту, а рай тетушки Марьи Яковлевны потерялъ въ моихъ глазахъ всякую привлекательность.

Ал. Луговой.

(Продолженіе будетъ.)

ИЗЪ „ЗАПАДНО-ВОСТОЧНАГО ДИВАНА“ ГЕТЕ

(Книга „Зулейка“)

Ты въ тысячѣ видовъ себя отъ насъ скрываешь,
Но, вселюбимая, я узнаю тебя;
Волшебнымъ ты себя покровомъ облекаешь,
Но, вездѣсущая, я узнаю тебя.

Въ побѣгахъ чистыхъ юнаго растенья,
Прекрасновзросшая, я узнаю тебя;
Въ каналахъ свѣтлыхъ воднаго теченья,
Всеутоляющая, узнаю тебя.

Я въ радугѣ, сверкающей игриво,
О всеиграющая, узнаю тебя;
Коль облаковъ я вижу переливы,
Въ нихъ, всеизмѣнчивая, узнаю тебя.

И на лугахъ, украшенныхъ цвѣтами,
Всерасцвѣченная, я узнаю тебя;
Въ плющѣ съ его простертыми руками,
О всеобъемлющая, знаю я тебя.

Когда восходитъ солнце за горою,
Всеоживляющая, я привѣтствую тебя;
Коль неба сводъ сіяетъ надо мною,
Всесвободящая, тебя вдыхаю я.

Все, что умомъ и чувствами я знаю,
Все, всемудрѣйшая, я знаю чрезъ тебя;
Я тысячью именъ Аллаха называю,
Но въ каждомъ называю я тебя.

Н. Дебольскій.

ОБЩИННОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ
НА ЗАПАДѢ

I.

Если связывать съ общиннымъ владѣніемъ землею производство періодическихъ передѣловъ, то для большинства странъ Западной Европы придется отрицать самое существованіе коллективнаго пользованія землею. Но ни государственные дѣятели Европы, ни юристы, задавшіеся мыслью опредѣлить правовую природу общиннаго владѣнія, никогда не связывали съ отсутствіемъ передѣловъ представленіе о возможности считать земли, отъ нихъ свободныя, по тому самому составляющими подворную и личную собственность, какъ это сдѣлано было недавно третьей Государственной Думой. И въ нашей средѣ лица, изучавшія формы коллективнаго землепользованія въ Сибири или у нѣмецкихъ колонистовъ Крыма, также не имѣли смѣлости приравнять это землевладѣніе къ подворному и частному на томъ только основаніи, что передѣлы одинаково неизвѣстны и крестьянскому населенію Сибири, и нѣмецкимъ колонистамъ въ Крыму. Русскіе историки права занимаютъ совершенно изолированное положеніе въ ряду своихъ западныхъ коллегъ, когда, въ виду отсутствія мірскихъ передѣловъ въ періодъ времени, предшествующій прикрѣпленію крестьянъ къ землѣ и даже позднѣе, до эпохи установленія ревизій, они, по примѣру Чичерина и въ значительной степени орудуя его аргументаціей, доказываютъ отсутствіе общиннаго землепользованія въ древней Руси, и въ частности въ Московіи, въ эпоху княженія Рюриковичей. Но разъ мы станемъ

на ту точку зрѣнія, что періодическій передѣлъ есть лишь одна изъ формъ равненія участковъ, то мы послѣдовательно принуждены будемъ признать и то, что землевладѣніе крестьянъ, не производившихъ общихъ передѣловъ за послѣдніе 24 года, довольствовавшихся одной такъ называемой „свалкой и навалкой", т.-е. частичнымъ равненіемъ, было и остается, по природѣ, владѣніемъ общиннымъ. Такимъ же общиннымъ является и то владѣніе, какое по настоящій день осуществляютъ по отношенію къ нераздѣльной альмендѣ (терминъ, происшедшій отъ сокращенія словъ Allgemein Land—общая земля), столько же южногерманскіе крестьяне, сколько крестьяне нѣмецкой Швейцаріи. Изъ статистическихъ данныхъ, сравнительно недавно обнародованныхъ, мы выводимъ заключеніе, что альменда покрываетъ собою еще громадную площадь земель, лежащихъ подъ лѣсомъ и выпасомъ, а также земель, служащихъ для посѣва злаковъ. Цѣлая литература существуетъ по вопросу о природѣ и протяженіи такихъ земель и о порядкѣ пользованія ими въ Баденѣ, Вюртембергѣ и Баваріи [1]).

Изъ таблицы, приведенной д-ромъ Кристофомъ, видно, что въ Баваріи, напр., 106.858 гектаровъ отвѣчаютъ еще понятію нераздѣльныхъ пастбищъ, пріуроченныхъ къ отдѣльнымъ общинамъ, и въ пользованіи ими участвуетъ 144.327 лицъ. Въ Вюртембергѣ первая цифра падаетъ до 21 слишкомъ тысячъ гектаровъ, а вторая равняется 18.800 участниковъ. Въ Баденѣ площадь, занятая альмендами, достигаетъ 13 тысячъ слишкомъ гектаровъ, а число пользователей—14 тысячъ. Что касается до нераздѣльнаго владѣнія лѣсомъ, то оно въ Баваріи выражается цифрой 236.000 гектаровъ и 145.000 пользователей, въ Вюртембергѣ—100 слишкомъ тысячъ гектаровъ и 38 тысячъ пользователей; въ Баденѣ общиннаго лѣса насчитывается 177.000 гектаровъ, а пользователей имъ—63.000. Что касается до пахотныхъ земель, лежащихъ въ нераздѣльности, то ихъ въ Баваріи 44 тысячи гектаровъ, въ Вюртембергѣ — 87 тысячъ, въ Баденѣ—75 тысячъ слишкомъ [2]).

Мы не станемъ приводить другихъ цифръ. И эти сами по себѣ довольно убѣдительны. Мы не располагаемъ цифрами, какія выведены швейцарскими статистиками, но вынесли изъ личнаго

---

[1]) См. труды Эллеринга, Вигодзинскаго и Висмюллера для Бадена, Вюртемберга и Баваріи.

[2]) Почему нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей, въ томъ числѣ проф. Сергѣевичъ, признаютъ доказаннымъ отсутствіе на Западѣ не только теперь, но и во всѣ времена, общинной пахоти, остается для меня совершенно неизвѣстнымъ.

посѣщенія кантоновъ съ широко распространенною системой общиннаго пользованія, каковы, напр., Унтервальденъ или Гларусъ, то впечатлѣніе, что въ нихъ почти вся земля, за немногими исключеніями—въ частности, за исключеніемъ усадебныхъ участковъ,—пріурочена къ отдѣльнымъ селамъ, которыя владѣютъ ею въ нераздѣльности, все равно, будетъ ли то лѣсъ, пастбище или пахоть. Изъ лѣса члены общины вывозятъ не одинъ только хворостъ для топлива, но и необходимый строевой матеріалъ для первоначальнаго обзаведенія усадьбой. На пастбища они высылаютъ или столько головъ скота, сколько перезимовало у нихъ въ стойлахъ, или количество, напередъ опредѣленное общиннымъ распорядкомъ и болѣе или менѣе равное для всѣхъ дворовъ. Что же касается до пахотныхъ участковъ, то альменда дѣлится на полосы, получающія наименованіе Gärten (сады)—полосы, болѣе или менѣе равныя, которыя поступаютъ затѣмъ по жребію или въ разъ установленномъ порядкѣ—порядкѣ круговращательномъ—къ отдѣльнымъ дворамъ общины. Среди этихъ общинныхъ міровъ особаго вниманія по своей архаичности и по громадности занятой имъ территоріи заслуживаетъ такъ называемая „старая земля Швица“ (das alte Land Schwitz), къ которой принадлежитъ большая часть всего кантона того же имени. Она представляетъ собою сплошную, нераздѣльную площадь, уцѣлѣвшій остатокъ тѣхъ „сотенныхъ“ общинъ—т.-е. общинъ, совпадавшихъ съ сотеннымъ подраздѣленіемъ графства,—для которыхъ на нашемъ языкѣ едва ли можетъ служить эквивалентомъ наименованіе волости. Изъ-за пользованія ею какъ пастбищемъ для всѣхъ жителей стараго Швица, т.-е. той части кантона, которая является древнѣйшей и обширнѣйшей, происходили въ разное время препирательства между владѣльцами крупнаго и мелкаго скота. Первые не желали допускать для пастьбы козловъ и овецъ, находя не безъ основанія, что они выбиваютъ почву. Препирательство приняло въ годы, предшествовавшіе революціонному движенію 1878 г., характеръ настоящей междоусобной войны, причемъ враждующія партіи носили, каждая въ устахъ ея противника, насмѣшливыя и символическія прозвища: одна—Klauen, другая—Hörner, т.-е. раздвоенныхъ воловьихъ копытъ и козлиныхъ роговъ. Въ предѣлахъ нераздѣльнаго волостного поля имѣлись и пахотные участки. Они поступали въ пользованіе полосами къ отдѣльнымъ дворамъ. Часть земли была занята лѣсными насажденіями и открыта въѣзду и выпасу, т.-е. поставляла столько же матеріалъ для топлива и построекъ, сколько даровой прокормъ для скота. Въ недавнемъ очеркѣ бернскаго профессора, д-ра Макса

Гмюра, исторія этой нераздѣльной марки передается въ немногихъ словахъ въ слѣдующемъ видѣ. Весьма правдоподобнымъ является — пишетъ Гмюръ — происхожденіе обер- или верхне-альмендской корпораціи изъ аллеманской сотни, имѣвшей четыре родовыхъ подраздѣленія, удержавшихся до сихъ поръ на правахъ территоріальныхъ. Первоначально вся земля составляла общинное достояніе. Частная собственность возникла медленно и постепенно изъ прежнихъ земель альменды. Собственники участковъ допускались и допускаются къ пользованію альмендой наряду съ массою мелкихъ свободныхъ крестьянъ. Въ XV в. присоединилась къ Швицу, вмѣстѣ съ Артомъ, и его нераздѣльная марка, образовавшая самостоятельную, такъ называемую нижнюю альменду. Швицъ, ставшій центромъ судебнаго и рыночнаго округа, вмѣстѣ съ тѣмъ сохранилъ завѣдываніе интересами верхней альменды. Такимъ образомъ политическая община совпала въ данномъ случаѣ съ экономической, почему ландратъ Швица и сталъ завѣдывать впослѣдствіи управленіемъ самой альменды.

Третья и четвертая части записи земскаго права — такъ называемаго Landbuch — полны постановленіями, касающимися верхней альменды. Вся земля ея, послѣ уборки, поступала съ осени до весны подъ общій выпасъ. Подворные участки и нивы, такъ называемые Gärten, подлежали частному пользованію, а нѣкоторые и наслѣдственному, подъ условіемъ личной ихъ эксплуатаціи. Загоны для скота состоятъ въ частномъ обладаніи, но въ случаѣ бы въ нихъ владѣлецъ не сталъ содержать животныхъ, они могутъ быть заняты любымъ изъ участниковъ въ нераздѣльномъ владѣніи, даромъ или за скромное вознагражденіе. Только съ 1836 года послѣдовало обособленіе политическаго округа отъ округа имущественнаго; обѣ альменды вошли въ составъ одной и той же корпораціи, которая съ 1878 года уступила мѣсто двумъ обособленнымъ. Въ 1883 году допущенъ частичный раздѣлъ альмендовыхъ имуществъ. Ему подверглись земли, лежащія въ низинахъ и на холмахъ, на такъ называемыхъ Vor-Alpen; но Альпы нагорныя, Hoch- и Mittel-Alpen, какъ и лѣса, остались въ общемъ обладаніи. Согласно дѣйствующимъ статутамъ отъ 28 октября 1894 года, корпорація верхней альменды признана частнымъ сообществомъ, съ правами юридическаго лица. Отдѣльный сочленъ допускается только къ пользованію ею. Пользователями считаются лица, принадлежащія къ одному изъ 96 родовъ (древнѣйшихъ поселенцевъ). Ихъ выгоды сводятся къ возможности высылать свой скотъ на альменду, даромъ или за слабое вознагражденіе. За ними признано также право на опре-

дѣленный паекъ въ лѣсу и на полученіе части общаго дохода отъ эксплуатаціи альмендлаго имущества [1]).

II.

Порядки, однохарактерные съ только-что разсмотрѣнными, встрѣчаются и по настоящій день на протяженіи всей Европы. То, что въ Германіи и Швейцаріи извѣстно подъ наименованіемъ альмендъ, слыветъ во Франціи подъ прозвищемъ communaux. Это—земли, принадлежащія въ нераздѣльности всѣмъ жителямъ общины и эксплуатируемыя ими обыкновенно въ формѣ выпасовъ. Ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ такъ называемыми biens des communes, т. е. имуществомъ, принадлежащимъ въ собственность общинѣ, но не состоящимъ въ пользованіи ея дворовъ. Эти biens des communes произошли въ большинствѣ случаевъ изъ общинныхъ земель съ общинной эксплуатаціей, по мѣрѣ замѣны послѣдней сдачей въ арендное пользованіе. Въ этомъ случаѣ права общинниковъ сводятся къ полученію денежныхъ пайковъ. Нерѣдко не происходитъ вовсе никакой раздачи дивиденда, а доходъ отъ земель общины поступаетъ на покрытіе издержекъ ея администраціи. Во французской Швейцаріи, гдѣ также удержались подобные порядки общиннаго пользованія, нерѣдки случаи выдѣленія извѣстныхъ участковъ нераздѣльной площади въ пользованіе бѣднѣйшихъ членовъ общины (это—biens des pauvres), хотя бы они и принадлежали къ числу недавнихъ поселенцевъ. Сплошь и рядомъ также часть общинныхъ земель пріурочивается къ покрытію издержекъ по содержанію народной школы. Это—такъ называемыя biens des écoles.

Въ Бельгіи средневѣковые германскіе порядки общиннаго хозяйства съ дѣленіемъ общинной территоріи на полные и половинные надѣлы—такъ называемые Hufen или по-латыни mansi,—продолжаютъ держаться на правахъ пережитка. Отъ слова mansionarius, владѣлецъ надѣла, или mansus, удержался терминъ masuir, которымъ и обозначаются эти нераздѣльные пользователи. Въ нѣкоторыхъ частяхъ королевства, напримѣръ въ Шатэлино, почти па границѣ двухъ провинцій—Намюра и Гено (Hainaut), до нашихъ дней уцѣлѣло нераздѣльное пользованіе извѣстными лѣсами начиная еще съ XIII столѣтія. „Мазюиры—пишетъ ихъ изслѣдователь, проф. Эррера—образовывали какъ бы

[1]) См. Zeitschrift für Schweizerisches Recht, т. 94, стр. 8.

особую группу людей, связанныхъ фактомъ совладѣнія. Первымъ условіемъ для принадлежности къ нимъ было постоянное поселеніе и обладаніе извѣстнымъ участкомъ земли въ предѣлахъ данной мѣстности. Къ мазюирамъ вполнѣ приложимъ старинный принципъ германскаго права: усадебная осѣдлость есть мать поля, т.-е. опредѣляетъ собою и участіе въ пользованіи нераздѣльной земельной площадью. Съ послѣднимъ же стоитъ въ тѣсной связи и участіе въ выпасѣ и участіе въ лѣсѣ“ [1]). „Права мазюира— пишетъ Эррера, давая общую характеристику этого института,— обусловливаются потребностями двора. Въ чемъ состоятъ эти права? Если рѣчь идетъ о лѣсѣ, то мазюиръ имѣетъ право брать изъ него матеріалъ для топлива и для починки сельско-хозяйственныхъ орудій; онъ можетъ также получать изъ лѣса желуди для прокорма свиней и посылать въ него свой скотъ для выпаса. По отношенію къ нераздѣльному пастбищу права мазюира состоятъ въ томъ, чтобы держать на немъ свой скотъ въ теченіе извѣстнаго числа мѣсяцевъ. Мазюиру принадлежитъ равнымъ образомъ право на полученіе торфа. Всѣ его права пользованія ограничены однимъ размѣромъ его потребностей. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ размноженія населенія, размѣръ потребностей приходится установлять болѣе точно. Такъ, опредѣляется, что мазюиры могутъ посылать на пастбище только собственный скотъ, т.-е. такой, какой былъ ими прокормленъ въ теченіе зимы. Поступающее изъ лѣса топливо не идетъ въ продажу, а только на домашнее потребленіе [2]). Всѣ эти права пріурочены не къ лицу, а къ имуществу и усадьбѣ. Оставляя свое мѣстожительство, мазюиръ теряетъ всѣ и каждое изъ нихъ“. Въ валлонской части Бельгіи удержался доселѣ терминъ „masuir“; во фландрской мѣсто его занимаетъ другой—„amborger“, терминъ, истолковываемый въ такомъ смыслѣ: первыя его двѣ буквы „am“ обозначаютъ пастбище, а остальныя происходятъ отъ слова „bür“, употребляемаго въ томъ же смыслѣ, что впослѣдствіи „Bauer“, или „Gebür“, членъ сосѣдства [3]).

Если отъ Германіи, Швейцаріи, Франціи и Бельгіи мы перейдемъ къ Италіи, то и здѣсь намъ бросится въ глаза существованіе еще въ наши дни многихъ уцѣлѣвшихъ слѣдовъ земельной общины. Не далѣе, какъ нынѣшнимъ лѣтомъ, живя на берегахъ Лаго Маджіоре и именно въ той его части, которая принадле-

---

[1]) См. „Les Masuirs“, par Paul Errera. Брюссель, 1891, стр. 98.
[2]) Ibid., стр. 462—464.
[3]) Ibid., стр. 248, 249.

житъ къ итальянскому кантону Тессинъ, мнѣ приходилось встрѣчаться съ лодочниками, гордо объявлявшими себя патриціями и потому участниками въ доходѣ отъ патриціатскихъ имуществъ. Патриціаты Тессина уже давно обратили на себя мое вниманіе. Въ архивѣ Белиндзоны, административнаго центра кантона—архивѣ, въ настоящее время истребленномъ пожаромъ,—я нашелъ много лѣтъ назадъ немало документовъ, касавшихся историческихъ судебъ этихъ патриціатскихъ имуществъ. И въ частныхъ семьяхъ сохранились кое-какіе акты, относящіеся къ этому предмету. На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ немудрено прійти къ заключенію, что патриціатскія имущества—имущества первыхъ по времени поселенцевъ, владѣвшихъ землею, или по крайней мѣрѣ частью земель общины, въ нераздѣльности. Что патриціи—именно старинные поселенцы, это выступаетъ наглядно и изъ содержанія кантональныхъ законовъ, регулирующихъ порядокъ пріобрѣтенія патриціатскихъ правъ пользованія. Такъ, въ законѣ отъ 22 мая 1810 г. говорится, что только тѣ изъ поселенцевъ, которые докажутъ пятидесятилѣтнее пребываніе въ предѣлахъ общины, признаются такими патриціями. Во всѣхъ вопросахъ, касающихся патриціатскихъ имуществъ, голосъ могутъ подавать только тѣ члены общины, которые принадлежатъ къ числу патриціевъ, все равно, идетъ ли дѣло объ измѣненіи въ порядкѣ пользованія патриціатскими имуществами, или объ ихъ отчужденіи. Въ доселѣ дѣйствующемъ законѣ отъ 23 мая 1857 г. о патриціатскихъ имуществахъ говорится, что патриціи—иначе обозначаемые терминомъ vicini, т.-е. сосѣди,—могутъ принадлежать къ одной или нѣсколькимъ общинамъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ они образуютъ изъ себя особую корпорацію. Представителемъ ея является патриціатское собраніе (vicinanza). Отъ него зависитъ даровать лицу или семейству права патриція. Желающій добиться такого преимущества представляетъ о томъ письменное прошеніе патриціатскому правленію. Согласіе трехъ четвертей патриціевъ и уплата положенной патриціатомъ суммы требуется для включенія въ среду патриціата новаго члена. Но это порядки сравнительно недавніе. Ранѣе признавалось необходимымъ единогласіе, какъ видно изъ рукописнаго статута, отъ 1784 г., одной горной общины, расположенной неподалеку отъ Локарно, по направленію къ Альпамъ, въ такъ называемой Valle maggia. О современномъ положеніи патриціатскихъ имуществъ приходится сказать слѣдующее. Земли, принадлежащія патриціату, или эксплуатируются самими патриціями, или сдаются въ аренду. Сумма, вырученная отъ этой аренды, распредѣляется затѣмъ между патриціат-

скими дворами. Необходимымъ условіемъ для того, чтобы пользоваться патриціатскимъ имуществомъ, считается пребываніе въ общинѣ и платежъ въ ней налоговъ. Передача кому-либо, на время или навсегда, правъ пользованія, связанныхъ съ принадлежностью къ патриціату, не дозволена. Вновь выдѣляющіеся дворы не получаютъ доступа къ пользованію въ томъ случаѣ, если всѣ доли уже розданы. Разъ та или другая доля окажется свободной, ею надѣляется дворъ, ждавшій очереди дольше другихъ. Распредѣленіе суммъ, поступающихъ отъ сдачи въ наемъ патриціатскихъ имуществъ, производится между всѣми дворами поровну. Раздѣлъ патриціатскихъ имуществъ въ собственность не запрещенъ закономъ, но ограниченъ требованіемъ большинства двухъ третей голосовъ всѣхъ патриціевъ данной мѣстности. Подобные раздѣлы имѣли мѣсто въ 1801, 1812 и 1852 гг. Они коснулись однѣхъ земель, лежавшихъ поблизости къ селеніямъ, въ равнинѣ, а не на горахъ. Раздѣлъ совершенъ былъ поровну между дворами, при чемъ съ цѣлью избѣжать черезполосицы выставлено было требованіе, чтобы доли каждому двору нарѣзаны были не болѣе какъ въ двухъ поляхъ. Поступившіе въ собственность дворовъ участки изъяты были отъ общаго выпаса. Выдѣленныя имущества объявлены неподлежащими отчужденію или залогу срокомъ на 10 лѣтъ. На тотъ же срокъ запрещено было производство дальнѣйшихъ раздѣловъ. Законъ 1857 г. допустилъ ихъ снова. Имъ постановлено было, между прочимъ, что разъ представлены будутъ возраженія противъ разверстки земель въ собственность, никакое благопріятное ей рѣшеніе не можетъ быть принято ранѣе мѣсячнаго срока. При раздѣлѣ устанавливаются доли, по своей цѣнности приблизительно равныя. Жребій рѣшаетъ, какому двору придется какая доля.

Совмѣстному пользованію въ настоящее время подлежатъ по преимуществу лѣса и горныя пастбища или такъ называемыя „альпы“. Еще закономъ 1845 года отмѣнено было право свободнаго выпаса скота на пахотныхъ земляхъ и виноградникахъ. Оно извѣстно было въ кантонѣ Тессинъ подъ наименованіемъ „trasa generale“ и вполнѣ отвѣчаетъ французскому понятію „vaine pâture“. Законъ 1845 г. указываетъ путь, какимъ можно избавиться отъ невыгодныхъ послѣдствій, связанныхъ съ существованіемъ такого права общаго выпаса. Желающій освободить отъ него свой участокъ обязанъ произвесть взносъ, въ 15 разъ превышающій доходъ отъ пользованія выпасомъ. Порядокъ пользованія „альпами“ опредѣляется статутами отдѣльныхъ патриціатовъ. Въ нихъ можно прочесть постановленія

въ родѣ слѣдующаго: „Никто не долженъ ходить со скотомъ на „альпу“, или пастбище, съ середины мая по середину сентября подъ угрозой штрафа“. „Никто не долженъ высылать на „альпу“ больше скота, чѣмъ приходится на его долю“. Въ предѣлахъ „альпъ“ допускается занятіе извѣстныхъ участковъ подъ пахоть. Кто въ теченіе трехъ лѣтъ велъ на такой заимкѣ хлѣбопашество, тотъ продолжаетъ владѣть участкомъ, совершая въ пользу всего патриціата платежъ, установленный большинствомъ его членовъ. Мѣстные статуты проводятъ различіе между верхними и нижними „альпами“. Послѣднія, подъ именемъ пре-альпъ (premonti), въ лѣтнее время защищены отъ потравъ. Скотъ пускается на нихъ только осенью, послѣ снятія гдѣ первой, а гдѣ и второй травы. На равнинѣ, „in piano“, скота не бываетъ до октября. На среднихъ „альпахъ“, monti mezzani, запретъ пускать скотъ длится всего до середины сентября. Лѣтомъ скотъ держатъ на горныхъ „альпахъ“. Какъ общее правило, въ интересахъ равнаго пользованія, запрещается посылать на „альпы“ скотъ, не проведшій зимы въ стойлахъ, по крайней мѣрѣ иначе, какъ съ согласія всего патриціата. Тотъ же патриціатъ опредѣляетъ, въ какое время начинается выпасъ скота на той или другой альпѣ. Пока длится этотъ выпасъ, запрещенъ всякій покосъ травы, подъ страхомъ штрафа. Наблюденіе за этимъ принадлежитъ особому управителю „альпъ“, выбираемому патриціатомъ ежегодно на общемъ собраніи его членовъ. Когда настанетъ время отсылки скота въ горы, каждый дворъ обязанъ объявить управителю „альпъ“ о числѣ высылаемыхъ имъ головъ. Незанесенныя въ реестръ животныя не допускаются къ выпасу. Не-патриціи участвуютъ въ пользованіи альпами только подъ условіемъ поштучной платы.

Что касается до пользованія патриціатовъ лѣсами, то въ интересахъ равенства соблюдается правило, чтобы каждый дворъ получалъ лишь нужное для себя, а не для продажи на сторону, все равно—идетъ ли рѣчь о лозѣ или о топливѣ. Строительный же матеріалъ выдается изъ лѣса только вновь выдѣлившимся и не имѣющимъ еще усадьбы дворамъ.

Чѣмъ въ итальянскомъ кантонѣ Швейцаріи являются „патриціаты“, тѣмъ въ центральной части Апеннинскаго полуострова, въ Эмиліи и Романьѣ — такъ называемыя partecipanze (отъ partecipare — участвовать). Это своего рода землевладѣльческія товарищества, образовавшіяся, подобно патриціатамъ, благодаря тому, что въ извѣстный моментъ сельская община, чтобы оградить себя отъ пришельцевъ или новыхъ поселенцевъ, ограничи-

ваетъ опредѣленными дворами старыхъ насельниковъ выгоды, связанныя съ эксплуатаціей принадлежащихъ ей имуществъ. Однѣ изъ этихъ partecipanze эксплуатируютъ земли въ формѣ непосредственнаго пользованія ими со стороны всѣхъ и каждаго изъ дворовъ; другія обращаются уже къ сдачѣ въ наемъ принадлежащаго partecipanze имущества и дѣлятъ между дворами одинъ только доходъ, получаемый отъ аренды. Есть, наконецъ, и такія partecipanze, которыя предоставляютъ всему сообществу опредѣлить, какъ оно будетъ извлекать выгоды изъ общаго имущества—путемъ ли непосредственнаго участія въ пользованіи, или путемъ раздѣла дохода отъ аренды. Самый порядокъ производства разверстки отдѣльныхъ паевъ далеко не одинаковъ. Тогда какъ въ однѣхъ partecipanze вся земля, годная къ обработкѣ, дѣлится на равныя доли между дворами, какъ бы великъ ни былъ ихъ численный составъ, въ другихъ въ основаніе разверстки кладется число мужчинъ въ каждомъ дворѣ. Такъ, напр., въ Ченто-э-Піеве каждыя 20 лѣтъ происходитъ передѣлъ всей собственности partecipanza между одними мужчинами. При нарѣзкѣ часто принимается въ разсчетъ количество платимыхъ каждымъ прямыхъ налоговъ. Кто платитъ больше, получаетъ и большій надѣлъ. Такъ, partecipanza въ Нонантулѣ дѣлитъ половину своихъ земель поровну между всѣми мужчинами, а половину—на большіе или меньшіе участки, распредѣляемые по дворамъ, сообразно тому, сколько по кадастру земельнаго налога несетъ каждый дворъ. Нерѣдко при нарѣзкѣ принимается во вниманіе качество грунта. Такъ, въ Сантъ-Агатѣ различные по величинѣ участки считаются равными между собою по соображенію ихъ большаго или меньшаго плодородія. Во многихъ partecipanze раздѣлу въ частную собственность подверглись уже пахотные участки; такъ въ partecipanz'ахъ Масса-Фискаліа, Каверзерѣ, Адріи, гдѣ въ нераздѣльности остались только пастбища и лѣса. Въ другихъ, наоборотъ, много еще земель осталось въ нераздѣльности. Такъ, partecipanza въ Медичинѣ владѣетъ еще значительной земельной площадью, приносящей ей чистаго дохода въ годъ до 2½ милл. лиръ. Число участниковъ въ partecipanz'ахъ также различно. Въ Нонантулѣ ихъ насчитываютъ до 5 тыс. чел., въ Медичинѣ—до 3 тыс., въ Санъ-Джіованни in Persiceto — 1400, въ Ченто-э-Піеве—500 чел.

Судьба этихъ замкнутыхъ земельныхъ общинъ представляетъ для насъ тотъ интересъ, что мы видимъ въ нихъ позднѣйшій фазисъ, чрезъ который проходятъ коллективныя формы землевладѣнія въ процессѣ своего не столько развитія, сколько естествен-

наго умиранія. Ничто не мѣшаетъ предположить, что и тѣ сельскіе міры, которые у насъ въ теченіе двадцати-четырехъ послѣднихъ лѣтъ не производили передѣловъ, при отсутствіи искусственныхъ мѣръ къ ихъ разложенію превратились бы въ такія же землевладѣльческія корпораціи путемъ простого устраненія всѣхъ новыхъ поселенцевъ отъ выгодъ общиннаго пользованія. Сплошь и рядомъ мы видимъ въ большихъ слободахъ юга России, напр. въ Харьковской губерніи, что вновь допускаемыя къ поселенію лица, приписавшись къ тому или другому селенію и пріобрѣтши участокъ земли подъ усадьбу, въ то же время не получаютъ особаго пая въ мірскихъ поляхъ и попадаютъ такимъ образомъ въ условія, близкія къ тѣмъ, въ какихъ живутъ въ сельскихъ общинахъ нѣмецкой Швейцаріи и южно-германскихъ государствъ такъ называемые Hintersassen или Beisassen (буквально — „засельники“ или „присельники“). Ту же судьбу раздѣляютъ съ ними въ романской или французской Швейцаріи такъ называемые „пришельцы“, advenaires, иначе именуемые еще терминами manants и domiciliés — терминами, содержащими въ себѣ представленіе о людяхъ, осѣвшихся для постояннаго мѣстожительства. Когда мы задались вопросомъ о причинахъ, вызвавшихъ такое обособленіе того, что въ южной Германіи и Швейцаріи обозначаютъ словомъ „Bürgergemeinde“ — т. е. общины, или точнѣе сообщества, составленнаго изъ бюргерскихъ дворовъ, своего рода патриціевъ, или старыхъ поселенцевъ — отъ сельской общины, обнимающей собою всѣхъ ея жителей и передаваемой терминомъ „politische Gemeinde“, политической общины, намъ всюду указывали на одно и то же явленіе: наплывъ новыхъ пришельцевъ, отъ которыхъ владѣвшія общинною землею семьи пожелали отгородиться, чтобы не попасть въ необходимость поступаться собственными имущественными выгодами и раздѣлить ихъ съ чужаками. Такъ, въ романскихъ кантонахъ Швейцаріи прибытіе преслѣдуемыхъ во Франціи гугенотовъ во второй половинѣ XVII в. вызвало въ однѣхъ сельскихъ общинахъ рѣшимость раздѣлить принадлежавшія имъ земли въ собственность между наличными пользователями, а въ другихъ — желаніе оградиться отъ возможности какихъ-либо притязаній на ихъ „альменды“ со стороны прибывшихъ, допущеніемъ послѣднихъ къ одному только поселенію. Чѣмъ для селеній, расположенныхъ на сѣверномъ берегу Женевскаго озера, были французскіе выходцы, тѣмъ для общинъ Тессина явились выходцы изъ Ломбардіи — тѣ итальянскіе патріоты, которые сотнями уходили отъ австрійскихъ преслѣдованій на территорію бронированной вѣчнымъ нейтрали-

тетомъ швейцарской федераціи. Первая половина XIX столѣтія сдѣлалась, поэтому, для общинъ, лежащихъ на сѣверномъ берегу Лаго Маджіоре и Лугано, поворотнымъ моментомъ, съ котораго начинается образованіе въ ихъ средѣ земледѣльческихъ корпорацій, такъ называемыхъ патриціатовъ.

III.

Но если земельная община и при быстромъ ростѣ населенія удержалась на правахъ частной землевладѣльческой корпораціи, то такое явленіе далеко не можетъ считаться всеобщимъ. Въ большинствѣ государствъ Запада и въ каждомъ изъ нихъ въ большинствѣ мѣстностей уцѣлѣла одна политическая община, коллективная же собственность ея насельниковъ смѣнилась частною. И произошло это столько же подъ вліяніемъ неотвратимыхъ причинъ, какъ и причинъ случайныхъ и искусственныхъ. Къ первымъ надо отнести параллельное съ естественнымъ размноженіемъ населенія распыленіе надѣловъ, а также притягательную силу, какую на сельское населеніе оказываютъ фабрика, заводъ и торговая контора. Мы видѣли, что обладаніе надѣломъ и пользованіе связанными съ нимъ общими угодьями имѣетъ послѣдствіемъ укрѣпленіе связи воздѣлывателя съ землею. Уходящій не на временный, а на постоянный заработокъ крестьянинъ необходимо лишается выгодъ, связанныхъ съ существованіемъ общинной собственности. Для него есть, поэтому, разсчетъ порвать съ нераздѣльностью владѣнія, выдѣлиться изъ общины. Этотъ выдѣлъ осуществляется всего легче путемъ раздѣла земли въ частную собственность. Но возможенъ, конечно, и другой исходъ: община выкупаетъ часть уходящаго сочлена. И я не вижу причинъ, по которымъ такая практика не могла бы быть рекомендованной и русскимъ законодателемъ. При такомъ выкупѣ міромъ доли покидающей его семьи возможно было бы сохраненіе мірского владѣнія. И достигнуть этого, разумѣется, легче въ современныхъ условіяхъ денежнаго и кредитнаго хозяйства, чѣмъ въ тѣ столѣтія, когда движимой собственности вообще и монетныхъ знаковъ въ частности было сравнительно мало, а о земельномъ кредитѣ не приходилось и говорить. Но къ этимъ именно столѣтіямъ и относится на Западѣ эпоха производства первыхъ раздѣловъ общинныхъ земель въ частную собственность. Эти раздѣлы совпадаютъ съ упадкомъ крѣпостного права и съ замѣной барщины вольнонаемнымъ трудомъ. Уходившій отъ несвободы крестьянинъ пріобрѣталъ волю

отказомъ отъ надѣла—отказомъ, нерѣдко открыто высказаннымъ, еще чаще молчаливымъ. На протяженіи всей Европы такъ называемый „désaveu“, т.-е. отказъ, сопровождавшійся уходомъ изъ помѣстья, сдѣлался обычнымъ способомъ расторженія союза крестьянина одновременно съ землей и съ ея собственникомъ—феодальнымъ владѣльцемъ.

При освобожденіи безъ земли, которое было общимъ правиломъ въ первую эпоху эмансипаціоннаго движенія, населеніе снималось съ почвы, и мѣсто барщиннаго и оброчнаго держанія заступала эксплуатація освободившейся почвы самимъ помѣщикомъ или снимающими у него землю фермерами. Только съ тѣхъ поръ, какъ правительство стало помогать крестьянамъ при выкупѣ ихъ надѣловъ, отпущеніе на волю не стало равнозначительнымъ переходу въ число пролетаріевъ. Если французскому правительству не пришлось въ концѣ концовъ, по примѣру савойскаго, возложить на свои плечи проведеніе выкупной операціи, то потому, что эмиграція большей части французскаго дворянства освободила de facto крестьянъ отъ производства расплатъ по выкупу своихъ реальныхъ правъ, или правъ на землю. Что же касается до личныхъ службъ, то онѣ были объявлены подлежащими прекращенію помимо всякаго вознагражденія. Ни одна выкупная операція по своимъ размѣрамъ даже издали не напоминаетъ ту, которая произведена была въ царствованіе Александра II и позволила русскому крестьянству сохранить землю отцовъ на правахъ мірскихъ владѣльцевъ и пользователей. Такъ какъ на Западѣ въ большинствѣ случаевъ крестьянинъ получалъ свободу безъ земли, то эмансипація вплоть до конца XVIII и начала XIX вѣка равнозначительна была съ переходомъ надѣльныхъ земель въ личную собственность помѣщика или арендное держаніе. Мы приходимъ такимъ образомъ къ заключенію, что эмансипація содѣйствовала прекращенію мірскихъ пользованій. Такъ было въ Англіи, въ которой уже въ XV вѣкѣ писатель Фортескью привѣтствуетъ торжество свободы, а огораживаніе бывшихъ общинныхъ надѣловъ, присоединяемыхъ къ землямъ помѣщика, вызываетъ народное недовольство еще въ эпоху великаго крестьянскаго возстанія въ царствованіе Ричарда II—возстанія, связаннаго съ именемъ Уота Тэйлора. Огораживанія продолжаются въ теченіе всего XV в., вызывая въ концѣ его попытку остановить ихъ ходъ путемъ мѣропріятій, впервые принятыхъ Генрихомъ VII и возобновленныхъ его сыномъ Генрихомъ VIII. Несмотря на эту временную задержку, огораживанія продолжаютъ идти то ускоряющимся, то замедляющимся темпомъ въ теченіе

всего XVII и XVIII столѣтій. А рядомъ съ ними мы видимъ скопленіе сельскаго пролетаріата въ городахъ, развитіе бродяжничества и нищенства, проведеніе въ жизнь принципа обязательнаго содержанія неимущихъ на средства, доставляемыя особымъ налогомъ въ пользу бѣдныхъ, все большій и большій отливъ колонистовъ въ незаселенныя страны Сѣверной Америки и искусственный ростъ промышленности и иноземной торговли съ помощью протекціонной системы и поощренія мѣстнаго кораблестроенія Навигаціонными актами Кромвеля и Карла II.

Въ XVIII столѣтіи къ другимъ основаніямъ, вызывавшимъ огораживанія общинныхъ полей и упраздненіе связанной съ ними надѣльной системы, присоединяется проповѣдь экономистовъ на счетъ большей производительности почвы въ рукахъ частныхъ собственниковъ. Въ этомъ смыслѣ высказываются уже главы физіократовъ и писатели о земледѣліи въ Англіи, начиная съ Юнга и Синклера и оканчивая Маршаломъ. Кульминаціоннаго пункта огораживанія достигаютъ въ XVIII вѣкѣ, когда помѣщики, напр. въ Шотландіи, насильственно сгоняютъ крестьянъ съ своихъ помѣстій въ интересахъ развитія фермерскаго хозяйства. Проповѣдь замѣны фермерствомъ крестьянскаго половничества (champart) и крестьянскихъ общинныхъ пользованій, начатая еще физіократами, встрѣчаетъ отраженіе въ законодательной дѣятельности конвента, принимающаго мѣры къ искусственному раздѣлу общинныхъ земель въ частную собственность. Подъ вліяніемъ, въ значительной мѣрѣ, той же проповѣди, въ соединенномъ съ Англіей еще абсолютно монархическомъ Ганноверѣ король Георгъ III, свидѣтель процесса индивидуализаціи крестьянскаго землевладѣнія въ Англіи, осуществилъ собственною властью первыя мѣропріятія, клонившіяся къ раздѣлу общинныхъ угодій. Имъ предшествовали во времени развѣ только законы 27-го іюня и 8-го августа 1718 г., которыми рекомендовалось производство окончательной разверстки общинныхъ угодій въ герцогствѣ Лауэнбургѣ, зависимомъ отъ того же Ганновера. За Ганноверомъ послѣдовала Пруссія. Фридрихъ II въ 1771 г. обнародовалъ для Силезіи законъ, въ которомъ, ставя на видъ сельскохозяйственныя усовершенствованія, достигнутыя процессомъ огораживаній въ Англіи, предписывалъ насильственное разверстаніе общинныхъ угодій въ собственность и упраздненіе всякаго рода имущественныхъ сервитутовъ. Только въ 1821 году мѣры, принятыя по отношенію къ Силезіи, распространены были на всю Пруссію, за исключеніемъ ея рейнскихъ провинцій. Законъ былъ изданъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ той школы

экономистовъ, которая, въ лицѣ Юсти и Франка, содѣйствовала упроченію въ Германіи точки зрѣнія либеральной или манчестерской школы, способствовавшей упраздненію коллективныхъ формъ землевладѣнія по ту сторону Ламанша. Ближайшимъ виновникомъ закона 1821 г. явился сельскій хозяинъ и экономистъ Таэръ. Онъ отнесся къ разложенію мірской собственности какъ къ неотложному требованію времени и не отступилъ передъ мыслью о правительственномъ вмѣшательствѣ каждый разъ, когда не имѣется на лицо личнаго почина участниковъ совладѣнія. Согласно самой буквѣ закона (§§ 1-й и 2-й)—или, точнѣе, указа [1],—подлежитъ отмѣнѣ въ интересахъ поднятія земельной культуры и въ предѣлахъ возможнаго совмѣстное пользованіе, осуществляемое значительнымъ числомъ жителей города или села, общинами и частными собственниками. „Тамъ, гдѣ нельзя будетъ упразднить его,—прибавляетъ § 1-й, оно должно быть по возможности обезврежено" [2]). Упраздненіе общиннаго владѣнія должно коснуться пастбищъ на нивахъ и лугахъ, а также права совмѣстнаго пользованія лѣсомъ, какъ въ формѣ извлеченія изъ него топлива или матеріала для построекъ, такъ и въ формѣ добыванія изъ него желудей и т. п. Достаточно было ходатайства одного совладѣльца для того, чтобы приступлено было къ раздѣлу [3])—такъ велика была увѣренность, что всякій раздѣлъ совмѣстной собственности общинныхъ угодій благопріятенъ интересамъ земледѣлія и выполнимъ. Разверстка происходила такимъ образомъ, что всѣ получали вознагражденіе въ формѣ выдѣляемыхъ въ ихъ исключительную собственность участковъ. Отъ лица, предъявляющаго ходатайство о раздѣлѣ, не требовалось доказательства его пользы для всего сообщества.

Обходя мелкія государства Германіи, мы укажемъ, что однохарактерныя нормы изданы были въ рейнскихъ провинціяхъ Пруссіи въ 1851 г.; въ Нассау—начиная уже съ 1814 г., въ особенности же въ 1829, 1830 и 1834 гг.; въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ, если не считать болѣе раннихъ мѣропріятій, принятыхъ еще во второй половинѣ XVIII вѣка—всего въ 1876 году. Если вслѣдствіе всѣхъ этихъ мѣръ мірскія пользованія почти исчезли въ сѣверной Германіи, то того же отнюдь нельзя сказать объ южной, въ которой, наоборотъ, законодателями приняты были мѣры или къ совершенному запрещенію раздѣловъ, или къ тому, чтобы рѣ-

[1]) Gemeinheitsteilungordnung vom 7 Juli 1821.
[2]) „Möglichst unschädlich gemacht".
[3]) § 16-й.

шающее значеніе въ этомъ вопросѣ принадлежало не единичному просителю и даже не простому большинству, а большинству квалифицированному. Въ Вюртембергѣ, Гессенѣ и Эльзасъ-Лотарингіи альменды или общинныя пользованія не могутъ быть упраздняемы даже при желаніи непосредственно заинтересованныхъ. Въ Баваріи и Баденѣ требуется для ихъ разверстки въ частную собственность, вмѣстѣ съ согласіемъ правительства, и большинство трехъ четвертей голосовъ лицъ, участвующихъ въ совладѣніи. Да и въ тѣхъ частяхъ Германіи, гдѣ законодатель въ большей или меньшей степени предрѣшилъ тѣ мѣропріятія, какія должны повести у насъ къ упраздненію мірской собственности, общественное мнѣніе стало постепенно требовать законовъ, сдерживающихъ рвеніе и частныхъ лицъ и администраторовъ въ дѣлѣ упраздненія вѣковыхъ порядковъ коллективнаго пользованія. Такъ, въ Пруссіи въ 1838 г. обнародованъ былъ законъ, гласящій, что каждый разъ, когда разверстка земель общинныхъ въ частную собственность не сопровождается округленіемъ и не ведетъ, поэтому, къ упраздненію черезполосицы, власти приступаютъ къ окончательной разверсткѣ не иначе, какъ въ силу постановленія, принятаго по крайней мѣрѣ четвертой частью заинтересованныхъ лицъ [1]. Законъ этотъ введенъ былъ въ семи провинціяхъ, образовавшихъ восточную часть Пруссіи. Въ 1847 г. въ тѣхъ же провинціяхъ изъ правила о раздѣлѣ угодій исключены были земли, составляющія нераздѣльное достояніе всей общины, какъ таковой, другими словами—отвѣчающія французскому понятію: „biens des communes", въ отличіе отъ „communaux", т.-е. земель, фактически состоявшихъ въ мірскомъ пользованіи. Въ 40-хъ и 50-хъ годахъ мнѣнія экономистовъ и обществовѣдовъ—извѣстнаго Роберта Моля, Риля, Бухенбергера—о вредѣ или пользѣ сохраненія нераздѣльныхъ общинныхъ имуществъ, складываются совершенно иначе, чѣмъ четверть столѣтія ранѣе. Моль [2]) прямо подаетъ голосъ за сохраненіе коллективныхъ формъ землевладѣнія каждый разъ, когда за раздѣлъ не выскажется большинство членовъ „міра". И ту же мысль проводитъ Бухенбергеръ [3]), въ своемъ трактатѣ о землевладѣніи и земельной политикѣ.

Если мы пожелаемъ познакомиться со взглядами новѣйшихъ изслѣдователей, то въ недавно вышедшемъ сочиненіи д-ра Франца

---

1) Законъ 28 іюля 1838 г. § 1-й.

2) Mohl, Grundlagen der Polizeiwissenschaft.

3) Buchenberger, Agrarwesen und Agrarpolitik. Стр. 281—283.

Кристофа „Объ альмендахъ или общинныхъ владѣніяхъ“ найдемъ очень категорическое выраженіе той мысли, что ихъ искусственное упраздненіе было несомнѣнной ошибкой. Большинство юристовъ, занимавшихся природою мірскихъ пользованій—въ томъ числѣ Миттермайеръ, Берентъ, Генклеръ, Гирке, — признаютъ, что совмѣстное пользованіе можетъ прекратиться не иначе, какъ съ общаго согласія [1]).

Причины, по которымъ въ наши дни смотрятъ съ сомнѣніемъ на благія послѣдствія, порождаемыя раздѣлами, лежатъ частью въ томъ, что ими не достигнуто было упраздненіе черезполосицы,—а безъ него немыслимы тѣ сельскохозяйственныя улучшенія, какими защищалась мысль о ликвидаціи мірского пользованія. Когда раздѣлу подлежали болотистыя пространства, какъ напримѣръ въ сѣверномъ Ганноверѣ и Вестфаліи, частные собственники, ими созданные, позволяли себѣ такое нехозяйственное пользованіе торфяниками и затопляемыми мѣстностями, что, по мнѣнію Штумпфе, въ теченіе ряда поколѣній, а можетъ быть и навсегда, приходится отказаться отъ мысли исправить ранѣе сдѣланныя ошибки. Особенно нехозяйственнымъ оказалось пользованіе поступившими въ раздѣлъ общинными лѣсами, почему законодательству рано или поздно и пришлось ограничить свободу ихъ раздѣла во многихъ мѣстностяхъ: такъ, закономъ 25-го іюля 1876 года — въ провинціи Гессенъ-Нассау, и, въ частности въ округѣ Кассель. Обезлѣсеніе восточныхъ провинцій Пруссіи разсматривается въ настоящее время какъ послѣдствіе свободы раздѣла общинныхъ лѣсовъ. И тѣмъ же объясняется исчезновеніе въ рейнскихъ провинціяхъ корабельнаго и строевого матеріала, мѣсто котораго занимаютъ теперь низкорослыя насажденія, такъ мало производительныя, что въ Вестфаліи они нерѣдко поступаютъ подъ корчевку.

Соціальныя послѣдствія упраздненія коллективныхъ формъ пользованія также оцѣниваются весьма неблагопріятно экономистами разныхъ школъ—столько же Бюхеромъ и фонъ-деръ-Гольцемъ, сколько Родбертусомъ-Ягетцовомъ или Лавелэ. Всѣ они указываютъ въ одно слово, что упраздненіе мірской собственности и общинныхъ пользованій было крайне невыгодно для наименѣе зажиточныхъ крестьянъ, находившихъ подмогу въ правѣ высылать на мірской выпасъ корову или лошадь или держать на немъ домашнюю птицу. Распространенная въ крестьянской средѣ еще въ 1849 г. поговорка гласила: „Благодаря раздѣламъ наиболѣе зажи-

---

[1]) См. Gierke, Genossenschaftstheorie, стр. 231. Berent — въ „Энциклопедіи“ Гольцендорфа, т. I, стр. 581.

точные изъ насъ сдѣлались дворянами, а наименѣе зажиточные—нищими". По мнѣнію фонъ-деръ-Гольца, прусскій законъ о раздѣлѣ 1821 г. озабоченъ былъ интересами однихъ Gross-Bauer'овъ, владѣющихъ нужнымъ рабочимъ скотомъ, и совершенно пренебрегъ выгодами мелкаго люда—батраковъ. Того же мнѣнія придерживается Кнаппъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „Объ эмансипаціи крестьянъ въ Пруссіи и происхожденіи класса сельскихъ рабочихъ". Говоря о Гессенѣ, Кауфманъ указываетъ на размноженіе бѣдныхъ, какъ на послѣдствіе общинныхъ раздѣловъ. Число ихъ, по его мнѣнію, не только удвоилось, но и утроилось. Зоннре приписываетъ той же причинѣ довольно быстрое опустѣніе деревни, такъ какъ мелкому люду, долгое время задерживаемому въ ней возможностью пользоваться альмендой, не оставалось болѣе причинъ дорожить старыми пепелищами. Бюхеръ думаетъ, что при раздѣлѣ принесены были въ жертву законные интересы грядущихъ поколѣній. Новѣйшій изобразитель судебъ общиннаго землевладѣнія въ Пруссіи, свидѣтельствомъ котораго мы закончимъ нашъ очеркъ, справедливо связываетъ чрезмѣрное скопленіе рабочаго люда въ городахъ съ потерей имъ прежняго участія въ мірскомъ пользованіи. „Сотни тысячъ сельскихъ тружениковъ отошли такимъ образомъ отъ земли. Одни эмигрировали въ Америку, другіе, благодаря чрезмѣрности своего числа не находили достаточной работы въ городахъ, и это—въ то время, когда сельское хозяйство страдало отъ недостатка рабочихъ рукъ... Жилищная нужда, плохія матеріальныя условія, вредныя для здоровья и сохраненія мускульной энергіи,—таковы дальнѣйшія послѣдствія искусственнаго расторженія вѣковой связи народа съ землей. Съ особенной силой это опустѣніе деревни сказывается въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи и нѣкоторыхъ западныхъ: въ Помераніи, Шлезвигѣ и Познани, т.-е. именно тамъ, гдѣ господствуетъ крупное землевладѣніе и не сохранилось альмендъ или мірскихъ пользованій. Наоборотъ, въ южной Германіи, гдѣ имѣется обиліе послѣднихъ, крестьяне продолжаютъ оставаться на мѣстахъ, и уходъ изъ деревни весьма незначителенъ".

Опытъ нашихъ сосѣдей не долженъ былъ бы пройти для насъ безслѣдно. Искусственно созданная у насъ крупная промышленность и въ настоящее время не въ состояніи дать занятіе всѣмъ свободнымъ рукамъ, откуда—возрастающее число безработныхъ. Деревня и теперь выбрасываетъ изъ своей среды больше, чѣмъ необходимо для нашихъ фабрикъ и заводовъ, а избытокъ далеко не находитъ въ переселеніи естественнаго вы-

хода изъ нужды, хотя бы потому, что ему недостаетъ средствъ для передвиженія на большія разстоянія, а у правительства— готовыхъ для заселенія участковъ. Что же станется тогда, когда совершится необходимая дифференціація „хозяйственнаго мужичка“ и сельскаго пролетарія, — дифференціація, ускоренная процессомъ насильственнаго прекращенія частныхъ передѣловъ и замѣной мірского пользованія и подворной собственности частнымъ владѣніемъ отрубными участками? Англія съ XV вѣка измѣнила отношеніе городского населенія къ сельскому въ такой пропорціи, что горожане, составлявшіе одну пятую часть населенія, образуютъ теперь почти семь восьмыхъ его; за то же время англійскіе выселенцы положили основаніе новой гражданственности въ Америкѣ, Австраліи, Индіи и Египтѣ. Невольно напрашивается вопросъ, что сдѣлаемъ мы съ неизбѣжнымъ отливомъ сельскаго люда изъ деревень при недостаткѣ иноземныхъ рынковъ, невозможности, поэтому, безграничнаго расширенія нашей промышленности и невѣроятности внезапнаго роста благосостоянія и богатства въ крестьянской массѣ?

Надъ этими вопросами не мѣшало бы задуматься тѣмъ, кто съ легкимъ сердцемъ идетъ на небывалый еще въ мірѣ по своимъ размѣрамъ опытъ искусственнаго расторженія вѣковой связи народа съ воздѣлываемой имъ почвой.

Тѣ опасенія, какія вызываетъ во мнѣ искусственная ликвидація вѣковыхъ отношеній народа къ землѣ, раздѣляются и многими писателями далеко не одного со мною лагеря. Извѣстный оксфордскій профессоръ П. Г. Виноградовъ, близко знакомый съ вопросомъ о судьбахъ общиннаго землевладѣнія въ Англіи, въ статьѣ, напечатанной имъ въ „Словѣ“ отъ 6 дек. 1908 г., пишетъ: „Мобилизація собственности, вызванная закономъ 9 ноября, сгонитъ съ земли болѣе слабыхъ крестьянъ и быстро создастъ массы сельскаго пролетаріата. Такъ было вездѣ, гдѣ разрушалась община, и такъ будетъ и у насъ. А готова ли наша страна къ тому, чтобы пристроить и утилизировать эти освободившіяся толпы рабочаго и безработнаго люда? Располагаетъ ли русская промышленность такими капиталами, такими рынками, такой организаціей, чтобы вознаградить безземельныхъ работниковъ за утрату земли? Готово ли законодательство о бѣдныхъ, которое дало бы возможность отобрать безпомощныхъ для дѣйствительнаго призрѣнія и направить праздныхъ на производительный трудъ? Лѣтъ триста тому назадъ, во время земледѣльческаго кризиса въ Англіи, Тюдоры считали необходимымъ развить обширное законодательство о бѣдныхъ. Въ Россіи же XX вѣка

мы уже теперь присутствуемъ при проявленіяхъ нищенства, достойныхъ среднихъ вѣковъ, и нѣтъ надобности въ особомъ полетѣ фантазіи, чтобы представить себѣ, что̀ будетъ совершаться, когда сельскіе надѣлы ускользнутъ хотя бы частью изъ рукъ ихъ теперешнихъ владѣльцевъ. Странно лишь, что правительство и партіи, которыя поставили себѣ главной задачей успокоеніе страны, остаются слѣпы къ этому угрожающему наводненію бездомныхъ, безработныхъ дикарей".

Предвидя, повидимому, возраженія въ родѣ тѣхъ, какія недавно направлены были противъ меня въ „Новомъ Времени" г. Валишевскимъ, желающимъ найти противорѣчіе въ томъ, что̀ я говорю о естественномъ вліяніи роста промышленности и торговли на разрывъ узъ, приковывающихъ къ землѣ всю совокупность ея населенія, съ моимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ закону 9 ноября [1]), насильственно расторгающимъ эту связь, проф. Виноградовъ пишетъ далѣе въ той же статьѣ:

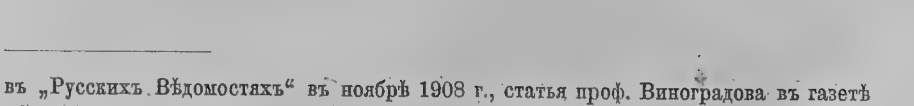
„Но вѣдь примѣръ западной Европы показываетъ, что общинныя формы смѣняются частновладѣльческими... Да, смѣняются, но какъ и какія формы? Законодатели, собирающіеся покончить съ передѣльной общиной въ Россіи, едва ли пошли далѣе очень поверхностнаго знакомства съ исторіей процесса разложенія общиннаго землевладѣнія на Западѣ. Вѣдь процессъ этотъ тянется тамъ уже тысячу лѣтъ, совершается въ предѣлахъ разверстки не передѣльной общины, а долевой, идетъ путемъ постепеннаго прониканія капиталовъ и техническихъ улучшеній, обходится minimum'омъ государственнаго вмѣшательства и принужденія. Въ западной Европѣ не думали „разрубать гордіевъ узелъ", а скорѣе разматывали клубокъ, облегчая выходъ изъ общиннаго союза, всячески содѣйствуя сельско-хозяйственнымъ улучшеніямъ, заботясь о раціональномъ соединеніи полосъ и формированіи участковъ, но не совершая внезапныхъ законодательныхъ переворотовъ". Историку англійскаго крестьянства живо рисуются тѣ народныя движенія, которыя, какъ возстаніе Кета въ Норфолькѣ, были вызваны почти исключительно быстрымъ и насильственнымъ переходомъ отъ общинныхъ формъ пользованія къ индивидуальной аппропріаціи земли. И онъ справедливо говоритъ, что „такіе опыты, какъ производимый въ настоящее время, предпринимаются безъ всякаго предвидѣнія того раздраженія и смуты, которыя несомнѣнно послѣдуютъ, если аграрное законодательство третьей Думы получитъ реальное осуществленіе" [2]).

[1]) См. мою статью въ „Revue bleue", за ноябрь 1908 г.

[2]) Моя статья „о вѣроятныхъ судьбахъ сельской общины въ Россіи" появилась

Совпаденіе конечныхъ выводовъ двухъ статей, написанныхъ на разстояніи всего-на-всего нѣсколькихъ дней двумя писателями, одинаково занимавшимися исторіей землевладѣнія на Западѣ и одинаково чуждыми идейныхъ пристрастій къ великорусскому „міру“, способно, надѣюсь, породить въ людяхъ безпристрастныхъ увѣренность въ томъ, что сомнѣніе въ правильности пріемовъ, какими Дума рѣшила бороться съ крестьянскимъ малоземельемъ, не вызывается, какъ предполагаетъ г. Валишевскій, говоря обо мнѣ, желаніемъ считаться со вкусами и предразсудками избирателей. Избирали меня профессора русскихъ университетовъ, которые, разумѣется, не снабдили меня никакимъ наказомъ, ничѣмъ подобнымъ тѣмъ повелительнымъ мандатамъ, о которыхъ не прочь думать сторонники наиболѣе передовыхъ партій. Они завѣщали мнѣ одно—руководствоваться въ моихъ мнѣніяхъ данными науки и историческаго опыта. А эти данныя, какъ показываетъ и проф. Виноградовъ, не говорятъ о возможости безъ внутреннихъ потрясеній „съ дикой рѣзвостью“ и поразительной необузданностью подкашивать въ корнѣ вѣковые устои крестьянскаго быта.

Максимъ Ковалевскій.

въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ въ ноябрѣ 1908 г., статья проф. Виноградова въ газетѣ „Слово“ въ концѣ того же мѣсяца.

НА СКЛОНѢ

Ненастный день кончаетъ скорбный путь.
Ужъ близокъ тусклый часъ заката.
Скорѣй бы ночь! Дойти—стряхнуть
Утому —
Уснуть...

А сердце тоскуетъ и молитъ возврата
Къ былому.

Но къ юнымъ снамъ дороги не найти;
Не радость—тѣшиться ошибкой...
Что отцвѣло, то вновь цвѣсти
Не станетъ...
Прости!

А счастье—тутъ, рядомъ... волнуетъ улыбкой
И манитъ.

Ненастный день кончаетъ скорбный путь.
Пора! Готовься къ повечерью.
Гони мечту: она лишь грудь
Терзаетъ...
Забудь!

А сердце, какъ узникъ за кованной дверью,
Рыдаетъ.

А. Колтоновскій.

„НОВЫЙ КУРСЪ“ ПОЛИТИКИ ПО РАБОЧЕМУ ВОПРОСУ

Проекты рабочаго законодательства съ 1905 по 1908 г.

Въ Государственную Думу внесены правительствомъ законопроекты по страхованію рабочихъ, и въ ближайшемъ будущемъ народному представительству предстоитъ впервые столкнуться съ нашимъ рабочимъ вопросомъ. Въ виду этого интересно ознакомиться съ тѣми перипетіями, которыя пришлось ему испытать въ многочисленныхъ коммиссіяхъ, работавшихъ съ начала „революціи“ по настоящее время. Чтобы не обременять читателя многочисленными ссылками на источники, укажемъ здѣсь, что въ основу предлагаемаго очерка положены оффиціальные проекты отдѣла промышленности, отчеты о засѣданіяхъ коммиссій, изданные совѣтомъ съѣздовъ представителей промышленности и торговли (также помѣщавшіеся въ „Торгово-Промышленной Газетѣ“ и другихъ органахъ печати) и, наконецъ, матеріалы по рабочему вопросу (22 тетради), издаваемые тѣмъ же совѣтомъ съѣздовъ представителей промышленности и торговли.

На рубежѣ между старымъ временемъ и новымъ нужно поставить, конечно, историческіе январьскіе дни 1905 г. Но надвигавшаяся гроза чувствовалась въ воздухѣ уже раньше, и слѣды этого мы находимъ въ указѣ 12-го декабря 1904 г., гдѣ правительство, чтобы обезоружить рабочихъ, возвѣщало о предстоящемъ введеніи у насъ государственнаго ихъ страхованія.

Кровавыя событія 9 января повлекли за собой образованіе особой коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ Шидловскаго, „для безотлагательнаго выясненія причинъ недовольства рабочихъ въ г. Петербургѣ и его пригородахъ и изысканія мѣръ къ устраненію таковыхъ въ будущемъ“.

Коммиссія эта вовсе не собиралась, но „причины недовольства рабочихъ“ были очень ярко изображены ими при выборѣ делегатовъ, что и послужило основаніемъ для ея распущенія.

Между тѣмъ рабочія волненія съ неслыханной силой распространялись по всей странѣ. 20 февраля коммиссія Шидловскаго была закрыта, а вмѣсто нея учреждена новая, подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ В. Н. Коковцева, „для обсужденія мѣръ по упорядоченію быта и положенія рабочихъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ“ всей вообще страны. 15 марта состоялось распорядительное засѣданіе ея, и тутъ выяснилось, что отдѣломъ промышленности уже изготовлены предположенія по тремъ вопросамъ: 1) о дальнѣйшемъ сокращеніи рабочаго времени; 2) объ измѣненіи наказаній за стачки и 3) объ оказаніи рабочимъ врачебной помощи; кромѣ того было приступлено къ разработкѣ четвертаго, „наиболѣе сложнаго“ вопроса—о рабочихъ организаціяхъ.

Сверхъ того, во исполненіе указа 12-го декабря 1904 г., отдѣломъ промышленности въ концѣ марта были составлены „основныя положенія о государственномъ страхованіи рабочихъ“ отъ болѣзней, несчастныхъ случаевъ, старости и инвалидности.

15 мая открылось первое дѣловое засѣданіе коммиссіи, въ составѣ около 130 человѣкъ — чиновъ разныхъ вѣдомствъ, промышленниковъ и представителей нѣкоторыхъ земствъ и городовъ; не было лишь никого, кто могъ бы представлять интересы рабочаго класса. Изъ четырехъ законопроектовъ два оказались еще неготовыми—о рабочихъ организаціяхъ и о врачебной помощи; послѣдній — въ виду того, что изъ всѣхъ земствъ и городовъ, которымъ онъ былъ разосланъ на заключеніе, прислали свой отвѣтъ только 25. Такимъ образомъ разсмотрѣнію коммиссіи подлежали лишь законопроекты о стачкахъ и о продолжительности рабочаго времени въ промышленныхъ заведеніяхъ. Сущность послѣдняго, сравнительно съ нынѣ дѣйствующимъ закономъ 2 іюня 1897 г., заключалась въ слѣдующемъ: продолжительность дневной работы сокращалась съ 68 до 59 часовъ, а ночной—съ 60 до 48 часовъ въ недѣлю (для первой—не свыше 10 часовъ, для второй—8 часовъ въ сутки). Затѣмъ въ непрерывныхъ производствахъ вмѣсто 12 часовыхъ смѣнъ устанавливалась трехъ-смѣн-

ная восьмичасовая работа, но за то для нихъ уничтожался—въ видѣ компенсаціи предпринимателямъ—обязательный воскресный отдыхъ.

Открывая засѣданіе, министръ финансовъ произнесъ рѣчь, въ которой высказалъ, что новыми проектами правительство лишь возобновляетъ то поступательное движеніе, которое началось въ 80-хъ годахъ и продолженіе котораго равно необходимо въ интересахъ какъ рабочихъ, такъ и предпринимателей. „Широкое и упорное развитіе стачекъ и волненій среди рабочихъ послужило только основаніемъ для скорѣйшаго направленія этихъ работъ, и это вполнѣ естественно и справедливо. Намъ говорятъ, что теперешнее движеніе среди рабочихъ отнюдь не зависитъ отъ экономическихъ условій ихъ быта, а вызвано исключительно политической пропагандой. Вліяніе послѣдней на размѣръ и формы забастовокъ не можетъ подлежать сомнѣнію; но не подлежитъ сомнѣнію и то, что пропаганда могла дѣйствовать столь успѣшно среди рабочихъ потому именно, что условія ихъ быта оказывались мѣстами крайне тяжелыми и неприглядными“...

Однако представители капитала отнеслись съ нескрываемой враждебностью къ попыткѣ „поступательнаго движенія“ въ области фабричнаго законодательства, и слѣдующимъ образомъ обосновали отрицательное отношеніе свое къ участію въ работахъ коммиссіи: 1) въ ней нѣтъ представителей другой заинтересованной стороны—рабочихъ, что неизбѣжно вызоветъ нападки со стороны общества и печати на односторонность коммиссіи; 2) бюрократія утратила всякое довѣріе общества, и потому выработка новыхъ законовъ должна производиться въ высшемъ представительномъ учрежденіи, имѣющемъ быть созваннымъ согласно рескрипту 18-го февраля; 3) они, промышленники, съѣзжаясь въ Петербургъ, ожидали, что „имъ будетъ предложено обсудить рабочій вопросъ во всемъ его объемѣ“, а вмѣсто этого имъ предлагаютъ какихъ-то два „совершенно неудовлетворительныхъ“ законопроекта, которые „въ значительной уже степени разрѣшены самой жизнью и потому неспособны внести въ рабочую среду успокоеніе“.

Насколько искренно было первое заявленіе, можно судить уже по одному тому, что въ послѣдующихъ коммиссіяхъ по рабочему вопросу промышленники не только не настаивали на приглашеніи представителей отъ рабочихъ, но вовсе о томъ не упоминали. Второе ихъ замѣчаніе хотя и было справедливо само по себѣ, но въ данномъ случаѣ являлось неумѣстнымъ, ибо—по заявленію предсѣдателя—работы коммиссіи должны были имѣть лишь

подготовительное значеніе. Наконецъ, указаніе на совершенную негодность законопроекта о продолжительности рабочаго времени ничѣмъ не было обосновано. Въ критикѣ же правительственнаго законопроекта о стачкахъ они были, конечно, правы, но и это не могло служить оправданіемъ ихъ образа дѣйствій. Что рабочіе требуютъ не столько отмѣны карательныхъ статей за стачки, сколько неприкосновенности личности и жилища, и что безъ огражденія послѣднихъ отъ административнаго произвола ничуть не измѣняется сущность настоящаго положенія—это несомнѣнно. Но вѣдь не это же заставило ихъ бойкотировать коммиссію Коковцева. Въ противномъ случаѣ какъ же могли они принимать участіе въ коммиссіяхъ Ѳедорова и Философова? Какъ примирить, далѣе, съ этимъ тотъ поразительный фактъ, что во время забастовки каспійскихъ моряковъ весною 1907 г. руководящіе круги нашей промышленности сами обратились къ правительству съ покорнѣйшей просьбой о принятіи внѣзаконныхъ и произвольныхъ мѣръ для ея подавленія?

Предприниматели чувствовали, несомнѣнно, несостоятельность своей аргументаціи, но еще сильнѣе была потребность провалить ненавистный проектъ о сокращеніи рабочаго дня. Не полагаясь на силу своихъ доводовъ, они рѣшили сослаться на „нервы“... „...Тревожное настроеніе, вызванное послѣдними событіями на Дальнемъ Востокѣ,—такъ заявилъ на засѣданіи 18 мая отъ лица всѣхъ промышленниковъ г. Крестовниковъ,—въ связи съ тѣмъ, что происходитъ въ Польшѣ, Литвѣ, Кавказѣ и другихъ мѣстностяхъ Россіи, приводитъ насъ въ такое нервное настроеніе, что нѣтъ возможности въ разбираемыхъ вопросахъ придти къ какимъ-либо выводамъ; мы всѣ настолько взволнованы и нервны, что наше послѣднее засѣданіе убѣдило насъ въ невозможности продолжать наши занятія. Откладывая эту коммиссію, мы ровно ничего не упустимъ. Если настоящее огромное бѣдствіе не образумитъ и не успокоитъ рабочихъ, то во всякомъ случаѣ и не тѣ законы, которые мы вырабатываемъ, будутъ въ состояніи ихъ успокоить... Позвольте отложить занятія до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ“.

Тщетно министръ финансовъ призывалъ разнервничавшихся фабрикантовъ „успокоиться“, тщетно доказывалъ имъ, что достаточно двухъ-трехъ дней совмѣстной работы, чтобы покончить съ вопросомъ о рабочемъ времени, — „этотъ вопросъ настолько животрепещущъ и настолько настоятельно требуетъ разрѣшенія, что не должно и опасно подавать поводъ къ тому, чтобы промышленниковъ могли упрекнуть въ желаніи его оттянуть“. Они

и послѣ устроеннаго перерыва заявили, что остаются при своемъ прежнемъ мнѣніи, и покинули залу засѣданія. Справедливость требуетъ сказать, что В. Н. Коковцевъ не особенно огорчился такой неудачей; несмотря на высказанное имъ „глубокое убѣжденіе“ въ необходимости скорѣйшаго разрѣшенія выдвинутыхъ имъ вопросовъ, разработка ихъ при немъ не подвинулась болѣе ни на шагъ.

Промышленники, между тѣмъ, принялись за подготовку „болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ“. Частью сознательно, частью по непониманію своихъ классовыхъ интересовъ, они принимали хотя и не главное, но все же довольно видное участіе въ наступленіи у насъ политической реакціи. Еще болѣе это замѣтно въ области нашего фабричнаго законодательства.

Вскорѣ послѣ того какъ промышленникамъ удалось добиться закрытія непріятной имъ коммиссіи Коковцева, появилась „записка по рабочему вопросу въ Россіи“ [1]) директора южно-русскаго металлургическаго Общества, г. Ясюковича, которая служитъ дополненіемъ и разъясненіемъ взглядовъ участвовавшихъ въ совѣщаніи лицъ.

Рѣзко критикуя проекты министерства финансовъ, авторъ соглашается признать необходимымъ лишь государственное страхованіе рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ и болѣзней, страхованіе же отъ инвалидности и старости считаетъ „преждевременнымъ“, а нормировку рабочаго времени—вообще недопустимою. „Лишать взрослаго рабочаго его свободной воли, ставить свободнаго рабочаго въ своего рода крѣпостную зависимость отъ буквы, лишенной жизненнаго содержанія, не рѣшалось до сихъ поръ ни одно серьезное законодательство въ мірѣ“. Установленіе продолжительности рабочаго дня „должно быть результатомъ соглашенія между коалиціями рабочихъ и промышленниковъ“.

Встревоженные правительственными проектами сверху и движеніемъ рабочихъ снизу, предприниматели энергично принимаются за устройство боевой всероссійской организаціи капитала. Окончательную форму она получила въ видѣ періодическихъ съѣздовъ представителей промышленности и торговли, съ постоянно существующимъ совѣтомъ и собственнымъ органомъ печати. Первый съѣздъ предполагался весною 1906 г., и къ этому времени инженерами Ясюковичемъ и Вольскимъ былъ составленъ докладъ о рабочемъ днѣ. „Милостивые Государи!— восклицаютъ авторы—мы должны признать, что *рабочій день*

[1]) Напечатана въ „Горнозаводскомъ Листкѣ“ за 1905 г.

взрослаго мужчины вообще не можетъ быть предметомъ законодательной нормировки. Мы должны сказать, что продолжительность рабочаго времени является исключительно продуктомъ мѣстныхъ условій и взаимнаго соглашенія между рабочими и предпринимателями... Революція въ рабочемъ вопросѣ, проектированная министерствомъ Коковцева, чревата весьма печальными послѣдствіями“, а выработанный имъ законопроектъ „ничѣмъ не отличается, по своему существу, отъ постановленій различныхъ совѣтовъ рабочихъ депутатовъ о введеніи революціоннымъ путемъ восьмичасового рабочаго дня; онъ не долженъ ни въ какомъ случаѣ превратиться въ законъ“!..

Эта агитація и запугиваніе „революціей“, въ связи съ услугами, которыя были оказаны правительству торгово-промышленнымъ капиталомъ въ критическій періодъ октябрьско-декабрьскихъ дней, довольно скоро возымѣли свое дѣйствіе. Въ предложенныхъ на обсужденіе апрѣльскаго совѣщанія 1906 г. (подъ предсѣдательствомъ управлявшаго министерствомъ торговли и промышленности М. М. Ѳедорова) законопроектахъ мы уже не находимъ наиболѣе непріятныхъ для промышленниковъ параграфовъ о восьмичасовомъ трудѣ при ночныхъ и непрерывныхъ работахъ... Въ объяснительной запискѣ и предварительныхъ законопроектахъ по рабочему вопросу *въ болѣе ранней редакціи*, чѣмъ та, которая была предложена апрѣльскому совѣщанію, вполнѣ откровенно сказывалось вліяніе вышеупомянутаго давленія со стороны капитала: предлагалось ограничиться нормировкой только женскаго и дѣтскаго труда, и лишь ради практическихъ соображеній не отмѣнялась для взрослыхъ рабочихъ старая норма въ $11^1/_2$ часовъ. Въ концѣ концовъ, однако, министерство рѣшилось удержать соотвѣтствующій параграфъ законопроекта Коковцева, придавъ ему лишь новую формулировку, въ видѣ 60 часовъ въ недѣлю. Меньше всего, конечно, это можетъ быть объяснено стремленіемъ нашей бюрократіи къ нововведеніямъ. Нельзя упускать изъ виду, что переворотъ—или революція, какою пугали предприниматели,—уже совершился въ промышленности, только не по милости русской бюрократіи, а благодаря рабочему движенію, которое добилось установленія въ главнѣйшихъ отрасляхъ десятичасового и еще болѣе короткаго рабочаго дня. Та идеологическая позиція, на которой гг. Вольскіе и Ясюковичи хотѣли укрѣпить торгово-промышленный капиталъ, какъ на неприступной твердынѣ, въ переживаемое нами время является совершенно безнадежною. Вѣдь для того, чтобы регулированіе рабочаго времени можно было предоставить взаимному соглашенію предпринимателей и

рабочихъ союзовъ, необходимо предварительное существованіе послѣднихъ, а для этого опять-таки необходимо, чтобы правительство и руководящіе круги промышленности отрѣшились (не на словахъ, а на дѣлѣ) отъ своей реакціонной политики. Всякій, знакомый съ положеніемъ вещей въ Россіи, скажетъ, что это—дѣло болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго и отлагать до него сокращеніе рабочаго дня было бы черезчуръ легкомысленно. Не смотря, притомъ, на существованіе крѣпкихъ профессіональныхъ союзовъ на Западѣ, тамъ наблюдается въ послѣднее время все бо̀льшее стремленіе подчинить рабочій день взрослыхъ мужчинъ законодательному ограниченію. Такъ, въ Австріи законъ 27 іюня 1901 г. вводитъ девятичасовой рабочій день при подземныхъ работахъ въ каменноугольныхъ копяхъ. Во Франціи закономъ 29 іюня 1905 года установленъ девятичасовой день для забойщиковъ, съ тѣмъ, чтобы черезъ два года онъ былъ сокращенъ до $8^1/_2$, а еще черезъ два года—до 8-ми часовъ; закономъ 5 іюля 1907 г. эта норма распространена и на всѣ остальныя категоріи каменноугольныхъ рабочихъ. Въ Англіи парламентъ уже принялъ билль о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ для каменноугольной промышленности. Въ 1906 г. Франція и Бельгія приступили къ законодательному урегулированію вопроса о праздничномъ отдыхѣ и нормальномъ днѣ для служащихъ въ торгово-промышленныхъ заведеніяхъ, а въ слѣдующемъ году соотвѣтственные законопроекты разрабатывались въ Италіи и Австріи. Въ 1907 г. Соединенные Штаты установили закономъ максимальную продолжительность работы для желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ. Ссылки г. Ясюковича на „неудачный (будто бы) опытъ Австраліи“ съ восьмичасовымъ рабочимъ днемъ свидѣтельствуетъ лишь о плохомъ знакомствѣ его съ положеніемъ дѣлъ въ этой странѣ.

Отмѣченные нами факты относятся къ области урегулированія рабочаго дня въ отдѣльныхъ, особо неблагопріятныхъ отрасляхъ промышленности; но Западной Европѣ извѣстна и другая регламентація. Въ Швейцаріи продолжительность работы взрослыхъ уже давно ограничена 11-ью часами, въ Австріи—11-ью часами для фабрично-заводской промышленности и 10-ью часами—для горныхъ промысловъ; наконецъ, во Франціи закономъ 1848 г. максимальный рабочій день установленъ въ 12 часовъ для всѣхъ вообще фабрикъ и мануфактуръ [1]), и въ 10 часовъ—для тѣхъ

[1]) Въ 1907 г. правительство заявляло палатѣ депутатовъ о своихъ предположеніяхъ сократить эту устарѣвшую уже норму до 10-ти часовъ.

заведеній, гдѣ взрослые работаютъ совмѣстно съ дѣтьми, подростками и женщинами (законъ 30 марта 1900 г.).

Изъ этой справки видно, что провозглашенная у насъ нѣкоторыми основателями всероссійской объединенной организаціи капитала формула: „рабочій день взрослаго мужчины не можетъ быть предметомъ законодательной нормировки“ — не только не считается съ особенностями русской промышленной жизни, но и не соотвѣтствуетъ современному опыту западныхъ странъ.

Обратимся теперь къ новому совѣщанію по рабочему вопросу, происходившему 15 — 21 апрѣля 1906 г., куда министерство торговли и промышленности внесло восемь выработанныхъ имъ законопроектовъ: о правилахъ найма, о рабочемъ днѣ, о страхованіи рабочихъ отъ болѣзни и несчастныхъ случаевъ, о сберегательныхъ кассахъ обезпеченія, о мѣрахъ поощренія строительства дешевыхъ и здоровыхъ жилищъ, о промышленной инспекціи и присутствіяхъ и, наконецъ, о промысловыхъ судахъ.

Въ объяснительной запискѣ къ этимъ проектамъ министерство прежде всего считаетъ необходимымъ отречься отъ предшествовавшей политики, „основная мысль которой сводилась къ возможному поддержанію порядка на фабрикахъ и заводахъ и спокойствія среди рабочихъ. Эта задача была нерѣдко понимаема слишкомъ узко и сводилась чаще всего не къ заботѣ о дѣйствительномъ улучшеніи положенія рабочихъ, а къ устраненію лишь повода недовольства рабочихъ. Въ силу этого цѣлый рядъ вопросовъ, составляющихъ коренныя задачи государственнаго вмѣшательства, оставался у насъ неразрѣшеннымъ, несмотря на то, что фактическое положеніе дѣла уже поставило ихъ на очередь“. „Большой ущербъ дѣлу наносило отношеніе властей къ попыткамъ объединенія рабочихъ и солидарнаго ихъ дѣйствія и въ особенности къ стачкамъ, хотя бы и преслѣдовавшимъ исключительно цѣли улучшенія матеріальнаго положенія рабочихъ. А между тѣмъ фабричная жизнь крайне сложна и упорядоченіе ея ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть достигнуто однимъ правительственнымъ вмѣшательствомъ черезъ посредство фабричной инспекціи и полиціи. Въ этомъ дѣлѣ существенно важно поставить обѣ стороны въ такое положеніе, при которомъ ни одна изъ нихъ не имѣла бы перевѣса надъ другою. Изъ этого вытекала необходимость предоставить самимъ рабочимъ организоваться съ цѣлью самозащиты и улучшенія своего положенія.

Однако же попытки рабочихъ въ этомъ направленіи встрѣчали всякаго рода стѣсненія. Такое отношеніе власти нерѣдко отнимало у предпринимателей побужденіе идти навстрѣчу желаніямъ рабочихъ. Преслѣдуя забастовки, правительство тѣмъ самымъ оказывало поддержку и безъ того сильной сторонѣ, способствуя скорѣйшему возстановленію работъ на прежнихъ основаніяхъ. Такимъ образомъ, при мирномъ теченіи работъ рабочимъ оставалось лишь подчиняться условіямъ, диктуемымъ нанимателями; при прекращеніи же работъ противъ рабочихъ вооружалась власть, нерѣдко, къ тому же, воспрещавшая нанимателямъ дѣлать какія бы то ни было уступки забастовщикамъ. ...Такимъ путемъ чисто экономическимъ отношеніямъ рабочихъ и нанимателей прививался политическій элементъ, а у рабочихъ сознательно стало зарождаться убѣжденіе, что власть является врагомъ рабочихъ, поддерживаетъ капиталистовъ и противодѣйствуетъ стремленію рабочихъ улучшить свое положеніе. Дѣйствія властей во время забастовокъ только укореняли въ умахъ рабочихъ указанное убѣжденіе. Фабричная инспекція обязана была объяснять рабочимъ, что заявленія ихъ, предъявленныя во время стачекъ, не могутъ быть принимаемы и разсматриваемы до тѣхъ поръ, пока они не приступятъ къ обычнымъ занятіямъ, а губернская власть стремилась принять всѣ мѣры къ тому, чтобы принудить забастовщиковъ во что бы то ни стало возобновить работы. ...Такое положеніе дѣла, естественно, отворачивало рабочихъ отъ промышленниковъ и направляло ихъ противъ существующаго порядка".

Такъ какъ всѣ эти искусственныя мѣры оказались безуспѣшными и приводили лишь къ потрясеніямъ общественнаго порядка, то необходимо—такъ заключаетъ теченіе своихъ мыслей новое министерство—коренное измѣненіе нашей политики въ рабочемъ вопросѣ, а именно въ двухъ направленіяхъ: 1) въ сторону оказанія рабочему классу положительной помощи и 2) въ сторону ограниченія административнаго вмѣшательства въ отношенія промышленниковъ и рабочихъ, при предоставленіи какъ тѣмъ, такъ и другимъ необходимой свободы дѣйствій черезъ посредство профессіональныхъ организацій.

По поводу этой объяснительной записки и вообще открытія апрѣльскаго совѣщанія 1906-го года оффиціозный органъ министерства—„Торгово-Промышленная Газета"—торжественно заявилъ, что отнынѣ у насъ начинается „новый курсъ" политики по рабочему вопросу и что съ принятіемъ предположенныхъ правительствомъ законопроектовъ Россія даже обгонитъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Западную Европу.

Принявъ во вниманіе это заявленіе, мы и присмотримся теперь, въ чемъ же выразились предполагаемыя „коренныя реформы“, какъ отнеслись къ нимъ предприниматели и что, наконецъ, изъ всего этого вышло.

Главнымъ нововведеніемъ въ правилахъ о наймѣ были статьи 6-ая и 29-ая; появленіе ихъ министерство мотивировало отмѣной карательныхъ постановленій о стачкахъ. Статья 6-ая предоставляла сторонамъ (т.-е. въ сущности одной сторонѣ—капиталистамъ) возможность сокращать срокъ предупрежденія—при наймѣ безъ указанія срока, а эта форма найма является преобладающей,—съ двухъ недѣль до трехъ дней. Статья же 29-ая гласила: „Договоръ найма можетъ быть расторгнутъ предпринимателемъ вслѣдствіе прекращенія рабочими работъ во всемъ заведеніи или въ какой-либо части его или самовольнаго съ ихъ стороны сокращенія продолжительности рабочаго времени. Если заведеніе, вслѣдствіе прекращенія частью рабочихъ работъ, лишено возможности предоставить прочимъ рабочимъ тѣ работы или занятія, для исполненія которыхъ они были наняты, то оно освобождается, не расторгая съ ними договора найма, отъ платежа за прогульное время. Въ этомъ случаѣ рабочимъ предоставляется право самимъ расторгнуть договоръ найма“. По поводу этихъ правилъ проф. И. Х. Озеровъ заявилъ, что во всемъ проектѣ министерства нѣтъ ни одного постановленія, которое бы открыто выступило въ защиту естественныхъ правъ рабочаго; такъ и тутъ упущено регламентированіе безспорной обязанности фабриканта уплачивать рабочему условленную плату, если прекращеніе работъ вызвано самимъ фабрикантомъ. Бываютъ случаи,—они наблюдаются не только у насъ, но и на Западѣ,—когда фабриканту прямо выгодно вызвать забастовку. Представитель министерства юстиціи, бар. Нольде, вполнѣ присоединился къ этому мнѣнію и призналъ необходимымъ провести его въ законъ; но предсѣдатель заявилъ, что онъ *никогда не пойдетъ на такую мѣру,* ибо это значило бы давать въ руки рабочихъ такое оружіе борьбы, которое убьетъ всякую промышленность.

Въ проектѣ министерства о рабочемъ времени наиболѣе существенными пунктами являются слѣдующіе: продолжительность работы малолѣтнихъ отъ 12 до 15 лѣтъ сокращается до 6 часовъ въ сутки, вмѣсто нынѣ существующей нормы въ 8 и даже 9 (тамъ, гдѣ существуетъ 18-ти-часовая непрерывная работа 2-мя смѣнами) часовъ. Для взрослыхъ рабочій день не долженъ превышать 10½ час., а въ недѣлю—60, при ночной же работѣ—

9 часовъ [1]). Зато количество праздниковъ сокращается на 9, а именно вмѣсто нынѣ установленныхъ 69—60. При непрерывныхъ работахъ допускается увеличенiе продолжительности рабочаго дня до 12 ч., и т. д.

Такимъ образомъ, новое министерство заняло позицiю компромисса между проектомъ Коковцева и дѣйствующимъ закономъ. По открытiи дебатовъ, г. Френкель, представитель кiевскаго района, высказался въ пользу законодательной нормировки труда взрослыхъ рабочихъ, но добавилъ, что желательно было бы сохранить въ силѣ старый законъ 2 iюня 1897 года., а не вводить десятичасовой день, ибо при некультурности рабочей массы ей некуда тратить свободное отъ работъ время. Противъ этого возсталъ г. Четвериковъ отъ лица промышленниковъ центральнаго района. „Заявленiе кiевлянъ — заявилъ онъ — прозвучало въ нашемъ собранiи рѣзкимъ диссонансомъ". Правительство должно предоставить взрослымъ рабочимъ полную свободу и взять подъ свою защиту только женщинъ и дѣтей. Но такъ какъ при пестротѣ мѣстныхъ условiй отсутствiе нормы создало бы вредное для роста промышленности разнообразiе обстановки труда, то законный минимумъ продолжительности рабочаго дня необходимъ. Наша промышленность не подготовлена къ рѣзкому переходу отъ 11½ час. къ желательному минимуму, а потому слѣдуетъ вводить его постепенно. Опытъ говоритъ, что при десятичасовомъ рабочемъ днѣ замѣтныхъ осложненiй или потрясенiй производства не ожидается. Къ этой цифрѣ и слѣдуетъ стремиться, при чемъ осуществить десятичасовой рабочiй день можно было бы такъ: по изданiи новаго закона перейти къ 11-ти часамъ, черезъ два года къ 10½ и еще черезъ два года—къ 10 ч.

Лодзинскiй и другiе районы присоединяются къ предложенiю г. Четверикова, но г. Глезмеръ отъ лица петербургскихъ предпринимателей выступилъ съ рѣшительнымъ протестомъ. Сентиментальность неумѣстна — по его словамъ — въ законодательной работѣ; время опеки и защиты прошло безвозвратно, рабочiе выросли и сами могутъ постоять за себя. „На многочисленныхъ совѣщанiяхъ съ ними петербургскiе фабриканты убѣдились, что рабочiе вовсе не гонятся за увеличенiемъ ихъ свободнаго времени... Они охотно соглашаются работать и сверхъ установленнаго правилами внутренняго распорядка срока. Весь вопросъ—въ платѣ.

---

[1]) По этому поводу замѣтимъ, что еще при изданiи закона 2 iюня 1897 г. С. Ю. Витте предлагалъ ограничить ночную работу, въ виду ея особенно вреднаго влiянiя, 9 часами, но Государственный Совѣтъ повысилъ эту норму до 10-ти.

За повышенную плату рабочій никогда не откажется работать сверхъ нормы. Не слѣдуетъ устанавливать закономъ ни низшаго, ни высшаго предѣла; при дарованіи населенію гражданской свободы, рабочему должны быть предоставлено право входить въ какія угодно соглашенія... Вѣдь не опекаетъ же государство сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, а ихъ не 2% населенія, какъ фабрично-заводскихъ, а цѣлыхъ 80% (?). Въ отношеніи необходимости урегулировать трудъ женщинъ и дѣтей петербургскіе промышленники вполнѣ раздѣляютъ мнѣніе большинства“.

Эта рѣчь, въ которой авторъ такъ свободно обращался съ фактами, несомнѣнно являлась продолженіемъ пропаганды, начатой г.г. Ясюковичемъ и Вольскимъ; тѣмъ не менѣе она не встрѣтила сочувствія, ибо слишкомъ уже противорѣчила реальнымъ условіямъ современной жизни, и большинство совѣщанія высказалось за установленіе максимума продолжительности рабочаго дня въ 10½ час. въ сутки, съ тѣмъ чтобы въ первый годъ по изданіи закона существующая нынѣ норма была понижена до 66 часовъ въ недѣлю, а два года спустя введена уже новая—въ 60 ч. Петербургскіе фабриканты при этомъ заявили, что подчиняются рѣшенію большинства, но отъ своей точки зрѣнія не отказываются. По вопросу о непрерывныхъ работахъ только одинъ изъ членовъ совѣщанія предложилъ установить восьмичасовой рабочій день въ три смѣны, остальные же единодушно рѣшили сохранить дѣйствующее положеніе, т.-е. двухъ-смѣнную работу по 12-ти часовъ. Г. Четвериковъ внесъ предложеніе опредѣлить въ законѣ предѣльное число часовъ сверхурочной работы, а именно — 16 ч. въ мѣсяцъ, но съ тѣмъ чтобы въ году ихъ было не болѣе 100. Большинство высказалось за принципъ полной свободы соглашенія; лишь московскій и лодзинскій районы остались при особомъ мнѣніи, находя, что и въ этой области законодательная нормировка является единственнымъ правильнымъ путемъ къ охранѣ интересовъ какъ государства, такъ и промышленности. Однако врядъ ли въ широтѣ взгляда московскихъ и лодзинскихъ промышленниковъ кроется разгадка ихъ образа дѣйствій; проще его можно объяснить тѣмъ, что въ текстильной промышленности сверхурочныя работы почти не существуютъ, но за то здѣсь въ широкихъ размѣрахъ примѣняется дѣтскій и женскій трудъ. И вотъ, мы видимъ, что представители лодзинскаго и московскаго районовъ требуютъ сверхурочныхъ работъ (подъ условіемъ ихъ нормировки) для ...женщинъ и дѣтей! Такъ какъ другіе районы въ этомъ заинтересованы не были, предложеніе было отвергнуто. Какъ мы увидимъ впослѣдствіи, предприниматели сочли болѣе

удобнымъ выдвинуть требованіе о пониженіи предѣльной нормы возраста для малолѣтнихъ и подростковъ, чтобы этимъ вознаградить себя за проектируемыя ограниченія.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію проектовъ о страхованіи рабочихъ отъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ. Сущность перваго заключается въ слѣдующемъ. При каждомъ заведеніи фабрично-заводской и горно-заводской промышленности съ постояннымъ числомъ рабочихъ свыше 50 человѣкъ учреждается больничная касса. Для заведеній, имѣющихъ менѣе 50 рабочихъ, учреждаются общія для нѣсколькихъ предпріятій кассы. Обязательными участниками больничныхъ кассъ являются всѣ рабочіе обоего пола; средства ихъ составляются изъ взносовъ и штрафныхъ суммъ. Размѣръ взносовъ участниковъ кассы устанавливается на годъ впередъ общимъ собраніемъ членовъ ея, но не можетъ быть ниже 1% и выше 3% ихъ заработка. Владѣльцы предпріятій уплачиваютъ въ кассу половину той суммы, которую вносятъ рабочіе. Задачей больничныхъ кассъ является выдача пособій: 1) во время болѣзни—въ размѣрѣ отъ $^1/_2$ до $^2/_3$ дневного заработка для семейныхъ и отъ $^1/_3$ до $^1/_2$ для холостыхъ, со дня заболѣванія впредь до выздоровленія, но не долѣе срока, устанавливаемаго въ уставѣ. Срокъ этотъ не можетъ быть болѣе 26 и менѣе 16 недѣль. Участники кассы, проболѣвшіе менѣе 3 рабочихъ дней, пособія не получаютъ. 2) Работницамъ, по случаю родовъ—въ размѣрѣ отъ 4-хъ до 6-ти-недѣльнаго заработка. 3) На погребеніе умершихъ членовъ кассы—въ размѣрѣ отъ 20 до 30-ти-кратнаго дневного заработка ихъ [1]). Дѣлами кассы завѣдуютъ общее собраніе и правленіе. Первое состоитъ изъ уполномоченныхъ, избираемыхъ участниками кассы въ числѣ, опредѣляемомъ ея уставомъ; что же касается правленія, то $^2/_3$ его членовъ избираются общимъ собраніемъ, а остальная $^1/_3$ назначается владѣльцемъ заведенія на 3 года. Больничныя кассы признаются юридическими лицами; имъ предоставляется самоуправленіе. По постановленію общаго собранія, кассы могутъ расширить кругъ своихъ операцій, напр., по соглашенію съ владѣльцемъ предпріятія и за особую съ его стороны приплату, брать на себя леченіе участни-

---

[1]) Въ Германіи, по образцу которой составленъ этотъ проектъ, больничныя кассы доставляютъ, сверхъ того, еще и врачебную помощь, но у насъ послѣдняя лежитъ, по закону, на обязанности предпринимателей.

ковъ кассы, распространять выдачу пособій или леченіе на членовъ ихъ семействъ и т. д. Если при высшихъ взносахъ участниковъ кассы не покрываются обязательныя по закону низшія пособія, то недостающія суммы должны быть покрыты изъ средствъ предпринимателей. Подобныя кассы существуютъ у насъ на казенныхъ горныхъ заводахъ Урала при такъ называемыхъ горно-заводскихъ товариществахъ, которыя стали образовываться на основаніи закона 8 марта 1861 г. Средства этихъ кассъ составляются изъ 2—3% вычетовъ изъ заработной платы, равныхъ имъ взносовъ отъ заводоуправленія и штрафовъ; изъ нихъ выдаются пособія больнымъ, вдовамъ и дѣтямъ, инвалидамъ и въ нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ несчастіяхъ. Кассы вспомоществованія хорошо извѣстны были также нашему Западному краю, но онѣ подверглись преслѣдованію со стороны администраціи и стали падать. Въ остальной Россіи подобныя учрежденія являлись большою рѣдкостью, и не будетъ преувеличеніемъ сказать, что подавляющая часть нашего рабочаго класса въ тяжелую для него минуту предоставлялась на произволъ судьбы или на милость хозяина [1]). Поэтому указанная выше организація больничныхъ кассъ, съ обязательнымъ привлеченіемъ всѣхъ рабочихъ обоего пола и съ отнесеніемъ 1/3 общей суммы расходовъ на долю предпринимателей, несомнѣнно *представляла бы* шагъ впередъ въ дѣлѣ подъема экономическаго положенія нашего пролетаріата, если бы правительство не испортило всего проекта введеніемъ въ него статьи 23-ей. Что она означаетъ—мы увидимъ ниже, теперь же перейдемъ къ проекту страхованія отъ несчастныхъ случаевъ.

Матеріальная отвѣтственность предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими на началахъ профессіональнаго риска впервые установлена у насъ закономъ 2 іюня 1903 г. [2]); но эта отвѣтственность была индивидуальной, и для пенсіонеровъ всегда существовала опасность остаться ни при чемъ въ случаѣ несостоятельности даннаго предпріятія. По новому проекту, основныя положенія котораго заимствованы изъ Германіи, рабочіе должны быть застрахованы отъ несчастныхъ случаевъ при посредствѣ такъ называемыхъ страховыхъ товариществъ, кругъ

---

[1]) Лишь за послѣднее время рабочимъ удалось добиться лучшаго обезпеченія ихъ интересовъ; такъ напр., въ бакинскомъ районѣ § 14-ый декабрьскаго договора 1904 г. устанавливаетъ выдачу пособія въ размѣрѣ 1/2 заработка въ теченіе 6 недѣль болѣзни за счетъ предпринимателя.

[2]) Для рабочихъ на казенныхъ горныхъ заводахъ это было сдѣлано нѣсколько ранѣе, правилами 15 мая 1901 г., при чемъ вознагражденіе полагалось и за профессіональныя болѣзни.

дѣятельности которыхъ ограничивается извѣстными районами. Къ обязательному участію въ этихъ товариществахъ привлекаются всѣ владѣльцы заведеній фабрично-заводской и горной промышленности, расположенныя въ предѣлахъ территоріи округовъ. Для однородныхъ производствъ допускается образованіе отдѣльныхъ товариществъ. Средства ихъ составляются исключительно изъ взносовъ предпринимателей. Вознаграждаются рабочіе за утрату трудоспособности лишь отъ тѣлеснаго поврежденія, причиненнаго имъ работами по производству заведенія или происшедшаго вслѣдствіе такихъ работъ. Если послѣдствіемъ несчастнаго случая была смерть рабочаго, то вознагражденіемъ пользуются члены его семейства. Страховое товарищество освобождается отъ обязанности вознаграждать рабочихъ и членовъ ихъ семействъ только въ томъ случаѣ, если докажетъ, что причиной несчастнаго случая былъ злой умыселъ самого потерпѣвшаго. Вознагражденіе производится въ видѣ пособій и пенсій. Пособія назначаются *начиная съ седьмой недѣли* со дня несчастнаго случая по день возстановленія трудоспособности или признанія утраты ея постоянною, въ размѣрѣ двухъ третей того дѣйствительнаго заработка потерпѣвшаго, на основаніи котораго ему исчислялось пособіе изъ больничной кассы. Пенсіи назначаются въ случаяхъ постоянной утраты трудоспособности: при полной потерѣ ея—въ размѣрѣ двухъ третей годового содержанія потерпѣвшаго, а при неполной—въ уменьшенномъ размѣрѣ, опредѣляемомъ соотвѣтственно степени ослабленія трудоспособности. Если пострадавшій будетъ признанъ вполнѣ нетрудоспособнымъ и притомъ нуждающимся въ посторонней помощи, то пенсія назначается въ размѣрѣ годового содержанія потерпѣвшаго. Кромѣ того, страховое товарищество, если потерпѣвшій не пользовался отъ него, или владѣльца промышленнаго заведенія, или же больничной кассы, безплатной врачебной помощью, обязано возмѣщать потерпѣвшему расходы по леченію впредь до выздоровленія или до прекращенія леченія. Возмѣщеніе это опредѣляется по разсчету платы, взимаемой мѣстными общественными больницами. Споры между потерпѣвшими и страховыми товариществами разрѣшаются особыми судами, при чемъ дѣла эти изъемлются изъ вѣдѣнія общихъ судебныхъ установленій. Составъ особыхъ по страховымъ дѣламъ судовъ слѣдующій: предсѣдатель—лицо, назначаемое министромъ торговли и промышленности, члены—представители отъ владѣльцевъ промышленныхъ заведеній и отъ застрахованныхъ рабочихъ въ равномъ числѣ. Платежи, причитающіеся съ членовъ товариществъ, опредѣ-

ляются ежегодно общимъ собраніемъ его членовъ; при этомъ принимаются въ соображеніе степень представляемой каждымъ заведеніемъ опасности и сумма заработка страхуемыхъ въ немъ лицъ.

Въ этомъ проектѣ наше вниманіе прежде всего привлекаетъ статья 11-ая, согласно которой пособіе потерпѣвшему назначается лишь съ 7-ой недѣли. Ей соотвѣтствуетъ указанная нами выше статья 23-ья проекта страхованія рабочихъ отъ болѣзни: „выдача въ теченіе первыхъ шести недѣль пособій участникамъ кассы, потерпѣвшимъ увѣчье отъ несчастныхъ случаевъ, а также выдача пособій на погребеніе умершаго отъ увѣчій въ теченіе шестинедѣльнаго срока, возлагается на больничныя кассы, изъ средствъ этихъ кассъ“. Между тѣмъ, по закону 2-го іюня 1903 г. обязанность выдавать пособія (въ размѣрѣ половины дѣйствительнаго заработка потерпѣвшаго) съ перваго же дня несчастнаго случая лежитъ на предпринимателяхъ. Такимъ образомъ, своимъ новымъ проектомъ правительство дѣлало *шагъ не впередъ, а назадъ* въ дѣлѣ обезпеченія пострадавшихъ, и перекладывало на плечи рабочихъ то бремя, которое по справедливости должны нести предприниматели.

Пренія по поводу этихъ законопроектовъ не отличались большимъ оживленіемъ, такъ какъ предприниматели оказались неподготовленными къ ихъ обсужденію. Какъ мало въ нихъ было развито пониманіе своихъ классовыхъ интересовъ, видно изъ того, что г. Четвериковъ рѣшительно возсталъ противъ обязательнаго участія въ страховыхъ товариществахъ и требовалъ для промышленниковъ права страховать рабочихъ тамъ, гдѣ они найдутъ для себя выгоднымъ и удобнымъ. Лишь послѣ соотвѣтствующихъ разъясненій со стороны управляющаго министерствомъ совѣщаніе восчувствовало значеніе страховыхъ товариществъ не только какъ средства сокращенія расходовъ, но и какъ орудія объединенія и школы самоуправленія.

Сверхъ программы на обсужденіе былъ поставленъ проектъ о врачебной помощи, составленный г. Дементьевымъ сообразно съ замѣчаніями и отзывами земствъ и городовъ. Г. Дементьевъ предлагалъ передать это дѣло исключительно въ руки органовъ мѣстнаго самоуправленія, возложивъ на фабрикантовъ лишь обязанность давать средства, но совѣщаніе воспротивилось этому и рѣшило предоставить промышленникамъ право выбора: или организовать самимъ врачебную помощь, или же вступить въ соглашеніе съ земствами и городами. Болѣе всего не понравилось представителямъ промышленности предложеніе д-ра Л. Бертенсона о вклю-

чепіи въ проектъ случаевъ профессіональныхъ заболѣваній. Медицинскій совѣтъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ (кажется, вѣдомство, котораго въ радикализмѣ заподозрить нельзя!) уже отмѣтилъ этотъ пробѣлъ и предложилъ соотвѣтствующее добавленіе во 2-ой статьѣ. Однако, предприниматели категорически отказались признать себя обязанными производить леченіе подобныхъ заболѣваній, ссылаясь на ихъ неопредѣленность. Предсѣдатель, въ видѣ компромисса, предложилъ остановиться по крайней мѣрѣ на такихъ случаяхъ, гдѣ происходитъ отравленіе рабочаго при употребленіи ртути, свинца, мышьяку и фосфора. „Если въ законѣ будетъ указано, что фабрикантъ долженъ лечить профессіональныя болѣзни, то, являясь мѣрой предупредительной, это послужитъ ко благу рабочаго и фабриканта. Онъ будетъ строже соблюдать всѣ мѣры предосторожности, предписываемыя при особо вредныхъ производствахъ“. Многіе промышленники согласились, наконецъ, па включеніе четырехъ указанныхъ болѣзней въ законъ о врачебной помощи, но съ тѣмъ, чтобы въ немъ былъ опредѣленъ двухъ-лѣтній срокъ, по истеченіи котораго леченіе можетъ быть фабрикантомъ прекращено (хотя бы больной еще не выздоровѣлъ окончательно!). Представители Царства Польскаго не согласились и на такой компромиссъ. По этому поводу не мѣшаетъ замѣтить, что въ Англіи съ 1 іюля 1907 г. вступилъ въ силу законъ о вознагражденіи рабочаго не только за несчастные случаи, но и за профессіональныя болѣзни. Такихъ болѣзней въ законѣ указано шесть: отравленіе мышьякомъ, свинцомъ, ртутью, фосфоромъ, глисты и карбункулъ. Министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено право расширять этотъ списокъ, что и сдѣлано имъ включеніемъ еще 18 формъ профессіональныхъ болѣзней.

Что касается страхованія инвалидности и старости, то по проекту 1905 г. предполагалось распространить его на первыхъ порахъ лишь на промышленныхъ рабочихъ, причемъ осуществляться оно должно было черезъ посредство государственной кассы обезпеченія. Средства этой кассы образуются изъ взносовъ рабочихъ и владѣльцевъ предпріятій поровну. Каждому участнику кассы открывается личный счетъ, куда поступаютъ взносы участниковъ кассы и приплаты предпринимателей. Право на полученіе выдачъ участникъ кассы имѣетъ лишь въ случаѣ достиженія 55-ти лѣтъ отъ роду или наступленія инвалидности. Выдачи производятся въ видѣ пенсій, соотвѣтствующихъ личному счету участника кассы. Если пенсія не достигаетъ нѣкотораго, закономъ опредѣленнаго размѣра (24 или 36 руб. въ годъ), то

недостающая часть пополняется изъ запасного капитала кассы, а за недостаткомъ его—изъ казны.

Въ 1906 г. министерство торговли и промышленности уже отказывается отъ мысли ввести страхованіе на случай инвалидности или старости, и вмѣсто этого апрѣльскому совѣщанію былъ предложенъ проектъ о сберегательныхъ кассахъ обезпеченія. Учрежденіе этихъ кассъ, по словамъ М. М. Ѳедорова, „можетъ быть разсматриваемо какъ переходная ступень къ введенію страхованія отъ инвалидности и старости. Для послѣдней мѣры Россія совсѣмъ не подготовлена, а между тѣмъ съ государственной точки зрѣнія весьма важно развить въ трудящемся населеніи привычку къ постепенному накопленію сбереженій“. Сберегательныя кассы обезпеченія могутъ быть учреждаемы по ходатайству рабочихъ на началахъ добровольнаго въ нихъ участія, если за открытіе ихъ выскажется менѣе $^3/_4$ всѣхъ рабочихъ даннаго заведенія. Если же за учрежденіе кассы выскажется $^3/_4$, то участіе въ ней становится обязательнымъ какъ для наличныхъ рабочихъ, такъ и для всѣхъ вновь поступающихъ. Владѣлецъ заведенія непремѣнно участвуетъ своими взносами, которые не могутъ быть менѣе 25% обязательныхъ взносовъ всѣхъ участниковъ кассы; послѣдніе же должны составлять не менѣе 2% и не болѣе 4% ихъ заработка. Приплаты владѣльца заведенія поступаютъ въ такъ называемый вспомогательный фондъ и могутъ быть выдаваемы участнику кассы, при окончательномъ оставленіи имъ службы, лишь въ томъ случаѣ, если онъ прослужилъ не менѣе трехъ лѣтъ, въ размѣрѣ 30%; за каждый годъ свыше трехъ лѣтъ прибавляется еще 10%. Этимъ рабочій какъ бы привязывается къ данному мѣсту, что, по мнѣнію министерства, должно съ избыткомъ окупить расходы предпринимателей. Очень можетъ быть, но только какое это имѣетъ отношеніе къ вопросу о страхованіи инвалидности и старости? „Правительство — такъ говоритъ въ своемъ докладѣ второму экстренному съѣзду совѣтъ золотопромышленниковъ Пермской губерніи — безпомощно учредить страхованіе инвалидности и старости и предлагаетъ лишь палліативъ или суррогатъ, и то далеко отходящій отъ настоящей цѣли... Едва ли можно согласиться признать сберегательныя кассы обезпеченія даже и первой ступенью страхованья инвалидности; скорѣе онѣ могутъ сыграть роль просто сберегательныхъ кассъ. Совѣтъ полагаетъ, что пригоднѣе будетъ тотъ проектъ, который будетъ написанъ при условіи взносовъ промышленниковъ, хотя небольшой части отъ рабочихъ и при взносахъ и основномъ фондѣ отъ государства“.

Въ апрѣльскомъ совѣщаніи разсматриваемый проектъ встрѣтилъ противниковъ, но только съ другой стороны. Представители московскаго района, гг. Четвериковъ, П. Морозовъ, Листъ, Коноваловъ и Маргоновъ, заявили, что составители проекта создали... прекрасное средство къ образованію стачечнаго фонда. Запасы кассъ послужатъ въ періодъ рабочаго движенія источникомъ, изъ котораго рабочіе будутъ почерпать средства для продолженія забастовокъ.

Небезинтересно будетъ напомнить по этому поводу, что именно промышленники центральнаго района въ 80-хъ годахъ обвиняли фабричнаго инспектора, проф. И. И. Янжула, въ наклонности къ соціализму. Какъ мало измѣнилась ихъ психологія съ тѣхъ поръ!.. Имъ возражали другіе промышленники—гг. Френкель, Ясюковичъ, Богдановскій,—ссылаясь на „плодотворность и безопасность въ политическомъ смыслѣ“ дѣятельности кассъ обезпеченія, установленную практикой южнаго, уральскаго, кіевскаго и варшавскаго районовъ. Въ заключеніе совѣщаніе высказалось за министерскій проектъ, но съ нѣкоторыми измѣненіями—въ смыслѣ удлиненія срока, по истеченіи котораго приплаты владѣльца поступаютъ въ собственность участника кассы.

Далеко не достаточнымъ является также проектъ о мѣрахъ поощренія устройства дешевыхъ и здоровыхъ жилищъ. Министерство признаетъ, что „вопросъ о рабочихъ жилищахъ представляется въ настоящее время однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ соціальной политики. Для нравственнаго и матеріальнаго подъема рабочаго населенія и обезпеченія ему сноснаго существованія онъ имѣетъ едва ли не бо̀льшую важность и практическое значеніе, чѣмъ вопросъ о заработной платѣ и рабочемъ времени“ [1]). И тѣмъ не менѣе, „не смотря на крайне острое положеніе у насъ жилищнаго вопроса въ крупныхъ городахъ, наше законодательство не содержитъ въ себѣ постановленій, поощряющихъ сооруженіе дешевыхъ и здоровыхъ жилищъ для неимущаго класса населенія“... Силѣ этихъ замѣчаній совершенно не соотвѣтствуетъ достоинство составленныхъ министерствомъ предположеній. Чтобы разрѣшить этотъ „существеннѣйшій вопросъ“, оно думаетъ отдѣлаться учрежденіемъ мѣстныхъ и главнаго жилищныхъ комитетовъ, по образцу Франціи и Бельгіи. Имъ вручается иниціатива, а для поощренія самаго строи-

---

[1]) Очень жаль, что на совѣщаніе не были приглашены представители отъ рабочихъ: они могли бы разъяснить руководителямъ нашихъ вѣдомствъ дѣйствительное взаимоотношеніе этихъ вопросовъ.

тельства предлагаются слѣдующія льготы: 1) Освобожденіе, полное или частью, отъ различнаго рода сборовъ, налоговъ и пошлинъ, поступающихъ въ пользу земствъ и городовъ; предоставленіе этихъ льготъ зависитъ отъ земскихъ собраній и городскихъ думъ. 2) Освобожденіе, полностью или частью, отъ налоговъ и пошлинъ, поступающихъ въ казну; льготы эти разрѣшаются соглашеніемъ министровъ финансовъ, торговли и промышленности и государственнаго контролера, по представленію главнаго жилищнаго комитета. 3) Выдача ссудъ (изъ какихъ капиталовъ?) за умѣренные проценты и на льготныхъ условіяхъ выплаты.

О другихъ, болѣе дѣйствительныхъ средствахъ министерство не упомянуло; съ своей стороны и промышленники не нашли, что возразить ему, а можетъ быть и сами не знали, что нужно для разрѣшенія вопроса, и потому ограничились выраженіемъ сочувствія предлагаемымъ мѣрамъ, за исключеніемъ лишь пункта о главномъ комитетѣ. Въ упомянутомъ уже нами докладѣ совѣта пермскихъ золотопромышленниковъ послѣдній также рекомендуетъ съѣзду согласиться съ проектомъ, но предусмотрительно добавляетъ, что „весьма сомнѣвается въ томъ, чтобы само правительство принялось энергично за это дѣло и провело его въ жизнь“—и это замѣчаніе оказалось пророческимъ. Проектъ гдѣ-то затерялся, и съ тѣхъ поръ о немъ нѣтъ ни слуху, ни духу.

Остановимся теперь на проектѣ объ учрежденіи промысловыхъ судовъ. Составъ ихъ слѣдующій: предсѣдатель и не менѣе четырехъ членовъ (засѣдателей). Предсѣдатель избирается городскими думами или земскими собраніями и утверждается въ должности первымъ департаментомъ сената. Одна половина засѣдателей избирается рабочими изъ своей среды, другая—предпринимателями. Учреждаются промысловые суды, если къ тому не встрѣтится особыхъ препятствій, по ходатайству городскихъ думъ, земскихъ собраній и торгово-промышленныхъ организацій, на основаніи постановленія министра торговли и промышленности, по соглашенію съ министромъ юстиціи и другими министрами. Вѣдѣнію ихъ подлежатъ споры между предпринимателями и рабочими, возникающіе на почвѣ договора найма. Представляя собою низшія инстанціи суда гражданскаго, промысловые суды подчиняются въ порядкѣ надзора и обжалованія рѣшеній подлежащимъ судебнымъ учрежденіямъ (съѣздамъ мировыхъ судей и судебнымъ палатамъ).

Какъ указывается въ объяснительной запискѣ, учрежденіе

подобныхъ промысловыхъ судовъ вызывается насущными потребностями промышленной жизни: иски между рабочими и предпринимателями, обыкновенно на небольшія суммы, при необезпеченности одной изъ сторонъ, требуютъ суда скораго, дешеваго и въ то же время знакомаго со всѣми особенностями и мелочами дѣла. За исключеніемъ Англіи, они являются теперь на Западѣ „общепризнаннымъ и распространеннымъ видомъ особыхъ судебныхъ учрежденій, снискавшихъ своей практикой расположеніе и довѣріе какъ со стороны рабочихъ, такъ и со стороны капиталистовъ и государства, не смотря на то что вначалѣ какъ предприниматели, такъ и администрація относились къ нимъ съ нѣкоторой подозрительностью и опасеніями".

Своевременность введенія промысловыхъ судовъ у насъ въ Россіи не подлежитъ сомнѣнію. Еще въ проектѣ устава о промышленности, выработанномъ коммиссіей Штакельберга въ 1862 г., предусматривалось ихъ учрежденіе... Какъ сильно запаздываетъ всегда наше правительство со своими „коренными реформами"!

Совѣщаніе одобрило проектъ М. М. Өедорова, внеся въ него лишь одну поправку, а именно — предсѣдателемъ является не лицо, избираемое органами мѣстнаго самоуправленія, а одинъ изъ мировыхъ судей. Гораздо внимательнѣе отнесся къ этому дѣлу второй экстренный съѣздъ пермскихъ золотопромышленниковъ, гдѣ принимали участіе представители отъ рабочихъ. Онъ справедливо обратилъ вниманіе на то, что требовать для учрежденія промысловыхъ судовъ согласія по меньшей мѣрѣ трехъ министровъ—значитъ похоронить все дѣло: вполнѣ довольно согласія и одного! Иниціатива учрежденія должна принадлежать только двумъ организаціямъ — промышленникамъ и рабочимъ. На первомъ всероссійскомъ съѣздѣ золотопромышленниковъ было указано, что для промысловыхъ судовъ нужно сохранить лишь кассаціонную инстанцію, аппелляціонную же — уничтожить: иначе исчезаютъ ихъ преимущества, какъ судовъ особаго состава. Къ этому мы должны добавить, что при современномъ строѣ мѣстнаго самоуправленія и при томъ упадкѣ, какой наблюдается теперь въ судебномъ вѣдомствѣ, рабочій классъ не можетъ оказать довѣрія предсѣдателю ни по выбору земствъ и городовъ, ни по назначенію отъ правительства: онъ долженъ избираться изъ нейтральныхъ лицъ самимъ судомъ, какъ это дѣлается во Франціи (conseil de prud'hommes).

Всѣ перечисленные выше законопроекты такъ и не попали въ первую Думу, а 9 іюля 1906 г. она была распущена.

---

14 декабря 1906 г. открылось третье совѣщаніе по рабочему вопросу. „Составъ совѣщанія крайне великъ, и обширная зала министерства финансовъ съ трудомъ вмѣщаетъ представителей вѣдомствъ, промышленности и науки. Отсутствуютъ только представители рабочаго класса“. Новый министръ торговли и промышленности, Д. А. Философовъ, выразилъ сожалѣніе, что не можетъ пригласить ихъ, такъ какъ *въ виду неорганизованности у насъ рабочаго класса истинное представительство его интересовъ является въ настоящій моментъ недостижимымъ.* Намъ думается, что это объясненіе неправильно. Правда, по свѣдѣніямъ, собраннымъ фабричной инспекціей, администрація успѣла за первые шестнадцать мѣсяцевъ существованія правилъ 4 марта 1906 г. закрыть и отказать въ регистраціи 218 профессіональнымъ союзамъ, но 643 все же остались, и нѣкоторые изъ нихъ (напр., союзы рабочихъ по обработкѣ металловъ, волокнистыхъ веществъ, печатнаго дѣла) по числу своихъ членовъ не только не уступаютъ, но вѣроятно превосходятъ предпринимательскія организаціи. Почему же ихъ представители являются въ глазахъ правительства менѣе способными выражать интересы рабочаго класса, чѣмъ представители биржевыхъ комитетовъ—выражать истинные интересы промышленности?.. На слѣдующемъ совѣщаніи (весною 1907 г.) министръ дипломатично промолчалъ объ этомъ щекотливомъ вопросѣ. Промолчали и промышленники, хотя они и выставляли отсутствіе представительства другой стороны однимъ изъ мотивовъ своего отказа участвовать въ коммиссіи В. Н. Коковцева.

Обсужденію совѣщанія подверглось всего лишь шесть отдѣловъ, а именно: страхованіе болѣзней, несчастныхъ случаевъ, инвалидности, врачебная помощь, договоръ найма и рабочее время; остальные же четыре (о жилищахъ для рабочихъ, о кассахъ обезпеченія, о промысловыхъ судахъ и о промышленныхъ присутствіяхъ) остались неразсмотрѣнными. По первому вопросу представители промышленности высказали желаніе распространить страхованіе болѣзней на ремесленныхъ, строительныхъ и сельскохозяйственныхъ рабочихъ и на приказчиковъ; но представители вѣдомствъ нашли возможнымъ распространить его только на желѣзнодорожныхъ, пароходныхъ и вообще транспортныхъ рабочихъ. Интересы рабочаго класса требуютъ распространенія страхованія на весь вообще наемный трудъ; уступчивость предпринимателей въ этомъ вопросѣ хотя и представляется намъ понятною, но не можетъ считаться обоснованною. Обнаруживъ такую уступчивость въ этой области, промышленники проявили большую твердость въ другой: имъ показался очень подозрительнымъ тотъ пунктъ, гдѣ го-

ворится о *правѣ самоуправленія больничныхъ кассъ*. Ссылаясь на то, что во время стачекъ нужно оградить кассы отъ расхищенія, они внесли поправку, согласно которой „въ случаѣ стачекъ, когда кассы остаются безъ правленій (?), управленіе дѣлами кассы и суммами ея переходитъ въ вѣдѣніе владѣльца“... Что предприниматели боятся стачекъ—это понятно; что они не прочь прибрать къ своимъ рукамъ больничныя кассы съ ихъ суммами—это тоже понятно. Но совершенно непонятно, почему молчали представители науки и вѣдомствъ. На случай расхищенія имѣются прокуроры; если же промышленники имѣли въ виду содѣйствіе больничныхъ кассъ рабочимъ во время забастовокъ, то вѣдь и страховыя товарищества (какъ это доказываетъ опытъ Германіи) являются опорой предпринимателямъ при устройствѣ ими локаутовъ. Въ отвѣтъ на домогательство гг. Триполитова, Бѣляева и др. министерство могло бы внести съ своей стороны контр-предложеніе: во время локаутовъ управленіе дѣлами страховыхъ товариществъ и ихъ суммами переходитъ въ руки рабочихъ организацій. Вѣдь о гражданской равноправности сторонъ очень много разсуждали представители капитала на всѣхъ совѣщаніяхъ. Вотъ тутъ-то и сказывается отсутствіе представителей труда... Не удовольствовавшись этой поправкой, промышленники настояли на принятіи еще другой. Согласно параграфу 8-му, если при высшихъ взносахъ участниковъ кассы не покрываются низшія пособія, то не хватающія суммы покрываются изъ средствъ владѣльцевъ предпріятій; теперь было добавлено—„*въ формѣ ссуды*“... Чтобы обезопасить себя и съ этой стороны, промышленники потребовали понижения наименьшей нормы пособія съ $^1/_3$ до $^1/_4$ дневного заработка; ихъ домогательство было уважено. Урѣзавъ, такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ проектъ о больничныхъ кассахъ, совѣщаніе перешло къ страхованію отъ несчастныхъ случаевъ. Часть промышленниковъ, съ г. Крестовниковымъ во главѣ, настаивала на отсрочкѣ обязательнаго страхованія по меньшей мѣрѣ на пять лѣтъ; но большинство согласилось на немедленное введеніе принципа обязательности, хотя и не сошлось еще окончательно на формѣ страхованія. Всѣ промышленники оказались единодушными въ вопросѣ о желательности переложить на рабочихъ часть бремени, которое по закону 2 іюня 1903 г. возложено на нихъ однихъ; часть ихъ не удовольствовалась даже министерскимъ проектомъ, а требовала продленія срока, въ теченіе котораго выдача пособій пострадавшимъ возлагается на больничныя кассы, съ шести недѣль до тринадцати.

По вопросу о страхованіи инвалидности и о кассахъ обезпе-

ченія г. Тимирязевъ изложилъ мнѣніе большинства представителей организацій, участвовавшихъ въ совѣщаніи по рабочему вопросу при совѣтѣ съѣздовъ представителей торговли и промышленности. Это мнѣніе сводилось къ признанію, что страхованіе инвалидности и старости занимаетъ центральное мѣсто въ системѣ государственнаго страхованія рабочихъ. Въ области обезпеченія ихъ съ этой стороны у насъ до сихъ поръ еще ничего не сдѣлано; рабочимъ, истощившимъ свои силы въ промышленной борьбѣ за существованіе (т.-е., проще говоря—на фабрикахъ и заводахъ), совершенно не гарантированъ даже минимумъ необходимыхъ жизненныхъ средствъ (Existenzminimum). Такое положеніе дѣлъ промышленники находятъ въ высшей степени ненормальнымъ и считаютъ принципіально необходимымъ позаботиться объ обезпеченіи инвалидовъ, при чемъ тяготы должны быть распредѣлены между рабочими, предпринимателями и государствомъ. Но проведеніе въ жизнь страхованія отъ инвалидности представляетъ у насъ большія трудности, въ виду перемѣннаго состава русскаго рабочаго класса и частаго перехода отъ одного занятія къ другому. Ограниченіе обязательнаго страхованія узкими предѣлами отдѣльныхъ отраслей промышленности едва ли приведетъ къ цѣли, такъ какъ при проведеніи страхового принципа рабочіе, порывающіе съ промышленностью, потеряли бы сдѣланные ими взносы, при проведеніи же системы личныхъ счетовъ размѣры пенсій оказались бы недостаточными. Поэтому нужна или всеохватывающая система обязательнаго государственнаго страхованія, *или никакой*,—т.-е. для настоящаго времени желательно поощреніе факультативнаго страхованія. Такъ, начавъ за здравіе, промышленники кончили за упокой.

Что касается сберегательныхъ кассъ обезпеченія, — продолжалъ г. Тимирязевъ,—то совѣщаніе признало ихъ суррогатомъ, неспособнымъ замѣнить страхованія и вмѣстѣ съ тѣмъ небезопаснымъ въ томъ отношеніи, что средства кассы легко могутъ быть использованы рабочими въ случаѣ стачки, и такимъ образомъ, при проведеніи проекта въ жизнь, фабриканты своими средствами участвовали бы въ созданіи стачечныхъ фондовъ. Другая часть участниковъ министерскаго совѣщанія, отвергая сберегательныя кассы, какъ замѣну страхованія, поддерживала ихъ, какъ самостоятельный органъ обезпеченія, существующій наравнѣ со страхованіемъ. Онѣ должны имѣть воспитательное значеніе, пріучая рабочихъ къ бережливости и привязывая ихъ къ мѣсту службы; обращеніе же приплатъ предпринимателей на цѣли стачечнаго движенія нетрудно предупредить, уста-

новивъ соотвѣтствующее раздѣленіе въ личныхъ счетахъ участниковъ, какъ это принято, напр., въ рабочихъ кассахъ Царства Польскаго. Изъ этого можно видѣть, что и мнимый радикализмъ, и запугиваніе стачечнымъ фондомъ, въ сущности, служили промышленникамъ лишь прикрытіемъ нежеланія удѣлить хотя бы малую долю своихъ барышей на улучшеніе положенія рабочихъ.

Въ проектъ о врачебной помощи существенныхъ измѣненій внесено не было. По вопросу о регулированіи рабочаго времени въ настроеніи промышленниковъ произошла значительная перемѣна, которую нельзя не поставить въ связь съ тѣмъ фактомъ, что именно съ конца 1906 г. они переходятъ отъ оборонительной тактики къ наступательной, т.-е. начинаютъ брать назадъ тѣ уступки, какія были сдѣланы ими во время „революціи“. За политической реакціей слѣдуетъ экономическая.

Правда, пропаганда идеи гг. Вольскаго и Ясюковича не встрѣтила сочувствія у себя дома: очередной съѣздъ горнопромышленниковъ юга Россіи (въ ноябрѣ 1906 г.) отвергъ ихъ формулу, высказавшись за установленіе 10½-часового рабочаго дня (63 часа въ недѣлю). Кромѣ юга Россіи, министерскій проектъ сокращенія рабочаго времени нашелъ защитниковъ въ лицѣ представителей лодзинскаго и рижскаго районовъ. Однако, въ противоположность апрѣльскому совѣщанію, большинство промышленниковъ высказалось теперь противъ законодательной нормировки труда взрослыхъ рабочихъ, за исключеніемъ развѣ лишь особо вредныхъ по своей обстановкѣ производствъ. По поводу этой оговорки д-ръ Л. Бертенсонъ справедливо указалъ, что и въ такомъ случаѣ нормировкѣ придется подчинить до 80% всѣхъ заведеній—такъ печально обстоитъ дѣло по части гигіены въ нашей промышленности! Не смущаясь этимъ, предприниматели не сочли нужнымъ скрывать своихъ аппетитовъ даже и въ вопросѣ о трудѣ несовершеннолѣтнихъ: они настаивали на пониженіи предѣльной нормы для малолѣтнихъ съ 15-ти до 14-ти, а для подростковъ — съ 17-ти до 16-ти лѣтъ, т.-е. не только не хотѣли сдѣлать шага впередъ въ области фабричнаго законодательства, но добивались ухудшенія того, что̀ было сдѣлано еще въ 80-хъ годахъ. При этомъ гг. Нобель и Гужонъ ссылались на то, что съ 14-ти лѣтъ, когда кончается срокъ ученія, дѣти бездѣльничаютъ и развращаются на улицахъ. Проф. Яроцкій возразилъ имъ, что врядъ ли наши фабрики могутъ явиться для нихъ исправительнымъ заведеніемъ.

Наконецъ, при обсужденіи проекта правилъ о наймѣ рабочихъ представители капитала не удовольствовались предложе-

ніемъ сократить срокъ предупрежденія съ двухъ недѣль до трехъ дней, а требовали полной свободы соглашенія въ этомъ дѣлѣ; сверхъ того, съѣздъ горнопромышленниковъ юга Россіи и общество фабрикантовъ и заводчиковъ проектировали введеніе неустойки въ размѣрѣ двухнедѣльной заработной платы для обѣихъ сторонъ при внезапномъ расторженіи договора о наймѣ. Длинный срокъ предупрежденія—говорилъ по этому поводу представитель московскаго биржевого комитета, г. Гужонъ,—является у насъ главной причиной забастовокъ, такъ какъ рабочіе привыкли къ тому, что они имѣютъ право на двухнедѣльный заработокъ при забастовкахъ. Если министерство установитъ предупрежденіе въ договорѣ о наймѣ, то промышленники перейдутъ къ способу ежедневнаго найма.

Разумѣется само собою, что главной причиной стачекъ служитъ не двухнедѣльное предупрежденіе, а тяжелыя условія существованія на фабрикахъ и заводахъ; если же проектируемое пониженіе срока предупрежденія ставится министерствомъ въ связь съ отмѣной уголовнаго наказанія за стачку, то вѣдь для рабочихъ важна вовсе не эта отмѣна карательныхъ постановленій, а возможность сдѣлать изъ стачки болѣе или менѣе надежное и успѣшное орудіе борьбы за улучшеніе своего положенія, что немыслимо безъ свободы союзовъ и собраній. Правила 4 марта 1906 г. этого вопроса совершенно не разрѣшаютъ. Проф. Озеровъ справедливо указалъ, что когда въ Россіи рабочія организаціи достаточно окрѣпнутъ и будутъ представлять, на подобіе Англіи и Германіи, сплоченную и мощную силу, тогда умѣстно будетъ поднимать разговоръ о примѣненіи аналогичныхъ законовъ объ отмѣнѣ предупрежденія. При существующихъ же условіяхъ ввести принципъ отмѣны предупрежденія значило бы выбросить массу рабочихъ на улицу и создать новую почву для антагонизма. Вразумить промышленниковъ эти соображенія не могли, и они понынѣ пребываютъ въ пріятной увѣренности, что достаточно имъ сдѣлать на своемъ съѣздѣ, для очистки совѣсти, постановленіе о желательности новаго закона о стачкахъ и союзахъ, чтобы считать гражданскую свободу у насъ уже осуществившеюся. „Во всѣхъ безъ исключенія странахъ, гдѣ господствуетъ истинный либерализмъ и гдѣ окончательно ликвидированы пережитки крѣпостничества,—читаемъ мы въ отчетѣ объ участіи совѣта съѣздовъ представителей промышленности и торговли въ работахъ министерства торговли и промышленности по рабочему вопросу,—законъ не устанавливаетъ минимума, подобнаго тому, какой практикуется (проектируется?) министерствомъ торговли и

промышленности въ вопросѣ о срокѣ предупрежденія о расторженіи договора о наймѣ"... Дѣйствительно, кому же можетъ придти въ голову усомниться, что наше отечество и есть та страна, гдѣ господствуетъ истинный (истинно-русскій!) либерализмъ?...

Декабрьское совѣщаніе 1906 г. было лишь предварительнымъ и имѣло цѣлью ознакомить новаго министра со взглядами промышленниковъ; для обсужденія окончательной редакціи законопроектовъ было созвано новое, четвертое уже по счету—въ февралѣ и мартѣ 1907 г.

По мѣрѣ того, какъ усиливалась реакція, реформаторскій пылъ правительства охладѣвалъ, и изъ десяти законопроектовъ осталось теперь всего пять: о страхованіи отъ болѣзней и отъ несчастныхъ случаевъ, о врачебной помощи, о рабочемъ времени, и нѣсколько статей въ дополненіе существующихъ правилъ о наймѣ. Въ декабрѣ еще министръ высказывалъ свое убѣжденіе въ томъ, что страхованіе отъ старости и инвалидности вполнѣ возможно въ Россіи, и заявлялъ о несогласіи своемъ съ установившимся взглядомъ на отсутствіе у насъ необходимыхъ для его осуществленія условій; сообразно съ этимъ министръ обѣщалъ въ январѣ же выработать соотвѣтственный законопроектъ. Однако прошелъ февраль, мартъ, наступилъ 1908-й годъ, а инвалиды все еще ждутъ, пока обратится на нихъ благосклонный взглядъ начальства... Въ проектѣ страхованія болѣзней промышленниковъ ждало одно непріятное разочарованіе: предсѣдатель объяснилъ имъ, что совѣщаніе правительственныхъ чиновъ отказалось отъ первоначальной мысли возложить обязанность уплаты пособій за первыя недѣли (числомъ шесть) послѣ несчастнаго случая на больничныя кассы, „въ силу безусловно вѣскихъ соображеній, что такой законъ явится въ глазахъ рабочихъ не улучшеніемъ, а ухудшеніемъ ихъ теперешняго положенія. Недовольство рабочихъ возрастетъ, и агитаторы воспользуются такимъ толкованіемъ закона, какъ платформой для своихъ политическихъ воздѣйствій на рабочую массу. Благодѣтельная по существу реформа послужитъ орудіемъ въ рукахъ злонамѣренныхъ лицъ". Для предотвращенія такой опасности предприниматели предложили повысить норму взносовъ съ ихъ стороны до $^2/_5$ (вмѣсто $^1/_3$), но съ тѣмъ, чтобы больничныя кассы взяли на себя обязанность выдавать пособія въ теченіе первыхъ 13 недѣль. На самомъ дѣлѣ такая прибавка вознаградить рабочихъ не можетъ: по вычисленіямъ самихъ промышленниковъ выходитъ, что въ те-

ченіе первыхъ 13 недѣль ликвидируется болѣе 80% всѣхъ несчастныхъ случаевъ. По вопросу о врачебной помощи со стороны промышленниковъ серьезныхъ возраженій сдѣлано не было, но одинъ изъ представителей вѣдомствъ—г. Тиграновъ—обратилъ вниманіе на крупный недостатокъ министерскаго проекта. Согласно послѣднему, владѣльцамъ предпріятій предоставляется право осуществлять врачебную помощь натурою или же передавать осуществленіе ея больничнымъ кассамъ, съ уплатой имъ вознагражденія въ размѣрѣ отъ 3 до 5 рублей за каждаго занятого по среднему годовому разсчету рабочаго. Между тѣмъ, по словамъ г. Тигранова (и представители промышленности согласились съ правильностью приведенныхъ имъ цифръ), леченіе одного рабочаго обходится въ горномъ дѣлѣ гораздо дороже, а именно на югѣ, Уралѣ и въ Царствѣ Польскомъ—въ девять и болѣе рублей.

Мы говорили уже выше, что организація больничныхъ кассъ представляетъ шагъ впередъ въ дѣлѣ улучшенія положенія труда въ Россіи; но воспользоваться ихъ учрежденіемъ для того, чтобы переложить на рабочихъ болѣе или менѣе крупную часть лежащаго нынѣ на предпринимателяхъ бремени (по оказанію врачебной помощи и выдачѣ пособій при несчастныхъ случаяхъ)—значило бы явно нарушать права и интересы рабочаго класса. Ссылки на порядки Германіи помочь тутъ не могутъ, ибо русскій рабочій получаетъ въ годъ отъ 2 до 3 разъ менѣе, чѣмъ его нѣмецкій товарищъ. Въ этомъ повинна реакціонная политика правительства и руководящихъ сферъ нашей промышленности; на нихъ же и должна быть возложена матеріальная отвѣтственность за ея послѣдствія. Расходы по леченію и вознагражденію за несчастные случаи должны нести предприниматели, а по страхованію отъ старости и инвалидности—они и государство.

При обсужденіи правилъ о наймѣ за оставленіе 14-дневнаго срока предупрежденія высказался, между прочимъ, представитель департамента полиціи, г. Зуевъ, полагая, что съ предоставленіемъ владѣльцамъ заведеній права увольнять активныхъ участниковъ стачки и не платить за прогульное время пассивнымъ забастовщикамъ недостатокъ дѣйствующаго закона, дававшаго рабочимъ возможность (будто бы?) легко и безъ опасности примыкать къ забастовкѣ, самъ собою отпадаетъ.

По вопросу о продолжительности рабочаго дня промышленники подтвердили, и на этотъ разъ ужъ единодушно, свое отрицательное отношеніе къ законодательной нормировкѣ труда взро-

слыхъ, по отношенію же къ малолѣтнимъ и подросткамъ по-прежнему настаивали на пониженіи предѣльной нормы возраста. Въ отвѣтъ на это д-ръ Л. Б. Бертенсонъ указалъ, что подобное пониженіе является вреднымъ съ медицинской точки зрѣнія, а проф. Яроцкій обратилъ вниманіе на то, что въ основѣ указаннаго стремленія лежитъ лишь желаніе понизить заработную плату.

Новымъ пунктомъ въ проектѣ министерства явилось ограниченіе сверхурочной работы $7^1/_2$ час. въ недѣлю; тутъ представители промышленности перемѣнили фронтъ и, отказавшись отъ принципа полной свободы соглашенія, стали добиваться повышенія указанной нормы до уровня 25% обычной работы. Ихъ попытка увѣнчалась успѣхомъ: рѣшено было для механическихъ производствъ (т.-е. тамъ, гдѣ они особенно распространены) допустить сверхурочныя работы въ размѣрѣ 15 часовъ въ недѣлю, а главному промышленному присутствію предоставлено право дѣлать отступленія до этой нормы и для всѣхъ прочихъ производствъ.

Первый опытъ урегулированія сверхурочныхъ работъ былъ сдѣланъ у насъ при примѣненіи закона 2-го іюня 1897 г., когда министерство финансовъ отвело для нихъ 120 часовъ въ годъ. Это очень не понравилось предпринимателямъ, и они добились отмѣны непріятнаго имъ циркуляра. Теперь, какъ видимъ, количество часовъ сверхурочной работы повышается для механическихъ производствъ до 780 часовъ въ годъ, а для прочихъ—до 390 [1]), т.-е. правительство не нашло ничего лучшаго для исправленія неудачи перваго опыта, какъ повысить прежнюю норму въ $3^1/_2$—$6^1/_2$ разъ. Тамъ, гдѣ это окажется выгоднымъ капиталу, десятичасовой рабочій день легко и на законномъ основаніи превращается въ $12^1/_2$-часовой. Это и есть „коренная реформа“...

Открывая декабрьское совѣщаніе, министръ торговли и промышленности призывалъ его торопиться съ обсужденіемъ законопроектовъ, чтобы внести ихъ во вторую Думу „въ первую очередь“. 20-го февраля 1907 г. Дума собралась; 6 марта въ ней была прочитана правительственная декларація, и здѣсь, между прочимъ, мы читаемъ, что „главнѣйшей задачей въ области оказанія рабочимъ положительной помощи является государственное

[1]) А съ разрѣшенія присутствія—и до 780.

попеченіе о неспособныхъ къ труду рабочихъ, осуществляемое путемъ страхованія ихъ въ случаяхъ болѣзни, увѣчій, инвалидности и старости. ...Въ цѣляхъ охраненія жизни и здоровья подростающаго рабочаго поколѣнія установленныя нынѣ нормы труда малолѣтнихъ и подростковъ должны быть пересмотрѣны, съ воспрещеніемъ имъ, какъ и женщинамъ, производства ночныхъ и подземныхъ работъ. Въ связи съ этимъ установленную закономъ 2 іюня 1897 г. продолжительность труда взрослыхъ рабочихъ предположено понизить“...

Но одно дѣло—произносить деклараціи, а другое—проводить реформы. Черезъ три мѣсяца Дума была распущена, а соотвѣтственные законопроекты такъ и не вносились въ нее. Посмотримъ теперь, какъ дѣйствовали промышленники. Еще по поводу коммиссіи Коковцева они заявляли, что свобода стачекъ и союзовъ является необходимымъ предварительнымъ условіемъ для сколько-нибудь удовлетворительнаго разрѣшенія рабочаго вопроса. Второй съѣздъ представителей промышленности и торговли подтвердилъ это, высказавъ въ засѣданіи 23 мая 1907 г. убѣжденіе, что осуществленіе законопроектовъ, разрабатываемыхъ министерствомъ, безъ одновременной правильной постановки въ законодательномъ порядкѣ вопроса о стачкахъ и профессіональныхъ союзахъ, не можетъ правильно рѣшить рабочаго вопроса, и постановилъ ходатайствовать передъ правительствомъ о скорѣйшемъ изданіи соотвѣтствующихъ законовъ.

Незадолго передъ тѣмъ судьбѣ угодно было подвергнуть нашихъ капиталистовъ нѣкоторому, хотя и очень легкому испытанію относительно ихъ новыхъ политическихъ воззрѣній. Въ началѣ марта 1907 г. вспыхнула стачка на бакинскихъ нефтяныхъ промыслахъ, а затѣмъ среди судовыхъ командъ каспійскаго торговаго флота. „Все время забастовки моряки вели себя съ удивительной выдержкой. Лозунгомъ до сихъ поръ служитъ — не давать никакихъ поводовъ для столкновенія съ общей администраціей“. Такъ писалъ объ этой стачкѣ органъ горнопромышленниковъ юга Россіи. И что же мы видимъ? Промышленники центральнаго района обращаются къ правительству съ просьбой „принять самыя энергичныя мѣры противъ насилія надъ мирными элементами рабочихъ и возстановить право каждаго трудящагося поступать по своему собственному разуму, а не подчиняться навязываемой волѣ партій, преслѣдующихъ огнемъ и мечомъ несбыточныя цѣли“. Подобная же телеграмма съ просьбой о принятіи „энергичнѣйшихъ мѣръ“ была послана и съѣздомъ горнопромышленниковъ средней Россіи. Не удовольство-

вавшись выраженіемъ общихъ пожеланій, нижегородскій биржевой комитетъ присовокупляетъ къ этому нѣкоторыя болѣе детальныя указанія: „было бы полезно немедленно послать военныя морскія команды на каспійскій коммерческій флотъ; при появленіи военныхъ командъ можно ожидать, что судовые рабочіе примутся немедленно за работу. Также необходимо принять мѣры къ удаленію изъ Баку вредныхъ элементовъ, которые служатъ душой всѣхъ забастовокъ“. Въ такомъ же духѣ высказались и волжскіе пароходчики. Правительство не замедлило откликнуться на голосъ отечественной промышленности. 23 марта въ мѣстности, охваченныя совершенно мирной и замѣчательно выдержанной забастовкой, былъ отправленъ въ качествѣ не то проконсула, не то диктатора командиръ отдѣльнаго корпуса жандармовъ, баронъ Таубе, съ подчиненіемъ ему всѣхъ военныхъ и гражданскихъ частей и учрежденій. Между тѣмъ, на постановленіе всероссійскаго съѣзда отъ 23 мая 1907 г. положительнаго отвѣта до сихъ поръ еще не послѣдовало. Дать полную свободу стачекъ и союзовъ русская бюрократія не можетъ ни промышленникамъ, ни кому-либо другому—по той простой причинѣ, что подобныя вещи не даются: ихъ нужно добыть. Для этого недостаточно словесныхъ резолюцій, а нужна выдержанная тактика, нужна планомѣрная дѣятельность. Если представители капитала въ принципѣ довольны современнымъ положеніемъ дѣлъ, тогда, конечно, для разрѣшенія отдѣльныхъ затрудненій имъ вполнѣ достаточно посылки того или другого генерала; если же они дѣйствительно возвысились до пониманія той истины, что коренного измѣненія постановки у насъ рабочаго вопроса требуютъ интересы промышленности, и что для правильнаго разрѣшенія обоихъ этихъ вопросовъ нужно осуществленіе политической свободы въ Россіи, тогда имъ слѣдуетъ открыто перемѣститься влѣво и вмѣсто реакціонной политики правительства поддерживать демократическія стремленія страны. Требовать же сегодня генерала съ особыми полномочіями, а завтра—свободы стачекъ и союзовъ, значитъ выдавать себѣ настоящее testimonium paupertatis.

„Милостивые государи! Мы должны хлопотать о томъ, чтобы рабочія профессіональныя организаціи развились въ Россіи возможно быстро, широко и обильно. Мы, представители капитала, должны искренно и прямо поддерживать развитіе рабочихъ профессіональныхъ организацій“, — такъ разсуждаютъ въ своей запискѣ о „рабочемъ днѣ“ извѣстные уже намъ г.г. Вольскій и Ясюковичъ. Но кто же повѣритъ имъ въ этомъ, когда въ столь недавнемъ еще прошломъ идеологи нашей торгово-промы-

шленной буржуазіи выражали свое сочувствіе и поддержку разстрѣламъ и карательнымъ экспедиціямъ? Кто повѣритъ имъ, когда и въ настоящее время они продолжаютъ заниматься тѣмъ, что изгоняютъ со своихъ фабрикъ и заводовъ „вредный элементъ“ за участіе въ профессіональномъ движеніи, а на выборахъ въ Государственную Думу подавали голоса за откровенныхъ „черносотенцевъ“?

Прошелъ еще годъ слишкомъ, и въ апрѣлѣ 1908 г. открывается новое совѣщаніе по рабочему вопросу. Но что̀ осталось отъ прежней программы! Реакція сдѣлала еще шагъ впередъ, и въ результатѣ изъ десяти проектовъ сохранилось всего лишь два: страхованіе отъ болѣзней и отъ несчастныхъ случаевъ.

На этотъ разъ промышленникамъ удалось уже безпрепятственно осуществить свои домогательства: обязанность выдавать пособія въ теченіе первыхъ 13-ти недѣль со дня несчастнаго случая возлагается новымъ проектомъ на больничныя кассы; низшій размѣръ пособій пониженъ съ $^1/_3$ до $^1/_4$. Вмѣстѣ съ тѣмъ появляются домогательства, о которыхъ раньше не было и помину. Представители министерства внутреннихъ дѣлъ (гг. Харламовъ и Гурляндъ) внесли и энергично поддерживали предложеніе объ отдачѣ страхового дѣла въ вѣдѣніе мѣстной администраціи, а больничныхъ кассъ—подъ надзоръ полиціи, какъ институтъ подозрительный и неблагонадежный. Составъ третьей Думы не внушаетъ увѣренности въ томъ, что въ этой области будутъ сдѣланы какія-либо улучшенія. Такова судьба новыхъ законопроектовъ по рабочему вопросу, таковъ путь, ими пройденный съ 1905 по 1908 г.

Три Думы, четыре министра, пять совѣщаній—и ни одного практическаго шага впередъ...

Въ послѣднее время на страницахъ повременной печати возникъ споръ, кого нужно винить въ этой задержкѣ: бюрократія сваливала вину на промышленниковъ, промышленники—на бюрократію.

Не подлежитъ сомнѣнію, что представители промышленности сильно повинны въ желаніи не только урѣзать, но и вообще отложить предполагаемую реформу; но несравненно бо̀льшая вина лежитъ, конечно, на тѣхъ, кто облеченъ „всей полнотою власти“. Какъ ни настойчивы предприниматели, все же они вѣдь не генералъ-губернаторы, съ которыми, какъ говорятъ, не можетъ, будто бы, справиться даже совѣтъ министровъ.

Что касается рабочаго класса, то онъ — и вполнѣ основательно—не питаетъ довѣрія ни къ той, ни къ другой сторонѣ. Его главная надежда — на свои собственныя нравственныя силы.

К. Пажитновъ.

ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА

КЪ ЕГО НѢМЕЦКИМЪ ДРУЗЬЯМЪ

„*Я никогда, ни одной строки въ жизни не напечаталъ не на русскомъ языкѣ;* въ противномъ случаѣ я былъ бы не художникъ, а — просто — дрянь. Какъ это можно писать на чужомъ языкѣ, когда и на своемъ-то, на родномъ, едва можно сладить съ образцами (образами), мыслями и т. д.!“ [1]) Такъ писалъ И. С. Тургеневъ, въ 1875 году, С. А. Венгерову, замѣтившему въ своемъ критико-біографическомъ этюдѣ, посвященномъ Тургеневу, что автору „Записокъ Охотника“ случалось писать иногда свои повѣсти по-нѣмецки и по-французски.

Понятна досада по этому поводу совершеннѣйшаго мастера русскаго слова, стоящаго въ этомъ отношеніи рядомъ съ Пушкинымъ и Гоголемъ. Переводя произведенія Тургенева, Пушкина и Гоголя на французскій языкъ (этотъ пробный камень стилистики), я на опытѣ убѣдился въ неподражаемой силѣ, сжатости и, вмѣстѣ съ тѣмъ, простотѣ слога Тургенева, въ сравненіи съ языкомъ другихъ первоклассныхъ мастеровъ русскаго слова. Было ли то „Наканунѣ“, или „Первая Любовь“, или наиболѣе русское его произведеніе — „Записки Охотника“, мнѣ оставалось только рабски слѣдовать за авторомъ, чтобы его чеканное русское слово по возможности выпукло выступало во французской оболочкѣ. Конечно, художественная рѣчь можетъ быть доведена до совершенства только на одномъ, и именно на родномъ языкѣ.

---

[1]) Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева. Изданіе Литературнаго Фонда. Спб. 1885, стр. 261.

Но и С. А. Венгеровъ могъ не безъ основанія приписать Ивану Сергѣевичу авторство французскаго и нѣмецкаго текстовъ его произведеній. Иностранные друзья Тургенева не разъ удивлялись глубинѣ и всесторонности его знанія языковъ. Тэнъ, напримѣръ, говаривалъ, что чистота и выразительность французской рѣчи русскаго писателя напоминали ему l'art de converser французскихъ салоновъ XVIII-го вѣка. Въ свою очередь, нѣмецкій критикъ Юліанъ Шмидтъ отмѣчаетъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о Тургеневѣ, его основательное знакомство съ нѣмецкимъ языкомъ. Георгъ Брандесъ также свидѣтельствуетъ, что „онъ говорилъ по-нѣмецки какъ нѣмецъ". Часто, желая познакомить своихъ французскихъ друзей-писателей съ образцами міровой литературы, онъ приносилъ съ собой томъ Гёте, Свинбэрна или Пушкина и тутъ же переводилъ имъ цѣлыя страницы изъ этихъ поэтовъ. А изданныя мною письма къ его французскимъ друзьямъ достаточно свидѣтельствуютъ, насколько онъ владѣлъ и письменной французской рѣчью [1]). Въ нихъ встрѣчаются, особенно въ письмахъ къ г-жѣ Віардо, страницы, которыя, какъ по внутренней поэзіи, такъ и по внѣшней отдѣлкѣ, нисколько не поблѣднѣли бы при сравненіи съ образцами такихъ виртуозовъ слога, какъ Флоберъ и Ренанъ. Наконецъ, если правда, что Тургеневъ никогда *не печаталъ* своихъ оригинальныхъ французскихъ произведеній, они тѣмъ не менѣе существуютъ. Я имѣю въ виду его либретто оперетокъ, написанныхъ имъ французскими стихами къ музыкѣ г-жи Віардо „Le dernier des sorciers", „L'ogre" и „Trop de femmes". Не смотря на успѣхъ этихъ „шутокъ" Тургеневскаго пера, „полныхъ граціознаго юмора и тонкой прелести", по свидѣтельству одного изъ компетентныхъ зрителей домашнихъ спектаклей въ Баденъ-Баденѣ, Людвига Пича, онѣ все еще хранятся у г-жи Віардо въ рукописи.

Если произведенія Тургенева появлялись иногда по-французски или по-нѣмецки раньше русскаго оригинала, то переводъ дѣлался обыкновенно при содѣйствіи Луи Віардо, мужа знаменитой пѣвицы, или Мериме, или Дюранъ-Гревиля, во Франціи, и Юліана Шмидта, или Боденштета, или Фридлендера—въ Германіи, какъ упоминается объ этомъ въ изданной мною французской и ниже помѣщаемой нѣмецкой перепискѣ Тургенева.

---

[1]) См. E. Halpérine-Kaminsky, *Ivan Tourguéneff d'après sa correspondance avec ses amis français*. Парижъ, 1901; Ivan Tourguéneff, *Lettres à Madame Viardot*, publiées et annotées par E. Halpérine-Kaminsky. Парижъ, 1907.

А между тѣмъ самъ Иванъ Сергѣевичъ прекрасно владѣлъ языками: французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ. Это доказываетъ его переписка, въ которой авторъ „Стихотвореній въ прозѣ" всегда оставался поэтомъ и мастеромъ слова.

Послѣ многолѣтнихъ поисковъ, неоднократныхъ поѣздокъ въ Берлинъ, Мюнхенъ, Висбаденъ, Страсбургъ и продолжительной переписки съ германскими корреспондентами Тургенева, мнѣ удалось собрать если не всю, то наиболѣе значительную и интересную часть писемъ, которыя онъ писалъ имъ. По словамъ близкихъ къ Ивану Сергѣевичу лицъ, въ особенности его старѣйшаго нѣмецкаго друга Людвига Пича, онъ состоялъ въ литературной перепискѣ съ слѣдующими нѣмецкими писателями: Бертольдомъ Ауэрбахомъ, Паулемъ Гейзе, Густавомъ Фрейтагомъ, Фридрихомъ Шпильгагеномъ, Юліаномъ Шмидтомъ, Людвигомъ Пичемъ, Людвигомъ Фридлендеромъ, Рейнгольдомъ Линдау, Юліусомъ Роденбергомъ, Евгеніемъ Цабелемъ, а также съ живописцемъ Адольфомъ Менцелемъ и скульпторомъ Рейнгольдомъ Бегасомъ. Писалъ онъ и своимъ нѣмецкимъ переводчикамъ: Боденштету (перевелъ „Призраки", „Фаустъ", „Первую любовь", „Муму" и пр.), Видерту (перевелъ 1-й т. „Записокъ Охотника"), Вольцу (2-й т. „Записокъ Охотника"), Фуксу („Дворянское Гнѣздо"), Генкелю („Клара Миличъ"), Веттерману и Зонненталю (мелкіе разсказы).

Изъ всѣхъ поименованныхъ лицъ, письма Тургенева сохранились только у Людвига Пича, Юліана Шмидта, Роденберга, Фридлендера, Ауэрбаха и Цабеля, которые сами, или ихъ наслѣдники (вдова Шмидта и сынъ Ауэрбаха), любезно предоставили ихъ въ мое распоряженіе. Единичное исключеніе составляетъ Рейнгольдъ Линдау, нѣмецкій генеральный консулъ въ Константинополѣ, отказавшійся сообщить мнѣ имѣющіяся у него письма Тургенева, въ виду „невозможности ихъ обнародованія".

Казалось бы, что особенное значеніе должны были имѣть письма, адресованныя къ знаменитымъ романистамъ Ауэрбаху, Гейзе, Шпильгагену и Фрейтагу. Сынъ Ауэрбаха нашелъ въ бумагахъ отца только пять писемъ Тургенева [1]. Поль Гейзе, который въ началѣ 50-хъ годовъ посвятилъ восторженную статью

---

[1]) Изъ нихъ будетъ напечатано только одно, такъ какъ остальныя—небольшія записки, не представляющія интереса.

„Запискамъ Охотника“, помнитъ, что онъ одно время переписывался съ своимъ русскимъ собратомъ, но, по его мнѣнію, самый фактъ исчезновенія переписки говоритъ о ея незначительности, иначе она сохранилась бы у него. Шпильгагенъ сразу заявилъ о маловажности тѣхъ немногочисленныхъ записокъ, которыя онъ въ разное время получилъ отъ Тургенева и не счелъ нужнымъ сохранять. Наконецъ, вдова Густава Фрейтага писала мнѣ изъ Висбадена, гдѣ находится улица, названная именемъ ея мужа: „Я съ радостью сообщила бы вамъ письма Тургенева къ моему мужу. Къ несчастію, я ничего не нашла въ бумагахъ его. Онъ должно-быть уничтожилъ ихъ, какъ уничтожилъ множество другихъ писемъ. Между обоими покойными писателями существовали несомнѣнно дружескія отношенія, такъ какъ Тургеневъ посылалъ моему мужу свои сочиненія съ любезными надписями; съ другой стороны, мнѣ извѣстно, какое искреннее уваженіе и симпатію мой мужъ питалъ къ Тургеневу“.

Утверждали также, но ужъ не друзья Ивана Сергѣевича, а недруги, силившіеся очернить память его, что существуетъ пространная переписка его съ австро-галицкимъ писателемъ Захеръ-Мазохомъ, въ которой онъ будто бы очень дурно отзывался о своихъ французскихъ друзьяхъ: Додэ, Зола̀, Гонкурѣ и др. На основаніи авторитетныхъ свидѣтельствъ и личныхъ изысканій, я, въ моей книгѣ: „Tourguéneff d'après sa correspondance avec ses amis français“, подробно выяснилъ невозможность существованія переписки Тургенева съ Захеръ-Мазохомъ. Съ тѣхъ поръ, я получилъ новое тому доказательство, а именно письмо Тургенева къ женѣ Людвига Пича, изъ котораго несомнѣнно явствуетъ, что авторъ его не только никогда не переписывался съ австрійскимъ писателемъ и не знался съ нимъ, а прямо питалъ къ нему отвращеніе.

Въ письмѣ ко мнѣ по этому поводу Людвигъ Пичъ сообщаетъ, что, прочитавъ при немъ впервые какой-то разсказъ Захеръ-Мазоха, Тургеневъ пришелъ въ такое негодованіе отъ циничности сюжета, что тутъ же попросилъ своего друга достать ему поскорѣе фотографическую карточку автора разсказа, для помѣщенія ея въ ватеръ-клозетѣ. Г-жа Пичъ съ трудомъ разыскала желаемую фотографію и послала ее Тургеневу, въ отвѣтномъ письмѣ котораго (изъ Карлсбада, 24 іюля 1879 г.) говорится между прочимъ:

„Vielen Dank für das Conterfei des „Ritters“.—Also dieses Monstrum, dieser Unhold, mit der plattgedrückten Nase und den

breitgedrückten Lippen, konnte sich rühmen: Mindestens Baroninnen! [1]) Alles ist möglich—aber dies ist wirklich zu stark!"... [2])

Посылая мнѣ эту записку, Людвигъ Пичъ справедливо замѣтилъ: „И нашлись же люди, посмѣвшіе утверждать, что авторъ записки могъ когда-либо поддерживать какія-нибудь сношенія съ оригиналомъ этого портрета!"

Между тѣмъ, тѣ же хулители памяти великаго русскаго писателя предлагали, еще въ 1887-мъ году, Альфонсу Додэ и Эдмонду Гонкуру купить у нихъ эту переписку, грозя, въ противномъ случаѣ, ее напечатать. Французскіе писатели заподозрили шантажный пріемъ и отказались. И вотъ прошло уже больше двадцати лѣтъ—а письма эти такъ и не появились, несмотря на всѣ оскорбительные эпитеты, сыпавшіеся на клеветниковъ и въ частныхъ кругахъ, и въ печати.

Я убѣжденъ, такимъ образомъ, что все сохранившееся изъ нѣмецкой переписки Тургенева (за исключеніемъ писемъ къ Линдау) сосредоточено въ моихъ рукахъ. Письма, адресованныя Пичу, въ числѣ 152, обнимаютъ двадцатилѣтній періодъ жизни Ивана Сергѣевича, съ 1864 г. по 1883 г.; 40 писемъ къ Юліану Шмидту начинаются 1868-мъ годомъ и кончаются 1881-мъ. Эти двѣ серіи писемъ имѣютъ наибольшее значенія для характеристики русскаго писателя, такъ какъ ни съ кѣмъ изъ своихъ нѣмецкихъ друзей онъ не поддерживалъ болѣе близкихъ и постоянныхъ сношеній.

Людвигъ Пичъ, родившійся въ 1824-мъ году и здравствующій понынѣ, извѣстенъ столько же своими рисунками для иллюстрацій, сколько своими трудами по художественной критикѣ. Наибольшей извѣстностью пользуются сборники критическихъ и путевыхъ замѣтокъ „Aus Welt und Kunst" (1867 г.) и „Orientfahrten" (1870) и „Kriegsbilder: Von Berlin bis Paris" (1871). Онъ написалъ также двухтомную автобіографію, полную интересныхъ воспоминаній: „Vie ich Schriftsteller geworden bin" (1892—94). Въ ней онъ разсказываетъ свою первую встрѣчу съ Тургеневымъ, въ Берлинѣ, еще въ 1846-мъ году: онъ сопровождалъ г-жу Віардо, съ которой Пичъ только-что познакомился. Слѣдующая встрѣча Пича съ Тургеневымъ состоялась въ Парижѣ, цѣлыхъ шестнадцать лѣтъ спустя; съ тѣхъ поръ у нихъ завя-

---

[1]) Захеръ-Мазехъ, повѣствуя о своихъ любовныхъ похожденіяхъ, выразился однажды, что въ выборѣ дамъ онъ „никогда не спускался ниже баронессъ".

[2]) „Очень благодарю за изображеніе „кавалера". Итакъ, этотъ уродъ, это чудовище съ приплюснутымъ носомъ и широкими губами осмѣливался хвастать: „по меньшей мѣрѣ баронессы"! Все возможно, но это, право, слишкомъ ужъ сильно!"

зались дружескія отношенія, длившіяся до самой смерти нашего писателя. Даже на смертномъ одрѣ, когда онъ вынужденъ былъ диктовать свои письма, Иванъ Сергѣевичъ не прерывалъ сношеній съ своимъ старѣйшимъ нѣмецкимъ другомъ. А когда онъ уже и диктовать не могъ, свѣдѣнія о немъ сообщались Пичу г-жей Віардо или кѣмъ-либо изъ ея семьи.

Съ самаго начала ихъ знакомства Пичъ служилъ главнымъ соединительнымъ звеномъ между Тургеневымъ и нѣмецкимъ литературно-художественнымъ міромъ. Онъ познакомилъ его, въ 1868 г., съ Юліаномъ Шмидтомъ, извѣстнымъ и за предѣлами Германіи авторомъ „Geschichte der deutschen Litteratur seit Lessings Tod" (1865 — 1867) и „Geschichte der französischen Litteratur seit der Revolution" (1873 г.). Передъ смертью (онъ умеръ въ 1886 г.) Шмидтъ занялся переработкой своихъ трудовъ по исторіи нѣмецкой литературы. Они вышли въ пяти томахъ послѣ его смерти, подъ названіемъ: „Geschichte der deutschen Litteratur von Leibnitz bis auf unsere Zeit". Не меньшей популярностью пользуются его „Bilder aus dem geistigen Leben unserer Zeit" (1870 — 77) и „Porträts aus dem XIX Jahrh." (1878) — характеристики современныхъ нѣмецкихъ и иностранныхъ писателей, между ними—и Тургенева. Послѣднему онъ посвятилъ и рядъ отдѣльныхъ статей въ повременныхъ изданіяхъ. Вообще, какъ свидѣтельствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Людвигъ Пичъ, Юліанъ Шмидтъ, не читавшій до своего личнаго знакомства съ Тургеневымъ ни одной строки его, сталъ послѣ этого „однимъ изъ его искреннѣйшихъ почитателей и дѣятельнымъ распространителемъ его произведеній въ Германіи". Въ его очеркахъ — прибавляетъ Пичъ — „мы встрѣчаемъ наиболѣе глубокую и важную оцѣнку сочиненій Тургенева изъ всего написаннаго на нѣмецкомъ языкѣ объ этой „величайшей поэтической силѣ нашего времени", какъ назвалъ однажды русскаго писателя Юліанъ Шмидтъ" [1]).

Легко заключить отсюда, какое значеніе представляютъ письма

---

[1]) Вотъ списокъ статей Ю. Шмидта о Тургеневѣ:

1868. Ivan Turgenjew („Preussische Jahrbücher", т. 22; перепечатано въ 1870 г. въ „Bilder aus dem geistigen Leben".

1874. Turgenjew u. Pisemsky (въ „Characterbilder aus der zeitgenössischen Litteratur", т. 4).

1877. *Ivan Turgenjew*, въ „Westermans Monatshefte", октябрь, т. 11.

— „Neuland" („Im neuen Reich", № 1).

1880. „Der Russische Nihilismus und Ivan Turgenjew" (въ „Preussische Jahrbücher", т. 4).

Тургенева къ распространителю его произведеній въ Германіи. Они носятъ менѣе интимный характеръ, чѣмъ письма къ Пичу, но глубже и чаще касаются литературныхъ и политическихъ вопросовъ.

По поводу мнѣній, высказываемыхъ Тургеневымъ своимъ нѣмецкимъ друзьямъ о тогдашнемъ состояніи Европы, и Франціи и Германіи въ частности, необходимо сдѣлать оговорку. Я уже отмѣтилъ, въ моихъ объясненіяхъ къ французскимъ письмамъ Тургенева, крайнюю впечатлительность его и, въ связи съ этимъ, кажущуюся измѣнчивость его сужденій о событіяхъ и людяхъ. Здѣсь играло большую роль и добродушіе его, желаніе доставить удовольствіе тому, съ кѣмъ онъ бесѣдовалъ устно или письменно.

Имѣя это въ виду и зная его дружескія отношенія къ Пичу и Шмидту, искреннимъ нѣмецкимъ патріотамъ [1]), нетрудно понять, что въ его письмахъ къ нимъ, и подъ вліяніемъ ихъ писемъ, встрѣчаются иногда мысли и сужденія о Франціи временъ второй имперіи и франко-прусской войны, далеко не отвѣчающія его истинному отношенію къ Франціи. Георгъ Брандесъ, наиболѣе проницательный и сравнительно безпристрастный въ этомъ случаѣ критикъ произведеній Тургенева, лично знавшій его, совершенно вѣрно опредѣляетъ его отношенія къ Франціи и Германіи. „Уже въ силу старыхъ русскихъ традицій,—пишетъ онъ въ своемъ некрологическомъ этюдѣ о Тургеневѣ, — онъ стоялъ ближе къ Франціи, нежели къ Германіи. Въ молодости онъ изучалъ философію, физіологію и исторію въ Берлинѣ, поклонялся Гёте больше всего, нѣкоторое время беззавѣтно увлекался Гейне, всегда поддерживалъ дружескія отношенія съ нѣмецкими писателями, былъ искреннимъ поклонникомъ величія германской науки, высоко цѣнилъ знанія и предпріимчивый духъ нѣмцевъ. Тѣмъ не менѣе, въ его произведеніяхъ нѣмцы выведены въ сатирическомъ и мѣстами невыгодномъ для нихъ освѣщеніи. Я нахожу слабостью со стороны нѣмецкой критики то, что она открыто не сознается въ этомъ фактѣ, бросающемся въ глаза... Не смотря на всю симпатію къ отдѣльнымъ лицамъ, въ душѣ Тургенева какъ будто остался осадокъ безсознательной національной ненависти. Съ другой стороны, онъ хотя сознавалъ недостатки французской натуры и французской культуры, но легче

---

[1]) Какъ редакторъ „Berliner Allgemeine Zeitung“, Юліанъ Шмидтъ былъ одно время и виднымъ политическимъ дѣятелемъ. Въ своей статьѣ: „Der Krieg gegen Frankreich“ (въ книгѣ „Bilder aus dem geistigen Leben unserer Zeit“), онъ горячо защищалъ политику Бисмарка по отношенію къ Франціи и требовалъ нанесенія послѣдней такого удара, отъ котораго она долго не могла бы оправиться.

уживался съ ними. Онъ былъ вполнѣ понятъ и оцѣненъ въ Парижѣ, гдѣ обыкновенно такъ недовѣрчиво относятся ко всему чужеземному".

Къ этому можно прибавить, что, ненавидя отъ всей души наполеоновскій режимъ, онъ не могъ не относиться враждебно и къ французской буржуазіи, которая, въ страхѣ передъ рабочимъ движеніемъ, забыла свои традиціи и пресмыкалась у ногъ своего властелина. Присутствуя при этомъ зрѣлищѣ, Тургеневъ поддавался внушеніямъ своихъ нѣмецкихъ корреспондентовъ, слишкомъ обобщая паденіе французскихъ нравовъ. Самъ Пичъ указываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ" на источникъ этихъ сужденій его русскаго друга: „Увѣренность въ торжествѣ праваго дѣла, наполнявшая каждаго изъ насъ, повліяла и на Тургенева, которому блескъ французскаго имперіализма никогда не внушалъ уваженія". Послѣ паденія имперіи Тургеневъ жилъ еще достаточно долго, чтобы присутствовать при политическомъ возрожденіи Франціи и измѣнить свое мнѣніе о ней.

О другихъ нѣмецкихъ адресатахъ Тургенева мнѣ нѣтъ повода распространяться: письма къ нимъ немногочисленны и содержаніе ихъ достаточно выясняетъ взаимныя отношенія переписывающихся. Ауэрбахъ давно пользуется извѣстностью въ Россіи. Людвигъ Фридлендеръ—филологъ и археологъ, сначала профессоръ кенигсбергскаго университета, читаетъ въ настоящее время лекціи въ Страсбургѣ. Наиболѣе извѣстный его трудъ: „Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms" (1862—71). Юліусъ Роденбергъ — основатель вліятельнаго органа „Deutsche Rundschau", редакторомъ-издателемъ котораго онъ состоитъ и по настоящее время. Этотъ журналъ, какъ „Revue des deux Mondes" во Франціи, первый началъ знакомить нѣмецкую публику съ произведеніями Тургенева. Наконецъ, Евгеній Цабель, нынѣ хорошо знакомый Россіи своими обстоятельными и тонкими характеристиками русскихъ писателей и художниковъ, только еще начиналъ, незадолго до смерти Ивана Сергѣевича, свое литературное поприще. Ему принадлежитъ, между прочимъ, принаровленный къ нѣмецкой сценѣ переводъ пьесъ Тургенева: „Мѣсяцъ въ деревнѣ" и „Провинціалка".

Ниже помѣщаемыя письма, какъ и раньше мною изданныя [1]),

[1]) Изъ числа писемъ, доставленныхъ г. Гальпериномъ-Каминскимъ, мы печатаемъ только тѣ, которыя интересны по своему содержанію, исключая и изъ нихъ все формальное—обращенія, извѣстія о пріѣздѣ или отъѣздѣ, просьбы передать поклоны и т. п. *Прим. редакціи.*

печатаются не только съ согласія адресатовъ ихъ, но и съ разрѣшенія правопреемницы литературныхъ правъ Тургенева, г-жи Полины Віардо.

И. Гальперинъ-Каминскій.

I.—Письма И. С. Тургенева къ Юліану Шмидту

(1868—1881).

Баденъ-Баденъ, Четвергъ, 6-го августа 1868 г.

Вотъ вамъ, любезный докторъ, тѣ свѣдѣнія, которыя вы желали имѣть. Я просто выписалъ ихъ изъ своего послѣдняго изданія, гдѣ все поставлено въ хронологическомъ порядкѣ.

(Слѣдуетъ перечень произведеній Тургенева — по французски—съ указаніемъ времени ихъ появленія.)

Затѣмъ я написалъ еще слѣдующія комедіи (слѣдуетъ ихъ поименованіе). Послѣднюю изъ нихъ („Провинціалка") я издалъ въ 1851 году. Съ тѣхъ поръ я избѣгаю театра.

Нѣкоторыя изъ моихъ пьесъ имѣли извѣстный успѣхъ, благодаря тому, что геніальнѣйшій изъ всѣхъ актеровъ, какихъ я когда-либо видѣлъ, Мартыновъ (его уже нѣтъ въ живыхъ), бралъ на себя главную въ нихъ роль. „Мѣсяцъ въ деревнѣ" еще стоитъ кое-чего: но матеріалъ этотъ, пожалуй, слѣдовало обработать для повѣсти.

Кромѣ того, я писалъ еще критическія статьи и т. п., а также—*увы!*—стихи и даже поэмы, которыя, однако, такъ убого посредственны, что ихъ можно сравнить только съ грязной тепловатой водицей. Этотъ несчастный періодъ моей литературной дѣятельности продолжался три года: 1843 — 46, и когда моимъ друзьямъ хочется позлить меня, они цитируютъ мои стихи...

„Ергунова" я вамъ послалъ; „Бригадира", который появляется уже въ „Journal des Débats", вы получите въ ближайшемъ времени. Пичъ живетъ у меня уже дней пять и проситъ очень кланяться вамъ. Вашъ И. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ, Воскресенье, 18-го октября 1868 г.

Всѣ три экземпляра вашей статьи [1]), мой милый докторъ, я получилъ; одинъ тотчасъ былъ отправленъ въ Россію, другой

---

[1]) Статьи Шмидта о Тургеневѣ въ „Preussische Jahrbücher".

я пошлю во Францію, а третій мы съ m-me Віардо читали вмѣстѣ. Насколько я могу судить—вы, вѣдь, знаете: къ собственной дѣятельности, какъ и къ собственной физіономіи, къ собственному лицу, невозможно отнестись вполнѣ объективно, какъ ни напрягай способность отвлеченія — такъ вотъ, насколько я могу судить, никто еще такъ мѣтко и проницательно не говорилъ обо мнѣ, такъ ясно не очертилъ предѣловъ моего творчества и вообще такъ наглядно не вскрылъ мнѣ самому мое внутреннее существо. Я, право, горжусь тѣмъ, что далъ вамъ поводъ для такого этюда. Онъ доставилъ мнѣ много удовольствія— сердечное вамъ спасибо.

M-me Віардо вполнѣ раздѣляетъ мое мнѣніе. Я многое узналъ о самомъ себѣ, на многое у меня открылись глаза — напримѣръ на мое настоящее отношеніе къ той „Эллисъ", которую я самъ считалъ только случайнымъ фантастическимъ образомъ.

Карлсруэ, Пятница, 16-го апрѣля 69 г.

Получили ли вы пакетъ книгъ, что̀ я вамъ послалъ изъ Веймара? Тамъ все, что̀ я могъ найти въ Парижѣ. Первую часть „Scènes de la vie russe" и „Mémoires d'un Chasseur" невозможно было раздобыть. Но, можетъ быть, вторая часть вамъ какъ разъ и менѣе знакома.

Я провелъ въ Веймарѣ недѣлю. Оперетку m-me Віардо („Послѣдній волшебникъ") ставили съ большимъ успѣхомъ. Музыка, дѣйствительно, очаровательна и—чего я, откровенно говоря, сильно боялся,—либретто не производитъ впечатлѣнія черезчуръ большой наивности. Все было весело и привлекательно. Исполненіе тоже по большей части отличное..... Не пріѣдете ли вы въ этомъ году въ Баденъ? Какъ сердечно были бы вы встрѣчены!

Баденъ-Баденъ, Среда, 16-го декабря 1869.

У меня есть къ вамъ просьба, мой милый другъ. Дѣло въ томъ, что Писемскій, которому я сообщилъ объ успѣхѣ его романа, желалъ бы войти въ переписку съ переводчикомъ, господиномъ Кайслеромъ, и предложить ему свой другой романъ: „Взбаламученное Море". Это—яркая бытовая картина шестидесятыхъ годовъ въ Россіи, сильно бичующая нашихъ демагоговъ. Въ немъ есть великолѣпныя сцены, а юморъ здѣсь еще безпощаднѣе, чѣмъ въ „Тысячѣ Душъ", хотя общая концепція слабѣе. Если „Тысяча Душъ" понравилась нѣмецкой публикѣ, то „Море",

безъ сомнѣнія, понравится еще больше. Не будете ли вы такъ любезны прислать мнѣ адресъ д-ра Кайслера, а также, можетъ быть, не черкнете ли вы ему нѣсколько словъ объ этомъ дѣлѣ, если вы знаете его лично? Мнѣ было бы очень пріятно также вступить съ нимъ въ переписку.

Что касается Ратча въ „Несчастной", то онъ вѣдь уже по одному имени—чехъ и, кромѣ того, онъ самъ это говоритъ. То, что какой-то русскій называетъ его „треклятой нѣмчурой", ровно ничего не доказываетъ: простые люди въ Россіи обзываютъ такъ всякаго иностранца, къ какой бы націи онъ ни принадлежалъ. Но въ слѣдующемъ изданіи я постараюсь рѣзче выдвинуть чешское происхожденіе Ратча, какъ вамъ это желательно.

Баденъ-Баденъ, Воскресенье, 31-го іюля 1870.

Спѣшу переслать вамъ одинъ документъ. Думаю, что вы оцѣните всю его относительную важность. Это—точная копія съ замѣтокъ, найденныхъ въ бумагахъ одного умершаго народнаго представителя. Семья его, живущая во Франціи, дала разрѣшеніе напечатать ее въ одной изъ нѣмецкихъ газетъ подъ непремѣннымъ условіемъ не называть его имени: поэтому и я не могу его назвать. Могу только вамъ поручиться головой за *полную правдивость*, *добросовѣстность* и *честность* автора; кромѣ того, копія *несомнѣнно точна*. Я полагаю, что настоящій моментъ вполнѣ подходитъ для опубликованія этой замѣтки—моментъ, когда лживость чудовища, сидящаго на французскомъ тронѣ, и всего его правленія, проявляется со всѣхъ сторонъ. „Бей змѣю по головѣ"—говоритъ русская пословица. Если вы того же мнѣнія и не боитесь маленькаго труда перевода, то сдѣлайте это. Я только долженъ васъ просить не называть моего имени въ редакціи той газеты, куда вы направите замѣтку, а затѣмъ рукопись—использованную или неиспользованную—отослать мнѣ, такъ какъ я обѣщалъ семьѣ, что они получатъ ее обратно.

Здѣсь у насъ еще все спокойно; мы ждемъ съ величайшимъ напряженіемъ начала войны. На чьей сторонѣ мои симпатіи, было бы излишне говорить вамъ.

Баденъ-Баденъ, 28-го августа 1870 г.

Почти мѣсяцъ тому назадъ я послалъ вамъ французскій документъ, касающійся г-на Бонапарта, съ просьбой либо напе-

чатать его въ газетѣ, либо—если вы найдете неудобнымъ опубликовать его—отослать мнѣ назадъ. Документъ нигдѣ не появился, я его не получилъ обратно, и теперь я начинаю опасаться, не затерялся ли онъ. Напишите, пожалуйста, мнѣ объ этомъ нѣсколько словъ!

Даже вы, будучи нѣмцемъ, не можете больше меня радоваться новому обороту дѣла. Такъ, значитъ, дѣйствительно, *этому* лицемѣрію, этой безнравственности конецъ! Надо только твердо помнить русскую пословицу: „Бей змѣю по головѣ"! Пока она не мертва вполнѣ, приходится считать вмѣстѣ съ Цезаремъ: „Ничего не сдѣлано, если остается еще кое-что сдѣлать". Но я надѣюсь, что дѣло, начатое такъ основательно, будетъ основательно и закончено...

Въ то время какъ я пишу вамъ, въ мою комнату, несмотря на закрытыя окна, проникаютъ глухіе, періодически повторяющіеся раскаты: происходитъ бомбардировка Страсбурга и, какъ говорятъ, сегодня начнется штурмъ. Жаль прелестнаго города— но ничего стало быть не подѣлаешь. Въ остальномъ здѣсь совсѣмъ спокойно.

Баденъ-Баденъ, 4-го октября 71.

Вы, право, любезны, какъ нельзя больше, но во-первыхъ этотъ „большой романъ" — въ сущности представляетъ собою не особенно большую новеллу; во-вторыхъ, она появляется порусски только въ январѣ, и о переводѣ пока еще не можетъ быть и рѣчи. Но что вы прочтете ее раньше всѣхъ не-русскихъ, въ этомъ даю вамъ слово.

Передайте, пожалуйста, прилагаемое письмо Пичу. Онъ далъ мнѣ свой новый адресъ, но у меня есть нѣкоторыя сомнѣнія на этотъ счетъ. Дѣло въ томъ, что я послалъ ему по этому адресу пакетъ съ однимъ маленькимъ — совсѣмъ маленькимъ — своимъ разсказомъ для васъ (я тогда не зналъ, гдѣ вы), и онъ мнѣ не отвѣтилъ, а вы ничего не говорите о моей посылкѣ. Правда, она очень незначительна, но все же о разсказѣ вы бы сказали нѣсколько словъ, хотя бы для того, чтобы побранить меня.

Надѣюсь, что моя новая повѣсть понравится вашей женѣ больше, чѣмъ „Степной король Лиръ" [1]).

---

[1]) *Примѣчаніе Ю. Шмидта*:

Тургеневъ какъ-то спросилъ меня, какъ мнѣ понравился „Степной король Лиръ", и я ему отвѣтилъ, что, собственно говоря, на мой вкусъ это слишкомъ крѣпкій табакъ. На это онъ отвѣтилъ: „То же самое говоритъ и m-me Віардо!"

Москва, 15/3 іюня 1872 г.

Вы хотѣли написать мнѣ, каково ваше рѣшительное впечатлѣніе отъ „Вешнихъ Водъ"; быть можетъ, вы забыли объ этомъ или вамъ нечего сказать мнѣ хорошаго.

Одинъ изъ моихъ добрыхъ друзей, профессоръ Кавелинъ изъ Петербурга, написалъ порусски книгу, озаглавленную: „Задачи психологіи". Вы, вѣроятно, удивитесь, какъ это русскій можетъ написать философское сочиненіе. А книга между тѣмъ—солидная, оригинальная, свидѣтельствующая о самостоятельномъ творчествѣ и большой эрудиціи автора. Кавелинъ желалъ бы видѣть свою книгу переведенной и изданной на нѣмецкомъ языкѣ (естественно, безъ всякаго авторскаго права, но и безъ расходовъ съ его стороны), такъ какъ русская публика, еслибы у нея появился даже свой русскій Кантъ, мало оцѣнила бы его. Думаете ли вы, что можно найти въ Германіи переводчика и издателя для подобнаго произведенія—или, главное, издателя? Съ переводомъ можно было бы справиться и здѣсь. Книга невелика, триста съ небольшимъ страницъ. Я думаю, она вызвала бы извѣстный интересъ. Пожалуйста, напишите мнѣ ваше мнѣніе объ этомъ—откровенно, кратко и точно.

Парижъ, 13 января 73.

Милый другъ!

Что вы, дѣйствительно, являетесь имъ для меня, вполнѣ доказываетъ ваше письмо [1]); сердечное за него спасибо и даю вамъ абсолютное полномочіе опубликовать его въ этомъ видѣ. Возможный упрекъ въ двусмысленности для меня какъ разъ и есть самое непріятное во всей исторіи...

Мнѣ еще не удалось достать „Gaulois" за соотвѣтствующій годъ; это, по всей вѣроятности, „Gaulois", а не „Figaro", такъ какъ моя антипатія къ „Figaro" давно извѣстна редакціи этой газеты—а, вѣдь, письмо имѣло цѣлью оказать мнѣ своего рода любезность. Я во что бы ни стало раздобуду эти газеты за весь годъ, и если разыщу эту исторію, то ужъ буду знать, что мнѣ дѣлать.

Только что получилъ письмо отъ барона Унгернъ-Штернберга, съ которымъ познакомился въ Берлинѣ черезъ ваше посредство: онъ хочетъ перевести мою послѣднюю повѣстушку для

¹) См. приложеніе: письмо Юліана Шмидта.

„Spener Zeitung“. Конечно, даю вамъ необходимое согласіе, а для того, чтобы вы знали, въ чемъ дѣло, посылаю вамъ декабрьскій померъ „Revue des deux Mondes“, гдѣ этотъ разсказъ переведенъ...

Съ Тэномъ я знакомъ и, вѣроятно, увижу его на этихъ дняхъ; я только не увѣренъ въ томъ, владѣетъ ли онъ нѣмецкимъ языкомъ. Знатоки нѣмецкаго языка и нѣмецкаго духа имѣются только въ „Temps“ (Nefftzer, Scherer и другіе эльзасцы). Если бы вы хотѣли послать имъ экземпляръ, то я охотно готовъ передать. Я съ интересомъ жду вашей книги [1]).

Безобразная выходка, о которой говорилось выше, все-таки имѣла свое дѣйствіе: недѣли четыре тому назадъ я послалъ Паулю Гейзе въ Мюнхенъ свой послѣдній томъ съ очень любезнымъ письмомъ и до сихъ поръ не получилъ никакого отвѣта. Мнѣ не хочется вѣрить, чтобы „Вешнія Воды“ могли оскорбить его, какъ нѣмца.

Письмо Ю. Шмидта, упомянутое выше.

Въ берлинскихъ кругахъ циркулируетъ слухъ, будто въ 1871 году въ одной французской газетѣ напечатано письмо Ивана Тургенева, въ которомъ писатель высказывается оскорбительно по адресу Германіи и нѣмцевъ. Мнѣ не удалось установить, въ какой именно газетѣ помѣщено было названное письмо; высказывались только предположенія, что это былъ „Gaulois“ или „Figaro“ — но во всякомъ случаѣ фактъ этотъ былъ отмѣченъ всею французской печатью.

Я считаю необходимымъ выступить противъ подобныхъ слуховъ, какъ бы неопредѣленны они ни были, ибо иначе люди невольно начинаютъ имъ вѣрить.

Въ предисловіи къ нѣмецкому изданію полнаго собранія своихъ сочиненій Иванъ Тургеневъ пишетъ: „Я обязанъ Германіи слишкомъ многимъ для того, чтобы не любить и не чтить ее, какъ свою вторую родину; выступить же передъ тѣмъ, кого любишь и чтишь, со своимъ подлиннымъ „я“—желаніе вполнѣ естественное“.

Такимъ образомъ, вышеупомянутый слухъ бросаетъ на писателя тѣнь двуязычія. Снять этотъ упрекъ съ писателя, который намъ, нѣмцамъ, сталъ милъ и дорогъ больше всѣхъ другихъ иностранцевъ, было бы достойнымъ дѣломъ; и вдвойнѣ обязаннымъ къ этому кажется мнѣ тотъ, кто имѣетъ честь при-

---

[1]) *J. Schmidt*, Geschichte der französischen Litteratur.

числять себя къ его друзьямъ. Я уполномоченъ Иваномъ Тургеневымъ сдѣлать слѣдующее разъясненіе. Ни въ 1871 г., ни въ какомъ-либо другомъ году своей жизни онъ не писалъ подобнаго письма, которое самымъ рѣзкимъ образомъ противорѣчило бы его настроенію. Если дѣйствительно что-либо подобное напечатано безъ всякаго вѣдома съ его стороны, то это—поддѣлка, и г. Тургеневъ оставляетъ за собой право дальнѣйшихъ дѣйствій въ случаѣ открытія мѣста напечатанія письма.—Юліанъ Шмидтъ.

Парижъ, 22 января 73 г.

Горячо благодарю вась за ваше письмо и за вырѣзку изъ „National-Zeitung". Теперь эта исторія представлена въ соотвѣтствующемъ освѣщеніи. Но я не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока не найду corpus delicti—если таковой дѣйствительно существуетъ.

Я радъ, что сцена убійства лошади понравилась вамъ [1]). Въ описаніи качествъ лошади—которое, конечно, черезчуръ длинно—я не имѣлъ намѣренія дать блестящую картину; я просто хотѣлъ перечислить всѣ добрыя свойства казацкаго коня, ихъ я прямо списалъ со словъ одного стараго казацкаго офицера. Это была излишняя тщательность. Вы совершенно правы въ томъ, что касается внѣшней оболочки матеріала. Тутъ я не всегда виноватъ—и теперь, кажется, я напалъ на хорошій, во всякомъ случаѣ широко захватывающій матеріалъ. Надо только еще съѣздить въ Россію и потомъ... Писаніе теперь не занимаетъ меня такъ, какъ прежде, особенно если приходится начинать издалека. Но надо заставлять себя.

„Vous me faites venir l'eau à la bouche", какъ говорятъ французы, тѣмъ, что вы хотѣли мнѣ сказать о нѣмецкомъ духѣ—и все-таки не сказали. Это должно произойти устно или письменно.

Не буду отрицать того, что я имѣлъ извѣстный зубъ противъ Германіи, когда писалъ „Вешнія Воды". Но это—ничто въ сравненіи съ той враждебностью, какую я не разъ чувствовалъ противъ Россіи и противъ Франціи. Вспомните строки въ „Призракахъ": тамъ была ненависть. По отношенію къ Швеціи, Даніи и Италіи я никогда не имѣлъ ни малѣйшей доли непріязни. Ни одинъ человѣкъ въ свѣтѣ не въ состояніи разубѣдить меня въ томъ, что я искренно люблю Германію.

Вы вполнѣ правы въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ

---

[1]) Рѣчь идетъ очевидно о „Концѣ Чертопханова".—*Прим. редакціи.*

послѣдней главѣ „Вешнихъ Водъ“. Это была слабость, дань морали, которую я счелъ себя обязаннымъ принести. Но, оказывается (это надо было предвидѣть заранѣе), я ничего этимъ не заплатилъ.

Парижъ, 23 февраля 73 г.

Вы можете мнѣ сдѣлать большое одолженіе: для этого потребуется полчаса времени и пять зильбергрошей. Дѣло въ томъ, что выходитъ второе изданіе „Отцовъ и Дѣтей“, и вотъ, я прочелъ книгу—переводъ—лишь теперь въ первый разъ. Несмотря на то, что я въ предисловіи съ неслыханнымъ энтузіазмомъ расхвалилъ переводъ, въ немъ попадаются совершенно недопустимыя неточности и сокращенія. Я исправилъ ихъ, но не вполнѣ увѣренъ въ томъ, что правильно выразился по-нѣмецки. Просмотрите книжку! Нѣтъ надобности, конечно, читать ее всю; останавливайтесь только на поправкахъ. Сдѣлавъ это, будьте добры отослать книгу со своимъ одобреніемъ въ Рудолштадтъ, „Fröbelsche Hofbuchdruckerei“ (тутъ-то приходитъ очередь пяти зильбергрошей). Я со своей стороны въ типографію уже писалъ. Примите заранѣе мою сердечнѣйшую благодарность!..

Моя подагра оставила меня, и я теперь работаю надъ однимъ (къ сожалѣнію, нѣсколько длиннымъ) романомъ, которымъ я намѣренъ закончить свою литературную карьеру.

9-го ноября этого года мнѣ стукнетъ 55 лѣтъ, тутъ ужъ надо кончить съ духовнымъ творчествомъ.

Парижъ, 3 марта 73 г.

Вы—любезнѣйшій человѣкъ, какой только существуетъ на свѣтѣ: примите мою искреннѣйшую благодарность.—Но вамъ не слѣдовало стѣсняться и разъ вы уже взялись за чтеніе, то надо было хорошенько исправлять, что̀ во всякомъ случаѣ привело бы къ лучшему результату. Ну, а теперь разберемъ ваши два сомнѣнія.

1) Русскіе крестьяне очень часто (либо изъ лѣни, либо изъ жалости къ животнымъ) ѣздятъ на разнузданныхъ лошадяхъ—желѣзныя удила висятъ подъ подбородкомъ и лошадь бѣжитъ motu proprio. Въ большихъ городахъ, какъ напримѣръ въ Петербургѣ, противъ этого возстаетъ полиція.

2) Конечно, выраженіе „tief bewegt“ здѣсь неумѣстно и невѣрно. Во французскомъ переводѣ сказано: „elle se sentit étrangement troublée“—вѣдь, въ тотъ моментъ, когда она смотритъ

на себя въ зеркало, ей хочется отдаться Базарову; это моментъ чувственной вспышки—этимъ только и объясняются послѣдующія слова: „Нѣтъ! Нѣтъ!“—Будьте такъ добры, пришлите мнѣ поскорѣе варіантъ, и я его моментально отправлю типографу. Ваши обѣ книги я жду съ нетерпѣніемъ, особенно исторію французской литературы.

Моя подагра оставила меня, но вотъ уже три дня сижу, не выходя изъ комнаты, съ совершенно неизлечимымъ гриппомъ. Терплю гомеопатическое леченіе, но безъ всякаго успѣха.

P. S. Отъ Пауля Гейзе получилъ я наконецъ очень милое и тонкое письмо. Онъ прислалъ мнѣ два томика избранныхъ иностранныхъ новеллъ съ моимъ „Фаустомъ“ и „Первой Любовью“. Онъ очень хвалитъ переводъ (какой-то дамы, Claire von Glümer) и критикуетъ авторизованный рижскій переводъ. Я заглянулъ мелькомъ въ „Первую Любовь“: очень мило.

Парижъ, 6 мая 73 г.

Съ мѣста въ карьеръ начинаю съ очень крупной просьбы. Дѣло вотъ въ чемъ: прочтя экземпляръ „Отцовъ и Дѣтей“, я думалъ, что новое изданіе въ Рудолштадтѣ будетъ напечатано очень скоро. Но корректурные листы я сталъ получать лишь теперь, а между тѣмъ черезъ двѣ недѣли я покидаю Парижъ: ѣду въ Баденъ, Цюрихъ, Вѣну, Маріен- или Карлсбадъ — гдѣ, скажите на милость, будутъ они меня ловить?—Вы уже догадываетесь, на что̀ я мѣчу: позволите ли вы, чтобы корректура посылалась вамъ? Это была бы огромная дружеская услуга! И, конечно, вы имѣли бы carte blanche—исправлять, что̀ найдете нужнымъ; но ради Бога отвѣтьте, не стѣсняясь. Если вамъ невозможно, то, вѣдь, можно печатать по *исправленному* экземпляру.

Все-таки переводы — вещь очень мудреная. У Claire von Glümer тоже попадаются непріятныя недоразумѣнія. Напримѣръ, въ „Первой Любви“ вмѣсто „старая княгиня“ написано „молодая“, что̀ переворачиваетъ всю исторію вверхъ дномъ. Конечно, это, въ сущности, пустякъ, но все-таки такіе пустяки сильно щиплютъ и колютъ бѣднаго автора.

Романа Пауля Гейзе я не читалъ, но вѣрю вамъ на̀ слово. При всѣхъ огромныхъ качествахъ нѣмцевъ, имъ не хватаетъ дара разсказчиковъ; романскіе народы имѣютъ его съ давняго времени — (Бокаччіо, Провансальцы и др.); мы, славяне, унаслѣдовали кое-что подобное отъ Востока (1001 ночь и т. п.)—

именно умѣнье выдвинуть сразу или по крайней мѣрѣ намѣтить мотивы...

Все это время я ничего не дѣлалъ. Многое мелькаетъ у меня въ головѣ, но надо раньше снова подышать русскимъ воздухомъ. Если кончу свою большую (увы, слишкомъ большую) повѣсть, то, надѣюсь, нѣкоторымъ фигурамъ въ ней придать нѣчто вродѣ Базаровской широты.

Все-таки мнѣ бы чрезвычайно хотѣлось еще хоть разъ поразвлечь васъ. Писать я перестану скоро,—это я чувствую хорошо, несмотря на всѣ ваши ободряющія слова.

Парижъ, 13 мая 73 г.

Вы — сама любезность! А я только что написалъ въ типографію съ строжайшимъ наказомъ относительно опечатокъ!

При семъ посылаю вамъ превосходную фотографію Карлейля. Черезъ нѣсколько дней вы получите пакетъ съ двѣнадцатью другими карточками, которыя я самъ выберу или стащу.

Буживаль, 29 августа 73 г.

Къ своему позору я такъ долго не отвѣчалъ на ваше письмо отъ 23-го іюня (!!!), что теперь даже не знаю — гдѣ вы находитесь. Но, конечно, не въ Берлинѣ? Письмо же все-таки посылаю туда, предполагая, что корреспонденцію пересылаютъ вамъ. Я, дѣйствительно, выдержалъ почти шесть недѣль въ Карлсбадѣ, уже мѣсяцъ какъ вернулся сюда и веду теперь растительно-животную жизнь на чистомъ воздухѣ, въ полномъ уединеніи, съ моими старыми друзьями—Віардо. Я положительно вошелъ во вкусъ ничегонедѣланія или вѣрнѣе неработанія и занятъ лишь тѣмъ, что читаю Виргилія, Овидія (не знаю самъ, почему я набрелъ на римлянъ), затѣмъ „Лаокоонъ“ Лессинга, біографію Джорджа Грота, написанную его женой нѣсколько смѣшно, но все же трогательно, и другіе подобные пустяки.

Скоро начнется охота, и если моя подагра, которая пока притаилась тихохонько, позволитъ, то попробую отправить на тотъ свѣтъ нѣсколько куропатокъ.

Парижъ, 4 апрѣля 74 г.

Пичъ, вѣроятно, говорилъ вамъ о томъ всепоглощающемъ раскаяніи, которое гложетъ меня изъ-за моей вины передъ вами. Теперь я хочу, во-первыхъ, еще разъ просить у васъ прощенія,

а во-вторыхъ рекомендовать вамъ горячо книгу моего друга Флобера: „La Tentation de St. Antoine“ (вы получите ее, либо уже получили). Надѣюсь, что это значительное произведеніе понравится вамъ и, кромѣ того, надѣюсь, что вы напишете о немъ статью. Не стану говорить о томъ, насколько важно было бы для автора сужденіе такого авторитетнаго человѣка, какъ вы. Сдѣлайте это, и я воздвигну вамъ въ своемъ сердцѣ цѣлый памятникъ съ благодарственнымъ алтаремъ посреди!

Долженъ сказать, что мнѣ книга Флобера чрезвычайно нравится—„abstraction faite de l'amitié“, какъ говорятъ французы.

Карлсбадъ, 15 августа 74 г.

Посылаю вамъ сегодня подъ бандеролью первый и четвертый томы романа Золà „Les Rougon Macquart“. Я получилъ ихъ только вчера. Второй томъ и третій я вамъ вышлю изъ Парижа, такъ какъ на дняхъ отправляюсь туда. Леченіе свое я прервалъ вслѣдствіе новаго приступа подагры (пишу вамъ въ постели), и потому хочу покончить со всей этой исторіей и вернуться домой; подагра, вѣроятно, и тамъ будетъ продолжать мучить меня, но за то я по крайней мѣрѣ буду дома.

Буживаль, 23-го сентября 1874 г.

Думается, что вы давно уже возвратились изъ Gross-Lengden'a; оттого пишу въ Берлинъ и вчера послалъ вамъ „Tentation de St. Antoine“ туда же. Мнѣ это время житья не было отъ проклятой подагры. Пришлось бросить карлсбадское леченье, и я пріѣхалъ сюда совсѣмъ больнымъ. Еще недѣлю назадъ я ходилъ съ костылями; теперь же наконецъ какъ будто наступило дѣйствительное улучшеніе—я даже начинаю уже подумывать объ охотѣ! Какова дерзость!..

Написалъ въ Лейпцигъ и жду съ нетерпѣніемъ 4-ой части вашихъ „Картинъ“. Это время я много читалъ вашу исторію французской литературы и многому изъ нея научился. Превосходная, основательная и живая книга!.. 15-го октября я перекочую въ Парижъ и думаю работать, если только удастся. Остальное все идетъ своимъ обычнымъ спокойнымъ ходомъ.

P. S. Скажите, что вы думаете о книгѣ Флобера? Боюсь, что она вамъ не понравилась.

Парижъ, 26 ноября 74 г.

За послѣднее время я многое получилъ и читалъ изъ вашихъ сочиненій: 1) ваши „Charakterbilder“, въ которыхъ вы

вспоминаете меня такъ лестно и тепло.... 2) статью о „св. Антоніи“ Флобера, и 3) вашъ этюдъ о г-жѣ Штейнъ—его прислалъ мнѣ другъ Пичъ — гдѣ вы, по обыкновенію, попадаете прямо въ цѣль. За все это приношу сердечную благодарность. Что же касается „Tentation“, то—къ сожалѣнію—вы правы и, долженъ признаться, что эта замѣчательная книга, въ сущности, дѣйствительно неудобо-читаемое, варварское произведеніе. Я не издалъ ничего новаго, иначе вы бы ужъ навѣрное получили его. У меня задумана большая работа; планъ представляется мнѣ удачнымъ, и мнѣ кажется, что у меня есть что̀ сказать и показать, но на бумагѣ это все еще не вытанцовывается. Съ корректированіемъ „Записокъ Охотника“ я наконецъ справился: это была трудная работа! Вы получите ихъ отъ издательства, но во всей книжкѣ только одинъ маленькій, незначительный очеркъ будетъ для васъ новъ.

Радуюсь, что вамъ нравится Зола̀. Его новый романъ—или собственно продолженіе его большой серіи—готовъ, но выйдетъ только въ февралѣ! Посылаю вамъ завтра романъ другого автора той же школы—только нѣсколько мягче и тоньше. Автора зовутъ Alphonse Daudet, а книгу: „Fromont jeune et Risler aîné“. Полагаю, она придется вамъ по вкусу.—Получилъ „Rundschau“ Роденберга. Между нами говоря, обѣ вещи—Ауэрбаха и Штторма—кажутся мнѣ очень слабыми. Пичъ восхищался „Waldinsel“; но вѣдь тамъ нѣтъ ни одного захватывающаго характера; психологическіе намеки не даютъ никакой перспективы, а поэзія—тускла; разсказъ Ауэрбаха ничтоженъ.

Парижъ, 16 декабря 74 г.

Посылаю вамъ маленькую вещицу, фельетонъ изъ „Temps“—новый отрывокъ изъ „Записокъ Охотника“. Правда, вы найдете его въ полномъ собраніи сочиненій, которое мой издатель пришлетъ вамъ, да и разсказъ не имѣетъ особыхъ достоинствъ, но такъ какъ у васъ есть все, что̀ моего выходитъ, то пусть и это будетъ пріобщено. Въ видѣ новогодняго подарка я бы хотѣлъ послать вамъ фотографіи французскихъ знаменитостей. Будьте добры, назовите, кого бы вы желали имѣть. Иначе, боюсь, что пошлю какъ разъ тѣхъ, которые у васъ имѣются...

Съ здоровьемъ моимъ теперь значительно лучше.

Парижъ, 13 февраля 75 г.

Очень радъ, что фотографіи понравились вамъ. Я бы послалъ вамъ карточки Флобера и Зола̀, но это вовсе не шуточное

дѣло. Оказывается, Флоберъ не снимался уже 15 лѣтъ, а Зола — вообще никогда. Онъ то, что французы называютъ „un sanglier“: сидитъ постоянно дома со своей женой, не носитъ перчатокъ, не имѣетъ фрака и обо всѣхъ маленькихъ тщеславныхъ пустячкахъ жизни—въ томъ числѣ и о фотографированіи—и слышать не хочетъ. Все-таки я еще не считаю дѣла потеряннымъ. Употреблю всю силу убѣжденія...

„Wiener Zeitung“ я получилъ 4 номера и покажу ихъ завтра Зола; ему порой достается немножко, но въ общемъ вы относитесь къ нему какъ къ крупной фигурѣ, а это—главное.

Знаете ли вы „Education sentimentale“ (страшно глупое заглавіе) Флобера? Думаю — врядъ ли. Это, быть можетъ, самое значительное, хотя и мало-симпатичное его произведеніе. Во Франціи оно провалилось—для французовъ оно оказалось слишкомъ горькой истиной. Вышло оно незадолго до войны и оказалось пророческимъ. Хотите ли, чтобы я прислалъ вамъ эту книгу?

Карлсбадъ, 9-го іюля 1875 г.

Эту записку передастъ вамъ Павелъ Писемскій, сынъ извѣстнаго писателя, автора „Тысяча Душъ“. Можетъ быть, онъ придетъ вмѣстѣ съ отцомъ, который, къ сожалѣнію, не говоритъ ни по-французски, ни по-нѣмецки; но вы, вѣроятно, съ интересомъ на него посмотрите, потому что онъ очень любопытный и оригинальный человѣкъ; какъ писателя же—вы его знаете!

Павелъ Писемскій остается въ Берлинѣ надолго; онъ — юристъ, очень хорошій, будущій профессоръ московскаго университета; второй годъ онъ уже находится въ заграничной научной командировкѣ отъ университета. Лично онъ тоже очень милый и симпатичный молодой человѣкъ; если бы вы пожелали быть ему какъ-нибудь полезнымъ, я былъ бы весьма благодаренъ вамъ.

Получилъ вашъ фельетонъ о романѣ Додэ и тотчасъ же отослалъ ему въ Парижъ. Фельетонъ, какъ и все, что вы пишете, глубоко-правдиво и справедливо.

Парижъ, 28 декабря 75 г.

Весь красный отъ стыда и отягощенный сознаніемъ своей вины, берусь за перо, чтобы пожелать вамъ счастья въ новомъ году: я такъ долго медлилъ своимъ отвѣтомъ!

Флоберовская „Education sentimentale“ будетъ отправлена

завтра въ Берлинъ. Моего ничего не выходило, иначе вы бы давно имѣли его у себя. Но скоро (въ февральскомъ номерѣ „Gegenwart") появится одинъ небольшой мой разсказъ, который рекомендую вашему вниманію. Твердо разсчитываю на ваше обѣщаніе прислать мнѣ ваши послѣднія вещи.

Здоровье мое сносно; за работу тоже взялся наконецъ. Посмотримъ, что̀ изъ этого выйдетъ!

P. S. Что̀ вы скажете о сенатскихъ выборахъ? Это великолѣпно! Такой „Semaine des Dupes" еще не бывало! Вотъ лакомый кусочекъ для будущаго историка-юриста!..

Парижъ, 27-го янв. 76 г.

Пользуюсь отъѣздомъ добраго знакомаго, чтобы переслать вамъ Флоберовскую „Education sentimentale". Вы получите ихъ, по всей вѣроятности, одновременно съ этимъ письмомъ. Это— не очень захватывающее чтеніе, но книга чрезвычайно значительная, и ея полное фіаско во Франціи—характерно. Французы не любятъ глотать такихъ горькихъ пилюль.

Моя новелла пойдетъ не въ „Gegenwart" (что̀ мнѣ въ сущности конфузно), а въ „Deutsche Rundschau". Это очень легкая вещь, и я обращаю на нее ваше вниманіе. Я оказался вѣроломнымъ и не сдержалъ обѣщанія, даннаго редакціи „Gegenwart". Богъ знаетъ, какъ это случилось! Редакція написала мнѣ уязвленное письмо; я извинился какъ могъ и предложилъ имъ въ замѣну другой разсказъ. Но они мрачно молчатъ.

У меня былъ приступъ подагры, но не особенно сильный. Все-таки сапогъ надѣть еще не могу. Есть ли у васъ новая книга Тэна („L'ancien régime")? Вы должны ее прочитать.

Парижъ, 24-го февраля 1876 г.

Вчера я по порученію А. Додэ отослалъ вамъ его новый романъ „Жакъ". Вчера же вернулся сюда изъ Петербурга мой русскій пріятель, которому я поручилъ доставить вамъ „Education sentimentale". Онъ увѣряетъ, что тотчасъ на вокзалѣ передалъ книги посыльному съ приказомъ немедленно отнести на Schillerstrasse № 14. Получили ли вы ихъ въ цѣлости?..

Что̀ вы скажете о новыхъ выборахъ? Республика есть республика, и Гамбетта — ея пророкъ. Въ Германіи (и у насъ также) ожидали Бонапартовской реставраціи. Этимъ теперь и не пахнетъ.

Парижъ, 25 марта 1876 г.

Rougon—это тотъ же Rouher, только шире и сильнѣе схваченный; сходство по существу лишь внѣшнее.

Клоринда — не Монтобанъ, а графиня Кастильоне; тутъ сходство прямо разительно. Главная ошибка этого замѣчательнаго романа — это мелкая провинціальная среда, окружающая Ругона. Для такого человѣка это все черезчуръ мелко; но Зола̀, къ сожалѣнію, недостаточно знаетъ большой свѣтъ и слишкомъ робокъ для того, чтобы изучить его какъ слѣдуетъ. Императоръ и императрица поразительно похожи. Сегодня посылаю вамъ „La faute de l'abbé Mouret". Начало и конецъ этой книги—быть можетъ, лучшее, что̀ написалъ Зола̀. Въ серединѣ, гдѣ онъ хочетъ изобразить уединеніе Paradou и принимаетъ ультра-поэтическій тонъ (довольно удивительный для реалиста)—Ахиллесова пята романа.

Буживаль, 6-го октября 76 г.

Пощады! Поща-а-а-ды! — пою я, какъ Алиса въ „Робертѣ Дьяволѣ". Я—преступникъ; да. Въ первый разъ я проѣхалъ Берлинъ, не останавливаясь. (Какъ смягчающее обстоятельство могу сказать, что я пріѣхалъ въ Берлинъ въ 11 часовъ вечера, а рано утромъ уже уѣхалъ дальше).

Я повторяю: пощады!—и надѣюсь на ваше великодушіе и доброту.

Въ этомъ году я былъ очень трудолюбивъ; я написалъ чудовищный (по величинѣ) романъ, съ перепиской котораго покончилъ только теперь. Рукопись будетъ отправлена черезъ недѣлю въ Петербургъ и появится въ январѣ въ одномъ журналѣ. Что касается перевода, то вопросъ о немъ еще не выясненъ.

Интересуетъ ли васъ поэтъ Леконтъ-де-Лиль? Если да, то я тотчасъ пришлю вамъ его книгу.

Парижъ, 24-го ноября 76 г.

Вотъ вамъ, милый другъ, фотографіи Додэ, Сандо, Скриба, Вельйо, Абу, Сарсэ. Если вы уже имѣете кого-нибудь изъ нихъ, то отошлите назадъ. Зола и Флобера вы получите позже — ихъ нелегко найти; Гонкура—тоже.

Свой чудовищный романъ я отослалъ въ Петербургъ только

вчера. Онъ появится въ началѣ февраля; будетъ, вѣроятно, переведенъ и на нѣмецкій языкъ.

Одинъ Богъ знаетъ, какъ я его написалъ — худо ли, хорошо ли; мнѣ это менѣе ясно, чѣмъ обыкновенно.

Разсудитъ публика, если не будетъ войны. Если же начнется война, то моя работа пропадетъ въ общемъ потокѣ.

Парижъ, 13-го февраля 77 г.

Вотъ вамъ, наконецъ, фотографія Зола — похоже, но слишкомъ свѣтло въ цвѣтѣ и выраженіи. У него совсѣмъ черные волосы, а здѣсь онъ выглядитъ почти блондиномъ. Всей своей фигурой онъ напоминаетъ умнаго, нѣсколько неуклюжаго и мѣшковатаго парижскаго ouvrier. Его книга (которую вы, надѣюсь, получили?) производитъ здѣсь необычайный фуроръ. За три недѣли уже 13-ое изданіе! Мнѣ любопытно, что̀ вы объ этомъ думаете.

Парижъ, 30-го марта 77 г.

Посылаю вамъ свой романъ во французскомъ (превосходномъ) переводѣ. Нѣмецкій (въ „St.-Petersburger Zeitung"), хотя и авторизованъ, кишитъ ошибками. Многое тамъ и вовсе вывернуто наизнанку. Всюду общія мѣста; описанія природы всѣ пошли къ чорту и не даютъ никакой картины. Сравните, напр., начало XXI-ой главы, гдѣ Маркеловъ и Неждановъ ночью выѣзжаютъ изъ города. Нѣмецкій текстъ здѣсь—прямо *пакость*, которая никому не можетъ дать никакой связной картины.

Парижъ, 25-го апрѣля 77 г.

Пройдетъ какихъ-нибудь десять дней и я буду сидѣть у васъ и болтать, болтать безъ конца. Сегодня же хочу вамъ только сказать, что я получилъ „Wiener Blatt" и „Im neuen Reich", и статью о Зола немедленно перевелъ ему. Уколы онъ почувствовалъ, но такъ какъ вы говорите о „восхищеніи" и о „крупномъ талантѣ", то все обстоитъ благополучно. — Вашъ критическій отзывъ о моей „Нови" справедливъ настолько же, насколько и любезенъ. Мы поговоримъ объ этомъ подробнѣе; пока же мнѣ хочется упомянуть только объ одномъ: работая надъ этой книгой, я былъ несвободенъ; она должна была появиться въ Россіи, и потому мнѣ приходилось считаться съ раз-

ными обстоятельствами, и это связывало меня (чего раньше никогда не бывало).

Даже въ теперешнемъ своемъ видѣ книга едва не подверглась сожженію (большинство цензурнаго комитета высказалось за это), и только предсѣдатель его, министръ внутреннихъ дѣлъ, спасъ книгу. Спасибо дипломатіи издателя, который, несмотря на мое нежеланіе, изъ осторожности раздѣлилъ романъ на двѣ части: настоящій ядъ заключается, собственно, во второй, а такъ все и проскользнуло. Не хотѣли поднимать скандала. Министръ заявилъ, что прочитай онъ раньше сразу всю книгу, то безъ сомнѣнія запретилъ бы ее, но теперь и т. д. Но сейчасъ книга представляется точно чѣмъ-то изъ „histoire ancienne“: до того мелкимъ и незначительнымъ кажется все именно теперь, когда мы стоимъ на порогѣ огромныхъ событій.

Парижъ, 13-го февраля 78 г.

Моя неаккуратность безстыдна и неисправима—прошу прощенія. Можетъ быть, справки эти придутъ къ вамъ слишкомъ поздно, но я все-таки посылаю ихъ: Gustave Flaubert родился въ 1821 г., 12-го декабря, въ Руанѣ; Emile Zola—1840 г., 2-го апрѣля, въ Парижѣ; Alphonse Daudet—1840, 13 мая, въ Нимѣ; Edmond de Goncourt, 1822 году, 26-го мая, въ Нанси: даты я узналъ отъ нихъ самихъ. Единственная фотографія Флобера имѣется въ единственномъ экземплярѣ: онъ подарилъ мнѣ ее, и я не могу отдать ее вамъ. Говорятъ, что въ молодости онъ былъ очень красивъ. Теперь онъ толстъ, совершенно лысъ, лицо красное. У него много сходства съ Фредерикомъ Леметромъ—знаменитымъ артистомъ, карточка котораго у васъ, конечно, есть?

Послалъ ли я вамъ „Набоба“? На всякій случай препровождаю экземпляръ. Если у васъ уже одинъ имѣется, подарите этотъ кому-нибудь.

Буживаль, 13-го октября 1878 г.

Вы, вѣроятно, изрядно выбранили меня, когда узнали, что я на обратномъ пути не остановился въ Берлинѣ—и были вполнѣ правы. Могу только сказать, что я былъ вынужденъ къ этому. Въ видѣ доказательства моего раскаянія посылаю вамъ съ сегодняшней почтой: 1) „Набоба“ (наконецъ!) и 2) „La chanson des Gueux“ Ришпена. Это удивительный поэтъ—и какой поэтъ! Нѣкоторыя вещи вы едва ли поймете, такъ какъ написаны

онѣ на парижскомъ argot (многіе французы его вовсе не понимаютъ). Но нѣкоторыя, какъ напримѣръ „Le banc aux enfants“ — классически прекрасныя вещи. Въ качествѣ особенно смѣлыхъ и сильныхъ произведеній рекомендую вамъ „Fleurs de boisson“ (стр. 173). Тутъ изъ каждой строки глядитъ на васъ такой брызжущій сангвиническій темпераментъ, который въ наше блѣдное и рефлективно-немощное время дѣйствуетъ положительно благотворно. Къ сожалѣнію, Ришпенъ—завзятый пьяница.

Въ надеждѣ, что смягчилъ васъ немного этими маленькими дарами, восклицаю: простите, простите!

Петербургъ, $^{25}/_{13}$ мая 81 г.

Черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда сюда я подпалъ подъ власть своего злѣйшаго врага—подагры, лежу въ постели и совершенно не знаю, когда возможно будетъ продолжать путешествіе. Все это случилось весьма некстати, по многимъ причинамъ, которыя вамъ нетрудно отгадать.

Здѣсь дѣло обстоитъ скверно—такъ же, какъ съ моей ногой—и будущее представляется мрачнымъ. Но объ этомъ нужно либо долго говорить, либо ничего. Я предпочитаю второе.

Москва, 24-го іюня 81 г.

Вчера послалъ вамъ два экземпляра послѣдняго томика моихъ сочиненій—одинъ для васъ, другой для Пича. Вся книга напичкана любовью и всѣмъ, что съ нею связано.

Мой постоянный адресъ въ Россіи: С.-Петербургъ, Галерная 20, Редакція „Вѣстника Европы“. — Ив. Тургеневъ.

„ПѢСНЯ ПѢСНЕЙ“

Романъ Г. Зудермана.

Hermann Sudermann. „Das Hohe Lied“. Roman. 1908.

XIV *).

Не остановившись въ Берлинѣ, полковникъ со своей молодой женой проѣхали въ Дрезденъ и поселились въ роскошномъ помѣщеніи лучшей гостинницы. Полковникъ восхищался своей молодой, красивой женой. Онъ изучилъ на своемъ вѣку самые различные типы женщинъ—и все же его поражала сложность нѣжной Лилли. Такой преданности и такой гордости, такой нѣжности и страстности, такого яснаго ума и дѣтскаго сердца онъ никогда еще въ жизни не встрѣчалъ. Мечтательно смѣющееся невинное личико Лилли умиляло его. Въ особенности поражала его ея непритязательность. Лилли всегда выбирала самыя скромныя кушанья въ ресторанѣ, восхищалась каждымъ подаркомъ. Ему даже иногда приходило въ голову, что она притворяется. Но когда онъ спросилъ, не играетъ ли она комедію съ нимъ, она наивно отвѣтила, что даже никогда не видѣла комедіи, такъ какъ не была въ театрѣ со времени исчезновенія ея отца.

Тогда онъ въ тотъ же день, къ несказанной радости Лилли, взялъ ложу на вечернее представленіе. Она была только смущена требованіемъ надѣть декольтированное платье, такъ какъ не понимала, почему нужно обнажать шею и плечи, отправляясь смотрѣть „Зимнюю сказку“ Шекспира.

---

*) См. февраль, 743.

Красота Лилли въ ея изящномъ, богатомъ нарядѣ вызвала сенсацію, когда они появились въ ложѣ. Полковникъ былъ польщенъ успѣхомъ своей жены. Лилли оцѣпенѣла подъ устремленными на нее взорами и пришла въ себя только когда въ залѣ стало темно и поднялся занавѣсъ. Сцена всецѣло поглотила ея вниманіе. Она какъ бы раздвоилась: во время игры душа ея уносилась въ міръ, созданный поэтомъ, а въ антрактахъ она дѣлала условные жесты какъ заведенная кукла, и въ то же время въ ней поднималось сладостное опьяненіе успѣхомъ.

Послѣ театра полковникъ, желая продлить свое торжество, повелъ жену ужинать въ ресторанъ ихъ отеля. Въ роскошной, ярко освѣщенной залѣ всѣ взоры опять устремились на молодую красавицу и ея изящнаго стараго спутника. Подъ звуки цыганскаго оркестра Лилли вышла изъ охватившаго ее оцѣпенѣнія и сама какъ-то поддалась общему возбужденію. Она сидѣла съ пылающими щеками и затуманенными глазами. Когда какой-то молодой блондинъ сталъ слишкомъ пламенно и дерзко глядѣть на нее, странно волнуя ее своей настойчивостью, полковникъ слегка нахмурился, сказалъ: „пора идти спать", и увелъ ее.

У себя въ комнатѣ онъ снова почувствовалъ спокойную гордость обладанія; она сняла уборы, предназначенные для чужихъ глазъ, и онъ долго любовался ея юною красотою. Она по его просьбѣ танцовала и принимала разныя пластичныя позы; послѣ новыхъ ощущеній, послѣ театра и цыганской музыки, она была вся какая-то особенная и приводила его въ восторгъ.

Съ этого дня полковникъ постоянно спускался съ Лилли въ ресторанъ отеля къ обѣду и ужину, наслаждаясь общимъ восторженнымъ вниманіемъ къ его молодой женѣ. Лилли тоже съ какой-то непонятной для нея радостью воспринимала восхищенные взгляды, не чувствуя однако никогда желанія отвѣтить на нихъ. Всѣ эти влюбленные люди были для нея статистами, нужными ей какъ свѣчи на столѣ, какъ звуки, какъ цвѣты, украшающіе бѣлую скатерть, какъ тонкій дымъ папиросъ. Но однажды, когда она шла подъ-руку съ мужемъ по улицѣ, взглядъ чьихъ-то темныхъ, страстно устремленныхъ на нее глазъ проникъ ей въ самое сердце. Ей хотѣлось броситься за незнакомцемъ, взглянувшемъ на нее, и спросить: кто ты? Ты любишь меня? Хочешь, чтобы я тебя полюбила?

Она имѣла неосторожность повернуться къ нему — правда, на одну секунду. Но мужъ замѣтилъ ея движеніе и глаза его тревожно сверкнули.

Для Лилли эта встрѣча сдѣлалась началомъ безконечнаго

ряда другихъ. Поразившаго ее человѣка она больше не встрѣчала, какъ ни высматривала его. Но его замѣнили многіе другіе. Стоило ей увидѣть издали молодого человѣка, какъ она сейчасъ же думала о томъ, взглянетъ ли онъ на нее; если ихъ взоры встрѣчались, она чувствовала какъ бы уколъ въ сердце и думала: вотъ онъ тебѣ больше пара, чѣмъ старикъ, съ которымъ ты идешь подъ-руку... И каждый разъ ей становилось грустно при этой мысли.

Появляясь въ ресторанѣ, на Брюлевской террасѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ собиралась изящная публика, Лилли уже стала вести себя иначе, отвѣчала на восторженные взгляды благодарнымъ выраженіемъ глазъ, а женщинамъ смотрѣла прямо въ лицо. Ее терзало желаніе глубоко погрузить свой взоръ въ глаза того, кто взглянетъ ей въ лицо смѣло и открыто. Она чувствовала душевный голодъ. Она голодала—какъ никогда въ жизни.

Полковникъ видимо не замѣчалъ того, что̀ въ ней происходило, но велъ упорную борьбу со всѣми, кто осаждалъ Лилли взглядами. Если кто-нибудь слишкомъ восторженно глядѣлъ на Лилли, полковникъ заставлялъ его опустить глаза, грозно смотря на него. Если чужой взглядъ не поддавался его угрозѣ или даже дерзко отвѣчалъ ему, глядя на него въ упоръ онъ приходилъ въ волненіе и большею частью предлагалъ женѣ уйти.

И все же онъ слишкомъ привыкъ къ шуму и блеску вокругъ себя, и не рѣшался жить въ полномъ уединеніи со своей молодой женой. Онъ только сдѣлался еще болѣе недовѣрчивымъ и наконецъ обратилъ свои подозрѣнія даже на Лилли. Онъ вскорѣ запретилъ ей ходить по утрамъ въ церковь, что̀ вошло у нея въ привычку послѣ перваго утра въ Дрезденѣ. Она любила эти утреннія одинокія прогулки, для которыхъ церковь была только предлогомъ. Она только заходила туда на минуту и окропляла себя святой водой, а иногда даже проходила мимо, безконечно радуясь единственному въ теченіе дня часу безграничной свободы. Она проходила черезъ мостъ и шла вдоль берега, большею частью быстрымъ шагомъ, накапливая впечатлѣнія передъ тѣмъ, какъ вернуться къ мужу. Все ей было радостно въ этотъ часъ: утренній туманъ на холмахъ, звонъ колоколовъ стараго города, шумъ рынка, ѣзда трамвая.

И всему этому пришелъ конецъ. Передъ нею съ шумомъ закрылась дверь, черезъ которую она на одинъ часъ могла убѣгать изъ своей тюрьмы. Но она была такая кроткая, что даже

не роптала, а просто подчинилась желанію мужа. И въ душѣ ея было столько любви, что она сдѣлалась вдвое нѣжнѣе съ нимъ, совершенно инстинктивно, даже когда она думала не о немъ, когда предавалась мечтаніямъ. Она была его рабой, его игрушкой, ухаживала за нимъ, одѣвала его, восторгалась его красотой, натирала ему больную ногу, давала ему его привычныя лекарства, помогала ему совѣтами, когда онъ красилъ усы, и продѣлывала все это съ наивной преданностью и твердостью, точно уходъ за больнымъ и старымъ мужемъ сдѣлался цѣлью ея жизни. При этомъ, конечно, все его прежнее обаяніе совершенно исчезло. Они видѣла передъ собой только благороднаго, но капризнаго, умнаго, но тщеславнаго, духовно лѣниваго, грубаго при всей своей свѣтскости и несмотря на свою страстность полуразрушеннаго старика.

Лилли не питала къ нему ненависти или презрѣнія, такъ какъ не могла ясно оформить свое пониманіе мужа. Но образъ его, создавшійся въ ея воображеніи, поблѣднѣлъ и въ ней осталась только жалость къ нему. Она сильно страдала отъ душевнаго голода. Жадными глазами читала она каждое утро афиши, тщетно мечтая о посѣщеніи театра и концертовъ. Полковникъ отвыкъ отъ искусства за время гарнизонной жизни. То, что ему нравилось въ кафэ-шантанахъ, а также крикливые эффекты феерій, зрѣлища физической силы, — все это было противно Лилли. А на Шекспира и Вагнера его нельзя было, по его собственнымъ словамъ, затащить десятью лошадьми. Въ особенности же онъ ни за что бы не пошелъ туда, куда больше всего тянуло Лилли: въ концертъ. Однажды, когда объявлена была любимая симфонія Лилли, та, съ которой ее соединяли тысячи дѣтскихъ воспоминаній, она даже заплакала у себя въ комнатѣ отъ желанія послушать ее. Тогда мужъ ея со смѣхомъ согласился принести ей жертву и отправился съ ней въ концертъ. Но въ то время какъ она вся дрожала отъ волненія, онъ напѣвалъ запомнившійся ему мотивъ и совершенно не понималъ, что въ душѣ ея пѣли нѣжные напѣвы скрипки и грустное andante. Лилли чувствовала себя истинно несчастной, когда вышла изъ концертной залы подъ-руку съ зѣвающимъ мужемъ.

Слишкомъ сильна была въ ней, однако, радость жизни и вѣра въ солнечность человѣческаго существованія—и она преодолѣла свое горе. Къ тому же пришла радость, наново ее окрылившая и преисполнившая самыхъ смѣлыхъ надеждъ.

Рѣшено было, что они проведутъ время до начала мая въ Дрезденѣ и еще въ какомъ-нибудь большомъ городѣ, а потомъ

поселятся въ замкѣ Лишницѣ, гдѣ, какъ всегда въ отсутствіе хозяина, управляла домомъ фрейлейнъ фонъ-Швертфегеръ. Но однажды Лилли, разсказывая мужу о своей прежней жизни, вспомнила сначала о Фрицѣ Редлихѣ, предметѣ ея первой любви, а потомъ о чахоточномъ учителѣ. Она стала говорить о томъ, какъ несчастный больной зажегъ своими разсказами въ ея сердцѣ страстное желаніе поѣхать въ Италію. У нея разгорѣлись щеки отъ одного воспоминанія и, полузакрывъ глаза, она мечтала вслухъ, почти забывая о присутствіи мужа.

Вдругъ онъ предложилъ ей: „Хочешь, поѣдемъ въ Италію?“ и прибавилъ, что можно легко, въ одинъ день, доѣхать до Милана или Вероны.

Она бросилась ему на шею отъ радости, и съ этого дня жизнь ея превратилась въ непрерывную смѣну надежды и страха; мечтая объ Италіи, она все боялась, какъ бы что-нибудь не помѣшало имъ ѣхать. Полковникъ нѣсколько опасался утомительности такого путешествія и сталъ было придумывать разные предлоги, чтобы уклониться отъ него. Но вскорѣ случилось нѣчто, ускорившее отъѣздъ.

Уже нѣсколько дней Лилли преслѣдовалъ высокій молодой блондинъ, оказавшійся англійскимъ туристомъ. У него были спокойныя аристократическія манеры, и онъ совершенно не обращалъ вниманія на грозные взгляды полковника. Въ первый разъ Лилли видѣла своего мужа въ такомъ волненіи. Онъ грозилъ дать пощечину наглецу, собирался вызвать его на дуэль, нарочно представился ему при встрѣчѣ на улицѣ и передалъ ему свою визитную карточку. Англичанинъ взялъ карточку, сталъ съ тѣхъ поръ раскланиваться съ Лилли и ея мужемъ, но попрежнему упорно и дерзко разглядывалъ Лилли при встрѣчахъ. Полковникъ рѣшилъ немедленно уѣхать.

Они остановились на нѣсколько дней въ Мюнхенѣ. И тамъ полковникъ продолжалъ нервничать, не выносилъ любопытствующихъ взглядовъ на жену и сталъ упрекать Лилли въ неумѣньѣ держать себя. Она не обращала вниманія на его упреки, поглощенная мыслями объ Италіи. Она уже въ мечтахъ дышала воздухомъ страны чудесъ. Еще одна ночь въ пути, потомъ короткая остановка въ Боценѣ, и она будетъ въ раю. Ничто уже не можетъ помѣшать. . . . .

Они выѣхали изъ Мюнхена съ ночнымъ экспрессомъ, и должны были на разсвѣтѣ переѣхать черезъ Бреннеръ. Лилли и ея мужъ заняли мѣста у окна; около полковника сѣлъ молодой человѣкъ, читавшій итальянскую книгу. Значитъ, онъ итальянецъ, посолъ

изъ рая, куда она мчится—подумала Лилли и уже почувствовала симпатію къ незнакомцу. Она стала изъ-подъ полуопущенныхъ вѣкъ разсматривать спутника, и ей понравилось его строго очерченное гордое лицо съ маленькой темной бородкой, а также его мягкія, округленныя, почти женственныя движенія. Глазъ его, опущенныхъ на книгу, она не видѣла, но замѣтила еще изысканность его костюма. Почему-то она стала его бояться.

На австрійской границѣ, когда таможенные надсмотрщики вошли въ купэ, онъ сказалъ нѣсколько словъ на иностранномъ языкѣ, и они почтительно отступили отъ него. При этомъ онъ поднялъ глаза, и въ то время какъ полковникъ открывалъ свой сакъ-вояжъ, онъ на одну секунду какъ бы случайно остановилъ взглядъ на Лилли. Взглядъ его сверкнулъ какъ черный алмазъ и былъ нѣжный и пытливый. Черезъ секунду онъ снова опустилъ глаза на книгу, какъ бы не замѣчая Лилли.

Но за то мужъ Лилли сталъ разглядывать ее съ бдительнымъ лукавствомъ, точно найдя въ ея лицѣ то, чего онъ давно искалъ. Когда поѣздъ снова двинулся въ путь, онъ заявилъ, что хочетъ спать, и вытянулся на диванѣ, вслѣдствіе чего незнакомецъ передвинулся на другое мѣсто и оказался сидящимъ противъ Лилли.

Лилли не обращала вниманія на мужа, занятая тѣмъ, чтобы избѣжать пугавшихъ ее взглядовъ незнакомца. Она уткнулась въ уголъ и стала глядѣть въ темное окно, въ которомъ отражалась внутренность вагона. Она увидѣла длинныя черныя рѣсницы незнакомца, нѣжныя линіи его лица. Вдругъ онъ поднялъ на нее глаза, и опять ее взволновалъ и испугалъ черный ласкающій блескъ его взгляда. Онъ же только улыбнулся и продолжалъ читать. Потомъ вдругъ она почувствовала тихое, нѣжное прикосновеніе къ лѣвой ногѣ. Рѣзко выдернуть ногу она не рѣшалась, чтобы не разбудить полковника, и тихо отставила ногу, послѣ нѣкотораго колебанія, которое, какъ ей казалось, дѣлало ее его преступной сообщницей. Она почувствовала себя опозоренной навѣки и даже не сердилась на незнакомца, сознавая въ глубинѣ сердца, что его дерзость соотвѣтствовала ея желаніямъ. Она задыхалась отъ муки, а онъ спокойно продолжалъ читать, точно ничего не случилось.

Когда Лилли очнулась отъ полузабытья въ сѣромъ утреннемъ полусвѣтѣ, незнакомецъ лежалъ и спалъ противъ нея на диванѣ, раскинувшись, съ вздутымъ и блѣднымъ женственнымъ лицомъ. Онъ показался ей отвратительнымъ. Взглянувъ далѣе вглубь, она увидѣла широко раскрытые глаза своего мужа, упорно и укоризненно глядѣвшіе на нее.

— Ты не спишь?—спросила она съ виноватой улыбкой.

— Я все время не спалъ,—отвѣтилъ онъ, и въ словахъ его слышались обвиненіе и приговоръ. Они не произнесли ни слова въ теченіе дальнѣйшаго пути; на незнакомца она не обращала никакого вниманія.

Когда они остановились въ Боценѣ, полковникъ зашелъ въ комнату Лилли и сказалъ ей: „Милое дитя, мнѣ не нравится твое поведеніе. На тебя слишкомъ обращаютъ вниманіе. На сколько этому виной твоя внѣшность и твои манеры, насколько виноватъ я своимъ стариковскимъ видомъ—объ этомъ я не стану разсуждать. Упрекать тебя я тоже не буду. Нельзя требовать сдержанности и такта свѣтской дамы отъ той, которая еще три мѣсяца тому назадъ стояла за прилавкомъ. Тебѣ нужно еще пройти долгую школу... Обученіе твое я могу спокойно поручить фрейлейнъ фонъ-Швертфегеръ... Ну, а теперь мы прежде всего вернемся съ дневнымъ экспрессомъ въ Германію. Послѣзавтра вечеромъ—а можетъ быть даже утромъ—мы уже будемъ у себя въ имѣніи.

Лилли даже не огорчилась — до того она чувствовала себя униженной и раздавленной.

XV.

Въ ночь съ субботы на воскресенье они прибыли въ Лишницъ. Полковникъ запретилъ всякіе торжественные пріемы; ихъ встрѣтили только нѣсколько служанокъ со свѣчами на широкой, украшенной гирляндами лѣстницѣ, и высокая, чрезмѣрно тонкая женщина, съ вѣнцомъ блѣдно-рыжихъ съ просѣдью волосъ, обвила руки вокругъ шеи Лилли, произнося жалобнымъ голосомъ слова материнскаго привѣтствія. Умирая отъ усталости, Лилли опустилась на пышную бѣлую постель съ голубыми бантами и сейчасъ же заснула.

Она проснулась, когда полоса свѣта пробивалась сквозь тяжелыя занавѣси, освѣщая комнату, всю бѣлую, съ шелковыми обоями и лакированными панелями, съ золотистымъ пушистымъ ковромъ на полу.

Лилли вскочила, радостно ступила на коверъ и подбѣжала къ спальнѣ полковника, рядомъ съ ея комнатой. Осторожно открывъ дверь, она заглянула къ мужу. Занавѣси на окнахъ были слегка отдернуты. Смятая постель была пуста. На стѣнахъ висѣли портреты лошадей, повсюду разбросаны были хлысты

и пистолеты, нѣсколько мундировъ. Что-то чужое и грозное почудилось ей въ этой холодной комнатѣ, и она быстро убѣжала въ свое шелковое царство. Въ ея спальнѣ были еще двѣ двери. Въ одну, выходившую въ корридоръ, ее ввела наканунѣ фрейленъ Швертфегеръ, говорившая съ нею ласковымъ и льстивымъ тономъ, которымъ однако не смогла побѣдить инстинктивное недовѣріе Лилли. И теперь воспоминаніе объ этой женщинѣ будило въ ней мучительное чувство осиротѣлости среди свѣтлаго рая, куда она попала.

Подбѣжавъ къ третьей двери и открывъ ее, Лилли очутилась въ узкой, залитой солнцемъ комнатѣ; высокія розовыя азаліи свѣшивались на кушетку. Въ одномъ углу стоялъ очаровательный маленькій письменный столъ съ инкрустаціями изъ перламутра. Но самое красивое былъ туалетъ, весь въ бѣлыхъ кружевахъ, съ толстымъ хрустальнымъ зеркаломъ, изъ трехъ створокъ; въ него можно было видѣть себя со всѣхъ сторонъ. О такомъ зеркалѣ Лилли давно мечтала, не рѣшаясь высказать свое желаніе. Передъ зеркаломъ разложены были всевозможныя туалетныя принадлежности изъ слоновой кости и черепахи. Назначенія многихъ изъ этихъ предметовъ Лилли даже не знала; она понимала, что нуженъ долгій опытъ, чтобы научиться пользоваться ими. И на каждомъ предметѣ въ отдѣльности красовались ея иниціалы подъ короной о семи зубцахъ.

Все это было упоительно красиво. Налюбовавшись каждымъ предметомъ въ отдѣльности, Лилли продолжала осмотръ своихъ новыхъ владѣній. Черезъ большую стеклянную дверь она вышла на балконъ, гдѣ стояла качалка; высокая рѣшетка балкона обвита была дикимъ виноградомъ. Лѣтомъ густая зелень превращала, вѣроятно, рѣшетку балкона въ зеленую стѣну. Но теперь, ранней весной, можно было видѣть съ балкона все, что дѣлалось внизу.

Лилли осторожно выглянула изъ стеклянной двери. Слѣва видны были за стѣной сада конюшни и амбары, а справа виднѣлись гигантскія деревья, сплетенныя между собой и усѣянныя блѣдными первыми листиками. Птицы оглушительно пѣли въ вѣтвяхъ.

Прямо передъ балкономъ, шагахъ въ тридцати, была крыша стариннаго одноэтажнаго строенія, граничившаго со стѣною парка; фасадъ строенія выходилъ во дворъ. Тамъ стояли два человѣка — одинъ съ сѣдой круглой бородой, другой толстый, съ багровымъ цвѣтомъ лица, среднихъ лѣтъ. Они курили и оживленно разговаривали, гуляя взадъ и впередъ передъ домомъ, въ то время какъ третій... Но что же это такое? Стройный молодой

человѣкъ съ высокимъ воротникомъ и въ свѣтло-желтыхъ гамашахъ, тотъ, который сидитъ на подоконникѣ одноэтажнаго дома и посадилъ къ себѣ на колѣни рыжаго щенка, вѣдь это — какъ странно! — это Вальтеръ фонъ-Прель, ея веселый пріятель, маленькій лейтенантъ, прославленный отсутствіемъ всякихъ нравственныхъ устоевъ и единственный въ мірѣ человѣкъ, поцѣловавшій ее въ губы. Конечно, кромѣ полковника. Но полковникъ—не въ счетъ.

Это его свѣтло-серебристыя рѣсницы, его звенящій браслетъ и свѣтлый, беззвучный смѣхъ. Только не было коротко остриженныхъ желтоватыхъ бархатистыхъ волосъ: они уступили мѣсто припомаженной и слегка косматой шевелюрѣ.

Она со свѣтлымъ смѣхомъ протянула къ нему руки и хотѣла его подозвать, но во-время опомнилась. Во всякомъ случаѣ она уже не одна среди чужихъ. Съ ней ея товарищъ, тотъ, которому она обязана счастьемъ своей жизни.

Теперь только она вспомнила его слова о томъ, что полковникъ звалъ его къ себѣ. Странно только, что въ теченіе всѣхъ этихъ мѣсяцевъ полковникъ ни разу не упомянулъ о немъ. Впрочемъ, онъ вообще мало говорилъ о своемъ имѣніи. О фрейлейнъ Швертфегеръ онъ упоминалъ только когда читалъ наставленія молодой женѣ. Знаетъ ли онъ, что ее открылъ именно Вальтеръ фонъ-Прель? Во всякомъ случаѣ она разскажетъ полковнику и Швертфегеръ, что встрѣтила стараго знакомаго. О поцѣлуяхъ, конечно, упоминать не слѣдуетъ. Кому до этого дѣло?

Когда Лилли вернулась въ спальню, къ ней постучались въ дверь. Три короткихъ торопливыхъ стука, отъ которыхъ ее всю пронизывало холодомъ. Вошла Швертфегеръ, поцѣловала ее въ лобъ и нѣжно погладила по щекѣ. Но взглядъ ея свѣтло-голубыхъ глазъ безмолвно скользилъ по Лилли и въ углахъ суроваго рта мелькала затаенно-злая улыбка. Она принесла Лилли платье и предложила ей одѣться, такъ какъ въ деревнѣ не принято долго ходить въ нэглижè.

— Къ тому же мы послѣ чая сдѣлаемъ обходъ помѣстья, чтобы вы со всѣмъ познакомились,—сказала она.

— А я буду хозяйничать сама?—спросила Лилли.

— Если сможете—конечно,—сказала Швертфегеръ, закусывая губы.

Лилли почувствовала, что своимъ невиннымъ вопросомъ задѣваетъ чьи-то права, и быстро пояснила, что проситъ только того, что ей разрѣшатъ.

Швертфегеръ прервала ее, говоря, что она хозяйка въ домѣ и должна только обрѣсти опытъ, чтобы быть на высотѣ своего положенія.

У Лилли подступали слезы къ горлу. Она опять почувствовала себя беззащитной и стала искренно просить Швертфегеръ, чтобы та не относилась къ ней враждебно. Видно было по внезапно вспыхнувшему выраженію полуопущенныхъ глазъ, что наивность Лилли растрогала Швертфегеръ. На минуту она устремила глаза вдаль, и Лилли увидѣла благородный, смѣлый, точно высѣченный изъ мрамора профиль, принадлежавшій, казалось, совсѣмъ другой женщинѣ. Швертфегеръ обняла Лилли своими длинными руками гораздо теплѣе и искреннѣе, чѣмъ за все время съ минуты пріѣзда, проговорила: „Вы дѣйствительно милый ребенокъ!“ и вышла.

Полчаса спустя Лилли вошла, одѣвшись, въ столовую, гдѣ старый слуга Фердинандъ накрывалъ къ завтраку. Полковникъ вернулся послѣ утренней верховой ѣзды. Глаза его блестѣли. Вся его фигура имѣла молодцоватый видъ; онъ казался грознымъ и добрымъ, какъ состарившійся благородный воинъ. Лилли бросилась ему въ объятія, и онъ спросилъ ее:

— Ну, что же, нравится тебѣ—у тебя?

За это „у тебя“ она поцѣловала ему руку.

Столовая была большая и сводчатая, со старинной рѣзной мебелью, съ тремя большими сводчатыми окнами. Терраса, на которую выходила столовая, вела къ лѣстницѣ, спускавшейся въ паркъ, солнечные лучи сплетались съ распускающейся зеленью въ золотистую сѣть.

За завтракомъ говорилось о томъ, что молодая хозяйка должна произвести осмотръ своихъ новыхъ владѣній и познакомиться со своими подчиненными. Весь высшій штатъ предполагалось пригласить къ обѣду; по воскресеньямъ инспектора и управляющій всегда обѣдали съ хозяевами.

— Самый младшій изъ моихъ служащихъ—сказалъ полковникъ—мой бывшій офицеръ, нѣкій фонъ-Прель. — Онъ остановился, взглянулъ на Лилли, потомъ, успокоясь, прибавилъ:—онъ вышелъ въ отставку еще до меня, и теперь учится у меня сельскому хозяйству.

Вотъ въ эту минуту какъ разъ и слѣдовало сказать о знакомствѣ съ Прелемъ, но у Лилли почему-то застряли слова въ горлѣ; она почувствовала, что возбудила бы подозрѣнія спутанностью своихъ объясненій. И безъ того большіе блѣдные глаза Швертфегеръ испытующе глядѣли на нее. Лилли поняла, что

полковникъ не зналъ о ея знакомствѣ съ Прелемъ и только потому до сихъ поръ не упоминалъ о немъ, что не считалъ его достойнымъ упоминанія.

— Что же онъ тутъ дѣлаетъ?—спросилъ полковникъ, обращаясь къ Швертфегеръ.

— Вѣдь вы знаете, полковникъ,—сказала она, съ улыбкой опуская глаза на свои холеные ногти,—я становлюсь доносчицей только когда это необходимо.

— Ахъ, какой вѣтрогонъ!—сказалъ, разсмѣявшись, полковникъ, и Лилли, невольно ставшая на сторону своего пріятеля, нашла, что доносъ уже сдѣланъ.

Послѣ завтрака начался обходъ. Полковникъ и Швертфегеръ стали по обѣ стороны Лилли и вся компанія, въ сопровожденіи цѣлой своры собакъ, двинулась въ путь.

Сначала осмотрѣли господскую кухню, необыкновенно роскошную, съ голландскими изразцовыми стѣнами, съ мѣдными кранами для холодной и горячей воды, съ цѣлымъ рядомъ спеціальныхъ приспособленій. Среди прислуги Лилли узнала старое, морщинистое лицо кухарки, которая глядѣла на нее влажно-блестящими глазами, какъ бы спрашивая: узнаешь меня? Глаза Лилли отвѣчали: узнаю. Больше она ничего не рѣшалась сказать, чтобы Швертфегеръ не узнала про рѣшительный часъ ея жизни и не стала бы еще больше презирать ее. Она протянула старухѣ руку и этимъ возобновила ихъ дружескій союзъ.

Затѣмъ они направились въ кухню для прислуги, гдѣ варился въ мѣдномъ котлѣ воскресный мясной супъ. Потомъ пошли въ прачешную, въ кладовыя, гдѣ висѣли ряды окороковъ въ сѣрыхъ газовыхъ чехлахъ, точно гигантскія летучія мыши, множество колбасъ, а на соломѣ разложены были золотистыя яблоки лучшихъ сортовъ. Въ шкафахъ сверкали на полкахъ широкія банки съ вареньемъ. Было тутъ чѣмъ полакомиться.

Пройдя черезъ мощеный дворъ, на которомъ разставлены были телѣги и земледѣльческія орудія, точно солдаты на парадѣ, они направились въ конюшни, свѣтлыя, убранныя какъ гостиныя, съ мягкой мебелью и скамеечками для ногъ. Надъ каждымъ стойломъ висѣла фарфоровая дощечка съ именемъ породистаго коня, помѣщеннаго тамъ. Вытягивались стройныя, шелковистыя шеи, и умные глаза привѣтствовали прекрасную хозяйку замка. Полковникъ предложилъ Лилли выбрать себѣ лошадь для верховой ѣзды. Когда она сказала, что не умѣетъ ѣздить верхомъ, то конюхи въ красныхъ курткахъ изумленно посмотрѣли на

нее. Они еще никогда не видѣли хозяйки замка, не умѣющей ѣздить верхомъ.

Затѣмъ они прошли въ конюшню съ рабочими лошадьми, гдѣ было грязнѣе. При осмотрѣ коровъ Лилли почти сдѣлалось дурно. Но она не показала виду и терпѣливо выслушивала всѣ объясненія полковника и Швертфегеръ. Самое тяжелое еще предстояло впереди. Нужно было пойти знакомиться съ семьями рабочихъ, которые вернулись изъ церкви и ждали маленькими темными группами передъ своими дверями. Сначала къ Лилли подходили самые старые и почтенные. Она услышала много незнакомыхъ именъ, увидѣла много грязныхъ рукъ и почтительно улыбающихся лицъ. Но ей было нетрудно справиться съ этой задачей. Она съумѣла сердечно заговорить со всѣми, и когда она, наконецъ, взяла на руки попавшагося ей на глаза ребенка, въ толпѣ пробѣжалъ одобрительный гулъ.

Въ концѣ помѣстья шли постройки въ видѣ сараевъ, съ маленькими окнами въ красныхъ и синихъ рамахъ. Тамъ жили польскіе переселенцы, нанимавшіеся для полевыхъ работъ. На ихъ робкія привѣтствія на родномъ языкѣ Лилли отвѣтила польской фразой, которую знала еще съ дѣтства. По строго укоризненнымъ взглядамъ мужа и Швертфегеръ она поняла, что совершила нѣчто непозволительное. Въ кругъ ея новыхъ аристократическихъ обязанностей входилъ нѣмецкій націонализмъ, не допускавшій признанія польскаго элемента.

Къ обѣду Лилли надѣла синее суконное платье по указанію фрейлейнъ Швертфегеръ и явилась въ столовую, гдѣ ее ожидалъ полковникъ съ четырьмя гостями въ праздничныхъ черныхъ сюртукахъ. Они стали въ рядъ при ея появленіи, и полковникъ представилъ ихъ ей, одного за другимъ.

Среди нихъ былъ одинъ съ круглой сѣдой бородой.

— Господинъ Дейхтвегъ, нашъ первый инспекторъ,—представилъ полковникъ.

Затѣмъ толстый съ багровымъ лицомъ.

— Господинъ Меснеръ, нашъ бухгалтеръ,—сказалъ полковникъ.

Потомъ еще одинъ и затѣмъ... затѣмъ...

— Лейтенантъ фонъ-Прель, ученикъ агрономіи,—сказалъ полковникъ.

Легкій кивокъ головы—какъ при представленіи другихъ. Больше нельзя. Но что сталось съ милымъ веселымъ товарищемъ? Какой у него смѣшной видъ! Длинный сюртукъ до ко-

лѣнъ, маленькая узкая голова, уходящая въ воротникъ. Церемонная почтительность проникала все его существо.

Лилли стояла, пораженная и охваченная жалостью къ своему веселому другу. Если бы она не видѣла, какъ онъ утромъ...

— Протянуть руку гостямъ!—шепнула ей Швертфегеръ.

Она вздрогнула. Порывистѣе, чѣмъ полагалось знатной дамѣ, пожала она грубыя рабочія руки гостей. Только изъ все еще холеной, аристократической руки фонъ-Преля она скорѣе выдернула свою руку.

„Онъ-то меня не выдастъ“, съ облегченіемъ подумала она. Стали читать застольную молитву.

XVI.

Прогулки въ пять часовъ утра, когда въ деревьяхъ пѣли неугомонныя птицы, были полны очарованія. Хорошо было у пруда, покрытаго золотистою дымкой... Когда молодая хозяйка, въ короткой юбкѣ и бѣлой блузѣ, вооруженная садовыми ножницами и палкой, появлялась на лѣстницѣ, ведущей съ террасы въ садъ, ее встрѣчалъ радостный лай собакъ, составлявшихъ съ утра ея восторженную свиту. Собаки сразу признали ее своей настоящей госпожей, вопреки ироническимъ взглядамъ ненавистной имъ Швертфегеръ. Вся свора сопровождала Лилли съ веселымъ лаемъ въ конюшню, присутствуя при томъ, какъ Лилли кормила сахаромъ своихъ любимыхъ лошадей, а потомъ вся компанія отправлялась къ фазанамъ.

Какіе это были незабвенно прекрасные утренніе часы! А когда все въ саду расцвѣтало, какъ радостно было набирать цѣлыя корзины бѣлоснѣжныхъ, голубыхъ и золотистыхъ вѣтвей и цвѣтовъ!

Послѣ утренняго обхода она приходила къ завтраку и отъ вѣжности не знала, кому скорѣе броситься на шею, полковнику или Швертфегеръ, которую уже называла просто Анной въ дружескихъ бесѣдахъ. Она сблизилась съ Швертфегеръ, хотя все еще не могла побѣдить страха передъ нею. Швертфегеръ строго слѣдила за каждымъ шагомъ Лилли, за каждымъ ея движеніемъ, постоянно поучая ее, какъ нужно сидѣть за столомъ, какъ — въ креслѣ, какъ разливать чай и принимать гостей.

Все это были еще самыя первоначальныя правила. Настоящее ученье должно было начаться только осенью, когда пред-

полагалось войти въ сношенія съ сосѣдями по имѣнію. До осени полковникъ не желалъ никакого сближенія и пока ни съ кѣмъ не знакомилъ свою жену. Онъ хотѣлъ, чтобы Лилли сдѣлалась до осени настоящей свѣтской дамой, дѣлающей честь положенію своего супруга, и съумѣла бы побѣдить всякое предубѣжденіе противъ себя своимъ тактичнымъ поведеніемъ на дворянскихъ балахъ и въ собраніяхъ.

Швертфегеръ на каждомъ шагу указывала ей на ея ошибки, иногда приводя въ отчаяніе бѣдную Лилли. Нѣсколько разъ полковникъ какъ бы для провѣрки ея успѣховъ въ свѣтскости предоставлялъ ей—конечно, съ помощью Швертфегеръ—принимать гостей за ужиномъ, когда онъ приглашалъ бывшихъ товарищей по полку, во время маневровъ. И всегда при такихъ случаяхъ Лилли сначала вела себя съ испугу какъ заведенная кукла, а потомъ, выпивъ нѣсколько рюмокъ вина, оживлялась и приводила въ восторгъ уже большею частью немолодыхъ товарищей мужа своей веселостью и остроуміемъ. Тогда полковникъ начиналъ тревожиться. По его знаку Швертфегеръ поднималась, а вслѣдъ за ней и Лилли; не смотря на всѣ просьбы, онѣ покидали гостей. Лилли приходила къ себѣ въ комнату, возбужденная своимъ успѣхомъ, съ жаждой веселья и радости. Часто полковникъ, послѣ ухода гостей, заходилъ къ ней и сначала упрекалъ ее въ нетактичномъ поведеніи, а потомъ, когда она начинала плакать, утѣшалъ ее поцѣлуями. Онъ, въ общемъ, относился къ ней съ большой добротой и обращался съ нею какъ съ хрупкой игрушкой, которую бережно заводятъ и осторожно кладутъ на мѣсто, когда она надоѣдаетъ. По отношенію къ ней онъ никогда не давалъ волю своей вспыльчивости, отъ которой страдали всѣ въ домѣ, не исключая и Анны Швертфегеръ, съ которой онъ бывалъ чрезвычайно грубъ. Она молча и терпѣливо выносила его гнѣвныя выходки.

Лилли никакъ не могла понять ихъ отношеній, полудружескихъ, полуозлобленныхъ. Иногда Лилли казалось, что въ прежніе годы, когда Швертфегеръ была еще молода и красива, между ними была любовная связь. Но она отказалась отъ этого предположенія. Швертфегеръ была гордая женщина и навѣрное не перешла бы на подчиненное положеніе; да и онъ не потерпѣлъ бы близости женщины, имѣвшей старыя права на него. Лилли знала только, что Швертфегеръ—дочь бѣднаго офицера и, оставшись сиротой, попала въ домъ полковника, гдѣ прожила уже около двадцати лѣтъ. Лилли была въ сущности благодарна Швертфегеръ за всѣ ея указанія, безъ которыхъ никакъ бы не

смогла быть на высотѣ своего положенія; она навѣрное вызывала бы насмѣшки своей скромностью и совершенно потерялась бы въ новой средѣ. Теперь же ее всѣ любили. Всюду, въ кухнѣ, въ конюшнѣ, въ деревнѣ, у инспекторовъ ее встрѣчали восторженными привѣтствіями. А въ сараѣ, гдѣ жили польскія работницы, ей поклонялись какъ святой. Она полюбила ихъ всѣхъ, навѣщала больныхъ и заботилась о нихъ — къ нѣкоторому неудовольствію Швертфегеръ, которой не нравилось предпочтеніе, оказываемое Лилли какимъ-то бродягамъ. Она настояла на томъ, чтобы Лилли не ходила больше туда. Швертфегеръ убѣдила ее ходить въ протестантскую церковь, охотно предоставляя ей чтить въ душѣ, кого и что̀ она хочетъ. Въ награду за согласіе Лилли она подарила ей маленькій складной домашній алтарь, снаружи похожій на шкатулку; внутри его была не только Мадонна съ Младенцемъ, но и святой Іосифъ и святая Анна. Лилли плакала отъ радости, но все-таки не могла искренно привязаться къ Швертфегеръ и продолжала чувствовать себя очень одинокою. Она всего боялась въ домѣ. Она не рѣшалась даже ѣсть досыта за обѣдомъ, смущаясь неодобрительными взглядами Швертфегеръ, и выходила изъ-за стола полуголодная. Потомъ она вознаграждала себя, отправляясь въ кладовую подъ покровительствомъ расположенной къ ней старой кухарки, которая оберегала ее отъ шпіонства Швертфегеръ.

Въ хозяйство ей не давали вмѣшиваться, все дѣлалось безъ нея; Швертфегеръ не желала, чтобы она портила себѣ руки. Ей хотѣлось учиться ѣздить верхомъ, но Швертфегеръ постоянно открывала признаки готовящагося материнства — каждый разъ, однако, ошибаясь. Такъ Лилли и не удавалось ни разу сѣсть на лошадь. Даже музыкой нельзя было заняться, такъ какъ въ домѣ былъ только старый, разбитый рояль, дребезжавшій какъ шарманка, а новый обѣщали выписать только осенью.

Время тянулось для нея скучно и однообразно. О томъ, что̀ было до ея свадьбы, со времени которой не прошло еще и года, она вспоминала какъ о давно минувшей юности. Она бы осмѣяла того, кто сказалъ бы ей, что вся молодость у нея еще впереди, такъ какъ ей еще неполныхъ девятнадцать лѣтъ. Хорошо еще, что тутъ же оказался свидѣтель ея прошлаго. А то бы время дѣвичества казалось ей сномъ и она думала бы, что съ колыбели предназначена была стать примѣрной, облагодѣтельствованной женой полковника.

Своего веселаго пріятеля она встрѣчала только по воскресеньямъ за обѣдомъ. Онъ являлся въ своемъ длинномъ сюр-

тукѣ, церемонный и почтительный, и ни однимъ словомъ или взглядомъ не выдавалъ ихъ прежней дружбы. И все же, когда она въ сумеркахъ сидѣла на густо заросшемъ виноградомъ балконѣ и смотрѣла на домикъ противъ нея, гдѣ онъ игралъ со своей собакой, маленькой и рыжей, какъ лисица, ей казалось, что во всемъ мірѣ ей близокъ только этотъ вѣтренникъ, охотившійся на всѣхъ дворовыхъ дѣвушекъ,—объ этомъ разсказывала старая кухарка Грета,—по ночамъ загонявшій лошадей, чтобы вернуться на зарѣ послѣ ночныхъ похожденій, тотъ, въ домикѣ котораго, за закрытыми ставнями...

Старая Грета не хотѣла разсказывать, но очевидно за закрытыми ставнями происходило недоброе.

Въ одно солнечное августовское утро Лилли вошла съ двумя охапками свѣжихъ розъ въ столовую, гдѣ сидѣла Швертфегеръ въ свѣтломъ полотняномъ платьѣ. Что-то случилось—она это сейчасъ же замѣтила. Горничная Кетэ — хорошенькая дочь сельскаго учителя, служила за столомъ съ заплаканными глазами. Когда она вышла изъ комнаты, Лилли стала разспрашивать Швертфегеръ, которая послѣ долгихъ колебаній разсказала ей, что обнаружилась новая продѣлка Вальтера фонъ-Преля—Лилли сразу догадалась, что рѣчь идетъ о немъ—и что на этотъ разъ его дерзость превзошла всякія границы. Не ограничиваясь приключеніями въ окрестностяхъ замка, онъ проникъ въ самый замокъ и, какъ оказалось, пробирался черезъ балконъ Лилли и черезъ ея уборную къ ея горничной. Лилли была возмущена шпіонствомъ Швертфегеръ, которая, по ея же словамъ, караулила нѣсколько ночей въ темнотѣ у спальни Лилли, чтобы выслѣдить Преля. Она поспѣшила увѣрить Лилли, что ее она ни на минуту не подозрѣвала въ открываніи балконной двери для Преля. Но Лилли почувствовала себя окруженной сѣтью шпіонства и пришла въ ужасъ. Она стала тѣмъ болѣе гнѣвно высказывать свое возмущеніе, что хотѣла отвратить всякое подозрѣніе въ какихъ-либо дружескихъ чувствахъ къ Вальтеру фонъ-Прелю.

Когда раздались шаги полковника, Лилли быстро попросила Швертфегеръ ничего не разсказывать ему и, чтобы скрыть свое смущеніе, бросилась на шею мужу. Полковникъ ни въ чемъ ее не подозрѣвалъ; увѣренный въ зоркости Швертфегеръ, онъ давно забылъ свои ревнивыя чувства. Онъ уже не былъ такъ необузданно влюбленъ, какъ въ первое время послѣ свадьбы, и относился къ своей красивой, легкомысленной женѣ съ отеческой мягкостью, которая была ему очень къ лицу.

За послѣднее время онъ сталъ все чаще уѣзжать въ казино сосѣдняго гарнизоннаго города и возвращался поздно ночью, такъ какъ до двухъ часовъ послѣ полуночи не было поѣзда.

И теперь онъ заявилъ дамамъ, что долженъ ѣхать въ городъ продавать овесъ. Лилли быстро рѣшила въ умѣ воспользоваться отсутствіемъ полковника, чтобы спасти *его*. Какъ она это сдѣлаетъ, ей еще было неясно, но она чувствовала, что одна только и можетъ помочь ему.

Когда полковникъ ушелъ къ себѣ, она собралась съ духомъ и стала просить Швертфегеръ, чтобы она простила Преля, потому что онъ навѣрное исправится, если съ нимъ внушительно поговорить. Швертфегеръ отвѣтила, съ злымъ огонькомъ въ глазахъ, что не желаетъ вмѣшиваться въ грязныя дѣла и согласна простить его только если онъ самъ придетъ просить прощенія. Кетэ навѣрное сообщитъ ему о томъ, что̀ произошло.

— А что, если она не сообщитъ? — спросила Лилли, едва сдерживая свое волненіе.

Швертфегеръ мягко упрекнула ее за чрезмѣрный интересъ къ молодому вѣтреннику, но сказала, что подождетъ до слѣдующаго утра, въ виду ея просьбы.

На этомъ разговоръ кончился, и ничего большаго нельзя было добиться отъ нея. „Если я его не спасу, его прогонятъ,—подумала Лилли. — Если его прогонятъ, онъ погибъ. Если онъ погибнетъ, то виновата я“.

Самое простое было бы призвать Преля черезъ Кетэ, но Лилли сочла это ниже своего достоинства. Къ тому же Кетэ и не думала идти къ нему. Она захворала отъ огорченія, и ее уложили въ постель. Въ четыре часа уѣхалъ полковникъ, положивъ въ бумажникъ пачку синихъ билетовъ—а это означало, что онъ не вернется до утра.

Наступилъ вечеръ. Лилли сидѣла насторожившись на своемъ густо заросшемъ балконѣ и высматривала, что̀ дѣлается въ домикѣ противъ нея. Наконецъ она увидѣла появившагося на порогѣ фонъ-Преля, который велъ за собой на цѣпи свою собаку. На немъ была сѣрая рабочая куртка и видъ у него былъ очень потрепанный. Но все же онъ былъ такой милый и славный, что стоило спасти его. Сначала она думала было бросить ему записку, убѣждая его просить прощенія у Швертфегеръ, но побоялась, что записка попадетъ въ чужія руки, и рѣшила лично поговорить съ нимъ. На ея счастье Швертфегеръ отозвали передъ самымъ ужиномъ къ больной Кетэ, и Лилли быстро побѣжала черезъ террасу въ паркъ, прямо къ домику служащихъ.

Ей не пришлось выискивать способовъ проникнуть къ Прелю: онъ лежалъ на зеленой скамейкѣ передъ домомъ и докуривалъ папироску; собака лежала у его ногъ. Никого другого изъ служащихъ не было видно.

— Господинъ фонъ-Прель!—позвала она его, задыхаясь.— Мнѣ нужно съ вами поговорить,—прибавила она, когда онъ подскочилъ къ ней, почтительно раскланиваясь.

Она повела его за собой въ глубь парка.—Не придавайте ложнаго значенія моему приходу,—начала она.

— Ничуть, баронесса,—быстро сказалъ онъ, съ учтивымъ поклономъ.—Вечеръ такой прекрасный. Старымъ знакомымъ пріятно поболтать другъ съ другомъ.

— Если бы дѣло было въ этомъ,—отвѣтила она, не скрывая, что она обижена его тономъ,—то я бы позвала васъ къ себѣ въ замокъ. Если же я пришла, то, значитъ, случилось нѣчто важное. Если бы вы знали, какъ обстоятъ ваши дѣла, вы бы не произносили пустыя фразы,—прибавила она, сама внутренно удивляясь своему нѣсколько высокомѣрному тону.

— Какъ могутъ обстоять мои дѣла, баронесса?—отвѣтилъ онъ съ печальнымъ выраженіемъ лица.—Моя душа погружена въ печаль съ тѣхъ поръ, какъ я осужденъ быть въ близкомъ отдаленіи—или, лучше сказать, въ отдаленной близости къ вамъ, баронесса. Сможемъ ли я и Томми долго переносить это испытаніе—это извѣстно Всевышнему. Томми, не будь лягушкой; наша милостивая госпожа ничего противъ тебя не имѣетъ; только не рви ей платья.

Онъ потянулъ собаку за цѣпь, какъ игрушку, и Лилли, чтобы отвлечь разговоръ, выразила опасеніе, какъ бы онъ не задушилъ Томми.

— Тогда онъ раздѣлитъ мою судьбу,—сказалъ фонъ-Прель и всунулъ два пальца между воротникомъ и шеей, чтобы показать, что и онъ готовъ удавиться.

Нельзя было допускать такого тона. Лилли это вполнѣ сознавала. Принимая внушительный видъ, Лилли заявила ему, что ему намѣрены отказать отъ мѣста.

— Мнѣ въ этомъ только отрадно, что вы, баронесса, приняли во мнѣ участіе,—отвѣтилъ ей Прель, окончательно разсердивъ ее. Она стала стыдить его за легкомысліе, за неумѣстныя слова и разсказала ему, что фрейлейнъ фонъ-Швертфегеръ знаетъ о его ночныхъ прогулкахъ черезъ ея балконъ и уборную къ...

— Вы думаете, мнѣ пріятно, что вы, къ которому я такъ хорошо отношусь—въ положеніи виноватаго? Я предпочла бы

гордиться вами, а не присутствовать при томъ, какъ васъ выгоняютъ. Можете вы сказать что-нибудь въ свое оправданіе?

Въ порывѣ увлеченія она забыла о некорректности своего появленія у него и гордилась ролью милостивой хозяйки замка. Онъ стоялъ передъ нею видимо совершенно уничтоженный.

— Я не могу,—началъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ, — не могу примириться съ такимъ тяжкимъ обвиненіемъ. Я хочу оправдаться... Но я долженъ для этого сообщить вамъ, баронесса, великую тайну. Я съ дѣтства жертва страшнаго рока. Знайте: я... я—лунатикъ.

Онъ взглянулъ на нее изъ-подъ свѣтлыхъ рѣсницъ такимъ забавнымъ взглядомъ, что она невольно расхохоталась. Они долго и весело смѣялись, и Лилли забыла объ исправленіи заблудшаго грѣшника.

Становилось все темнѣе, а они все углублялись въ чащу парка, и Томми покорно слѣдовалъ за своимъ господиномъ.

— Что мнѣ сказать вамъ, мой добрый другъ?—сказалъ Вальтеръ фонъ-Прель.—Конечно, мнѣ не весело жить здѣсь въ обществѣ трехъ пролетаріевъ, вести полезное растительное существованіе и съ утра до вечера упражняться въ честности и трудолюбіи... Иногда—прямо не втерпёжъ. Томми иногда услаждаетъ мнѣ печальные часы. Но во многомъ онъ доставляетъ мнѣ большія разочарованія. Кстати, позвольте предложить вамъ, баронесса, очень важный вопросъ: вы умѣете двигать ушами?

Лилли опять не могла удержаться отъ веселаго смѣха. Въ то время какъ она, прислонившись къ дереву, безъ удержу смѣялась, онъ сталъ серьезно разсказывать, что уже въ гимназіи онъ славился этимъ скромнымъ талантомъ, а теперь рѣшилъ привить его своему Томми... Между тѣмъ оказалось, что Томми еще лучше двигаетъ ушами, чѣмъ его хозяинъ, но только продѣлываетъ это когда ему самому хочется, а не по приказу хозяина.

Оправившись, наконецъ, отъ смѣха, Лилли сказала, что пора идти домой; онъ покорно повернулъ назадъ. Онъ, повидимому, совершенно забылъ о грозившемъ ему несчастьѣ. Она разсказала ему о намѣреніяхъ фрейлейнъ фонъ-Швертфегеръ и объ условіяхъ, которыя она ставитъ. Но все это Лилли сообщила фонъ-Прелю не тѣмъ покровительственнымъ тономъ, какимъ намѣревалась говорить, а совершенно по-товарищески.

— Эта почтеннѣйшая дѣвица любитъ наступать людямъ на ногу,—сказалъ фонъ-Прель.—Ну, что же дѣлать! Такъ какъ мы съ тобой, милый Томми, провинились, то ужъ нужно какъ-нибудь выпутываться. Благодарю васъ, милый другъ, за совѣтъ и буду

ему слѣдовать. Я отправлюсь къ фрейлейнъ фонъ-Швертфегеръ и буду дѣйствовать съ величайшимъ коварствомъ, чтобы по возможности добиться болѣе частыхъ свиданій съ вами. Конечно, если моя молодая королева согласна на это.

Она, конечно, была очень согласна. Онъ выразилъ надежду, что раздобудетъ себѣ право приходить иногда къ ужину въ замокъ, чтобы взглянуть въ глаза своей властительницѣ, не вызывая подозрѣній высшаго начальства.

Лилли увидѣла въ его словахъ непочтительный намекъ не только на Швертфегеръ, но и на мужа, и ей это было непріятно. Она не хотѣла, чтобы полковникъ былъ предметомъ насмѣшекъ Преля. Только въ эту минуту она вспомнила, что Прель совершилъ очень некрасивый поступокъ и что съ ея стороны въ высшей степени безразсудно стоять и шутить съ нимъ въ темнотѣ. Она очень церемонно простилась съ нимъ и направилась къ замку. Но вдругъ, въ то время какъ она быстро шла по лѣсной тропинкѣ, въ ногахъ ея очутилось что-то теплое и мягкое, и ногу ея сдавила цѣпочка. Рыжая собачка рѣшила, что Лилли убѣжала, чтобы затѣять съ ней игру и помчалась за ней слѣдомъ. Хватая Лилли за платье, она опутала свою цѣпь вокругъ ея ноги. Фонъ-Прель поспѣшилъ къ ней на помощь. Ставъ на колѣни, онъ высвободилъ ногу Лилли изъ цѣпочки, не переставая громко ругать себя и Томми за неприличное поведеніе. Лилли опять забыла свой гнѣвъ, и они разстались съ веселымъ смѣхомъ.

— Куда вы ходили, милое дитя?—тревожно спросила фрейлейнъ фонъ-Швертфегеръ, когда Лилли вошла съ веселымъ смѣхомъ въ свѣтло освѣщенную залу. Она уже приготовилась выслушать признаніе въ тяжкой винѣ.

— Вы не представляете себѣ, до чего онъ смѣшной!—воскликнула Лилли, прижимая раскраснѣвшееся отъ смѣха лицо къ плечу пріятельницы.

— Неужели же вы...?

— Ну, конечно... Не брошу же я въ бѣдѣ стараго веселаго товарища! — Лицо Швертфегеръ застыло, а Лилли съ хохотомъ прошла къ себѣ въ комнату, раздѣлась и легла хохотать въ постель.

XVII.

Смѣхомъ началась ихъ дружба и среди смѣха продолжалась. Когда Лилли проснулась на слѣдующее утро, то все въ комнатѣ

и даже ея собственное лицо въ зеркалѣ показалось ей веселымъ и смѣшнымъ. За утреннимъ чаемъ она веселила своими шутками и шалостями полковника и Швертфегеръ, которая послѣ ухода полковника поцѣловала Лилли со словами: „вы настоящій ребенокъ“. О вырвавшемся у Лилли признаніи она ни слова не упомянула, точно его и не слышала.

Лилли, вернувшись къ себѣ, выбѣжала на балконъ и, раздвинувъ вѣтви дикаго винограда, кивнула пріятелю, который расхаживалъ взадъ и впередъ передъ домикомъ. Онъ понялъ ея знакъ, поклонился и быстро направился къ саду.

Что̀ произошло между нимъ и Швертфегеръ—такъ и осталось невыясненнымъ. Неизвѣстно также, разспрашивала ли она его о прежнихъ его отношеніяхъ къ хозяйкѣ замка. Но повидимому визитъ его увѣнчался успѣхомъ, потому что къ ужину онъ явился въ сюртукѣ и бѣломъ галстухѣ, въ сопровожденіи полковника, съ почтительнымъ выраженіемъ лица и весь утопая въ высокомъ воротникѣ. Полковникъ заявилъ Лилли, что Вальтеръ фонъ-Прель чувствуетъ себя не по себѣ въ обществѣ другихъ служащихъ и что отнынѣ онъ чаще будетъ ужинать у нихъ, если она ничего не будетъ имѣть противъ этого.

Лилли, конечно, ничего не имѣла противъ этого. Ей только непріятна была мысль о томъ, что сейчасъ появится Кетэ; но вмѣсто нея пришла другая служанка, и Швертфегеръ тихо объяснила Лилли, что бѣдная Кетэ больна и ее пришлось отправить вѣроятно навсегда. Лилли отъ радости невольно пожала ей руку подъ столомъ, смутно чувствуя, что дѣвушку отправили ради нея. Мужчины вели кавалерійскій разговоръ, пересыпанный собственными именами. Вальтеръ фонъ-Прель почтительно слушалъ стараго полковника, который съ увлеченіемъ поучалъ молодого офицера. При прощаніи полковникъ дружески положилъ руку на плечо фонъ-Прелю и удивился, почему онъ уже давно не бываетъ у нихъ запросто.

Въ началѣ сентября Преля все чаще приглашали къ ужину, потому что у полковника разыгрался ревматизмъ и онъ пересталъ ѣздить въ городъ. Онъ съ трудомъ садился на лошадь, но не уступалъ просьбамъ Лилли отказаться отъ утреннихъ поѣздокъ верхомъ.—Жаль, что вы такъ боитесь за меня,—сказала она,—а то я бы вмѣсто тебя ѣздила на поле.

Полковникъ и Швертфегеръ обмѣнялись взглядами и полковникъ сказалъ, что въ сущности нужно же, чтобы Лилли наконецъ научилась садиться на лошадь, и предложилъ поручить обученіе ея верховой ѣздѣ фонъ-Прелю. Лилли чуть не вскрикнула

отъ радости при этомъ предложеніи, но ничего не сказала, чтобы не испортить дѣло. Швертфегеръ отнеслась сначала неодобрительно къ предложенію, стала высказывать опасенія, какъ бы не случилось несчастія и какъ бы ихъ общая любимица не сломала себѣ руку или ногу. Въ теченіе трехъ дней вопросъ всесторонне обсуждался и наконецъ, къ великой радости Лилли, рѣшенъ былъ утвердительно.

На слѣдующее утро начались уроки верховой ѣзды. Вальтеръ фонъ-Прель явился въ жокейской шапочкѣ и въ гамашахъ для верховой ѣзды, велъ себя крайне почтительно и началъ давать первыя указанія въ присутствіи полковника и Швертфегеръ. Для первыхъ опытовъ привели кроткую кобылу, и Прель методически объяснилъ первые пріемы и сталъ сажать свою ученицу на лошадь. Онъ такъ ловко подсадилъ ее, что полковникъ сталъ одобрительно хлопать въ ладоши. Вальтеръ покраснѣлъ отъ удовольствія. Онъ окончательно покорилъ полковника, который громко удивлялся, какъ это такой вѣтрогонъ оказался столь дѣльнымъ человѣкомъ. Въ первый же урокъ Лилли научилась цѣлому ряду главнѣйшихъ пріемовъ и даже попробовала ѣхать легкой рысью; словомъ, она подавала надежды стать лучшей наѣздницей въ арміи, какъ весело замѣтилъ полковникъ.

Уроки быстро слѣдовали одинъ за другимъ, но всегда въ присутствіи полковника или Швертфегеръ, и поэтому фонъ-Прель держался почтительно-подобострастнаго тона; Лилли горѣла отъ нетерпѣнія, чтобы онъ какимъ-нибудь взглядомъ или словомъ, понятнымъ ей одной, обнаружилъ свой веселый нравъ. Наступилъ однако день, когда они остались одни. Полковникъ былъ занятъ на постройкѣ новаго манежа, а Швертфегеръ куда-то исчезла. Фонъ-Прель сдѣлалъ видъ, что онъ въ ужасѣ.—Что же будетъ?—восклицалъ онъ, заламывая руки.—Безъ защиты почтеннѣйшей фрейлейнъ фонъ-Швертфегеръ мы не сможемъ сѣсть въ сѣдло.

Былъ ясный сентябрьскій день. Фонъ-Прель лукаво кивнулъ, указывая на ворота, и она со смѣхомъ тоже отвѣтила кивкомъ. Черезъ нѣсколько минутъ они уже мчались по дорогѣ, радуясь свободѣ отъ зоркихъ взоровъ. Но Прель велъ себя какъ строгій учитель, не стараясь использовать неожиданную свободу. Она отъ досады стала разспрашивать про Томми; онъ отвѣтилъ, не спуская глазъ съ дороги, что Томми совѣтуетъ думать на первый разъ только о лошадяхъ, потому что если что случится, то ихъ вторично не отпустятъ.

— Томми—оселъ,—сказала Лилли.—Такъ и скажите ему.

— Слушаю-съ,—отвѣтилъ онъ, наклонивъ хлыстъ.

Они проѣзжали мимо березовой рощи; она стала восхищаться серебристымъ блескомъ стволовъ и золотистой сѣткой воздуха.

— Шагомъ!—скомандовалъ онъ.

Но въ нее вселился бѣсъ, и, хлестнувъ лошадь, она, противъ всякихъ правилъ, помчалась галопомъ. Черезъ нѣсколько секундъ онъ ее нагналъ, схватилъ ея лошадь за повода и сразу осадилъ. Глаза ихъ встрѣтились и сверкнули. Ей хотѣлось броситься къ нему.

— Ты что это вздумалъ, товарищъ?—крикнулъ онъ.

Она вздрогнула и оскалила бѣлые зубы.

— А тебѣ, товарищъ, что взбрело на умъ?—отвѣтила она.

Они повернули лошадей и молча поѣхали шагомъ домой, не поднимая глазъ другъ на друга.

XVIII.

Молотилка уже стала пѣть свою осеннюю пѣсню, среди однообразія которой порою слышались тихіе протяжные крики, точно снопы, которые она раздирала и терзала, научились издавать звуки. Сердце Лилли снова расцвѣло; подъ звуки молотилки она сладко грезила раннимъ утромъ, думая о Вальтерѣ, радуясь тому, что нашла настоящаго товарища, который каялся ей во всѣхъ своихъ глупостяхъ и грѣхахъ—до самыхъ тайныхъ включительно, и котораго она потомъ прощала среди веселаго смѣха. Въ немъ грѣшила только его молодость, эта пагубная сладкая молодость, которая управляла жизнью, благословляя и мучая людей, принося счастье однимъ, портя жизнь другимъ.

Но его необходимо спасти. Спасти отъ собственнаго легкомыслія, которое его запутываетъ въ сѣть низкихъ приключеній. Слухи о его невозможномъ образѣ жизни все росли. Стоило Лилли войти въ комнату прислуги, чтобы на нее точно выливали ушатъ грязной воды. Она мечтала о томъ, какъ спасетъ его отъ дурныхъ вліяній и сдѣлается его добрымъ ангеломъ. Мечты эти, подъ звуки молотилки, были сладостно-нѣжны.

Послѣ первой удачной поѣздки должны были послѣдовать вскорѣ дальнѣйшія, но Лилли все откладывала, говоря, что хочетъ раньше научиться ѣздить галопомъ; на самомъ же дѣлѣ она мечтала о повтореніи того часа, но боялась его. Фонъ-Прель принялъ на слѣдующее же утро прежній почтительный тонъ.

Лилли тщетно ждала, чтобы онъ какъ-нибудь шепнулъ ей привѣтствіе на „ты“ и назвалъ товарищемъ, но этого не случилось. Они перестали и думать о вторичной поѣздкѣ, пока наконецъ самъ полковникъ не погналъ ихъ.—Довольно топтаться на дворѣ,—рѣшилъ онъ,—отправляйтесь въ поле.

— Слушаю-съ,—отвѣтилъ фонъ-Прель, приложивъ руку къ козырьку, и направилъ свою лошадь къ воротамъ.

У Лилли отъ волненія остановилось сердце, когда они снова помчались по той же дорогѣ, какъ въ прошлый разъ. Подъѣхавъ къ мѣсту, гдѣ произошло великое событіе въ прошлый разъ, она украдкой взглянула на него, и сердце ея преисполнилось радостнаго и благодарнаго чувства. Ей стало ясно, что только потому ей свѣтло и весело здѣсь, что съ нею онъ; она знала, что была бы страшно одинока, если бы онъ покинулъ ее.

Они ѣхали ровной рысью, направляясь къ холмамъ, окаймлявшимъ берегъ рѣки. Но ей не хотѣлось ѣхать такъ далеко. Она непремѣнно хотѣла поговорить съ нимъ сегодня и предложила ему сойти съ лошадей. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ отвѣтить, она уже соскочила. Они пошли рядомъ; онъ велъ лошадей. Дойдя до рва, черезъ который перекинутъ былъ дубъ, вырванный бурей, она сѣла на пень и указала ему мѣсто около себя. Онъ привязалъ лошадей къ вѣткѣ дуба, сѣлъ, но продолжалъ держаться церемонно, называя ее все время баронессой, пока наконецъ она ему не напомнила о товарищескомъ „ты“ въ предыдущую поѣздку. Онъ спросилъ, позволяется ли ему только называть ее товарищемъ, или же дѣйствительно онъ можетъ быть ей товарищемъ. Она рѣшительно потребовала послѣдняго. Онъ предложилъ еще вопросъ о томъ, будутъ ли это товарищескія отношенія съ дружескимъ „ты“, или безъ дружескаго „ты“. Она сказала, что безъ него, считая, что приноситъ этимъ большую жертву. Онъ же принялъ ея запретъ за чистую монету и послушно сказалъ:—Какъ прикажете, товарищъ.

Тогда она сочла, что наступилъ должный моментъ. Сказавъ, что она должна поговорить съ нимъ серьезно, она начала длинную рѣчь. О его прежнемъ прегрѣшеніи, сказала она, не будетъ и рѣчи, потому что прощенное должно быть забыто. Но она сообщила ему, что въ замкѣ хорошо извѣстно, какую онъ ведетъ жизнь, что объ этомъ говорятъ въ комнатахъ прислуги, откуда это доходитъ и до ея слуха.

Въ сущности она хотѣла говорить совсѣмъ о другомъ—о высокихъ цѣляхъ человѣческаго существованія, о величіи отреченія, о высокихъ чувствахъ и тайномъ союзѣ избранныхъ душъ.

Но при видѣ его удрученной, скорчившейся фигуры ей ничего другого не приходило въ голову. Онъ ея не прерывалъ, но когда она кончила, онъ продолжалъ молчать, слѣдя взоромъ за маленькимъ паукомъ, плававшимъ во рву.

— Что же вы не отвѣчаете — спросила она наконецъ— на всѣ мои обвиненія?

— Что мнѣ отвѣтить, досточтимый судья?—возразилъ онъ.— Я славлюсь только тѣмъ, что я человѣкъ безъ нравственныхъ устоевъ. Неужели же я долженъ утратить и эту единственную славу?

— Если вы не имѣете опоры въ себѣ,—воскликнула она,— то позвольте мнѣ быть вашей опорой, вашимъ другомъ, вашимъ совѣтчикомъ, вашимъ...

— Опекуномъ,—закончилъ онъ, и по его шуткѣ она поняла, что ея слова не оказали на него никакого вліянія, и что онъ только смѣется надъ нею. Она хотѣла удалиться въ негодованіи, но онъ удержалъ ее.—Посмотрите, товарищъ,—сказалъ онъ, указывая на черную поверхность рва. — Вотъ тамъ внизу водяной паукъ все время ходитъ ногами вверхъ и головой внизъ. Если вы спросите его, почему онъ такъ ходитъ, то онъ вамъ отвѣтитъ, что такова его природа. Вотъ видите, и моя природа такова. Съ этимъ ничего не подѣлаешь.

— Можно обуздать свою дикость! — воскликнула она.— Можно обращать взоръ на все высокое, идеальное, слѣдовать совѣтамъ подруги юности—вотъ чтò можно сдѣлать.

— А чтò совѣтуетъ подруга юности?—вкрадчиво спросилъ онъ, пододвигаясь къ ней. Но она уже не могла отвѣтить. Она закрыла лицо руками и горько плакала. Онъ сталъ ее успокаивать, главнымъ образомъ боясь, какъ бы она не потеряла равновѣсія, сидя на неустойчивомъ пнѣ.—Сиди смирно, дѣточка, не то въ воду упадешь.—Она вздрогнула, понявъ изъ всей его рѣчи только нѣжное „ты“, котораго ей такъ недоставало цѣлую недѣлю.

Онъ все ей обѣщалъ: не бѣгать за дворовыми дѣвушками, не пьянствовать съ инспекторами, читать книги по агрономіи— все, что угодно, лишь бы она не плакала.

— Вы даете мнѣ честное слово?—спросила она, поднимая на него влажные красные глаза. Онъ далъ ей слово, и она радостно улыбнулась ему, обѣщая, что будетъ ему другомъ и будетъ дѣлать для него все, чтò только сможетъ.

— И что позволитъ начальство, — прибавилъ онъ. Теперь уже это слово не смущало ее. Она только пожала плечами, и

они опять стали смѣяться, и такъ смѣялись, что чуть не скатились въ ровъ.

XIX.

Наступило очаровательное время, вѣчное исканіе и нахожденіе другъ друга, радость ожиданія и радость воспоминанія. Каждый день приносилъ новое счастье, новое богатство ощущеній. Лилли чувствовала, что хорошѣетъ со дня на день, что ея сіяніе распространяется на все вокругъ. Вокругъ нея не замѣчали наступившей въ ней перемѣны. Если бы она сдѣлалась задумчивой и мечтательной, то у полковника возникли бы подозрѣнія. Но ея нѣжность, преисполненная счастьемъ, казалась ему совершенно естественною. Ему пріятна была ея невинная веселость, и онъ отечески относился къ ея стремительнымъ, нѣжнымъ порывамъ. Анна фонъ-Швертфегеръ относилась тоже съ благоволеніемъ къ счастливому настроенію Лилли, видимо не приписывая его чему-либо вліянію, такъ какъ въ противномъ случаѣ не покровительствовала бы частымъ свиданіямъ молодыхъ людей. Въ послѣднее время Лилли только удивляла какая-то тревожная страстность въ отношеніи къ ней доброй Анны. Вначалѣ это ее пугало. Но, преисполненная сама любви, она старалась отвѣтить своей пріятельницѣ тоже теплой привязанностью. По вечерамъ Швертфегеръ часто уходила въ свою комнату, заставленную разными бездѣлушками, но иногда являлась въ комнату Лилли и сидѣла у нея на кровати до тѣхъ поръ, пока не раздавался стукъ коляски возвращающагося домой полковника. Она глубокомысленно разговаривала съ нею о жизни и смерти, объ одиночествѣ старости, о полнотѣ жизни въ молодости и о томъ, что нужно знать свой предѣлъ въ жизни. Она ни о чемъ не разспрашивала, не давала совѣтовъ, но по ея безпокойнымъ рѣчамъ можно было догадаться, что она все время думаетъ о чемъ-то другомъ. Лилли часто подмѣчала въ ея глазахъ грустное и тревожное напряженіе. Потомъ она цѣловала Лилли съ такой неподкупной сердечностью, что молодой женщинѣ становилось страшно; ей казалось, что у подножія постели сидитъ грозная судьба, готовая броситься и задушить ее. Но откуда же ждать ей несчастья? Она ничѣмъ не согрѣшила, и даже еслибы обнаружилось все, что̀ происходило между нею и Вальтеромъ, то ее можно было пожурить только за неосторожность. Такъ она утѣшала себя, пока не забывала въ счастливыхъ грезахъ страхъ, возбуждаемый ночными посѣщеніями.

Почти каждый день они ѣздили вмѣстѣ кататься верхомъ, или же какъ бы невзначай встрѣчались гдѣ-нибудь въ паркѣ. Кромѣ того они могли подавать другъ другу знаки посредствомъ слуховой трубы, которую онъ привезъ изъ города и поставилъ на балконѣ подъ видомъ лишней палки для занавѣсей. Черезъ эту трубу можно было что угодно передать съ балкона въ его открытое окно. Черезъ трубу они или просто здоровались по утрамъ, или же условливались о свиданіи, или обмѣнивались какой-нибудь шуткой. По вечерамъ Вальтеръ часто приходилъ къ ужину и держался попрежнему очень почтительно. Всегда, однако, представлялся удобный случай для уклоненія отъ условленной роли, безъ риска возбудить подозрѣнія начальства. Только одна соперница могла отвлечь отъ Лилли ея товарища: это былъ его полкъ. Когда наступило время осеннихъ маневровъ, то и полковникъ, и фонъ-Прель стали внимательно слѣдить за дѣйствіями своего прежняго полка. Разъ они послали вмѣстѣ привѣтственную открытку старымъ товарищамъ, и тотчасъ же, спустя два дня, получился отвѣтъ со множествомъ подписей. Лилли разсѣянно слушала имена офицеровъ, подписавшихъ отвѣтъ, и запомнила только фамилію „Денике“, не подходившую къ остальнымъ аристократическимъ именамъ. Полковникъ тоже измѣнился подъ вліяніемъ привѣта отъ старыхъ товарищей. Онъ сдѣлался молчаливъ, почти угрюмъ, нѣсколько разъ взглянулъ на Лилли почти съ какимъ-то затаеннымъ упрекомъ, и сталъ все чаще и чаще уѣзжать въ гарнизонный городъ, а также принималъ всѣ приглашенія на охоты, несмотря на свой ревматизмъ.

Наступило первое октябрьское воскресенье. Полковникъ уѣхалъ на охоту къ сосѣду по имѣнію. Лилли, выходя изъ церкви съ Швертфегеръ, обрадовалась пряному, мягкому воздуху и въ душѣ ея проснулось непонятное ей самой сладостное ожиданіе. Швертфегеръ, взглянувъ на нее искоса, вдругъ заявила ей, что хочетъ поѣхать къ своей пріятельницѣ въ городъ. Лилли безумно обрадовалась предстоящему дню полной свободы, но старалась не выдать своихъ чувствъ. Швертфегеръ уѣхала тотчасъ послѣ обѣда, и уже черезъ часъ Лилли, предварительно условившись черезъ трубу со своимъ другомъ, встрѣтилась съ нимъ у озера. Они направились вмѣстѣ въ лѣсъ, и она по дорогѣ стала хвалить его за то, что онъ, повидимому, исправляется, такъ какъ она слышитъ со всѣхъ сторонъ похвалы его прилежанію и хорошему поведенію.

Она сказала это выдержанно-покровительственнымъ тономъ, который онъ, однако, тотчасъ же нарушилъ, заговоривъ о пушкѣ

на ея шеѣ, а затѣмъ предложивъ ей бѣгать взапуски. Она съ удовольствіемъ приняла его предложеніе и побѣжала внизъ по спуску, но скоро запуталась въ плэдѣ, который взяла съ собой на всякій случай и не отдала носить ему. Она растянулась на травѣ, и онъ подскочилъ, чтобы поднять ее. Послѣ того они спокойно пошли дальше и направились къ холму, откуда открывался далекій видъ на деревню. Лилли не хотѣлось сѣсть тамъ и наблюдать осенній закатъ.

— Я здѣсь заплачу,—сказала она, чувствуя неопредѣленный, непонятный страхъ.

Они прошли дальше въ лѣсъ, и тамъ опять ей стало легко на сердцѣ. Рядомъ съ нею былъ ея другъ и товарищъ, съ которымъ ее связывали только простыя, чистыя чувства. Все было такъ ясно и солнечно, такъ безгрѣшно. Ей хотѣлось, въ порывѣ теплыхъ чувствъ, взять его за руки, но она подавила свое желаніе, боясь быть непонятою. Они прошли дальше къ ручью, и тамъ наконецъ усѣлись, разостлавъ плэдъ.

— Хорошо бы поужинать,—сказалъ онъ, и когда она пожалѣла, что у нихъ нѣтъ ничего съ собою, онъ съ торжествомъ вынулъ завернутое въ бумагу раскрошившееся пирожное. Это оказалось любимымъ пирожнымъ Лилли — съ пуншемъ, и Вальтеръ дразнилъ ее, что она опьянѣетъ отъ него. Она засмѣялась, легла на спину, подложивъ руки подъ голову, и стала молча глядѣть на небо. На нее падали осыпающіеся листья. Вальтеръ тоже легъ на спину и сказалъ:

— Посмотримъ, на кого опустится первый листъ.

— Тотъ, на кого упадетъ первый листъ, испытаетъ первый великое счастье,—прибавила она.

Такъ они молча прождали нѣсколько секундъ. Когда первый листокъ приближался къ лицу Вальтера, онъ не хотѣлъ отнять у нея первое счастье, и дунулъ, чтобы оно перелетѣло къ ней. Она, изъ гордости, не захотѣла принять его подарка и стала гнать листокъ къ нему. Такъ они нѣсколько времени шутили. И вдругъ, среди воинственнаго пыла, ихъ губы соединились и она не противилась его объятіямъ...

Ручей журчалъ, листья падали, какъ и прежде, но по землѣ разстилался осенній туманъ и всюду сверкали радужныя пятна. Почему это случилось? Она откинула голову назадъ и увидѣла, что небо тоже все во мглѣ. Ея товарищъ сидѣлъ подлѣ нея съ виноватымъ видомъ.

— Пойдемъ домой,—сказала она упавшимъ голосомъ.

— Какъ прикажете, баронесса,—почтительно отвѣтилъ онъ.

Она улыбнулась усталой и веселой улыбкой. Ему видимо хотѣлось какъ можно скорѣе истребить воспоминаніе о случившемся.

— Теперь уже все равно, — сказала она со вздохомъ.— Теперь можно спокойно говорить другъ другу „ты".

XX.

Прежде всего наступилъ страхъ, безсмысленный страхъ, отъ котораго Лилли вся холодѣла. Но когда послѣ первыхъ свиданій ни въ комъ не зародилось подозрѣніе, она успокоилась, и осталась только нервная напряженность мысли о томъ, чтобы быть на-готовѣ, чтобы умѣть отвѣтить на всѣ вопросы. Полковникъ совершенно ничего не замѣчалъ; Лилли больше опасалась Швертфегеръ, чѣмъ его, и вела себя съ ней крайне осторожно. Поздно по ночамъ она давала себѣ волю и долго плакала, не отъ раскаянія и не отъ любви, а отъ того, что ею овладѣвало чувство величайшаго одиночества.

Прошла недѣля, въ теченіе которой она ни разу не видѣла его. Полковникъ уговаривалъ ее возобновить прогулки верхомъ съ Прелемъ, и наконецъ въ субботу она уступила настоянію мужа. Она боялась первой встрѣчи въ присутствіи другихъ, но когда она увидѣла своего друга, съ его напускной почтительностью, то ей вдругъ показалось, что онъ совершенно чужой человѣкъ для нея.

Они выѣхали на большую дорогу и долго ѣхали ничего не говоря, пока наконецъ она не вышла изъ терпѣнія.

— Скажите же хоть слово!—крикнула она ему.

— Что я могу сказать? — возразилъ онъ нѣсколько смущенно.—Непріятная исторія... Очень непріятная... Это вѣдь мы оба знаемъ.

— Это все, что вы можете мнѣ сказать? — крикнула она.

— Вѣдь вы знаете,—отвѣтилъ онъ,—я человѣкъ маленькій, и сердце у меня маленькое. Для большой душевной скорби нѣтъ у меня здѣсь подходящаго помѣщенія.

— Да не о душевной скорби я говорю!—крикнула она.— А что будетъ съ нами, вотъ что я хочу знать.

— Какъ только у меня будетъ незаложенное большое имѣніе,—отвѣтилъ онъ,—съ за́мкомъ, конюшнями и прочимъ инвентаремъ, то я буду имѣть честь просить вашей руки у вашего мужа...

Она не могла сдержать своего отчаянія и молча плакала. Тогда, наконецъ, онъ перемѣнилъ тонъ.

— Я вѣдь только хочу выцарапать у васъ изъ души лишній трагизмъ,—сказалъ онъ.—И какъ только ты опять улыбнешься, я буду говорить самымъ дѣльнымъ образомъ.

Она вытерла слезы и покорно улыбнулась.

— Ну вотъ, отлично, — похвалилъ онъ. — А теперь послушайте: мы собственно должны были принадлежать другъ другу; оба мы молоды и одиноки, оба въ одинаковомъ положеніи въ жизни, оба можемъ одинаково все потерять или все выиграть. Къ сожалѣнію, мы открыто не можемъ принадлежать другъ другу; значитъ, нужно соблюдать тайну; вотъ и все. Оба мы— жалкіе и несчастные.

Лилли возмутилась его словами и стала доказывать, что она не утратила чести и гордости, что готова умереть, если согрѣшила, и стала защищать его самого отъ клеветы, которую онъ взводилъ на себя. Она стала доказывать ему, что онъ благороденъ и храбръ, и что потому она принесла себя ему въ жертву, чтобы помочь ему воспрянуть, чтобы оградить его отъ всѣхъ искушеній и вернуть ему вѣру въ себя. Она такъ воодушевилась, что уже не могла постигнуть, какъ это онъ могъ показаться ей чужимъ при первой встрѣчѣ?

— Ты очаровательная, трогательная женщина, — отвѣтилъ онъ. — Какое счастье, что дикій виноградъ на твоемъ балконѣ не засыхаетъ и что приставная лѣстница все еще на прежнемъ мѣстѣ. Даже Швертфегеръ не замѣтитъ...

Онъ лукаво взглянулъ на нее изъ-подъ серебристыхъ свѣтлыхъ рѣсницъ. Она вспыхнула отъ стыда.

— Я никогда больше не буду тебѣ принадлежать,—воскликнула она.—Клянусь въ этомъ всѣми святыми. Я бы себя возненавидѣла за это. И тебя также.

Онъ пожалъ плечами.

— Жалко упустить случай,—сказалъ онъ и повернулъ лошадей.

На слѣдующій день онъ явился къ воскресному обѣду церемонный, какъ всегда. Глаза Швертфегеръ зорко слѣдили за нимъ.

А поздно вечеромъ, въ этотъ день, случилось слѣдующее.

Полковникъ уѣхалъ въ городъ, Швертфегеръ удалилась къ себѣ въ комнату, а Лилли расчесывала свои волосы. Вдругъ она услышала странный шорохъ у окна. Сначала она испугалась и даже хотѣла позвать Швертфегеръ, но во-время опомнилась, подошла къ окну и пріоткрыла ставни. Она увидѣла, что

въ темнотѣ движется какой-то шестъ, и поняла, что это труба, черезъ которую она переговаривалась съ Прелемъ. Она въ ужасѣ выбѣжала въ уборную и, открывъ балконъ, шепнула въ темноту:

— Уходите и никогда больше не приходите сюда...

Но когда она хотѣла закрыть дверь, это оказалось невозможнымъ... Черезъ минуту она уже почти безъ сознанія очутилась въ его объятіяхъ.

Начиная съ этого вечера, она была всецѣло въ его власти, подчиняясь его страсти. Это не было счастьемъ. Опьяненіе наступало позже, когда ослабѣвалъ страхъ быть открытой и укрѣплялось сознаніе въ безнаказанности. Въ началѣ она испытывала только блаженное чувство летанія надъ пропастью. Къ ней вернулся смѣхъ, не прежній глупый дѣтскій смѣхъ, а дерзкое ликованіе отъявленнаго вора, который прячетъ свою добычу за спиной своихъ преслѣдователей.

Въ ней проснулось чувство своихъ попранныхъ правъ.

„Я беру отъ судьбы то, что мнѣ принадлежитъ и въ чемъ мнѣ отказывалъ старикъ“.

И больше всего ее радовало, придавая ореолъ чистоты и святости ихъ тайному счастью, сознаніе, что она спасаетъ его отъ дурной жизни и дѣлаетъ его доблестнымъ героемъ. Этой мыслью она упивалась, а онъ смѣялся надъ ея восторженностью и давалъ ей какіе угодно обѣты, когда она ихъ требовала. Онъ приходилъ около одиннадцати часовъ—въ это время всегда удалялась Швертфегеръ,—и около половины второго долженъ былъ уходить. Конечно, только въ тѣ дни, когда полковника не было дома, такъ какъ до двухъ часовъ у него не было поѣзда, чтобы вернуться, и, кромѣ того, слышенъ былъ бы стукъ экипажа. Но до его пріѣзда нужно было еще открыть дверь въ его комнату и выкурить папироску, чтобы разсѣялся запахъ конюшни и кожи, который Вальтеръ приносилъ съ собою.

Полковникъ иногда заглядывалъ къ женѣ, передъ тѣмъ какъ идти спать, а когда пріѣзжалъ слегка подвыпивши, то присаживался къ ней и разсказывалъ ей анекдоты, которые слышалъ въ холостой компаніи. Она принимала видъ заспанной кошечки, и до того чувствовала себя въ безопасности, что разъ дѣйствительно заснула среди смѣха.

Если бы только не Швертфегеръ! Конечно, она ничего не подозрѣваетъ. Нельзя себѣ и представить, что было бы, если бы у нея возникло подозрѣніе. Но и безъ того ея жадная зоркость достаточно встревожена.

Когда она вечеромъ приходила въ спальню Лилли, то всегда

такъ торопилась, что даже не успѣвала сѣсть. Она вскакивала отъ каждаго порыва вѣтра. Подбѣгала къ дверямъ, какъ только раздавались чьи-нибудь шаги, точно всегда нужно было что-то подглядывать, что-то предупреждать. При этомъ у нея былъ блѣдный, измученный видъ.

„Все равно,—думала Лилли. — Пусть дѣлаетъ, что хочетъ. Лишь бы только не подкарауливала, какъ тогда, у Кетэ".

И часто она думала, что сама она не лучше бѣдной, выгнанной Кетэ.

Съ нѣмецкаго З. В.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

МОСКОВСКІЙ ПРОФЕССОРЪ-ГУМАНИСТЪ

(Памяти Николая Ильича Стороженка. Изд. Общества Любителей Россійской Словесности. Москва, 1909).

Уже три года прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ день праздника московскаго университета угасла жизнь одного изъ славнѣйшихъ и доблестнѣйшихъ представителей академической семьи, Николая Ильича Стороженка, профессора-гуманиста. Въ могилу сошелъ не только крупный и глубокій ученый, признанный авторитетъ въ Россіи и на Западѣ, не только отзывчивый и яркій дѣятель на поприщѣ общественности и культуры, но и обаятельнѣйшій человѣкъ, съ кристально-чистой душой и идеально-благороднымъ сердцемъ. Смерть нанесла сильный уронъ наукѣ и отечественному просвѣщенію, друзьямъ же и соратникамъ покойнаго—незаживающую рану острой грусти воспоминаній о быломъ... И оживаютъ эти воспоминанія, облекаются въ плоть и кровь, снова переносишься въ прошлое, снова предстаютъ передъ нами дорогія черты стараго учителя и друга; вотъ онъ весь передъ нами, съ своей лукавой улыбкой и милыми, такими остроумными и безобидными шутками... Великое спасибо Обществу Любителей Россійской Словесности за небольшой, изящно и любовно изданный сборникъ, посвященный памяти Н. И. Стороженка. Собранныя въ немъ воспоминанія и статьи возстановятъ для русскаго культурнаго общества образъ одного изъ блестящихъ его дѣятелей, друзьямъ же и близко-знавшимъ покойнаго дадутъ возможность снова и снова предаться хорошимъ и свѣтлымъ воспоминаніямъ. И они съ настойчивостью всплываютъ и реализуются, часто сохраняя живую и образную окраску; трудно не считаться съ ними. Въ настоящей крат-

кой замѣткѣ, разбирая богатое и интересное содержаніе сборника, я позволю себѣ подѣлиться и своими личными воспоминаніями о незабвенномъ Николаѣ Ильичѣ.

Въ обстоятельномъ очеркѣ М. Н. Розановъ даетъ біографію Н. И., останавливаясь главнымъ образомъ на его ученой и профессорской дѣятельности. Перечисливъ и охарактеризовавъ научные труды Стороженка, авторъ отмѣчаетъ то крупное значеніе, какое имѣлъ Н. И. на университетской каѳедрѣ, являясь ученымъ руководителемъ учащейся молодежи и въ то же время ея искреннимъ и заботливымъ другомъ. Ученикъ и восторженный поклонникъ Грановскаго и Кудрявцева, Н. И. былъ истымъ преемникомъ этихъ русскихъ гуманистовъ. Но одной академической сферой не ограничивалась богатая, кипучая дѣятельность Стороженка; всюду и вездѣ, гдѣ рѣяло знамя культуры, Николай Ильичъ былъ въ первыхъ рядахъ. Когда русская женщина пробила себѣ дорогу къ высшему образованію и были открыты В. И. Герье высшіе курсы, Н. И. выступилъ лекторомъ на этихъ курсахъ. До конца дней онъ глубоко интересовался женскимъ вопросомъ и искренно симпатизировалъ его успѣхамъ; уже слабѣющей рукой писалъ онъ, но къ сожалѣнію не дописалъ, этюдъ о борцѣ за женскія права въ Англіи, Мэри Уольстонкрафтъ. Знатокъ и цѣнитель театра, Н. И. былъ близокъ со многими представителями сцены, читалъ курсъ о драмѣ и театрѣ въ театральномъ училищѣ, предсѣдательствовалъ въ литературно-театральномъ комитетѣ, редактировалъ лучшій изъ бывшихъ (да и изъ существующихъ) театральныхъ журналовъ: „Артистъ". Дѣятельный предсѣдатель Общества Любителей Россійской Словесности, не менѣе дѣятельный библіотекарь Румянцевскаго музея, активный членъ коммиссіи домашняго чтенія и множества другихъ просвѣтительныхъ учрежденій, лекторъ, сотрудникъ научныхъ и научно-популярныхъ журналовъ, — онъ во всѣ свои дѣла и начинанія вносилъ свѣтъ и тепло своей личности. И кто ближе узнавалъ его и подходилъ къ нему, тотъ уже навсегда подпадалъ подъ его обаяніе и переживалъ всю прелесть духовной близости съ нимъ. Не забываются тѣ минуты, когда приходилось бывать съ нимъ, говорить и слушать его.

Этотъ лейтъ-мотивъ, эта радостность воспоминанія о свѣтломъ и чистомъ, проходитъ черезъ весь сборникъ. Всѣ участники литературнаго поминовенія стараются воскресить отдѣльныя черты дорогого облика. Въ изящной миніатюрѣ Георгъ Брандесъ откликается съ Запада на чествованіе русскаго шекспиролога и заканчиваетъ свои строки слѣдующимъ аккордомъ: „Стороженко представляется

мнѣ типомъ русскаго ученаго, сущность котораго есть ученость, не знающая мелочности, безкорыстный трудъ на пользу просвѣщенія обоихъ половъ, совершенное равнодушіе къ внѣшнимъ отличіямъ. Въ свѣтлую пору своей жизни онъ обладалъ духовнымъ равновѣсіемъ, коренившимся не въ англійской боязни того, что̀ не фактъ (matter of fact), не во французскомъ esprit и не въ нѣмецкомъ педантизмѣ, а въ широтѣ русской натуры и въ задушевности украинскаго темперамента". Красиво, съ сердечными лирическими нотками вспоминаетъ другъ молодости А. Н. Веселовскій о раннихъ годахъ Николая Ильича, объ его Lehr- und Wanderjahre. Колоритно обрисовывается молодой малороссъ, попавшій изъ глубины Полтавщины въ Москву и сразу занявшій видное мѣсто въ кружкѣ университетской молодежи, насчитывающемъ въ своихъ рядахъ, кромѣ братьевъ Веселовскихъ, А. Котляревскаго, В. И. Покровскаго, И. С. Некрасова, Рассадина. За университетскими годами идутъ годы учительства, подготовки къ ученой карьерѣ, первыхъ заграничныхъ впечатлѣній и первыхъ научныхъ успѣховъ. Какъ живыя проходятъ передъ нами эти странствія, увлеченія, романтическія грезы и мечты, позже смѣнившіяся тѣмъ тихимъ свѣтомъ идеализма, который озарялъ Н. И. до послѣднихъ дней. Въ pendant къ этому глядитъ со страницъ иллюстрирующій статью портретъ молодого Стороженка, безусаго и по-гоголевски причесаннаго. Какъ бы продолженіемъ и дополненіемъ воспоминаній А. Н. Веселовскаго служатъ письма Н. И. Стороженка къ Н. С. Тихонравову, извлеченныя изъ бумагъ послѣдняго. Эти письма относятся къ періоду 1872—1874 гг., когда Н. И. сдавалъ магистерскій экзаменъ въ Петербургѣ, а затѣмъ жилъ за границей, работая надъ диссертаціей и подготовляя свои первые университетскіе курсы. Изъ переписки видно, какъ основательно и солидно готовился Н. И. къ магистрированію, какъ тщательно обдумывалъ и вырабатывалъ курсы. Весьма интересны его заграничныя научныя впечатлѣнія и описанія его работъ. Все это написано не сухо, не казенно-оффиціально; нѣтъ, это живая и образная рѣчь, яркая и остроумная. Особую прелесть писемъ Н. И. составляетъ юморъ, который то отдѣльными искорками, то цѣлымъ фейерверкомъ вспыхиваетъ и сверкаетъ на ихъ страницахъ. Въ письмахъ къ Тихонравову молодой ученый, посланный за границу со скуднымъ содержаніемъ, часто говоритъ о денежныхъ дѣлахъ, о присылкѣ жалованья. „Деньги, вами посланныя (сентябрьское жалованье и квартирныя), я получилъ давно, такъ давно, что отъ нихъ остались только смутныя, хотя и пріятныя воспоминанія" (Лондонъ, 4 ноября 1873 г.). Въ другомъ письмѣ, изъ Марселя, Н. И. шутливо извиняется за этотъ вынужденный припѣвъ своихъ писемъ: „Мнѣ крайне совѣстно, что мои письма къ вамъ на-

чинаютъ принимать характеръ молитвы Господней, состоящей, какъ извѣстно, изъ славословія, благодаренія и прошеній"...

Дальнѣйшія статьи сборника рисуютъ намъ Николая Ильича въ эпоху расцвѣта его научной и культурной дѣятельности. На немногихъ страницахъ вспоминаетъ П. Г. Виноградовъ о первомъ выступленіи Стороженка на каѳедрѣ Московскаго университета и, далѣе, о совмѣстной борьбѣ за начала университетской свободы въ 90-ые годы. Объ этомъ же говоритъ и И. И. Янжулъ, описывая аудіенцію Н. И. у только-что назначеннаго министромъ Боголѣпова съ ходатайствомъ о возвращеніи въ Московскій университетъ двухъ „изгнанниковъ", М. М. Ковалевскаго и Ѳ. Ѳ. Эрисмана. Р. М. Хинъ приводитъ любопытный эпизодъ съ запиской о допущеніи евреевъ въ университетъ. Когда, въ 1901 году, былъ составленъ докладъ московской университетской коммиссіей, Н. И. нашелъ вопросъ объ евреяхъ недостаточно освѣщеннымъ и подалъ особую записку, подписанную еще нѣкоторыми профессорами, въ томъ числѣ К. А. Тимирязевымъ и И. М. Сѣченовымъ. Николай Ильичъ доказывалъ, что недопущеніе евреевъ въ университетъ дѣйствуетъ развращающимъ образомъ на студентовъ-христіанъ, пріучая ихъ пользоваться незаслуженно-привилегированнымъ положеніемъ. Ректоръ замѣтилъ, что записка никакого практическаго значенія имѣть не будетъ. „Будетъ имѣть принципіальное", спокойно возразилъ Николай Ильичъ. „Черезъ сто лѣтъ", прибавилъ находившійся при этой бесѣдѣ другой профессоръ. „Тѣмъ хуже для насъ", сказалъ Николай Ильичъ. Эта записка была гектографирована студентами въ видѣ прокламаціи, и Н. И., не имѣвшій къ тому никакого отношенія, получилъ выговоръ. Онъ всегда вспоминалъ объ этомъ, съ лукавой усмѣшкой говоря, что ему никогда не дадутъ ленты черезъ плечо. М. М. Ковалевскій—близкій и старый другъ Николая Ильича,—говоря о постоянныхъ принципіальныхъ его выступленіяхъ, замѣчаетъ: „При этомъ онъ нарывается нерѣдко на сухое заявленіе: а вамъ-то какое дѣло? Но возможность наткнуться на такую грубость его не запугиваетъ: онъ знаетъ, что дѣйствуетъ согласно съ совѣстью, а для него она — высшій законодатель". М. М. Ковалевскій говоритъ также о началѣ научной извѣстности Стороженка на Западѣ, когда на англійскій языкъ была переведена докторская диссертація Николая Ильича и послужила вступленіемъ къ многотомному собранію сочиненій Роберта Грина.

Довольно безцвѣтно составлена замѣтка „Н. И. Стороженко въ Румянцевскомъ музеѣ". А, между тѣмъ, какая благодарная тема, какъ много можно сказать о той высокой культурной роли, какую сыгралъ Стороженко въ этомъ просвѣтительномъ центрѣ Москвы! Какъ оскудѣлъ музей безъ него, какъ пусто и мертво въ тѣхъ библіотечныхъ

комнатахъ, которыя примыкали къ кабинету Николая Ильича! Я выразился „кабинетъ“: это слишкомъ громко для небольшого уголка, гдѣ, кромѣ трехъ книжныхъ полокъ, ютились письменный столъ и два стула—но какъ уютно и симпатично тамъ было! Сухую статью украшаетъ прекрасный портретъ, изображающій Николая Ильича въ музейскомъ кабинетѣ. И кто только не перебывалъ тамъ, приходя къ Н. И. за совѣтомъ и указаніями. Большой знатокъ литературы, съ громадными библіографическими знаніями, Стороженко былъ превосходнымъ руководителемъ Румянцевской библіотеки; его стараніями устроенъ читальный залъ, привлекающій такія массы читателей; ему обязанъ многимъ и отдѣлъ иностранныхъ книгъ музея, прежде весьма слабый и пополнившійся, главнымъ образомъ, во время библіотекарства Стороженка. Его завѣдываніе библіотекой не ограничивалось формальнымъ руководительствомъ сверху; нѣтъ, всегда охотно отвѣчалъ онъ на запросы и близко принималъ къ сердцу интересы посѣтителей. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мнѣ приходилось ежедневно бывать и заниматься въ музейской библіотекѣ, читая то въ кабинетѣ Н. И., то въ небольшой комнаткѣ рядомъ. Передо мной проходили его многочисленные посѣтители, разнаго ранга и званія, разнаго пола и возраста. То зайдутъ для своихъ работъ рѣдкіе петербургскіе гости, теперь тоже отошедшіе въ лучшій міръ — Александръ Николаевичъ Веселовскій и А. Н. Пыпинъ, то завсегдатай музея И. И. Ивановъ, Алексѣй Ник. Веселовскій, М. Н. Розановъ, В. И. Сизовъ и мн. др. Особенно врѣзались мнѣ въ память посѣщенія Л. Н. Толстого, который работалъ надъ повѣстью „Хаджи Муратъ“ и пользовался въ музеѣ книгами по исторіи кавказскихъ войнъ. Памятны мнѣ разговоры Толстого и Стороженка: одинъ—о романтизмѣ Горькаго, другой—объ одинаково возмущавшей обоихъ собесѣдниковъ постановкѣ „Контрабандистовъ“ въ Суворинскомъ театрѣ, закончившейся грандіознымъ скандаломъ. На ряду съ этими посѣтителями приходится отмѣтить цѣлыя сонмища разныхъ мелкихъ литераторовъ, переводчиковъ и, главное, переводчицъ и драматурговъ въ юбкахъ. Всѣ они изводили Николая Ильича, назойливо требуя указаній и совѣтовъ. Безконечно мягкій и рыцарски-любезный, Николай Ильичъ рѣдко могъ отказать и покорно несъ доставшійся ему нелегкій крестъ; выведенный изъ терпѣнія, онъ разражался... шуткой. Такъ помнится мнѣ, что одна переводчица сентиментальныхъ драмъ и романовъ не то съ англійскаго, не то съ итальянскаго привела себѣ на подмогу свою престарѣлую мамашу, которая занялась тщательной переборкой всѣхъ старыхъ журналовъ. Руки музейскихъ служащихъ устали таскать вороха книгъ, а старая дама все требуетъ новыхъ и новыхъ жертвъ. Николай Ильичъ то отправится въ каталожную, чтобы навести справку для неотступ-

ной посѣтительницы, то снова въ мрачномъ отчаяніи сядетъ за письменный столъ. И такъ продолжалось нѣсколько дней. Какъ-то разъ, воспользовавшись минутнымъ исчезновеніемъ любительницы старыхъ журналовъ, я спросилъ Николая Ильича, откуда взялась эта дама. Николай Ильичъ, лукаво сощуривъ глазъ, своей скороговоркой отвѣтилъ: „Не знаю-съ, но думаю, что она получила временный отпускъ съ Лысой горы". Я покатился со смѣху и долго не могъ сдержать свою веселость, хотя старая лэди уже явилась, а Николай Ильичъ сидѣлъ степенно, какъ ни въ чемъ не бывало, и только изрѣдка сурово посматривалъ на меня. Удивительная способность быстраго и мѣткаго отвѣта была отличительною чертою Н. И. Объ этомъ много говорится на разныхъ страницахъ сборника и у разныхъ авторовъ. Припоминается мнѣ, что въ томъ же музеѣ на поздравленіе Николая Ильича съ „генеральствомъ" онъ быстро отвѣтилъ: „Меня произвели въ дѣйствительные статскіе совѣтники, чтобы показать, какими не должны быть дѣйствительные статскіе совѣтники". Способность шутки вела и къ курьезнымъ мистификаціямъ; такъ, встрѣтивъ одного очень любопытнаго и любящаго посплетничать господина на Николаевскомъ вокзалѣ, Н. И., отозвавъ его въ сторону, конфиденціально и подъ секретомъ сообщилъ, что онъ экстренно вызванъ въ Петербургъ, такъ какъ состоялось его назначеніе попечителемъ астраханскаго учебнаго округа. У NN въ зобу дыханье сперло и онъ опомнился лишь тогда, когда при первой попыткѣ подѣлиться секретной новостью ему указали, что никогда астраханскаго учебнаго округа и не бывало.

Совсѣмъ почти неосвѣщенными остались въ сборникѣ отношенія Н. И. къ театру, къ Обществу Любителей Россійской Словесности (здѣсь весьма поучительно было бы разсказать о хожденіи Н. И. по мытарствамъ по поводу произнесенныхъ во время Пушкинскихъ торжествъ рѣчей С. А. Муромцева и В. Е. Якушкина), къ комиссіи домашняго чтенія и мн. др. Здѣсь въ значительной степени вина падаетъ на издателей сборника, которые своей тенденціей помѣщать произведенія только членовъ Общества Любителей Россійской Словесности лишили многихъ, очень многихъ возможности подѣлиться своими воспоминаніями о Николаѣ Ильичѣ. О послѣднихъ годахъ жизни Стороженка, о закатѣ его дней изящно, съ лирическимъ подъемомъ повѣствуетъ г-жа Хинъ. Въ мягкихъ и нѣжныхъ тонахъ рисуется силуэтъ благороднаго мечтателя, уже сходящаго въ могилу, но пережившаго и весенніе проблески въ октябрѣ, и декабрьскій разгромъ. Но здѣсь не все сказано, не все упомянуто.

Пишущему эти строки выпало счастье часто общаться съ Николаемъ Ильичемъ, разставаясь съ нимъ только на лѣто,—выпало и присутствовать при его послѣднемъ часѣ... Въ послѣдніе годы, когда му-

чительный недугъ прогрессировалъ, Николай Ильичъ не переставалъ работать, не переставалъ горячо всѣмъ интересоваться; въ физически разслабленномъ тѣлѣ былъ бодрый духъ и до самаго конца былъ свѣтелъ и ясенъ умъ. Не все удалось осуществить Николаю Ильичу, а о многомъ онъ мечталъ. Если напечатанъ интересный этюдъ „Кирилло-Меѳодіевскіе заговорщики“, помѣченный 20-мъ декабря 1905 года, то въ рукописи остались многія, частью оконченныя, частью неоконченныя работы. Кромѣ указанной выше статьи о Мэри Уольстонкрафтъ, Стороженко мечталъ закончить этюдъ о Ларошфуко и напечатать уже совсѣмъ почти приготовленный курсъ американской литературы. Какъ только наступало малѣйшее ослабленіе болѣзни, онъ дѣятельно принимался за работу. Въ своихъ бесѣдахъ онъ чаще и чаще уносился въ далекое прошлое и обращался къ дорогимъ тѣнямъ. Величайшимъ наслажденіемъ было слушать его воспоминанія, такія красочныя и яркія. Помню, какъ воодушевлялся Н. И., передавая лекцію Грановскаго о Маккіавелли. Не забыть мнѣ никогда, какъ Н. И., только что оправившійся отъ тяжелаго болѣзненнаго приступа, съ умиленіемъ слушалъ воспоминанія М. П. Щепкина о Кудрявцевѣ и какъ по окончаніи чтенія прерывистымъ отъ душившихъ его слезъ голосомъ произнесъ на память замѣчательную рѣчь С. М. Соловьева на могилѣ профессора-идеалиста. Р. М. Хинъ вспоминаетъ, какъ Николай Ильичъ на вопросы его близкихъ, почему онъ не пишетъ мемуары, отвѣчалъ: „Боюсь! Опасная штука, эти мемуары. Начнешь о знаменитомъ человѣкѣ и вдругъ—я молъ самъ тоже душканъ. Оглянуться не успѣешь, какъ уже налгалъ или нахвасталъ“. А каковы могли бы быть мемуары Н. И., показываетъ его воспоминаніе о студенческихъ годахъ Н. В. Бугаева (въ журналѣ „Научное Слово“ за 1904 г.)—немногія страницы, но отмѣченныя крупнымъ художественнымъ дарованіемъ.

Въ послѣдніе мѣсяцы жизни Николая Ильича совершились крупныя событія въ русской общественной жизни. Убѣжденный прогрессистъ, стойкій носитель идеаловъ гуманности и свободы, Николай Ильичъ радостно привѣтствовалъ первые проблески зари русской свободы. Съ живымъ и горячимъ участіемъ слѣдилъ онъ за всѣми перипетіями общественной борьбы и твердо вѣровалъ въ наступленіе лучшаго будущаго. Ужасные декабрьскіе дни въ Москвѣ не разрушили его завѣтныхъ мечтаній, и онъ сошелъ съ ними въ могилу. Съ мучительной тревогой слѣдилъ онъ за университетскими событіями, глубоко печалился, когда опускалось университетское знамя и умолкала alma mater, и радостно-восторженъ былъ, когда явилась надежда, что въ автономномъ университетѣ возсіяетъ свободная наука. И вотъ, наступилъ послѣдній часъ... 12 января 1906 года,

въ 101-ю годовщину Московскаго университета, Николая Ильича не стало. Смерть подошла какъ-то неожиданно, внезапно. За обѣдомъ, за нѣсколько минутъ передъ смертью Николай Ильичъ принималъ горячее участіе въ общемъ разговорѣ (дѣло шло о правѣ роспуска палаты) и, цитируя слова одного англійскаго коммонера XVII вѣка, сказалъ: „Когда парламентъ созванъ волею народа, никакая сила не можетъ его распустить". Это были его послѣднія слова... Есть что-то глубоко символическое и въ датѣ его смерти, и въ его послѣднихъ словахъ; здѣсь какъ-то все гармонируетъ съ общимъ тономъ его личности и его жизни. До сихъ поръ вспоминаешь объ этомъ, какъ будто это было вчера; снова бередишь старыя раны, и какъ ни мучительно грустно, все хочется думать и вспоминать о быломъ. Будутъ идти года, десятки лѣтъ — образъ московскаго профессора-гуманиста никогда не изгладится и вѣчно будетъ служить источникомъ свѣтлыхъ и чистыхъ впечатлѣній.

И. Бороздинъ.

СЪѢЗДЪ ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЕЙ И СУДЬБА ХУТОРОВЪ.

Ходъ нашихъ такъ называемыхъ „землеустроительныхъ" работъ продолжаетъ возбуждать вопросы объ ихъ существѣ, успѣшности и цѣлесообразности. По прежнему, съ одной стороны повторяются оффиціальныя увѣренія о благополучіи, а съ другой—выступаютъ явленія, вовсе съ этимъ не согласующіяся, причемъ нерѣдко усилія самихъ присяжныхъ оптимистовъ даютъ матеріалъ, дискредитирующій то, что они прославляютъ.

Землеустроительные опыты дѣлятся на двѣ главныя части: раздробленіе общественныхъ надѣловъ на мелкіе участки личной собственности, съ правомъ вольной ихъ продажи, и сбытъ крестьянамъ банковыхъ земель, главнымъ образомъ—отрубными участками, причемъ хозяйственная будущность этихъ участковъ остается въ туманѣ. Послѣ ряда невѣрныхъ, сбивчивыхъ, взаимно-противорѣчивыхъ и, въ свое время, опровергнутыхъ казенныхъ сообщеній о достигнутыхъ „успѣхахъ",—преимущественно въ отношеніи къ первой части,—новыя свѣдѣнія выступили на происходившемъ въ Петербургѣ январьскомъ съѣздѣ непремѣнныхъ членовъ губернскихъ присутствій и землеустроительныхъ коммиссій. Съѣздъ этотъ созванъ былъ министерствомъ и ему придавался видъ особо торжественнаго акта, съ выдающимся стараніемъ возможно больше муссировать его значеніе. Отъ землеустроителей, служебная оцѣнка которыхъ дѣлается по числу совершенныхъ выдѣловъ и отрубовъ, и которые не разъ подвергались нагоняямъ за медленность крестьянскаго движенія къ выдѣламъ, естественно было ожидать увѣреній, что все идетъ прекрасно, энергично и — главное — встрѣчаетъ полное сочувствіе въ населеніи. Но все-таки можно было еще предположить, что авось они покажутъ и нѣчто новое, въ какой-нибудь степени говорящее въ пользу ихъ работъ. Однако землеустроители и на этотъ разъ остались вѣрны своей традиціи. Похвальбы было довольно, но при этомъ сказалась прежняя роковая черта: тѣ самые факты, на которые дѣлалась ссылка въ доказательство „успѣховъ", производили совсѣмъ иное впечатлѣніе, открывая поводы къ заключеніямъ въ противоположномъ смыслѣ. Неосторожны ли землеустроители въ сообщеніяхъ или неумѣлы въ аргументированіи, только они довольно неловко проговаривались.

Изъ отчетовъ о засѣданіяхъ съѣзда, помѣщенныхъ въ „Правитель-

ственномъ Вѣстникѣ", видно, что по словамъ землеустроителей враждебное отношеніе крестьянской массы къ выдѣламъ хотя и замѣчалось вначалѣ во многихъ мѣстахъ, но случаи „открытаго проявленія такого недовольства вездѣ наблюдались лишь въ видѣ исключеній", напримѣръ въ губерніяхъ Воронежской, Вятской, Казанской и Тверской. А теперь „всюду замѣчается *чрезвычайно сочувственное* отношеніе населенія къ новому закону". Въ доказательство такого сочувствія приводятся нижеслѣдующіе факты.

Въ Самарской губерніи было 51 тысяча случаевъ укрѣпленія общественной земли въ личную собственность и при этомъ за 11 тысячами домохозяевъ земля укрѣплена даже по приговорамъ самихъ крестьянскихъ обществъ. Въ Орловской губерніи укрѣпленій совершено 30 тысячъ, въ Пензенской — 18.700; въ Таврической губерніи укрѣпленію подверглось 375 тысячъ десятинъ. Относительно послѣднихъ трехъ губерній ссылокъ на приговоры уже не сдѣлано. Въ Полтавской губерніи (гдѣ владѣніе, какъ извѣстно, подворное) 700 домохозяевъ одного пригороднаго общества перешли къ отрубамъ, и въ результатѣ земля эта повысилась въ цѣнѣ съ 250 на 400 рублей за десятину. Возрастаетъ число укрѣпленій и въ другихъ мѣстностяхъ. Крестьянинъ, получая отмежеванный участокъ, „*поражается количествомъ* полученной имъ въ собственность земли, ранѣе распыленной въ мелкихъ полосахъ": онъ даже и не подозрѣвалъ себя владѣльцемъ такого количества. Продаютъ же надѣлы главнымъ образомъ тѣ крестьяне, которые уже порвали всякую связь съ землею. Особенно выдается одинъ саратовскій примѣръ сочувствія: въ с. Караѣ, гдѣ были „*недоразумѣнія* въ связи съ примѣненіемъ указа 9 ноября", послѣ прекращенія этихъ недоразумѣній 500 домохозяевъ получили отдѣльные надѣлы, а сельское общество выдало имъ отъ себя по 100 рублей на дворъ (значитъ, всего 50 тысячъ рублей) въ пособіе на расходы по переселенію на выдѣленные участки.

Вотъ чѣмъ нашли возможнымъ похвалиться землеустроители. Выставленныя цифры, съ перваго взгляда, какъ будто и могутъ произвести извѣстное впечатлѣніе, но стоитъ присмотрѣться къ нимъ лишь немного внимательнѣе, чтобы это впечатлѣніе исчезло или замѣнилось обратнымъ. Точно ли въ нихъ выражается сочувствіе самого населенія? Что именно разумѣютъ землеустроители подъ выраженіями: „сочувствіе населенія" и „населеніе"? Строя свои выводы только на численности выдѣловъ, они принимаютъ за населеніе не основную массу крестьянства, а собственно тѣ относительно малыя группы отдѣльныхъ крестьянъ, которыя готовы выдѣляться изъ этой массы. Но вѣдь извѣстно, что выдѣленцамъ предоставляются такія выгоды и преимущества за счетъ остальныхъ ихъ однообщественниковъ, кото-

рыя часто идутъ въ ущербъ послѣднимъ—и подобныя выгоды усиленно покровительствуются земскими начальниками и другими землеустроителями, плохо считающимися съ интересами обществъ. При такихъ условіяхъ интересы выдѣленцевъ и интересы обществъ нѣрѣдко прямо противоположны одни другимъ. Выдѣленцы—это маленькій привилегированный элементъ, а остальная масса—элементъ, за счетъ котораго создаются привилегіи. Вотъ, если бы видно было, что общества сами охотно, безъ понужденій, стремятся помогать желаніямъ выдѣленцевъ, находя тутъ безобидное соглашеніе интересовъ, тогда можно было бы говорить о населеніи. На самомъ дѣлѣ мы видимъ совсѣмъ другое. Приведенныя цифры показываютъ собственно то, что находится много охотниковъ устраивать свои выгоды за счетъ интересовъ общихъ; но поощрите отдѣльныхъ лицъ выкраивать себѣ участки повыгоднѣе изъ земель другихъ людей—не только крестьянъ, но кого угодно,—на это всегда охотниковъ найдется немало. Свое пониманіе „населенія“ землеустроители, на одномъ изъ засѣданій, высказали даже откровенно. Когда рѣчь коснулась замѣчаній печати, „будто бы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ оказывается давленіе на *населеніе* къ укрѣпленію надѣловъ, съѣздъ единогласно и горячо отвергъ самую возможность такихъ фактовъ“, находя, что „только полное незнаніе уклада народной жизни можетъ дать почву для подобныхъ предположеній“. Нельзя-де „указать средствъ, которыми крестьянина можно было бы заставить поступиться своими имущественными интересами и, вопреки его желанію, подать заявленіе объ укрѣпленіи“. И вообще съѣздъ призналъ, что „въ интересахъ дѣла совершенно недопустимы какія-либо насильственныя въ этой области мѣры“. Выходитъ, что съѣздъ открещивается собственно отъ давленія и насилій въ отношеніи къ самимъ выдѣленцамъ, а не къ обществамъ. Стоило только ввести игру словъ, замѣняющую означенныхъ выдѣленцевъ громкимъ названіемъ „населенія“—и парадный выводъ готовъ: маленькая группа устраивающихся за общій счетъ фигурируетъ въ роли населенія, тогда какъ критика печати главнымъ образомъ касалась вопроса, не обижены ли общественныя массы, т. е. основное крестьянство. Ясно, какой смыслъ имѣютъ рекламы о сочувствіи населенія, и дали ли землеустроители надлежащій отвѣтъ на замѣчанія печати.

Перейдемъ къ рекламируемымъ частнымъ примѣрамъ. Что̀ показываютъ выставленныя самарскія цифры? Если при выдѣлѣ 51 тысячи хозяевъ въ губерніи 11 тысячъ получили на то приговоры сельскихъ обществъ, т.-е. нормальное крестьянское согласіе, то тѣмъ самымъ сказано, что остальные 40 тысячъ выдѣлены безъ согласія обществъ или вопреки ихъ волѣ, а что̀ характернѣе и вѣсче въ отношеніи къ сочувствію или несочувствію населенія—согласіе одной пятой части или

несогласіе четырехъ пятыхъ? Да и при выдачѣ приговоровъ 11 тысячамъ крестьяне не могли не находиться подъ давленіемъ мысли, что какъ ни относись къ дѣлу—выдѣлы все равно будутъ устроены, если не приговорами, то земскими начальниками; стало быть не лучше ли справиться по крайней мѣрѣ своими руками, чѣмъ предоставлять кройку надѣловъ земскимъ начальникамъ? Примѣръ возвышенія въ цѣнѣ полтавскихъ подгородныхъ десятинъ послѣ ихъ выдѣла вызываетъ существенное недоумѣніе. Капитальная цѣна земли опредѣляется при ея продажѣ—что же, эти десятины проданы? Если проданы, то выдѣлъ былъ сдѣланъ для перепродажи, т.-е. соединялся съ обезземеленіемъ прежнихъ хозяевъ; а если не проданы, то на чемъ основана эффектная переоцѣнка? На предположеніяхъ самихъ хозяевъ или на пригодныхъ для „сообщеній" мнѣніяхъ землеустроителей? — Что касается простоты бѣднаго мужичка, который даже не подозрѣвалъ, сколько у него земли въ полосахъ, и поражается, узнавъ эту тайну при помощи землеустроителей, то это ужъ такое фельетонное украшеніе рѣчи, которое не нуждается въ серьезномъ разборѣ и останавливаетъ на себѣ вниманіе только по своей характерности. Наивны ли сами сообщатели, или они слишкомъ понадѣялись на наивность своихъ слушателей и читателей?

Наконецъ, обращаясь къ факту добровольнаго пожертвованія однимъ саратовскимъ обществомъ 50 тысячъ рублей въ пользу выдѣлившейся изъ него группы отрубныхъ хозяевъ, нельзя не сказать, что это фактъ по истинѣ удивительный, — такъ мало онъ согласуется съ обычными явленіями крестьянской жизни и крестьянскими нравами. Положимъ, послѣ „недоразумѣній" бывали у насъ всякія чрезвычайности, но о такомъ примѣрѣ премированія обществами выдѣленцевъ, если онъ былъ, можно судить лишь послѣ тщательнаго освѣщенія всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Тутъ нельзя довольствоваться одними мимолетными сообщеніями, а надо узнать дѣйствительную подкладку.

Вотъ и весь активъ опубликованныхъ сообщеній. Ничего болѣе серьезнаго, убѣдительнаго не нашлось, а сказанное, не опровергая сложившихся мнѣній о достоинствѣ и духѣ землеустроительной работы, скорѣе даетъ имъ новое подтвержденіе. Сохранились всѣ прежнія основанія видѣть въ землеустроительной работѣ давленіе на населеніе (въ настоящемъ смыслѣ этого слова), а въ ея результатахъ—настойчивую наружную ломку безъ ясно сознаваемой цѣли. Въ этомъ отношеніи послѣдній съѣздъ, точно, оказался довольно краснорѣчивымъ явленіемъ текущей жизни: онъ яснѣе выставилъ, что̀ могутъ сказать въ защиту своего дѣла землеустроительные дѣятели, при всѣхъ стараніяхъ и заботѣ объ эффектахъ.

Теперь перейдемъ къ другой части землеустроительства. Что̀

дѣлается относительно устройства крестьянскихъ хуторовъ на банковыхъ земляхъ? Тутъ тоже не безъ интересныхъ явленій. О проектахъ и нарѣзкахъ хуторовъ писалось уже немало; устроительныя работы долго сосредоточивались исключительно на заботѣ о фигурахъ участковъ. Только лѣтомъ прошлаго года впервые послышалась рѣчь о томъ, что внутри этихъ фигуръ надо ввести и агрономическія улучшенія. Главноуправляющій вѣдомствомъ земледѣлія—какъ мы уже упоминали въ прошлой книжкѣ „Вѣстника Европы"—издалъ 9 іюля циркуляръ объ образованіи въ 25-ти губерніяхъ, изъ чиновъ разныхъ вѣдомствъ, особыхъ экспедицій, которыя должны изучить на мѣстѣ старые крестьянскіе хутора, устроившіеся самостоятельно, чтобы узнать, какіе изъ практикуемыхъ тамъ хозяйственныхъ пріемовъ могутъ быть заимствуемы для процвѣтанія вновь образуемыхъ нынѣ хуторовъ. Чтобы означенное изученіе не оставалось затяжнымъ академическимъ упражненіемъ, а поскорѣе переходило въ дѣло, назначены были и сроки: для объѣзда намѣченныхъ районовъ—отъ 2 до 3 мѣсяцевъ, а для всего обслѣдованія—лѣтній періодъ 1908 года, послѣ чего собранные матеріалы должны поступать въ губернскія агрономическія совѣщанія. Послѣднія, въ свою очередь, обязывались все разсмотрѣть, обсудить и составить выводы о практическомъ примѣненіи не позже конца того же 1908-го года. Соблюденіе этихъ сроковъ являлось вполнѣ возможнымъ. При живомъ интересѣ къ дѣлу и способности исполнителей, въ каждой губерніи безъ затрудненій могло быть основательно выяснено положеніе нѣсколькихъ десятковъ хуторскихъ хозяйствъ, а во всѣхъ 25 губерніяхъ—слишкомъ тысячи, т.-е. къ осени долженъ былъ получиться обильный и краснорѣчивый матеріалъ по вопросу о томъ, есть ли основаніе ждать отъ экспедицій чего-либо серьезнаго или нѣтъ. Такимъ образомъ, въ результатахъ работъ экспедицій видѣлось для будущности хуторовъ нѣчто рѣшающее. При отсутствіи подготовки агрономическихъ указаній самимъ вѣдомствомъ земледѣлія, старые крестьянскіе хутора являлись почти единственнымъ источникомъ хозяйственнаго поученія. Значитъ, если получатся тамъ полезные уроки, то хоть на нѣкоторой долѣ крестьянскихъ земель водворятся улучшенія, а если не получатся—на всемъ дѣлѣ ляжетъ печать безплодно потраченныхъ дорого стоющихъ усилій, и за новыми хуторами упрочатся шансы сохраненія того же трехполья—если не худшаго еще порядка,—какое господствовало прежде на полосахъ. Понятно, что къ результатамъ работъ экспедицій возбуждался особенный интересъ.

Однако, со времени изданія циркуляра прошло уже почти восемь мѣсяцевъ. Всѣ данные экспедиціямъ и губернскимъ совѣщаніямъ сроки истекли, но никакихъ оффиціальныхъ сообщеній о томъ, что ими сдѣлано, предъ нами до сихъ поръ нѣтъ. Мы не имѣемъ не только

общаго итога по всѣмъ губерніямъ, но и частныхъ свѣдѣній по отдѣльнымъ мѣстностямъ. Намъ неизвѣстно, какъ шло дѣло въ тѣхъ или другихъ губерніяхъ; нельзя даже утвердительно сказать, точно ли экспедиціи работали. Узнано ли что-нибудь полезное на старыхъ хуторахъ или оказалось, что ничѣмъ тамъ позаимствоваться не приходится — все это остается во тьмѣ, тогда какъ характерные примѣры, достойные подражанія, и другія интересныя свѣдѣнія по тѣмъ или другимъ мѣстностямъ могли быть выяснены и опубликованы еще въ концѣ осени. Что же означаетъ подобное молчаніе? Простую ли канцелярскую затяжку, или желаніе представить результаты строго вывѣренные и въ достаточно обработанномъ видѣ? Оба предположенія представляются мало вѣроятными, потому что наши землеустроители отличаются излишнею торопливостью сообщеній объ успѣхахъ. Они публиковали не только сомнительныя, но даже прямо недостовѣрныя свѣдѣнія до того спѣшно, что не замѣчали, какъ эти свѣдѣнія противорѣчили одни другимъ. Безъ выжиданія общихъ итоговъ объявлялись и частныя, мѣстныя данныя, если только являлась возможность пригнать ихъ къ рекламамъ. Гдѣ же причина различія между прежнею торопливою сообщительностью и нынѣшнимъ молчаніемъ? Невольно приходится задаваться мыслью: не въ томъ ли дѣло, что по части экспедицій нечѣмъ похвалиться?

На такую мысль наводятъ, между прочимъ, и частныя сообщенія наблюдателей старыхъ хуторовъ. Они очень разнообразны. По словамъ иныхъ, на этихъ хуторахъ нерѣдко господствуетъ или тоже традиціонное трехполье, или даже распашка всей земли безъ отдыха, причемъ почти вся выгода сосредоточеннаго владѣнія состоитъ въ близости полей для вывозки удобренія и въ устраненіи необходимости дальней перевозки споповъ и сѣна. На ряду съ этимъ указываютъ примѣры, гдѣ крестьяне и безъ хуторовъ, на надѣльныхъ земляхъ, заводятъ и травосѣяніе, и примѣненіе фосфоритовъ. Правда, есть и образцовые хутора, пользующіеся многими усовершенствованіями и достигшіе высокой производительности; но они принадлежатъ людямъ, обладающимъ достаточными матеріальными средствами и знаніемъ, при соотвѣтствующей иниціативѣ, и хозяйственное творчество является тамъ въ гораздо большей степени результатомъ этихъ средствъ и знаній, чѣмъ фигуры участковъ. Поучать нашихъ рядовыхъ новыхъ хуторянъ подобными примѣрами — не значитъ ли сказать имъ: вотъ какъ хорошо можно хозяйничать при средствахъ, какихъ у васъ нѣтъ!

Выходитъ, что какъ ни настойчиво казенныя рекламы стараются увѣрять въ успѣхѣ, благодѣтельности, жизненности и пріятности для населенія производимыхъ нынѣ землеустроительныхъ работъ—имъ все

не удается поправить репутацію послѣднихъ и доказать то, что̀ имъ хочется. Напротивъ, чѣмъ больше потугъ, тѣмъ явственнѣе выступаютъ отрицательныя черты: принудительность ломки, сѣяніе внутренней непріязни въ крестьянской средѣ, расчистка пути къ умноженію сельскаго пролетаріата и полная неясность будущности новыхъ хуторовъ. Если способы агрономическихъ улучшеній не отыскиваются у старыхъ хуторянъ или не открываются средства пересадки ихъ на создаваемые отрубы—куда еще обратиться за наукою?

Θ. Θ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1909.

Кончина великаго князя Владиміра Александровича.—Заключительная черта къ характеристикѣ третьей Государственной Думы.—Вопросъ о провокаціи и провокаторахъ.—Оппозиція и большинство.—„Лѣса“ и зданіе.—Октябристы и наказъ.—Окончаніе преній о земельномъ вопросѣ: обостреніе положенія, созданнаго указомъ 9-го ноября.—Роспускъ финляндскаго сейма.

5-го февраля обнародованъ слѣдующій Высочайшій манифестъ:

„Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

„Всемогущему Богу угодно было отозвать къ Себѣ Любезнѣйшаго Дядю Нашего, Великаго Князя Владиміра Александровича. Почившій скончался въ 4 день сего февраля, послѣ непродолжительной тяжкой болѣзни, на 62-мъ году отъ рожденія.

„Возвѣщая о семъ горестномъ событіи и оплакивая утрату Любезнѣйшаго Дяди Нашего, жизнь коего была посвящена безпрерывному служенію Престолу и Отечеству, Мы твердо увѣрены, что всѣ Наши вѣрные подданные раздѣлятъ скорбь, постигшую Императорскій Домъ Нашъ, и соединятъ теплыя молитвы свои съ Нашими объ успокоеніи въ Царствѣ праведныхъ души усопшаго Великаго Князя“.

Характеристика третьей Государственной Думы, слагающаяся съ самаго дня ея открытія, дополнена одною существенною, яркою чертою. Въ засѣданіи 13-го февраля она отвергла, большинствомъ голосовъ, запросъ по дѣлу Азефа, признавъ — согласно формулѣ, предложенной умѣренно-правыми и принятой октябристами—объясненія правительства удовлетворительными и исчерпывающими, и выразивъ увѣренность, что въ борьбѣ съ терроромъ правительство будетъ пользоваться всѣми законными средствами.

Чтобы оцѣнить по достоинству это рѣшеніе, сравнимъ его, прежде всего, съ наиболѣе мягкою изъ всѣхъ формулъ, отклоненныхъ Думою. Исходя отъ мирнообновленцевъ и прогрессистовъ, она гласила такъ: „система провокаціи не должна служить средствомъ борьбы съ терроромъ; правительство не представило доказательствъ того, что оно принимаетъ достаточныя мѣры къ искорененію провокаторской дѣятельности своихъ агентовъ; правительство обязано прекратить нынѣ широко практикуемую систему провокаціи со стороны агентовъ власти".

Отвергнуть эту формулу, умѣренную по содержанію, корректную и сдержанную по выраженіямъ, значило признать, что явленія, подобныя обнаруженнымъ благодаря снятію покрова съ дѣятельности Азефа, могутъ повторяться и на будущее время, какъ не противорѣчащія понятію о *законныхъ* средствахъ борьбы съ терроромъ—законныхъ не только юридически, но и нравственно. Въ самомъ дѣлѣ, Государственная Дума — не судъ, устанавливающій формальную легальность или нелегальность того или другого дѣйствія. Законнымъ она можетъ и должна считать только то, что̀ соотвѣтствуетъ требованіямъ справедливости и политической мудрости. Съ этой точки зрѣнія ей предстояло отнестись и къ понятію о провокаціи и провокаторахъ. Въ наукѣ уголовнаго права это понятіе, какъ прекрасно показалъ В. Д. Набоковъ въ недавнемъ докладѣ петербургскому юридическому обществу, возбуждаетъ большіе споры [1]). Въ общежитіи опредѣленіе его можетъ быть достигнуто легче и проще. По мнѣнію П. А. Столыпина, провокаторомъ можетъ считаться только тотъ, кто принимаетъ на себя инціативу преступленія и вовлекаетъ въ преступле-

[1]) Не предрѣшая, конечно, вопроса, какъ отнесся бы у насъ нелицепріятный и независимый судъ къ дѣяніямъ Азефа, приведемъ изъ довольно давняго прошлаго одинъ фактъ, о которомъ именно теперь интересно вспомнить. Сорокъ лѣтъ тому назадъ, въ февралѣ 1869-го года, въ с.-петербургскомъ окружномъ судѣ разсматривалось, съ участіемъ присяжныхъ, дѣло о похищеніи изъ экспедиціи заготовленія государственныхъ кредитныхъ бумагъ листовъ съ водяными знаками, приготовленныхъ для печатанія кредитныхъ билетовъ. Обвинялось двое рабочихъ: Ветховъ, совершившій кражу, и Фроловъ, подговорившій его къ ея совершенію. Во время судебнаго слѣдствія обнаружилось, что послѣдній игралъ роль провокатора; онъ склонилъ Ветхова къ преступленію — и потомъ принялъ мѣры къ немедленному его изобличенію. Подъ чьимъ вліяніемъ и руководствомъ дѣйствовалъ Фроловъ—это осталось не вполнѣ разъясненнымъ: сильное подозрѣніе упадало, въ этомъ отношеніи, на двухъ сыщиковъ и одного полицейскаго чиновника. Обвинителемъ Фролова явился не столько прокуроръ, сколько защитникъ Ветхова, видѣвшій въ провокаціи обстоятельство, значительно уменьшающее вину его кліента. Присяжные вынесли обоимъ подсудимымъ обвинительный приговоръ (нѣсколько времени спустя они оба были помилованы). Намъ думается, что въ этомъ вердиктѣ ярко отразилось отвращеніе къ провокаціи и провокаторамъ, свойственное непредубѣжденному уму и неискушенной софизмами совѣсти.

ніе того, кто иначе не сдѣлался бы преступникомъ. А тотъ, кто поддерживаетъ преступный замыселъ, хотя бы и чужой, кто ободряетъ и воодушевляетъ его исполнителей, указываетъ способы исполненія, содѣйствуетъ прекращенію колебаній и устраненію препятствій—развѣ онъ не принимаетъ на себя никакой отвѣтственности, развѣ онъ остается неприкосновеннымъ къ преступному дѣлу? Гдѣ основаніе утверждать, что оно было бы рѣшено и безъ него, что его участіе въ преступномъ сообществѣ прошло безслѣдно? Какъ измѣрить его вліяніе, какъ отдѣлить его роль отъ роли другихъ виновниковъ преступленія? Не ясно ли, что двойная игра, веденная въ сколько-нибудь крупныхъ размѣрахъ, не можетъ не установить извѣстной солидарности съ обѣими сторонами—т.-е. не только съ властью, пользующеюся услугами агента, но и съ террористами, считающими его своимъ?

Мы упомянули о *размѣрахъ* игры, потому что именно они имѣютъ, въ данномъ случаѣ, рѣшающее значеніе. Это какъ нельзя лучше выяснено въ рѣчахъ деп. Соколова 2-го (говорившаго отъ имени мирнообновленцевъ) и Маклакова. „Министръ внутреннихъ дѣлъ"—читаемъ мы въ рѣчи г. Соколова — „констатировалъ, что сначала Азефъ не играетъ особой роли въ партіи (соціалистовъ-революціонеровъ), но затѣмъ начинаетъ возвышаться, пріобрѣтаетъ все больше и больше довѣрія и, наконецъ, дѣятельность его увѣнчивается принятіемъ въ центральный комитетъ. Еслибы это полагалось за добродѣтель, за молчаніе, за терпѣніе, за сидѣнье на печкѣ—я сказалъ бы тогда, что, можетъ быть, Азефъ дошелъ до этого такимъ путемъ. Но вѣдь въ боевой организаціи можетъ выдвинуться только тотъ, кто засвидѣтельствуетъ на дѣлѣ отвагу, кто на дѣлѣ покажетъ, что онъ человѣкъ рѣшительный, энергичный, предпріимчивый и готовый на все. А разъ это такъ, то Азефъ долженъ былъ принимать участіе въ революціонныхъ дѣйствіяхъ и террористическихъ актахъ". Ту же самую мысль подробно и краснорѣчиво развилъ деп. Маклаковъ. „Довѣріе"—воскликнулъ онъ, — „довѣріе (революціонеровъ-террористовъ) дается не по протекціи, не по наслѣдственному праву, не за прекрасные глаза; его нужно заслужить тою дѣятельностью, которая одна тамъ цѣнится—преступленіемъ, террористическими актами". Напомнивъ, дальше, чѣмъ занимался и занимается центральный комитетъ партіи с.-р., даровитый ораторъ продолжалъ: „все это исходило отъ кого же? Отъ группы людей, во главѣ которыхъ и вмѣстѣ съ которыми рѣшалъ вопросы тотъ, кого правительство называетъ своимъ „сотрудникомъ". Итакъ, удовлетворясь объясненіями правительства, Дума уполномочила его по прежнему имѣть въ числѣ своихъ агентовъ такихъ лицъ, которыя, въ силу своего положенія среди революціонеровъ, не могутъ не принимать болѣе или менѣе активнаго участія въ ихъ предпріятіяхъ, не могутъ не совершать

дѣйствій, входящихъ въ сферу понятія о провокаціи! Даже въ лучшемъ случаѣ, когда провокаторъ сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы помѣшать исполненію задуманнаго при его участіи плана, отвѣтственность за провокацію съ него снята быть не можетъ. „Еслибы подстрекатель"—говоритъ Гейльборнъ (одинъ изъ нѣмецкихъ криминалистовъ, мнѣнія которыхъ приведены и разобраны въ упомянутомъ нами докладѣ В. Д. Набокова) — „еслибы подстрекатель самъ собирался исполнить дѣяніе, онъ имѣлъ бы возможность остаться безнаказаннымъ, отказавшись отъ своего намѣренія и тѣмъ самымъ предотвративъ результатъ. Вмѣсто того, онъ пускаетъ въ ходъ дѣятельность другого лица, т.-е. такую силу, надъ которою онъ не властенъ. Подстрекатель и пособникъ могутъ не знать, когда и гдѣ исполнитель приступитъ къ дѣлу. Послѣдній это знаетъ; въ его рукахъ лежитъ исходъ дѣла, оно вполнѣ зависитъ отъ его воли; подстрекатель теряетъ возможность располагать этимъ исходомъ". Изъ этихъ безспорныхъ положеній неизбѣжно вытекаетъ логическій выводъ: сколько бы провокаторъ ни старался предупредить результатъ провокаціи, она ложится на него неизгладимымъ пятномъ—тѣмъ болѣе неизгладимымъ, что „исполнителямъ", хотя бы ихъ замыселъ, благодаря своевременному предупрежденію, и не осуществился, грозитъ тяжкая или даже (особенно у насъ, въ настоящее время) тягчайшая кара.

Какъ же объяснить себѣ, что большинство Думы, выслушавъ неопровержимую аргументацію г.г. Соколова и Маклакова, выдало правительству открытый листъ на продолженіе политики, создающей Азефовъ и Бакаевъ? Были ли опровергнуты или поколеблены доводы, основанные на участіи Азефа въ центральномъ комитетѣ и въ боевой организаціи соціалистовъ-революціонеровъ? Нѣтъ; изъ числа министровъ никто не отвѣчалъ названнымъ нами ораторамъ, а говорившіе послѣ нихъ депутаты большинства или переносили споръ на совершенно другую почву, или проговаривались фразами, логическимъ заключеніемъ которыхъ должно было бы служить отнюдь не одобреніе министерства. Депутатъ Замысловскій назвалъ вступленіе правительственныхъ агентовъ „въ самые революціонные кружки" „путемъ очень скользкимъ и такимъ, котораго, еслибы это было возможно, слѣдовало бы избѣгать". По словамъ депутата Маркова 2-го, доказательствъ тому, что Азефъ не былъ провокаторомъ, министръ внутреннихъ дѣлъ не представилъ. Тотъ же депутатъ совѣтовалъ правительству не обращаться болѣе къ „сомнительнымъ услугамъ іудейскаго племени" (какъ будто бы центръ тяжести вопроса лежалъ въ іудействѣ Азефа). Депутату Шубинскому „чрезвычайно непонятно, какъ это правительственный чиновникъ заключаетъ союзъ для предупрежденія убійствъ—съ убій-

цами". Отъ такого непониманія, очевидно, только одинъ шагъ до непониманія—т.-е. до осужденія—образа дѣйствій министерства, хорошо знавшаго, съ кѣмъ вступаетъ въ союзъ его агентъ. Этого шага г. Шубинскій не сдѣлалъ, но смысла однажды сказанныхъ словъ дальнѣйшая непослѣдовательность оратора не измѣняетъ.

Еще знаменательнѣе, чѣмъ невольныя полу-признанія, тѣ скачки въ сторону, съ помощью которыхъ представители большинства пытались отвлечь вниманіе Думы отъ главнаго предмета преній. Что депутатъ Пуришкевичъ заговорилъ, со словъ „Русскаго Знамени", о „провокаціонной дѣятельности гр. Витте"—это еще не такъ важно: но какъ нельзя болѣе характерно то, что г. Марковъ 2-ой посвятилъ бо́льшую часть своей рѣчи выборгскому воззванію (въ которомъ онъ видитъ провокацію!) и позднѣйшимъ поступкамъ Ѳ. И. Родичева и кн. Петра Долгорукова. Нужно было, очевидно, подогрѣть антипатію большинства къ кадетамъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ заслонить министерство, переведя обвиненіе съ него на оппозицію. Много способствовалъ этой диверсіи и самъ П. А. Столыпинъ, упомянувъ въ своей рѣчи, безъ особой надобности, о конференціи, происходившей, въ 1904-мъ году, въ Парижѣ—конференціи, въ которой участвовали отъ революціонеровъ Азефъ и Черновъ, а отъ конституціоналистовъ П. Струве, Богучарскій, кн. Долгоруковъ и П. Милюковъ. Изъ рѣчи деп. Милюкова мы узнаемъ, что эта конференція — о которой, судя по участію въ ней Азефа, правительство было освѣдомлено тогда же,—давно уже не составляетъ тайны; ея рѣшенія, своевременно опубликованныя, изложены, между прочимъ, въ написанной по-англійски книгѣ П. Н. Милюкова: „Россія и русскій кризисъ". Совершенно напрасно, поэтому, правыя партіи набросились на сообщеніе П. А. Столыпина, какъ на лакомый кусокъ, какъ на желанное, давно жданное средство существенно повредить ненавидимому врагу. Если правительство, два раза изыскивавшее и находившее способъ закрыть передъ П. Н. Милюковымъ доступъ въ Государственную Думу, не воспользовалось для этого прекрасно ему извѣстнымъ участіемъ лидера партіи народной свободы въ парижскомъ конгрессѣ 1904-го года, то, очевидно, оно не усматривало въ немъ достаточныхъ основаній для привлеченія П. Н. Милюкова къ уголовной отвѣтственности. Предсѣдатель совѣта министровъ оказался гораздо болѣе сдержаннымъ, чѣмъ пылкіе его союзники на правой сторонѣ Думы: говоря о парижской конференціи, онъ провелъ опредѣленную демаркаціонную линію между революціонерами и конституціоналистами—и совершенно правильно причислилъ П. Н. Милюкова къ послѣдней категоріи. Даже въ 1904-мъ году, когда старый режимъ стоялъ непоколебимо, *разговоръ* о конституціи, хотя бы и съ революціонерами, не составлялъ преступленія, предусмотрѣннаго уго-

ловнымъ закономъ; что же сказать о немъ теперь, послѣ манифеста 17-го октября?... Озлобленіе фанатиковъ регресса не знаетъ, однако, никакихъ преградъ, никакихъ предѣловъ. Не ограничиваясь восклицаніями, которыми одинъ изъ нихъ—деп. Марковъ 2-ой—прерывалъ рѣчь П. Н. Милюкова („васъ надо повѣсить"!), крайніе правые внесли въ Думу формальный запросъ, въ которомъ требуютъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ отчета о причинахъ невозбужденія противъ „дворянина Милюкова" уголовнаго преслѣдованія за участіе въ совѣщаніяхъ *революціоннаго* конгресса. Нетрудно себѣ представить, во что обратилась бы русская жизнь, еслибы эти господа получили возможность выступать „публичными обвинителями" передъ дѣйствующимъ въ томъ же духѣ „черно-революціоннымъ" трибуналомъ.

Занявшись экскурсіями въ область прошлаго, апологеты министерства, какъ мы уже замѣтили, оставили почти безъ возраженій рѣчи оппозиціонныхъ ораторовъ, произнесенныя въ засѣданіи 13-го февраля. А между тѣмъ въ этихъ рѣчахъ было поставлено немало вопросовъ, требовавшихъ отвѣта либо со стороны П. А. Столыпина, либо со стороны его „сотрудниковъ", оффиціальныхъ или оффиціозныхъ. П. А. Столыпинъ просилъ Думу вообразить себѣ весь ужасъ положенія увлеченныхъ на ложный путь, но идейныхъ молодыхъ людей, когда передъ ними обнаруживается вся грязь верховъ революціи. Если таково дѣйствіе разоблаченій, сопряженныхъ съ дѣломъ Азефа — спросилъ премьеръ-министра деп. Соколовъ,—то за что же заключенъ въ тюрьму Лопухинъ, благодаря которому раскрыта настоящая роль шпіона-революціонера?.. Если одинъ изъ главарей революціи былъ собственно не революціонеромъ, а сотрудникомъ департамента полиціи, то, по мнѣнію П. А. Столыпина, это печально и тяжело для революціонной партіи, но отнюдь не для правительства. На эти слова также отозвался депутатъ Соколовъ: „развѣ грязный человѣкъ"—спросилъ онъ,—„служащій по революціи и по полиціи въ одно и то же время, украсилъ своимъ появленіемъ департаментъ полиціи"?.. П. А. Столыпинъ сообщилъ Думѣ, что когда противъ Азефа возникали подозрѣнія въ средѣ революціонеровъ, онъ на время отходилъ отъ агентуры. Но вѣдь отойти отъ агентуры—замѣтилъ деп. Маклаковъ—значитъ перестать доносить, значитъ не мѣшать осуществленію задуманныхъ преступленій! Напомнивъ П. А. Столыпину данное имъ второй Думѣ обѣщаніе отмѣнить исключительныя положенія, деп. Маклаковъ воскликнулъ: „Что же, сняты они? Нигдѣ! И они не будутъ сняты, потому что, обѣщая ихъ снять, онъ (министръ) распоряжается безъ хозяина: охранка возстанетъ, она скажетъ ему, и докажетъ, что это невозможно". Намъ думается что все это—и многое другое—должно было бы вызвать вторичное появленіе премьеръ-министра на думской каѳедрѣ.

Странное впечатлѣніе производилъ съ самаго начала—и, тѣмъ болѣе, производитъ теперь, когда мы знаемъ дальнѣйшій ходъ и исходъ преній—финалъ рѣчи П. А. Столыпина. Вся посвященная предмету, который — если и разсматривать его съ точки зрѣнія премьеръ-министра—наводитъ на самыя мрачныя мысли, возбуждаетъ самыя тяжелыя воспоминанія, она внезапно переходитъ въ мажорный тонъ и заканчивается точно торжествующимъ трубнымъ звукомъ. „Не думайте, господа, что достаточно медленно выздоравливающую Россію подкрасить румянами всевозможныхъ вольностей, и она станетъ здоровой. Путь къ исцѣленію Россіи указанъ съ высоты Престола, и на васъ лежитъ громадный трудъ выполнить эту задачу. Мы, правительство, мы строимъ только лѣса, которые облегчаютъ вамъ строительство. Противники наши указываютъ на эти лѣса, какъ на возведенное нами безобразное зданіе, и яростно бросаются рубить ихъ основаніе. И лѣса эти неминуемо рухнутъ, и можетъ быть задавятъ и насъ подъ своими развалинами, но пусть, пусть это будетъ тогда, когда изъ-за ихъ обломковъ будетъ уже видно по крайней мѣрѣ въ главныхъ очертаніяхъ зданіе обновленной, свободной, свободной въ лучшемъ смыслѣ этого слова, свободной отъ нищеты, отъ невѣжества, отъ безправія, преданной, какъ одинъ человѣкъ, своему Государю Россіи". Эти слова не остались безъ отвѣта со стороны ораторовъ оппозиціи. Деп. Маклаковъ, указавъ на то, что свободы, обѣщанныя 17-го октября, называются теперь уже „не основой новой жизни, а презрительной кличкой румянъ политическихъ вольностей", перешелъ къ „лѣсамъ", за которыми строится новое зданіе. „Россія"—воскликнулъ онъ—„не кирпичъ, не камень, не мраморъ; она не зданіе, а живое тѣло, которое возмущается, которое задыхается, и когда вы пожелаете снять лѣса, то, можетъ быть, будетъ уже слишкомъ поздно". „Въ *лѣса*, якобы окружающіе храмъ свободы",—читаемъ мы въ рѣчи деп. Родичева,— „вставлено 2650 перекладинъ. У однѣхъ дверей стоятъ генералъ-губернаторы, вѣшающіе безъ суда или поджигающіе дома гражданъ, у другихъ—агентъ Азефъ, и насъ при помощи положенія объ усиленной охранѣ заставляютъ ходить въ этотъ храмъ". Реальные *лѣса*—прибавимъ мы отъ себя—облегчаютъ постройку зданія, дѣлаютъ ее болѣе быстрою и болѣе удобною. Когда ихъ снимаютъ, отъ нихъ не остается никакого слѣда, даже никакого воспоминанія. Таковы ли „лѣса", о которыхъ говорилъ П. А. Столыпинъ? Они мѣшаютъ постройкѣ зданія, потому что на ихъ прочность и крѣпость обращено главное вниманіе строителей; они ее замедляютъ и затрудняютъ, потому что не допускаютъ участія въ ней цѣлыхъ группъ или даже цѣлыхъ массъ рабочихъ; они заслоняютъ свѣтъ, необходимый для правильности работъ, и не даютъ доступа воздуху, безъ котораго не сохнутъ стѣны. Когда они падутъ,

не сразу, далеко не сразу исчезнетъ тѣнь, которую они такъ долго отбрасывали на все окружающее; не скоро забудется то, чему они служили, что на нихъ и за ними совершалось. *Лѣса*—это безправіе, изъ котораго никакъ не можетъ выработаться право; *лѣса* — это безчисленныя стѣсненія, плохо готовящія къ свободѣ. „Необходимо"— говоритъ предсѣдатель совѣта министровъ—„перестраивать жизнь и необходимо начать это съ низовъ. И тогда, конечно, сами собою отпадутъ и исключительныя положенія, и исключительныя кары". Нѣтъ: нельзя перестраивать жизнь безъ участія самой жизни, нельзя относить къ концу то, безъ чего немыслимо начало. Отодвинувъ свободу и право въ далекое, неопредѣленное будущее, нельзя приступать къ великому дѣлу обновленія Россіи.

Самую печальную роль во всемъ этомъ печальномъ дѣлѣ съиграла фракція союза 17-го октября. Крайніе правые оставались вѣрными своему политическому credo, оправдывая или даже одобряя симпатичные имъ пріемы управленія. Не впадали въ явное противорѣчіе сами съ собою и умѣренные правые, всегда готовые отстаивать необходимость „лѣсовъ", о которыхъ говорилъ предсѣдатель совѣта министровъ. Но октябристы — октябристы, только-что провозглашавшіе свою готовность стоять на стражѣ „святыхъ завѣтовъ"! Какъ могли они промолчать, когда эти завѣты низводились на степень „румянъ политическихъ вольностей"? Какъ могли они признать, что дѣятельность Азефа не выходитъ за предѣлы *законной* борьбы съ терроромъ?.. Пора, впрочемъ, перестать удивляться непослѣдовательности партіи, давно забывшей свое знамя. За нѣсколько дней до 13-го февраля въ Государственной Думѣ закончились пренія о Кавказѣ, вызванныя запросомъ крайнихъ правыхъ—закончились принятіемъ формулы, предложенной октябристами. Въ этой формулѣ тяжелыя условія, среди которыхъ живетъ кавказское населеніе, приписаны „разбойничеству, развившемуся какъ вслѣдствіе нѣкоторыхъ мѣстныхъ особенностей края, такъ и *вслѣдствіе бездѣятельности и попустительства административныхъ и полицейскихъ органовъ власти*". Чтобы оцѣнить по достоинству эти слова, нужно припомнить, что на Кавказѣ, при гр. Воронцовѣ-Дашковѣ, происходили—какъ это съ полною ясностью обнаружилось изъ преній—и казни, и массовые аресты, и карательныя экспедиціи, и что намѣстнику вмѣнялось въ вину слишкомъ слабое и недостаточно широкое пользованіе всѣми этими средствами усмиренія и „успокоенія". И съ такимъ взглядомъ согласилась, въ концѣ концовъ, партія, на знамени которой написано 17-е октября—т. е. свобода и неприкосновенность личности!

За нѣсколько часовъ до начала преній по дѣлу Азефа, въ утреннемъ засѣданіи 11-го февраля, произошелъ еще одинъ эпизодъ, крайне неблагопріятный для октябристовъ. Ими былъ внесенъ цѣлый рядъ предложеній, направленныхъ къ сокращенію или прекращенію „непріятныхъ“ преній. Это былъ настоящій походъ противъ порядка, охраняющаго, въ общемъ и главномъ, права меньшинства. До сихъ поръ закрыть запись ораторовъ, ограничить продолжительность рѣчей, вовсе положить конецъ преніямъ можно было только рѣшеніемъ *квалифицированнаго*, весьма значительнаго большинства (въ первыхъ двухъ случаяхъ достаточно было ста, въ послѣднемъ—семидесяти-пяти голосовъ, чтобы предупредить дѣйствіе такъ называемой гильотины). Октябристы, поддерживаемые умѣренно-правыми, настаивали на рѣшеніи всѣхъ этихъ вопросовъ *простымъ* большинствомъ голосовъ. Оппозиція, такимъ образомъ, была бы обречена на полное безправіе; господствующія партіи во всякое время могли бы обречь ее на молчаніе. Несправедливость замысла была такъ велика и такъ очевидна, что противъ него возстали не только лучшіе изъ лѣвыхъ октябристовъ (проф. Капустинъ, кн. Н. С. Волконскій), но и крайніе правые. Послѣ блестящей защиты наказа, остающагося на почвѣ нынѣ дѣйствующихъ правилъ, деп. Маклаковымъ, поправки, клонившіяся къ установленію тиранніи большинства, были отвергнуты 186 голосами противъ 143. Принята, и то лишь большинствомъ трехъ голосовъ, только одна перемѣна къ худшему, сравнительно менѣе важная: для прекращенія преній признано достаточнымъ согласіе большинства двухъ третей находящихся въ залѣ депутатовъ. По словамъ корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей“, неудача широко задуманнаго плана огорчила и раздражила октябристовъ; одинъ изъ ихъ вождей обвинялъ правыхъ въ измѣнѣ и грозилъ прекратить всякія партійныя съ ними сношенія. Неужели и теперь еще неясно, что союзъ 17-го октября потерялъ всякое право на это имя? Неужели изъ его среды и теперь не выйдутъ люди, которымъ тамъ очевидно не мѣсто? Неужели не порвется связь, соединяющая гг. Половцова, Гололобова, Шубинскаго съ кн. Н. С. Волконскимъ, М. Я. Капустинымъ, барономъ А. Ф. Мейендорфомъ?..

Разбирая, мѣсяцъ тому назадъ, рѣчь, произнесенную П. А. Столыпинымъ при открытіи съѣзда непремѣнныхъ членовъ губернскихъ присутствій и землеустроительныхъ коммиссій, мы выразили предположеніе, что требованія, властно предъявляемыя къ землеустроителямъ, неминуемо должны повлечь за собою избытокъ исполнительности и все превозмогающаго усердія. Въ фактахъ, подтверждающихъ это предположеніе, уже теперь нѣтъ недостатка. Въ засѣданіи Государ-

ственной Думы 3 февраля деп. Бѣлоусовъ прочиталъ отрывокъ изъ корреспонденціи „Русскаго Знамени"—„Русскаго Знамени"!—описывающей „ужасную угрозу", съ помощью которой земскій начальникъ „побуждалъ старшинъ записаться въ укрѣпленіе, а писарей заставлялъ предъявлять ему не менѣе десяти крестьянскихъ заявленій еженедѣльно". Въ засѣданіи 30-го января деп. Шингаревъ огласилъ обязательное постановленіе таврическаго губернатора, грозящее денежнымъ штрафомъ за всякое *непредусмотрѣнное уголовнымъ закономъ дѣйствіе,* направленное къ удержанію крестьянъ отъ свободнаго, на основаніи указа 9-го ноября, выхода изъ общины. Итакъ, если крестьянина, вышедшаго изъ дома для подачи заявленія о выходѣ изъ общины, другой крестьянинъ возьметъ за руку или станетъ на его пути, уговаривая его передумать, оставить свое намѣреніе, то за это законное и невиннѣйшее дѣйствіе можно подвергнуться, въ таврической губерніи, денежному штрафу до 500 рублей или аресту на срокъ до трехъ мѣсяцевъ! Нетрудно представить себѣ степень свободы, оставляемой такими распоряженіями за крестьянами, безъ того уже достаточно запуганными и задерганными... Не менѣе поразителенъ другой фактъ, также приведенный деп. Шингаревымъ. Въ тверской губерніи староста, отказавшійся, по требованію сельскаго схода, подписать прошеніе одного крестьянина о выдѣлѣ изъ общины, былъ сначала арестованъ земскимъ начальникомъ на пять дней, а потомъ удаленъ отъ должности, хотя подпись его вовсе даже не была необходима для удовлетворенія ходатайства просителя. И на правой сторонѣ Думы нашлись депутаты, одобрившіе образъ дѣйствій земскаго начальника! Смѣшнымъ показалось имъ и то, что крестьяне просили возвратить имъ человѣка, благодаря которому въ деревнѣ было открыто училище, введено травосѣяніе... Характерно, въ другомъ родѣ, распоряженіе саратовскаго губернатора, направленное къ возстановленію земельныхъ правъ малолѣтнихъ, съ тѣмъ, чтобы опекунамъ вмѣнено было въ обязанность укрѣплять за малолѣтними ихъ надѣлы, *если такое укрѣпленіе окажется для малолѣтнихъ выгоднымъ.* Понятно, что эта оговорка не уменьшитъ усердія опекуновъ въ исполненіи возложенной на нихъ обязанности. Не странно ли, что возстановленіемъ правъ малолѣтнихъ администрація заинтересовалась именно и только тогда, когда этимъ путемъ можно было увеличить цифру выдѣляющихся изъ общины?.. И что же отвѣтилъ докладчикъ, деп. Шидловскій, на рѣчь деп. Шингарева? „Когда вы намъ представите"—воскликнулъ онъ—„матеріалъ, которымъ докажете, что случаи введенія закона силой принимаютъ массовый характеръ, тогда, я въ этомъ не сомнѣваюсь, Дума всегда выскажется отрицательно о такомъ способѣ примѣненія закона". Деп. Шидловскій упустилъ изъ виду, что рѣчь идетъ не

столько о примѣненіи открытой силы, не столько о прямомъ принужденіи, насиліемъ или угрозой, сколько о совокупности мѣръ, наклоняющихъ волю въ желанную сторону, подчиняющихъ ее мало замѣтному, но трудно одолимому давленію, искусственно устраняющихъ все могущее дать ей другое направленіе. Какъ доказать, напримѣръ, во сколькихъ случаяхъ обязательное постановленіе таврическаго губернатора помѣшало крестьянамъ отговорить тѣхъ или другихъ своихъ односельцевъ отъ выдѣла изъ общины? Какъ опредѣлить степень устрашающаго вліянія, оказаннаго репрессивными мѣрами противъ недостаточно податливыхъ волостныхъ старшинъ или сельскихъ старостъ? Какъ раскрыть „массовый характеръ" неуловимыхъ злоупотребленій—и раскрыть его, притомъ, передъ предубѣжденной аудиторіей, вѣрящей всему или ничему, смотря по тому, изъ какого источника идутъ сообщенія?.. Допустимъ, наконецъ, что Дума, рано или поздно, увидитъ то, чего теперь не хочетъ видѣть; многое ли этимъ будетъ выиграно? Стараясь освѣтить обстановку, при которой вводился въ дѣйствіе указъ 9-го ноября—и будетъ, по теоріи вѣроятностей, вводиться въ дѣйствіе подтверждающій его законъ,—оппозиція имѣла въ виду смягчить, по возможности, его недостатки, уменьшить вредъ, которымъ онъ грозитъ сельскому населенію. Проигравъ—какъ это и не могло быть иначе въ Думѣ 3-го іюня — главное сраженіе, она стойко боролась въ цѣломъ рядѣ стычекъ, предметомъ которыхъ были отдѣльныя постановленія принципіально принятаго закона. Съ однимъ изъ оружій, которыми она дѣйствовала въ этихъ стычкахъ, мы только что ознакомились; теперь присмотримся къ существу вопросовъ, на почвѣ которыхъ шелъ, до самаго конца преній о земельномъ законѣ, упорный бой. Послѣдніе эпизоды продолжительной, всѣхъ утомившей борьбы прошли сравнительно мало замѣченными— а между тѣмъ многіе изъ нихъ заслуживаютъ полнаго вниманія.

Главною цѣлью указа 9-го ноября и закона, его закрѣпляющаго, выставляется широкое распространеніе среди крестьянъ личной земельной собственности, какъ условія, безъ котораго невозможно поднятіе крестьянскаго хозяйства и, вмѣстѣ съ нимъ, народнаго благосостоянія. Для этого, въ свою очередь, необходимъ выдѣлъ земли, пріобрѣтаемой въ личную собственность, къ однимъ мѣстамъ, т.-е. прекращеніе черезполосности, мѣшающей развитію земледѣльческой культуры. Укрѣпленіе за домохозяиномъ тѣхъ полосъ, которыми онъ владѣетъ—укрѣпленіе, введенное указомъ 9-го ноября,—очевидно не достигаетъ цѣли и создаетъ положеніе, сплошь и рядомъ одинаково невыгодное и для выдѣляющихся, и для невыдѣляющихся членовъ общины. Совершенно понятны, поэтому, усилія оппозиціи перенести моментъ укрѣпленія къ моменту окончательнаго выдѣла. До тѣхъ

поръ, пока выдѣлъ еще въ будущемъ, владѣлецъ отдѣльныхъ полосъ или участковъ, хотя бы онъ формально и считался ихъ собственникомъ, не можетъ разсматривать ихъ какъ свою неотъемлемую принадлежность, не можетъ, слѣдовательно, спокойно приступить къ улучшеніямъ, требующимъ труда и расходовъ; вѣдь при выдѣлѣ ему можетъ достаться совсѣмъ другая часть бывшей общинной земли. „Что это за хозяйство"—воскликнулъ депутатъ Шингаревъ,—которое когда-то и какъ-то, при какомъ-то случаѣ, придется передвигать? Да и самая передвижка—дѣло чрезвычайно трудное и спорное, идущее десятки лѣтъ, даже въ самыхъ культурныхъ государствахъ". Исходя изъ этой точки зрѣнія, партія народной свободы предложила замѣнить право домохозяина на укрѣпленіе за нимъ состоящихъ въ его владѣніи участковъ правомъ требовать „*выдѣла* ему въ частную собственность, *при ближайшемъ общемъ передѣлѣ*, по возможности къ одному мѣсту, участка общинной земли, соотвѣтствующаго его долѣ въ общинномъ пользованіи". Поправка эта была отвергнута, но вопросъ объ общемъ передѣлѣ, предшествующемъ установленію новыхъ земельныхъ отношеній, былъ поставленъ еще разъ, какъ мы увидимъ ниже, при обсужденіи другой статьи закона.

Чѣмъ руководствовалось большинство Думы, сохраняя разъединеніе обоихъ моментовъ—укрѣпленія и выдѣла,—опредѣлить довольно трудно. Въ его защиту говорилъ, кромѣ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, только докладчикъ, деп. Шидловскій. О силѣ его доводовъ можно судить по слѣдующему образцу: „укрѣпленныя полосы вы гораздо легче разверстаете; вамъ легче будетъ отрубъ, равноцѣнный извѣстному количеству черезполосныхъ кусковъ, выдѣлить и свести къ одному мѣсту, чѣмъ придумать отрубъ, соотвѣтствующій извѣстному объему правъ отдѣльнаго лица". Ничуть не легче, разъ что въ личную собственность переходятъ не отвлеченныя права, а отдѣльные куски земли, состоящіе во владѣніи выдѣляющагося; между тѣмъ именно въ этомъ послѣднемъ смыслѣ вопросъ разрѣшенъ одною изъ послѣдующихъ статей принятаго Думою закона [1]). Разгадку слѣдуетъ искать, быть можетъ, въ томъ фактѣ, что реальный выдѣлъ до сихъ поръ совершается крайне рѣдко, а просьбъ объ укрѣпленіи подается сравнительно много. Ходатайствъ объ укрѣпленіи до конца прошлаго года поступило около двухсотъ тысячъ—и только въ 3% всѣхъ этихъ случаевъ дѣло получило свой естественный исходъ, въ видѣ выдѣла къ однимъ мѣстамъ. Еслибы моментъ укрѣпленія былъ слитъ съ моментомъ вы-

---

[1]) Кн. Волконскій 1-ый, Н. Н. Львовъ и др. предлагали замѣнить слова: „укрѣпляются *всѣ участки* общинной земли" и т. д. словами: укрѣпляется право *на долю* общинной земли—но это предложеніе отклонено большинствомъ Думы.

дѣла, правительству нельзя было бы ссылаться на крупныя цифры, въ которыхъ оно видитъ оправданіе своего образа дѣйствій.

Въ упомянутой нами поправкѣ партіи народной свободы, всецѣло отклоненной большинствомъ, заключалось еще одно важное ограниченіе права домогаться укрѣпленія въ личную собственность участковъ общинной земли: необходимымъ условіемъ пользованія этимъ правомъ признавалось веденіе—или возобновленіе—хозяйства на общинной землѣ. Къ той же цѣли было направлено самостоятельное предложеніе деп. Зарина. Онъ находилъ, что право на укрѣпленіе не должно принадлежать лицамъ, *оставившимъ свое хозяйство*, и относилъ къ этой категоріи всѣхъ тѣхъ, кто отдалъ свои надѣлы въ распоряженіе общества до послѣдняго передѣла или на срокъ болѣе 12 лѣтъ. Совершенно основательно и справедливо авторъ предложенія стремился къ тому, чтобы устранить отъ участія въ дѣлежѣ общинной земли всѣхъ давно забросившихъ деревню и возвращающихся туда только для возможно быстрой продажи номинально числящихся за ними участковъ. На ту же тему говорили и другіе депутаты, напр. Петровъ 3-ій, ссылавшійся на сообщенія, получаемыя имъ изъ ирбитскаго уѣзда (пермской губерніи). Докладчикъ противопоставилъ поправкѣ деп. Зарина очень мало убѣдительное возраженіе: онъ старался доказать, что ея основная мысль предвосхищена текстомъ закона, въ которомъ право на укрѣпленіе обусловлено *владѣніемъ* надѣльною землею. Но развѣ крестьянинъ, давно забросившій свой надѣлъ и не имѣющій на немъ никакого хозяйства, пересталъ, тѣмъ самымъ, считаться его юридическимъ владѣльцемъ? Ничто не мѣшаетъ ему предъявить свое формальное на нее право и воспользоваться имъ, чтобы вслѣдъ затѣмъ сбыть ее постороннему лицу. Не встрѣчаемся ли мы и здѣсь съ тѣмъ мотивомъ, о которомъ мы уже говорили — съ желаніемъ увеличить какъ можно больше и какъ можно скорѣе число выдѣляющихся изъ общины, ad majorem gloriam указа 9-го ноября?

Слова закона о предоставленіи укрѣпляемыхъ участковъ въ личную собственность домохозяина вызвали рядъ возраженій, направленцыхъ къ огражденію правъ семьи. Особенною энергіей отличалась рѣчь депутата Балаклѣева, принадлежащаго къ числу крайнихъ правыхъ. Ссылками на законы, сильно обоснованными, онъ старался доказать, что между крестьянами широко распространена семейная или подворная собственность, нарушеніе которой будетъ своего рода „соціальной революціей“. Главнѣйшая задача законодательства въ революціонное и послѣ-революціонное время заключается, по словамъ г. Балаклѣева, „въ томъ, чтобы вносить по возможности умиротвореніе, а не раздоръ. Между тѣмъ, разсматриваемый законъ вноситъ именно раздоръ, и вно-

ситъ его именно въ основную ячейку общества и государства—въ семью... Крестьянъ связываютъ не только узы кровнаго родства, но и узы общаго хозяйства, сознаніе того, что у нихъ одно и то же право на основной источникъ ихъ существованія—на землю". Ту же самую мысль выразилъ и членъ трудовой группы, депутатъ Кропотовъ. „До изданія закона 9-го ноября"—читаемъ мы въ его рѣчи,—„всѣ члены семьи чувствовали, что у нихъ есть опора, что ихъ никто не выживетъ, что ихъ добро въ чужія руки не попадетъ. Что же получается съ принятіемъ обсуждаемой статьи? Получается вотъ что: при малѣйшемъ раздорѣ, при малѣйшей непріятности въ семьѣ престарѣлый домохозяинъ, можетъ быть, вздумаетъ отдать весь трудъ, затраченный всей семьей, многими взрослыми мужчинами и женщинами, одному члену семьи. Вы отдаете всю семью въ распоряженіе домохозяина". Деп. Шингаревъ указалъ на то, что вопросъ о семейной собственности не можетъ быть рѣшенъ иначе, какъ въ связи съ общимъ пересмотромъ всѣхъ законоположеній о крестьянахъ; его нельзя разсматривать попутно, нельзя съ легкимъ сердцемъ обращать множество людей не только въ безземельныхъ, но и въ бездомныхъ. Поправку деп. Балаклѣева оспаривали опять-таки гг. Лыкошинъ и Шидловскій—и она была отвергнута большинствомъ 177 голосовъ противъ 68. Это неудивительно, потому что принятіе ея несомнѣнно уменьшило бы число выдѣляющихся изъ общины. Нѣсколько дней спустя отклонена была почти такимъ же большинствомъ другая поправка г. Балаклѣева, предоставлявшая каждому домохозяину право требовать укрѣпленія въ *вѣчно-наслѣдственную собственность* за нимъ лично, или вмѣстѣ съ боковыми родственниками, причитающейся ему части изъ общинной земли.

Еще болѣе характерны споры, происходившіе въ Думѣ по вопросу о томъ, что именно и на какихъ условіяхъ подлежитъ укрѣпленію за домохозяиномъ, пожелавшимъ выдѣлиться изъ общины. Законопроектъ, внесенный въ Думу, разрѣшалъ этотъ вопросъ такъ: за домохозяиномъ—въ селеніяхъ, гдѣ со времени послѣдняго передѣла прошло не болѣе 24 лѣтъ,—укрѣпляются участки земли, состоящіе въ его фактическомъ владѣніи, если число разверсточныхъ единицъ въ его семьѣ не уменьшилось; въ противномъ случаѣ излишекъ земли укрѣпляется за нимъ лишь подъ условіемъ уплаты обществу стоимости этого излишка, опредѣляемой по взаимному соглашенію—или волостнымъ судомъ (въ указѣ 9-го ноября за основаніе доплаты принималась выкупная стоимость земли). Возраженія противъ законопроекта исходили изъ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія. Съ одной стороны предлагалось предоставить общинамъ право, по рѣшенію ⅔ голосовъ, произвести еще одинъ послѣдній передѣлъ (деп. Кропотовъ, деп. Поповъ 4-й), или, въ случаѣ

увеличенія числа разверсточныхъ единицъ въ обществѣ или уменьшенія ихъ въ семьѣ желающаго выдѣлиться домохозяина, опредѣлять количество выдѣляемой земли не по фактическому владѣнію, а на основаніяхъ, принятыхъ при послѣднемъ передѣлѣ (деп. Березовскій 1-й, отъ имени партіи народной свободы). За поправки деп. Кропотова и Березовскаго высказался деп. Балаклѣевъ, внесшій и свое аналогичное предложеніе. Характеръ компромисса имѣла поправка деп. Тинцова, близкая по духу къ предложенію деп. Березовскаго, но пріуроченная только къ тѣмъ случаямъ, когда срокъ, на который былъ произведенъ послѣдній передѣлъ, еще не истекъ или со дня его истеченія прошло менѣе шести лѣтъ. Съ другой стороны деп. Буцкій, Базилевичъ, Дмитрюковъ, въ поискахъ за „безусловно твердымъ основаніемъ для укрѣпленія земли въ частную собственность", остановились на мысли, что укрѣпляема за домохозяиномъ должна быть *вся* земля, состоящая въ его фактическомъ пользованіи, *безъ всякой доплаты* за могущіе оказаться излишки. Къ нимъ примкнулъ, въ послѣднюю минуту, и докладчикъ, деп. Шидловскій — примкнулъ не совсѣмъ прямо и открыто, такъ какъ его стѣсняло мнѣніе земельной коммиссіи, но все же довольно ясно. Онъ не только не стоялъ за докладъ съ обычно свойственною ему увѣренностью и твердостью, выражаясь, напримѣръ, такъ: „разобраться въ этихъ спорахъ — это, г.г., ваше дѣло... Ужасно затрудняюсь сказать, насколько можно отдать преимущество тому или другому способу разрѣшенія вопроса", — но заключилъ свою рѣчь слѣдующими словами: „долженъ сказать, что закрѣпленіе фактическаго владѣнія имѣетъ за собою большое преимущество—это его большая простота; но я докладываю вамъ и о всѣхъ соображеніяхъ, которыя могутъ быть высказаны противъ съ точки зрѣнія справедливости". Простота, очевидно, поставлена здѣсь выше справедливости—и большинство послушно слѣдуетъ указанію своего руководителя по земельному вопросу. Оно отклоняетъ одну за другою всѣ поправки, кромѣ внесенной депутатомъ Дмитрюковымъ (къ которой присоединились г.г. Буцкій и Базилевичъ); противъ нея голосуютъ только девяносто-два члена Думы, и она оказывается принятою... Когда, вслѣдъ за голосованіемъ многіе депутаты вышли изъ залы засѣданій, одинъ изъ членовъ трудовой группы воскликнулъ: „они отъ радости... экспропріація узаконена". И дѣйствительно, отобраніе отъ общины, безъ всякаго вознагражденія, части принадлежащей ей земли, съ предоставленіемъ ея навсегда домохозяину, который, въ силу общинныхъ порядковъ, имѣлъ на нее лишь временное и условное право,— очень похоже на экспропріацію. Даже при вознагражденіи за излишки предоставленіе ихъ домохозяину безъ согласія на то хозяина земли— общины—имѣло бы кое-что общее съ принудительнымъ отчужде-

ніемъ [1]); что же сказать о рѣшеніи, къ которому пришло большинство Думы?.. Кто стоитъ за безусловную неприкосновенность собственности, тотъ долженъ охранять ее во всѣхъ ея видахъ и формахъ, все равно, кто бы ни былъ собственникъ—физическое или юридическое лицо.

Голосованіе по вопросу о доплатахъ показало съ полною ясностью всю тщету попытокъ добиться отъ Думы хотя бы частныхъ перемѣнъ къ лучшему—и даже предупредить дальнѣйшее ухудшеніе законопроекта. „Въ тяжелую атмосферу проведенія закона 9-го ноября" это голосованіе, по выраженію депутата Шингарева, „внесло новую острую занозу, еще болѣе прибавило нестроенія въ землеустройствѣ". Тѣмъ не менѣе оппозиція не покинула своего поста и до конца осталась вѣрной своему долгу. Депутатъ Шингаревъ предложилъ не распространять укрѣпленіе въ личную собственность на тѣ угодья, которыя передѣляются на особыхъ отъ полевой земли основаніяхъ, и предоставить выдѣляющемуся участіе въ пользованіи ими наравнѣ съ другими общественниками. Онъ обратилъ вниманіе на то, что укрѣпить постоянную долю участія въ такихъ угодьяхъ, какъ сѣнокосы, лѣса, рыбныя ловли, каменоломни, значило бы создать лишній источникъ тяжелыхъ столкновеній, постоянныхъ треній. „Укрѣпленіе неизмѣнныхъ долей среди пользованія постоянно измѣняющагося"—воскликнулъ неутомимый борецъ за справедливость, — „это такое противорѣчіе, такое практически-невозможное положеніе, въ которое вы не должны ставить крестьянъ". Докладчикъ, возражая депутату Шингареву, ограничился указаніемъ на неудобство „двойственности" въ правахъ выдѣляющагося — и поправку постигла судьба всѣхъ оппозиціонныхъ предложеній. Не удалось, точно также, провести изъятіе окончательнаго укрѣпленія участковъ изъ рукъ административныхъ учрежденій и передачу его суду—не удалось, хотя даже докладчикъ не скрывалъ своего отрицательнаго отношенія къ институту земскихъ начальниковъ. Докладчикъ одерживалъ одну легкую побѣду за другою, и законопроектъ, закончивъ свое тріумфальное шествіе въ Думѣ, близокъ къ переходу въ Государственный Совѣтъ. Что верхняя палата не разойдется, въ данномъ случаѣ, съ нижнею — это тѣмъ болѣе вѣроятно, что мысль объ освобожденіи выдѣляющагося домохозяина отъ доплатъ за излишекъ земли была заявлена, еще до преній въ Думѣ, земельною коммиссіею Государственнаго Совѣта.

Освобождая домохозяина, имѣющаго въ своемъ пользованіи излишекъ земли, отъ всякихъ доплатъ въ пользу общины, не допуская

---

[1]) На это съ большою силой указали во время преній депутаты Шингаревъ и Бѣлоусовъ.

новыхъ передѣловъ, въ производствѣ которыхъ заинтересованы, главнымъ образомъ, многосемейные и малоземельные крестьяне, Государственная Дума наклонила вѣсы въ сторону болѣе зажиточныхъ элементовъ сельскаго населенія—т.-е. именно въ сторону тѣхъ *крѣпкихъ* и *сильныхъ*, на которыхъ, по словамъ предсѣдателя совѣта министровъ, правительство „ставило свою ставку", проводя въ порядкѣ ст. 87-ой указъ 9 ноября. Замѣчательно, что противъ стремленія, въ концѣ концовъ оказавшагося побѣдоноснымъ, съ одинаковою энергіей возставали „кадетъ" Шингаревъ и крайній правый Балаклѣевъ. Нужно отдать справедливость послѣднему: какъ ни тяжело ему было очутиться въ однихъ рядахъ съ лѣвыми, онъ не задумался выступить въ защиту „слабыхъ и убогихъ". „Вспомните завѣтъ Владиміра Мономаха",—говорилъ онъ, обращаясь къ близкимъ ему партіямъ—„завѣтъ, который всегда служилъ руководящимъ началомъ для нашихъ великихъ князей и царей и всѣхъ русскихъ общественныхъ дѣятелей: *не давайте сильному погубить человѣка*. Вспомните образъ нашего былиннаго богатыря Ильи Муромца, основная задача дѣятельности котораго состояла въ томъ, чтобы защищать вдовъ и сиротъ". Можно сомнѣваться въ правильности историческихъ ссылокъ г. Балаклѣева, можно находить, что наше прошлое, давнее и недавнее, изобилуетъ нарушеніями завѣта, даннаго Владиміромъ Мономахомъ; но нельзя не согласиться съ тѣмъ, что этотъ завѣтъ гораздо вѣрнѣе выражаетъ задачу и обязанность власти, стоящей на высотѣ своего призванія, чѣмъ формула П. А. Столыпина. Безспорно, защита слабыхъ очень мало свойственна такимъ партіямъ, какъ крайняя правая. По какимъ соображеніямъ принялъ ее на себя деп. Балаклѣевъ—этого мы рѣшить не беремся; но мы готовы допустить, что въ данномъ случаѣ онъ и его немногіе единомышленники, отложивъ въ сторону обычную партійность, руководились дѣйствительнымъ желаніемъ добра сельскому населенію. Нелегко было имъ, по всей вѣроятности, очутиться въ одномъ лагерѣ съ ненавистною имъ оппозиціею—и не въ одномъ лагерѣ съ правительствомъ, во многихъ отношеніяхъ имъ столь родственнымъ по духу.

Съ принятіемъ, въ первомъ чтеніи, земельнаго законопроекта закончился одинъ изъ самыхъ печальныхъ фазисовъ исторіи третьей Государственной Думы. Обнаружилось съ полною ясностью, какъ невысоко господствующее въ ней большинство цѣнитъ интересы народной массы, о любви къ которой охотно говорятъ, бія себя въ грудь, его ораторы. Немало было во время преній и отдѣльныхъ эпизодовъ, характерныхъ для побѣдителей. Къ разряду курьозовъ можно отнести рѣчь деп. Гулькина на тему: всякъ сверчокъ знай свой шестокъ. Авторитетно и толково, по его мнѣнію, каждый народный представитель можетъ говорить только о томъ, что входитъ въ узкій кругъ его спеціальности: врачъ—

о врачебныхъ вопросахъ, служившій въ акцизѣ—о вопросахъ акцизныхъ и т. д. Оставалось бы затѣмъ только опредѣлить, отъ кого же должно зависѣть *рѣшеніе* вопросовъ, за кѣмъ изъ специалистовъ должна слѣдовать Дума, если они окажутся несогласными между собою? Не проще ли было бы учредить столько маленькихъ парламентовъ, сколько существуетъ главныхъ областей знанія и дѣятельности, и каждому изъ нихъ предоставить послѣднее слово въ отведенной ему сферѣ?.. Такую бѣдность мысли едва ли можно встрѣтить въ другомъ законодательномъ собраніи. И всего забавнѣе то, что остріе аргументаціи г. Гулькина было направлено противъ деп. Шингарева (по профессіи—врача), принимавшаго особенно выдающееся участіе въ преніяхъ по земельному вопросу и показавшаго себя большимъ знатокомъ сельскаго быта... Одинъ изъ противниковъ законопроекта, деп. Поповъ 4-ый, произнесъ — или, можетъ быть, прочиталъ — очень разумную рѣчь, едва ли продолжавшуюся болѣе пяти минутъ. Деп. Крупенскій поспѣшилъ обвинить его въ нарушеніи наказа. Правда, чтеніе рѣчей наказомъ не дозволяется—но это отнюдь не такое правило, изъ котораго не можетъ быть допущено никакихъ исключеній. Дѣло предсѣдателя—если онъ видитъ, что у депутата не хватаетъ умѣнья или привычки говорить, а между тѣмъ есть что̀ сказать—закрыть глаза на недолго длящееся отступленіе отъ наказа. Такъ, повидимому, и сдѣлалъ въ данномъ случаѣ предсѣдательствовавшій (кн. Волконскій). Непризванному блюстителю порядка не было никакого повода заявлять о нарушеніи наказа и обвинять деп. Попова и товарищей его въ обструкціонизмѣ.

---

8 (21) февраля состоялось Высочайшее повелѣніе о роспускѣ финляндскаго сейма—второго со времени введенія въ Финляндіи новой сеймовой организаціи и новаго избирательнаго закона. Второму сейму, какъ и первому, не было дано дожить до нормальнаго конца сеймовыхъ полномочій. Въ этомъ отношеніи ихъ постигла та же судьба, что и двѣ первыя русскія Государственныя Думы; но есть и различіе, весьма существенное. За роспускомъ второй Думы послѣдовало коренное измѣненіе избирательной системы, въ порядкѣ, не предусмотрѣнномъ основными законами имперіи. Ничего подобнаго не произошло въ данномъ случаѣ; избраніе сеймовыхъ депутатовъ постановлено произвести на основаніи закона о выборахъ, Высочайше утвержденнаго 7 (20) іюля 1906-го года, въ срокъ, опредѣленный сеймовымъ уставомъ. Согласно съ тѣмъ же уставомъ назначенъ и срокъ собранія сейма.

Непосредственнымъ поводомъ къ роспуску сейма послужила, на этотъ разъ, рѣчь предсѣдателя его, Свинхувуда, произнесенная при

открытіи сессіи. Она признана неправильной и съ формальной стороны, какъ не ограничившаяся требуемымъ (сеймовымъ уставомъ) „выраженіемъ вѣрноподданническаго высокопочитанія", и по содержанію, какъ заключавшая въ себѣ „неумѣстное сужденіе" о Высочайше утвержденномъ положеніи совѣта министровъ. Нельзя не замѣтить, однако, что положеніе совѣта министровъ, упомянутое въ рѣчи тальмана, вызвало еще раньше всеподданнѣйшія представленія финляндскихъ сейма и сената. Эти представленія, въ моментъ открытія сейма, еще не получили окончательнаго разрѣшенія: иначе тальманъ но могъ бы выразить надежду, что они не будутъ оставлены безъ послѣдствій. Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, рѣчь тальмана не заключала въ себѣ, слѣдовательно, ничего новаго; она была только повтореніемъ сказаннаго раньше и сеймомъ, и сенатомъ. Если, притомъ, сущность ея и была продиктована ему сеймомъ, то форму онъ могъ ей дать по собственному усмотрѣнію, и сеймъ, въ этомъ отношеніи, за нее не отвѣчаетъ. Исторія конституціонныхъ государствъ не представляетъ, кажется, ни одного примѣра роспуска палаты раньше приступа ея къ дѣятельности, исключительно изъ-за рѣчи ея предсѣдателя. Между тѣмъ, положеніе дѣлъ, созданное роспускомъ, не можетъ не быть признано весьма серьознымъ. По справедливому замѣчанію „Русскихъ Вѣдомостей", „роспускъ сейма едва ли можетъ привести къ существенному измѣненію его состава. Въ этомъ отношеніи уже роспускъ прошлогодняго сейма не оправдалъ надеждъ, высказанныхъ совѣтомъ министровъ. Соотношеніе партійныхъ силъ въ сеймѣ существенно не измѣнилось. Нѣтъ объективныхъ основаній предполагать, чтобы настроеніе финляндскаго населенія могло съ тѣхъ поръ существенно измѣниться въ противоположную сторону. Да и вопросъ о правилахъ 20-го мая—для Финляндіи не партійный вопросъ. При такихъ условіяхъ трудно предвидѣть всѣ возможныя послѣдствія состоявшагося акта. Повидимому, передъ нами открывается перспектива затяжнаго и въ высшей степени болѣзненнаго процесса въ области русско-финляндскихъ отношеній, напоминающаго конецъ 90-хъ и начало 900-хъ годовъ".

КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.

Мы имѣемъ уже нѣсколько отзывовъ критики о повѣсти В. Ропшина: „Конь блѣдный", напечатанной въ „Русской Мысли" (№ 1). Впечатлѣнія критиковъ совпадаютъ въ одной любопытной точкѣ: находятъ, что на повѣсти слишкомъ чувствуется опытная рука литературнаго техника, что эта рука сказывается въ умѣломъ, „слишкомъ умѣломъ", построеніи повѣсти, но опытность и умѣлость безсильны скрыть разсудочность, надуманность и равнодушіе автора, чуждость ему той психики, которою онъ одаряетъ своего героя. И оттого искусственен̂ъ этотъ герой, раздробленными остаются элементы его внутренняго міра, его идеи и настроенія не соединяются и какъ будто даже не могутъ соединиться въ цѣльный, живой типъ. Повѣсть — говоритъ Ю. Айхенвальдъ въ „Словѣ" — „неорганически, безъ внутренней необходимости, сплетаетъ религію и революцію, губернатора и Христа, и эта амальгама слишкомъ отзывается современной, самой послѣдней модой на Бога, на умные и холодные разговоры о Богѣ. Въ героя точно вошелъ кто-то другой, кто-то чужой,—самъ авторъ. И не герою, а именно автору принадлежатъ, напримѣръ, всѣ эти многочисленные, съ дѣланной небрежностью набросанные и разбросанные пейзажи, все это мнимое соприкосновеніе и созвучіе съ природой, неубѣдительное вниманіе къ ней".

Въ этой характеристикѣ много вѣрнаго. Въ психикѣ героя, въ самомъ дѣлѣ, много пришедшаго извнѣ, не слившагося съ его индивидуальностью органически. Въ его идеяхъ много подсказаннаго ходячими современными разговорами. Въ литературной манерѣ автора на каждомъ шагу сказывается подражаніе то тому, то другому изъ модныхъ писателей, и даже какъ будто бы нѣтъ у него своихъ словъ, своего стиля. Надъ всей повѣстью, дѣйствительно, вѣетъ мертвящій духъ равнодушія. Все это такъ. Но вѣрно ли объяснять всѣ эти свойства повѣсти расхожденіемъ между авторомъ и героемъ, равнодушіемъ и холодностью литературныхъ дѣлъ мастера къ создаваемому имъ товару?

Я задаюсь вопросомъ: какъ сталъ бы писать герой повѣсти, террористъ Жоржъ, если бы задумалъ въ беллетристической формѣ передать пережитое и передуманное имъ, свой внутренній міръ и свои соприкосновенія съ міромъ внѣшнимъ? Задаюсь этимъ вопросомъ, и

мнѣ начинаетъ казаться, что Жоржъ сталъ бы писать именно такъ, какъ пишетъ В. Ропшинъ.

Что такое Жоржъ? Ярко выраженный типъ, страшно односторонній, съ гипертрофированной волей и съ безнадежными дефектами въ сферѣ другихъ элементовъ нормальной психики. Это я надѣюсь выяснить и обосновать немного ниже. Теперь же только скажу, что по всему своему складу Жоржъ представляется мнѣ, между прочимъ, лишеннымъ и способности религіознаго и художественнаго созерцанія, мышленія и творчества. Насквозь холодный душою, онъ весь ушелъ въ поступки, не живетъ идеями и образами, не творитъ ихъ. Но онъ—человѣкъ, наслышанный въ спорахъ о религіи и начитанный въ художественной литературѣ; онъ не прочь запомнить цитату изъ русскаго или иноземнаго поэта, цитату изъ Апокалипсиса или Евангелія, разъ она находится, какъ ему кажется, въ гармоніи съ его дѣяніями и съ его настроеніями. Такая цитата можетъ даже стать для него практическимъ лозунгомъ.

Если вошь въ твоей рубашкѣ
Крикнетъ тебѣ, что ты блоха,—
Выйди на улицу
И убей!

Подготовляя убійство губернатора, онъ, „въ свободныя минуты", ходитъ въ библіотеку и читаетъ Гомера. Натыкается въ „Одиссеѣ" на стихи, подходящіе къ его положенію,—и запоминаетъ ихъ:

И думаю, скоро
Лоно земли безпредѣльной обрызжется кровью и мозгомъ...

Или вотъ еще цитата:

Un grand sommeil noir
Tombe sur ma vie,
Dormez, tout espoir,
Dormez, toute envie...

Je ne vois plus rien,
Je perds la mémoire
Du mal et du bien...
O, la triste histoire!

Je suis un berceau,
Qu'une main balance
Au creux d'un caveau...
Silence, silence...

Такихъ явныхъ цитатъ въ повѣсти много. Но еще болѣе цитатъ скрытыхъ. Въ тѣхъ пейзажахъ, которые отмѣтилъ Ю. Айхенвальдъ, я ясно чувствую Кнута Гамсуна. Его же вижу во многихъ деталяхъ

сценъ героя съ женщинами. Въ разсужденіяхъ о Богѣ и смыслѣ жизни слышу отзвуки и стиль современныхъ нашихъ богоискателей, богостроителей и тѣхъ, кто говоритъ: „Что же мнѣ дѣлать, если я интеллигентъ, если я люблю эстетику и отчаяніе!"... Но религіозныя идеи, дѣйствительно, вошли въ него извнѣ, онѣ чужды ему, живутъ въ его памяти какъ постояльцы, иногда на время попадаютъ въ поле его зрѣнія и могутъ даже возбудить нѣкоторое любопытство, но органически съ его психикой не шпростаются. Въ смыслѣ стиля, въ смыслѣ круга высшихъ идейныхъ запросовъ, въ которомъ вращается Жоржъ, повѣсть В. Ропшина представляется мнѣ почти сплошной цитатой изъ разныхъ источниковъ. Но вотъ я и спрашиваю себя: какъ же, какъ не цитатами, сталъ бы писать человѣкъ, лишенный своихъ словъ, своихъ образовъ, своихъ выношенныхъ идей? Въ его цитатахъ будетъ много несвязнаго, много соприкасающагося съ его психикой только какимъ-то случайнымъ, несущественнымъ элементомъ, а сущностью уходящаго въ какую-то совсѣмъ чуждую ему область. Многое, поэтому, покажется ложнымъ и манернымъ, притянутымъ за уши. Но это не оттого, чтобы человѣкъ въ самомъ дѣлѣ былъ манернымъ. Наоборотъ, онъ стремится быть искреннимъ и передать себя такимъ, каковъ онъ есть, но тутъ онъ попадаетъ въ непривычную и несвойственную ему область проявленія личности, тутъ все для него неясно и туманно, яркость индивидуальныхъ линій затушевывается, и человѣкъ растерянно бродитъ отъ одного символа къ другому, отъ одной идеи къ другой. „Не тутъ ли я?.. Нѣтъ, кажется, не тутъ... А можетъ быть?.." И надъ всѣмъ этимъ шатаніемъ лежитъ холодная пелена равнодушія—органической черты въ характерѣ Жоржа, черты, которая въ концѣ концовъ вычеркиваетъ его изъ списка живыхъ.

Жоржъ—глава террористической группы, организаторъ и свершитель политическихъ убійствъ. Его жизнь — сплошная борьба, непримиримая, звѣриная: либо онъ убьетъ, либо его убьютъ. Азартъ этой борьбы заполняетъ все его существованіе. Желѣзная рука, зоркій глазъ, гибкая находчивость, непреклонная, свободно черезъ все переступающая воля — вотъ въ чемъ сила Жоржа. И въ ощущеніи этой силы, въ проявленіи ея—настоящая радость Жоржа, источникъ внутренняго удовлетворенія. „Что моя жизнь безъ борьбы, безъ радостнаго сознанія, что мірскіе законы не для меня?" Когда одержана побѣда, онъ ощущаетъ себя воплощеніемъ стихійной, апокалиптической, карающей силы, вознесенной высоко надъ людьми,—и въ этомъ для него опять источникъ радости, торжества, ощущеніе полноты жизни. „И еще я могу сказать: Пусти серпъ твой и пожни, потому что пришло время жатвы... Свѣтлымъ праздникомъ, торжественнымъ

воскресеньемъ звучатъ пророческія слова: Отъ престола раздался громкій голосъ, говорящій: совершилось. Я счастливъ: да, совершилось".

Въ упоеніи этой борьбы и одолѣнія, въ этой кипучей, напряженной активности нѣтъ мѣста для самоанализа, для подведенія теоретическихъ оправданій подъ свои дѣянія. Есть только одна властная, обнаженная воля: „Я такъ хочу!" Кругомъ Жоржа вьются, переплетаются, борются и спорятъ разныя теоріи. Онъ спокойно, безчувственно проходитъ мимо ихъ всѣхъ. Ему нужны практическіе результаты, опредѣленные поступки, а не теоріи, не то, что̀ стоитъ за поступками и что̀ онъ считаетъ „словами". Эти „слова" онъ снисходительно выслушиваетъ—и тотчасъ же забываетъ. Если человѣкъ, какимъ бы то ни было путемъ, пришелъ къ готовности убить—онъ годится для Жоржа, и Жоржъ беретъ его; если человѣкъ не хочетъ убивать, Жоржъ оставитъ его въ покоѣ, самъ ему скажетъ: „уходи!" Не станетъ убѣждать, не станетъ спорить: ему нужны готовые, сами рѣшившіеся; онъ—не педагогъ, ему некогда, да и неинтересно подготовлять людей. Съ него хватитъ и подготовленныхъ уже.

Индивидуальность Жоржа приспособлена въ высшей степени для его разрушительнаго дѣла. Онъ похожъ на миноноску, строители которой пожертвовали всѣми соображеніями красоты, дешевизны, удобства, ради того, чтобы она наиболѣе совершеннымъ образомъ удовлетворяла своему губительному назначенію; убрано все лишнее, до высшаго напряженія доведены всѣ качества, нужныя для атаки. Такъ и у Жоржа вытравлены изъ психики всѣ элементы, которые могли бы ослабить или замедлить его, такъ сказать, ударную силу. Онъ—совершеннѣйшая машина разрушенія, чистѣйшее воплощеніе идеи террориста. Эта-то специфическая душевная односоставность и дѣлаетъ Жоржа главою террористической организаціи, даетъ ему непререкаемую власть надъ его товарищами, болѣе сложными, человѣчными, и потому болѣе колеблющимися, менѣе мощными, какъ орудіе терроризма.

Изъ людей, стоящихъ рядомъ съ Жоржемъ, двое—Эрна и Ваня—по своему психическому складу однородны. Это — нѣжныя, любящія души, органически неспособныя на насиліе и идущія на свое страшное ремесло съ мучительнымъ трагизмомъ, ломая и попирая свое „я". Эрна участвуетъ въ убійствахъ, потому что „стыдно жить". Ея чуткая совѣсть не позволяетъ ей стать въ сторонѣ отъ совершающихся кругомъ нея ужасовъ; она не можетъ пассивно мириться съ свирѣпствующею въ жизни гибелью, и сама идетъ въ станъ гибнущихъ. Но все ея существо протестуетъ противъ террора, возмущается противъ убійства. Она—террористъ отъ отчаянія, и трудно сказать, выдержала ли бы она муку страданія, причиняемаго ей убиваніемъ, если бы не беззавѣтная ея любовь къ Жоржу.

Та же трагедія глубокой совѣсти и сердца, пламенѣющаго любовью, лежитъ въ основѣ души Вани. Но у него эта трагедія озарена яснымъ свѣтомъ сознанія, породила цѣлую продуманную систему. Ваня—истинный христіанинъ, не по догматамъ, а по натурѣ. Для него Христосъ—Богъ, воплощеніе того закона, который онъ самъ носитъ въ своемъ сердцѣ. Этотъ законъ немолчно свидѣтельствуетъ, что всякое насиліе и убійство противны природѣ человѣческой и являются источникомъ неутолимаго страданія для самого насильника. Жизнь строится лишь любовью, лишь въ царствѣ любви можетъ обрѣсти человѣчество счастье. И Ваня всѣмъ существомъ своимъ вѣритъ, что это царство придетъ, и люди перестанутъ убивать и насильничать. Но нужно имѣть огромную внутреннюю силу, чтобы жить дѣятельною любовью, чтобы строить ею жизнь. За мечъ, за насиліе люди хватаются сейчасъ именно по слабости своей, по безсилію. И сознавая свое безсиліе, Ваня тоже берется за мечъ, но считаетъ себя преступникомъ. Единственное, что его поддерживаетъ — крѣпкая увѣренность въ томъ, что, беря на себя муку и ужасъ преступленія, онъ тѣмъ самымъ освобождаетъ грядущее человѣчество отъ необходимости насильничать и мучиться изъ-за насильничества. На убійство Ваня идетъ какъ на Голгоѳу: онъ отлично знаетъ, что, убивая другого, онъ совершаетъ надъ самимъ собою такое непоправимое насиліе, наноситъ себѣ такую смертельную рану, послѣ которой ему нельзя уже будетъ жить.

Органически противно убивать и третьему помощнику Жоржа, Генриху. Этотъ скудный духомъ юноша становится террористомъ тоже вопреки своей натурѣ, изъ благородной послѣдовательности. Онъ вѣритъ въ обѣтованіе соціалистическаго рая, считаетъ доказаннымъ, что рай этотъ не можетъ быть осуществленъ иначе, какъ при помощи террора, и, признавъ терроръ вообще, считаетъ подлостью предоставить это страшное дѣло другимъ, а самому уклониться. Чѣмъ болѣе бунтуетъ противъ убійства его внутреннее существо, съ тѣмъ большей настойчивостью будетъ онъ ломать себя и принуждать къ психологически непріемлемымъ для него поступкамъ.

Прохожу мимо примитивнаго типа рабочаго Ѳедора, котораго въ объятія терроризма бросило наивное, малосознательное чувство озлобленнаго пролетарія и месть за убитую жену. Но всѣ прежде названные помощники Жоржа—террористы по недоразумѣнію, террористы вопреки своей натурѣ; они слишкомъ перегружены психическими элементами, вопіющими противъ террора, чтобы быть настоящими миноносцами-разрушителями. У Жоржа всѣхъ этихъ „ненужныхъ“ элементовъ нѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, они молчатъ до поры до времени.

Непосредственнаго инстинкта, запрещающаго пролитіе крови, у Жоржа нѣтъ. По его самоощущенію, „убивать всегда можно“, и для него неясно, почему для другихъ на убійствѣ лежитъ какой-то запретъ. Иначе и быть не можетъ: противъ убійства протестуетъ прежде всего тотъ инстинктъ любви, которымъ такъ богаты Эрна и Ваня. Этотъ инстинктъ связываетъ меня съ другимъ человѣкомъ какими-то невидимыми, ирраціональными нитями, которыя позволяютъ мнѣ непосредственно ощущать чужую личность, входить въ нее, какъ въ свою личность, цѣнить ее, какъ я цѣню себя. При наличности любви выходитъ такъ, что чѣмъ сильнѣе у меня самоощущеніе своего „я“, тѣмъ ярче встаетъ передо мною и самоцѣнность всякой другой индивидуальности. Отсюда вытекаетъ и органическая невозможность посягнуть на эту индивидуальность, особенно въ самой грубой формѣ посягновенія, въ формѣ убійства. И вотъ этого-то инстинкта любви, этого ощущенія чужой индивидуальности, какъ таковой, и лишенъ Жоржъ, и долженъ быть лишенъ—иначе онъ не былъ бы желѣзнымъ, холоднымъ и острымъ серпомъ, воплощеніемъ цѣльной натуры террориста. Иначе онъ пошелъ бы по дорогѣ Эрны и Вани, по пути внутренняго раздвоенія, колебанія и принципіальнаго осужденія убійства. Для него люди, какъ таковые—не существуютъ; даже самые близкіе къ нему, и тѣ для него лишь орудія для достиженія террористическихъ цѣлей. Ему жаль, что убили Ѳедора, но только потому, что это ослабляетъ силу его отряда. „Значитъ, ты не любилъ Ѳедора!“—съ грустью выводитъ Ваня,—и совершенно правильно. Для Жоржа не жутко, что Эрна, отдавшая ему все, можетъ погибнуть отъ взрыва, приготовляя бомбы: досадно было бы, конечно, потерять цѣннаго члена организаціи, но въ крайнемъ случаѣ химическія приготовленія можно произвести и безъ нея. Душа Жоржа нимало не оцарапана вѣстью о казни Вани. Онъ не любитъ никого, онъ до грубости равнодушенъ ко всѣмъ людямъ и къ ихъ внутреннему міру, къ ихъ духовнымъ страданіямъ и бореніямъ. Онъ способенъ, по выраженію Вани, только „хлестать ихъ вожжей по глазамъ“, какъ хлещетъ пьяный озлобленный ломовикъ свою лошадь. Они для Жоржа только лошади, которыя везутъ на себѣ тяжелый грузъ терроризма. Можетъ быть, даже менѣе, чѣмъ лошади—простые механизмы.

Эта внѣшность, механичность, запечатлѣвающая взглядъ Жоржа на людей, сказывается и въ его отношеніи къ природѣ и къ искусству,—то, о чемъ я говорилъ уже въ началѣ этой статьи.

Но этотъ дефектъ въ инстинктахъ, дѣлающій Жоржа столь совершеннымъ орудіемъ террора, съ роковой, неизбѣжной психологической необходимостью ведетъ къ нѣкоторымъ послѣдствіямъ, подрубающимъ, можно сказать, сукъ, на которомъ сидитъ самъ Жоржъ.

Разъ люди—только машины, либо помогающія, либо противоборствующія, какъ напр. губернаторъ, цѣлямъ Жоржа, разъ нѣтъ любви, связующей людей другъ съ другомъ, создающей, въ концѣ концовъ, ощущеніе цѣлокупности человѣчества и жизни и заставляющей видѣть въ себѣ самомъ только точку или моментъ въ развитіи всечеловѣческаго, быть можетъ міровою процесса, то гдѣ же основаніе для тѣхъ идеологій, которыя породили и все революціонное движеніе, и самый терроръ? Нечего ужъ, конечно, и говорить о томъ, сколь чужда Жоржу христіанская концепція Вани, вся опирающаяся на обожествленіе любви. Но и болѣе современныя, иррелигіозныя идеалистическія построенія для Жоржа лишены всякой цѣны. Генрихъ вѣритъ въ соціализмъ, въ грядущій рай на землѣ, работаетъ для будущаго человѣчества. Для Жоржа нѣтъ человѣчества, и потому ему „смѣшны эти старыя сказки, и пятнадцать десятинъ раздѣленной земли его не прельщаютъ". Нѣтъ для него, по той же самой причинѣ, и вообще никакой идеологіи, или, какъ онъ выражается, закона, т.-е. чего-нибудь объективно-обязательнаго, связующаго людей воедино, въ одну семью служителей общей для нихъ всѣхъ правды. Тухнетъ, значитъ, и всякое объективное осмысленіе, оправданіе террора.

Во имя чего же, въ такомъ случаѣ, убиваетъ Жоржъ? „Я такъ хочу!"—вотъ единственный его отвѣтъ. Но вѣдь тогда мы уже вышли за предѣлы *политическаго* террора. Это—терроръ просто, безъ всякихъ прилагательныхъ, спортъ, охота на людей,—сплошной ужасъ. Но вы видите, какими неразрывными цѣпями скованъ этотъ ужасъ съ самою сущностью терроризма, взятою въ чистомъ, безпримѣсномъ видѣ, освобожденною отъ всякихъ психологическихъ противорѣчій.

Впрочемъ, у Жоржа есть еще другой отвѣтъ на вопросъ, зачѣмъ онъ убиваетъ: „Я не хочу быть рабомъ. Я не хочу, чтобы были рабы". Когда онъ повторяетъ этотъ отвѣтъ, нѣсколько страницъ спустя, вторая половина формулы уже отпала, позабыта. И это не случайность. Бороться за то, чтобы не было рабовъ, бороться за другихъ можетъ лишь тотъ, кто любитъ этихъ другихъ, кто не отрѣзалъ себя отъ нихъ такъ, какъ это сдѣлалъ Жоржъ. Въ его устахъ вторая половина его отвѣта звучитъ, какъ нѣчто чуждое ему, внѣшнее. А первая половина—развѣ она не есть, въ концѣ концовъ, только перелицовка все того же: „Я такъ хочу!"—развѣ не есть она лозунгъ того же узкаго самоутвержденія все той же обособившейся воли, произвола,—развѣ для Жоржа „не быть рабомъ" не значитъ „быть деспотомъ"?

Но несовсѣмъ все-таки чужія для Жоржа слова протеста противъ рабства вообще. Они чужія для него такого, какой онъ есть сейчасъ, но они—слѣдъ одной изъ стадій, черезъ которыя онъ прошелъ въ своей эволюціи. Не всегда вѣдь онъ былъ такимъ, какимъ мы его видимъ.

„Въ дѣтствѣ говѣешь еще на шестой. Постъ всю недѣлю, до причастія — ни маковой росинки во рту. На страстной недѣлѣ истово бьешь поклоны, къ Плащаницѣ всѣмъ тѣломъ прильнешь: Господи, прости мнѣ мои прегрѣшенія. У заутрени—какъ въ раю: свѣчи ярко горятъ, воскомъ пахнетъ, ризы бѣлыя, кіотъ золотой. Стоишь, не вздохнешь,—скоро ли воскреснетъ Христосъ, скоро ли домой со святымъ куличемъ пойдешь? Дома праздникъ, великое торжество. Всю святую недѣлю праздникъ"...

„Въ дѣтствѣ я зналъ любовь,—материнскую ласку. Я невинно любилъ людей, радостно любилъ жизнь"...

„Въ дѣтствѣ я видѣлъ солнце. Оно слѣпило меня, жгло лучистымъ сіяніемъ"...

Было, значитъ, время, когда въ сердцѣ Жоржа жила любовь, когда онъ любилъ Христа, людей, природу. И эта любовь къ солнцу возмутила его гнѣвомъ къ мерзостямъ, которыя творятся подъ солнцемъ, любовь къ людямъ зажгла его ненавистью къ тѣмъ, кто унижаетъ и топчетъ въ грязь людей, любовь къ Богу потрясла его яростью противъ ужаса жизни, освящаемаго кощунственно именемъ Божіимъ. И онъ пошелъ въ бой во имя того, чтобы человѣкъ сталъ человѣкомъ, свободнымъ, радостнымъ, прекраснымъ. Во имя любви загорѣлся онъ ненавистью, во имя жизни сталъ сѣять смерть, — и какъ боецъ въ опьяненіи битвы не замѣчаетъ наносимыхъ ему ранъ, такъ и онъ въ разгульномъ упоеніи борьбы не замѣтилъ, что смертельно ранилъ себя самого, что стала отмирать въ немъ любовь и радость жизни, и мрачная, холодная волна захлестнула его душу. Культъ свободной человѣческой личности выродился въ культъ собственнаго „я", и культъ собственнаго „я" опустился до односторонняго культа волевыхъ, грубо-насильственныхъ элементовъ этого „я".

Ярки и красочны радости торжествующей воли, но онѣ не заполняютъ вплотную всего существованія Жоржа. Поступки постоянно перемежаются полосами вынужденнаго и неизбѣжнаго бездѣйствія. И вотъ тогда начинаютъ шевелиться въ его душѣ забытые и забитые имъ элементы многограннаго человѣческаго „я". Встаетъ потребность мысли, обобщающей и осмысляющей жизнь и поступки, шевелится потребность радостнаго созерцанія и любви. Но обезсилены и искалѣчены у Жоржа эти стороны духа. Немощно, вяло перебираетъ его воспоминаніе чужія идеи и оледенѣвшіе въ его равнодушной душѣ чужіе восторги,—и онъ не знаетъ, что̀ съ ними дѣлать. Тускло, какъ сѣрый туманъ, ползутъ зародыши воспріятій природы и спѣшатъ провалиться въ безплодную пучину чужихъ формулъ. Скучно, тоскливо Жоржу наединѣ съ этимъ своимъ интимнымъ лазаретомъ—и онъ спѣшитъ прочь отъ него,—къ яркому, къ волевому, къ удару, къ опьяняющему раз-

гулу борьбы и произвола. Вырвавъ свое „я“ изъ потока общечеловѣческаго, убивъ въ себѣ историческія перспективы прошлаго и будущаго, Жоржъ кончаетъ тѣмъ, что и въ тѣсныхъ предѣлахъ своего личнаго бытія разрушаетъ всякую связность непрерывно смѣняющихся переживаній. Отдѣльные моменты, раздѣленные ненужными провалами, культъ момента — вотъ къ чему сводится его жизнь. Какъ будто не одна и та же личность родитъ и яркіе моменты, и тусклые провалы, какъ будто способность переживать провалы не находится въ связи съ волевыми подъемами, какъ будто характеръ подъемовъ не обусловливаетъ собою неизбѣжности полосъ подавленности, не налагаетъ на нихъ своей печати!..

Но есть въ этой трагически искалѣченной, сильной только своимъ невѣдѣніемъ душѣ одна свѣтлая точка:

Я дамъ тебѣ звѣзду утреннюю!..

Эта звѣзда—Елена. Женщина, которую Жоржъ любитъ.

Такая простая, обычная вещь—любовь къ женщинѣ, влюбленность. Но для Жоржа она имѣетъ особое значеніе. Вѣдь его волнуетъ не примитивная, животная страсть, которая локализируется на любомъ объектѣ. Нѣтъ, тутъ надъ здоровымъ, стихійнымъ, вѣчно творящимъ инстинктомъ выросла уже специфически-человѣческая надстройка—влеченіе къ опредѣленной индивидуальности, къ данной именно женщинѣ, а не къ женщинѣ вообще. На первобытномъ черноземѣ выросъ цвѣтокъ, таящій въ своихъ нѣдрахъ сѣмена истиннаго богопониманія, прозрѣнія въ таинственный смыслъ жизни. Равнодушный, застывшій человѣкъ, отрѣзанный отъ всего міра, разучившійся чуять индивидуальную цѣнность чужого „я“, утратившій, казалось, пути къ этому ощущенію,—вотъ онъ прикованъ къ чужой личности, вотъ онъ уже цѣнитъ ее и жаждетъ ея, не какъ орудія для достиженія своихъ цѣлей, а какъ носительницы единственнаго, неповторимаго, ей только одной свойственнаго очарованія. Протянулись невидимыя, ирраціональныя цѣпи, сковывающія человѣка съ другимъ человѣкомъ, воскресъ инстинктъ любви, любви-учительницы, выводящей человѣка изъ мрачнаго подземелья самозамкнутости, научающей упиваться восторгомъ сліянія съ чужимъ „я“, ведущей отъ женщины къ ребенку, къ людямъ, къ солнцу, къ небу, къ Богу. И такъ прекрасны эти цѣпи, что не охота ихъ срывать, и такъ дивно это небо, лежащее за предѣлами узкаго, угрюмаго „я“, что ради него можно забыть и терроръ, и борьбу, и висѣлицы. Хочется цѣликомъ уйти въ этотъ радостный міръ любви, воскрешающей душу, взять изъ него все.

Но всего взять нельзя. Въ Еленѣ есть что-то родное тому міру, изъ котораго пришелъ къ ней Жоржъ. Она тоже живетъ моментами,

раздробленными, несвязанными,—правда, моментами любви, а не ненависти, но все же моментами. Она тоже не знаетъ никакого закона, кромѣ своего хотѣнія, яркаго и напряженнаго въ каждую данную минуту. Правда, это хотѣніе диктуется ей любовью, жаждой слить свое „я" съ чужимъ „я", но любовь ея дробится между двумя, и потому нѣтъ истинной полноты въ этихъ сліяніяхъ. А Жоржъ хочетъ „пить вино цѣльное", и требуетъ, чтобы Елена была его женой. Въ отвѣтъ „она говоритъ его же слова" о моментѣ и о ненужности закона, „но теперь онъ въ нихъ чувствуетъ ложь". Только какъ обличитъ онъ эту ложь? Тотъ міръ, изъ котораго онъ пришелъ, утвердился на этой лжи, а тотъ міръ, завѣса коего ему пріоткрыта любовью къ Еленѣ, еще не властенъ надъ нимъ, не умудрилъ его мысли, не далъ ему своихъ, нелживыхъ словъ. Жоржъ чувствуетъ только всѣмъ существомъ своимъ, что то, что̀ связываетъ его съ Еленой, требуетъ цѣлостнаго, безраздѣльнаго, безперерывнаго сліянія двухъ въ единую плоть и единый духъ. Но новое чувство не находитъ новыхъ словъ, и, блѣднѣя, онъ повторяетъ старое, ненужное уже здѣсь слово стараго міра:

„— Я такъ хочу, Елена!"

И грустнымъ молчаніемъ отвѣчаетъ Елена на эти неумѣстныя между ними слова. Не желѣзная, грубая воля господина надъ рабой царитъ въ томъ мірѣ, преддверіе котораго провидится въ ласкахъ Елены, а иная, кроткая сила, сила истиннаго чувства, истинной любви, объединяющей два сердца, двѣ воли въ единомъ порывѣ. Но все прошлое Жоржа научило его разсѣкать, а не соединять, углублять несогласіе до смертоубійственной ненависти, а не растворять его въ синтезѣ высшаго настроенія, истреблять врага, а не дѣлать его другомъ. Когда не творилась его воля, онъ искалъ—кто виноватъ?—и, найдя виноватаго, убиралъ его съ пути. Вотъ и теперь, когда онъ сказалъ: „я такъ хочу", онъ вышелъ изъ круга тѣхъ новыхъ исканій, которыя воскресили въ немъ любовь, и вступилъ на прежній путь,—путь „мастера краснаго цеха".

Кто стоитъ поперекъ дороги? Мужъ Елены. Устранить его! Да, отчего бы и нѣтъ? Вѣдь вчера еще Жоржъ говорилъ, что нѣтъ закона, вчера еще не понималъ, почему одного можно убить, а другого нельзя, вчера еще убіеніе врага наполняло его душу „пьяною радостью". Механическое міропониманіе вступило въ свои права: есть только механическія препятствія, и механически надо ихъ убирать...

И вотъ „свершилось": мужъ Елены убитъ. Что̀ же? День новаго стихійнаго торжества? Нѣтъ, „день скорби и поруганія". Почему же? Потому что всталъ законъ, не внѣшній, а внутренній, законъ духа человѣческаго, дѣлающій такъ, что нельзя убить во имя любви, не

убивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и самой любви. Любовь къ Еленѣ толкнула Жоржа на „разбойничій выстрѣлъ“—и вотъ онъ видитъ, что этотъ выстрѣлъ „выжегъ и любовь“ его къ Еленѣ. Теперь ему уже нѣтъ никакого дѣла до нея; она, вчера еще такая близкая, дорогая, сегодня—совсѣмъ чужая, ненужная, несуществующая.

Разъ такъ уже было съ Жоржемъ. Разъ этотъ самый внутренній законъ сказался уже въ немъ, но тогда онъ, въ опьяненіи неконченнаго, вѣчнаго боя, не замѣтилъ того, что случилось. Когда онъ убилъ въ первый разъ изъ любви къ Россіи, онъ убилъ и свою любовь къ Россіи, и изъ политическаго идеалиста превратился въ простого „мастера краснаго цеха“, сталъ убивать дальше потому, въ сущности, что ему такъ хотѣлось. Но, имѣя передъ собой полчища враговъ, онъ не задумывался попристальнѣе, онъ торопился отъ убійства къ убійству, довольствуясь пустыми, вывѣтрившимися уже словами: „я убиваю во имя идеи, во имя дѣла“—и чѣмъ дальше, тѣмъ больше притуплялось его сердце, съуживался его духовный міръ, такъ что потомъ, когда и приходило ему сознаніе, что нѣтъ идейной подкладки подъ его убійствами, онъ равнодушно констатировалъ:

— Я не знаю, почему нельзя убивать. И не пойму никогда, почему убить во имя вотъ этого хорошо, а во имя вотъ того-то дурно.

Но, вотъ, чувство къ Еленѣ совершило чудо: возстали изъ гробовъ въ душѣ Жоржа Лазари четырехдневные, подняли голову придушенные, искалѣченные элементы его „я“, пахнуло свѣтомъ и тепломъ, и могучая радость стала выростать подъ этимъ дуновеніемъ, дорогая и желанная. Протянулъ Жоржъ къ ней руки—и вдругъ та жестокость насильническихъ инстинктовъ, которую онъ такъ давно прикармливалъ въ своемъ сердцѣ, вырвалась опять наружу и въ безудержномъ, привычномъ порывѣ смяла, на этотъ разъ уже окончательно, вколотила въ безнадежный гробъ все, что всколыхнулось въ душѣ Жоржа.

И раскрылись его глаза. Если „все дозволено“, то нѣтъ любви, нѣтъ Елены, нѣтъ Россіи, нѣтъ идеи. Есть одинъ разгулъ безсмысленной стихійной силы, становящійся, наконецъ, утомительнымъ и ненужнымъ.

„Я не люблю теперь никого. Я не хочу и не умѣю любить. Проклятъ міръ и опустѣлъ для меня въ одинъ часъ: все ложь и все суета... Было желаніе, я дѣлалъ мое дѣло. Я не хочу ничего теперь. Зачѣмъ?..“

Циклъ жизненнаго боренія исчерпанъ. Трагедія вскрылась до конца. Исхода нѣтъ. Или, вѣрнѣе, есть только одинъ исходъ—самоистребленіе...

Вотъ что разсказываетъ тотъ человѣческій документъ, который предъявленъ намъ В. Ропшинымъ. Съ ужасающей очевидностью рас-

крываетъ онъ, какою цѣною покупается превращеніе человѣка въ ударную машину. Насилуется цѣннѣйшее въ составѣ человѣческой личности, убивается то самое, во имя чего поднятъ былъ мечъ. Борясь противъ тираннiи въ жизни, человѣкъ создаетъ тираннiю въ своей душѣ—подавленіе одной части своего „я“ другою. Внутри человѣческой личности происходитъ тотъ же ужасъ, который происходитъ и въ обществѣ, нравственно раздавленномъ тираннiею: разобщаются и развращаются и угнетатель, и угнетаемый. Когда, рано или поздно, наступаетъ минута рѣшительнаго испытанія, встаетъ вопросъ жизни и смерти для цѣлокупнаго организма, раздробленныя и изуродованныя части, безсильныя дѣйствовать координированно и цѣлесообразно, вступаютъ въ хаотическіе, самоубійственные конфликты, и организмъ исчезаетъ изъ міра живыхъ, въ тяжкихъ мукахъ неисцѣлимаго безсилія и безпросвѣтнаго отчаянія.

С. Адріановъ.

ФИЛОСОФСКІЯ ТЕЧЕНІЯ РУССКАГО МАРКСИЗМА

(Обзоръ.)

Широко разросшаяся за послѣдніе годы марскистская философская литература дѣлится на два рѣзко опредѣленныхъ и жестоко враждующихъ другъ съ другомъ теченія: одно, *ортодоксальное*, строго держится тѣхъ немногихъ философскихъ положеній, которыя разсѣяны въ сочиненіяхъ Маркса и Энгельса; другое теченіе примыкаетъ къ *эмпиріокритицизму*, философіи чистаго опыта Авенаріуса и Маха, или пытается возводить на основѣ ихъ взглядовъ самостоятельныя построенія (*эмпиріомонизмъ* г. Богданова и *эмпиріосимволизмъ* г. Юшкевича). Общимъ для обоихъ этихъ теченій является, во-первыхъ, то, что они оба въ принципѣ стоятъ на точкѣ зрѣнія позитивизма, отрицательно относясь ко всякой метафизикѣ, въ смыслѣ внѣ-опытнаго и сверхъ-опытнаго познанія. Въ большинствѣ случаевъ, однако, марксистскіе философы не удерживаются на этой плоскости, впадая то въ матеріалистическую метафизику (г. Бельтовъ-Плехановъ), то въ метафизическій идеализмъ (г.г. Юшкевичъ и Богдановъ). Другой общей чертою обоихъ теченій является то, что они одинаково признаютъ необходимость „философскаго обоснованія“ марксизма, его соціально-политическихъ взглядовъ, расходясь только по вопросу о томъ, гдѣ именно лежитъ эта настоящая философія: у Маркса ли и Энгельса, или у Авенаріуса и Маха, или же ее еще предстоитъ построить, чѣмъ и занятъ, напр., г. Богдановъ.

Ортодоксальный марксизмъ, въ лицѣ г. Бельтова-Плеханова [1]), г-жи Ортодоксъ-Аксельродъ [2]) и др., занимается главнымъ образомъ изложеніемъ, защитой и отчасти развитіемъ философскихъ взглядовъ Маркса и Энгельса, а также энергичной полемикой съ другимъ на-

---

[1]) Вопросы философіи разсматриваются имъ въ его книгахъ: „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“ (1894; второе изданіе и рядъ слѣдующихъ), „За двадцать лѣтъ“ (1905; второе изданіе 1906 г., третье 1908), „Критика нашихъ критиковъ“ (1906), „Основные вопросы марксизма“ (1908).—Статья: „Materialismus militans“. Отвѣтъ Богданову („Голосъ Соц.-Дем.“, 1908, №№ 6—7 и 8—9).

[2]) „Философскіе очерки“ (1906); „Мѣщанскій мистицизмъ“ („Совр. Міръ“ 1908, XI и XII) и др.

правленіемъ философіи марксизма. Однако, хотя г. Плехановъ касался въ своихъ многочисленныхъ статьяхъ почти всѣхъ значительныхъ философскихъ разсужденій Маркса и Энгельса, но онъ не далъ сколько-нибудь связнаго и систематическаго ихъ изложенія, — быть-можетъ потому, что совокупность такихъ разсужденій далеко не производитъ внушительнаго впечатлѣнія. Знакомство съ подлинными взглядами Маркса и Энгельса необходимо, однако, для пониманія и оцѣнки современныхъ теченій марксистской философской мысли [1]).

Въ общемъ философія Маркса и Энгельса состоитъ изъ элементовъ, заимствованныхъ у Гегеля и Фейербаха; послѣдній, по словамъ Маркса, далъ „истинное завершеніе критики Гегеля“, а именно спекулятивной части его ученія, какъ и метафизики вообще. Слѣдуя Фейербаху, Энгельсъ полагалъ, что „съ Гегелемъ вообще заканчивается философія“, мѣсто которой должны занять положительныя науки,—что не мѣшало, однако, Марксу и Энгельсу заниматься именно философіей, въ смыслѣ наиболѣе общихъ вопросовъ и выводовъ познанія. „Великимъ основнымъ вопросомъ всякой, а особенно новѣйшей философіи“ Энгельсъ считалъ вопросъ объ отношеніи нашего познанія къ дѣйствительности. Марксъ и Энгельсъ рѣшаютъ его въ духѣ того, такъ сказать, естественнаго реализма, котораго держится обыденное мышленіе: существуетъ внѣшній міръ, познаваемый какъ онъ есть; правильное познаніе его даетъ предвидѣніе явленій и практическій успѣхъ, а тѣмъ самымъ достигается познаніе и „вещи въ себѣ“. „Мы можемъ доказать правильность нашего пониманія даннаго явленія природы тѣмъ, что мы сами его вызываемъ, порождаемъ его изъ его условій и заставляемъ его служить нашимъ цѣлямъ“—говоритъ Энгельсъ „Такимъ образомъ, Кантовской „вещи самой по себѣ“ приходитъ конецъ. Химическія соединенія, образующіяся въ тѣлахъ животныхъ и растеній, оставались „вещами по себѣ“, пока органическая химія не научилась приготовлять ихъ; но когда она постепенно дошла до этого, вещи по себѣ стали вещами для насъ“. Ученики Энгельса также говорятъ о познаваемости вещи въ себѣ, но въ то же время они уже настолько затронуты критической философіей, что считаютъ наши представленія о формахъ и отношеніяхъ „не болѣе, какъ іероглифами“. Г. Плехановъ, напр., признаетъ близость своихъ взглядовъ

[1]) Изъ сочиненій Маркса философскихъ вопросовъ касаются его работы: „Святое семейство или критика критической критики“ (1845), „Тезисы о Фейербахѣ“ (1845), „Нищета философіи“ (1846) и отчасти „Капиталъ“, т. I. У Энгельса философіи посвящены: „Переворотъ въ наукѣ, произведенный Дюрингомъ“ (1877), „Л. Фейербахъ“ (1888) и предисловіе къ англійскому изданію „Объ утопіи и наукѣ“ (переработано по-нѣмецки въ статьѣ: „Ueber den historischen Materialismus“, „Neue Zeit“ 1892—1893, №№ 1 и 2).

къ агностицизму Спенсера; матеріалисты—говоритъ онъ—„никогда не утверждали, что мы знаемъ, каковы вещи сами по себѣ, т.-е. независимо отъ ихъ дѣйствія на насъ; они утверждали только, что эти вещи извѣстны намъ потому, что онѣ дѣйствуютъ на наши органы чувствъ, и именно въ той мѣрѣ, въ какой онѣ на нихъ дѣйствуютъ“. Подобное воззрѣніе врядъ-ли имѣетъ какое-либо отношеніе къ матеріализму. Марксъ и Энгельсъ характеризуютъ, правда, свои взгляды этимъ терминомъ, но, вопреки обычному мнѣнію, въ ихъ сочиненіяхъ совершенно отсутствуютъ какія-либо опредѣленныя заявленія въ духѣ дѣйствительнаго матеріализма (считающаго подлинной сущностью вещей и, въ частности, психическихъ явленій нѣчто матеріальное). Наоборотъ, Энгельсъ очень презрительно отзывается объ „опошленномъ, вульгарномъ матеріализмѣ“ Бюхнера, Фохта и Молешотта. Это тѣмъ болѣе удивительно, что матеріалистическіе тезисы не разъ встрѣчаются у Фейербаха. Марксъ же и Энгельсъ понимаютъ подъ матеріализмомъ вещи довольно далекія отъ философскаго смысла этого слова, а именно: атеизмъ, отрицаніе „высшихъ существъ, созданныхъ нашей религіозной фантазіей“, обычный эмпиризмъ науки и т. п. Ортодоксальнымъ марксистамъ пришлось вложить въ пониманіе матеріализма болѣе опредѣленное содержаніе и тѣмъ самымъ вступить на почву метафизическаго матеріализма. Такъ г. Плехановъ, кромѣ неопредѣленныхъ матеріалистическихъ заявленій (сознаніе есть внутреннее состояніе движущейся матеріи, и т. п.), утверждаетъ, что только монистическія системы могутъ удовлетворительно отвѣтить на неразрѣшимый для дуализма вопросъ о взаимодѣйствіи духа и тѣла—двухъ субстанцій, не имѣющихъ между собою ничего общаго; изъ монистическихъ же системъ, по словамъ г. Плеханова, рѣшительную побѣду одержалъ теперь матеріализмъ, объясняющій психологическія явленія тѣми или другими свойствами матеріи. Матеріализмъ г-жи Ортодоксъ чуждъ этихъ претензій; сущность его состоитъ „въ признаніи внѣшняго міра и зависимости отъ него содержанія сознанія“.

У Гегеля Марксъ и Энгельсъ заимствовали его *діалектику*. Подъ этимъ общимъ именемъ подразумѣваются опредѣленныя представленія о дѣйствительности — непрерывная измѣнчивость и текучесть всего сущаго, благодаря которымъ каждая вещь и каждое ея свойство въ одно и то же время существуетъ и не существуетъ, „представляетъ собою то же самое и въ то же время нѣчто иное“. Сообразно такому характеру бытія, обычная логика, съ ея законами тождества и противорѣчія, должна быть замѣнена діалектической логикой противорѣчія. Вмѣстѣ съ тѣмъ діалектика отрицаетъ что-либо разъ навсегда установленное, безусловное, всякія „вѣчныя истины“.

Отсюда вытекаетъ, далѣе, необходимость діалектическаго метода въ познаніи, т.-е. изученія вещей „въ ихъ связи, въ ихъ сплетеніи, въ ихъ движеніи, возникновеніи и уничтоженіи“. Наконецъ, подъ діалектикой Энгельсъ понимаетъ особую теорію развитія, дающую общую формулу для самыхъ различныхъ областей явленій.

Энгельсъ и его русскіе послѣдователи не удерживаются, однако, на этой позиціи. Энгельсъ признаетъ относительную устойчивость вещей, правомѣрность обычной логики и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможность окончательныхъ, не подлежащихъ измѣненію истинъ. Онъ ограничиваетъ область діалектической логики случаями движенія, которое „само по себѣ есть противорѣчіе“. Г. Плехановъ идетъ еще дальше, признавая, что „законы формальной логики въ извѣстныхъ предѣлахъ примѣнимы также и къ движенію“. Энгельсъ подробно разбираетъ вопросъ о возможности вѣчныхъ истинъ и рѣшаетъ его въ утвердительномъ смыслѣ для самыхъ различныхъ разрядовъ наукъ, начиная съ математики и естествознанія и кончая исторіей,—оговариваясь только, что эти истины имѣютъ характеръ банальностей. Любопытно, что такой выводъ кажется марксисту г. Богданову эклектическимъ и опровергается имъ на основаніи соціологическихъ соображеній. Истина, говоритъ онъ, есть идеологическая форма, но „такъ какъ матеріальный базисъ имѣетъ свойство измѣняться въ развитіи общества, то становится яснымъ, что всякія данныя идеологическія формы могутъ имѣть лишь исторически-преходящее, а не объективно-надъисторическое значеніе“.

Интересную критику діалектики, какъ теоріи развитія по діалектической схемѣ (положеніе, отрицаніе и отрицаніе отрицанія) представляетъ книга Бермана: „Діалектика въ свѣтѣ современной теоріи познанія“. Г. Берманъ указываетъ, что отрицаніе понятія, переходъ его въ противоположное, далеко не всегда даетъ въ результатѣ новое опредѣленное понятіе, и во всякомъ случаѣ дальнѣйшее отрицаніе должно привести къ исходному пункту. Если же у Гегеля въ результатѣ его спекулятивныхъ операцій получаются все новыя и новыя понятія, то это объясняется полнымъ произволомъ въ обращеніи съ ними. „Жонглированіе понятіями, опытъ котораго показываетъ намъ Гегель, отличается, отъ обыкновеннаго фокусничества“, по словамъ Бермана, „только тѣмъ, что въ этомъ случаѣ самъ фокусникъ вѣруетъ въ мистическія свойства своего духа“. Вся сущность гегелевской діалектики заключается „въ принципѣ растяжимости смысла понятія“. То же можно сказать и о діалектической теоріи Энгельса. Энгельсъ совершенно произвольно выхватываетъ отдѣльные моменты развитія системы и, называя отрицаніемъ измѣненіе или отсутствіе какого-либо изъ ея многочисленныхъ элементовъ, подводитъ это развитіе подъ

тріаду, хотя съ такимъ же правомъ можно было бы взять не три, а сколько угодно моментовъ и каждый изъ нихъ считать, по желанію, отрицаніемъ предыдущаго момента—или, наоборотъ, утвержденіемъ его. Развитіе путемъ противорѣчія не выражаетъ собою никакого закона развитія.

Эмпиріокритицизмъ Авенаріуса и Маха, въ качествѣ новѣйшаго направленія позитивизма, пользуется широкой популярностью въ Россіи. Переводами и популяризацiей философскихъ произведеній этой школы занималось и марксистское „Научное Обозрѣніе“, и писатели направленія „Русскаго Богатства“ (В. В. Лесевичъ, г. Черновъ и др. [1]). Эмпиріокритицизмъ, какъ и Марксъ, стоитъ на почвѣ обыденнаго „естественнаго понятія о мірѣ“, съ тою лишь разницей, что отрицательное отношеніе къ метафизикѣ и ея проблемамъ очень подробно развивается Авенаріусомъ и Махомъ. Неудивительно, поэтому, что эмпиріокритицизмъ нашелъ горячихъ приверженцевъ среди марксистовъ, не удовлетворявшихся философіей Маркса или, вѣрнѣе, ея отсутствіемъ. Сюда относятся гг. Луначарскій [2]), Берманъ [3]), Валентиновъ [4]), Базаровъ [5]) и др. Характерной чертой эмпиріокритицизма, какъ особаго теченія позитивизма, является воззрѣніе, что міръ физическій и психическій состоитъ изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ-ощущеній, которые въ одной связи (съ нашей нервной системой) представляютъ психическія явленія и предметъ психологіи, а въ другой связи (другъ съ другомъ) образуютъ физическій міръ, объектъ естествознанія. Этими элементами-ощущеніями и исчерпывается дѣйствительность; нѣтъ никакой нужды предполагать лежащую въ ихъ основѣ субстанцію, вещь въ себѣ. „Сущее должно мыслить какъ ощущеніе“, говоритъ Авенаріусъ. Весь міръ, по Маху—„одинъ ком-

---

[1]) Изъ сочиненій Авенаріуса переведены: „Философія, какъ мышленіе о мірѣ, сообразно принципу наименьшей траты силъ“ (пер. Федорова, 1899), „Человѣческое понятіе о мірѣ“ (пер. Федорова и новый Самсонова, 1909), „Критика чистаго опыта“ (I томъ, перев. Федорова, 1907). Изъ соч. Маха переведены: „Научно-популярные очерки“ (1901), „Анализъ ощущеній и отношеніе физическаго къ психическому“ (1907), „Познаніе и заблужденіе“ (1908) и нѣсколько мелкихъ статей и отрывковъ изъ сочиненій.

[2]) „Этюды критическіе и полемическіе“ (1905) и „Отклики жизни“ (1906). Ему же принадлежитъ популярное изложеніе „Критики чистаго опыта“ Авенаріуса (1905).

[3]) „Марксизмъ и махизмъ“ („Образованіе“ 1906, XI), „О діалектикѣ“ въ очеркахъ по философіи марксизма 1908), а также вышеназванная книга.

[4]) „Философскія направленія марксизма“ (1908); „Махъ и марксизмъ“ (1908).

[5]) „Мистицизмъ и реализмъ нашего времени“ (Въ „очеркахъ по философіи марксизма“, 1908) и „Къ вопросу о философскихъ основахъ марксизма“ (въ сборникѣ: „Памяти Маркса“, 1908).

плексъ взаимно-связанныхъ между собою ощущеній, а мое *я*—часть этого комплекса, въ которой эти ощущенія лишь сильнѣе между собою связаны". Субстанція же, вещь въ себѣ, это—„иллюзія вредная и даже опасная". Марксисты-эмпиріокритицисты заняты по преимуществу изложеніемъ и защитой этихъ взглядовъ и въ особенности полемикой съ другимъ направленіемъ марксизма, утверждающимъ, что эмпиріокритицизмъ логически приводитъ къ субъективному идеализму и солипсизму (отрицанію существованія внѣшняго міра и другихъ людей). Неприглядная сторона этой полемики — обвиненія эмпиріокритицизма, такъ сказать, въ соціалъ-демократической неблагонадежности. Г-жа Ортдоксъ утверждаетъ, напр., что съ помощью этой теоріи можно доказать, что „бѣдные богаты, а богатые бѣдны, ибо все зависитъ отъ субъективныхъ переживаній"; по мнѣнію г. Деборина, эта „субъективная философія, по которой истинно то, что мнѣ выгодно или полезно, способна оправдать всѣ мерзости существующаго, провозгласить разумность дѣйствительности, чтобы еще болѣе затруднить пролетаріату его отчаянную борьбу за дѣйствительно разумное, т.-е. за новый общественный строй". Эмпиріокритицизмъ, правда, даетъ нѣкоторый поводъ къ упрекамъ въ метафизичности, поскольку Махъ смѣшиваетъ міровые элементы съ ощущеніями, которыми они являются только въ связи съ нашей нервной системой. Но отсюда очень далеко до субъективнаго идеализма. Что же касается „мѣщанства" эмпиріокритицизма и т. п., то такія обвиненія указываютъ только на недостатокъ аргументовъ по существу.

На основѣ эмпиріокритицизма построены, какъ сказано, двѣ самостоятельныхъ системы: эмпиріомонизмъ г. Богданова и эмпиріосимволизмъ г. Юшкевича [1]. Г. Богдановъ исходитъ изъ основного положенія эмпиріокритицизма: міръ физическій и психическій состоятъ изъ тождественныхъ элементовъ, различаясь лишь характеромъ ихъ связи. Но двойственность этой связи представляетъ, по его мнѣнію, дуализмъ, отъ котораго необходимо избавиться стремящемуся къ мо-

[1]) Г. Богданову принадлежатъ книги: „Основные элементы историческаго взгляда на природу" (1899), „Познаніе съ исторической точки зрѣнія" (1901), „Изъ психологіи общества" (статьи 1903—1904), „Новый міръ" (статьи 1904—1905), „Эмпиріомонизмъ" (1904 — 1906) и „Приключенія одной философской школы" (1908). Труды г. Юшкевича: „Апріоризмъ, эмпиризмъ и эмпиріосимволизмъ („Вѣстникъ Жизни", 1907, III), „Философскій матеріализмъ и марксизмъ" („Соврем. Міръ" 1907, IV), „Современная энергетика съ точки зрѣнія эмпиріосимволизма" („Сборникъ очерковъ по философіи марксизма", 1908), „Матеріализмъ и критическій реализмъ" (1908).

низму познанію. Вообще монизмъ у г. Богданова является своего рода навязчивой идеей, для которой онъ жертвуетъ фактами и логикой. Дуализмъ физическаго и психическаго г. Богдановъ устраняетъ тѣмъ, что признаетъ ихъ различными фазами опыта: физическія явленія, характеризуемыя объективностью или, что то же, общезначимостью или согласованностью опыта, представляютъ опытъ, организованный соціально, тогда какъ психика—это субъективный, индивидуально организованный опытъ. При этомъ психическое, какъ низшая форма организаціи, должно постепенно уступать мѣсто физическому, соціально организованному опыту: въ обществѣ высшаго типа долженъ исчезнуть міръ индивидуально-психическій. Это странное построеніе вызвало рядъ существенныхъ возраженій со стороны г.г. Юшкевича и Валентинова, указывавшихъ, что объективность (въ смыслѣ внѣшняго намъ бытія) не тождественна съ общезначимостью, такъ какъ послѣднею обладаютъ и психическія образованія, напр. научные законы, нормы права и морали, языкъ и т. п. Другая idée-fixe г. Богданова—принципъ непрерывности, въ силу котораго онъ считаетъ необходимымъ подставлять психическое или аналогичное ему содержаніе подъ физіологическіе процессы и явленія неорганической природы. „Первобытный анимистъ и современный поэтъ—говоритъ г. Богдановъ—далеко не выходятъ за предѣлы законныхъ пріемовъ познавательнаго творчества, когда они *одушевляютъ* всю природу". Получающаяся такимъ образомъ эмпиріомонистическая картина міра (хаосъ элементовъ, индивидуальная и наконецъ соціальная ихъ организація) отличается отъ обычной идеалистической метафизики (Шопенгауэра, Фехнера или Паульсена) только тѣмъ, что физическій міръ фигурируетъ у г. Богданова дважды: сначала самъ по себѣ, въ видѣ хаоса непосредственныхъ переживаній, затѣмъ—какъ соціально-организованный опытъ. Нетрудно видѣть, что г. Богдановъ смѣшиваетъ существованіе внѣшняго міра и его познаніе.

Ту же ошибку дѣлаетъ и г. Юшкевичъ. Онъ также исходитъ изъ представленія Маха о вселенной, какъ о комплексахъ элементовъ-ощущеній; но такъ какъ эти ощущенія несомнѣнно обусловлены свойствами ощущающаго организма, то нужно признать реальностью не эти мѣняющіеся по индивидамъ элементы, а ихъ, такъ сказать, общій множитель. Съ этимъ именно множителемъ имѣетъ дѣло наша наука, создающая условные, упрощающіе и замѣщающіе дѣйствительность символы — понятія и законы. Физика, напр., говоритъ объ абсолютно твердыхъ тѣлахъ, идеальныхъ жидкостяхъ и газахъ и т. п.; найденное въ опытѣ приблизительное отношеніе между явленіями она превращаетъ въ точное, безусловное отношеніе, въ законъ природы. Эти эмпиріосимволы и суть подлинная дѣйствительность. „Бытіе само по

себѣ—говоритъ г. Юшкевичъ—это та инфинитная, предѣльная система символовъ, къ которой стремится наше знаніе". Бытіе равняется мышленію въ предѣлѣ, такъ что, напр., мысль о матеріи, по г. Юшкевичу, ничѣмъ не отличается отъ самой матеріи, протяженной, обладающей вѣсомъ и т. д. Основная ошибка этого воззрѣнія—смѣшеніе объективной реальности (независимой отъ познающаго субъекта) съ объективнымъ, общечеловѣческимъ познаніемъ ея.

Хотя ортодоксальные марксисты утверждаютъ, что все ученіе Маркса представляетъ единое и цѣльное построеніе, такъ что его соціальная система необходимо связана съ его философіей, хотя другое направленіе марксизма также „связываетъ свои философскіе взгляды съ соціализмомъ", но ни тѣ, ни другіе не дали этому положенію сколько-нибудь серьезнаго обоснованія. Это и понятно. Въ дѣйствительности философскія построенія или находятся далеко въ сторонѣ отъ какихъ бы то ни было соціальныхъ теорій, или представляютъ общее основаніе для всевозможныхъ научныхъ построеній, или, наконецъ, сами зависятъ отъ положеній науки, включаемыхъ въ философскую систему, а не наоборотъ.

Возможность и даже необходимость особой марксистской философіи можетъ, однако, обосновываться соціологическими соображеніями. Если, какъ учитъ экономическій матеріализмъ, всякая философская система, въ качествѣ идеологическаго построенія, обусловливается отношеніями производства и классовыми интересами, то, разумѣется, у пролетаріата, занимающаго своеобразное положеніе въ производствѣ и имѣющаго особые классовые интересы, должна быть и соотвѣтствующая имъ философія. Такого рода связь между философіей и экономикой подробно обосновывается г. Богдановымъ. По его мнѣнію, движущая причина всякой идеологіи лежитъ въ соціально-техническомъ процессѣ (ибо безъ пищи и пр. люди не могутъ существовать); этотъ процессъ ставитъ идеологіи опредѣленныя задачи, и онъ же даетъ матеріалъ для ихъ рѣшенія. Развивая эти положенія, г. Богдановъ откровенно излагаетъ обычный марксистскій методъ объясненія идеологическихъ построеній: надо прежде всего установить тотъ классъ или группу, въ которой господствуетъ данное воззрѣніе, выяснить соціально-трудовыя отношенія въ этой группѣ и сопоставить ихъ другъ съ другомъ. Съ помощью такого пріема г. Богдановъ находитъ, напр., что идея о духѣ и тѣлѣ образовалась подъ вліяніемъ дуализма организаторскихъ и исполнительскихъ функцій при общественномъ раздѣленіи труда.

Дальнѣйшее развитіе этой точки зрѣнія представляетъ замѣча-

тельная въ своемъ родѣ работа Шулятникова: „Оправданіе капитализма въ западно-европейской философіи". „Всякая идеологія,—говоритъ г. Шулятниковъ,—какъ вообще всякое явленіе изъ жизни человѣческаго общества,—должна объясняться изъ условій производства". Въ частности всѣ философскія системы представляютъ условныя картины классового строя. Такъ, философія Декарта изображаетъ мануфактурное предпріятіе: Богъ соотвѣтствуетъ хозяину мануфактуры, душа—организаторамъ ея, а тѣло—исполнителямъ. „Философія Спинозы есть апоѳеозъ поглощенія производителей мануфактурнымъ капиталомъ"; Юмъ „своимъ ученіемъ о субъективной цѣнности матеріала, доставленнаго намъ воспріятіемъ внѣшняго міра, подчеркнулъ степень зависимости низшихъ пластовъ мастерской отъ капитала". Въ томъ же духѣ г. Шулятниковъ разъясняетъ Лейбница, Беркли, Канта и т. д. Съ этой точки зрѣнія дѣйствительно можно говорить о пролетарской философіи, но ея чудовищность (по выраженію марксиста г. Валентинова) слишкомъ бьетъ въ глаза. Да и вообще очевидно, что постановка теоретическихъ задачъ, пріемы ихъ разрѣшенія и матеріалъ даются не только „условіями производства", но и всей совокупностью общественной и міровой жизни, не говоря уже о вліяніи индивидуальности мыслителя.

М. А—въ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1909.

I.

— В. Бузескулъ, профессоръ харьковскаго университета. „Исторія аѳинской демократіи“. Спб., 1909.

Проф. Бузескулъ хорошо знакомъ ученому міру своими трудами въ области исторіи древней Греціи; заслуженной извѣстностью пользуются его монографія о Периклѣ, изслѣдованіе объ „Аѳинской Политіи“ Аристотеля, какъ историческомъ источникѣ, и цѣнное, выдержавшее въ короткій срокъ два изданія, „Введеніе въ исторію Греціи“. Въ своей новой книгѣ по исторіи аѳинской демократіи авторъ даетъ работу, доступную широкимъ кругамъ читающей публики. Нельзя не привѣтствовать появленіе этой книги, столь нужной и необходимой. Хотя, кажется, стало трюизмомъ говорить о важности и насущной потребности популяризаціи историческихъ знаній, тѣмъ не менѣе идеалъ все еще не претворился въ дѣйствительность. Особенно это слѣдуетъ сказать о популяризаціи сюжетовъ античной древности. Правда, за послѣднее время, въ связи съ происходящей въ исторической наукѣ переоцѣнкой всѣхъ цѣнностей и ломкой старыхъ традиціонныхъ взглядовъ, на исторію древняго міра было обращено исключительное вниманіе и къ его изученію стали подходить съ новыми методами и новыми пріемами. Это отражается и въ популярной литературѣ; но то, что̀ въ изслѣдованіи или большомъ компендіумѣ (какъ напр. „Geschichte des Alterthums“ Эд. Мейера) является вполнѣ допустимымъ, вызывая критическія сужденія и обмѣнъ мнѣній, въ литературѣ популярной, при большой дозѣ, является вреднымъ и опаснымъ. Теперь стало чрезвычайно моднымъ модернизировать древній міръ, находить во всѣхъ его явленіяхъ аналогію съ современностью. И на

ряду съ этимъ все, что не подходитъ подъ намѣченную схему, подвергается уничтожающей критикѣ и объявляется исторически-недостовѣрнымъ.

Этотъ сверхъ-критицизмъ и крайности модернизма ведутъ, въ конечномъ счетѣ, къ операціямъ въ безвоздушномъ пространствѣ; на мѣсто изученія жизни и духа эпохи, проникновенія и углубленія въ ея нѣдра дается голая схема, лишенная плоти и крови и выведенная апріорнымъ путемъ. Въ популярныхъ книгахъ особенно рѣзко бросаются въ глаза утрировки, которыя, ошеломляя новизной, пріучаютъ читателя, особенно неопытнаго, къ скороспѣлымъ обобщеніямъ и легкомысленнымъ переоцѣнкамъ... Въ противовѣсъ этимъ популяризаціямъ весьма желательны работы спеціалистовъ, находящихся во всеоружіи современныхъ научныхъ знаній и методовъ, но въ то же время *строго-историчныхъ* и осторожныхъ. Образцы такихъ популярныхъ трудовъ по исторіи древности даютъ сборники статей: „Изъ жизни идей“, проф. Зѣлинскаго, этого тонкаго и глубокаго знатока „духа“ античности, даетъ и только-что вышедшая книга проф. Бузескула. Книга харьковскаго профессора является тѣмъ болѣе цѣнной, что онъ глубоко сочувствуетъ пересмотру традиціонныхъ взглядовъ въ области греческой исторіографіи и самъ, какъ изслѣдователь, вложилъ сюда свою крупную лепту (и въ докторской диссертаціи объ „Аѳинской Политіи“, Аристотеля, и въ „Введеніи въ исторію Греціи“); но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ—противникъ преувеличеній и крайностей.

Привѣтствуя новую книгу проф. Бузескула, мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько возраженій и замѣчаній. Намъ представляется, что авторъ иногда страдаетъ противоположной крайностью, чѣмъ только-что упомянутые представители новаго направленія. Такъ, врядъ-ли возможно точно реконструировать исторію Аѳинъ до Солона; между тѣмъ проф. Бузескулъ говоритъ довольно подробно о политическомъ и соціальномъ развитіи Аттики въ это время, хотя скудныя извѣстія объ этомъ составлены значительно позже трактуемыхъ событій и постоянно приходится считаться съ позднѣйшими трансформаціями, разрисовками и варіантами (самъ проф. Бузескулъ остроумно отмѣчаетъ позднѣйшее составленіе Драконовской конституціи, отодвинутой въ прошедшее съ политическими цѣлями). То же приходится отмѣтить и въ отдѣлѣ, посвященномъ законодательству Солона. Конечно, нельзя соглашаться съ тѣмъ мало-обоснованнымъ сведеніемъ на нѣтъ реформы Солона, которое мы встрѣчаемъ у нѣкоторыхъ нѣмецкихъ изслѣдователей (у насъ популяризаторомъ такихъ взглядовъ является проф. Випперъ, въ своихъ „Лекціяхъ по исторіи Греціи“); тѣмъ не менѣе проф. Бузескулъ придаетъ слишкомъ большое значеніе Солону, переоцѣнивая и расширяя его рефор-

маторскую дѣятельность. Не чуждъ авторъ и идеализаціи личности Солона. Вообще авторъ „Исторіи аѳинской демократіи" настолько сроднился съ своими героями, что горячо описываетъ ихъ доблести и сурово осуждаетъ ихъ недостатки. Многіе портреты аѳинскихъ дѣятелей (напр. Кимона), написаны мастерски—но въ иныхъ видна неопредѣленность рисунка, а иногда и сгущенность красокъ. Въ характеристикѣ Перикла проф. Бузескулъ не далъ выпуклаго и цѣльнаго образа этого „перваго мужа", то излишне хваля его, то отмѣчая его крупные недочеты. Въ характеристикѣ Алкивіада авторъ прямо допустилъ преувеличеніе, назвавъ его, наравнѣ съ Сократомъ, „геніемъ" (стр. 310). Эта манера портретной живописи въ иныхъ мѣстахъ разбираемой книги заставляетъ думать, что авторъ придаетъ излишне-крупное значеніе отдѣльной личности и ея вліянію на историческія судьбы. Нельзя еще не указать, что авторъ, ведя въ хронологическомъ порядкѣ исторію аѳинской демократіи, не всегда подчеркиваетъ свою основную линію—эволюцію демократіи, часто увлекается деталями и даетъ большой фактическій балластъ. Отъ этого получается впечатлѣніе непропорціональности и не всегда строгаго проведенія метода. Очень цѣнными и интересными являются главы, знакомящія съ внутренней жизнью аѳинскаго общества, съ его исторической атмосферой. Авторъ, искусно пользуясь литературнымъ матеріаломъ, главнымъ образомъ — произведеніями трагиковъ и комиковъ, возсоздаетъ любопытнѣйшія картины культурныхъ и общественныхъ настроеній аѳинскаго демоса въ эпоху „Просвѣщенія". Особенно богатыми фактическими данными обставленъ отдѣлъ о положеніи женщинъ въ Аѳинахъ (на этомъ сюжетѣ еще съ большей полнотой авторъ останавливается въ своей брошюрѣ: „Женскій вопросъ въ древней Греціи"); здѣсь авторъ исчерпалъ всѣ доступные источники и привелъ любопытнѣйшія данныя по вопросу о постепенномъ измѣненіи взглядовъ, приведшемъ къ эмансипаціи женщины. Но если культурная и духовная жизнь аѳинскаго общества въ эпоху „пятидесятилѣтія" нашла подробную характеристику въ соотвѣтствующихъ главахъ рецензируемой книги, то нельзя сказать того же относительно характеристики экономической эволюціи аѳинской республики и ея соціальнаго развитія за тотъ же періодъ. Говоря очень кратко объ аграрныхъ отношеніяхъ, авторъ почти ничего не сказалъ о происхожденіи крупныхъ перемѣнъ въ земледѣльческомъ хозяйствѣ, объ особыхъ видахъ владѣнія, о появленіи вѣчно-наслѣдственной аренды (эмфитевзиса) и т. д. При характеристикѣ политическихъ партій и партійныхъ группировокъ авторъ недостаточно подчеркиваетъ ихъ соціальный составъ. Очень удачно составлена вся третья часть, посвященная „Кризису". Здѣсь авторъ умѣло комбинируетъ фактическій

матеріалъ, слѣдя за полными глубокаго драматизма моментами паденія аѳинскаго могущества; на общемъ фонѣ грандіозной борьбы съ внѣшнимъ врагомъ вскрываются и ярко обозначаются внутренніе недуги. Въ стѣнахъ почти осажденнаго города горитъ междупартійная рознь, заканчивающаяся нерѣдко самыми дикими эксцессами; изгнанія, казни, доносы (развитіе сикофантства), терроръ, заговорщическая дѣятельность реакціонеровъ въ подпольѣ, смѣна вождей и руководителей, смѣна образовъ правленія (четыреста олигарховъ, тридцать тирановъ), постоянные переходы отъ отчаянія къ надеждамъ и снова къ отчаянію—все это отражается на психикѣ аѳинскаго демоса. Патологическія выходки, по видимому, проявленія какъ бы массоваго сумасшествія находятъ себѣ психологическое объясненіе. Яркую иллюстрацію этихъ эксцессовъ даетъ проф. Бузескулъ, подробно разсказывая о событіяхъ послѣ битвы при Аргинузскихъ островахъ, когда стратеги-побѣдители вмѣсто наградъ были обречены на смертную казнь обезумѣвшимъ въ лихорадочной атмосферѣ демосомъ—за то, что не оказали погребальныхъ почестей убитымъ. Подробно говоритъ авторъ и о духовной жизни аѳинскаго общества въ эпоху кризиса, останавливаясь и на новыхъ философскихъ ученіяхъ, и на тѣхъ мотивахъ, которые настойчиво звучатъ въ трагедіяхъ Эврипида. Хороша характеристика политическаго значенія комедій Аристофана; вполнѣ на мѣстѣ обстоятельный разборъ псевдо-Ксенофонтовой „Политіи“—этого типичнаго и стильнаго образца политическихъ размышленій аѳинскаго реакціонера.

Въ четвертой и наиболѣе краткой части книги особеннаго вниманія заслуживаютъ главы, рисующія экономическое положеніе Аѳинъ послѣ пелопонесской войны (эта характеристика выгодно противополагается уже отмѣченной выше характеристикѣ Аѳинъ въ эпоху „пятидесятилѣтія“) и развитіе классовыхъ противорѣчій. Классовая борьба, достигающая нерѣдко большого ожесточенія, нашла яркое отраженіе въ тогдашней литературѣ соціальныхъ романовъ и утопій. Появляются любопытныя попытки реакціонно-соціалистическихъ построеній; наиболѣе блестящій образецъ ихъ даетъ Платонъ въ своемъ „Государствѣ“. Проф. Бузескулъ прекрасно вскрылъ ту историческую среду, въ которой создавалось твореніе Платона; романтическая фантастика покрывала здѣсь очень опредѣленные реставраціонные идеалы и въ реальномъ результатѣ привела къ поклоненію тиранна сиракузскаго. Этотъ трезвый взглядъ уважаемаго историка тѣмъ пріятнѣе отмѣтить, что еще недавно кн. Е. Н. Трубецкой сдѣлалъ попытку вознесенія Платона, какъ политическаго писателя, въ горнія выси (въ книгѣ „Соціальная утопія Платона“). Представляетъ интересъ и изображеніе судьбы Аѳинъ въ эпоху возвышенія Македоніи; здѣсь

особенно любопытна эволюція политическаго міросозерцанія и появленіе идей о монархической власти.

Сказаннымъ мы далеко не исчерпали богатаго содержанія книги проф. Бузескула. Написанная доступно, прекраснымъ литературнымъ языкомъ, она можетъ быть рекомендована какъ широкимъ слоямъ читающей публики, такъ и студентамъ и учащимся старшихъ классовъ средней школы.—И. Бороздинъ.

II.

— Проф. Э. Д. Гриммъ. „Мирабо". Очеркъ изъ исторіи французской революціи. М. 1908.

Не смотря на то, что въ западно-европейской литературѣ жизни и дѣятельности Мирабо посвящены многочисленныя изслѣдованія, ни одно изъ нихъ не переведено на русскій языкъ. Правда, общія исторіи французской революціи отводятъ Мирабо немало строкъ, и такъ какъ всѣ почти онѣ имѣются въ переводахъ,—а многое и написано по-русски,—то широкія массы русскихъ читателей давно уже знаютъ героя революціи. Книгъ, посвященныхъ исключительно Мирабо—если не считать слабаго очерка въ изданіи Павленкова,—до сихъ поръ, однако, не было въ русской литературѣ. Проф. Гриммъ восполняетъ этотъ недостатокъ. Сжато, но достаточно подробно и обстоятельно изображаетъ онъ эпоху, въ которую воспитался Мирабо и которая неизбѣжно вела и привела къ революціи. Хорошо изображена необходимость катастрофы, невозможность повернуть колесо исторіи усиліями одного лица. Но самая фигура Мирабо очерчена авторомъ недостаточно ярко.

Мирабо слыветъ во мнѣніи всѣхъ—и ученыхъ, и профановъ—геніальнымъ политическимъ дѣятелемъ и ораторомъ; но въ чемъ заключается его геніальность, въ этомъ обычно не даютъ себѣ полнаго отчета. Связывая геніальность Мирабо съ его революціонной дѣятельностью, допускаютъ, по нашему мнѣнію, ошибку. Поскольку Мирабо былъ геніаленъ, онъ былъ противъ революціи; поскольку же онъ способствовалъ ея побѣдоносному шествію, онъ былъ лишь краснорѣчивымъ и умнымъ демагогомъ, какъ были многіе другіе. Между тѣмъ, такой тонкій знатокъ исторіи французской революціи, какъ Оларъ, изъ всѣхъ ея дѣятелей считаетъ геніальнымъ одного лишь Мирабо. Конечно, Мирабо оказалъ большое вліяніе на ходъ французской революціи, но геніальность его въ этомъ отношеніи ни при чемъ или почти ни при чемъ. Геніальный политическій умъ Мирабо сказался въ томъ, что, среди всеобщей увѣренности въ близкомъ торжествѣ принциповъ свободы, равенства и братства, онъ одинъ понималъ истинное положеніе вещей

и предвидѣлъ или, вѣрнѣе, провидѣлъ дальнѣйшія событія. Еще болѣе обнаружился его геній въ томъ, что въ эпоху безраздѣльнаго господства идей Монтескье, Блэкстона и Де-Лольма о необходимости раздѣленія властей онъ одинъ понималъ, основываясь на примѣрѣ Англіи, значеніе парламентаризма. Цѣлесообразность осуществленія парламентарной системы вырисовывается въ цѣломъ рядѣ рѣчей Мирабо. Сюда относятся, главнымъ образомъ, его рѣчи о королевской санкціи, о названіи, какое нужно дать національному собранію, о правѣ объявлять войну и заключать миръ, и въ особенности о правѣ депутатовъ занимать министерскіе посты. Эти рѣчи не имѣли никакого успѣха въ собраніи, въ которомъ вызывали ропотъ и неудовольствіе. И до такой степени остались мало извѣстны эти рѣчи, что даже у послѣдующихъ теоретиковъ парламентаризма ихъ вліяніе незамѣтно. Славу Мирабо составили отчасти его литературная борьба противъ произвола, отчасти— и главнымъ образомъ—тѣ рѣчи въ національномъ собраніи, въ которыхъ онъ выступалъ какъ демагогъ. Его выступленіе послѣ королевскаго засѣданія 23-го іюня сдѣлало его имя извѣстнымъ болѣе, чѣмъ, пожалуй, вся его остальная дѣятельность. Между тѣмъ для такого выступленія требовались, главнымъ образомъ, смѣлость и стремленіе выдвинуться въ качествѣ защитника народныхъ правъ. Мирабо отлично сознавалъ, что подобными способами нельзя вывести Францію изъ того тупика, въ который она была заведена деспотизмомъ и произволомъ правящихъ классовъ. Но для того, чтобы осуществить свою идею,—идею умѣреннаго политика,—ему необходимо было заручиться симпатіями возбужденнаго народа.

Проф. Гриммъ часто говоритъ о „центральной идеѣ", о теоріи Мирабо, но не даетъ яснаго представленія о ней. Парламентарный режимъ—эта центральная идея Мирабо—считается многими признакомъ полной демократичности государства. Намъ кажется, что этотъ режимъ является чрезвычайно эластичной формой государственнаго устройства, способной вмѣстить въ себя Англію Георга III и современную Францію. Мирабо угадывалъ своимъ геніальнымъ политическимъ чутьемъ, что парламентарный режимъ болѣе чѣмъ какой-либо другой, способенъ дать странѣ возможность постепеннаго развитія. Мирабо былъ не демократомъ, а либераломъ въ широкомъ смыслѣ слова. Не смотря на свое недовѣріе къ массамъ невѣжественнаго народа, онъ считалъ вредными барьеры, воздвигаемые противъ демократіи. Онъ отлично сознавалъ, что прочныя завоеванія совершаются лишь постепенно. Отсюда его умѣренность; отсюда, а не только изъ личнаго честолюбія, вытекали его усилія добиться министерскаго поста. Его стремленіе воплотить въ жизнь свои идеи было несомнѣнно искреннимъ, что вполнѣ справедливо подчеркнуто профессоромъ Гриммомъ.

Книга проф. Гримма въ сжатой и литературной формѣ даетъ много цѣннаго матеріала и устанавливаетъ правильную точку зрѣнія на ходъ и исходъ французской революціи. Рекомендуемъ ее, поэтому, вниманію читателей.—А. Долматовскій.

III.

— Б. Воробьевъ. „Земельный вопросъ у казаковъ". Спб. 1908.

Аграрныя программы нашихъ политическихъ партій не касаются вопроса о казачьихъ земляхъ, хотя казаки, большею частью, щедро надѣлены землею и она обрабатывается по преимуществу постояннымъ безземельнымъ населеніемъ, не принадлежащимъ къ войсковому сословію. Рано или поздно долженъ возникнуть вопросъ о земельномъ устройствѣ этого такъ называемаго иногороднаго населенія. Хозяйственное положеніе казачьихъ областей, впрочемъ, вообще, мало привлекало къ себѣ вниманіе писателей, и свѣдѣнія о немъ довольно скудны. Редакція „Вѣстника казачьихъ войскъ" издала въ свѣтъ „Статистическій обзоръ современнаго положенія казачьихъ войскъ", въ которомъ заключаются и общія свѣдѣнія хозяйственнаго характера. Въ послѣднее время въ печати появилась небольшая книжка г. Б. Воробьева, спеціально посвященная земельному вопросу у казаковъ.

Десяти казачьимъ войскамъ Европейской и Азіатской Россіи, численностью въ 3,7 милліона душъ (обоего пола), принадлежатъ 57 милліоновъ десятинъ земли, изъ коей 40 милл. дес. считаются удобными для обработки и значительная часть ихъ принадлежитъ къ числу плодороднѣйшей земли въ Россіи. Удобной земли приходится у казаковъ 20 дес. на мужскую душу, т.-е. въ 6 разъ болѣе того, что имѣетъ средняя крестьянская душа въ Европейской Россіи; тѣмъ не менѣе казацкое населеніе во многихъ мѣстахъ страдаетъ отъ малоземелья, и въ самыхъ многолюдныхъ войскахъ — Донскомъ и Кубанскомъ — „имѣется полная пролетаризація части казачества". Объясняется это не только неравномѣрностью землевладѣнія различныхъ войскъ, потому что самое малоземельное—Кубанское—войско имѣетъ все-таки 9 дес. удобной площади на душу. Причина сказаннаго заключается еще въ порядкахъ пользованія войсковой земли. Въ общемъ только $^2/_3$ войсковой земли отведены станицамъ для пользованія населенія; изъ остальной же трети три милліона десятинъ, вопреки жалованнымъ грамотамъ казачеству о „вѣчномъ владѣніи и неотчуждаемости" войсковой земли, перешли въ потомственное владѣніе казачьихъ офицеровъ и чиновниковъ, вмѣсто полагавшейся имъ пенсіи.

Участки офицерамъ, смотря по чину, отводились площадями отъ 200—400 (смотря по войску) до 1.500—3.000 дес. Добрая часть этой земли уже перешла въ другія, не-казачьи руки. Для пользы офицеровъ служитъ не только описанная площадь войсковой земли: 15 милл. дес. казачьей земли находится въ такъ называемомъ войсковомъ запасѣ. Около 4 милл. дес. ея составляютъ оброчныя статьи, около 2 милл. дес.—лѣса. Обѣ категоріи земель приносятъ до 4 милл. руб. годового дохода, и вся эта сумма расходуется на содержаніе войсковой администраціи. Всего сказаннаго, говоритъ г. Воробьевъ, „достаточно для выясненія личности владѣльцевъ тѣхъ кармановъ, въ которые поступаютъ доходы отъ земель, изъятыхъ изъ пользованія рядового казачества. Такими владѣльцами оказываются, во-первыхъ, казачье офицерство, а затѣмъ казачья и проч. бюрократія“.

Но и не вся станичная земля находится въ непосредственномъ пользованіи казаковъ. Отъ $^1/_{10}$ до $^1/_5$ части ея въ малоземельныхъ казачьихъ войскахъ сдается обществами въ аренду для полученія средствъ на содержаніе станичной администраціи и духовенства, снаряженіе бѣднѣйшихъ казаковъ на службу и т. п. Послѣ этихъ отводовъ на душу казака въ этихъ самыхъ многолюдныхъ войскахъ остается всего отъ 8 до 13 дес. удобной земли. Это—вполнѣ достаточная норма для благоденствія пахаря, посвящающаго свои силы земледѣлію. Но для казака, не имѣющаго времени для правильной культуры земли и являющаго отсталый типъ пахаря по сравненію даже съ крестьяниномъ, для казака, обязаннаго военной службой при все повышающихся требованіяхъ воинскаго снаряженія, обходящагося въ первоочередныхъ полкахъ въ 1.600 р. на человѣка — для такого казака указанный выше надѣлъ оказывается недостаточнымъ. Все бо̀льшая и бо̀льшая часть казаковъ становится неисправной въ выполненіи воинской повинности; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ прибѣгаютъ къ такимъ мѣрамъ исправленія, какъ принужденіе всѣхъ исправныхъ казаковъ „плевать въ глаза неисправнымъ и просить общество пособить имъ при снаряженіи“. Вмѣстѣ съ воинской неисправностью, и еще ранѣе ея, развивается неисправность хозяйственная и, если можно такъ выразиться, неисправность физіологическая: „подъ давленіемъ бѣдности и сопряженныхъ съ нею лишеній — говоритъ оффиціальная записка—сталъ мельчать самый типъ казака“. Все это привело къ развитію недовольства и оппозиціоннаго настроенія казачества, которое правительство надѣется побороть увеличеніемъ денежной субсидіи казакамъ и привлеченіемъ рядового казачества къ распоряженію войсковою землею. Но здѣсь возникаетъ новый вопросъ. Крестьянское населеніе войсковыхъ областей, изъ года въ годъ арендующее и обрабатывающее казачью общественную и частновладѣльческую землю,

„считаетъ эту землю до извѣстной степени какъ бы своею“. Распоряженіе этой землею въ интересахъ одного казачества поставитъ крестьянъ въ совершенно безвыходное положеніе, „и не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать—зная, до чего доводитъ крестьянъ нужда въ землѣ,—чѣмъ окончится дѣло въ подобномъ случаѣ“.

„Дѣйствительно помочь казачеству — заключаетъ свою работу авторъ—можетъ лишь полное раскрѣпощеніе его и превращеніе изъ замкнутой касты вѣчныхъ воиновъ въ общежитіе гражданъ, равноправныхъ съ остальнымъ населеніемъ имперіи“. Тогда—прибавимъ отъ себя—можно потребовать и у казачества извѣстныхъ жертвъ для благоустройства нынѣ работающаго на него крестьянскаго населенія.

IV.

— Дарственное надѣльное землевладѣніе крестьянъ (по обслѣдованію 1907 года). Спб. 1908.

Извѣстно, что Положеніе 19-го февраля, — составители котораго руководствовались началами, довольно благожелательными для освобождаемыхъ крестьянъ, — вышло изъ рукъ законодателей въ видѣ, значительно искажающемъ торжественно провозглашенныя начала, въ ущербъ крестьянъ и къ выгодѣ помѣщиковъ. Искаженія эти происходили на всѣхъ этапахъ, проходимыхъ законопроектомъ. Въ послѣдней стадіи законодательной работы представителямъ владѣльческихъ интересовъ удалось внести въ Положеніе статьи, допускавшія разрѣшеніе крѣпостныхъ отношеній не только на общемъ основаніи отведенія въ постоянное пользованіе крестьянъ надѣла въ размѣрахъ, „обезпечивающихъ ихъ бытъ“, но и путемъ даренія имъ (съ согласія обѣихъ сторонъ) участка не менѣе ¼ части высшаго надѣла. Степень соотвѣтствія такихъ надѣловъ матеріальнымъ нуждамъ крестьянъ ярко выражена самимъ народомъ въ присвоенномъ имъ наименованіи „нищенскихъ“. Нашлись, однако, такія крестьянскія общества—изъ числа невѣрившихъ въ „волю“ и ожидавшихъ безплатнаго отведенія имъ всей помѣщичьей земли,—которыя согласились на убѣжденія помѣщиковъ и приняли эти нищенскіе надѣлы. Точное число такихъ обществъ было неизвѣстно, а послѣ того, какъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ были опубликованы свѣдѣнія о числѣ крестьянъ, получившихъ разной величины надѣлы, почти потерялъ значеніе вопросъ о томъ, какая часть наиболѣе малоземельной группы крестьянъ (до 1 дес. на ревизскую душу) относится на долю называемыхъ дарственниками. Тѣмъ не менѣе отдѣлъ сельской экономіи и сельско-хозяй-

ственной статистики счелъ интереснымъ собрать возможно полныя по этому предмету свѣдѣнія. Изъ его изданія, указаннаго въ заголовкѣ нашей замѣтки, мы узнаемъ, что данная категорія крестьянъ встрѣчается въ 32 губерніяхъ Европейской Россіи, въ числѣ 3.242 обществъ, 247¼ тыс. дворовъ, 1,5 милл. душъ обоего пола; въ ихъ пользованіи состоитъ 485 тыс. дес. (около 2 дес. на дворъ) надѣльной земли, 650 тыс. дес. (2,6 дес. на дворъ) купчей и 930 тыс. десятинъ (около 3,8 тыс. дес. на дворъ) арендной. Общее количество состоящей въ пользованіи этой категоріи крестьянъ земли опредѣляется, такимъ образомъ, выше 8 десятинъ на дворъ.

Обслѣдованіе отдѣла сельской экономіи произведено черезъ сельскихъ старостъ, доставившихъ относящіяся къ ихъ обществамъ свѣдѣнія о населеніи, землевладѣніи и арендѣ крестьянъ. Купчія и арендованныя земли разбиты въ отвѣтахъ на категоріи общественной, товарищеской и единоличной покупки и аренды (въ сводкѣ двѣ послѣднія формы почему-то слиты воедино), причемъ для купчей земли, кромѣ ея площади, показывалось число лицъ, участвовавшихъ въ товарищескихъ и единоличныхъ владѣніяхъ, а для аренды эти послѣднія свѣдѣнія почему-то не требовались. Вслѣдствіе указаннаго обстоятельства при разработкѣ собраннаго матеріала нельзя было выдѣлить домохозяевъ, не участвующихъ въ арендѣ, и нарисовать болѣе детальную картину крестьянскаго землепользованія. Детальная разработка избѣгалась впрочемъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда она была доступна; такъ напр. общества, владѣющія только надѣльною или надѣльной и купчею, или надѣльной и арендованною землею, не отдѣлялись отъ обществъ, пользующихся всѣми тремя категоріями земель. И хотя въ изданіи имѣются таблицы со свѣдѣніями по каждому обществу, но за краткостью этихъ свѣдѣній (число дворовъ, душъ, площадь надѣльной и купчей земли, принадлежащей цѣлымъ обществамъ) читатель лишенъ возможности произвести самъ эти интересныя расчлененія. Болѣе подробныя свѣдѣнія (по всѣмъ пунктамъ опроснаго листка) даются въ поуѣздной сводкѣ матеріаловъ.—В. В.

V.

— Веніаминъ Тэкеръ. „Вмѣсто книги". Переводъ и редакція Симановскаго. Съ предисловіемъ автора къ русскому изданію и съ краткой біографіей. М. 1908. Цѣна 3 р. 25 к.

Содержаніе огромной книги Тэкера хорошо характеризуется однимъ изъ ея подзаголовковъ, почему-то выпущеннымъ въ переводѣ: „a fragmentary exposition of philosophical anarchism" (отрывочное изло-

женіе философскаго анархизма). Кромѣ первой статьи: „Государственный соціализмъ и анархизмъ“, вся книга состоитъ изъ мелкихъ газетныхъ статей, по большей части полемическаго характера.

Постоянно называя себя анархистомъ, Тэкеръ заявляетъ однако, что онъ „всегда считалъ себя членомъ великой семьи соціалистовъ“ (стр. 470), понимая соціализмъ въ широкомъ смыслѣ слова, какъ ученіе, что источникомъ дохода долженъ быть только трудъ. Но въ противоположность государственному соціализму, опредѣляемому Тэкеромъ какъ „ученіе, что всѣ человѣческія дѣла должны вестись правительствомъ независимо отъ личнаго желанія человѣка“, Тэкеръ провозглашаетъ анархизмъ, какъ „ученіе, что всѣ дѣла людей должны вестись отдѣльными личностями или добровольными союзами и что государство должно быть упразднено“. Принципомъ такого строя Тэкеръ совершенно опредѣленно ставитъ грубую силу. Анархизмъ—говоритъ онъ— „признаетъ какъ право общества принуждать индивида, такъ и право индивида принуждать общество, поскольку только оба они имѣютъ требуемую для того силу“. При столкновеніяхъ между людьми каждый человѣкъ при каждомъ нарушеніи свободы людей вообще и его самого въ частности, имѣетъ право защищаться какими угодно способами, вплоть до убійства, причемъ на вопросъ: „кто будетъ судьей того, когда начинается нападеніе?“, Тэкеръ отвѣчаетъ: „каждый будетъ судить, за себя“... Единственной мѣрой наказанія Тэкеръ, повидимому, считаетъ смертную казнь, такъ какъ хотя онъ и признаетъ тюрьмы, но на вопросъ одного своего корреспондента: „обязаны ли добрые граждане кормить, одѣвать и доставлять удобства тѣмъ, кого они считаютъ необходимымъ лишить свободы?“ онъ отвѣчаетъ: „нѣтъ, не обязаны. Другими словами, дозволительно наказывать пыткой“. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этими принципами Тэкеръ объявляетъ, что „единственное право человѣка на землю—это его могущество надъ нею. Если сосѣдъ сильнѣе его и отниметъ у него землю, то земля принадлежитъ сосѣду, пока еще болѣе сильный человѣкъ не отниметъ ея у того“. Тэкеръ понимаетъ, что при такомъ строѣ будетъ идти непрерывная чисто зоологическая свалка за землю, но онъ нисколько не смущается этимъ, ибо „свалка начинается и оканчивается, а дѣло получаетъ рѣшеніе. Остается нѣкоторое (!) неравенство, но оно сведено до минимума, такъ какъ у каждаго такіе же шансы (?), какъ у всѣхъ прочихъ“.

Съ этимъ возведеніемъ эгоизма и грубой силы въ высшій принципъ общежитія плохо мирятся заявленія Тэкера, что цѣль анархизма „заключается въ такой организаціи, которая поддерживала бы самую широкую свободу, равную для всѣхъ гражданъ“. Оригинальной чертой воззрѣній Тэкера является его вѣра въ громадное значеніе взаимныхъ

банковъ, проектированныхъ Прудономъ и въ свое время обанкрутившихся въ теоріи и на практикѣ. По словамъ Тэкера, „наихудшей монополіей изъ всѣхъ является право выпуска денегъ“, а „единственный способъ доставить хлѣбное занятіе всѣмъ, кто умѣетъ и желаетъ трудиться—это уничтоженіе ограниченій, налагаемыхъ на выпускъ денегъ“.

Въ общемъ книга Тэкера не представляетъ интереса для широкой публики, которая можетъ безъ всякаго ущерба познакомиться съ его ученіемъ въ изложеніяхъ анархистскихъ системъ, у Эльцбахера, Кульчицкаго, Цоколли и др. Переводъ удовлетворителенъ.—М. Б—овъ.

VI.

— В. Чарнолускій. „Основные вопросы организаціи школы въ Россіи“. Спб. 1909 г.

Никогда еще общественное сознаніе не подвергалось столь разнороднымъ вліяніямъ въ вопросѣ народнаго образованія, какъ въ переживаемое нами время. Въ доброе старое время, когда въ дѣлѣ просвѣщенія безраздѣльно царилъ если не авторитетъ, то принудительная власть министерства народнаго просвѣщенія, общество имѣло совершенно отчетливое представленіе о томъ, что представляетъ собою наша школа и чего можно отъ нея ждать при господствующемъ режимѣ. Имѣло русское общество и вполнѣ опредѣленныя стремленія въ этой области, сводившіяся къ пожеланіякъ всеобщаго обученія и реформы школьнаго дѣла на началахъ свободы обученія, расширенія правъ отдѣльныхъ національностей, передачи всего школьнаго дѣла общественнымъ органамъ и т. п. Но все это представлялось тогда настолько несбыточнымъ, что дальше пожеланій въ самой общей формѣ общество не шло, и идеалъ демократической школы преподносился широкимъ слоямъ населенія въ весьма неясныхъ и туманныхъ очертаніяхъ.

Но вотъ наступила эпоха коренного пересмотра всего стараго строя, и школьный вопросъ выдвинулся уже въ болѣе реальной формѣ. Общество предъявило категорическое требованіе школьной реформы, и правительство было вынуждено признать, что наша школа нуждается въ коренныхъ преобразованіяхъ. Съ этихъ поръ и началась невообразимая путаница понятій. Какъ только затихъ революціонный шквалъ, министерство народнаго просвѣщенія сразу охладѣло къ школьной реформѣ и въ представленный имъ въ Государственную Думу проектъ всеобщаго обученія внесло всѣ старыя, отжившія понятія, дѣлающія народную школу не столько просвѣти-

тельнымъ учрежденіемъ, сколько орудіемъ политической борьбы. Общество и печать по достоинству оцѣнили эту попытку приказнаго строя удержаться на старыхъ позиціяхъ, но, ослабленныя реакціоннымъ разгромомъ, они уже не въ силахъ были противопоставить этому проекту тѣ требованія, которыя предъявлялись въ 1905 году. Мы уже не говоримъ о попыткѣ октябристовъ, которые въ своемъ школьномъ проектѣ, внесенномъ въ третью Думу, явились лишь подражателями министерства народнаго просвѣщенія и ни на іоту не продвинулись въ сторону удовлетворенія предъявляемыхъ обществомъ желаній: партія, обязанная своимъ вліяніемъ устраненію демократизма изъ государственнаго обихода, иначе поступить и не могла. Но и болѣе демократичные элементы пошли теперь на уступки. Лига Образованія составила проектъ школьнаго закона, весьма далекій отъ формулъ, провозглашенныхъ въ 1905 г. Такъ, проектомъ не обезпечивается право національностей обучаться на родномъ языкѣ; правовое положеніе учащихъ не упрочено; не затронутъ вопросъ объ отношеніи школы къ религіи. Конечно, эти уступки продиктованы Лигѣ стремленіемъ добиться, при современныхъ тяжелыхъ условіяхъ, хотя частичной реформы школы на началахъ автономіи, свободы преподаванія и общественной самодѣятельности. Тѣмъ не менѣе, цѣлесообразность уступокъ можетъ подлежать сомнѣнію и спору. Противникомъ ихъ является г. Чарнолускій. Онъ полагаетъ, что изготовленіе „практическихъ плановъ, пріемлемыхъ господствующими силами", лучше предоставить тѣмъ учрежденіямъ, къ задачамъ которыхъ это непосредственно относится: Государственной Думѣ, земскимъ собраніямъ, городскимъ думамъ. Въ средѣ этихъ учрежденій „вполнѣ понятны и разнаго рода компромиссы, и умолчанія, и урѣзки, но они непонятны въ средѣ общественныхъ учрежденій: здѣсь компромиссы со своими собственными принципами, не имѣя никакого практическаго значенія, приводятъ только къ дальнѣйшему пониженію и безъ того уже низкаго уровня законодательной дѣятельности". Только тамъ можетъ быть создана демократическая школа, гдѣ общество и народныя массы сознательно стремятся къ ея созданію. Для развитія этого сознанія необходима пропаганда идеи въ чистомъ ея видѣ, безъ урѣзокъ и компромиссовъ. Г. Чарнолускій не закрываетъ глаза на современную дѣйствительность; онъ понимаетъ, что господствующая реакція не допуститъ не только чисто демократической школы, но и осуществленія такого идеала ея, къ какому стремится Лига Образованія или стремилась вторая Дума. Тѣмъ не менѣе, онъ формулировалъ и развилъ „главные принципы организаціи школьнаго дѣла въ Россіи, выдвинутые... періодомъ коренного пересмотра всего стараго строя". Борьба за эти принципы теперь особенно трудна; но однимъ изъ

главныхъ залоговъ ея успѣшности, по мнѣнію автора, является именно наличность принципіально выдержаннаго плана полнаго осуществленія данной идеи въ жизни. Онъ даетъ каждому единственно надежный компасъ для надлежащей оцѣнки существующаго, а также для выработки своего отношенія къ тѣмъ частичнымъ мѣрамъ, которыя постоянно возникаютъ во всѣ періоды жизни и практически осуществляются господствующими въ ней силами".

Обращаясь къ содержанію книги г. Чарнолускаго, мы хотѣли бы хотя вкратцѣ познакомить съ нимъ читателей; но авторъ захватилъ вопросъ такъ широко, что сдѣлать это въ краткой замѣткѣ невозможно. Обсуждая систему г. Чарнолускаго, нельзя обойти ни одного изъ его 19-ти положеній—а коснувшись положеній, нельзя обойтись безъ разсмотрѣнія посылокъ, обосновывающихъ выводы автора. Отмѣтимъ только, что въ основу общественной организаціи народнаго образованія г. Чарнолускій кладетъ изъятіе непосредственнаго завѣдыванія народнымъ образованіемъ изъ вѣдѣнія государства, передачу его органамъ мѣстнаго самоуправленія, упраздненіе мѣстной правительственной школьной администраціи; предоставленіе органамъ мѣстнаго самоуправленія полной самостоятельности въ школьномъ дѣлѣ, вплоть до права изданія законовъ въ этой области; сосредоточеніе въ рукахъ земства и городовъ всей финансовой стороны школьнаго дѣла; явочный порядокъ открытія школъ; огражденіе свободы собраній и союзовъ учащихъ; предоставленіе учащимъ необходимой самостоятельности въ веденіи обученія, выработкѣ программъ, выборѣ учебниковъ и пособій и т. п.; признаніе за учащимися общихъ правъ, обезпеченныхъ основными законами государства за всѣми его гражданами; освобожденіе школьныхъ инспекторовъ отъ функцій полицейскаго характера; признаніе за всѣми общественными учебными заведеніями правъ школьной автономіи; признаніе преподаванія религіи частнымъ дѣломъ и исключеніе его изъ курса всѣхъ общественныхъ учебныхъ заведеній; веденіе преподаванія на родномъ языкѣ учащихся; необязательность преподаванія государственнаго языка; предоставленіе органамъ мѣстнаго самоуправленія права вводить обязательность образованія; отмѣну всѣхъ привилегій, связанныхъ съ окончаніемъ курса.

Какъ ни далеки эти положенія отъ тѣхъ, которыя положены въ основу школьной реформы нынѣшними вершителями судебъ Россіи, имъ нельзя отказать не только въ жизненности, но и въ осуществимости. Авторъ задавался цѣлью развить ихъ „не въ отвлеченной, теоретической формѣ, а съ точки зрѣнія реальныхъ условій русской жизни и указаній живого опыта прошлаго этой жизни".—Ю. Лавриновичъ.

Въ теченіе февраля мѣсяца поступили въ редакцію нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Алешинцевъ, И.—Сословный вопросъ и политика въ исторіи нашихъ гимназій въ XIX вѣкѣ. Спб., 1908. Ц. 50 коп.

Андреевскій, Ф. К.—Неотложные вопросы образованія крымскихъ татаръ. Симферополь, 1908. Ц. 60 коп.

Бальмонтъ, К. Д.—Полное собраніе стиховъ. Томъ X. Хороводъ временъ. Москва, 1909. Ц. 1 р. 20 коп.

Барръ, Андре.—Боснія и Герцеговина подъ австрійскимъ владычествомъ. Переводъ подъ ред. I. Маевскаго. Москва, 1909. Ц. 1 руб.

Беренштамъ, М. В., и *Новиковъ*, В. Н.—Уставъ гражданскаго судопроизводства. Съ алфавитнымъ указателемъ. Спб., 1909. Ц. 1 руб.

Вегенеръ, Гансъ.—Грядущее поколѣніе. Половая проблема въ воспитаніи дѣтей. Пер. съ нѣмецкаго. Москва, 1909. Ц. 75 коп.

Вейнбергъ, Б. П.—Снѣгъ, иней, градъ, ледъ и ледники. Одесса. Ц. 1 р.

Верхарнъ, Эмиль.—Елена Спартанская. Переводъ Валерія Брюсова. Москва, 1909. Ц. 80 коп.

Волковичъ, А. Н.—Брачный вопросъ, какъ дѣтскій вопросъ. Спб., 1908. Ц. 30 коп.

Гейберъ, I.—Новое сочиненіе Архимеда. Одесса. Цѣна 40 коп.

Гурвичъ, Илья.—Облачныя ткани. Стихи. Книга первая. Спб., 1909. Ц. 75 коп.

Дроздовъ, В. П.—Около земли. Очеркъ по землеустройству. Москва, 1909. Ц. 40 коп.

Кетчеръ, Коля.—Стихотворенія. Спб., 1909.

Ковалевскій, Г., проф.—Введеніе въ исчисленіе безконечно малыхъ. Одесса. Цѣна 1 руб.

Коганъ, П.—Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ. Томъ III, часть I. Москва, 1909. Ц. 1 р. 25 коп.

Лагерлефъ, Сельма.—Герои Кунгахеллы. Москва, 1909. Ц. 50 коп.

Лакуръ и *Аппель*.—Историческая физика. Вып. V и VI. Одесса.

Лахтинъ, М., пр.-доц.—Борьба съ эпидеміями въ до-Петровской Руси. Москва, 1909.

Леманъ, О.—Жидкіе кристаллы и теоріи жизни. Одесса. Ц. 40 коп.

Ли Іонасъ.—Бракъ. Романъ. Собраніе сочиненій, т. I. Москва, 1909. Ц. 1 р.

Лишневская, Марія.—Половое воспитаніе дѣтей. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва, 1909. Ц. 30 коп.

Ловцовъ, В.—Люди прошлаго столѣтія. Ирбитъ, 1909. Цѣна 1 руб.

Малиновскій, I.—Кровавая месть и смертныя казни. Выпускъ I. Томскъ, 1908. Цѣна 1 р.

Махъ, Эрнестъ. — Принципъ сохраненія энергіи. Перев. съ нѣмецкаго. Москва, 1909. Цѣна 30 коп.

Мейманъ, проф.—Введеніе въ современную эстетику. Переводъ подъ ред. и съ предисловіемъ Ю. И. Айхенвальда. Москва, 1909. Цѣна 60 коп.

Мейстеръ, А. К.—Геологическая карта Енисейскаго золотоноснаго района. Спб., 1908.

Мижуевъ, П.—Вечерніе дополнительные школы и курсы въ Англіи. Спб., 1908. Ц. 50 коп.

Мирбо, Октавъ.—Аббатъ Жюль. Москва, 1909. Ц. 1 руб.

Насимовичъ, А.—Силуэты. Сборникъ стихотвореній. Москва, 1909. Ц. 60 к.

Новицкій, Григорій.—Зажженныя бездны. Стихи. Спб., 1908. Ц. 1 р.

——— Необузданныя скверны. Спб., 1909. Ц. 1 р.

Нотари.—Три вора. Перев. съ итальянскаго. Москва, 1909. Ц. 50 коп.

Обстфельдеръ, Сигбьернъ.—Крестъ. Перев. съ норвежскаго. Москва, 1909. Ц. 50 коп.

Озеровъ, И. X. проф.—Основы финансовой науки. Выпускъ I. Ученіе объ обыкновенныхъ доходахъ. Изд. 3. Москва, 1909. Ц. 3 р.

Петцольдъ, Іозефъ.—Проблема міра съ точки зрѣнія позитивизма. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. и съ пред. П. Юшкевича. Спб., 1909. Ц. 1 р.

Пругавинъ, А. С.—Въ казематахъ. Очерки и матеріалы по исторіи русскихъ тюремъ. Спб., 1909. Ц. 1 р.

Ревиль, Альберъ.—Іисусъ Назарянинъ. Переводъ съ французскаго, съ предисловіемъ проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго. Томъ I. Спб., 1909. Ц. 2 р.

Риги, А.—Электрическая природа матеріи. Одесса. Ц. 30 коп.

Роденбахъ, Жоржъ.—Мистическія лиліи. Переводъ М. Веселовской. Москва, 1909. Ц. 50 коп.

Рубиновскій, А. Л.—О нѣкоторыхъ легко устранимыхъ причинахъ проституціи. Спб., 1909.

Соденъ, проф. берлинскаго университета.—Палестина и ея исторія. Москва, 1909. Ц. 60 коп.

Соколовъ, В. П.—Индивидуализмъ и духовное просвѣщеніе. Главныя основы русской жизни. Спб., 1909.

Столешниковъ, П.—Проблески. Стихотворенія. Спб., 1909. Ц. 1 руб.

Стринбергъ, А.—Сочиненія. Томъ III. Москва, 1909. Ц. 1 руб.

Сухановъ, Ник.—Къ вопросу объ эволюціи сельскаго хозяйства. Москва, 1909. Ц. 2 руб. 50 к.

Терновскій, В. С.—Что говорятъ будни. Спб., 1909. Ц. 1 р. 50 коп.

Томпсонъ, С.—Добываніе свѣта. Одесса. Ц. 50 коп.

Тормазовъ, С.—Счастье и прогрессъ. Спб., 1909. Ц. 1 р.

Шокальскій, Ю.—Отчетъ о произведенныхъ въ теченіе 1904, 1905 и 1906 гг. наблюденіяхъ надъ ледниками Россіи. Спб., 1908.

Циммерманъ, В.—Объемъ шара, шаровего сегмента и шаровего слоя. Одесса. Ц. 25 коп.

Чарнолускій, В.—Основные вопросы организаціи внѣшкольнаго образованія въ Россіи. Спб., 1909. Ц. 60 коп.

Черняхъ, Е. А.—Кризисъ хлѣбнаго дѣла въ Россіи и мѣры къ его устраненію. Спб., 1909. Ц. 50 коп.

Филипповъ, А. Н.—Гигіена дѣтей. IV изд. Москва, 1909. Ц. 2 рубля.

Философовъ, Д. В.—Слова и жизнь. Литературные споры новѣйшаго времени (1901—1908 г.г.). Спб., 1909. Ц. 1 руб. 25 коп.

Фоломѣевъ, К. И.—Счастье. Драматическая поэма. Спб., 1909. Ц. 1 р. 25 к.

Франсъ, Анатоль.—Театральная исторія. Москва, 1909. Ц. 1 руб.

Фриче, В. М.—Торжество пола и гибель цивилизаціи. Москва, 1909. Ц. 55 к.

Яцимирскій, А. И.—Пр.-доц. спб. университета. Новѣйшая польская литература отъ возстанія 1863 г. до нашихъ дней. Т. I и II. Спб., 1908. Ц. за два тома 4 р.

Ѳедоровъ, А. М.—Разсказы. Спб., 1909. Ц. 1 р.

Ѳеофилактовъ, Н.—Рисунки. Москва, 1909. Ц. 3 р.

Ѳирсовъ, Н. Н., проф. казанскаго университета. — Пугачевщина. Опытъ соціолого-психологической характеристики. Съ рисунками. Спб., 1909. Ц. 1 р.

Альманахи изд. „Шиповникъ". Книга VIII. Спб., 1909. Ц. 1 р.

Высшіе Женскіе Курсы въ С.-Петербургѣ. Краткая историческая записка. 1878—1908. Спб.. 1909. Ц. 30 коп.

Ежегодникъ главнаго управленія землеустройства и земледѣлія по департаменту земледѣлія и лѣсному департаменту за 1907 г. Спб. 1908 г.

Земля. Сборникъ второй. Москва, 1909. Ц. 1 р. 25 к.

Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Выпускъ № 19. Изд. т-ва бр. Гранатъ и К°. Москва, 1909.

Календарь „Хуторянинъ". Полтава, 1909. Ц. 20 коп.

Каталогъ изданій.—Книгоизд. „Матезисъ" за августъ 1908.

Крамской, И. Н.—Художественная галлерея. Музей его имени въ г. Острогожскѣ, Воронежской губ. Острогожскъ, 1908.

Медицинскій отчетъ по вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи. 1905—1906. Спб., 1908.

Международный съѣздъ (XIV) по гигіенѣ и демографіи (Берлинъ, 1907). Отчетъ Л. Б. Бертенсона. Спб., 1909.

Первый Женскій Календарь на 1909 г. П. Н. Аріанъ. Спб., 1909. Цѣна 1 р. 25 коп.

Сборникъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Томъ 84. Спб. 1908. Ц. 4 р.

Сборникъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Томъ 85. Спб., 1908. Ц. 3 р.

Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, посвященныхъ проф. М. С. Дринову его учениками и почитателями. Изд. подъ ред. проф. М. Г. Халанскаго. Харьковъ, 1908.

Словарь русскаго языка, составленный Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Томъ 4, выпускъ II: Камнія-качалка. Спб., 1908. Ц. 60 к.

Отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Императорскаго Московскаго университета за 1908 г. Москва, 1909.

Отчетъ Спб. Городской Санитарной коммиссіи по борьбѣ съ холерою въ столицѣ въ 1908. Спб., январь 1909.

Чупровъ, Александръ Ивановичъ. (Некрологъ). Москва, 1909.

Mille, Pierre.—Quand Panurge ressuscita. Парижъ, 1908. Ц. 3 фр. 50 сант.

Catalogue analytique sommaire (1900-1904). Cahiers de la quinzaine. Premier cahier de la sixième série. Парижъ.

Petit index alphabétique et table analytique très sommaire. Cahiers de la quinzaine. Premiers cahiers de la huitième série.

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТАТИСТИКА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“.

За время существованія „Вѣстника Европы“ перебывало въ редакціи огромное количество рукописей, которыя при поступленіи аккуратно записывались въ особыя редакціонныя книги; такимъ образомъ накопился значительный матеріалъ для литературной статистики. Въ нашемъ распоряженіи находятся систематическія данныя, относящіяся къ послѣднимъ двадцати-двумъ годамъ, т.-е. къ періоду съ 1 января 1887 года по 1 ноября 1908 года, и мы считаемъ небезполезнымъ подѣлиться съ читателями нѣкоторыми цифрами и итогами этихъ записей.

За указанный періодъ времени поступило въ редакцію всего 8.603 рукописи; изъ нихъ принято для напечатанія 1.452. Среднимъ числомъ получалось въ годъ около 390 рукописей, изъ которыхъ только 66, или около шестой доли, оказывалось пригодными для печати. По годамъ эти цифры распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Года:	Число рукописей:	Изъ нихъ принято:	Года:	Число рукописей:	Изъ нихъ принято:
1887	444	42	1898	374	73
1888	380	55	1899	413	64
1889	394	63	1900	399	84
1890	400	57	1901	418	86
1891	332	55	1902	388	85
1892	507	78	1903	374	62
1893	424	72	1904	379	86
1894	405	74	1905	290	54
1895	438	64	1906	334	52
1896	392	60	1907	338	84
1897	383	53	1908	289	49
Итого				8.603	1.452

Наибольше рукописей—507—поступило въ 1892 году, а наименѣе—290—въ 1905 году, въ годъ революціи. Выше среднихъ были цифры 1887, 1890, 1892—95, 1899 и 1901 гг.; ниже среднихъ—1888, 1891, 1897—98 и 1903—1908.

Процентъ принятыхъ рукописей колебался отъ 10 до 20.

По мѣсяцамъ рукописи распредѣлялись такъ: наименьше рукопи-

сей поступало въ іюлѣ—среднимъ числомъ 22, наиболѣе—въ мартѣ и октябрѣ—среднимъ числомъ около 38. За всѣ годы приходится на январь 806 рукописей, на февраль—767, на мартъ—*851*, апрѣль—722, май—723, іюнь—548, іюль—*496*, августъ—556, сентябрь—782, октябрь—*851*, ноябрь—740, декабрь—762.

По предметамъ, въ массѣ поступающихъ рукописей преобладаютъ (конечно, по количеству, а не по объему) статьи серьезнаго содержанія; второе мѣсто занимаетъ беллетристика, третье — стихотворенія. Приводимъ цифры, относящіяся къ двумъ различнымъ періодамъ—восьмидесятыхъ и девятисотыхъ годовъ:

Года:	Стихи:	Беллетристика:	Статьи научныя, публицистическія и пр.:
1887	140	141	143
1888	101	136	143
1904	100	136	140
1905	57	105	123
1906	67	126	146
1907	96	124	129

Непринятыя рукописи обыкновенно возвращались авторамъ лично или по почтѣ, согласно выраженному ими желанію; тѣмъ не менѣе значительная часть рукописей всегда оставалась въ редакціи, по отсутствію какихъ-либо заявленій со стороны авторовъ. Такихъ невостребованныхъ авторами рукописей — не считая стихотвореній — набралось за двадцать-два года 620; многія изъ нихъ довольно объемисты,—между ними есть повѣсти и разсказы, серьезныя статьи по разнымъ вопросамъ, переводы съ иностранныхъ языковъ и т. п. Приводимъ цифры этихъ забытыхъ или заброшенныхъ авторами рукописей (кромѣ стихотвореній) по годамъ:

Года:	Осталось непринятыхъ и невозвращенныхъ рукописей:	Года:	Осталось непринятыхъ и невозвращенныхъ рукописей:
1887	44	1898	18
1888	26	1899	29
1889	21	1900	13
1890	57	1901	32
1891	36	1902	22
1892	49	1903	19
1893	23	1904	19
1894	31	1905	13
1895	39	1906	22
1896	24	1907	25
1897	38	1908	22
Итого			620

Такое пренебреженіе многихъ авторовъ къ своимъ собственнымъ работамъ является крайне страннымъ и даже непонятнымъ, и, быть можетъ, наше указаніе на этотъ фактъ побудитъ нѣкоторыхъ изъ заинтересованныхъ лицъ вспомнить объ оставленныхъ ими въ редакціи рукописяхъ.

Л. Слонимскій.

„ОТЦЫ“ И „ДѢТИ“.

Къ характеристикѣ нѣмецкаго либерализма.

Письмо изъ Германіи.

Позвольте начать съ типичнаго теперь либеральнаго митинга. Устраивали его свободомыслящіе обѣихъ фракцій—„свободомыслящій союзъ“ и „свободомыслящая партія“. Залъ, въ которомъ происходило собраніе, помѣщается въ одномъ изъ западныхъ кварталовъ Берлина, гдѣ живутъ состоятельные люди и интеллигенція. Соотвѣтственно этому и публика носила особый отпечатокъ: хорошо одѣтые мужчины, элегантныя дамы. Кое-гдѣ виднѣлись знаменитости: профессора, политическіе дѣятели, литераторы, художники. Реферировалъ маловѣстный депутатъ прусскаго ландтага. Тема гласила: борьба за избирательное право въ Пруссіи и отношеніе партій.

На докладѣ не стану долго останавливаться. Для моихъ цѣлей достаточно отмѣтить только одно мѣсто. Характеризуя отношеніе различныхъ партій къ всеобщему, тайному, равному и прямому избирательному праву, докладчикъ коснулся также позиціи своихъ единомышленниковъ праваго крыла (Freisinnige Volkspartei). Тутъ онъ съ похвальной откровенностью призналъ, что, не смотря на публичныя завѣренія „вождей“, въ дѣйствительности партія мало сочувствуетъ демократизаціи прусскаго избирательнаго закона. Эта откровенность вызвала у слушателей многозначительное: „hört!.. hört!..“ и послужила главнымъ объектомъ послѣдовавшихъ за докладомъ дебатовъ. Они были очень оживлены и характерны. Записалось свыше двадцати ораторовъ, изъ которыхъ удалось прослушать человѣкъ семь или восемь. Двое изъ нихъ были старики, остальные — юноши. Юноши оказались сплошь „демократами“, членами основаннаго въ прошломъ году „Демократическаго Союза“ (Demokratische Vereinigung). Они страстно нападали на свободомыслящихъ, сильно повышая температуру собранія: обличали ихъ, бичевали ихъ робость и податливость, звали колеблющихся обратиться къ свободомыслящимъ спиною. Въ общемъ всѣ обличенія сводились къ упрекамъ, съ которыми Гофманъ фонъ-Фаллерслебенъ обращался къ отцамъ нынѣшнихъ либераловъ:

Ihr seid nicht dumm, ihr seid nicht schlecht,
Ihr wisst, was Freiheit ist und Recht,
Ihr liebt die Wahrheit, hasst den Schein,
Ihr wollt auch gern *freisinnig* sein.
Auch habt ihr alles auf der Welt:
Ihr habt Gesundheit, Freund' und Geld,
Und Weib und Kinder, Hof und Gut—
Doch fehlt Euch eins: *Euch fehlt der Mut.*

(Вы не глупы и не дурны,
Вамъ вѣдомо, чтó такое—право и чтó—свобода,
Вы правду любите, вамъ ненавистно притворство,
И свободомыслящими вы желали бы быть охотно.
Владѣете вы также всѣмъ на свѣтѣ:
Здоровье есть у васъ, друзья и деньги,
Жена и дѣти, усадьба и земля,
Но одного вамъ недостаетъ: *нѣтъ мужества у васъ.*)

Впрочемъ были нареканія и болѣе рѣзкаго свойства. Иные сомнѣвались въ „правдолюбіи“ свободомыслящихъ, слышались обвиненія въ „двоедушіи“, была рѣчь и о „лицемѣріи“.

Изъ стариковъ выступалъ знаменитый криминалистъ Францъ Листъ, человѣкъ чрезвычайно подвижной, говорящій низкими, басовыми нотами. Онъ — свободомыслящій, сторонникъ либерально-консервативнаго блока, и его рѣчь была направлена спеціально въ защиту послѣдняго. Авторитетный тонъ, міровая извѣстность импонировали сначала, но не въ состояніи были измѣнить настроенія: тутъ и тамъ послышались отрывистыя замѣчанія, вскорѣ раздался непочтительный хохотъ. Привычный митинговый ораторъ, Листъ не смутился такимъ оборотомъ дѣла, но пришелъ въ замѣтное раздраженіе. Оппозиція демократовъ, повидимому, достаточно „надоѣла“ ему. Нѣчто въ этомъ родѣ онъ и выразилъ, сказавъ: „Нынѣ на каждомъ собраніи приходится наблюдать одну и ту же картину. Достаточно свободомыслящему ротъ раскрыть, какъ тотчасъ со всѣхъ сторонъ раздается: блокъ!.. блокъ!.. блокъ!.. и другія, якобы обидныя, словечки. Заслышавъ эти восклицанія, я уже знаю, что то кричатъ „демократы“. Соціалисты—прибавляетъ онъ ядовито—не столь незрѣлы, чтобы выступать съ такого рода оппозиціей“.

Эта отповѣдь возмущеннаго старика, равно какъ и общій характеръ собранія, весьма ярко отразили положеніе современнаго нѣмецкаго либерализма [1]). Въ небольшихъ размѣрахъ здѣсь можно было наблюдать

[1]) Я имѣю здѣсь въ виду всѣ разновидности свободомыслящихъ и либеральныхъ демократовъ, но не національ-либераловъ. Къ послѣднимъ терминъ „либерализмъ“ подходитъ въ той же мѣрѣ, какъ къ нашимъ октябристамъ.

всѣ главнѣйшіе моменты переживаемаго имъ разброда и разслоенія. Въ основаніи этого разслоенія лежатъ, какъ чувствовалось и на собраніи, преимущественно различія темпераментовъ, разница лѣтъ. На одной сторонѣ очутились „дѣти", на другой—„отцы". Одна сторона обличаетъ другую,но обличенія эти не походятъ на тѣ, къ которымъ прибѣгаютъ, напр., либералы противъ соціалъ-демократовъ — и наоборотъ. Въ послѣднихъ сразу слышится противорѣчія интересовъ, различія въ основныхъ взглядахъ на человѣка и на общество. Здѣсь же все походитъ на нареканія, которыми обмѣниваются члены одной и той же семьи. Младшіе выражаютъ недовольство старшими, „дѣти" заявляютъ о своихъ новыхъ запросахъ и отвергаютъ резонерство и умѣренность „отцовъ". Отсюда взаимное непониманіе, расколъ, борьба. Съ каждымъ днемъ пропасть, отдѣляющая одну сторону отъ другой, увеличивается; неизвѣстно, гдѣ и когда остановится этотъ процессъ дифференціаціи. Для сторонняго наблюдателя несомнѣнно одно: если нынѣшній оффиціальный, „отцовскій" либерализмъ не пойдетъ на встрѣчу демократически-настроеннымъ „дѣтямъ", участь его вскорѣ будетъ рѣшена. Имя, фирма, можетъ быть, останутся, но по существу роль либерализма сведется къ той, которую играютъ консерваторы. Пока еще до этого не дошло, но не видно, чтобы „отцы" были склонны на какія-либо уступки „дѣтямъ". Дальнѣйшее расхожденіе, поэтому, неизбѣжно.

Коллективнымъ и сознательнымъ организаторомъ раскола является упомянутый „Демократическій Союзъ". Чего онъ хочетъ? Что̀ и кто руководитъ его дѣятельностью? Отвѣтомъ на эти вопросы послужитъ характеристика организаціи „Союза", главныхъ дѣятелей его, ихъ взглядовъ и ихъ дѣятельности.

Начнемъ съ личностей. Вождями „Союза" считаются Теодоръ Бартъ, Гельмутъ фонъ-Герлахъ и Рудольфъ Брейтшейдъ. Изъ нихъ Брейтшейдъ—самый молодой: ему 34 года. Высокаго роста, тонкій, съ симпатичнымъ смуглымъ лицомъ, окаймленнымъ рамкой черныхъ волосъ, онъ болѣе чѣмъ недурной ораторъ, страстный и увлекающій. Въ университетѣ онъ изучалъ политическую экономію и въ качествѣ секретаря Handelsvertragverein'a (общество для подготовки торговыхъ договоровъ) хорошо знакомъ съ хозяйственной жизнью, съ внутреннимъ и внѣшнимъ рынками страны. Нѣсколько разъ былъ за границей. Въ годъ революціи посѣтилъ Россію; участники одного изъ земскихъ съѣздовъ могли видѣть его въ своей средѣ. Вообще Брейтшейдъ пристально интересуется Россіей, имѣетъ тамъ немало знакомыхъ и друзей, не разъ писалъ о русскихъ дѣлахъ и однажды выступилъ

даже съ рефератомъ на собраніи, устроенномъ для протеста противъ погромовъ. Брейтшейдъ — предсѣдатель „Союза“ и очень энергично пользуется этимъ высокимъ званіемъ. Кромѣ того онъ недурной журналистъ; въ еженедѣльникѣ „Das Blaubuch“ регулярно откликается на важнѣйшіе вопросы политическаго дня. Статьи его, правда, не отличаются широкими историческими или соціологическими обобщеніями, размахъ ихъ сравнительно невеликъ, но онѣ все-таки дѣльны, а подчасъ и сильны. Иногда въ нихъ замѣтно желаніе выйти за предѣлы простого политическаго разсужденія и найти философскую основу либеральнаго демократизма. Въ этой тягѣ къ философіи сказывается вліяніе пастора Наумана, школу котораго прошло почти все молодое поколѣніе нѣмецкихъ либераловъ.

Гельмутъ фонъ-Герлахъ—регирунгсъ-ассессоръ въ отставкѣ—замѣчателенъ прежде всего своей эволюціей. Начавъ съ антисемитизма, онъ постепенно дошелъ до крайняго фланга либеральной демократіи. Закончилъ онъ свою эволюцію? Трудно сказать. Ему теперь 43 года, и я не удивлюсь, если пятидесятый день своего рожденія онъ отпразднуетъ въ рядахъ соціалъ-демократіи. Герлахъ—по преимуществу „практикъ“, агитаторъ. Непрезентабельный съ виду, онъ отличается удивительной работоспособностью. Говоритъ онъ—то въ Берлинѣ, то въ провинціи—почти ежедневно. Для притязательнаго вкуса его рѣчь можетъ показаться и по формѣ, и по содержанію немного банальною. Митинговая публика, однако, любитъ его послушать, и вліяніе его на массы значительно. Талантливый журналистъ: раньше редактировалъ большую газету и журналъ, теперь часто откликается въ газетѣ „Welt am Montag“ и въ радикальномъ мюнхенскомъ журналѣ „März“. Его перу принадлежатъ, между прочимъ, интересная характеристика Бебеля и цѣнная исторія избирательнаго права въ Пруссіи...

Герлахъ и Брейтшейдъ являются главными рабочими силами „Демократическаго Союза“. Роль ихъ большая, но далеко отстаетъ отъ той, которую играетъ Теодоръ Бартъ.

Бартъ—душа всего движенія. Онъ даетъ ему лозунгъ, онъ увлекаетъ за собой демократическую „массу“. Онъ старше всѣхъ среди руководителей союза по возрасту, но моложе всѣхъ въ своемъ чувствѣ. Энергія его сжатой, пересыпанной сарказмами рѣчи дѣйствуетъ обаятельно. Импонирующая интеллигентная внѣшность, юношеская—ему 60 лѣтъ!—эластичность, острый блескъ глубоко запавшихъ глазъ привлекаютъ зрителя.

Біографія Барта не сложна. Окончивъ университетъ, онъ посвятилъ себя общественной дѣятельности. Былъ нѣсколько разъ депутатомъ рейхстага и прусскаго сейма. Въ теченіе двадцати лѣтъ (до 1907 г.) редактировалъ еженедѣльникъ „Nation“, вокругъ котораго объединилъ

много выдающихся людей. Написалъ массу статей и нѣсколько небольшихъ книгъ. Кто хочетъ познакомиться съ литературной и духовной физіономіей этого незауряднаго человѣка, тому совѣтую прочесть его „Politische Porträts" (характеристики выдающихся общественныхъ дѣятелей) и брошюру „Was ist Liberalismus?".

За тридцать слишкомъ лѣтъ общественной работы политическіе взгляды Барта не остались безъ перемѣны. Будучи вначалѣ болѣе или менѣе послѣдовательнымъ либераломъ, Бартъ постепенно эволюціонировалъ въ сторону рѣшительнаго демократизма. Еще недавно, въ началѣ 90-хъ годовъ, противникъ соціализма и рабочей партіи, онъ теперь—краснорѣчивый защитникъ коалиціи соціальной и либеральной демократіи, убѣжденный фритредеръ и конституціоналистъ, усматривающій во всеобщемъ, равномъ и т. д. избирательномъ правѣ краеугольный камень либеральной программы. Въ распространеніи его на всѣ области (государство, провинцію, коммуну) общественнаго организма Бартъ видитъ залогъ безпрерывнаго прогресса.

За предѣлами Германіи Бартъ извѣстенъ особенно въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ Америки. Америку, гдѣ у него много видныхъ политическихъ друзей, онъ объѣздилъ нѣсколько разъ. Нерѣдко пишетъ въ англійскихъ и американскихъ органахъ и къ слову его всегда прислушиваются какъ за океаномъ, такъ и на континентѣ.

Рядомъ съ Бартомъ и его ближайшими сотрудниками, Герлахомъ и Брейтшейдомъ, извѣстную роль въ „Союзѣ" играетъ бывшій пасторъ Кечке (Kötschke) и отставной полковникъ Гедке. Послѣднее имя должно быть извѣстно русскому читателю. Во время русско-японской войны Гедке былъ военнымъ корреспондентомъ „Berliner Tageblatt", и его корреспонденціи нерѣдко отмѣчались и въ русской прессѣ.

Въ качествѣ политическаго дѣятеля Гедке сталъ выступать лишь недавно. Хорошій ораторъ, энергичный и мужественный, онъ, вѣроятно, скоро завоюетъ себѣ видное мѣсто въ мірѣ профессіональныхъ политиковъ.

Познакомившись съ лицами, перейдемъ къ отстаиваемымъ ими идеямъ.

Чего хотятъ демократы? На этотъ вопросъ можно отвѣтить словами перваго воззванія партіи. Тамъ говорится, что дѣятельность организаціи будетъ направлена на:

„Борьбу съ господствующимъ полу-абсолютистскимъ, черезчуръ личнымъ режимомъ за современный конституціонализмъ.

„Осуществленіе коммунальнаго самоуправленія.

„Осуществленіе права коалицій сельскихъ и промышленныхъ рабочихъ, а равно и служащихъ.

„Осуществленіе равноправія всѣхъ классовъ, вѣроисповѣданій, національностей, партій, а равно и обоихъ половъ.

„Введеніе всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права въ отдѣльныхъ государствахъ и въ общинахъ.

„Повышеніе уровня народнаго образованія, освобожденіе школъ отъ опеки духовенства.

„Улучшеніе экономическаго положенія учителей, чиновниковъ, огражденіе независимости ихъ отъ давленія сверху.

„Отдѣленіе церкви отъ государства".

Въ общемъ, какъ видите, требованія демократовъ не отличаются отъ программы ихъ противниковъ—либераловъ. Въ дѣйствительности либеральная программа и не служитъ пунктомъ раздора, не вызываетъ нареканій; демократы готовы принять ее почти цѣликомъ. Болѣе того: во множествѣ случаевъ они подписываются даже подъ рѣчами обличаемыхъ ими либераловъ. Но слово и дѣло—не одно и то же. Либералы часто говорятъ хорошія рѣчи, но поступаютъ не всегда соотвѣтственно этимъ рѣчамъ. Они, повидимому, и сами сознаютъ это, и на собраніяхъ демократовъ не рѣшаются говорить: мужества не хватаетъ. Въ своей литературѣ они защищаются аргументомъ: мы, конечно, грѣшимъ, но кто не грѣшенъ? Грѣшили люди и покрупнѣе насъ. Мы—оппортунисты, мы нарушаемъ программу? Но развѣ, напр., покойный Вирховъ не защищалъ необходимость компромиссовъ? Чѣмъ мы хуже его? [1])

На это Бартъ, а съ нимъ и бартовцы, отвѣчаютъ (въ брошюрѣ Барта: „Der Freisinn im Block. Ein Kapitel aus der Entwicklungsgeschichte des Liberalismus"): мы не противъ компромиссовъ. Мы не считаемъ партійную программу чѣмъ-то неприкосновеннымъ. Во всѣхъ программахъ имѣются положенія, не особенно тѣсно связанныя съ сущностью партіи, которая ихъ отстаиваетъ. Нарушать *такія* положенія, само собою разумѣется, допустимо, а иногда и полезно. Если бы, напр., знаменитый параграфъ о языкахъ [2]) касался такого „принципа", мы первые произнесли бы absolvo te. Но въ данномъ случаѣ дѣло шло и идетъ не о вопросѣ большей или меньшей цѣлесообразности, а о сущности всякаго серьезнаго либерализма, объ идеѣ, лежащей въ основаніи демократической концепціи государства. Вопросъ о языкахъ касается принципа равноправности для всѣхъ; отъ этого принципа нельзя отступать, особенно въ Пруссіи и Германіи, гдѣ администрація попи-

---

[1]) См. брошюру: „Die Freisinnige Volkspartei und die Barth-Democraten", изданную партіей свободомыслящихъ.

[2]) По этому параграфу, направленному спеціально противъ поляковъ, на публичныхъ собраніяхъ рѣчи произносятся только на нѣмецкомъ языкѣ. Употребленіе иностранныхъ языковъ и нарѣчій допускается лишь съ особаго разрѣшенія полиціи.

раетъ его на каждомъ шагу. Либеральная партія, не стоящая за это начало, способствующая нарушенію его въ законѣ, совершаетъ ничѣмъ не оправдываемый поступокъ. Въ такомъ вопросѣ демократическая партія не должна отступать отъ своихъ убѣжденій ни на іоту. Принимая исключительный законъ противъ поляковъ, либералы лишили себя возможности протестовать противъ исключительныхъ законовъ, ограничивающихъ политическія права евреевъ, соціалъ-демократовъ, масоновъ и т. д. Что же они будутъ дѣлать съ своимъ либерализмомъ?

Какъ вы видите, разногласія, раздѣляющія демократовъ и либераловъ, относятся не къ оффиціальному credo свободомыслящихъ, а къ характеру его реализаціи. Въ этой плоскости они расходятся не только по вопросу о языкахъ, но и по всѣмъ другимъ вопросамъ. Взять хотя бы избирательное право. Въ программѣ у либераловъ имѣется требованіе всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права. Но демократы не вѣрятъ въ искренность этого требованія. Либералы—говорятъ они—вступили въ блокъ съ консерваторами, аграріями, антисемитами и націоналъ-либералами, т.-е. съ рѣшительными противниками демократическаго избирательнаго модуса. Въ то же время они ведутъ войну противъ центра и соціалъ-демократіи, т.-е. противъ партій, энергично борющихся за демократизацію выборовъ. Неискренность свободомыслящихъ очевидна для всякаго: она сквозитъ во всѣхъ ихъ выступленіяхъ. Когда съ трибуны прусскаго ландтага Бюловъ провозгласилъ, что распространеніе имперскаго избирательнаго права на Пруссію „не соотвѣтствуетъ государственному благу“, либералы молчали. Они слѣдовали здѣсь формулѣ извѣстнаго вюртембергскаго политика фонъ-Пайера, сказавшаго: „мы не желаемъ давать правительству причину или предлогъ исключать насъ изъ блока“. Энергичное давленіе на Бюлова могло бы послужить такимъ „предлогомъ“—и это сковало уста. Вообще стремленіе остаться въ „блокѣ“, поближе къ теплымъ лучамъ правительственнаго солнца, парализуетъ у либераловъ волю, мужество, лишаетъ ихъ чувства собственнаго достоинства. Это возбуждаетъ сильнѣйшее негодованіе демократовъ, и на собраніяхъ они, какъ мы видѣли, не скупятся на самыя рѣзкія обличенія.

Немалое возмущеніе возбуждаетъ у демократовъ и отношеніе либераловъ къ такъ называемой *финансовой реформѣ.* Либералы отказались использовать затруднительное финансовое положеніе правительства въ интересахъ свободы и народовластія. Такое использованіе—говорятъ они—было бы похоже на шантажъ. Мотивъ какъ будто и благородный, но подъ этимъ благородствомъ демократы усматриваютъ

все ту же боязнь дѣйствительной борьбы съ правительствомъ, нежеланіе давать „предлогъ“.

Еще болѣе важнымъ пунктомъ разногласій является отношеніе къ *соціалъ-демократіи*. Либералы не ожидаютъ отъ послѣдней ничего хорошаго и какъ будто подписываются подъ словами Барта, написанными 25 лѣтъ назадъ: „либерализмъ и соціализмъ—смертельные враги. Всѣ другія опасности, которыя грозятъ свободѣ, ничто по сравненію съ опасностью, идущею со стороны соціализма“. Либералы насмѣхаются надъ „кокетничаньемъ“ демократовъ съ рабочими и открещиваются отъ идеи борьбы бокъ-о-бокъ съ соціалъ-демократіей. Въ противоположность этому, демократы рѣшительно пропагандируютъ сотрудничество съ пролетаріатомъ, безъ помощи котораго демократизація Германіи немыслима. Кто серьезно думаетъ о прогрессѣ страны, тотъ не можетъ, по ихъ мнѣнію, пренебречь партіей, съумѣвшей объединить болѣе трехъ съ половиной милліоновъ избирателей.

Кооперація съ соціалъ-демократіей облегчается для демократовъ безпрерывнымъ ростомъ реформистскаго крыла послѣдней. Этотъ ростъ сказался особенно сильно на нюрнбергскомъ партейтагѣ. По мнѣнію Барта, „Нюрнбергъ означаетъ болѣе нежели моральную побѣду реформизма: онъ означаетъ окончательный переходъ соціалъ-демократіи отъ консервативнаго радикализма къ прогрессивному реформизму. Въ этомъ заключается важная эволюція, которая неизбѣжно повыситъ вліяніе соціалъ-демократіи, открывая широкія перспективы объединенной борьбы всѣхъ демократическихъ силъ противъ реакціи, противъ феодализма и клерикализма“ (см. брошюру Барта: „Liberalismus und Sozialdemokratie“). Такая кооперація либеральной и соціальной демократіи полезна не только для первой, но и для второй. Соціалъ-демократія въ Германіи нынѣ слаба, ибо изолирована. Несмотря на свои милліоны избирателей, ея вліяніе на ходъ нѣмецкой политики ничтожно. Въ союзѣ съ либеральнымъ демократизмомъ она выйдетъ за предѣлы рабочаго класса и свяжетъ себя съ элементами слабыми количественно, но качественно сильными и вліятельными. Эта связь въ огромной степени усилитъ политическое значеніе партіи пролетаріата.

Духовными очами Бартъ видитъ уже сближеніе разныхъ демократическихъ силъ. „Медленно“—говоритъ онъ въ цитированной выше брошюрѣ—„растетъ въ пролетаріатѣ убѣжденіе, что для реальныхъ интересовъ рабочаго класса нѣтъ болѣе глупой политики, какъ политика самоизолированія путемъ классовой ненависти, что необходимо искать поддержки со стороны всѣхъ прогрессивныхъ силъ, къ какой бы партіи онѣ ни принадлежали. Дальновидные соціалъ-демократы давно познали, что самостоятельно пролетаріатъ никогда не

добьется господства въ государственной жизни. Они поняли, что справедливыя желанія рабочаго класса могутъ исполниться лишь въ той мѣрѣ, въ какой удастся привлечь на его сторону народную совѣсть—общественное мнѣніе. Либерализмъ же, поскольку онъ еще способенъ къ развитію, ежедневно убѣждается, что можетъ укрѣпиться и стать дѣйствительной силой лишь въ томъ случаѣ, если будетъ вести свою борьбу вмѣстѣ съ милліонной арміей соціалъ-демократіи. У него остается одинъ выборъ: или стать болѣе демократичнымъ и соціальнымъ, или же превратиться въ факторъ политической косности, т.-е. опуститься на ступень вспомогательнаго отряда консервативной арміи". Бартъ увѣренъ, что до этого дѣло не дойдетъ, и что „недалеко то время, когда въ рѣшительныхъ битвахъ современности на одной сторонѣ будетъ стоять союзъ des cloches et des tambours, усиленный феодальнымъ капитализмомъ, а на другой— прогрессивная либерально-соціалистическая партія, опирающаяся на милліонныя войска рабочихъ.

Организація демократовъ существуетъ меньше года. Учредительное ея собраніе состоялось въ маѣ 1908 г., оффиціальное выступленіе въ свѣтъ — въ октябрѣ. Ядро партіи находится, понятно, въ Берлинѣ, но и въ провинціи имѣются уже солидныя ячейки. Число членовъ постепенно увеличивается и за послѣднее время достигло свыше четырехъ съ половиною тысячъ. По сравненію съ другими партіями— число ничтожное, но, не смотря на это, демократы развиваютъ интенсивную агитацію, по энергіи и подвижности превосходящую даже соціалъ-демократическую. Ихъ голосъ не пропадаетъ въ общемъ хорѣ, и не смотря на малочисленность ихъ—съ ними считаются. Располагая нѣсколькими большими газетами, они распространяютъ свое вліяніе далеко за предѣлы своей небольшой организаціи. Такъ напр., „Berliner Volkszeitung", имѣющая болѣе пятидесяти тысячъ подписчиковъ, служитъ оффиціальнымъ органомъ партіи. Еженедѣльная „Welt am Montag", которую покупаютъ свыше ста тысячъ человѣкъ, также является проводникомъ демократическихъ идей. Въ провинціи партія располагаетъ четырьмя или пятью органами, обслуживающими многіе десятки тысячъ читателей. Наконецъ, извѣстный „Berliner Tageblatt", насчитывающій сто-пятьдесятъ тысячъ абонентовъ, очень близко стоитъ къ демократамъ и оказываетъ имъ большую поддержку.

Изъ какихъ элементовъ вербуются читатели этихъ газетъ и члены партіи? По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ Брейтшейдомъ, къ демократамъ примыкаютъ главнымъ образомъ разнаго рода служащій людъ и высшія категоріи рабочихъ. Если партія съумѣетъ завоевать прочное положеніе и если главнѣйшее ядро ея и впредь будетъ со-

ставляться изъ упомянутыхъ элементовъ, то разногласія, отдѣляющія демократовъ отъ либераловъ, примутъ нѣсколько иной характеръ. Изъ противоположности политическихъ возрастовъ и темпераментовъ они превратятся въ противоположность интересовъ. Либерализмъ совершенно сольется съ націоналъ-либерализмомъ, отстаивающимъ интересы промышленнаго предпринимательства, а на долю демократовъ выпадетъ задача представлять значительные слои такъ называемаго „новаго средняго сословія“—механиковъ, врачей, адвокатовъ, конторщиковъ, приказчиковъ и т. д. Повидимому, именно въ этомъ направленіи и нужно ожидать дальнѣйшаго развитія партіи.

Какъ представители среднихъ элементовъ, демократы найдутъ достаточно вліятельный соціальный слой, опираясь на который они съумѣютъ, быть можетъ, достигнуть положительныхъ успѣховъ. Пока они, конечно, должны ограничиться исключительно оппозиціонной дѣятельностью. Это обстоятельство ничуть не смущаетъ руководителей. Положительная работа другихъ партій, напр. „свободомыслящихъ“, нисколько не возбуждаетъ ихъ зависти. Къ чему сводится эта „положительность“? Къ достиженію мандатовъ путемъ измѣны убѣжденіямъ и къ проведенію незначительныхъ законопроектовъ путемъ подлаживанія къ реакціи. Въ противоположность этой „положительности“, демократы настаиваютъ на „правѣ отрицанія и въ интересахъ здороваго развитія политической жизни предпочитаютъ энергичную и убѣжденную оппозицію. Въ политикѣ, которая на три-четверти представляетъ собою воспитаніе общественнаго мнѣнія, энергичное стремленіе къ большимъ цѣлямъ плодотворнѣе достиженія малыхъ. Демократизація Германіи и является такой „большой цѣлью“, для которой рѣшительная оппозиція бартовцевъ болѣе полезна, чѣмъ слабохарактерное лавированіе свободомыслящихъ.

S.

Берлинъ, февраль 1909 г.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Недавніе выборы въ сенатъ показываютъ съ очевидностью ростъ французскаго радикализма, одержавшаго теперь верхъ въ обѣихъ палатахъ. Далеко то время, когда сенатъ препятствовалъ всякой попыткѣ анти-клерикальныхъ реформъ, принудивъ Жюля Ферри прибѣгнуть къ знаменитымъ декретамъ 1880 г. До послѣднихъ выборовъ верхняя палата высказывалась противъ фискальной реформы. Много труда и усилій пришлось приложить, чтобы вырвать у сената вотированіе законовъ о покровительствѣ рабочимъ, устанавливающихъ продолжительность рабочаго дня, и организацію фабричной инспекціи. Непробуднымъ сномъ покоятся еще и теперь подъ сукномъ сенатскихъ канцелярій многочисленные проекты, касающіеся организаціи стачекъ, помощи роженицамъ и другихъ предложеній правительства, продиктованныхъ резолюціями высшаго совѣта труда.

Еще недавно противодѣйствіе сената чуть было не опрокинуло министерство Клемансо во время дебатовъ о выкупѣ западной желѣзнодорожной сѣти. Извѣстна участь, постигшая проектъ рабочихъ пенсій. Вотированный года три тому назадъ палатою, видѣвшей въ немъ скорѣе предвыборный манифестъ, чѣмъ осуществимую реформу, этотъ проектъ былъ забракованъ въ сенатской коммиссіи, президентъ которой Кювино является въ то же время президентомъ одной изъ крупнѣйшихъ компаній омнибусовъ.

Но на ряду съ этимъ моральное вліяніе сената продолжало расти. Ему слѣдуетъ приписать пораженіе милитаристическаго и клерикальнаго движенія, возникшаго было во время дѣла Дрейфуса. Еще раньше онъ съумѣлъ развѣнчать Буланже, удалить съ политической арены Дерулэда. Французскій сенатъ можетъ быть облеченъ функціями верховнаго суда. Онъ одинъ имѣетъ право судить такія преступленія, какъ измѣна, покушеніе на безопасность государства, если эти преступленія носятъ характеръ заговора. Сенатъ долженъ, поэтому, пользоваться большимъ авторитетомъ; его постановленія должны согласоваться съ желаніями среднихъ классовъ. Сенатъ не является органомъ правительственныхъ реформъ; онъ служитъ скорѣе предохранительнымъ клапаномъ. И роль, которую онъ сыгралъ въ дѣлѣ борьбы съ католицизмомъ, въ исторіи отдѣленія церкви отъ государства, въ значительной степени укрѣпила его вліяніе. Вслѣдствіе продолжительности

сенаторскаго мандата (девять лѣтъ), люди, неувѣренные почему-либо въ удачномъ для нихъ исходѣ всеобщаго голосованія и находящіеся, притомъ, въ ладахъ съ правительствомъ, предпочитаютъ ставить свою кандидатуру въ сенатъ.

Мы встрѣчаемъ на скамьяхъ сената бывшихъ министровъ, выдающихся политическихъ дѣятелей, рядомъ съ банкирами, представителями финансовыхъ предпріятій. Въ тиши сената заключаются сдѣлки, рѣшающія иногда судьбу законопроектовъ и даже исходъ предстоящихъ президентскихъ выборовъ. Сенатъ далъ уже намъ нѣсколько президентовъ республики. Онъ дастъ намъ, вѣроятно, и слѣдующаго, Антонэна Дюбоста. Постъ президента сената сдѣлался какъ бы подготовительной школой къ высокому званію президента республики. Тотъ же сенатъ далъ намъ и послѣднихъ трехъ премьеровъ: Рувье, Комба и Клемансо.

Понятно, что при такихъ условіяхъ настроеніе сената играетъ важную роль въ соціальной и политической жизни Франціи.

Послѣдніе выборы были пораженіемъ прогрессистовъ и въ частности Превэ, лидера оппозиціи по вопросу о выкупѣ западной желѣзнодорожной сѣти, извѣстнаго вообще своимъ противодѣйствіемъ всякаго рода реформѣ. Его пораженіе тѣмъ болѣе знаменательно, что Превэ состоитъ директоромъ „Petit Journal", насчитывающаго около 1 милл. читателей. Въ сенатъ прошло 22 новыхъ радикала и радикала-соціалиста, которые усилили парламентскую группу Комба.

Послѣ обнародованія результатовъ выборовъ „République Française" (органъ Мелина), роялистическій „Soleil", бонапартистскій „Gaulois", консервативный „Figaro" — и тѣ должны были признать пораженіе реакціонной политики. Вопросъ о рабочихъ пенсіяхъ выступилъ опять на сцену; правительство предложитъ свой „дипломатическій" проектъ, съ цѣлью привлечь на свою сторону колеблющіеся голоса. Вотированіе рабочихъ пенсій отнынѣ—дѣло рѣшенное. Это, въ свою очередь, повлечетъ за собою законъ о подоходномъ налогѣ или введеніе новой монополіи, если не захотятъ прибѣгнуть къ займу, чтобы покрыть предстоящіе расходы.

Соціальная политика сената осложняется нѣсколько марокскимъ вопросомъ и колоніальной проблемой. Это станетъ яснымъ, если вникнуть въ психологію промышленной буржуазіи.

Прежній буржуа, скромный, умѣренный въ своихъ затратахъ, былъ главнымъ образомъ экономенъ. Онъ обогащался благодаря своимъ сбереженіямъ, не отваживался помѣщать свои капиталы въ рискованныя предпріятія, предпочиталъ держать ихъ въ государственной рентѣ или въ русскихъ бумагахъ. Этотъ буржуа уступилъ теперь мѣсто новому поколѣнію. Жизнь не можетъ ограничиваться неомаль-

тузіанствомъ, домашней экономіей и противодѣйствіемъ всякой реформѣ только потому, что она влечетъ за собою новые налоги. Французская политика начинаетъ становиться всемірной, имперіалистической. Франція начала думать о колоніальныхъ завоеваніяхъ; окруженная съ Востока, она обратила свои взоры на Африку. Первыя попытки колонизаціи были вызваны не столько необходимостью, сколько желаніемъ удовлетворить національное самолюбіе. Благодаря мужеству и генію своихъ изслѣдователей, Франціи удалось создать превосходную колоніальную имперію. Но эта имперія была, къ сожалѣнію, бюрократической, а не промышленной: авангардъ состоялъ изъ солдатъ, а не изъ коммерсантовъ. Время шло. Колоссальныя богатства Франціи, помогавшія ей нѣкогда оправиться отъ разгрома франко-прусской войны, требуютъ новыхъ рынковъ, и африканская политика принимаетъ теперь иную окраску. Въ Азіи Поль Думеръ, этотъ настоящій проконсулъ, задумалъ грандіозный проектъ проведенія желѣзной дороги, введенія монополій и постепеннаго занятія Китая, при помощи войскъ, находящихся въ Индо-Китаѣ, которыя онъ хотѣлъ перебросить въ Пекинъ, охваченный въ то время боксерскимъ возстаніемъ. Сайгонъ сталъ окномъ въ Китай. Ганото собирался угрожать Египту занятіемъ Бара и Газала, предполагалъ отнять у Англіи нильскій Суданъ. Всѣ эти проекты колоніальныхъ Наполеоновъ были слишкомъ романтичны, чтобы пройти въ жизнь. Пришлось бы послать на смерть тысячи людей за призрачную мечту о побѣдѣ, въ которой не нуждалась французская буржуазія. Другое дѣло—Марокко, это естественное продолженіе Алжира, окруженное французскими колоніями. Здѣсь—интересы коммерческіе. Марокскій комитетъ, руководящій дѣломъ, является новымъ выраженіемъ имперіалистическаго радикализма, который не грезитъ о побѣдахъ, но ищетъ выгодныхъ дѣлъ.

Взаимоотношеніе между правительствомъ третьей республики и новой партіей колоніальной политики таково: „Вы хотите—говорятъ представители послѣдней, обращаясь къ правительству — вы хотите провести соціальныя реформы, которымъ вы сочувствуете и которыя вамъ необходимы, чтобы вы могли остаться у власти. Хорошо. Банки и финансовыя предпріятія не станутъ вамъ мѣшать. Но если вамъ для этихъ реформъ нужны деньги, дайте намъ возможность ихъ заработать. Поддерживайте наши африканскія предпріятія, предоставьте къ нашимъ услугамъ вашу дипломатію, ваши войска. Вамъ придется считаться съ возможностью войны: реорганизуйте вашу армію, вашъ флотъ. Морской министръ, Пикаръ, требуетъ 300 милл. фр. Отлично. Металлургическая промышленность вамъ будетъ за это благодарна. Do ut des. Мы принимаемъ ваши реформы, но покровительствуйте намъ за то въ нашей политикѣ завоеваній, которая одна лишь въ

состоянии обезпечить намъ новые рынки". Новое движеніе настолько сильно, что премьеръ, содѣйствующій его расцвѣту—тотъ самый Клемансо, который нѣкогда громилъ Жюля Ферри за его колоніальныя предпріятія.

Внимательный наблюдатель психологіи современнаго имперіализма замѣтитъ то же видоизмѣненіе политической физіономіи Клемансо и въ другихъ вопросахъ—напр. въ вопросѣ о смертной казни.

Гильотина снова приведена въ дѣйствіе; противники смертной казни теряютъ, повидимому, одинъ изъ сильныхъ доводовъ въ пользу уничтоженія этой кары. Въ своей недавней рѣчи Бріанъ напомнилъ палатѣ причины рѣзкой перемѣны въ общественномъ мнѣніи. Въ 1906 г. бюджетная коммиссія палаты рѣзко высказалась за отмѣну смертной казни. Въ палатѣ 247 голосовъ было подано за возстановленіе кредитовъ, отпускаемыхъ на содержаніе палача Дейблера, 235—противъ. Эти 12 голосовъ большинства не должны быть, собственно говоря, принимаемы въ соображеніе, такъ какъ многіе изъ вотировавшихъ возстановленіе кредитовъ—какъ напр. Пюэкъ, предсѣдатель коммиссіи по реорганизаціи судебнаго вѣдомства—были противниками смертной казни, но не желали добиваться ея отмѣны окольнымъ путемъ—отказомъ вотировать названную статью бюджета.

Что же произошло послѣ того? Только помилованіе Солейана, преступника, котораго, даже по мнѣнію Кастійара, самаго горячаго сторонника смертной казни, нельзя было подвергнуть этому наказанію. Все дѣло заключалось въ минутномъ порывѣ, которымъ и была вызвана реакція.

Въ самомъ дѣлѣ, статистика отнюдь не говоритъ за необходимость примѣненія смертной казни. Во Франціи съ 1871 по 1880 г. тяжкихъ преступленій, могущихъ влечь за собою смертную казнь, было совершено всего 6.100, т.-е., среднимъ числомъ, около 610 въ годъ; случаевъ исполненія смертной казни было 107. Въ 1898—1907 гг. примѣненіе смертной казни становится все рѣже, а за послѣдніе два года ихъ и вовсе не было. Смертные приговоры были исполнены въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ всего 28 разъ; между тѣмъ тяжкихъ преступленій было совершено за это время 4.880, т.-е., среднимъ числомъ, по 488 ежегодно. Много говорили о шайкѣ Поллэ, подвизавшейся на сѣверѣ Франціи; главные ея члены недавно гильотинированы въ Бетюнѣ. Что же оказывается? Эта шайка, составившаяся въ 1895 г., главнымъ образомъ дѣйствовала въ періодъ съ 1895 по 1905 г., т.-е. тогда, когда было совершено 45 казней. Смѣло можно сказать, вмѣстѣ съ Бьюссономъ, что преступность во Франціи не увеличивается. Больше того: можно утверждать, что преступность среди французовъ

не больше и даже не столь велика, какъ въ сосѣднихъ странахъ. Правильность этого вывода выступаетъ съ большею еще очевидностью изъ недавняго труда доктора Лэвенталя. Его положенія, опубликованныя въ „Revue du mois", вполнѣ подтверждаютъ тотъ взглядъ, что ни преступность вообще, ни въ частности такъ называемыя тяжкія преступленія отнюдь не возросли за послѣднія 30 лѣтъ въ той пропорціи, о какой часто говорятъ. На оборотъ, цифры, взятыя сами по себѣ или относительно, ясно показываютъ ея уменьшеніе. За послѣднее пятилѣтіе (1901—1905 гг.) констатировано гораздо менѣе возмущеній, диффамацій, оскорбленій должностныхъ лицъ, преступленій противъ нравственности, лжесвидѣтельствъ, меньше кражъ, чѣмъ въ 1876—1880 гг. (періодъ, взятый Лэвенталемъ за исходный пунктъ). Единственный родъ преступленій, количество которыхъ увеличилось (на милліонъ жителей 833 вмѣсто прежнихъ 652)—это нанесеніе тяжкихъ ранъ и увѣчій, ростъ которыхъ криминалисты объясняютъ совсѣмъ инымъ образомъ. Необычайная снисходительность къ алкоголизму—вотъ истинная причина большей части этихъ преступленій.

Очень любопытно сравненіе съ тѣмъ, что происходитъ у насъ по сосѣдству, напр. въ Англіи. Въ то время какъ во Франціи этотъ видъ преступленій размножается вмѣстѣ съ ростомъ кабаковъ, огромной продажей водки и почти полнымъ отсутствіемъ строгихъ мѣръ за пьянство въ публичныхъ мѣстахъ, въ Англіи преслѣдованія за пьянство увеличились на 30%, процессы же о нанесеніи ранъ и увѣчій уменьшились на $^2/_3$. Если мы перейдемъ къ квалифицированнымъ преступленіямъ, то увидимъ, что въ Англіи среднее количество лицъ, преданныхъ суду присяжныхъ, уменьшилось за послѣднія 30 лѣтъ на 40%. Количество кражъ уменьшилось на $^1/_4$, насилій и покушеній на убійство—на $^1/_2$.

Дѣтоубійствъ во Франціи въ 1876—1880 гг. было, въ среднемъ, ежегодно — 230, въ послѣднемъ отчетномъ году — 98. Уменьшилось также число убійствъ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, равно какъ и покушеній на убійство. Остается, такимъ образомъ, нанесеніе ранъ и увѣчій, число которыхъ увеличилось съ 302 до 425. Фактъ прискорбный, заставляющій законодателя призадуматься. Но развѣ этотъ фактъ наблюдается въ одной лишь Франціи? Эта категорія преступленій возрастаетъ еще въ большей степени въ Германіи (13 случаевъ вмѣсто 11,2 на милліонъ) и отнюдь не менѣе велика, чѣмъ въ Бельгіи. Въ Италіи убійствъ въ 6 разъ больше чѣмъ во Франціи.

Пускай не говорятъ, поэтому, что хотятъ остановить надвигающуюся волну преступности. На самомъ дѣлѣ общественное мнѣніе теперь лучше чѣмъ когда-либо освѣдомлено о преступленіяхъ: все дѣлается, чтобы возбудить въ публикѣ самое нездоровое, самое грязное

любопытство. Пресса желаетъ во что бы ни стало обо всемъ разсказывать, все заносить на свои фотографическія пластинки, держитъ милліоны читателей въ постоянной лихорадкѣ. Она заставляетъ публику быть съ преступникомъ каждый часъ, каждую минуту, съ того времени какъ онъ задумалъ преступленіе, до того времени, когда онъ привелъ его въ исполненіе. Приходится дрожать и трепетать вмѣстѣ съ преступникомъ, живо представлять себѣ всю хитрость, всю ловкость задуманнаго дерзкаго предпріятія, видѣть самыя ужасныя сцены, выслушивая при этомъ низменныя остроты печальнаго героя.

Агитація въ пользу смертной казни объясняется и нѣкоторыми психологическими мотивами. Твердая государственная власть — вотъ идеалъ многихъ: ну, а смертная казнь—развѣ не одно изъ средствъ дисциплины? Французское жюри состоитъ главнымъ образомъ изъ мелкихъ торговцевъ, служащихъ, рѣдко изъ лицъ съ университетскимъ образованіемъ—а эти господа испытываютъ чувство страха, того страха, который бросилъ уже нѣкогда ихъ предковъ въ руки „Освободителя". Безопасность уменьшается — утверждаютъ они — преступленія ростутъ, и вотъ, остается одно средство: устрашать, немилосердно наказывать преступниковъ. Какъ! думаютъ они: простой смертный, Фальеръ, представитель французской демократіи, посмѣлъ наложить свое veto на постановленія суда присяжныхъ! Что особенно привлекало въ число присяжныхъ мелкаго буржуа—это сознаніе, что онъ располагаетъ жизнью и смертью себѣ подобныхъ; и вдругъ, президентъ республики, который черезъ семь лѣтъ совсѣмъ исчезнетъ съ политической арены, уничтожаетъ его вердиктъ, точный, ясный! Въ видѣ протеста удвоивается число смертныхъ приговоровъ. Присяжныхъ возмущаетъ борьба личной власти (pouvoir personnel) съ національнымъ суверенитетомъ, представителями котораго они себя считаютъ. Теперь, когда, послѣ нѣсколькихъ казней, суду присяжныхъ какъ бы возвращено право казнить и миловать—пока не произнесено ни одного смертнаго приговора. Болѣе того: жюри въ деп. Па-де-Калэ, тотчасъ же послѣ произнесенія смертнаго приговора само обратилось съ просьбой о помилованіи обвиняемаго.

Достаточно прочесть отчеты прессы, разсказывающіе подробности бетюнскихъ казней, чтобы видѣть, какіе низменные инстинкты возбуждаетъ въ массѣ, жадной до зрѣлищъ, видъ казни. Крики: „Да здравствуетъ Дейблеръ!", истеричныя женщины, окропляющія свои носовые платки кровью, наконецъ, сама мѣстная власть, позаботившаяся оставить нѣсколько мѣстъ для почетныхъ лицъ города—все это показываетъ, какую незначительную роль играетъ здѣсь чувство справедливости, сколько здѣсь низменнаго чувства любопытства и мести, выступившаго наружу. Публичность смертной казни вскорѣ должна

исчезнуть. Самые ярые приверженцы смертной казни стоятъ за то, чтобы казни не были публичными. Но безъ публичности останется ли у Дейблера столько сторонниковъ? На это отвѣтить можетъ лишь будущее. Имѣется въ виду установить новое наказаніе, которое будетъ среднимъ между каторгой и смертной казнью. Это позволитъ жюри не прибѣгать такъ часто къ смертнымъ приговорамъ, въ ожиданіи результатовъ тюремной реформы, съ успѣхомъ примѣняемой уже въ Италіи, странѣ латинской расы, населеніе которой привыкло прибѣгать къ личной расправѣ.

I. Черновъ.

ПИСЬМО ИЗЪ АМЕРИКИ.

На дняхъ вступаетъ въ должность новый президентъ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Тафтъ. Главнымъ аргументомъ противъ него въ теченіе всей президентской кампаніи былъ тотъ, что онъ насильственно навязанъ конвенту республиканской партіи Рузевельтомъ и, какъ его открыто признанный ставленникъ, не обладаетъ той самостоятельностью, которая такъ необходима верховному вождю огромной націи. Популярность Рузевельта, даже въ ея апогеѣ лѣтъ восемь тому назадъ, никакъ нельзя было назвать общенародною; она была не партійная, не классовая, а опредѣлялась прежде всего и больше всего возрастомъ — молодежь стояла за него почти поголовно, люди пожилые дѣлились почти поровну за и противъ, а старые опасались его экспансивности и, даже симпатизируя ему лично, нерѣдко дрожали за страну, въ виду его самоувѣренности и неразборчивости въ методахъ. Съ Рузевельтомъ въ Бѣломъ Домѣ никакъ нельзя было быть совершенно спокойнымъ даже за завтрашній день. Онъ былъ слишкомъ неугомоненъ, слишкомъ неуравновѣшенъ, бросался постоянно изъ стороны въ сторону, хватался за всякую новинку со страстностью, не выдерживавшею сколько-нибудь продолжительнаго труда. Рузевельтъ былъ американскимъ изданіемъ нынѣшняго германскаго императора, который первыя пятнадцать лѣтъ своего царствованія постоянно держалъ всю Европу на чеку, безпрестанно брянцалъ холостымъ оружіемъ, и шумѣлъ, шумѣлъ... Его американскій двойникъ былъ понятъ своимъ народомъ гораздо скорѣе. Популярность Рузевельта стала быстро улетучиваться; послѣдніе два года она поддерживалась уже не живымъ энтузіазмомъ, а больше по традиціи, и къ началу прошлаго лѣта такъ упала, что онъ не рѣшился выставить своей кандидатуры на новый срокъ, хотя и сохранилъ достаточное вліяніе въ своей партійной организаціи, чтобы навязать ей своего преемника. Массы партіи уже перестали видѣть въ немъ своего прежняго идола, и президентская кампанія прошла вяло и безъ малѣйшаго энтузіазма. А Рузевельтъ подъ конецъ особенно расходился: за послѣдній годъ не осталось такихъ интересовъ, которыхъ бы онъ не затронулъ такъ или иначе; не было такого штата, крупнаго города или даже графства, гдѣ бы онъ не нажилъ себѣ смертельныхъ враговъ. Онъ вмѣшивался рѣшительно во все, даже въ мелочи, распекалъ пу-

блично губернаторовъ и мѣстныя легислатуры, вступалъ въ газетную полемику съ частными лицами. Его не разъ обзывали въ печати человѣкомъ пристрастнымъ, недобросовѣстнымъ и даже прямо лгуномъ. Послѣдняя сессія конгресса встрѣчала его посланія то презрительнымъ молчаніемъ, то ироническимъ смѣхомъ.

Чѣмъ бы ни проявилъ себя Тафтъ въ будущемъ, какъ президентъ Союза, не подлежитъ сомнѣнію, что, какъ утонченный дипломатъ и искусный политикъ, онъ стоитъ неизмѣримо выше Рузевельта и никогда не будетъ повиненъ не только въ грубой безтактности, но и въ малѣйшей неловкости. Ему уже пришлось отозваться, и не разъ, и не двусмысленно, на явную, рѣзкую перемѣну въ отношеніяхъ страны къ Рузевельту. Необходимо замѣтить, что личный составъ кабинета новаго президента всегда считается въ Америкѣ наилучшимъ показателемъ его будущей политики, и только такія исключительныя личности, какъ Вашингтонъ и Линкольнъ, съумѣли сдѣлаться и остаться единственными руководителями и правительственной дѣятельности. Рузевельтъ, напротивъ, такъ часто и открыто не ладилъ съ назначенными имъ же самимъ министрами, что за семь съ половиною лѣтъ его президентства ихъ смѣнилось больше, чѣмъ за всю предшествовавшую исторію Союза. До него, министры обыкновенно выслуживали свой четырехлѣтній же срокъ, и только смерть или опасная болѣзнь вызывала новыя назначенія. Когда Тафтъ былъ выбранъ, предполагалось, что кабинетъ Рузевельта останется весь на своихъ мѣстахъ. Вскорѣ, однако, выяснилось, что министръ иностранныхъ дѣлъ Рутъ, наиболѣе талантливый и популярный изъ министровъ, предпочелъ предложенное ему мѣсто федеральнаго сенатора отъ штата Нью-Іорка. Тогда Тафтъ, ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись, немедленно объявилъ, что назначаетъ своимъ будущимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ федеральнаго сенатора отъ штата Пенсильваніи, Филандера Нокса (Philander Knox), когда-то министра юстиціи въ кабинетѣ Рузевельта, человѣка чрезвычайно талантливаго, но оставившаго кабинетъ изъ-за недоразумѣній съ президентомъ. И самое назначеніе, и его поспѣшность были крайне знаменательны, краснорѣчиво свидѣтельствуя о независимости Тафта. Затѣмъ Тафтъ заявилъ публично, что хотя его кабинетъ еще не вполнѣ составленъ, онъ можетъ сказать утвердительно, что въ немъ не останется ни одного изъ настоящихъ министровъ, кромѣ, можетъ быть, министра земледѣлія, Вильсона. Это былъ уже открытый, прямой афронтъ Рузевельту и его политикѣ, разсѣявшій многія предубѣжденія противъ Тафта.

Покойный Макъ-Кинлэй своимъ неизмѣннымъ тактомъ и, въ особенности, тѣмъ довѣріемъ, съ которымъ онъ поручилъ нѣсколькимъ конфедератскимъ ветеранамъ крупные посты во время испано-амери-

канской войны, съумѣлъ вызвать симпатіи Юга и существенно уменьшить его традиціонный антагонизмъ съ Сѣверомъ. Онъ былъ первымъ президентомъ, членомъ республиканской партіи, котораго Югъ принималъ какъ желаннаго гостя, а не какъ недруга. Еслибъ онъ не былъ убитъ, онъ вѣроятно успѣлъ бы въ теченіе второго срока своей службы окончательно залечить живучія раны, вызванныя междоусобною войною, уничтожить политическія предубѣжденія и возстановить дѣйствительное единство Союза. Рузевельтъ не только не продолжалъ этой работы, но и нѣсколько разъ грубо и безтактно оскорблялъ чувствительность южанъ, подливалъ масла въ замиравшее было пламя несбывшихся надеждъ и задѣтыхъ самолюбій. Тафтъ немедленно по своемъ выборѣ рельефно подчеркнулъ свое намѣреніе довершить по возможности начатое Макъ-Кинлэемъ великое дѣло искренняго и окончательнаго примиренія Сѣвера съ Югомъ Подъ предлогомъ отдыха послѣ утомительной кампаніи, онъ отправился на Югъ и провелъ тамъ цѣлыхъ три мѣсяца, принимая устраиваемыя въ его честь въ разныхъ большихъ городахъ торжества и произнося умѣлыя, тонкія примирительныя рѣчи, въ то же время участливо и толково относясь ко всѣмъ мѣстнымъ нуждамъ, изучая спеціальныя мѣстныя потребности и пути къ ихъ удовлетворенію Союзомъ. Онъ съумѣлъ вызвать сочувствіе вожаковъ Юга и заручиться ихъ искренней поддержкой въ будущемъ. Они и сами рады похоронить вредную вражду, вытекающую не изъ настоящаго положенія вещей, а изъ традицій прошлаго; они нуждались только въ тактичныхъ авансахъ; гордость побѣжденнаго не позволяла имъ сдѣлать первые шаги—и Тафтъ, еще не сдѣлавшись президентомъ, уже успѣлъ оказать странѣ огромную услугу въ этомъ направленіи.

Вообще, нельзя не констатировать, что и въ теченіе кампаніи, и, въ особенности, со времени выбора, Тафтъ проявилъ и неожиданную степень самостоятельности, и недюжинную государственную прозорливость и успѣлъ значительно выросги въ глазахъ страны. Онъ далъ немало серьезнѣйшихъ доказательствъ тому, что онъ, и какъ человѣкъ, и какъ государственный дѣятель, обладаетъ гораздо большими рессурсами, чѣмъ предполагало общественное мнѣніе.

Не смотря на опубликованную недавно, повидимому вполнѣ дружественную японско-американскую декларацію, сущность конфликта между Союзомъ и Японіей не только не улажена, но и не утратила своей остроты. Декларація эта, на мой взглядъ, представляетъ собою только бумагу безъ реальнаго значенія. У Союза два фронта—Атлантическій и Тихоокеанскій. До сихъ поръ, да и въ настоящій моментъ, первый имѣетъ подавляюще-преобладающее значеніе и по народонаселенію, и по развитію, и по богатству. Все населеніе Тихоокеанскаго побережья, даже если включить въ него территорію Скалистыхъ Горъ,

меньше населенія одного города Нью-Іорка. До сихъ поръ японское нашествіе на Америку ограничивается исключительно тихоокеанскимъ побережьемъ; ни долина рѣки Миссисипи, ни Югъ, ни Востокъ не имѣютъ о немъ ни малѣйшаго фактическаго представленія. Не ощущая послѣдствій этого нашествія непосредственно, громадное большинство Союза относится къ нему болѣе или менѣе безучастно. Для этого большинства Японія есть фикція, нѣчто безконечно отдаленное, и ему дика самая мысль о возможности упорной и кровавой войны съ нею. А въ то же время тихоокеанское побережье несомнѣнно страдаетъ отъ японскаго нашествія, и во многихъ отношеніяхъ. Въ одной Калифорніи насчитываютъ около 45.000 японцевъ, упорно и систематично понижающихъ заработную плату и со времени промышленнаго кризиса прошлой осени вырывающихъ хлѣбъ у такого же числа бѣлыхъ безработныхъ. Эта желтая армія организовала свое собственное государство въ государствѣ, потребляетъ только японскіе продукты и привозитъ ихъ только въ японскихъ судахъ. Весь ея заработокъ почти цѣликомъ пересылается золотомъ въ Японію. Калифорнія только очень недавно, съ огромнымъ трудомъ и цѣной серьезныхъ внутреннихъ потрясеній, въ городѣ Санъ-Франциско и другихъ мѣстахъ принявшихъ форму открытыхъ народныхъ возмущеній, успѣла остановить китайское нашествіе. Теперь она подверглась нашествію японскому, которое она считаетъ хуже и опаснѣе китайскаго: китаецъ неизмѣримо добросовѣстнѣе японца, гораздо лучшій работникъ и далеко не такъ расположенъ къ преступности. Китаецъ скроменъ и послушенъ—японецъ упрямъ и надмененъ. Федеральная власть утверждаетъ, что японская иммиграція остановлена по соглашенію съ японскимъ правительствомъ и его собственнымъ распоряженіемъ; Калифорнія говоритъ, что если открытая иммиграція и пріостановлена, то тайная усиливается съ каждымъ днемъ и число японцевъ быстро растетъ. Все тихоокеанское побережье горько жалуется, что его жизненные интересы приносятся въ жертву государственнымъ соображеніямъ, истекающимъ изъ непониманія дѣла. Ремесленные союзы на нашемъ побережьѣ очень сильны и своей численностью, и своимъ политическимъ вліяніемъ—они агитируютъ упорно и систематично, полагая что японофильство есть одинъ изъ методовъ противодѣйствія прежде всего ихъ интересамъ. Представители побережья въ конгрессѣ требовали принятія закона противъ японской иммиграціи, подобнаго закону Гири противъ китайской; и имъ было отказано въ виду имѣющихся съ Японіей трактатовъ. Анти-японская агитація все продолжалась и разросталась Ни соглашеніе съ японскимъ правительствомъ, ни временное улаженіе школьнаго конфликта въ Санъ-Франциско никого не удовлетворили. Общественное мнѣніе было сильно возбуждено, когда

открылась въ прошломъ январѣ очередная сессія калифорнской легислатуры, собирающейся только разъ въ два года. Такъ какъ отъ федеральной власти нечего было ждать помощи, обѣ палаты были засыпаны анти-японскими законами, воспрещающими японцамъ владѣть въ Калифорніи землей или по купчимъ, или на арендномъ правѣ, быть акціонерами, посѣщать школы для бѣлыхъ дѣтей, и т. д. Если нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ нелѣпы сами по себѣ, другія безусловно противоконституціонны, то главныя не только практичны и полезны, но и необходимы съ калифорнской точки зрѣнія. Едва ли, однако, подлежитъ сомнѣнію, что принятіе любой изъ нихъ, при настоящихъ отношеніяхъ Японіи къ Союзу, вызоветъ острый протестъ съ ея стороны и опасныя осложненія.

Рузевельтъ бомбардируетъ и губернатора, и легислатуру телеграммами и письмами, прося, требуя, угрожая, вообще оказывая всевозможное давленіе—но атмосфера въ Сакраменто, гдѣ засѣдаетъ калифорнская легислатура, такова, что предвидѣть исходъ борьбы никакъ нельзя. Всѣ другія дѣла заброшены, только и рѣчи, что объ анти-японскомъ законодательствѣ; значительное большинство въ его пользу повидимому обезпечено, не смотря на давленіе федеральной власти. Легислатуры штатовъ Невады и Айдахо приняли резолюціи, вполнѣ одобряющія предполагаемое Калифорніей законодательство и настаивающія на доведеніи борьбы до конца; здѣсь также обсуждаются разныя анти-японскія законодательныя мѣры. Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что у значительнаго большинства населенія тихоокеанскаго побережья терпѣніе по японскому вопросу начинаетъ истощаться. Оно перестаетъ сомнѣваться въ неизбѣжности конфликта съ Японіей и думаетъ, что чѣмъ раньше онъ наступитъ, тѣмъ лучше для Америки. Будучи хорошо знакомъ съ размѣрами и ростомъ анти-японскаго настроенія на нашемъ побережьѣ, я лично глубоко убѣжденъ, что конфликтъ этотъ можно только отложить, но не устранить.

Да не посѣтуетъ читатель, если въ письмѣ объ американской злобѣ дня я коснусь современнаго положенія Россіи. Смѣю завѣрить, что я это дѣлаю съ тяжелымъ сердцемъ. До прошлой осени довольно продолжительное время русскія дѣла не особенно интересовали здѣшнюю широкую публику, благодаря отчасти — нѣкоторому въ нихъ затишью, отчасти—происходившей здѣсь своей политической кампаніи. Но въ прошломъ сентябрѣ русское правительство потребовало выдачи арестованныхъ по его представленіямъ сперва въ г. Нью-Іоркѣ нѣкоего Яна Пурена, а затѣмъ въ г. Чикаго нѣкоего Христіана Рудовича, 17-ти-лѣтняго юноши, революціонеровъ изъ прибалтійскаго

края, обвиняемыхъ въ убійствахъ и другихъ преступленіяхъ. Незадолго передъ тѣмъ, въ маѣ мѣсяцѣ, была выдана довольно скоро и безъ особыхъ затрудненій извѣстная Ольга Штейнъ, хотя и съ существеннымъ ограниченіемъ ея подсудности. Русское правительство употребляетъ въ такихъ случаяхъ извѣстныхъ, дорогихъ мѣстныхъ адвокатовъ и обставляетъ дѣла довольно обстоятельно. Сначала и дѣла о выдачѣ Пурена и Рудовича шли какъ по маслу, и федеральные коммиссары, заслушавшіе ихъ, постановили опредѣленія о выдачѣ—но тѣмъ временемъ дѣлами этими заинтересовалось общественное мнѣніе, и нашлись свидѣтели, показывавшіе подъ присягой, что если даже и допустить, что они оба принимали участіе въ преступленіяхъ, въ которыхъ они обвиняются, то самыя преступленія были отнюдь не уголовнаго, а безусловно политическаго характера. Въ разныхъ городахъ организовались лиги защиты не только Пурена и Рудовича, но и другихъ, могущихъ впослѣдствіи быть привлеченными русскимъ правительствомъ, политическихъ обвиняемыхъ, были собраны значительныя суммы денегъ на защиту, и къ ней были привлечены такія здѣшнія знаменитости, какъ членъ конгресса Гербертъ Парсонсъ и чикагскій адвокатъ Дарроу. Ими были поданы апелляціи на постановленія коммиссаровъ, и въ то же время на президента Рузевельта посыпались со всѣхъ концовъ Союза петиціи о необходимости пересмотра дѣла, подписанныя почти ста тысячами гражданъ. Обѣ апелляціи были своевременно уважены подлежащими властями и на этотъ разъ было предписано разсмотрѣть дѣла и по существу, то-есть опредѣлить характеръ преступленій—политическій или уголовный. Разбирательство продолжалось въ Нью-Іоркѣ и Чикаго по нѣскольку недѣль; искусные защитники разыскали множество свидѣтелей, знакомыхъ лично съ современными русскими порядками вообще и съ „усмиреніемъ“ прибалтійскаго края въ особенности. Изъ ихъ показаній выросли поразительныя картины. Представители русскаго правительства ничего не могли опровергнуть, и въ концѣ концовъ получились настоящіе обвинительные акты и противъ дѣйствующей въ Россіи правительственной системы, и противъ употребляемыхъ ею пріемовъ. Въ дѣлѣ Рудовича было доказано, что убитые были провокаторами-шпіонами, въ родѣ Азефа, имя котораго теперь ежедневно украшаетъ столбцы нашихъ газетъ. Это дѣло уже закончено отказомъ въ выдачѣ Рудовича, и подсудимый уже освобожденъ. Дѣло Пурена еще продолжается; это—крайне озлобленный человѣкъ, держащій себя на судѣ какъ затравленный волкъ и портящій тѣмъ свои шансы. Оба дѣла почти цѣликомъ возстановили здѣсь ту анти-русскую атмосферу, которая держалась такъ долго и такъ упорно послѣ кишиневскаго погрома. Евреи тутъ совершенно ни при чемъ. Наше

общественное мнѣніе, горячо симпатизируя русскому политическому освободительному движенію, относилось крайне отрицательно ко всевозможнымъ радикальнымъ эксцессамъ. Дѣла Пурена и Рудовича выяснили обратную сторону медали, т.-е. эксцессы власти. Близорукость представителей русскаго правительства, завѣдывавшихъ этими дѣлами, превосходитъ всякое вѣроятіе. Они должны были предвидѣть какъ ходъ дѣлъ, такъ и ихъ результатъ. Понадобилось, вѣроятно, доказать, что властная рука достаточно длинна, чтобы достать кого нужно и изъ-за океана. Упущено было изъ виду, что въ Америкѣ теперь проживаютъ свыше двухъ милліоновъ русскихъ эмигрантовъ и что въ изобразителяхъ русскихъ порядковъ недостатка не будетъ, разъ ихъ станутъ тревожить и въ Америкѣ. А между тѣмъ еще недавно тѣ же элементы собирались затравить П. Н. Милюкова только за то, что онъ прочелъ въ Нью-Іоркѣ безусловно корректную лекцію о русскихъ дѣлахъ!

На дняхъ мнѣ пришлось вести и объ этихъ дѣлахъ, и о русскихъ порядкахъ вообще длинный разговоръ съ однимъ выдающимся государственнымъ человѣкомъ изъ Вашингтона. Онъ, какъ и большинство крупныхъ американскихъ дѣятелей, очень консервативенъ и весьма обстоятеленъ: любитъ добираться до сущности всякаго дѣла. Я знакомъ съ нимъ давно и близко, главнымъ образомъ потому, что онъ искренній руссофилъ—за послѣдніе годы большая у насъ рѣдкость. Онъ всегда интересовался русскими дѣлами, заѣзжая изрѣдка въ нашъ городъ, чтобы подѣлиться со мной впечатлѣніями и свѣдѣніями. Дѣла Пурена и Рудовича, за которыми онъ внимательно слѣдилъ, очень его смутили. Многое, что̀ я высказалъ выше, навѣяно, до извѣстной степени, его мыслями.

— „У насъ въ Вашингтонѣ очень много говорили объ этихъ разоблаченіяхъ. Опростоволосились ваши власти. Раскрылось многое, чему и вѣрить страшно. Вотъ хотя бы эта охрана (онъ произноситъ: „окрана“, потому что на англійскомъ языкѣ это неизвѣстное и непереводимое на него понятіе пишется okhrana).—Что это такое?“

Я изложилъ мое пониманіе этого чисто россійскаго, какъ самоваръ, изобрѣтенія.

— „И вы говорите, ихъ нѣсколько родовъ?

— „Да. Охрана чрезвычайная, усиленная, обыкновенная, военное положеніе; не могу точно припомнить, что̀ еще.

— „И при каждомъ родѣ охраны мѣняются законы?

— „Мѣняются, насколько мнѣ извѣстно, не законы, а предѣлы власти извѣстнаго начальства. Что̀ дозволяется обывателю при одномъ родѣ, воспрещается при другомъ. При извѣстныхъ условіяхъ высшіе сорта охраны создаютъ безотвѣтственный административный произволъ.

Самая смертная казнь—почти всецѣло порожденіе исключительныхъ положеній, такъ какъ въ общемъ уголовномъ уложеніи ей отведено очень небольшое мѣсто.

— „Кто же распредѣляетъ эти сорта охраны? Дума?

— „Нѣтъ, правительство.

— „Да вѣдь въ Россіи конституція? Я вожу съ собой точный переводъ указа 17-го октября 1905 г. и знаю его наизусть.

— „Правительство смотритъ на дѣло иначе. Вотъ что сказалъ премьеръ Столыпинъ въ своей деклараціи 13-го ноября 1907 г. третьей Думѣ“—и я отыскалъ и перевелъ моему собесѣднику конецъ этого документа.

— „Можетъ-быть это невѣрно передано? Газетная передача?

— „Нѣтъ, мой переводъ вполнѣ вѣренъ; я слышалъ все это лично, такъ какъ присутствовалъ въ этотъ день въ Думѣ, а у г. Столыпина отличная дикція и сильный голосъ.

— „Какъ же это—абсолютизмъ и новый представительный строй? Вѣдь это же несовмѣстимо?“

Я могъ только безпомощно развести руками.

— „Не понимаю я этого, воля ваша. Однако я опять объ охранѣ. Что-жъ, на какую часть Россіи она наложена?“

Я показалъ ему карту, раскрашенную разными цвѣтами, смотря по роду положеній и охранъ, тяготѣющихъ надъ различными частями имперіи. Только полярныя тундры да Киргизъ-Кайсацкіе пески и живутъ нормальной жизнью.

— „Это значитъ—вездѣ?

— „Смотрите сами“—и я выяснилъ значеніе красокъ.

— „Если я убью человѣка здѣсь—онъ ткнулъ пальцемъ въ Печорскіе лѣса—меня повѣсить нельзя, а если тутъ—онъ неопредѣленно махнулъ всей рукой—можно?

— „Этого сказать опредѣленно нельзя. Все будетъ зявисѣть отъ усмотрѣнія начальства. Даже при чрезвычайной охранѣ вопросъ о преданіи тому или другому суду разрѣшается начальствомъ совершенно произвольно“. И я передалъ ему сущность и ходъ дѣлъ братьевъ Коваленскихъ и Фурмана.

— „Вы говорите, что при приговорѣ по извѣстнымъ статьямъ смертная казнь для военнаго суда обязательна, тогда какъ обыкновеннымъ уголовнымъ судамъ она почти неизвѣстна. Значитъ, выбирая тотъ или другой судъ, въ сущности генералъ-губернаторъ имѣетъ право вѣшать людей? Такъ я васъ понимаю?

— „На практикѣ выходитъ именно такъ. И имѣйте въ виду, что такихъ статей много, что онѣ очень растяжимы, и что при извѣст-

номъ усердіи подъ нихъ можно подвести почти все что угодно—покушенія и даже приготовленія.

— „Знаете, я задавалъ вамъ эти вопросы, потому что желалъ провѣрить все засѣвшее у меня въ головѣ изъ дѣлъ Цурепа и Рудовича. Хотя цѣлая масса свидѣтелей, и подъ присягой, показывала одно и то же, совершенно одинаково, все это казалось такъ невѣроятнымъ, такъ невозможнымъ казалось, чтобы полуторасто-милліонная нація въ XX-мъ столѣтіи могла жить при такихъ условіяхъ, что всѣ мы въ Вашингтонѣ были больше чѣмъ смущены. Европейское равновѣсіе сильно нарушено, намъ прямо невыгодно дѣлать Россіи затрудненія. Но вѣдь это же невозможно! Чего же правительство можетъ ждать при такой политикѣ? Это ужъ не консерватизмъ, а что-то непостижимое“.

Разговоръ перешелъ на кіевскія, московскія, туркестанскія и всяческія другія разоблаченія послѣдняго времени, на дѣла Лопухина и Азефа. Читатель долженъ принять въ соображеніе, что помимо серьезныхъ и добросовѣстныхъ телеграфныхъ агентствъ, въ родѣ American Associated Press, въ Америкѣ есть немало сознательно сенсаціонныхъ мутныхъ источниковъ новостей, и что американская такъ называемая „желтая“ пресса, составляющая добрую треть всей нашей печати, особенно падка именно на такого рода извѣстія. Здѣсь современная Россія рисуется еще болѣе мрачными красками—а въ наше время даже серьезнѣйшіе государственные люди не могутъ вполнѣ игнорировать эту прессу, такъ какъ ею только и питается значительная часть населенія... Къ концу нашего свиданія мой собесѣдникъ сильно затужилъ, что отразилось и на моемъ настроеніи. Впрочемъ, въ послѣднее время думы и разговоры о Россіи неизмѣнно нагоняютъ на меня ужаснѣйшую тоску.

П. А. Тверской.

6 февраля.
г. Лосъ-Анжелесъ, Калифорнія.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1909 г.

Международныя волненія по поводу балканскихъ дѣлъ.—Большія и маленькія державы.—Турецкій парламентъ и младотурки.—Марокккское соглашеніе и германская политика.—Аграріи и мнимый „блокъ".—Опять полемика о Вильгельмѣ II.

Западно-европейская дипломатія была сильно озабочена въ послѣднее время; международное положеніе считалось крайне натянутымъ, и опасность войны серьезно обсуждалась въ газетахъ разныхъ странъ. Говорили о настойчивыхъ совѣтахъ миролюбія, съ которыми нейтральныя великія державы предполагали обратиться къ правительствамъ заинтересованныхъ балканскихъ государствъ. За границей было съ радостнымъ облегченіемъ принято извѣстіе, что Россія, послѣ долгихъ колебаній рѣшила принять участіе въ этихъ мирныхъ усиліяхъ, которыя могли оказаться дѣйствительными только при полномъ единодушіи кабинетовъ. Но огромная масса публики съ недоумѣніемъ слѣдила за газетными отчетами и телеграммами о тревожныхъ симптомахъ, замѣчаемыхъ въ Бѣлградѣ; никто въ сущности не понималъ, какимъ образомъ маленькая Сербія можетъ угрожать общему миру Европы и почему наступательныя австрійскія мѣры на Балканахъ должны вызывать совѣты миролюбія спеціально по адресу сербскаго правительства. Дипломаты съ серьезнѣйшимъ видомъ утверждали, что война неминуемо вспыхнетъ, если не будутъ предприняты коллективные успокоительные шаги противъ Сербіи, и свѣдущіе газетные публицисты дѣлали видъ, что вѣрятъ въ эту сербскую опасность, которую необходимо, будто бы, устранить внѣшнимъ вмѣшательствомъ. Сербія была источникомъ общей тревоги; она вооружалась, собирала свои войска, увлекалась патріотическими чувствами и планами, протестовала противъ присоединенія Босніи и Герцеговины къ Австро-Венгріи и требовала для себя соотвѣтственныхъ компенсацій,— но она дѣлала все это только потому, что чувствовала надъ собою грозные удары австрійскаго могущества и должна была по неволѣ выступить на защиту сербской народности противъ австрійскихъ посягательствъ. Австро-Венгрія принимала военныя мѣры для усмиренія непокорныхъ боснійскихъ славянъ, посылала свои войска на сербскую границу, гро-

зила Сербіи и Черногоріи военною экзекуціею за ихъ симпатіи къ боснякамъ и герцеговинцамъ,—и тѣмъ не менѣе источникъ военныхъ опасеній предполагался въ Бѣлградѣ, а не въ Вѣнѣ. Австрійская дипломатія съ самаго начала возбужденнаго ею балканскаго кризиса приняла удивительно высокомѣрный тонъ не только по отношенію къ Турціи и къ сосѣднимъ балканскимъ государствамъ, но и относительно Россіи, Франціи и Англіи, считавшихъ своимъ долгомъ заступиться за берлинскій трактатъ. Съ перваго момента было ясно, что Австро-Венгрія безъ достаточной къ тому надобности нарушила установленный порядокъ на Балканскомъ полуостровѣ и взволновала своими дѣйствіями весь южно-славянскій міръ; но такъ какъ монархія Габсбурговъ есть великая держава, находящаяся въ союзѣ съ Германіею, то она можетъ располагать международнымъ правомъ по своему усмотрѣнію, не обращая вниманія на требованія и интересы другихъ государствъ, особенно такихъ незначительныхъ, какъ Сербія. Мало-помалу дѣло повернулось такимъ образомъ, что нарушеніе общаго мира на Балканахъ исходило именно отъ этихъ небольшихъ славянскихъ государствъ. Противъ нихъ былъ направленъ весь внушительный аппаратъ международныхъ дипломатическихъ воздѣйствій во имя сохраненія спокойствія Европы.

Принципъ господства силы надъ правомъ давно уже не проявлялся въ международныхъ отношеніяхъ съ такою грубою откровенностью, какъ въ боснійско-сербскомъ вопросѣ. Само собою разумѣется, что воинственныя волненія Сербіи не представляли никакой опасности для Австро-Венгріи; сербы и черногорцы, конечно, не стали бы нападать на имперію Габсбурговъ, и австрійцы не имѣли повода бояться такого нападенія. Съ другой стороны, вѣнскій кабинетъ открыто готовился къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Сербіи и даже заранѣе называлъ этотъ военный походъ простою оккупаціею страны, какъ будто не допуская мысли о сопротивленіи сербскаго войска и народа. Для избѣжанія этой крутой австрійской расправы предлагалось оказать совмѣстное дипломатическое давленіе на Сербію, чтобы побудить ее смириться и не раздражать Австро-Венгрію. По здравому смыслу надо было прежде всего повліять на вѣнскую дипломатію, уговорить ее воздержаться отъ рѣзкихъ мѣръ и напомнить о чувствѣ справедливости, обязательномъ для сильнаго по отношенію къ слабому. Однако, нельзя было обращаться съ подобными уговорами къ Австро-Венгріи, ибо союзная съ нею Германія категорически отклоняла всякое въ нихъ участіе, а безъ участія Берлина эти обращенія были бы безцѣльны; вѣнскій кабинетъ принялъ бы ихъ за обиду, и положеніе еще болѣе запуталось бы. Если же нельзя подѣйствовать на сильнаго,

то приходится ограничить и обуздать слабаго. Такова логика современной международной практики.

Эта своеобразная политическая этика чрезвычайно тяжело отзывается на народахъ, имѣющихъ несчастіе жить рядомъ съ болѣе могущественными враждебными націями. Сербія пережила и продолжаетъ переживать острый политическій кризисъ подъ гнетомъ событій, не ею вызванныхъ, но затронувшихъ ея завѣтнѣйшіе національные интересы. Австрійскія угрозы только возбуждали и усиливали порывы сербскаго патріотизма; внѣшняя опасность впервые заставила сербскія политическія партіи отказаться отъ взаимной розни и объединиться подъ общимъ національнымъ знаменемъ. Сербія не могла пассивно оставаться въ сторонѣ при рѣшеніи судьбы боснійскихъ ея соплеменниковъ; она не могла подчиниться произвольнымъ австрійскимъ требованіямъ и отречься отъ всего своего будущаго. Прямая борьба не обѣщала ничего, кромѣ пораженія и гибели; надежды на русскую помощь были крайне сомнительны. Объединеніе всѣхъ партій было естественнымъ общимъ лозунгомъ народа, и такое объединеніе осуществилось съ образованіемъ министерства Новаковича. Въ засѣданіи сербской скупштины, 25 (12) февраля, новый министръ-президентъ прочиталъ декларацію, которая удостоилась всеобщаго восторженнаго одобренія и сочувствія. „Необыкновенный составъ правительства изъ дѣятелей всѣхъ партій — говорилось въ этой декларации — соотвѣтствуетъ настоятельной потребности согласія внутри страны и защиты сербскихъ интересовъ извнѣ. Съ нѣкоторыхъ сторонъ дѣлается попытка оспаривать естественное право Сербіи на дальнѣйшее существованіе, обезпеченное международными договорами. Національная скупштина извлекла программу внѣшней политики Сербіи изъ сердца сербскаго народа. Требованія, заключающіяся въ этой программѣ какъ для Сербіи, такъ и для Черногоріи, равно какъ и основанія нашего права и нашихъ интересовъ, будутъ въ скоромъ времени представлены на судъ Европы. Образованіе новаго объединеннаго правительства должно служить доказательствомъ того единодушія, съ какимъ сербскій народъ ставитъ свой національный вопросъ предъ лицомъ Европы. Корни этого національнаго вопроса не могутъ быть вырваны изъ сердца сербскаго народа и сохранятъ свою силу, пока хоть одинъ сербъ останется на этомъ свѣтѣ. Посвящая всѣ свои заботы внѣшнимъ дѣламъ и защитѣ сербскихъ интересовъ предъ европейскими великими державами, правительство будетъ опираться при этомъ на всеобщее согласіе и разсудительность населенія. Рѣшившись твердо охранять конституцію и законы, оно взываетъ ко всѣмъ сербамъ, чтобы они облегчили задачу правительства исполненіемъ своего гражданскаго долга, такъ какъ только этимъ путемъ будетъ создана надежная почва для лучшей бу-

душности Сербіи. Мы должны проникнуться сознаніемъ высшаго долга предъ отечествомъ, предъ священными преданіями нашего народа и предъ наслѣдіемъ нашихъ геройскихъ предковъ, имѣя неизмѣнно въ виду жизненные интересы родины". Председатель скупштины предложилъ распространить заявленіе правительства во всей странѣ, путемъ расклейки печатныхъ афишъ во всѣхъ сельскихъ и городскихъ общинахъ, и это предложеніе было единогласно принято скупштиною.

Очевидно, Сербія твердо желаетъ сдѣлать все возможное для удовлетворенія своего національнаго чувства, — но вопросъ именно въ томъ, что для нея возможно и доступно при данныхъ обстоятельствахъ. Министерство Новаковича считалось министерствомъ войны, и его программа предвѣщаетъ серьезныя внѣшнія осложненія; но въ этой программѣ нѣтъ даже отдаленнаго намека на то, что Сербія пойдетъ на встрѣчу событіямъ или возьметъ на себя иниціативу въ какомъ бы то ни было отношеніи. Ходъ событій, направленіе ихъ въ духѣ мира или войны всецѣло зависитъ отъ Австро-Венгріи. Сербія намѣрена отстаивать свои интересы и требованія предъ великими державами; она разсчитываетъ добиться территоріальнаго вознагражденія въ Новобазарскомъ санджакѣ, но воевать она не думаетъ, пока не принудятъ ее къ тому австрійцы. Для вѣнскаго кабинета сербскія домогательства и стремленія въ высшей степени неудобны уже потому, что они не даютъ успокоиться боснякамъ и герцеговинцамъ и мѣшаютъ мирному осуществленію „аннексіи". Австро-Венгрія желала бы разрубить гордіевъ узелъ быстрымъ выступленіемъ противъ Сербіи, и она легко могла бы рѣшиться на это, не опасаясь никакихъ послѣдствій. Установилось такое международное положеніе, что ни одна изъ великихъ державъ не имѣла бы возможности активно заступиться за сербовъ. Австрійцы на глазахъ Европы расправились бы съ Сербіею и Черногоріею и заняли бы эти страны; вмѣшательство какого-либо посторонняго государства тотчасъ заставило бы Германію принять сторону Австро-Венгріи, въ силу существующаго между обѣими имперіями союзнаго договора. Еслибы вмѣшалась Россія, противъ нея выступила бы Германія, и въ такомъ случаѣ для Франціи возникла бы обязанность дѣйствовать за-одно съ Россіею; къ Германіи присоединилась бы Италія, и разгорѣлась бы общая европейская война безъ всякой цѣли и смысла — война, которая, быть можетъ, оказалась бы роковою не для одной только Сербіи. Понятно, что никто не хочетъ и думать о подобной катастрофѣ изъ-за сербскихъ притязаній, хотя бы и самыхъ законнѣйшихъ. Еслибы Сербія очутилась въ положеніи воюющей стороны относительно Австро-Венгріи, то политика Россіи подверглась бы большому испытанію: безучастно смотрѣть на раз-

громъ сербскаго королевства было бы трудно или почти невозможно, а путь для прямого заступничества былъ бы закрытъ страхомъ всеобщей войны. Вотъ почему всѣ европейскіе кабинеты заинтересованы въ томъ, чтобы Сербія смирилась и молчала, и чтобы она не надѣялась на чью-либо помощь въ случаѣ вооруженнаго столкновенія съ австрійцами. Сербскіе правители и патріоты упорно разсчитывали на Россію, и ничѣмъ нельзя было бы уничтожить эти разсчеты, еслибы русская дипломатія окончательно уклонилась отъ участія въ миролюбивыхъ представленіяхъ державъ въ Бѣлградѣ. Въ концѣ концовъ намъ ничего не оставалось дѣлать, какъ присоединиться къ хору „успокоителей" Сербіи, и мы вынуждены были въ данномъ случаѣ поступить нелогично и непослѣдовательно, чтобы предупредить опасность войны въ самомъ зародышѣ. Въ какой формѣ наша дипломатія исполнила свою задачу въ Бѣлградѣ, дѣйствовала ли она отдѣльно или совмѣстно съ представителями другихъ державъ, — это безразлично; но сербы уже знаютъ, что мысль о территоріальномъ вознагражденіи должна быть оставлена и что при серьезномъ конфликтѣ съ Австро-Венгріею никакой активной поддержки Россія имъ оказать не можетъ.

Почти одновременно съ подготовкою почвы для австро-сербскаго компромисса, состоялось въ Константинополѣ подписаніе протокола, которымъ закончились продолжительные переговоры о соглашеніи между Турціею и Австро-Венгріею. Протоколъ, подписанный 26 (13) февраля австро-венгерскимъ посломъ, маркизомъ Паллавичини, и великимъ визиремъ Хильми-пашою, заключаетъ въ себѣ девять статей, содержаніе которыхъ мало отличается отъ предварительнаго текста, указаннаго нами въ прошломъ обозрѣніи. Всѣ прежніе акты и конвенціи, какъ и всѣ существующія постановленія и обязательства относительно Босніи и Герцеговины, насколько они противорѣчатъ факту присоединенія ихъ къ Австро-Венгріи, считаются отмѣненными, и оттоманское правительство оффиціально признаетъ новый австрійскій порядокъ вещей въ обѣихъ провинціяхъ. Жители Босніи и Герцеговины становятся австрійскими подданными; только босняки-мусульмане, происходящіе изъ Турціи, сохраняютъ оттоманское подданство. Въ остальныхъ параграфахъ говорится о денежномъ вознагражденіи за государственныя имущества въ предѣлахъ обѣихъ провинцій, о будущемъ торговомъ трактатѣ, о повышеніи ввозныхъ пошлинъ, о созданіи новыхъ монополій, объ упраздненіи австрійскихъ торговыхъ учрежденій въ Турціи и о предположенной Портою отмѣнѣ особыхъ договорныхъ привилегій иностранцевъ, съ подчиненіемъ послѣднихъ общему международному режиму, на началахъ взаимности. Заключивъ эту сдѣлку съ Турціею и избавившись такимъ образомъ отъ разори-

тельнаго перерыва торговыхъ сношеній съ ближнимъ Востокомъ; вѣнскій кабинетъ можетъ теперь спокойнѣе распутать свои споры съ Сербіею и Черногоріею, при благосклонномъ содѣйствіи иностранныхъ правительствъ, заинтересованныхъ въ сохраненіи мира на Балканскомъ полуостровѣ. Эти же правительства успѣшно хлопочутъ о мирномъ окончаніи болгаро-турецкой распри, причемъ наиболѣе дѣятельная роль выпадаетъ на долю русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Для облегченія финансоваго соглашенія между Турціею и Болгаріею Россія предложила комбинацію, удобную повидимому для обѣихъ сторонъ и не особенно обременительную для самой Россіи: ежегодные платежи, слѣдуемые русскому правительству въ уплату турецкой контрибуціи, по 7 милліоновъ франковъ въ годъ, засчитываются въ погашеніе суммы, которую Болгарія должна уплатить Турціи взамѣнъ дани отъ Восточной Румеліи и въ вознагражденіе за желѣзныя дороги этой области, до суммы 82 милліоновъ франковъ, и эта сумма, вмѣстѣ съ остальными 18 милліонами, добывается турецкимъ правительствомъ сразу путемъ займа, подъ обезпеченіе тѣхъ же податныхъ источниковъ, которыми гарантируется теперь правильность срочныхъ взносовъ въ счетъ контрибуціи черезъ оттоманскій банкъ. Болгарія съ своей стороны уплачиваетъ Россіи ежегодно приблизительно столько же, сколько прежде вносила Турція. Объ условіяхъ и подробностяхъ проектированной сдѣлки ведутся еще переговоры, но такъ или иначе турецко-болгарскій споръ близится къ разрѣшенію. Россія сдѣлала также первый шагъ къ формальному признанію независимости Болгаріи и новаго титула ея правителя, по поводу поѣздки „короля“ Фердинанда въ Петербургъ. Такимъ образомъ, три главные элемента новѣйшаго кризиса на Балканахъ—боснійско-сербскій, австро-турецкій и турецко-болгарскій—постепенно утрачиваютъ свою остроту, и весь балканскій вопросъ опять отойдетъ временно на задній планъ, до новыхъ замѣшательствъ и осложненій.

Нѣкоторое смягченіе обострившихся внѣшнихъ и внутреннихъ вопросовъ тѣмъ важнѣе для Турціи, что процессъ обновленія ея государственнаго строя находится еще пока въ своемъ первомъ, вступительномъ фазисѣ. Конституція и парламентъ далеко еще не могутъ считаться обезпеченными отъ всякихъ случайностей, и это наглядно показалъ недавній крупный инцидентъ съ великимъ визиремъ, Кіамилемъ-пашой. Въ концѣ января великій визирь, который при своемъ конституціонномъ либерализмѣ сохранилъ однако многія старыя связи и симпатіи, сталъ принимать мѣры къ удаленію изъ столицы войскъ, преданныхъ младотуркамъ, и для этого, между прочимъ, неожиданно смѣнилъ министровъ военнаго и морского. Офицеры арміи и флота заволновались; они заподозрили попытку государственнаго переворота

и немедленно рѣшили предоставить себя въ распоряженіе парламента. Запросъ по поводу дѣйствій Кіамиля-паши долженъ былъ обсуждаться въ палатѣ 13 февраля (31 января), но великій визирь прислалъ письмо, въ которомъ извиняется за неявку по недостатку времени и оправдываетъ сдѣланныя распоряженія. Уволенные министры, по его словамъ, добровольно вышли въ отставку, а вновь назначенные замѣстители ихъ вполнѣ достойны занять предоставленныя имъ должности. Обсужденіе министерскихъ перемѣнъ представляется ему въ данный моментъ несвоевременнымъ. Что касается стрѣлковыхъ баталіоновъ, то ихъ вовсе не предполагалось удалить изъ Стамбула. Письмо подѣйствовало на палату своею кажущеюся искренностью и вызвало одобреніе, которое продолжалось недолго; вслѣдъ затѣмъ было получено и прочитано сообщеніе бывшаго военнаго министра о томъ, что онъ не подавалъ въ отставку, а былъ уволенъ. Съ своей стороны и морской министръ сообщаетъ о себѣ то же самое. Одинъ изъ депутатовъ произноситъ рѣчь, въ которой называетъ Кіамиля лжецомъ, такъ какъ изъ безспорныхъ документовъ видно, что стрѣлковые баталіоны были назначены къ удаленію въ провинцію. Нѣкоторые либеральные депутаты защищаютъ Кіамиля, другіе обвиняютъ его въ измѣнѣ. Палата постановила вызвать великаго визиря въ засѣданіе по телефону и черезъ разсыльнаго; послѣ перерыва получилось отъ него второе посланіе, гдѣ онъ подтверждаетъ, что можетъ явиться для отвѣта не раньше среды и что, впрочемъ, онъ готовъ выйти въ отставку, если палата пожелаетъ принять на себя отвѣтственность за послѣдствія. Начались продолжительныя пренія; группа депутатовъ вноситъ предложеніе выразить великому визирю недовѣріе. Большинствомъ 198 противъ 8 голосовъ принимается вотумъ недовѣрія; президентъ уполномочивается довести объ этомъ до свѣдѣнія султана, и вмѣстѣ съ тѣмъ ему же, президенту, поручается забота о поддержаніи порядка и спокойствія впредь до назначенія новаго великаго визиря. По мѣрѣ того какъ выясняется двусмысленность дѣйствій Кіамиля-паши, настроеніе въ городѣ и въ парламентѣ дѣлается болѣе тревожнымъ; но сознательная твердость и самообладаніе господствующей партіи помогаютъ странѣ съ честью выйти изъ внезапно разыгравшагося кризиса. Султанъ принялъ отставку Кіамиля и назначилъ на его мѣсто бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, Хильми-пашу, пріобрѣвшаго широкую извѣстность въ качествѣ генералъ-инспектора трехъ вилайетовъ Македоніи.

Младотурецкій комитетъ продолжаетъ стоять на стражѣ добытыхъ политическихъ вольностей; парламентъ не поддается внушеніямъ лукавыхъ министровъ, и сами правительственные дѣятели новаго типа ставятъ общіе интересы впереди частныхъ и личныхъ, вслѣдствіе чего

и результаты получаются вполнѣ утѣшительные. По обыкновенію, сторонники стараго режима воспользовались случаемъ, чтобы обвинить младотурокъ въ преступныхъ замыслахъ противъ султана; комитетъ тотчасъ обнародовалъ заявленіе, въ которомъ рѣшительно опровергаются всякіе подобные слухи, причемъ дѣлается ссылка на внутренній регламентъ партіи и на отдѣльныя постановленія ея съѣздовъ, предписывающія сохранять неприкосновенными права султана и законный порядокъ престолонаслѣдія. Партія боролась противъ самодержавія, но не противъ династіи, и злонамѣренныя обвиненія, періодически выдвигаемыя противъ младотурокъ, придумываются лишь „врагами человѣчества и оттоманства". Очевидно, и султанъ Абдулъ-Гамидъ примирился съ своею новою конституціонною ролью и пересталъ обнаруживать враждебную подозрительность по отношенію къ новымъ руководителямъ государственной власти; во всякомъ случаѣ онъ лично только выигралъ отъ происшедшей перемѣны, такъ какъ получилъ возможность выходить иногда на свѣтъ Божій и видѣть настоящихъ, обыкновенныхъ людей, а не однихъ евнуховъ и придворныхъ лакеевъ.

Въ области общихъ международныхъ отношеній въ Европѣ достигнутъ одинъ весьма важный результатъ, мало замѣченный и недостаточно оцѣненный общественнымъ мнѣніемъ: марокскій вопросъ, долго служившій яблокомъ раздора между Франціею и Германіею, окончательно теряетъ свое прежнее значеніе для обѣихъ державъ и въ этомъ смыслѣ сходитъ со сцены боевой европейской политики. Переговоры относительно Марокко велись въ Берлинѣ между канцлеромъ Бюловомъ и статсъ-секретаремъ иностранныхъ дѣлъ фонъ-Шёномъ, съ одной стороны, и французскимъ посломъ Жюлемъ Камбономъ—съ другой, въ теченіе болѣе мѣсяца. По странному совпаденію они закончились подписаніемъ соотвѣтственной деклараціи тотчасъ послѣ прибытія короля Эдуарда съ супругою въ Берлинъ, въ самый день 9 февраля.

Текстъ деклараціи отличается выразительною краткостью. „Правительство Французской республики и императорское германское правительство, воодушевленныя одинаковымъ желаніемъ облегчить примѣненіе Алжесиразскаго акта, согласились точнѣе установить смыслъ, придаваемый ими отдѣльнымъ его параграфамъ, съ цѣлью избѣжать всякаго повода къ недоразумѣніямъ между обѣими сторонами въ будущемъ. Согласно съ этимъ, правительство Французской республики, стремясь къ поддержанію цѣлости и независимости шерифской (Марокской) имперіи, имѣя въ виду сохранять тамъ экономическое равенство и, слѣдовательно, не препятствовать нѣмецкимъ торговымъ и

промышленнымъ интересамъ, — и императорское германское правительство, преслѣдуя лишь экономическіе интересы въ Марокко, признавая съ другой стороны, что особые политическіе интересы Франціи тѣсно связаны тамъ съ упроченіемъ порядка и внутренняго мира, и имѣя въ виду не препятствовать этимъ интересамъ,—объявляютъ, что не будутъ проводить и поощрять никакихъ мѣръ, способныхъ создать въ ихъ пользу или въ пользу какой-либо другой державы экономическое преимущество, и что будутъ стараться привлекать соотечественниковъ другой стороны къ дѣламъ, веденіе которыхъ можетъ достаться ихъ собственнымъ соотечественникамъ".

Сущность соглашенія сводится къ тому, что Германія оставляетъ за собою равноправность и свободу дѣйствій въ Марокко исключительно въ области торгово-промышленныхъ интересовъ, а за Франціею признается, сверхъ того, право охранять и поддерживать свои особые политическіе интересы, не поддающіеся болѣе точному опредѣленію и не подлежащіе никакому постороннему контролю. Отказываясь отъ ненужнаго соперничества съ Франціею въ марокkской политикѣ, Германія уничтожаетъ источникъ постоянныхъ взаимныхъ раздраженій и неудовольствій, орудіе ядовитыхъ придирокъ и споровъ, не разъ доводившихъ обѣ стороны до серьезнаго дипломатическаго конфликта. И безъ того Франція и Германія имѣютъ достаточно поводовъ къ взаимному антагонизму, скрытому и явному, и такой искусственно созданный разсадникъ недоразумѣній, какъ марокскій вопросъ, былъ уже совершенно лишнимъ зловреднымъ наростомъ на международной политикѣ Европы.

Хотя пріѣздъ англійскаго короля въ Берлинъ не имѣлъ прямой связи съ марокскимъ соглашеніемъ, но въ послѣднемъ несомнѣнно чувствовалось вліяніе усилившейся англо-германской дружбы. Прежняя натянутость между Германіею и Англіею уступила мѣсто дѣловому сближенію, которое при личномъ участіи короля Эдуарда пріобрѣтало характеръ болѣе интимный, захватывая не только дипломатическія, но и придворныя и фамильно-династическія сферы. Такъ какъ въ марокскихъ дѣлахъ Англія вполнѣ солидарна съ Франціею, то окончательное мирное разрѣшеніе этого спорнаго между правительствами германскимъ и французскимъ вопроса было въ высшей степени желательно и для англичанъ. Франко-германская декларація была дѣйствительно пріятнымъ подаркомъ для британскихъ гостей, въ числѣ которыхъ находился и товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, сэръ Гардингъ. Какъ ни иронизируютъ многіе надъ постоянно путешествующимъ „дядюшкой Эдомъ", но нельзя отрицать, что его разъѣзды и визиты часто приносятъ пользу не только внѣшнимъ интересамъ

Англіи, но и интересамъ другихъ державъ—чего нельзя сказать о путешествіяхъ его племянника, императора Вильгельма.

Въ Германіи либеральныя партіи любятъ постоянно дѣлать одни и тѣ же наблюденія и выводы, чтобы затѣмъ имѣть поводъ повторять тѣ же старыя ошибки. Органы прогрессистовъ и свободомыслящихъ всегда охотно занимаются критикою дѣйствій и рѣчей консерваторовъ и аграріевъ; бравые представители прусскаго помѣщичьяго дворянства или „юнкерства" даютъ обыкновенно богатѣйшій матеріалъ для хроники буржуазныхъ газетъ и для остроумія ихъ передовыхъ публицистовъ. Въ февралѣ происходилъ въ Берлинѣ обычный сельско-хозяйственный или, вѣрнѣе, землевладѣльческій съѣздъ, на которомъ руководящая роль принадлежитъ знаменитому „союзу сельскихъ хозяевъ"—типическому воплощенію системы и духа нѣмецкихъ аграріевъ. Видные дѣятели и ораторы этихъ съѣздовъ пользуются большою популярностью въ господствующихъ классахъ нѣмецкаго общества; многіе изъ нихъ стоятъ близко къ оффиціальному міру и къ придворной аристократіи, и отрицательное отношеніе ихъ къ отдѣльнымъ членамъ правительства обыкновенно считается для послѣднихъ очень опаснымъ симптомомъ. Февральскія собранія „германскаго сельско-хозяйственнаго совѣта" были особенно любопытны потому, что въ нихъ опять замѣчались попытки сближенія между католическою партіею центра и консервативными группами, входящими въ составъ либерально-правительственнаго „блока". Правительство съ своей стороны, въ лицѣ князя Бюлова, проявляло особую любезность и предупредительность по отношенію ко всѣмъ вообще аграріямъ, не отдѣляя центра отъ консерваторовъ. На банкетѣ 17 февраля имперскій канцлеръ произнесъ политическую рѣчь, въ которой прежде всего выразилъ свою солидарность съ основными стремленіями и интересами аграріевъ и затѣмъ коснулся текущихъ вопросовъ высшей политики; въ заключеніе онъ подчеркнулъ свою готовность и надежду дѣйствовать заодно съ представителями германскаго сельскаго хозяйства, чтобы осуществить необходимую реформу имперскаго бюджета и увеличить государственные доходы до требуемаго уровня.

Собравшіеся аграріи дѣятельно обсуждали правительственные проекты преобразованія имперскихъ финансовъ, но не съ той точки зрѣнія, которую рекомендовалъ имъ канцлеръ; они отвергали все то, что невыгодно для крупнаго землевладѣнія, и допускали новые налоги только для промышленности и торговли и отчасти также для массы потребителей. Съ наибольшею рѣзкостью и единодушіемъ высказывались аграріи противъ пошлины съ имуществъ, оставшихся послѣ

смерти владѣльцевъ. По проекту предполагалось, что всякое наслѣдственное имущество, какъ цѣлое, независимо отъ лицъ, къ которымъ оно переходитъ, подлежитъ прогрессивному обложенію въ размѣрѣ отъ 1/2 до 3% съ общей суммы или цѣнности, за вычетомъ долговыхъ обязательствъ, если эта чистая цѣнность наслѣдства превышаетъ двадцать тысячъ марокъ. Эта дополнительная пошлина съ наслѣдства должна была обнимать и имущества, переходящія къ супругамъ и законнымъ дѣтямъ; доходовъ съ нея ожидалось около 84 милліоновъ марокъ. Для недвижимыхъ и сельско-хозяйственныхъ имуществъ назначались разныя льготы и изъятія, которыя, однако, не удовлетворяли оппозицію; самый принципъ новаго обложенія наслѣдствъ возмущалъ землевладѣльцевъ и ихъ единомышленниковъ по аграрной программѣ. Когда престарѣлый профессоръ Адольфъ Вагнеръ, одинъ изъ высшихъ научныхъ авторитетовъ для аграріевъ, заговорилъ въ собраніи „общества хозяйственныхъ и податныхъ реформъ“ о цѣлесообразности новой наслѣдственной пошлины, то присутствовавшіе консерваторы грубо прерывали его и едва позволили ему досказать свою мысль до конца.

На этой почвѣ „юнкерскихъ“ интересовъ и понятій дружно сошлись двѣ родственныя партіи, временно разъединенныя политикою— консерваторы разныхъ оттѣнковъ и клерикалы центра. Это взаимное дружеское сближеніе двухъ главныхъ элементовъ прусско-нѣмецкаго сословнаго консерватизма получило какъ бы оффиціальную санкцію въ торжественномъ собраніи „союза сельскихъ хозяевъ“, 22 февраля, въ циркѣ Буша. Здѣсь говорились горячія и серьезныя рѣчи уже не противъ отдѣльныхъ правительственныхъ законопроектовъ, а противъ общей политики князя Бюлова, противъ его либеральныхъ уступокъ и поползновеній, противъ его системы парламентскаго „блока“, соединяющаго либераловъ съ консерваторами для пользы и удобства правительства, подъ фальшивымъ знаменемъ борьбы противъ реакціоннаго клерикальнаго центра. Предсѣдатель союза, баронъ Вангенгеймъ, откровенно изложилъ свои безусловно отрицательные взгляды на все либеральное движеніе послѣднихъ лѣтъ; онъ рѣшительно протестовалъ противъ реформы избирательной системы въ Пруссіи, противъ демократизаціи имперіи, противъ чрезмѣрныхъ, будто бы, притязаній имперскаго сейма и вообще противъ парламентскаго управленія, которое на дѣлѣ было бы только „правительствомъ толпы“; за то онъ краснорѣчиво превознесъ заслуги германскихъ государей и во главѣ ихъ — Гогенцоллерновъ, какъ представителей сильной и разумной власти. Нѣмецкій народъ, по словамъ барона Вангенгейма, „не хочетъ имѣть только тѣнь императора; онъ хочетъ имѣть императора изъ плоти и крови, съ твердою волею и дѣятельностью“. Ора-

торъ предложилъ собранію послать императору Вильгельму II привѣтственную телеграмму, съ выраженіемъ преданности, что и было принято съ шумнымъ восторгомъ. Депутатъ Рёзике, одинъ изъ руководителей центра, болѣе подробно развилъ нѣкоторыя соображенія, вскользь высказанныя барономъ Вангенгеймомъ. Наконецъ, „директоръ союза сельскихъ хозяевъ", Дидрихъ Ганъ, съ полнымъ удовлетвореніемъ указалъ на внутреннюю силу и мощь объединенныхъ аграріевъ, которые въ союзѣ съ консерваторами и умѣренными либералами, при поддержкѣ центра, могутъ все сдѣлать и всего достигнуть въ современной Германіи; краснорѣчивымъ примѣромъ является судьба проекта наслѣдственной пошлины, уничтоженнаго фактически только усиліями „союза". И въ самомъ дѣлѣ, подъ ударами аграріевъ, проектъ провалился въ разсматривавшей его парламентской коммиссіи, и отъ него тотчасъ же отреклось правительство; имперскій канцлеръ успѣлъ уже намѣтить новые источники обложенія, взамѣнъ отвергнутыхъ, и, конечно, намѣтилъ только такіе налоги, которые падали бы не на высшіе, а преимущественно на низшіе классы,—напр., налогъ на кофе.

Правительство князя Бюлова охотно идетъ навстрѣчу оппозиціи и удивительно быстро подчиняется ея внушеніямъ, когда она состоитъ изъ консерваторовъ и клерикаловъ; но оно пренебрежительно отклоняетъ совѣты и почтительныя просьбы своихъ же собственныхъ союзниковъ въ парламентѣ, когда эти союзники принадлежатъ къ составу либеральныхъ партій. Нѣмецкіе либералы неустанно убѣждаютъ правительство въ разумности и справедливости своихъ требованій; они терпѣливо ждутъ, что доводы ихъ будутъ когда-нибудь приняты и получатъ надлежащее практическое примѣненіе, и эта упорная вѣра въ будущее торжество такъ называемой здравой логики составляетъ вообще характеристическую, несомнѣнно симпатичную и трогательную черту умѣреннаго доктринерскаго либерализма. Консерваторы и аграріи не доказываютъ, а только громко подтверждаютъ свое право и свой интересъ; они ссылаются не на логическіе резоны и не на чувство отвлеченной справедливости, а на свои реальныя, непрерывно осуществляемыя права на господство и на первую роль въ государствѣ. Они не ждутъ и не просятъ, а требуютъ; они не разсчитываютъ на благосклонность или милость правителей, а съ увѣренною настойчивостью предъявляютъ свои домогательства, полагаясь на собственную силу и на свое законное право. Либеральныя газеты предаются теперь грустнымъ размышленіямъ о роковомъ безсиліи прогрессивныхъ партій; онѣ жалуются на судьбу, упрекаютъ правительство и имперскаго канцлера, удивляются незаслуженнымъ успѣхамъ враждебныхъ консервативныхъ группъ и стараются какъ будто внушить публикѣ жалость къ бѣднымъ нѣмец-

кимъ либераламъ, осужденнымъ на вѣчныя неудачи и разочарованія. Читающая публика, быть можетъ, и жалѣетъ либераловъ, но не идетъ за ними, ибо никто не расположенъ играть роль сознательныхъ неудачниковъ. Консервативно-либеральный блокъ—этотъ уродливый продуктъ внутренняго ничтожества нѣмецкаго либерализма—распадается на дѣлѣ всякій разъ, когда затронуты реальные интересы высшихъ классовъ, и опять возстановляется только для того, чтобы правительство имѣло возможность опираться на большинство въ парламентѣ и при случайномъ разногласіи съ партіей центра. „Блокъ" существуетъ только въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ онъ удобенъ для правительства и для консерваторовъ; либералы участвуютъ въ немъ лишь въ качествѣ вотирующаго стада и тотчасъ оставляются въ сторонѣ, когда надобность въ ихъ голосахъ миновала или когда ихъ можно замѣнить болѣе многочисленными голосами центра. Свободомыслящіе, конечно, не могутъ мириться съ такимъ жалкимъ и обиднымъ положеніемъ; но они не сознаютъ и не чувствуютъ, что они сами поставили себя въ это положеніе, и въ этомъ заключается корень ихъ дальнѣйшихъ ошибокъ и неудачъ.

Оживленіе силы юнкерства и аграріевъ, о которомъ говорилъ въ своей рѣчи Дидрихъ Ганъ, сопровождается обычными консервативными фразами и возгласами въ честь короны и ея носителя, Вильгельма II. Чтобы вѣрнѣе обезопасить свои сословные интересы отъ напора возростающей демократіи, аграріи прибѣгаютъ къ старымъ, испытаннымъ пріемамъ, одинаково дѣйствительнымъ въ разныхъ странахъ и при самыхъ различныхъ обстоятельствахъ: они берутъ подъ свою защиту интересы короны и династіи, объявляютъ себя единственными надежными защитниками престола и отечества, запугиваютъ правителей призракомъ неминуемой революціи и самоотверженно предлагаютъ монарху свои фиктивные „земледѣльческіе баталіоны" для успѣшнаго разгрома революціонныхъ баталіоновъ пролетаріата. Въ извѣстной части нѣмецкой печати замѣчается энергическая реакція противъ недавней откровенной критики дѣятельности Вильгельма II; не только консерваторы и аграріи, но и представители центра занялись усиленнымъ восхваленіемъ Гогенцоллерновъ и стали жестоко нападать на прогрессистовъ, подрывающихъ основы монархическихъ традицій, на которыхъ, будто бы, держится величіе и могущество имперіи. Культъ личности императора возстановляется при помощи общедоступной фразеологіи, которая никому ничего не стоитъ и ничему не вредитъ; заявленія о беззавѣтной преданности повторяются съ сознательнымъ усердіемъ, и этимъ дешевымъ способомъ пріобрѣтаются и крѣпнутъ связи, отъ которыхъ зависитъ многое въ монархическомъ государствѣ. Представители высшихъ классовъ знаютъ по

опыту, что нѣтъ ничего легче и выгоднѣе той роли, которую они себѣ приписываютъ; не требуется никакихъ реальныхъ услугъ или жертвъ для того чтобы считаться опорою престола и отечества, а достаточно лишь сказанныхъ своевременно словъ. Въ печати появляются новые матеріалы для полемики о Вильгельмѣ II, и полемика эта принимаетъ какой-то особый характеръ, который нельзя назвать иначе какъ византійскимъ. Оказывается, что императоръ лично безупреченъ и непогрѣшимъ, и всѣ грѣхи и недостатки его дѣятельности объясняются лишь особенностями прусскаго бюрократизма, заслоняющаго монарха отъ народа. Эта теорія — далеко не оригинальная — излагается довольно пространно въ нашумѣвшей недавно хвалебной книжкѣ Адольфа Штейна о Вильгельмѣ II. Въ широкихъ слояхъ нѣмецкаго населенія эти поверхностные партійно-династическіе споры не находятъ замѣтнаго отголоска, но они очень полезны для предпріимчивыхъ искателей новаго курса въ текущей внутренней политикѣ.

ИЗЪ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

Много толковъ и разговоровъ въ художественной средѣ вызвалъ первый салонъ русскихъ художниковъ, устроенный художественнымъ критикомъ С. Маковскимъ въ красивыхъ и стильныхъ залахъ перваго кадетскаго петербургскаго корпуса, нѣкогда служившаго дворцомъ кн. Меньшикову. С. Маковскому удалось собрать подъ однимъ кровомъ живописцевъ совершенно противоположныхъ художественныхъ лагерей, напримѣръ—Виктора Васнецова и Якулова, Сурикова и Кандинскаго. Цѣль салона—дать картину современнаго художественнаго творчества въ Россіи.

Задача—полная интереса и значенія. Но надо сознаться, что молодому критику справиться съ нею не удалось: картины такого творчества салонъ далеко не представляетъ.

Первое впечатлѣніе салонъ производитъ живое и оригинальное. Правда, можно расходиться кореннымъ образомъ и съ художникомъ, написавшимъ то или другое произведеніе, и съ организаторомъ салона, принявшимъ его. О многомъ хочется горячо поспорить, о многомъ сказать даже нѣсколько рѣзкихъ словъ—и о многомъ, напротивъ, отозваться съ самой лучшей стороны.

Но раньше чѣмъ говорить о самомъ салонѣ, хочется сказать о томъ впечатлѣніи, которое производитъ онъ на публику. Отношеніе ея къ салону скоро опредѣлилось совершенно яснымъ образомъ. Отношеніе это — какое-то недоумѣвающее. Публика, основываясь на газетныхъ замѣткахъ, предполагала путемъ сравненій найти въ салонѣ давно ею искомый мостикъ—отъ нея къ художникамъ. Въ настоящее время (это чувствуется теперь какъ нельзя болѣе ярко) между публикой и художниками лежитъ пропасть громадная. Думали, что салонъ, разъ онъ явится средоточіемъ художниковъ всѣхъ направленій современнаго русскаго искусства, кромѣ уже совершенно отжившаго и потерявшаго какое бы то ни было значеніе и цѣну, представитъ дѣйствительно картину полную художественнаго творчества въ Россіи. Тутъ сами собой напрашиваются вопросы: „Почему же между публикой и художниками лежитъ такая пропасть бездонная, что это за пропасть такая, и отчего публика не понимаетъ художниковъ и самая интересная выставка не даетъ теперь свыше десятка тысячъ посѣтителей, тогда какъ еще недавно выставки въ родѣ передвижной и

такихъ живописцевъ, какъ Верещагинъ, привлекали свыше пятидесяти тысячъ человѣкъ?"

Несомнѣнно, искусство ушло отъ публики. За послѣднее десятилѣтіе русскіе художники шагнули такъ далеко впередъ, что публика осталась отброшенною на немалое разстояніе. И надо сознаться, что немногое предпринималось для того, чтобы приблизить публику къ современному художеству. Получилось теперь такое положеніе: публика чувствуетъ, что старые художники, которые прочно привили въ ней требованіе отъ искусства непремѣнной „пользы", такъ сказать нравоучительнаго разсказа въ краскахъ и линіяхъ, теперь не могутъ удовлетворять ее. Повѣяло другими настроеніями въ искусствѣ, въ которыхъ впереди всего и важнѣе всего исканіе красоты въ индивидуальномъ пониманіи ея художникомъ. Но разобраться въ этихъ настроеніяхъ публика никакъ не можетъ. Она уже не вѣритъ въ молодое русское искусство и начинаетъ утверждать, что нѣтъ никакого новаго искусства, что исканія нашей художественной молодежи—не болѣе и не менѣе, какъ шарлатанство. Публика перестала вѣрить и перестаетъ ходить на выставки. Контингентъ посѣтителей выставокъ въ настоящее время — немногіе любители и знатоки искусства (при чемъ больше лже-любителей и лже-знатоковъ) и свѣтскіе люди, которые въ одинъ день и въ салонѣ побываютъ, и у петербургскихъ художниковъ, и у акварелистовъ, словно отзвонилъ да и съ колокольни долой. Народонаселеніе Петербурга съ половины восьмидесятыхъ годовъ возросло въ два раза—и вдвое же уменьшилось число посѣтителей художественныхъ выставокъ. Недовѣріе къ современному русскому живописному искусству, къ современнымъ нашимъ художникамъ и является той пропастью, которая лежитъ между ними и публикою.

Гдѣ же найти способъ заполнить эту пропасть, какъ перекинуть тотъ тщетно отыскиваемый мостикъ?

Какъ бы въ отвѣтъ, хочу привести слова одного художественнаго критика и художника. Вотъ что говоритъ онъ: „Если намъ (художникамъ) поздно измѣниться, найти одну общую цѣль и сплотиться для ея преслѣдованія (да и намъ, быть можетъ, еще не поздно), то пусть же это сдѣлаютъ тѣ, которые идутъ вслѣдъ за нами. Пусть они не сторонятся общей работы, какъ мы ея сторонились, пусть они соединятъ свои усилія и не боятся утратить во взаимномъ вліяніи характерныя черты отдѣльныхъ личностей. Сила отдѣльной личности важна только постольку, поскольку она способствуетъ общему дѣлу; отдѣльныя откровенія прекрасны и цѣнны только при существованіи общей религіи". Это—слова Александра Бенуа, одного изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ „Міра искусства" и поборника того направ-

ленія, которое проводилось этимъ передовымъ журналомъ. Въ его устахъ сказанное пріобрѣтаетъ особую цѣнность и значеніе. Но только однимъ ли сплоченіемъ, одной ли общей работой можно заполнить ту пропасть, которая существуетъ между нашими художниками и публикой? Думается, что нѣтъ. Не только отъ одного распада художниковъ создалось такое положеніе. Искусство нашихъ дней слишкомъ ушло отъ жизни, слишкомъ оно „обособилось", если такъ можно выразиться. Художники еще сами „ищутъ", трепетно и неувѣренно, а хотятъ, чтобы публика, такъ сильно отставшая отъ нихъ, интересовалась этими исканіями, разбиралась въ нихъ и ихъ понимала. Да и къ тому же среди дѣйствительно ищущихъ художниковъ теперь такая масса квази-художниковъ—всѣ эти Рябушинскіе, Бурлюки со присными (при чемъ „присныхъ" гораздо больше, подавляюще больше, чѣмъ то кажется съ перваго взгляда)—мутной волной влилась въ русское современное живописное искусство, и публика не имѣетъ ни малѣйшей возможности разобраться въ этомъ.

Понятно, что безъ исканій нѣтъ творчества. Искусство, какъ сама жизнь, ни на мгновеніе не остается безъ движенія; оно идетъ все впередъ и впередъ, сбрасывая старыя формы и облекаясь въ новыя. Но если будутъ только одни исканія и ничего положительнаго, если не будетъ ничего стойко и до корня продуманнаго и опредѣленнаго, а одни лишь „нащупыванія" новыхъ формъ, новыхъ красочныхъ и свѣтовыхъ эффектовъ, то какъ же можно ждать со стороны публики иного отношенія къ искусству, какъ такого, которое хотѣлось бы назвать „пассивнымъ непротивленіемъ" крайностямъ въ искусствѣ. Дѣйствительно, публика наша раньше негодовала или смѣялась; только немногіе, ярые западники, горячо отстаивали нашихъ тогдашнихъ новаторовъ въ живописи. Но прошли года: она устала волноваться и явилось на свѣтъ то пассивное отношеніе къ искусству, о которомъ выше шла рѣчь. Да и время, когда раздавались горячіе споры на выставкахъ журнала „Міръ искусства", было иное. Тогда безсознательно, но ясно чувствовалось большинствомъ, что прежніе кумиры устарѣли, что въ ихъ искусствѣ—усталость и сухость, что они перестаютъ удовлетворять требованіямъ художественности. Въ русскомъ живописномъ искусствѣ тогда опредѣленно чувствовался надломъ. И нужны были крѣпкіе удары, чтобы довести этотъ надломъ до конца. Эти удары нанесли тѣ художники, что группировались около редакціи „Міра искусства"; ихъ тогдашнія рѣзкія выступленія и на выставкахъ, и въ своемъ журналѣ всколыхнули общество, зажгли многочисленные споры и разговоры объ искусствѣ; горячо стали ломать копья и за, и противъ ихъ направленія. Черезъ нѣсколько лѣтъ рѣзкости тѣхъ художниковъ сгладились.

Въ настоящій моментъ всѣ эти художники находятся въ цвѣтущей порѣ развитія своего дарованія. Изъ области рѣзкихъ исканій они перешли къ положительной работѣ. И въ самомъ дѣлѣ, вспомнимъ Бенуа, Сомова, Бакста, Константина Коровина и иныхъ имъ близкихъ по духу художниковъ: не сдѣлалось ли ихъ творчество яснѣе, опредѣленнѣе, выдержаннѣе, не приблизилось ли оно къ жизни? Думается, что да. И въ томъ, по нашему разумѣнію, кроется залогъ ихъ теперешняго успѣха; оттого ихъ выставки, выставки „союза русскихъ художниковъ", наиболѣе посѣщаются публикой и привлекаютъ живое вниманіе.

Перекинуть тотъ мостикъ, о которомъ говорилось выше, при такихъ условіяхъ невозможно. У большинства нашихъ молодыхъ художниковъ, притомъ, столько величія (нужды нѣтъ, что театральнаго характера), такой нескрываемой самовлюбленностью и откровеннымъ самодовольствіемъ, такимъ презрѣніемъ къ „непонимающимъ" вѣетъ съ ихъ полотенъ, что пропадаетъ всякая мысль о какихъ-либо нитяхъ между ними и публикой.

Мрачными красками рисуется картина результата подобнаго положенія. Публика останется въ сторонѣ и постепенно почти совершенно перестанетъ ходить на выставки и интересоваться искусствомъ; художникамъ останется работать для самихъ себя. Такой выводъ можетъ показаться утрированнымъ, но, на самомъ дѣлѣ, развѣ мы ужъ такъ далеки отъ него?

Возвращаясь собственно къ салону, въ первую голову хочется поговорить о работахъ Н. К. Рериха. Рерихъ не выставлялъ въ Петербургѣ въ продолженіе пяти лѣтъ. Это очень большой срокъ, особенно для такого художника какъ Рерихъ, находящійся въ самомъ расцвѣтѣ своего таланта. За эти пять лѣтъ Рерихъ не переставалъ усиленно работать и время отъ времени экспонировать за границей, гдѣ его произведенія всегда привлекали самое серьезное вниманіе критики и публики своей оригинальностью, типичностью и высокой художественностью. Мнѣ ужасно жаль, что Рерихъ послѣ столь долгаго перерыва выступилъ не съ самостоятельной выставкой; куда было бы интереснѣе и заманчивѣе, если бы мы получили возможность ознакомиться со всѣми работами Рериха, исполненными за этотъ періодъ времени. Впечатлѣніе получилось бы несравненно болѣе цѣльное и сильное. Но раньше чѣмъ перейти къ тому, что выставилъ Рерихъ въ салонѣ, нужно сказать нѣсколько словъ о творчествѣ этого выдающагося художника. Произведенія Рериха вводятъ насъ въ міръ сѣдой старины, скрытой отъ насъ за гранями вѣковъ. Его произведенія не укладываются ни подъ одно изъ существующихъ теперь въ живописи подраздѣленій: они не могутъ быть отнесены ни къ жанровой, ни

къ пейзажной, ни къ исторической живописи въ современномъ ихъ смыслѣ. Своими работами Рерихъ создалъ новое направленіе, въ которомъ ясно чувствуется стремленіе смягчить и сгладить различіе между отдѣльными родами живописи и привести все къ одному типу. Съ самаго юнаго возраста Рериха манила красота старины. Уроженецъ сѣвера, потомокъ шведскихъ выходцевъ временъ Бирона, Рерихъ рано сталъ рыться въ курганныхъ холмикахъ около своего родового имѣнія и скоро научился понимать нѣмой языкъ памятниковъ и проникновенно воспринимать отъ нихъ то, что̀ передавали они ему. Рериха всегда неотразимо манила къ себѣ старина сѣвера; онъ холоденъ къ старинѣ средней Россіи, къ старинѣ московскаго періода. Рериха влечетъ къ скрытому за далями вѣковъ, за туманностью невыясненнаго, къ тому, что̀ мерещится въ сказаніяхъ и преданіяхъ старины; и въ этомъ черпаетъ Рерихъ сюжеты для своихъ работъ. Въ этихъ работахъ не надо искать частностей, въ нихъ важна только общность. Своимъ удивительнымъ проникновеніемъ въ старину онъ создаетъ картины цѣлой эпохи, а не эпизоды той или иной страницы исторіи. Онъ открываетъ намъ своими работами картины забытой жизни древней славянской земли; эти идолы, заклинанія, волхвованія, совѣты старцевъ, походы угрюмыхъ воиновъ съ узкими щитами, въ ладьяхъ съ красными парусами, эти бои, упорныя и спокойныя постройки городовъ, зловѣщіе вороны на безформенныхъ каменныхъ глыбахъ—все это говоритъ намъ, красиво и торжественно, о безконечно далекомъ прошломъ. Рерихъ—символистъ, и символизмъ его—тихій, величавый, сосредоточенный. Большое значеніе въ развитіи творчества Рериха имѣла его поѣздка по городамъ сѣвера и сѣверо-запада Россіи. У меня въ памяти живо стоитъ выставка этюдовъ, привезенныхъ съ этой поѣздки, этюдовъ полныхъ высокаго художественнаго интереса. Рерихъ вдохнулъ жизнь въ эти массивы осыпающихся стѣнъ старинныхъ кремлей, въ эти вѣковые соборы, башни, хоромы, и передалъ намъ впечатлѣніе той неотразимой красоты древности, которую онъ самъ такъ проникновенно воспринимаетъ. Громадная потеря для русскаго искусства, что всѣ эти этюды пропали безвозвратно, проданные за долги нѣкоего афериста, увезшаго ихъ въ числѣ прочихъ работъ русскихъ художниковъ на выставку въ Санъ-Луи; въ мрачныхъ пакгаузахъ нью-іоркской таможни пошли они съ аукціона. Поѣздка Рериха по городамъ Россіи, попутное ознакомленіе съ мѣстными памятниками христіанскихъ древностей, внимательное изученіе старинной иконописи имѣло на чуткаго и впечатлительнаго художника большое вліяніе. Отъ волхвованій и заклинаній художникъ въ своемъ творчествѣ бросился къ инымъ образамъ, но стремленіе къ религіозной живописи у него было и раньше: оно народилось подъ могучимъ впечатлѣніемъ монумен-

тальнаго и строгаго византійскаго и восточнаго искусства. И Рерихъ, весь въ прошломъ, весь ушедшій въ образы той старины, которой не коснулись иноземныя вліянія,—трепетно и проникновенно воспринимаетъ красоту стародавней религіозной живописи. Ему, глубоко сосредоточенному художнику, удалось тонко воспріять красоту типичной стародавней русской иконописи, нетронутой вліяніемъ заѣзжихъ иностранныхъ мастеровъ.

Въ салонѣ нѣтъ обычнаго гвоздя, но есть центральное по интересу мѣсто—это то, что отведено творчеству Рериха. Въ отдѣльномъ помѣщеніи развернулась передъ нами панорама того, что сдѣлано художникомъ за пять лѣтъ и что онъ не выставлялъ еще въ Петербургѣ. Въ салонѣ—далеко не все, вышедшее изъ мастерской художника за это время, но и то, что есть—результатъ большой и значительный. Ярче другихъ вырисовывается въ памяти небольшая работа Рериха—„Пещное дѣйство". Въ ней чувствуются новыя исканія этого многоликаго въ своемъ творчествѣ художника. Она страшно любопытна по краскамъ. Рерихъ все больше и больше измѣняетъ масляной живописи; его влечетъ акварель, пастэль и темпера. „Пещное дѣйство" исполнено темперой, и художникъ видимо вполнѣ освоился съ новой для него манерой живописи. Сюжетъ „Пещное дѣйство" очень рѣдко встрѣчается въ русской иконописи. Съ этого немногаго Рерихъ собралъ и удивительно тонко воспринялъ самое характерное и типичное, переработалъ, далъ свое настроеніе—и получилось изумительное по силѣ впечатлѣнія произведеніе. Отрадно отмѣтить, что „Пещное дѣйство" пріобрѣтено въ русскій музей императора Александра III-го. Большое полотно Рериха — эскизъ церковной фрески „Сокровище ангеловъ"—производитъ сильное впечатлѣніе; оно выдержано по колориту и композиціи. Сонмы ангеловъ зорко стерегутъ удивительный камень, камень мірозданія. На этомъ камнѣ въ затѣйливомъ рисункѣ выступаетъ изображеніе креста. И бдительно стерегутъ его ангелы, ибо если что случится съ этимъ камнемъ, то наступитъ конецъ міра. Это сильно прочувствованное художникомъ произведеніе привлекаетъ и завораживаетъ своей мистической красотою. Большое художественное значеніе имѣетъ картина Рериха: „Бой". Какое-то жуткое впечатлѣніе производитъ это полотно, такъ строго выдержанное въ оригинальномъ, холодномъ, словно металлическомъ, колоритѣ. Въ немъ съ большой силой и экспрессіей художникъ передаетъ кровавый, чуть что не рукопашный бой съ сошедшихся почти бокъ о бокъ ладей съ узкими красными косыми парусами. Удалось художнику и это волнующееся море, и тяжелое мрачное небо съ зловѣщими мятущимися тучами.

Въ пейзажной части работъ Рериха всегда много воздуха и

шири. тутъ особенно ярко сказывается вліяніе такого мастера, какъ А. И. Куинджи, совѣтами и указаніями котораго Рерихъ немало пользовался. Характерно, что Рериха больше всего влечетъ холодная и суровая природа Финляндіи; въ его этюдахъ чувствуется, какъ вѣрно понялъ и воспринялъ художникъ типичную красоту сѣвера. Въ одной изъ своихъ замѣтокъ о Финляндіи Рерихъ какъ-то писалъ: „Въ горахъ безконечныхъ, въ озерахъ неожиданныхъ, въ порогахъ каменистыхъ, живетъ прекрасная сѣверная сказка"—и Рерихъ внимательно слушаетъ, что ворожитъ она ему. Много прекраснаго выходитъ изъ-подъ его кисти подъ обаяніемъ этой сказки. Особенно понравились изъ пейзажей Рериха „Сѣдая Финляндія", „Пунка-Харью", „Туманъ"... Удивительно характерна для творчества Рериха „Змѣевка"; много силы и настроенія въ „Славянахъ на Днѣпрѣ". Тонко и любопытно написана „Ярилина долина". Въ рядѣ эскизовъ къ „Валькиріи" Рерихъ наиболѣе оригиналенъ въ томъ, которымъ изображаетъ жилище Хундинга. Надверное панно „Бой", воспроизведенное мозаикой единственной у насъ художественно-мозаической мастерской В. Фролова, не нравится по краскамъ, но какъ-то чувствуется, что тутъ вина больше мозаичиста, не подошедшаго къ Рериховскому колориту. Иллюстраціи къ произведеніямъ Метерлинка холодны, словно нарочито придуманы и не привлекаютъ къ себѣ особливаго вниманія. Въ общемъ же, повторяемъ, что произведенія Рериха—самое значительное въ салонѣ.

Удивительно слабы въ салонѣ всѣ участники выставокъ „Союза русскихъ художниковъ". Даже Сѣровъ, этотъ изумительный мастеръ, одинъ изъ крупнѣйшихъ современныхъ русскихъ художниковъ, котораго мы недостаточно еще оцѣнили и полюбили, далъ въ салонъ мало интересныя вещи, если не считать „Выѣзда императрицы Екатерины II-й". Но въ этой работѣ на историческую тему и слѣда нѣтъ той мощи, того обаянія, что такъ выдвинули прошлогоднее произведеніе Сѣрова: „Петръ I-й", которое почти полнымъ молчаніемъ, не замѣтивъ, обошла наша критика. Рядъ портретныхъ работъ Сѣрова не то что слабъ, а какъ-то вялъ; чувствуется, особенно въ портретѣ Позднякова, что художникъ не увлекался своими работами и не глубоко продумалъ ихъ. Единственное, что вспоминаешь съ большимъ интересомъ изъ всего выставленнаго Сѣровымъ въ салонѣ, это незначительный въ сущности, но полный прелести и жизни портретный набросокъ какой-то дѣвчушки.

И не одинъ Сѣровъ оставляетъ досадное впечатлѣніе. Такъ напримѣръ, немало разговоровъ вызвалъ еще до открытія салона Головинъ, своимъ портретомъ Шаляпина въ роли Олоферна. Ожиданіямъ не суждено было оправдаться. Портретъ Шаляпина очень деко-

ративенъ (даже пожалуй слишкомъ декоративенъ), но Шаляпина—такого выпуклаго, такого характернаго въ этой роли—не увидать въ работѣ Головина. Запечатлѣлся знаменитый жестъ артиста — копія ассирійскихъ памятниковъ стѣпописи — и только. Но маяченіе этой руки скоро становится тяжелымъ. Затѣмъ, непонятенъ и страненъ свѣтильникъ у изголовья Олеферна, и пламя этого свѣтильника ни на чемъ не отражается. Не удался Головину и портретъ какого-то господина въ сюртукѣ. Единственное, что интересно—это глубоко продуманные и характерные эскизы къ постановкѣ „Мертваго города“ Д'Аннунціо. Еще слабѣе этихъ двухъ художниковъ Александръ Бенуа. Трудно молвить про молодого, сравнительно, художника, но такъ и срывается съ языка слово сожалѣнія о томъ, что художникъ усталъ. Только усталостью можно объяснить у этого, всегда отличнаго по техникѣ, художника такіе промахи въ рисункѣ, какъ, напримѣръ, въ его „Парадѣ при Павлѣ I-мъ“ или въ „Похищеніи Прозерпины“. Въ первой картинѣ—фигуры всадниковъ и солдатъ, во второй—этотъ ужасный амуръ справа вверху, страшно рѣжутъ глазъ. Непонятно также, какъ художникъ могъ допустить такую нехудожественную и неклассичную фигуру, какъ фигуру Аполлона въ его „Аполлонъ и Дафна“. А между тѣмъ не будь этихъ небрежностей, непростительныхъ для Бенуа, его вещи несомнѣнно привлекли бы серьезное вниманіе. Напримѣръ, въ „Парадѣ“ есть настроеніе, она привлекательна своей раскраской и общей выдержанностью. Версальскіе виды Александра Бенуа начинаютъ прискучивать.—Раньше, чѣмъ попасть въ салонъ, большое полотно Бакста было выставлено въ послѣднемъ парижскомъ салонѣ и имѣло тамъ, судя по газетнымъ вырѣзкамъ, столь положительный успѣхъ, что его называли гвоздемъ салона. Можно только удивляться экспансивности французскихъ критиковъ, а съ другой стороны — подумать о томъ, что уровень салоновъ не такъ высокъ, разъ работа Бакста могла считаться гвоздемъ. Дѣйствительно, парижскіе салоны за послѣдніе года сильно упали въ художественномъ уровнѣ.

То, что Бакстъ выступилъ съ такой нехарактерной и неинтересной вещью, какъ „Terror antiquus“—особенно важно. Дѣло въ томъ, что ни одинъ изъ современныхъ нашихъ художниковъ до сей поры настолько не установился еще, какъ именно Бакстъ. Постоянно мятущійся, постоянно увлекающійся то одной, то другой манерой, онъ никакъ не можетъ остановиться на томъ, что ближе всего для него, какъ для художника большого дарованія (это внѣ сомнѣній), чуткаго и культурнаго, а именно на декоративной живописи. Года Бакста не молодые, не года однихъ юношескихъ порывовъ и исканій. Ему пора найти самого себя; иначе недалеко то время, когда это будетъ

уже поздно, и безъ конца, по мелочамъ разбросается художникъ. „Terror antiquus“ прежде всего лишенъ элемента ужаса. Его нѣтъ. Въ этой работѣ чувствуется что-то такое поверхностное, глубоко непродуманное, что совершенно заслоняетъ собой и интересно задуманную композицію, и отличную технику исполненія.

У Билибина любопытны и исторически отлично выдержаны костюмы для постановки въ Парижѣ оперы Мусоргскаго „Борисъ Годуновъ“. Но вотъ что хочется тутъ замѣтить. За послѣднее время (съ легкой руки Ап. Васнецова) наши художники глубоко черпнули въ старинныхъ матеріалахъ, рисункахъ, чертежахъ, планахъ, снимкахъ и т. д. Плохого въ томъ, конечно, ничего бы не было, если бы художники тщательно переработывали находимый ими матеріалъ. А то въ нѣкоторыхъ работахъ (какъ напр. въ только что упомянутыхъ рисункахъ Билибина) художники ужъ очень „протокольны“; получается впечатлѣніе „кальки“, что особенно рѣжетъ глазъ лицамъ хотя поверхностно исторически образованнымъ. Художники какъ будто думаютъ, что только имъ однимъ извѣстны тѣ матеріалы, гдѣ черпаютъ они для себя нужное. Не стоитъ говорить о корнваллійскихъ этюдахъ Билибина—такъ они незначительны.

Крупный шагъ впередъ у даровитаго художника — Кустодіева. Его портретъ г-жи Романовой, красивый и живописный, особенно интересенъ какъ показатель того, что художникъ все больше и больше избавляется отъ коренного недостатка своего творчества—нѣкоторой темноты колорита. Единственное, что можно поставить художнику въ укоръ въ этомъ портретѣ, безусловно хорошемъ, это „мягкость“ исполненія; хотѣлось бы видѣть въ техникѣ работъ многообѣщающаго художника больше опредѣленности и силы. Привлекательны пейзажи Богаевскаго. Его упрекаютъ въ увлеченіи Пуссэномъ и Клодомъ Лорреномъ. Что-жъ, пускай и такъ. Плохого въ томъ вижу мало. Увлекаясь ими, молодой художникъ не перестаетъ быть глубоко оригинальнымъ; его произведенія такъ прочувствованны и такъ художественны, что о Пуссэнѣ и Клодѣ Лорренѣ и не вспоминаешь даже. Понравился „Фонтанъ“ Гауша. Къ сожалѣнію, мы еще сравнительно мало знакомы съ тонкимъ дарованіемъ этого художника; въ его творчествѣ такъ много интимности, задушевности, какой-то удивительной поэтичной нѣжности. Жаль, что этотъ строго относящійся къ себѣ художникъ выставляетъ всегда немного.

Вспоминаются еще работы Добужинскаго (особенно его „Петръ“—онъ немножко „гротескъ“, но очень любопытенъ), Малютина, двѣ изумительныя по техникѣ вещицы Сомова (какъ очарователенъ его „Фейерверокъ“), эскизы къ постановкѣ трагедіи гр. А. Толстого „Царь Ѳедоръ“ Стеллецкаго, пейзажъ Юона, декоративный проектъ

военно-историческаго музея въ Петербургѣ В. А. Покровскаго, бронза Аронсона, кое-что изъ мрамора Судьбинина. Что касается остальныхъ, то — мимо. Мимо этихъ ломающихся Явленскихъ, Кандинскихъ, Канчаловскихъ, Якуловыхъ, Шитовыхъ, графическихъ работъ Евсеева, Веревкиныхъ, Чурлянисовъ, мимо! Гримасничая и паясничая, кто во что гораздъ, мня себя какими-то послѣдователями Сезанна, имѣя только „отъ Сезанна" (какъ теперь любятъ говорить о „молодомъ" нашемъ живописномъ искусствѣ) и ничего „отъ Бога", „отъ истиннаго дарованія", они уперлись въ тупикъ, изъ котораго нѣтъ выхода. И своимъ безконечнымъ кривляньемъ они застилаютъ и тѣхъ, въ чьихъ работахъ есть несомнѣнныя исканія, трепетныя нащупыванія, если такъ можно сказать, новыхъ формъ и линій. Такіе художники въ салонѣ—Сапуновъ, Судейкинъ, Петровъ-Водкинъ и Денисовъ.

Такъ вспоминается первый русскій салонъ.

Ив. Лазаревскій.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ

1 марта 1909.

„Успокоеніе", „реформы" и междувѣдомственная коммиссія для оздоровленія Петербурга.—Слухи о порядкѣ направленія проекта университетскаго устава.—„Обновленіе" на началахъ свободы „въ лучшемъ смыслѣ слова" и „кухаркины дѣти".—Общественное движеніе противъ смертной казни. — Лига борьбы. — Членъ Государственной Думы, присужденный къ мѣсячному аресту. — Баронъ Г. О. Гинцбургъ †.

Если бы нужна была иллюстрація, обнаруживающая со всѣмъ блескомъ внутреннее противорѣчіе въ формулѣ: „сперва успокоеніе—потомъ реформы", то невозможно было бы ничего выдумать лучше внесеннаго въ совѣтъ министровъ проекта „главныхъ основаній закона объ устройствѣ канализаціи и улучшеніи водоснабженія въ С.-Петербургѣ". Что въ Петербургѣ настоятельно необходимо устроить канализацію и улучшить водоснабженіе—это не составляетъ даже вопроса. Это—потребность, завѣренная такимъ фактомъ, какъ холера. Но способъ, который избрало правительство для достиженія цѣли, повторяетъ истину, старую, если не какъ міръ, то какъ бюрократическій режимъ: „чѣмъ ближе успокоеніе, тѣмъ дальше реформы".

Россія — засвидѣтельствовалъ въ Думѣ 11 февраля П. А. Столыпинъ, — хотя медленно, но выздоравливаетъ. „Мы, правительство,— говорилъ онъ, — мы строимъ только лѣса, которые облегчаютъ вамъ строительство". Лѣса, по его мысли, — исключительныя положенія, пріемы политическаго сыска, казни, словомъ, все то, что ведетъ къ успокоенію и выздоровленію страны. „Лѣса эти—закончилъ рѣчь предсѣдатель совѣта министровъ — неминуемо рухнутъ и, можетъ быть, задавятъ и насъ подъ своими развалинами, но пусть, пусть это будетъ тогда, когда изъ-за ихъ обломковъ будетъ уже видно, по крайней мѣрѣ въ главныхъ очертаніяхъ, зданіе обновленной, свободной, свободной въ лучшемъ смыслѣ этого слова, свободной отъ нищеты, отъ невѣжества, отъ безправія, преданной, какъ одинъ человѣкъ, своему Государю, Россіи. И время это наступаетъ, и оно наступитъ, не смотря ни на какія разоблаченія, такъ какъ на нашей сторонѣ не только сила, но на нашей сторонѣ и правда"...

Итакъ, по авторитетному заявленію главы правительства, „успокоеніе" уже настолько стало близкимъ, что онъ говоритъ, какъ о

чемъ-то *наступающемъ* и долженствующемъ непремѣнно наступить, о моментѣ, когда рухнутъ ежедневно еще поливаемые кровью лѣса и когда опредѣлятся очертанія обновленной Россіи. Но это—слова. А дѣла — проектъ образованія междувѣдомственной коммиссіи для выполненія обязанностей, возложенныхъ закономъ на городское общественное управленіе,—закономъ, созданнымъ тогда, когда конституція и правовой строй были предметомъ запретныхъ мечтаній. Даже тогда правительство признавало, что заботы о благоустройствѣ городовъ должны быть предоставлены самодѣятельности органовъ самоуправленія. А теперь, провидя воплотившееся въ жизнь обновленіе — обновленіе на конституціонныхъ началахъ, — конституціонное министерство готовится нанести жестокій ударъ той самой идеѣ, которая наиболѣе глубоко заложена въ отсроченное впредь до успокоенія обновленіе. И оно готовится нанести ударъ не тамъ, гдѣ „аргументами" служатъ „бомбы" и „браунинги", а въ области дѣлъ, не имѣющихъ ничего общаго съ революціоннымъ терроромъ.

Петербургская городская дума десятки лѣтъ ведетъ праздные разговоры о канализаціи и о проведеніи здоровой воды. Во время разгара холерной эпидеміи дума отсутствовала. Сложившему, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, обязанности предсѣдателя санитарной коммиссіи, г. Оппенгейму, петербургская дума объявила благодарность. Все это факты, характеризующіе то, что извѣстно не со вчерашняго дня. Все это лишь въ сотый разъ засвидѣтельствовало, что городскія думы изъ крупныхъ домовладѣльцевъ, при существующемъ избирательномъ законѣ, при системѣ опеки, въ условіяхъ которой не могъ воспитаться другой типъ городского гласнаго, и при крайней ограниченности источниковъ обложенія на мѣстныя нужды, не стоятъ на высотѣ положенія. Съ другой стороны, мѣры къ оздоровленію столицы должны быть приняты безотлагательно. Какой же слѣдуетъ отсюда логическій выводъ? Какой выводъ дѣлался тогда, когда не наступало „успокоенія", когда, напротивъ, царило „безпокойство" о „правильномъ ходѣ государственной жизни"? Не будемъ приводить выводы „лѣвыхъ листковъ" и партійныхъ программъ: приведемъ выводъ Высочайшаго указа отъ 12 декабря 1904 года. „Обозрѣвая— гласилъ указъ — обширную область дальнѣйшихъ народныхъ потребностей, Мы, для упроченія правильнаго въ отечествѣ Нашемъ хода государственной жизни, признаемъ *неотложнымъ*:... 2) предоставить земскимъ и городскимъ учрежденіямъ возможно широкое участіе въ завѣдываніи различными сторонами мѣстнаго благоустройства, даровавъ имъ для сего необходимую въ законныхъ предѣлахъ самостоятельность, и призвать къ дѣятельности въ этихъ учрежде-

28*

ніяхъ, на однородныхъ основаніяхъ, представителей всѣхъ частей заинтересованнаго въ мѣстныхъ дѣлахъ населенія".

Такъ намѣчалъ средства упорядоченія городскихъ дѣлъ монархъ, въ то время неограниченный. А конституціонное министерство, спустя четыре года, въ теченіе которыхъ оно, во имя „успокоенія", все дальше и дальше отодвигало „реформы", — столкнувшись съ неотложной потребностью оздоровленія Петербурга и непригодностью аппарата, именуемаго городскимъ общественнымъ управленіемъ, вноситъ проектъ не о преобразованіи этого аппарата, а объ изъятіи изъ его рукъ того, для чего онъ созданъ. „Мы, правительство, строимъ только лѣса, которые облегчатъ *вамъ* строительство!" Въ отношеніи жизни общегосударственной „вамъ"—Государственной Думѣ. Въ отношеніи жизни мѣстной „вамъ" — органамъ мѣстнаго самоуправленія. Иначе нельзя понимать слова П. А. Столыпина. Какъ же назвать, какъ не полнымъ ихъ отрицаніемъ, принятіе исполнительною властью на себя мѣръ для оздоровленія Петербурга? Даже не мысли В. К. Плеве слышатся въ проектѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, а мысли гр. Д. А. Толстого и Д. С. Сипягина.

„На правительствѣ лежитъ обязанность принимать мѣры къ огражденію народнаго здравія". Этой оговоркой „совершенно частная" газета „Россія" (№ 990) мотивируетъ утвержденіе, что „единственнымъ исходомъ изъ создавшейся необходимости безотлагательнаго осуществленія разсматриваемаго дѣла является непосредственное вмѣшательство въ него правительства". Не чувствуется ли въ этомъ мотивѣ, что правительство—объединенное министерство—въ сущности считаетъ своей задачей строить отнюдь не временные лѣса для зданія, а само зданіе, и что оно смотритъ на себя, какъ на созидательный факторъ государственной жизни, стоящій надъ народной самодѣятельностью? Съ прямолинейной откровенностью эту точку зрѣнія проводилъ въ отношеніи органовъ самоуправленія бюрократъ до мозга костей, гр. Д. А. Толстой. На ней же основывалъ свои сложныя теоретическія разсужденія Д. С. Сипягинъ, пытавшійся создать институтъ земскихъ гласныхъ по назначенію и ввѣрить завѣдываніе мѣстными нуждами земству изъ чиновниковъ и такихъ гласныхъ. Министерство П. А. Столыпина, руководствуясь ею, порѣшило, въ порядкѣ 87-ой статьи, съ аграрнымъ вопросомъ. Но то была не столько „реформа", сколько актъ „успокоенія". Настало „успокоеніе"— и оно рѣшило отнять у общественной самодѣятельности дѣло, чуждое всякой политики.

На ряду съ мотивомъ принципіальнымъ, „Россія" выставляетъ слѣдующіе мотивы фактическаго характера: во-первыхъ, „ясно выраженное отрицательное отношеніе" петербургской городской думы къ дѣлу

водоснабженія и канализаціи; во-вторыхъ, отсутствіе у города средствъ; въ-третьихъ, безотлагательность принятія мѣръ для оздоровленія Петербурга. Что касается безотлагательности, то нельзя не отмѣтить, что проектъ понимаетъ ее весьма условно. По проекту предполагается обязать междувѣдомственную коммиссію „въ кратчайшій срокъ, *и не далѣе 3-хъ лѣтъ*, установить наиболѣе пригодный для С.-Петербурга типъ канализаціи, способовъ очистки сточныхъ водъ и уничтоженія отбросовъ, составленіе общаго типа проектируемыхъ сооруженій, разработку правилъ домовой канализаціи, выясненіе мѣръ обезпеченія города хорошей питьевой водой, разработку проекта водопровода, установленіе источниковъ водоснабженія, составленіе финансоваго плана проектируемыхъ сооруженій, опредѣленіе ихъ общей стоимости, изысканіе источниковъ средствъ на ихъ сооруженіе" и т. д. Слѣдовательно, безотлагательность отнесена къ подготовительнымъ работамъ, а не къ устройству канализаціи и новой водопроводной сѣти. И на эти подготовительныя работы отведено три года — срокъ, полагаемъ, вполнѣ достаточный для проведенія въ жизнь Высочайшей воли, выраженной 12 декабря 1904 г. Неужели невозможно въ теченіе трехъ лѣтъ реформировать городское общественное управленіе? Если же возможно, то падаетъ самъ собою первый аргументъ — отношеніе городской думы нынѣшняго состава къ канализаціи и водоснабженію.

Свободныхъ 120 милліоновъ рублей, потребныхъ на оздоровленіе Петербурга, нѣтъ у города, но нѣтъ и у государственнаго казначейства. Безъ займа ни городу, ни казнѣ не обойтись. Почему же, если дѣло не можетъ быть совершено иначе, какъ путемъ займа, осуществленіе его должно быть произведено бюрократическимъ порядкомъ, а не распоряженіемъ органовъ самоуправленія? Если считать данное соображеніе за аргументъ, то придется поставить вопросъ: почему правительство допустило, что городъ устроилъ въ Петербургѣ трамвай и будетъ строить охтенскій и дворцовый мосты и больницу имени Петра I? Сооруженія эти одни—построены, другія—предположено строить за счетъ займовъ. Такъ почему же въ однихъ случаяхъ отсутствіе у города наличныхъ средствъ не служитъ поводомъ ограниченія его компетенціи, а въ примѣненіи къ канализаціи и водоснабженію является мотивомъ такого ограниченія?... Очевидно, не въ фактическихъ мотивахъ дѣло. Дѣло въ томъ, что, отдавшись „успокоенію" въ настоящемъ во имя „реформъ" въ будущемъ, правительство само не замѣтило, какъ вернулось назадъ — къ мысли, что оно во всемъ всемогуще и что только оно можетъ успѣшно удовлетворять потребности, хотя бы онѣ касались не общегосударственныхъ, а мѣстныхъ интересовъ. Междувѣдомственная коммиссія съ участіемъ делегатовъ отъ петербургской городской думы *лучше*, чѣмъ дума, спра-

вится съ канализаціей и съ водоснабженіемъ: слишкомъ ясно, что именно этотъ единственный мотивъ подсказалъ рѣшеніе правительства.

Нельзя отрицать, что нормальное разрѣшеніе такъ остро поставленнаго для Петербурга холерою вопроса встрѣтило бы чрезвычайно трудно устранимыя препятствія. Двѣ сессіи Государственной Думы 3 іюня и столь тщательно подобранный составъ Государственнаго Совѣта краснорѣчиво показали, что даже при полномъ желаніи министерства едва ли возможно провести черезъ дѣйствующій законодательный аппаратъ хотя какую бы то ни было прогрессивную реформу. За всю первую сессію третьей Думы ею былъ принятъ только одинъ законопроектъ, имѣющій характеръ реформы не въ духѣ регресса—проектъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи. И онъ безнадежно застрялъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Другой однородный проектъ, составленный министерствомъ юстиціи для второй Думы,—о защитѣ на предварительномъ слѣдствіи,—на дняхъ отвергнутъ думской коммиссіей и, по всей вѣроятности, будетъ вслѣдъ за коммиссіей отвергнутъ и Думой. Октябризмъ послушенъ министерству во всемъ, что имѣетъ тягу вправо—къ „успокоенію", къ „истинной" „не подрумяненной" свободѣ. Въ отношеніи же реформъ, хотя бы въ духѣ указа 12 декабря—о бо́льшемъ не приходится мечтать!—если бы министерство сдѣлало попытку встать на этотъ путь, октябризмъ оказался бы между послушаніемъ министерству и надминистерскимъ вѣяніемъ. Въ Думѣ отъ октябристовъ потребовали бы оплаты векселей крайніе и умѣренные правые. Въ Государственномъ Совѣтѣ правое большинство нашло бы десятки способовъ застопорить каждую реформу.

Нельзя не признать, что законъ 3 іюня и система назначеній въ Государственный Совѣтъ создали безвыходное положеніе — тупикъ. Проектъ образованія междувѣдомственной коммиссіи для устройства канализаціи и водоснабженія въ Петербургѣ имѣетъ въ настоящій моментъ всѣ шансы стать закономъ. А новое городовое положеніе, построенное, согласно указу 12 декабря, на началахъ самостоятельности органовъ самоуправленія и на расширенномъ избирательномъ правѣ—нѣтъ. Къ этому не могла не привести формула „сперва успокоеніе—потомъ реформы"—и привела. Но развѣ это оправдываетъ возвратъ къ тому, что осуждено не революціей, а сорокъ почти лѣтъ назадъ—городовымъ положеніемъ 1870 г. и опытомъ веденія мѣстнаго хозяйства въ неземскихъ губерніяхъ?

Ходятъ упорные слухи, что министерство намѣрено во что бы то ни стало къ началу будущаго учебнаго года, т.-е. къ сентябрю, обратить въ законъ проектъ новаго университетскаго устава. Сначала го-

ворили, что проектъ въ ближайшіе дни будетъ внесенъ въ Думу съ тѣмъ, чтобы Дума немедленно приступила къ его разсмотрѣнію. Затѣмъ стали передавать, что министерство проекта въ Думу не внесетъ, а выждетъ наступленія лѣтнихъ вакацій и какъ мѣру, вызванную „чрезвычайными“ обстоятельствами, проведетъ его въ порядкѣ 87-ой статьи основныхъ законовъ. Въ „Рѣчи“ 12 февраля (№ 41) было напечатано, что изъ совѣта министровъ проектъ, въ виду замѣчаній министра финансовъ и государственнаго контролера, возвращенъ для переработки А. Н. Шварцу. Если такъ, то вѣроятность, что съ осени университеты получатъ новый уставъ въ нормальномъ законодательномъ порядкѣ, дѣлается ничтожной. Но что они его получатъ въ порядкѣ сверхнормальномъ — эта вѣроятность остается во всей своей силѣ. Труденъ только первый шагъ. А онъ уже сдѣланъ во время рождественскаго перерыва занятій Думы въ отношеніи штатовъ министерства путей сообщенія. Если, по убѣжденію министерства, на его сторонѣ не только сила, но и „правда“, и если оно использовало 87-ую ст. основныхъ законовъ для торжества „правды“ въ сохраненіи, вопреки волѣ Думы, жалованья за чиновниками, — то почему не использовать того же способа обойти законодательныя учрежденія для торжества „правды“, заключенной въ проектѣ университетскаго устава?

Мы коснемся одного уголка этой „правды“. Проектъ упраздняетъ систему гонораровъ и устанавляетъ единство во взносѣ студентами денегъ за слушаніе лекцій. Теперь студенты вносятъ: 50 р. въ годъ въ пользу университета и около 40—50 р. въ пользу профессоровъ. Упраздненіе послѣдняго рода взносовъ едва ли можетъ вызывать возраженія. Система гонораровъ, кромѣ ея тяжести для студентовъ, создаетъ крайнюю неравномѣрность въ оплатѣ профессорскаго труда. На однихъ факультетахъ и въ однихъ университетахъ профессора получаютъ, сверхъ жалованья, десятки рублей гонорара, а на другихъ факультетахъ и въ другихъ университетахъ—тысячи. Но, лишая этихъ послѣднихъ получаемыхъ ими тысячъ, проектъ опредѣляетъ годовой взносъ студентовъ въ 150 рублей. При этомъ освобожденіе отъ платы тоже упраздняется. И изъ студенческихъ взносовъ, по проекту, лишь половина поступаетъ въ спеціальныя средства университетовъ, а другая зачисляется въ доходъ казны.

Заканчивая свою извѣстную рѣчь въ засѣданіи Государственной Думы 10 іюня прошлаго года, А. Н. Шварцъ говорилъ о политикѣ, которой намѣрено держаться министерство народнаго просвѣщенія „въ послѣдующемъ“, т.-е. о томъ содержаніи, которое оно предполагаетъ влить въ „реформу“ низшаго, средняго и высшаго образованія. Вотъ его слова: „Вы знаете изъ моихъ прежнихъ объясненій, что я

сторонникъ, горячій сторонникъ всеобщаго обученія и что въ этомъ отношеніи мною будетъ сдѣлано все для удовлетворенія того, что̀ вы желаете. Но что касается среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, то тутъ, *можетъ быть*, надо будетъ впослѣдствіи еще кое въ чемъ согласиться. До сихъ поръ, начиная съ генералъ-адъютанта Ванновскаго, пожалуй и Боголѣпова, господствовало убѣжденіе въ необходимости для Россіи возможно бо̀льшаго числа лицъ, пріобщенныхъ такъ или иначе къ высшему научному образованію. О необходимости этого, конечно, никто спорить не будетъ, но пути достиженія могутъ быть различны. Генералъ-адъютантомъ Ванновскимъ проектировалась школа возможно легкая, возможно доступная для всѣхъ и приспособленная къ самымъ заурряднымъ способностямъ; въ новѣйшее время для достиженія этой цѣли проектировалось также пониженіе еще болѣе уровня учащихся, допустивъ въ университетъ всѣхъ обучавшихся въ какомъ бы то ни было среднемъ учебномъ заведеніи и даже, horribile dictu, пониженіе уровня учащихъ. Вотъ это воззрѣніе, по моему глубокому убѣжденію, есть воззрѣніе ошибочное. Высшее научное образованіе не можетъ быть удѣломъ *всѣхъ*"... „Къ высшему знанію, по моему убѣжденію, должна быть открыта дорога для всѣхъ, но она не можетъ быть изъ-за этого необходимо предоставляема всѣмъ"... „Давать *каждому* невозбранный доступъ непремѣнно пріобщить его къ наукамъ и знанію, которыхъ онъ, по своей подготовкѣ, съ пользой для дѣла, усвоить не можетъ, въ этомъ надобности нѣтъ. Иными словами, доступность знанія не должна влечь за собой обезцѣненіе этого знанія, вульгаризацію его, пониженіе его цѣнности"...

Кто слышалъ и кто читалъ эти слова и кому дорого будущее родины, въ лицѣ будущихъ ея гражданъ, у тѣхъ съ давящей болью отозвались они на сердцѣ. Изъ-за нихъ почувствовалось возрожденіе политики Д. А. Толстого и послышался знаменитый циркуляръ о „кухаркиныхъ сыновьяхъ". Но тогда не хотѣлось отдаваться впечатлѣнію. Тогда хотѣлось вѣрить въ смягчающія: „можетъ быть" и „о необходимости этого, конечно, никто спорить не будетъ". Тогда хотѣлось думать, что министръ говорилъ о вульгаризаціи знанія не въ смыслѣ „пріобщенія" къ высшей школѣ „кухаркиныхъ дѣтей", а въ смыслѣ допущенія въ университеты хотя бы „дѣтей генеральскихъ", но не обладающихъ способностями и недостаточно научно подготовленныхъ. Оказалось, что самыя крайнія опасенія были не напрасны. Стопятидесяти-рублевая плата, съ воспрещеніемъ освобожденія отъ нея, конечно, бьетъ не по тѣмъ юношамъ, которые, по своей подготовкѣ, не могутъ, съ пользой для дѣла, усвоить научныя знанія, а по людямъ бѣднымъ, хотя бы они были блестящихъ дарованій. Проектъ показалъ, что „всѣ" и „каждый", чьимъ удѣломъ не

можетъ быть высшее научное образованіе, въ устахъ министра народнаго просвѣщенія были именно „кухаркины дѣти“.

Въ высшей школѣ несомнѣнно наступило „успокоеніе“. Наступило время и для „обновленія на началахъ свободы“ въ лучшемъ смыслѣ слова“—для „реформы“, отбрасывающей школу къ до-боголѣповскому періоду ея жизни. Запретъ „кухаркинымъ дѣтямъ“ стучаться въ двери высшей школы готовится перейти изъ циркуляра въ законъ—въ органическій университетскій статутъ, обѣщанный указомъ 27 августа 1905 года... Въ петербургскомъ университетѣ до десяти тысячъ студентовъ. Если всѣ они останутся, то они будутъ вносить на нужды государства семь съ половиною милліоновъ рублей въ годъ. Не государство въ „реформированномъ“ строѣ высшей школы будетъ нести жертвы на дѣло просвѣщенія, а школа станетъ источникомъ государственныхъ доходовъ... Такова „правда“, которую готовится принести „успокоеніе“...

Въ № 25 „Нашей Газеты“ напечатанъ документъ, о существованіи котораго уже нѣсколько мѣсяцевъ ходили толки, отчасти проникавшіе въ печать. Документъ этотъ — обращеніе къ русскому обществу съ призывомъ бороться противъ смертной казни. Обращеніе имѣетъ болѣе 250 подписей, принадлежащихъ представителямъ науки, литературы и искусства, бывшимъ и настоящимъ членамъ Думы, адвокатамъ, врачамъ, артистамъ.

„Не съ политическимъ манифестомъ—такъ начинается документъ—или партійнымъ воззваніемъ обращаемся мы къ русскому обществу. Мы говоримъ во имя человѣческаго, только человѣческаго. Мы обращаемся ко всѣмъ русскимъ гражданамъ и гражданкамъ безъ различія вѣроисповѣданія, общественнаго положенія, степени образованія, политическихъ убѣжденій—обращаемся съ призывомъ направить всѣ свои нравственныя силы и вліяніе на борьбу противъ ужаса нашихъ дней—смертной казни, ибо всѣмъ намъ равно мучительна та поденщина кровавыхъ впечатлѣній, которая, вотъ уже три года, стала трагической повинностью всѣхъ русскихъ людей“...

Далѣе, въ текстѣ сильно составленнаго обращенія вопросъ освѣщается преимущественно со стороны моральной, со стороны обнаружившагося уже вліянія тысячъ казней на народные нравы. „На нашихъ глазахъ совершается нѣчто еще болѣе страшное, чѣмъ отвратительное, жестокое и унизительное для каждаго изъ насъ удавленіе людей на основаніи закона... Смертная казнь—это самое вѣрное и испытанное средство извращенія нравственнаго чувства человѣка, надежный способъ разрушенія общественной морали и путь къ одичанію страны. Нельзя безнаказанно изо дня въ день на

глазахъ у толпы понижать цѣнность человѣческой жизни!.. У всѣхъ на виду вопіющіе результаты этого методическаго пониженія цѣнности человѣческой жизни, такъ ярко сказавшіеся въ неслыханномъ до сихъ поръ ростѣ убійствъ, самоубійствъ и, наконецъ, въ томъ страшномъ безучастіи, съ какимъ общество относится къ ежедневной кровавой хроникѣ смертныхъ казней, достигающихъ кошмарной цифры болѣе 100 казней въ мѣсяцъ!!! Кровь льется на эшафотѣ будто бы ради печальной необходимости даннаго историческаго момента... но она брызжетъ далеко за предѣлы его, пятная будущее Россіи и отравляя жизнь грядущихъ поколѣній"...

„Даже самымъ непримиримымъ противникамъ революціи, оправдывающимъ всѣ средства борьбы съ нею, казалось, должно бы быть ясно, что нелѣпо и преступно приносить въ жертву обманчивому успѣху сегодняшней репрессіи—завтрашнее благополучіе отечества, надежды страны на лучшее будущее и то абсолютное моральное благо, которое не принадлежитъ ни реакціи, ни революціи, а всей націи въ ея совокупности, и которое именуется уваженіемъ къ личности человѣка и признаніемъ безусловной и безотносительной цѣнности человѣческой жизни".

„Общество должно напоминать власти, что ея первая и главнѣйшая обязанность—сохранить и пронести хотя бы черезъ самыя бурныя и тревожныя политическія переживанія тѣ культурныя цѣнности, которыя не ей принадлежатъ, а всей странѣ, и составляютъ историческое наслѣдіе послѣдней. Этого достоянія правительство не въ правѣ расточать и оно не должно ни для какихъ цѣлей и ни по какому поводу понижать культурный уровень народа и развращать его".

Правительство должно памятовать также, что, идя этой кровавой стезей, на которую оно нынѣ вступило, оно въ корнѣ разрушаетъ самое существо государственной власти, ибо разрушаетъ тѣ основные принципы права и справедливости, на которые должна опираться всякая власть... „Въ сознаніи великой отвѣтственности передъ потомствомъ и родиной, съ глубокимъ и совершеннымъ убѣжденіемъ въ святой правотѣ нашего дѣла, мы обращаемся ко всѣмъ безъ исключенія соотечественникамъ нашимъ съ призывомъ исполнить свой гражданскій долгъ, долгъ человѣка"...

Въ видѣ иллюстраціи къ приведеннымъ словамъ обращенія, не можемъ не отмѣтить разсказа И. П. Бѣлоконскаго, напечатаннаго въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 29). Разсказъ названъ: „Воспитаніе гражданъ", и въ немъ съ эпической простотой излагается, какъ изъ „бѣднаго мужиченки" деревни Гнилуши, Антона Ковриги, выработался профессіональный палачъ и какъ затѣмъ его однодеревенцы пришли въ тюрьму искать „работы" за три синенькихъ съ повѣшеннаго.

Нужда и нищета выгнали Антона въ городъ. Заработка онъ не нашелъ, попался въ воровствѣ и оказался на три мѣсяца въ тюрьмѣ. Недѣли черезъ двѣ послѣ его заключенія въ городѣ начались засѣданія военнаго суда, который въ короткое время вынесъ пятьдесятъ смертныхъ приговоровъ. Людей стали вѣшать на тюремномъ дворѣ. „Первая казнь, совершенная ранней зарей, произвела ошеломляющее впечатлѣніе не только на всѣхъ заключенныхъ, но и на надзирателей, и на Антона"... „Много меньшее впечатлѣніе произвела вторая казнь, третья—еще меньше"... „Мало-по-малу нервы у всѣхъ настолько притупились, вѣшаніе сдѣлалось настолько обыденнымъ, привычнымъ явленіемъ, что мысль арестантовъ заработала совсѣмъ въ иномъ направленіи. Палачъ, который въ первое время вызывалъ самую искреннюю ненависть, такъ что тюремное начальство должно было охранять его отъ убійства, вдругъ сдѣлался предметомъ зависти".

Путемъ несложныхъ разсужденій, Антонъ пришелъ къ мысли, что „работа" палача—такая же, какъ и всякая другая, и что она отличается только безпримѣрной выгодностью. Онъ „скинулъ" съ цѣны, которую получалъ прежній палачъ, обязался заплатить надзирателю по пяти рублей съ казненнаго и договорился вѣшать за тридцать рублей... Съ никогда имъ невиданнымъ капиталомъ въ семьсотъ-пятьдесятъ рублей онъ вышелъ изъ тюрьмы. Дорогой въ деревню, въ вагонѣ, его стали было мучить сомнѣнія. Но онъ вспомнилъ: у висѣлицы онъ видѣлъ начальство, видѣлъ священника. „Неужели священникъ могъ присутствовать при совершеніи грѣха"?.. Менѣе мучительно, однако, сомнѣнія, все-таки, вернулись и дома. Онъ пошелъ на исповѣдь. Священникъ ужаснулся, услыхавъ о его покаяніи, но отвѣта, грѣхъ ли онъ совершилъ, не далъ. На отказѣ священника дать отвѣтъ Антонъ успокоился. Священникъ тоже волновался недолго, ибо скоро рѣшилъ, что надо спросить по начальству—„у отца благочиннаго". Сосѣди Антона, когда до нихъ дошло, что онъ „висѣльникъ", сначала возмутились и стали его сторониться. Но... онъ купилъ лошадь, онъ принялся строить новую избу. Подобно тому, какъ у арестантовъ въ тюрьмѣ, и у нихъ мысль заработала „совсѣмъ въ иномъ направленіи". Они начали завидовать счастью Антона и пошли проситься въ палачи... Развѣ не съ жизни срисованъ этотъ разсказъ?..

Практическое предложеніе авторовъ обращенія— образовать „всероссійскую лигу борьбы противъ смертной казни, имени Л. Н. Толстого". Конечно, послѣ того какъ Думою перваго созыва былъ принятъ единогласно, а Думою второго созыва—подавляющимъ большинствомъ голосовъ *законопроектъ* объ отмѣнѣ смертной казни, странно даже говорить объ образованіи „лиги борьбы", какъ о предложеніи

практическаго свойства на пути къ прекращенію казней. Но что же дѣлать? Что можно придумать другого? Въ вопросѣ о смертной казни, о законодательной ея отмѣнѣ, реакція отбросила насъ въ тѣ условія, при которыхъ рѣчь можетъ идти лишь о созданіи общественнаго движенія вокругъ вопроса. Если иниціаторамъ движенія удастся хоть нѣсколько обострить притупленное отношеніе общества къ ежедневнымъ казнямъ и поднять въ глазахъ народа падающую все ниже и ниже цѣну человѣческой жизни, то и въ такомъ случаѣ ихъ усилія не будутъ безцѣльны. Съ другой стороны, какъ бы своеобразно ни понимало правительство „правду", имъ самимъ отличаемую отъ „силы", какъ бы ни была непроницаема стѣна, отдѣляющая третью Думу отъ русскаго народа, идейное общественное движеніе и общественное мнѣніе,—все-таки, могучіе факторы государственной жизни, дѣйствующіе медленно, но вѣрно. Вотъ почему мы горячо привѣтствуемъ починъ лицъ, выработавшихъ проектъ устава „лиги борьбы противъ смертной казни" и представившихъ его, въ качествѣ учредителей, въ петербургское городское объ обществахъ присутствіе [1]).

Цѣль лиги, какъ сказано въ проектѣ, заключается въ „распространеніи идеи о необходимости законодательной отмѣны смертной казни". Съ этой цѣлью лига собираетъ данныя по вопросу о примѣненіи смертной казни какъ въ Россіи, такъ и за границей, и о вліяніи примѣненія ея на развитіе преступности и на общественные нравы; издаетъ книги, брошюры, періодическія изданія, посвященныя задачамъ общества; обсуждаетъ доклады и сообщенія по вопросамъ, связаннымъ съ задачами общества. Членами лиги могутъ быть лица, предложенныя къ избранію двумя ея членами, избранныя правленіемъ и внесшія годовой взносъ въ размѣрѣ одного рубля.

Далѣе въ проектъ включено все то, что должно находиться въ уставахъ согласно правиламъ объ обществахъ и союзахъ. Составители проекта сдѣлали все возможное, чтобы устранить препятствія къ легализаціи лиги. Въ этихъ видахъ они внесли оговорку, что „членами общества не могутъ быть учащіеся и несовершеннолѣтніе", и отказались связать лигу съ именемъ великаго писателя. Они помнили, что не далѣе, какъ прошлой весной, слова въ заголовкѣ: „имени Л. Н. Толстого", дали поводъ петербургскому присутствію отвергнуть регистрацію литературнаго общества. И, все-таки, будетъ гораздо большей неожиданностью, если присутствіе признаетъ за лигой право на открытое легальное существованіе, чѣмъ если оно ей этого права не

[1]) Лица эти: Н. Ѳ. Анненскій, А. Ѳ. Бабянскій, А. В. Васильевъ, М. М. Ковалевскій, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, Е. В. Лаврова, Л. И. Лутугинъ, Н. Н. Львовъ, В. А. Маклаковъ, В. Д. Набоковъ, С. Н. Прокоповичъ, Н. Д. Соколовъ, кн. Г. Д. Сидамоновъ-Эристовъ, А. И. Шингаревъ и М. М. Ѳедоровъ.

дастъ. Опытъ уже достаточно засвидѣтельствовалъ, что присутствія такъ изощрились изыскивать формальныя основанія для отказа въ регистраціи обществъ, что никакая предусмотрительность и осторожность тутъ не спасутъ.

Движеніе захватило и круги молодежи. Въ Петербургѣ образовалась „обще-студенческая лига борьбы съ смертной казнью", организаціонный комитетъ которой вывѣсилъ во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ воззваніе слѣдующаго содержанія („Правда Жизни", № 12):

„Товарищи, къ какой бы партіи мы ни принадлежали и какихъ бы религіозныхъ воззрѣній ни придерживались, но одно для насъ всѣхъ ясно: — смертная казнь жестока, ненужна, противна человѣческой природѣ...

„Молчать нельзя...

„Пусть и на этотъ разъ учащаяся молодежь, всегда чуткая и отзывчивая, подыметъ свой голосъ въ защиту драгоцѣннѣйшаго права человѣка—права на жизнь...

„Общестуденческая лига борьбы съ смертной казнью ставитъ себѣ цѣлью сорганизовать протестъ противъ этого вопіющаго зла, и организаціонный комитетъ лиги, откладывая на время рѣшеніе вопросовъ по организаціи, обращается ко всѣмъ противникамъ смертной казни съ предложеніемъ давать свои подписи подъ этимъ воззваніемъ, надѣясь, что подъ дружнымъ и могучимъ натискомъ общественнаго мнѣнія разсѣется кровавый туманъ, окутавшій нашу родину"...

Привыкшій, подъ покровомъ депутатской безотвѣтственности, къ безвозбранному сквернословію въ Думѣ, г. Пуришкевичъ вынесъ сквернословіе изъ Думы за ея стѣны. Въ конвертѣ съ печатнымъ обозначеніемъ: „По Государственной Думѣ", на бланкѣ: „Таврическій дворецъ" и за подписью: „Депутатъ Влад. Пуришкевичъ", онъ прислалъ А. П. Философовой письмо, подобное которому навѣрное никогда не выходило изъ стѣнъ дворца князя Потемкина: „Позвольте выразить, сударыня, вамъ чувства глубочайшаго удовлетворенія по поводу закрытія величайшаго всероссійскаго *духовнаго б . . . . ка* (passez moi le mot, но вѣдь вы за всеобщ., прям., равн. и тайн., а мы, плебеи, народъ все грубый),—какимъ былъ всероссійскій женскій съѣздъ.

„Читалъ и изумлялся, сколько безсемейной должно быть трухи развелось въ Россіи, если ей понадобилось такъ много времени для языкоблудія".

А. П. Философова отвѣтила на письмо единственно достойнымъ образомъ. Она подала на г. Пуришкевича жалобу мировому судьѣ.

Какъ и подобаетъ сквернослову, почтенный бессарабскій депутатъ и дворянинъ, онъ же предсѣдатель главной палаты союза Михаила Архангела и онъ же разсылающій запросы губернаторамъ и прокурорамъ, испугался и прислалъ А. П. Философовой новое письмо, въ которомъ, прячась за извинительную форму, повторилъ оскорбленія. „Узнавъ изъ газетъ — писалъ въ этомъ письмѣ г. Пуришкевичъ — о томъ впечатлѣніи, которое произвели на васъ нѣкоторыя выраженія моего письма къ вамъ отъ 17 декабря прошлаго года, задѣвшія, повидимому, вашу женскую стыдливость, долгомъ считаю увѣрить васъ въ полномъ моемъ нежеланіи оскорбить васъ, какъ женщину. Я былъ далекъ отъ мысли, что оскорбленіе могло имѣть тутъ мѣсто, зная, что вы отрицаете тѣ гарантіи, которыми цивилизованныя общества окружаютъ женщину, и считаете положеніе мужчины себѣ по плечу (нынѣ брань въ ходу). Видя свою и вашу ошибку, съ удовольствіемъ констатирую фактомъ привлеченія меня къ суду, что у васъ слова расходятся съ дѣломъ (хотя вы обидѣлись на 47-й день по полученіи моего письма, но, тѣмъ не менѣе, обидѣлись!). Прошу васъ принять всяческія мои извиненія и дѣлаю это съ тѣмъ большею готовностью, что на вашемъ примѣрѣ вижу лишнее доказательство правоты моего взгляда на противоестественность проповѣдуемыхъ вами идей (даже вы не выдержали практическаго ихъ примѣненія). Да, Анна Павловна, какъ бы нравственно ни пыталась искалѣчить себя женщина, — она все-таки останется женщиной, и ваша непослѣдовательность лучшее сему доказательство".

Мы намѣренно привели полностью оба письма г. Пуришкевича. Дальше въ самой крайней разнузданности, кажется, уже некуда идти. Всѣ газеты единодушно ихъ оцѣнили. Мировой судья приговорилъ г. Пуришкевича къ аресту на мѣсяцъ. Только одни товарищи по думской фракціи уклонились отъ сужденія о его поступкѣ. Предсѣдатель Думы распорядился убрать изъ залъ Таврическаго дворца бумагу и конверты съ бланками. Но развѣ все это можетъ пронять такого „истинно-русскаго" спасителя отечества, какимъ прославилъ себя г. Пуришкевичъ? На другой день послѣ приговора онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, сидѣлъ въ Думѣ и по своему обыкновенію перебивалъ ораторовъ неприличными и оскорбительными замѣчаніями.

Говорятъ, что г. Пуришкевичъ—неврастеникъ въ высшей степени, больной человѣкъ. На это мѣтко отвѣтилъ въ камерѣ судьи повѣренный А. П. Философовой, О. О. Грузенбергъ: „его болѣзнь такого рода, что ее скорѣе могутъ разгадать не психіатры, а тюрьмовѣды". И совершенно правъ В. Д. Набоковъ, который, развивая мысль О. О. Грузенберга, писалъ („Рѣчь", № 42): „Послѣдовательный и настойчивый характеръ „выступленій г. Пуришкевича свидѣтельствуетъ о

томъ, что „буйный товарищъ“ Н. А. Хомякова вполнѣ сознательно стремится къ опредѣленной цѣли. Крикливая взвинченность и кажущаяся импульсивность его словъ и поступковъ — лишь внѣшняя маска, скрывающая хладнокровный и циническій разсчетъ. Цѣлый рядъ примѣровъ подтверждаетъ, что въ лицѣ бессарабскаго депутата мы вовсе не имѣемъ дѣло съ полусумасшедшимъ маніакомъ, утратившимъ самообладаніе и способность ко вмѣненію. И, конечно, глубоко ошибаются тѣ, кто готовъ отнестись къ г. Пуришкевичу съ презрительнымъ добродушіемъ, видя въ немъ только гороховаго шута, никѣмъ въ серьезъ не принимаемаго. Именно подъ сѣнью этого добродушія пышно распускается дѣятельность, направленная къ ясной и опредѣленной цѣли“.

Въ печати прошло мало отмѣченнымъ, что г. Пуришкевичъ вызвалъ и со стороны крайнихъ правыхъ желаніе найти способъ для его обузданія. За нѣсколько дней до разбора его дѣла мировымъ судьей, мы прочли въ газетахъ слѣдующую замѣтку: „На-дняхъ В. М. Пуришкевичъ получилъ отъ бессарабскаго предводителя дворянства письмо съ приложеніемъ прошенія товарища предсѣдателя Гос. Думы Волконскаго къ нему, предводителю дворянства. Дѣло заключается въ слѣдующемъ. Пуришкевичъ написалъ въ „Колоколѣ“ статью, гдѣ назвалъ „поддужными Дубровина“ нѣсколькихъ лицъ, въ томъ числѣ князя Волконскаго. Когда князь Волконскій и депутатъ Балаклѣевъ хотѣли объясниться съ Пуришкевичемъ, послѣдній отвѣтилъ имъ бранью. Такою же бранью отвѣтилъ Пуришкевичъ и на предложеніе дуэли, сдѣланное Волконскимъ. Послѣ этого товарищъ предсѣдателя Гос. Думы обратился къ бессарабскому предводителю дворянства съ ходатайствомъ „образумить дворянина Владиміра Пуришкевича, который роняетъ и топчетъ въ грязь званіе дворянина“.

Если признавать, что сохраняетъ внутренній смыслъ законъ о правѣ дворянства исключать изъ собраній своихъ дворянина, „котораго явный и безчестный поступокъ всѣмъ извѣстенъ“, и если считать, что тоже есть внутренній смыслъ въ ограниченіи политическихъ правъ, въ частности права участвовать въ выборахъ и быть членомъ Думы, для дворянъ, исключенныхъ изъ собраній,—то едва ли можно найти другой болѣе подходящій поводъ для примѣненія 165 ст. IX т. св. зак., какъ поступокъ г. Пуришкевича въ отношеніи А. П. Философовой. Что оскорбленіе женщины, окруженной такимъ всеобщимъ заслуженнымъ уваженіемъ, есть поступокъ безчестный—въ этомъ не можетъ быть сомнѣній. Что „образумить“ г. Пуришкевича невозможно, а надо обуздать,—это слишкомъ ясно засвидѣтельствовала вся дѣятельность „буйнаго товарища“ Н. А. Хомякова. И, наконецъ, исключеніе изъ дворянскаго собранія есть единственный способъ, которымъ

можетъ быть снято съ г. Пуришкевича такъ униженное имъ званіе члена Государственной Думы. Своеобразную расправу предсказываетъ г. Пуришкевичу издатель „Гражданина". „Г. Пуришкевичъ—пишетъ кн. Мещерскій,—несомнѣнно, нуждается въ леченіи своей нервной болѣзни, ибо въ области выходокъ à la Половцовъ, простительныхъ только пьянымъ или сумасшедшимъ, онъ идетъ все crescendo, не понимая ни того, что онъ роняетъ свою партію (если она есть) все ниже и ниже, ни того, что онъ наконецъ нарвется на такого противника, который не дуэль ему предложитъ, а тутъ же, въ присутствіи всей Думы, его накажетъ такъ, какъ наказываютъ невоспитанныхъ и дерзкихъ мальчишекъ".

Скончался баронъ Горацій Осиповичъ Гинцбургъ—человѣкъ рѣдкой души, исключительно добрый и хорошій. Еще недавно покойный занималъ особо видное положеніе въ финансовомъ мірѣ. Послѣдніе годы онъ стоялъ въ сторонѣ отъ дѣлъ и всецѣло отдавалъ себя помощи нуждающимся. Не найти благотворительнаго начинанія, въ которомъ такъ или иначе онъ не принималъ бы участія. Къ нему шли и единовѣрцы-евреи, и христіане. Всѣ, кто лично зналъ его, не могли къ нему не относиться съ искренней любовью и съ глубокимъ уваженіемъ. Миръ его праху!...

Издатель М. М. Ковалевскій. Редакторъ К. К. Арсеньевъ.